

18+

Арсен Ревазов
ОДИНОЧЕСТВО-12

КНИГА I **БРАТСТВО**
КНИГА II **БРИЛЛИАНТ**

CoRpus

“Одиночество-12”, безусловно,
следует считать колоссальным успехом.

ГАЛИНА ЮЗЕФОВИЧ

t.me/marketologmanager

Арсен Ревазов

Одиночество-12

Роман

* * *

© А. Ревазов, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021 Издательство CORPUS®

Книга I

Братство

Глава первая

Прогулка по квартире

Иногда, прогуливаясь с телефоном в руке по квартире, я представляю себя человеком, который получил задание родиться еще раз. Кем-то вроде агента спецслужб. Я воображаю, как меня высаживают с корабля на маленький скутер в двадцати километрах от берега где-то на Филиппинах или на Карибах.

В кармане плавок (у меня плавки с карманом на молнии) – кредитная карточка с неограниченным покрытием, пятьсот долларов, запечатанные в полиэтилен, и автомобильные права, выписанные во Флориде.

Во Флориде, как я узнал, права дают всем подряд. Я сам, не выезжая за пределы Москвы, получил эти права за триста долларов через какую-то адвокатскую контору.

И вот я, газуя по полной, мужественно проплываю заданную дистанцию и высаживаюсь на берег километрах в двух от пляжа. По страшной жаре, пешком я добираюсь до цивилизации. Два километра я вполне способен пройти по камням. Даже с моим выраженным неумением преодолевать физические трудности. На пляже я покупаю холодное пиво, сандалии, шорты, майку, крем от обгорания и прихожу в себя.

Уф...

Ближе к закату ядвигаюсь в город, где сначала снимаю номер в пятизвездочном отеле, а потом иду покупать самое необходимое. Одежду, часы, дорожную сумку, зубную щетку. И конечно, смартфон.

Я возвращаюсь в гостиницу в надежде, что шпионам предоставляют гостиницу с быстрым вайфаем, и, с облегчением убедившись, что так и есть, закачиваю на смартфон из облака всю мою музыку, три десятка хороших важных книг, из которых я половину уже прочел, но пообещал себе перечитать, а за вторую половину никак не могу взяться. Заодно, чуть задумавшись, я поступаю по отношению к книгам подло: я закачиваю пару сезонов последнего сериала, пью

двойной виски в ночном баре и иду спать. Сегодня у меня был тяжелый день. Завтра надо приступать к выполнению задания.

На этом месте моя система воображения дает сбой. Следующий день я представляю себе довольно туманно. Я приблизительно знаю, как потратить первую половину дня. Надо снять машину в *Hertz* или *Avis*, выйти на связь и доложить о выполнении первого этапа задания.

Но что делать во второй половине дня, я уже вообразить не могу. Ну хорошо, обед в экзотическом ресторане. А потом?

Какое там у меня задание? И кто вообще может взять в секретные агенты такого человека, как я? Сколько проживет спецслужба, если она будет выдавать раздолбаям кредитные карточки с неограниченным покрытием и отправлять их на край света развлекаться?

Система воображения угрожает зависнуть, как слабоумный компьютер. Хорошо. Меняем версию. Теперь у меня нет задания. Но оно было. Смертельно сложное. И я его успешно выполнил. А теперь скрываюсь от тех сильных и злых людей, которых я переиграл, доведя этим до совершенного бешенства. Отныне я в изгнании. И теперь бог знает когда мне доведется увидеть моих родителей, женщин и друзей.

Я уже не директор и совладелец маленького пиар-агентства, состоящего из меня, трех менеджеров и одной референ-точки – и при этом еле сводящего концы с концами. Я в розыске. Меня ищет то ли Интерпол, то ли солнцевские, то ли ЦРУ, то ли ФСБ. Может, я очень помешал не одной из этих контор, а сразу несколькими. Например, ФСБ, Моссаду и Ми-6. Или Ми-5. Кто там из них круче?

Очевидно, я наступил на ногу и ЦРУ, и ФБР. Иначе бы меня прикрывала их Федеральная служба защиты свидетелей.

Как романтично и увлекательно! А если в стандартах этой новой жизни (анонимность, пляжи, коралловые острова, отели, перелеты, книги, сериалы) я все-таки, как Гораций, «исчезну не совсем»? Если я найду способ связаться с верными друзьями и подругами? С Антоном, Мотей, Химиком и Машей. А вдруг Маша меня навестит?!

Тогда мы пойдем на дискотеку под тропическим небом. Над нами повиснут гирлянды ярких лампочек, заброшенных на пальмы. Мы будем пить цветные коктейли на берегу океана. А редкая, особенно наглая волна будет дотягиваться до нас теплыми брызгами. А потом вернемся в номер, умирая от восторга и устаревших лет на двадцать пять *Gipsy Kings*.

Bamboleo bambolea

Porque mi vida yo la prefiero vivir así

No tienes perdón de Dios

«Потому что это моя жизнь и я предпочитаю прожить ее именно так, не прося прощения у Бога».

Гулять по моей маленькой московской квартире – как по тюремной камере: приходится часто менять направление движения, чтобы не наткнуться на стены. В одну из них как раз стучат соседи. Полпервого. Я подхожу к системе и выключаю *Gipsy Kings*. Я уже устал от полной нерелевантности моего воображения. И вообще устал.

Я осторожно трясую головой, чтоб освободиться от этого бреда. Без психоаналитика понимаю, что устал, обломался, что деньги на аренду офиса придется опять занимать.

Я вспоминаю, в каких именно словах предпоследний клиент высказал сегодня недовольство моим агентством и мной лично. И от этих слов у меня на душе противно. Поэтому и появляется эскапизм. Или эскейпизм. У кого как.

Можно посмотреть футбол или хоккей на спортивных каналах, но там сегодня нет ничего интересного. Поэтому лучше всего пойти спать. Чтобы крепче спалось, можно выпить виски. Потом взять Довлатова и под него заснуть. Я обычно так и поступаю.

Сегодняшний вечер напоминал последнюю тысячу предыдущих. Я достал бутылку «Джеймисона» и плеснул в стакан настоящий двойной. В моем понимании, а не в понимании этих жлобов в ночных клубах.

Иногда я жалею, что я не алкоголик. Алкоголик – это человек, который точно знает, чего он хочет. Я – не знаю. Иногда я хочу денег, иногда семейного счастья, иногда неземной любви, иногда выпить с

друзьями, иногда просто выпить. «Сестрица! Вина и фруктов! – Точнее, братец? – стакан водки и огурец!»

Если оглянуться на мои тридцать с лишним, то понятно, что агентство, успешно балансирующее на грани банкротства вот уже который год и состоящее из пяти человек, включая меня, – это мой потолок. Но он не такой уж низкий. Я – главный менеджер и один из акционеров (второй и настоящий акционер агентства, мужественно покрывающий его убытки, – это мой близкий друг Матвей).

Подумаешь, нет денег! У некоторых нет ни денег, ни агентства. А кто-то вообще голодает. Или умирает от несчастной любви. По отдельности, разумеется. Или голод, или несчастная любовь. Второй случай – как раз мой. Разве что я не умираю от нее, а просто мучаюсь.

Зато у некоторых моих знакомых есть все: счастливая семья, деньги, дети, модная тусовка. Мне плевать. Если к моим недостаткам прибавится зависть, я превращусь в монстра.

Я выпил еще виски, потом еще, потом понял, что уже не могу воспринимать новости по CNN адекватно. Ну какое мне дело до выборов в Восточном Тиморе? Я даже не понял, какое дело до этих выборов CNN. Из телевизионной картинки я вынес, что этот Тимор находится между Австралией и Индонезией, ничуть не возбудился от этого факта и собрался идти спать.

Когда я чищу зубы, в зеркало на себя я стараюсь не смотреть. Хотя некоторые женщины говорили мне, что во мне что-то есть... Ну не знаю. А что им было говорить? Что сегодня больше не с кем?

Мне, кстати, всегда было интересно, что думают женщины, глядя на меня. Я даже спрашивал нескольких. Так слепому интересно, как он выглядит со стороны. Ответы были какие-то невразумительно-официальные. А моя любимая девушка Маша, та самая, к которой у меня несчастная любовь, сказала однажды, что, когда она на меня смотрит, она думает, что я – это не я. Офигеть.

Под эти невеселые мысли я заснул. Мне, как обычно, ничего не приснилось.

Ты уже знаешь?

Разбудил меня мой сотовый. Взглянув на часы, я сообразил, что это не с работы – в восемь утра у нас еще никого в офисе нет. Я посмотрел на высветившееся имя *Матвей* и хрипловатым удивленным голосом сказал: «Да».

Мотя, богатый, крутой и ленивый, никогда не просыпается в такое время. Трубка помолчала в ответ на мое «да», хотя связь, кажется, установилась.

– Привет, Иосиф, – сказала наконец трубка.

– Да, Мотя, – сказал я трубке, не поднося ее к уху, а рассматривая в упор. – Что-нибудь случилось?

– Ты уже знаешь про Химику? – спросил Матвей странным голосом.

В его интонации сквозила еле уловимая неестественная торжественность. Как на похоронах.

– **Нет.** Что такое?

Голос Матвея впрыснул мне адреналина. Я моментально проснулся и вскочил с кровати.

– Химик умер.

Конец первой главы

Глава вторая

Добрый и грустный

У нас в компании пока никто не умирал, хотя мы были уже немолоды. Жизнь текла себе и текла. Мы влюблялись и любили, пили, гуляли, а в перерывах – работали.

Иногда мы даже дрались, но не умирали. Нет, мы были знакомы со смертью не только по боевикам и фильмам про войну, мы иногда хоронили тех, кто был заметно старше. Но нас самих как-то пока Бог миловал.

– Что? Как? – воскликнул я, просто чтобы сказать хотя бы что-нибудь.

– Мне позвонила только что Лиля. Она сказала, что у него что-то с головой.

– Что? Кто?

– Ничего не знаю. Она не в себе. Еду туда, к ним.

– Она дома?

– Дома. Вызвала ментов. Антон тоже едет. Жду тебя там.

– Понял. Еду.

– А я вот ни хрена не понял, – сказал Мотя и повесил трубку.

Я почему-то решил, что должен приехать туда раньше Антона, нашего четвертого друга, и Моти. Или несильно позже. Поэтому, подгоняя себя, поплелся на ватных ногах в ванну.

Химика в миру звали Илья Донской. Как следовало из прозвища, он отличался глубокими познаниями в области химических реакций, мог из подручных средств синтезировать гексоген, LSD или цианистый калий, что неудивительно для выпускника химфака МГУ. То есть я не уверен, что он и вправду сумел бы это сделать, но на вопросы, которые мы задавали, прикалываясь, – как именно можно приготовить в домашних условиях взрывчатку или яд, – он отвечал аргументированно и очень убедительно.

Долговязый, с бородой и усами а-ля Джон Леннон образца шестьдесят девятого года, Химик долгое время носил длинные волосы.

Не так давно он их, правда, остриг, выбрив себе на затылке маленький смешной треугольник.

Он женился на бурятке-ламаистке Лиле (дочь питерского профессора микробиологии решила вернуться к истокам своего народа) и, возможно благодаря Леннону, увлекался психоделиками и галлюциногенами. Я помнил рассказ про его первый опыт с LSD.

– Старик, – говорил он, – ну вот представь себе объемные обои. Обои, которые на стене. Вот ты лежишь и половиной сознания понимаешь, что эти обои объемные. Что у них заметный рельеф, и если ты потрогаешь их пальцами, ты это обязательно почувствуешь. И девушка, которая лежит рядом с тобой, понимает. И тоже этому удивляется. Ты набираешься сил, поднимаешься с постели, трогаешь их рукой, а они... плоские. Но она тебе не верит. Тоже поднимается, трогает. Да что за черт! Плоские. Хотя вы оба все еще подозреваете, что они объемные. Такая фигня. Забавно иметь два независимых параллельных сознания. И понимать, что у твоей девушки их тоже два. Причем запараллеленных в одну и ту же сторону, так что вместе получается четыре. Очень забавно.

Героин Химик не пробовал ни разу. Кокаин и траву презирал за лобовой эффект. Словом, под определение классического наркомана он, конечно, не подпадал. Несколько лет назад, начитавшись Пелевина и Кастанеды, Химик подсел на мухоморы. Начал намекать на тайные знания. Потом к грибам добавился калипсол. Или кетамин, что одно и то же. И я услышал от Химика, что вокруг нас существует настоящий параллельный мир, а вход в этот мир обеспечивают специальные препараты, которые, с его точки зрения, повышают чувствительность мозга к разным неочевидным явлениям. Словом, трансцендентальная философия с химическим уклоном захватила его, причем нельзя сказать, чтобы от этого у него поехала крыша. Химик совершенно не настаивал на том, что калипсол передает некие тайные знания, и не пытался посадить нас на него. Он оставался таким, каким всегда был: добрым, с умными и грустными, как у спаниеля, глазами.

Мы все очень любили Химика за позитивность и готовность сочувствовать, а его работа главным экспертом в *MNJ Pharmaceuticals* вызывала у нас легкое благоговение. Человеку платили деньги за чистые знания, а не за искусство управлять рабочими процессами. Или, еще хуже, за умение воровать и делиться!

Недавно он составил мне протекцию, и я получил несколько скромных заказов от его концерна на продвижение рецептурных препаратов.

Это было всего месяц назад. Умирать Химик явно не собирался. Наоборот, собирался ехать вместе с Лилей в Японию – в какой-то дзен-буддистский монастырь на севере. И был озабочен получением японской визы.

Зачем ему сдался этот монастырь, Химик объяснял невнятно. Вроде бы там лучше знают, как устроен этот мир. Ну, трансцендентальность – она и в Японии трансцендентальность.

Чем отрезают голову?

Я сел за руль, хотя выпил вчера немало. Через битый час нервных московских пробок, чуть не столкнувшись во дворе с выезжающей скорой помощью, я звонил в домофон Химика и Лили. Дверь в квартиру была открыта. Оказалось, что Мотя с Антоном еще не приехали. Меня встретила окаменевшая Лиля; внутри находились еще двое, у которых на лицах было написано, что они из органов. Невзрачные пиджаки, темные мятые рубашки без галстуков, нечищенные ботинки. Один из них заполнял какие-то бланки, другой ходил по квартире и трогал разные предметы, стоящие на полках. На груди у него висела мыльница. При виде меня он оживился.

– Вы кто будете? – спросил он, не здороваясь.

– Я – знакомый. А что случилось?

Мне всегда было страшно дерзить органам, даже чуть-чуть. Поэтому я не ответил ему в тон и на всякий случай приуменьшил близость наших отношений с Химиком. Хотя какой там знакомый? Химик был нам настоящим другом.

– Вот разбираемся. Погиб ваш знакомый.

– Отчего?

– Голову ему отрезали!

– Как голову? Чем?

Я почувствовал себя плохо и сел на табуретку.

– А чем голову отрезают?

– Не знаю. Трамваем?

– Ножом.

У меня что-то резко засосало под ложечкой, и тут же начало немного подташнивать. Я повернулся к Лиле.

– Что происходит?

Полицейские тоже повернулись к Лиле.

– Я вернулась из Питера от родителей. Утренним поездом. – Она посмотрела на билет, лежащий на столе перед следователем. – Захожу в квартиру. Илья лежит на кровати. Без головы. Голова отрезана. Руки скрещены на груди. В руках церковная свечка. Новая. В смысле незажженная. Я позвонила в скорую и Матвею. Начала искать голову. Мне почему-то показалось, что если я ее найду, то... В общем, неважно. Не нашла. Они забрали голову с собой. Приехала скорая и вот эти. – Она кивнула на ментов. – Илюшу забрали сразу. Только сфотографировали.

Лиля говорила очень медленно и очень тихо. Мне показалось, что у нее во рту совершенно пересохло и стакан воды ей бы помог. Оба мента внимательно слушали. Я налил стакан воды и поставил перед ней.

– Матвей сейчас будет. С Антоном.

– Спасибо. – Она благодарила не то за стакан, не то за наше участие.

– Лиля, кто это мог сделать? Сатанисты какие-нибудь?

– Я не знаю.

– Но этого же не может быть, какое отношение...

– Я не знаю.

– Молодой человек, давайте пока подождем с вопросами! Ваши документы можно посмотреть?

Следователь, который до сих пор был погружен в криминальную стенографию, уставился на меня бесцветным взглядом.

Я уже было протянул Писателю права, но тут на пороге появились Матвей и Антон. Я даже рот не успел открыть, как Писатель бросил свои бумажки, сделал полуоборот на табуретке и почти закричал на меня:

– Уважаемый господин! Прошу вас помолчать!!! И посидеть спокойно тут в сторонке!!!

После чего вдруг сменил тон на отечески-приветливый.

– А вы, молодые люди, кем покойному приходитесь? И друг другу, кстати?

– Можно посмотреть на ваши документы? – совершенно ледяным голосом произнес в ответ Мотя.

Менты выразительно посмотрели друг на друга. Мотя не менее выразительно скрестил руки на груди и нахмурил темно-рыжие брови.

Я почувствовал перевес сил в нашу пользу. Мотя был специалистом по разборкам с силовыми структурами, как легальными, типа ментов, так и не совсем легальными, типа бандитов. Мотя умел и даже, я бы сказал, любил иметь с ними дело.

Я мог бы не задумываясь перечислить десяток историй, в которых Матвей вел себя не просто нагло, а совершенно отмороженно. Например, когда нас не пускали на какую-то закрытую вечеринку и охранник сообщил Моте, что нас нет в списке, не совсем тем голосом, который показался Моте соответствующим моменту, тем более что в списке мы были, Мотя спокойно сказал охраннику: «Отойди в сторону, это не наш список». Охранник, естественно, не отошел, а фыркнул Моте в лицо: «Какой еще ваш список?», а потом совершил непоправимую ошибку, довольно грубо оттолкнув Мотю, чтобы освободить проход для других гостей. «Наш список – список Шиндлера», – задумчиво сообщил Мотя охраннику, после чего резко и точно ударил охранника головой в нос, разбив его в кровь. Охранник упал как подкошенный, а Мотя осторожно перешагнул через него и жестом пригласил нас войти. Когда прибежали начальник охраны и другие сотрудники клуба, Мотя пожал плечами и сказал просто: «Он первый начал». К моему удивлению, этой фразы хватило для того, чтобы скандал оказался исчерпанным. Возможно, именно благодаря этой мрачной решительности Моте удалось построить свои бизнесы и не прогнуться ни под силовиков, ни под других бандитов.

Единственной слабостью Моти были женщины. Где-то примерно раз в год-полтора Мотя безнадежно влюблялся. Причем вкус его определялся не красотой или умом объекта любви, а исключительно его недоступностью. Чем тверже и увереннее Моте отказывали, тем сильнее у него разгорались чувства.

Как я понимаю, Мотя искал вечную любовь, забыв договориться с собой, что это такое и зачем это нужно. То есть понятно зачем: чтобы прожить всю жизнь и умереть в один день. Но как заставить себя поверить, что это именно тот случай? Мотя не знал как, поэтому пробовал.

Я скептически относился к Мотиным увлечениям, считая свои проблемы с Машей куда безнадежнее, но и Антон, и Химик принимали Мотины страдания абсолютно всерьез. Антон однажды, когда я открыто фыркнул в сторону Моти, мрачно страдающего в кресле, попросил меня померить ему пульс. Я еще раз фыркнул, пожал плечами и померил. Сто двадцать ударов в минуту. У спокойно сидящего человека. Ну и дела. Но сейчас женские проблемы казались существующими где-то в параллельной вселенной.

Если Мотя был военным лидером в нашей тусовке, то Антон был главным по тактике. Он просчитывал любые ситуации на три-четыре хода вперед, что в сочетании с его почти аристократическим происхождением (мать Антона была из той ветви рода князей Волконских, которая не захотела эмигрировать, поэтому ей пришлось родиться где-то под Магаданом, куда деда Антона после двадцати пяти лет отсидки выпустили на вольное поселение) и блестящим образованием позволило ему занять довольно специфическое место в обществе. Он работал экспертом в области хайтек-инвестиций, через его финальный «о'кей» прошел не один миллиард инвестиционных денег, и поэтому, с одной стороны, Антон был хорошо знаком со всей бизнес-элитой и большей частью политической элиты России, да и не только России. С другой – он не принадлежал ни к одной бизнес-структуре и тем более ни к какой политической группе, которые он откровенно презирал. Но поскольку его решения оказывались почти всегда правильными, а иногда и вовсе гениальными, вся эта элита относилась к нему с глубоким уважением, так что связи у Антона были феноменальные.

Хорошо, что Антон был с нами. Если бы мы оказались здесь вдвоем с Мотей, то вскоре наломали бы дров. Точнее, дров бы наломал Мотя, а я не смог бы его остановить, тем более что сам совершенно не представлял, как себя вести.

Антон посмотрел на Мотю, вставшего в агрессивную позу со скрещенными руками, и взял ситуацию под контроль:

– Нам сказали, что умер наш друг. Меня зовут Антон Эпштейн. Вот мои документы. А это Матвей Краснов и Иосиф Мезенин. Ребята, покажите господам офицерам ваши права. Если не затруднит, то я бы и на ваши документы посмотрел, – аккуратно вернулся Антон к предложению Моти.

– Дежурный следователь капитан Новиков, – медленно и невесело произнес Писатель, оглядывая нас сверху донизу и нехотя показывая издали красную корочку.

Воспользовавшись темпом его речи, я успел в трех словах изложить ситуацию Матвею и Антону.

– Вот тут ваш товарищ говорит, что он знакомый Ильи Донского. А вы говорите, что вы – друзья. Так кто прав? – подал голос Фотограф, который, кстати, не представился и документов не показал.

Я решил перевести разговор из конфронтации в конструктивное русло, тем более что мне стало неудобно за отречение от Химика.

– Вы нас простите, просто мы в себя еще не пришли. Мы сами хотим понять, что случилось, и готовы вам помочь, чем можем.

Судя по тому, как Мотя нахмурился, а Антон покачал головой, слабость, звучавшая в моих словах, ребятам не понравилась, но они промолчали.

– А что случилось? – отозвался Писатель. – Погиб ваш знакомый. Кто-то ему отрезал голову. Больше мы и сами не знаем. Пока.

– Он... от этого умер?

– Неизвестно. – Писатель еще раз оглядел нас. – Но судя по тому, что крови на кровати почти нет, голову ему отрезали потом. Вскрытие покажет.

Вскрытие покажет

После этого афоризма я посмотрел на темное пятно возле подушки, и мне стало плохо. Я понял, что дрожу мелкой дрожью. Я буквально силой заставил себя встряхнуться и тут же вспомнил старую медицинскую историю. Первый семинар по судебной медицине, четвертый курс. Сначала мы, побывавшие за три года в разных анатомичках и повидавшие всякое, пришли в кабинет и, ожидая преподавателя, принялись внимательно разглядывать развешанные по стенам фотографии разных видов самоубийств, в том числе весьма экзотических. Фотографии нас немного напрягли. Некоторые были сняты каким-то слишком уж крупным планом. Как будто снимали не менты, а извращенцы.

Например, смерть от электрошока. Человек обматывает себе правую и левую руки оголенным электрическим проводом, а потом вставляет штепсель в розетку.

Или заключенный в камере прокусывает собственный язык, стараясь проглотить как можно больше вытекающей крови, чтобы не заметили надзиратели.

Или безнадежный больной вешается, используя резинку от пижамы, прямо на металлической спинке больничной койки. Разговоров об эвтаназии тогда еще никто не вел.

Вошел преподаватель, и началось занятие. Все немного расслабились. Но при упоминании о завтрашнем вскрытии одна из наших отличниц задала тоненьким голоском вопрос, кого именно мы будем завтра вскрывать.

– Так ведь он и сам еще этого не знает, – немного удивленным голосом ответил преподаватель. – Это, ребята, не клинический морг, а судебный. Поэтому завтрашнее тело пока живее нас с вами. Оно, скорее всего, и не подозревает, что завтра мы будем его вскрывать.

Мороз по коже. Даже если у тебя за плечами несколько курсов медицинского института с анатомичкой и прочими прелестями.

Лиля, которая ходила по своей двухкомнатной квартире – маленькой, заставленной шкафами, коробками, комодами и стенками, неожиданно подошла к нам и сказала:

– Хотите чаю?

– Нет, что вы! Какой там чай, – сказал Писатель, смягчившись. – Давайте мы вас немного поспрашиваем. Можно у вас курить? – Он неожиданно осторожно посмотрел на Лилю.

Лиля вместо ответа поставила перед ним маленькую белую пепельницу.

Фотограф занялся Антоном и Матвеем, видно решив, что раз они пришли вместе, то по дороге успели сговориться. А Писатель сел со мной и Лилей, поскольку Лиля со своим билетом, проводниками и родителями была, видимо, вне подозрений. Но вместо того, чтобы начать допрос, он начал заполнять какие-то бумаги. Я осмотрелся. Мотя сидел злой и встревоженный. Антон был спокоен и сосредоточен.

Уважение жены Антона

Меня всегда восхищало в Антоне хладнокровное благородство. Такое спокойное, уверенное благородство, без надрыва. Возможно, именно боясь осуждающего взгляда Антона, Мотя в процессе построения своих бизнесов так никого и не убил.

Мехмат добавил к его классическому домашнему воспитанию уравновешенность, умение делать критические выводы и не напиваться с одной бутылки. Но самое интересное, что на вопрос мента, кем мы друг другу приходимся, мы могли бы смело ответить не «друзья-одноклассники, знакомые друг с другом с семи лет», а «родственники». Потому что Антон по абсолютно непонятной для меня причине женился на моей родной сестре Дине.

Дина была старше меня на полтора года и, как и положено старшей сестре, обычно безбожно троллила меня. Безответные оплеухи, удары и пинки преобладали в наших отношениях, хотя изредка она была ко мне очень ласкова – и тогда я таял и все был готов отдать за ее теплый взгляд. Я никогда особо не беспокоился из-за этого. Отношения старшей сестры и младшего брата вообще редко бывают безоблачными. Дина выросла замкнутой, избалованной, ее чувство превосходства, основанное на якобы высоком интеллекте, немного раздражало как меня, так и окружающих.

Но мозги у нее и вправду были устроены потрясающе. Логика ее рассуждений иногда граничила с шизофреническими парадоксами.

«Если существует бесконечное число миров, то должны существовать все возможные варианты событий», – сказала она однажды на кухне, ни к кому не обращаясь.

– Ну и че? – отозвался я, ожидая подвоха.

– Подумай о мультивселенных.

– Я не верю в бесконечный космос.

– При чем здесь вера, идиот?

А потом я увидел у нее ротапринт английской статьи о тахионах – частицах, движущихся быстрее света, существование которых, по мнению автора статьи, не противоречит ни теории относительности, ни концепции четырехмерного пространства-времени Минковского в том случае, если предположить, что эти частицы движутся обратно во времени. И понял, что общий язык мне с Диной не найти.

До того, как Антон поделился своими матримониальными планами, мне и в голову не приходило, что между ними что-то есть.

Тем более что о происходящем у нее в душе я не имел ни малейшего понятия. Музыка она не слушала. Книг, не имеющих отношения к ее призванию, не читала. Даже фантастику. Гости к ней не ходили.

– Антон, – честно сказал я, – она ведь стерва. И, возможно, немного того...

– Я знаю, – сказал Антон. – У них на физтехе все такие.

– Дина – фрик, – грустно сказал я.

– Дина не фрик, а интроверт, – поправил меня Антон.

Если Дина была несогласна с миром в чем-то глубоком и важном, то она замолкала, зрачки у нее расширялись, мочки ушей краснели, а виски начинали заметно пульсировать. И выносить это молчание было тяжелее любого скандала. Эх, непростая жизнь у интровертов!

– Да зачем тебе вообще жениться?

– В твоей сестре есть что-то очень особенное.

– Ну-ка, интересно.

– Неинтересно. Был бы ты поумнее, ты бы тоже ее любил, – неожиданно сказал Антон, явно желая завершить разговор.

Когда он успел в нее влюбиться? Я ни разу не слышал, чтобы они разговаривали друг с другом дольше трех минут на кухне. И тут мне в голову пришла светлая мысль:

– А ты с ней говорил об этом?

– Очень коротко. Вчера.

– И что она сказала?

– Что мы оба от этого выиграем.

– Это вполне в ее стиле. И в твоём. А у вас был, э-э... роман?

– У нас не было романа. В твоём смысле.

– Постой! Ты хочешь сказать, что ты делаешь девушке предложение, не то что не пожив с ней несколько лет, но и ни разу ее не трахнув?

Антон поморщился. Я подумал, что зашел слишком далеко, и попытался выкрутиться.

– Мое дело тебя предупредить. С таким характером она могла бы быть посимпатичней. Прости господи, что говорю это про родную сестру.

Когда я обсудил сложившуюся ситуацию с Матвеем, то он просто сказал: «Если ваша девушка не только симпатична, но и умна, то ебать ее не только приятно, но и интересно». Я так и не понял, сам он придумал или украл у кого-то. Так мы породнились с Антоном.

Я подумал, что Химик был единственным человеком в нашей тусовке, к которому Дина относилась с уважением, и с ужасом посмотрел на кровать, где еще час назад лежало его тело. Особенно притягивала взгляд подушка с непонятными вмятинами на ней. Не подозрительными – это была обычная мягкая подушка, без следов крови или насилия, – а просто непонятными. Где-то Химик касался ее головой предпоследний раз. Где-то – последний. И восстановить это совершенно невозможно, да и не факт, что нужно. Так и проходит время: мнутся подушки, умирают люди. Невосстановимо.

Конец второй главы

Глава третья

Без церемоний нет правосудия

Я поймал себя на мысли, что уже несколько минут не могу отвести взгляд от кровати, и тут меня позвал Писатель, который наконец оторвался от своих бумаг.

– Начнемте, господин Мезенин. Или лучше Иосиф? Как по батюшке?

– Яковлевич. Но можно просто по имени. Без церемоний.

– Просто без церемоний – это хорошо. Но мы любим церемонии. Обстоятельность, знаете ли. Это не то что, там вот, аккуратность. Или вежливость. Если в органах обходиться без церемоний и формальностей, то завтра от правосудия останутся одни воспоминания.

– А у нас от него что осталось? – максимально позитивным голосом поинтересовался я.

– Что удалось оставить, то и осталось. Не надо на нас всех собак вешать. Полиция вне политики.

– Да что вы, – испугался я собственной смелости. – Я и не вешаю. Собак. И кошек тоже.

– Что кошек?

– Не вешаю.

– Ладно. Перейдем к делу. Вопрос такой. Где, Иосиф Яковлевич, вы были вчера вечером и сегодня ночью?

– Дома. Читал, работал, думал. Смотрел телевизор. Потом спал. Пил виски. Опять думал, – неожиданно сказал я.

– Думал, – поднял указательный палец Писатель. – Думал! Это ведь, в сущности, отлично. Но кто это может подтвердить?

– Никто.

– Совсем никто? – Он как-то расстроился. – Я не про «думал». Я про то, что вы были дома. Никто не может подтвердить?

– Нет, ну почему. – Я вдруг опять почувствовал себя в опасности. Теперь я заметил, что от стресса у меня шея покрылась испариной. Я

протер ее рукавом. – Мой интернет-провайдер может подтвердить. Мой сотовый оператор. У них остались логи.

Писатель аккуратно записал данные моего интернет-провайдера и поинтересовался номером контракта сотового оператора.

– Почему вы все записываете ручкой на бумаге? Почему? – спросила Лиля. Ее это вдруг очень обеспокоило. – У полиции нет диктофонов и видеокамер?

– У кого-то есть, у кого-то нет. – Писатель философски пожал плечами. – А подписывать протокол вы как будете? По телевизору?

Он тяжело вздохнул. Я удивился, до какой степени участковые менты далеки от проблемы универсальной электронной подписи, но настоящий, хоть и дурацкий, допрос отвлек меня от мыслей о несовершенстве правоохранительных органов. У нас ушло еще много времени на бессмысленные, с моей точки зрения, разговоры о том, почему я не работаю по специальности, а занимаюсь какой-то фигней, когда я последний раз видел Химику, не принимал ли он наркотики и алкоголь, из-за чего мы могли бы враждовать и самое главное – кого я подозреваю.

Я никого не подозревал. Я сказал, что не знаю людей, не принимающих алкоголь. То есть я знаю, что эти люди существуют в природе, но я, к сожалению, лично с ними не знаком.

В самой мягкой форме мне удалось отказаться говорить о наркотиках. Я поклялся, что Химик не связан с кавказскими группировками, как и с любыми другими, хотя клясться меня никто не просил.

Потом мне пришлось по минутам расписывать Писателю мой вчерашний вечер. Я честно и осторожно помогал следствию, пока из соседней комнаты не раздался вопль Матвея:

– Блядь, я не понял, что за хуйня? Сколько мы еще будем мозги друг другу ебать?

Я замолчал и с легким ужасом дожидался полицейского ответа. Мне показалось, что после такого выступления Моти нас для начала арестуют, а потом попытаются еще и пришить дело. Зачем дразнить гусей? Ответ ментов меня приятно удивил. Они поднялись со своих мест, разрешив нам сесть рядом, и начали оправдываться.

– Если расследование не начать по свежим следам, все улики могут быть утрачены очень быстро, – сказал Писатель бесцветным голосом,

цитируя не то учебник, не то устав.

– Тогда вперед! – не унимался Матвей. – Опрашивайте соседей! Катайте пальцы! Бегите за распечаткой звонков! Допрашивайте сослуживцев! Какого хуя второй час на нас терять?!

Фотограф, ничего не ответив, прошелся по комнате гусиной походкой, словно разминая застоявшиеся от долгой сидячей работы мышцы. В процессе разминки он, бегло осмотрев книжные полки, дошел до кухни и остановился перед холодильником.

– Вы позволите? – спросил он и, не дожидаясь ответа, открыл дверцу.

– Конечно, – отозвалась Лиля. – Там есть кока-кола. И сок, кажется, еще остался.

Кока-кола явно не заинтересовала Фотографа, потому что он копался в холодильнике заметно больше времени, чем нужно было бы для ее поиска.

– А это что? – спросил он таким резким голосом, что мы все вздрогнули. Он держал двумя пальцами какую-то ампулу.

Я на всякий случай пожал плечами, всем видом показывая, что не готов нести ответственность за содержимое холодильника Химика и Лили.

– А что это? – отозвался Мотя таким ленивым голосом, как будто ему было лень отвлекаться от своих мыслей на находку Фотографа.

– К-а-л-и-п-с-о-л, – медленно, по буквам прочел вслух Фотограф надпись на ампуле. – Кетамина гидрохлорид.

– Интересно, – оживился Писатель и пошел в сторону кухни. – А много там его?

– Нет. Две ампулы. По крайней мере, в холодильнике больше нет. Может, еще по квартире поискать? – Наконец-то сыщики стали похожи на сыщиков, но меня это совершенно не обрадовало.

– Шприцы есть? – деловито спросил Писатель.

– Упаковка, – твердо ответил Фотограф.

– Тогда искать по квартире бесполезно, – покачал головой Писатель. – Второй холодильник у покойного отсутствует. А без холодильника эта дрянь не живет. Что молчите, молодые люди?

Сильнодействующее наркотическое средство

Мы и правда качественно молчали, отводя взгляды от ментов в разные стороны.

– А вы что скажете, сударыня? Почему у вас дома хранится сильнодействующее наркотическое средство?

– Не знаю, – почти шепотом произнесла Лиля.

Я понял, что сейчас начнется что-то ужасное. Химику убили, Лилю сажают за хранение наркотиков, нас вербуют в качестве свидетелей обвинения под угрозой привлечь соучастниками. У меня побежали мурашки по спине. Руки стали липкими. Я опустил взгляд в пол, почти совсем как страус, зарывающий голову в песок. Сработал какой-то древний эволюционный инстинкт: раз я ничего не вижу, значит, и меня не видно.

– У вас, кстати, есть ордер на обыск квартиры? – поинтересовался Мотя тем же ленивым безразличным голосом.

И все замолчали. Менты внимательно посмотрели друг на друга. Потом перевели взгляд на Мотю. Потом скользнули взглядом по нам. Наступила длинная пауза. Я стал готовиться к самому страшному.

– Ладно, – прервал угрожающее молчание Писатель. – Из сочувствия к вашей трагедии и в связи с тем, что наркотик найден в незначительных количествах и, очевидно, хранился для личного использования, мы его в протокол вносить не будем. Но если вы думаете, что калипсол может быть как-то связан со смертью вашего мужа, лучше нам про это рассказать.

К этому времени я, еще не веря в чудесное избавление, все же поднял голову и увидел, что Писатель внимательно смотрит на Лилю.

Лиля отрицательно помотала головой. Писатель, не ожидая другого ответа, скептически развел руками.

– Ну, как знаете, барышня, как знаете.

Затем он мрачно сказал, ни к кому не обращаясь, что все необходимые следственные действия они осуществили (он так и сказал – «осуществили») до нашего приезда, велел мне и Лиле расписаться в протоколе и сказал совершенно официальным голосом: «Спасибо за помощь следствию».

Фотограф, глядя на него, тоже засобирался.

– Мы пойдем. Наш телефон у вас есть. Вспомните что-нибудь – звоните.

Он подсунул протоколы Моте и Антону, но они, в отличие от меня, сначала их внимательно прочли и только потом подписали. В конце концов, неуверенно потоптавшись, следователи ушли. История с наркотиками оборвалась, толком не начавшись. Менты оказались людьми. Просто людьми. Какими они, собственно, и должны быть.

Что это такое – умереть?

Я подумал, что Лилю надо бы чем-нибудь занять. Оргвопросы – лучшее средство от шока.

Связаться с родителями Химика, которые отдыхали за границей, с родителями Лили, которые пообещали вылететь из Питера первым же рейсом. Вызвать похоронного агента. Сделать первые пять исходящих звонков, которые немедленно превратятся в двадцать пять входящих.

Я проходил это сам, когда умер мой отец. Я был тогда деятельным, подчеркнуто вежливым, умным, собранным, спокойным и заботливым. Реакция наступила только после похорон. И я никому не пожелаю такой реакции...

В нашем случае входящие звонки с ужасами и соболезнованиями, часто дурацкими и неуклюжими, осложнялись довольно естественными вопросами: «А что случилось?», «А как же это так?», «А что полиция?».

В перерыве между телефонными соболезнованиями я спросил:

– Лиля! Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Лиля сказала «нет» таким голосом, каким говорят «да». Я махнул рукой. Свежие следы – это для следователей. Я еще успею обсудить с Лилей, что же все-таки произошло. Лиля явно в курсе как минимум части проблемы, но травить ее сейчас вопросами – бесчеловечно. Тем не менее еще один вопрос я все-таки задал:

– Тебе самой ничего не угрожает?

– Мне? – не поняла она.

– Да, – подтвердил я свой вопрос. – Тебе лично.

– Нет, – покачав головой, довольно уверенно сказала Лиля и испытующе посмотрела на меня, словно проверяя, не знаю ли я чего-то лишнего. Того, что мне знать, с ее точки зрения, не положено.

К шести вечера в квартиру набилось больше людей, чем могли выдержать две маленькие комнатки. Кого-то я знал, кого-то видел впервые. Ненавижу похоронные настроения. Шепот, покачивания головами. Какая-то смесь фарса и трагедии. Я ушел по-английски, убедившись, что Лилей занимают по меньшей мере человек пятнадцать, в том числе и Мотя с Антоном.

Совершенно измочаленный, я добрался до дома и лег. Я смотрел в потолок. На потолке ничего не было. Но я постепенно въезжал.

Химик умер. Отрезанная голова. Никогда не горевшая свечка в закастневших руках. Что это такое – умереть? Перестать видеть и двигаться? А тело?

Тело берет и начинает разлагаться? А сознание? Просто выключается, как в глубоком сне или наркозе, с тем чтобы никогда больше не включиться? А как же бессмертная душа? Есть она или нет? И как это проверить? Я начал думать о крионике, о заморозке тел только что умерших людей, которые надеются проснуться, когда будет придумано лечение от их болезни. О том, что, если и удастся их разбудить, прежнее сознание у них будет навсегда потеряно. Даже после недельной комы люди часто приходят в себя с искаженным сознанием и необратимыми изменениями мозга. Что же за монстры должны проснуться после многолетней заморозки?

Мне было откровенно плохо. Ноги болели, как будто я поднял тонн двадцать в спортзале. Я поднялся с кровати и допил вчерашнюю бутылку. Потом меня тошнило. Качаясь, я ходил по квартире, пытался говорить с Химиком, но это не получалось, потому что у него не было головы и он не мог мне ответить. Потом вроде мы приспособились, и он стал отвечать руками, как аквалангист или глухонемой.

Потом я лег. Мне снились гадости.

Кажется, я забыл, какой у Маши цвет глаз, а она по телефону ехидно допрашивала меня. Я лихорадочно соображал, как бы прервать разговор и спросить у кого-нибудь. Хоть у Матвея. Потом я извернулся и сказал:

– Он у тебя каждый раз новый. Разный.

– Да, – говорила Маша. – Он разный. Но он один. И ты забыл его. И ты еще будешь говорить, что любишь меня?

Ужас. Когда я проснулся, я понял, что, во-первых, совершенно не знаю Машу, а во-вторых, что я ее боюсь.

Треугольник

Я давно хочу окончательно разобраться с Машей. У Маши пепельные волосы до плеч и легкая горбинка на носу. Она работает литературным редактором в каком-то забытом богом и спонсорами

научном издательстве. И занимается фотографией. Почти профессионально. Снимает не просто на пленку, а на инфракрасную пленку. Надевает на старый «Роллейфлекс» черный непрозрачный фильтр и снимает. Фотографии получаются очень странными – они вроде бы черно-белые, но с сильно измененной тональностью: небо черное, облака белые, листья на деревьях и трава тоже белые, а люди вообще как призраки, с белесоватой, почти прозрачной кожей и огромными черными зрачками. Маша говорит, что снимает в невидимом свете, потому что красота и ужас в нашем мире расположены значительно ближе друг к другу, чем это кажется нам.

Еще у Маши феноменальная интуиция. Невероятная. До встречи с Машей многие женщины убеждали меня, что у них (и вообще у женщин) интуитивное познание развито гораздо сильнее логического. Я обычно в этом сомневался, хотя понимал, что естественный отбор, да и социальное давление вполне могли способствовать развитию у женщин некоторого алогичного метода предвидения событий. Но никаких феноменальных способностей эти женщины никогда мне не демонстрировали, ограничиваясь декларациями типа: «Я так и думала» или «Ну конечно, я точно знала, что это произойдет». А Маша раз пять настолько точно предсказала развитие важных событий в моей жизни, причем совершенно неочевидное, что я в конце концов поверил в ее дар. Однажды, когда я вел машину по трассе, а Маша сидела рядом, она вдруг спокойно сказала: «Осторожно, сейчас тебя подрежет этот идиот» – и плавно указала пальцем на идиота. Я посмотрел на серый BMW слева, который не проявлял никаких признаков идиотизма, на всякий случай снял ногу с газа и перенес на тормоз – и через секунду идиот действительно оказался идиотом, обогнал меня и ударил по тормозам: он не хотел пропустить свой поворот. Я с трудом успел затормозить и сказал все, что я думаю, называя идиота значительно более жесткими словами. Слава богу, Маша не ханжа и терпимо относится к ненормативной лексике. В другой раз она пришла ко мне на свидание в дорогой пафосный ресторан, где у меня заканчивалась встреча с потенциально крутым клиентом. Посидев за столом минуты три, не сказав ни слова и даже не улыбнувшись из вежливости уходящему клиенту, Маша спросила меня:

– Это твой клиент?

– Надеюсь, что да. Пока не знаю.

– Имей в виду, он закажет у тебя много работы, а потом не заплатит.

– Как не заплатит?

– Не знаю. Придерется к чему-нибудь. А судиться ты с ним из-за этого не сможешь. Да и не захочешь.

Я посмотрел на нее широко открытыми глазами.

– А ты знаешь его? Знаешь, кто это?

– Нет. Первый раз его вижу.

– Это же почти олигарх. Ну, немного недоделанный. Зачем ему меня кидать?

– Чтобы не платить. Лишних денег у него не бывает. А раз олигарх – значит, ты и вправду не сможешь с ним судиться. У него адвокаты хорошие, а у тебя их вообще нет.

Я после той истории с BMW отнесся к словам Маши с некоторым вниманием, но отказываться от выгодного контракта не стал, а предупредил моего друга и старшего компаньона Мотю. Мотя навел справки и твердо велел мне не иметь с этим человеком никаких дел. Никогда.

Маша еще не раз демонстрировала свои выдающиеся способности – от предсказания, что мои соседи, которые завели собаку, назовут ее каким-то дурацким именем (они называли ее Анной Карениной), до простых прогнозов: по каким дорогам сейчас ехать не надо из-за пробок. Почти любая проверка по гугл-навигатору подтверждала ее выводы. В том случае, если выводы Маши противоречили Гуглу и я выбирал Гугл, – мы всегда попадали в пробку. Мистика! Как я мог не влюбиться в блондинку с такими способностями? Тем более что, словно в противовес этой волшебной интуиции, в качестве контрапункта Маша оказывалась иногда совершенно беспомощна в самых простых ситуациях. Типа «заключил телефон». Или «как настроить в фейсбуке, чтобы тебя не отмечали на фотографиях». Надо сказать, что озадаченная и наивная Маша была одной из моих любимых Маш.

– Ты напоминаешь мне героиню из «Хэнкока», – однажды сказал я. – Помнишь такой дурацкий фильм? Там героиня – классическая супервумен, она рукой пробивает кирпичные стены и борется с силами зла. Но при этом живет двойной жизнью, и во второй своей ипостаси она – примерная тихая жена, любящая мать и образцовая домохозяйка.

За завтраком просит мужа открыть ей банку с джемом, потому что у самой сил не хватает.

Маша в ответ загадочно улыбнулась и ничего не ответила. Просто пожала плечами.

У нас с Машей отношения. Это означает, что она трахается со мной. Она даже говорит, что любит меня, но, к сожалению, в наших отношениях есть проблема – и не сказать что маленькая. Маша замужем. И категорически отказывается уходить от своего мужа вот уже второй год. Мужа зовут Герман. По-моему, это антихудожественно. Я имею в виду имя. В любом случае я страшно ревную. То есть правда страшно. Однажды, пока я еще не привык к тому, что постоянно нахожусь на грани помешательства, я полез в Гугл и посмотрел, кто что пишет умного про мужскую ревность. Начал с Википедии и постепенно добрался до каких-то уже совсем бессмысленных семейных консультаций онлайн.

Выяснил, что ревность ревности рознь. Бывает ревность, которая идет от духа соперничества. Тогда мужчин бесит, что женщина предпочитает их кому-то другому. Для них это прямой и болезненный удар по самолюбию. Мой друг Матвей ревнует именно так.

Есть ревность, заложенная на глубоком сексистском предрассудке владения женщиной как предметом. Эти мужчины ревнуют от того, что их женщиной кто-то пользуется. Их это бесит так же, как если бы кто-то бесцеремонно чистил зубы их зубной щеткой.

Но оказалось, что многие мужчины ревнуют, чтобы доказать самому себе, а заодно и предмету своей любви, что они любят «по-настоящему». Некоторые из них входят в образ и начинают наслаждаться своим страданием. Им мало обычных причин для ревности, они выдумывают дополнительные. Эти обычно не только мазохисты, но еще и параноики.

Во мне, кажется, уже не осталось духа соперничества. И дополнительный мазохизм мне не нужен. Я точно знаю, что каждый вечер Маша ложится спать со своим мужем.

Я однажды спросил ее, часто ли она с ним трахается. Ответ получил уклончивый. Спросил, а как это вообще происходит? Что вы говорите друг другу? Как раздеваетесь, как потом себя ведете? Каждый раз одно и то же или есть хоть какое-то разнообразие? Ответа, естественно, не

получил никакого. А когда я пытаюсь сам представить, как все это у них выглядит, меня начинает трясти.

Иногда я хочу послать Машу к черту. Даже посылал несколько раз. Но она неуловимо возвращалась. Звонила как ни в чем не бывало. Приходила ко мне домой. Вроде для выяснения отношений. И – все по новой.

Через некоторое время я устраивал очередную разборку, требовал, чтобы Маша объяснила мне, чего она хочет. Подразумевалось, с кем она хочет жить – со мной или с ним? Но не тут-то было.

Вопрос, который для меня был почти вопросом жизни и смерти, для нее оказывался риторическим. Она живет с Германом. И дело не в том, что она так говорит. А в том, что это так и есть. И в этом, как ни крути, виноват я сам. Когда пару лет назад наши отношения подошли к определенной известной черте, за которой наступает совместная жизнь, брак и дети, я категорически отказался переступить эту черту. Я сказал, что современные люди совершенно не должны связывать себя условностями, навязанными устаревшим общественным укладом.

Маша не стала спорить, покачала головой, посмотрела внимательно на меня, потом посмотрела в телефон, словно сверяясь с заготовленным текстом, а потом сказала, что нам неплохо бы пожить некоторое время врозь. Не встречаясь и не созваниваясь. Сказала обычным голосом, словно мы обсуждали, какой фильм пора бы посмотреть. Я, почти не раздумывая, согласился. Во-первых, отдохнуть друг от друга всегда полезно, а во-вторых, мои лучшие друзья Химик, Матвей и Антон как раз собирались поехать мужской компанией в Гоа изменять сознание, и я, в предвкушении новых приключений, поехал с ними. Когда через две недели я вернулся с совершенно неизменным сознанием, а просто немного устав от скутеров, солнца, моря, алкоголя и легких наркотиков, оказалось, что Маша выходит замуж. За какого-то историка. И вот тут-то мое сознание изменилось.

Наши отношения, разумеется, были немедленно разорваны, я почувствовал себя преданным, хотя формально придаться было не к чему, и пришел в сложное состояние бешенства и отчаяния – совершенно гремучая смесь, между прочим. Меня колотило, а потом я оказывался в полном истощении, не в силах пошевелить рукой или ногой. Я целыми днями лежал на полу в своей квартире. Слава богу, не

один. Мои друзья занимались мной и спасали меня как могли, а потом, примерно через неделю после свадьбы, Маша написала мне какую-то простую эсэмэску. Я ответил. А что я мог сделать? В этот же день после работы она взяла и пришла ко мне. Как ни в чем не бывало. Погладила меня по голове. Я взял ее за руку. И у нас все началось по новой.

Однажды, когда я еще не осознавал, что наш любовный треугольник сложился надолго, я спросил Машу:

– Ты понимаешь, что ты – ненормальная? Что ты мучаешься сама и мучаешь меня? И кстати, возможно, своего мужа! Допустим, он не в курсе, но все равно, он же должен что-то чувствовать? Хотя бы своими рогами?

– А что я могу сделать?

– Измениться! Понимаешь? Не изменять мужу. А изменить себя.

– Милый, не надо! Ты знаешь. Я пыталась. Я пытаюсь. Я не могу!

– С ума сойти! Маша, тебе надо к психотерапевту!

– (очень жалобно) Ну пожалуйста...

Мы, конечно, сходили с ней к психотерапевту. Он провел с нами несколько сеансов, но поскольку он долго и подробно объяснял нам то, что мы знали и без него, мы вскоре перестали тратить на него свое время и мои деньги.

Я знаю, что Маше плохо так же, как и мне. Что ее эта история сводит с ума не меньше, чем меня. Что ситуация трагическая, в самом жутком литературном смысле слова. Если кто-то разрывается от любви, то он ведь и разорвется. Так что о happy end'е в этой истории мечтать не стоит. Может, когда-нибудь потом, к старости.

Когда я думаю о своем возрасте, я вспоминаю, что когда-то хотел реализовать способности, данные мне от Бога. Но с этим, к сожалению, все просто. Судя по поведению Бога, все, что мне было положено, я уже реализовал. Да, я хотел стать писателем, раз не получилось быть врачом. Но как-то вот не стал. По крайней мере пока.

Маша говорит, что мне не надо было бросать медицину. Что этим я как бы изменил себе. Ну, не знаю. Многие изменяют себе рано или поздно.

Я сразу после института устроился на подработку в какое-то медицинское издательство переводить американские учебники. Издательство, впрочем, скоро разорилось, но я уже почувствовал вкус

легких денег, не связанных с ответственностью за жизнь больных и с ночными дежурствами. Тогда я устроился в рекламное агентство с уклоном в рекламу фармпрепаратов. Там мне платили в пять раз больше, чем в больнице, но любые дополнительные заработки запрещались. Я первую неделю удивлялся, а на вторую выяснил, что это никакое не рекламное агентство, а крыша для торговли наркотиками, украденными у онкологических больных. Пока я раздумывал, что же мне делать, в агентство пришли менты с обыском.

Из этой опасной истории меня вытащили Матвей с Антоном, хотя несколько месяцев мне рекомендовалось не высовывать нос на улицу. Я, уже не возвращаясь в больницу, еще поскитался по разным работам, связанным с многоуровневым маркетингом, сбором рекламы в телефонные справочники и прочими ужасами, губящими душу. В конце концов Мотя помог мне открыть пиар-агентство, которое меня худо-бедно кормит, а его несильно разоряет. Да и хрен бы с ним, с агентством, – в конце концов, не для одной же работы мы рождаемся на свет. И умереть, кстати, хотелось бы не от нее.

Я с ужасом подумал, что, несмотря на трагедию с Химиком, моя obsессия в отношении Маши не уменьшилась. Наоборот. Кажется, она обостряется.

Конец третьей главы

Глава четвертая

Тяжело работать Кассандрой

Похороны Химика были на третий день. Кремация. Гроб, естественно, не открывали. Я наконец понял, почему так не люблю запах большого количества цветов в закрытом помещении. Он у меня твердо ассоциируется со смертью. А я ненавижу смерть.

Потом в каком-то банкетном зале шли поминки. Я сидел рядом с Машей. При любых других обстоятельствах я был бы счастлив только от одного этого. От непривычно близкого расстояния, которое разделяло наши тела. От возможности тихо потрогать ее под столом за коленку так, чтоб никто не видел. Да просто от того, что все видели: мы сидим вместе. У нас все о'кей. Но радоваться этому на поминках близкого друга не получалось. Антон был с Диной, а Матвей пришел со своей финдиректрисой, маленькой сексапильной блондинкой. Сейчас он сходил от нее с ума, от Ольги Юрьевны Соболевой, *МА*, финансового директора компании *Wanderlust Cyprus Ltd*, как я прочел на ее визитке, когда Мотя впервые познакомил нас якобы по делу. Оля должна была получать финансовую отчетность моего бедного агентства. Она, будучи продвинутой девушкой, отвечала ему некоторым интересом, но, будучи порядочно-осторожной, дальше не шла. Туда, куда хотелось бы Матвею. Кажется, это абсолютно устраивало их обоих. Легкий садомазохизм. Характерный для каждой третьей внебрачной пары в любой тусовке.

Я сказал, что Химик был человеком, который знал больше нас. Все гости закивали и выпили.

Затем началась обычная дискуссия на тему, есть ли жизнь после смерти. Верующие по одну сторону, скептики и материалисты – по другую. Споры, примеры, аргументы. Одна активная дама резюмировала: «Словом, есть там что-то или нет, выяснить невозможно!»

Дина с неожиданным интересом посмотрела на нее и сказала как бы с сожалением: «Согласна. Выяснить невозможно. Но придется». И

обвела всех нас своим жестким взглядом. Дискуссия, понятное дело, закончилась.

Когда первые гости начали расходиться, Маша отвела меня в сторону и спросила: «Ты имеешь какое-то отношение к этому?» Голос у нее был строгий, как у учительницы в школе, которая интересовалась, какое я имею отношение к разбитому футбольным мячом окну.

– К чему – к этому?

Я сделал вид, что не понимаю, о чем говорит Маша.

– К смерти Химика.

– Маша, ты чего?

– Я ничего. У общих друзей бывают общие враги. Я волнуюсь за тебя.

Она посмотрела на меня испытующим взглядом, который напомнил мне Лилю: будто она хотела удостовериться, что я не знаю ничего лишнего. А потом взглянула на часы. Наверное, убедиться, что не опаздывает к своему мужу.

– Не надо за меня волноваться в этом смысле. Волнуйся лучше за нас обоих, – разозлился я. – Я не имею никакого отношения к людям, отрезающим головы. Думаю, что и Химик не имел.

– А почему его убили?

– По ошибке, – отрезал я. – А что тебе подсказывает твоя интуиция?

– Ничего хорошего, – вздохнула Маша и отошла в сторону, но тут же вернулась.

– Тяжело работать Кассандрой, – вырвалось у меня. Я тут же понял, что съязвил довольно неудачно, и даже испугался, но Маша не обратила на мои слова никакого внимания.

– Я надеюсь, что там, – она почти не выделила голосом слово «там», – ему будет хорошо.

– Не знаю, – мрачно сказал я. – Может, ему там и будет хорошо без нас. Но нам тут без него точно будет плохо.

– Береги себя, хорошо? Я пошла! – И она очень приветливо посмотрела на меня. Почти ласково.

– Ты пошла к своему мужу, а мне предлагаешь беречь себя, – начал я старую песню. – Очень заботливо с твоей стороны. Сбереги ты меня, Маша! Реши свои семейные проблемы!

– Все будет хорошо. – И, не реагируя на мой наезд, она нежно взглянула на меня и исчезла.

Нет никакого смысла жить до ста двадцати лет, находясь в одиночестве

Антон отозвал нас с Матвеем в сторону и показал ксерокопию патанатомического эпикриза. «Где добыл?» – спросили мы его.

«Не суть», – сказал Антон. С его связями он мог добыть что угодно.

В эпикризе говорилось: «Смерть от внезапной остановки сердечной деятельности. Признаков удушья не найдено. Признаков известных отравляющих веществ не найдено. Признаков физического воздействия не найдено. Признаков смерти от потери крови не найдено. Голова отрезана после смерти».

Эпикриз мне показался странным. Что за внезапная остановка сердечной деятельности, после которой пропадает голова?

– Наверно, бандиты. Делал для них какой-то наркотик. А потом они не поладили... – пожал плечами, сказал Матвей.

– Бандиты бы оставили голову, – возразил Антон. – И свечка в руках... Похоже на ритуальное убийство. Жаль, что Лиля ни о чем не хочет говорить, она ведь явно что-то знает.

– А помните, – сказал я, – на прошлом дне рождения Химик говорил про интимность и одиночество. И про то, что долго жить никакого смысла нет. Черт, мне кажется, он уже знал, что с ним случится.

– Ну, напомни, – наморщил лоб Мотя.

– Он сказал: «Нет никакого смысла жить до ста двадцати лет, находясь в одиночестве. А если смысл и есть, то удовольствия – точно нет». Я так и не понял, какое у Химика одиночество и откуда, но спрашивать об этом при Лиле мне показалось совершенно неуместным.

– Я помню какой-то дурацкий разговор, – нехотя признал Мотя. – Какое он имеет отношение к отрезанной голове нашего друга?

– Я попробую по своим каналам надавить на полицию, чтобы она не спускала это дело на тормозах, – пообещал Антон.

– Я тоже поставлю ментов на уши. По своим каналам. Но они все равно ничего не найдут. – Мотя был мрачен как никогда.

Мне сказать на это было нечего. Мы выпили еще чуть-чуть и разошлись.

Все следующие две недели я занимался решением очередных финансовых проблем в агентстве. Я работал, встречался с клиентами, убеждал их в чем-то, придумывал бизнес-планы для банка, чтобы взять ссуду, договаривался о задержке арендной платы. И почти забыл о смерти Химика. Наверно, сознание вытеснило этот кошмар в подсознание. По крайней мере, работа меня загрузила, а я не сопротивлялся.

Все, что мне было нужно, – это постоянные стабильные заказы на десять – двенадцать тысяч долларов в месяц. И тогда бы я спокойно платил и аренду офиса, и зарплату моим трем с половиной сотрудникам. Но стабильных заказов не было. Были разовые. А еще чаще потенциальный клиент выматывал нам душу, мы делали для него предложение, на подготовку которого уходила неделя, а потом он исчезал.

Управление будущим так линейно не работает

Последние дни были особенно тяжелыми. Я приходил домой сдохший. Очень редко видел Машу, что немного пугало меня: вдруг она собирается с духом, чтобы опять разорвать наши отношения? Ей ведь тоже очень не нравилась ее двойная жизнь.

Чтобы хоть немного успокоиться, я вытащил ее на свидание. Мы пошли гулять по Бульварному кольцу, и где-то между Покровкой и Чистыми прудами я посмотрел на черного лебедя, набрался смелости и самым независимым тоном, на который был способен, спросил у Маши:

– А что, кстати, подсказывает тебе твоя хваленая интуиция? Что у нас будет в жизни? Будем ли мы когда-нибудь вместе?

– Ты же не веришь в мою интуицию! – весело ответила Маша и посмотрела на меня с некоторым озорством.

– Ну, с тех пор как ты отказалась использовать ее в коммерческих целях, я, конечно, засомневался. Но пока еще вера живет.

– Знаешь, если тратить интуицию на казино, от нее скоро ничего не останется.

Я тихо радовался, что сумел задать такой важный вопрос почти незаметно, и продолжал в том же духе.

– Ты просто боишься рисковать репутацией: придешь в казино, ничего не угадаешь – стыд и позор.

– Хватит разводить меня. Я не поддамся очарованию азартных игр никогда.

– *Never say never*. Так что все-таки про нас? Будем мы счастливы вместе?

Маша замолчала на какое-то неприличное для легкого разговора время.

– Ты молчишь, как оракул, вопрошающий богов, – не выдержал я.

Маша поджала губки.

– Интуиция подсказывает мне, что если сказать «да» или «нет», то сказанное точно не сбудется.

– Прекрасно! Скажи «нет», и сказанное не сбудется, – предложил я.

– Э нет, управление будущим так линейно не работает. Иначе все бы тут у нас только этим и занимались.

– Хорошо! – Я был настроен оптимистично. – Из того, что ты не посылаешь меня к черту окончательно и бесповоротно, я делаю вывод, что интуиция тебе подсказывает как минимум наличие шансов на наше семейное счастье.

– Ты волен делать любые выводы, – улыбнулась Маша. – Возможно, просто нужное время еще не наступило.

– И я еще не готов? – Я начал заводиться.

– Ты не готов. Я не готова. Мы не готовы. Они не готовы. Давай не будем спрягать глаголы. Не волнуйся. Все будет хорошо! – И она вдруг сама, без всякой просьбы, поцеловала меня в щеку.

Этот разговор был единственным светлым пятном в серой беспросветной тоске последних недель.

Ни с Антоном, ни с Матвеем я не виделся вообще, мы общались только в мессенджерах и по телефону. Антон говорил, что следствие не сдвигается с мертвой точки. На девять дней я не пошел, отговорившись делами, и дал слово прийти на сорок.

Конец четвертой главы

Глава пятая

Мы не можем использовать прямую рекламу

– Я не понял, – честно сказал я. – Вы хотите, чтобы мы везде, где сможем, размещали слова «Дейр-эль-Бахри», «калипсол», «одинокчество» и вот этот набор цифр – 222461215? В прессе, на телевидении, на радио, в интернете? Как можно чаще?

– Вот именно, – ответил он. – И за это я плачу вам деньги.

Деньги были неплохие. Семь тысяч долларов месячного ретейнмента и еще по пятьсот долларов за каждое упоминание чего-либо из вышеперечисленного в любом из СМИ.

– И вы не можете объяснить, зачем вам это?

– Больше того, что я уже объяснил, – не могу.

Не объяснил он ничего.

Если бы у нас дела шли хорошо, я бы, может, и отказался от этого заказа. Не люблю всякие загадки за деньги. Тем более что от слова «Дейр-эль-Бахри» исходила какая-то невнятная угроза. Но у нас дела шли плохо. У нас дела шли хуже некуда. По моим оценкам, мы могли бы, особенно не напрягаясь, получать с этого клиента тысяч десять в месяц.

Клиент сидел, почти не двигаясь, положив перед собой на стол обе руки, как дюраселевский зайчик. Вообще-то он был довольно неприятный. Низкий, неулыбчивый. Белобрысый с залысинами, волосы у шеи выбриты не дугой, как обычно, а треугольником. Меня напряг его костюм фиолетового цвета и какая-то металлическая скованность в движениях.

Однако еще больше меня позабавила причина, по которой он обратился к нам. Оказывается, мы самое маленькое пиар-агентство из всех перечисленных в каком-то дурацком рейтинге. Наш скромный штат, который остальные клиенты считали нашим главным недостатком, абсолютно устраивал Федора Федоровича Вставкина (на визитке – только имя и какой-то кривой мобильный номер). Это, по его словам, давало ему основание надеяться на отсутствие утечек информации. Похоже, для него это было очень важно.

Вырос он в нашем офисе буквально из воздуха.

Утром раздался звонок, а через минуту ко мне подошла наша референточка:

– Звонит кто-то, ни здарсьте, ни как зовут, спрашивает: «Это *PR Technologies?*» – «Да». – «Можно поговорить с генеральным директором?» – «А как вас представить?» – «Федор Федорович. По важному делу».

Она соединила. Не так уж часто нам звонили. Разве что из налоговой инспекции. Он сказал мне, что хотел бы заказать у нас одну специфическую работу, и задал несколько вопросов. Сначала он спросил, сколько у нас сотрудников, а потом спросил, как зовут генерального директора, то есть меня. Решив, что он все равно увидит наш двухкомнатный офис, я не стал сильно преувеличивать и сказал «семь человек».

– И большое количество надежных субподрядчиков, – добавил я поспешно.

Он обещал быть через полчаса и обещание выполнил. Теперь ФФ уже целую вечность разъяснял мне, что больше того, что он сказал, не скажет.

– Хорошо, у меня последний вопрос. Насколько я понял, ваша задача – воздействовать на общество с помощью публикаций этих вот, – я поморщился, – слов и цифр, расположенных в независимом контексте. А зачем вам косвенные методы? Почему бы не воспользоваться прямой рекламой? Арендуйте десяток рекламных щитов и пишите на них что хотите!

– Мы не можем использовать прямую рекламу. Это привлечет ненужное внимание к нам.

– Но вы же можете разместить ее анонимно! Вот хоть через нас.

(Я тут же вспомнил, что калипсол – рецептурный препарат, поэтому его запрещено рекламировать, – и заткнулся.)

– Я повторяю...

Голос ФФ был каким-то избыточно монотонным и дребезжал, как противный маленький будильник семидесятых годов. Потому что будильники пятидесятых – шестидесятых – большие, металлические, с молоточком между двумя колбами – звонили куда приятней.

– Ну хорошо. Совсем последний вопрос. – Мне уже несколько раз заботливые сотрудники делали замечание, что у меня в беседе с

клиентом бывает от трех до пяти последних вопросов. – А если журналисты что-нибудь пронюхают? Мы же не можем размещать эту хрень легко и непринужденно?! Мне самому до конца не ясно, как мы это сделаем. Под каким соусом, в каком контексте?

– Я уже вам сказал. Если журналисты что-то заподозрят, то у вас будут большие неприятности. Больше, чем вы можете себе представить. Напоминаю. Вы подписали бумагу.

Неприятности какого рода?

Это была правда. В самом начале разговора я подписал бумагу. Довольно странную. Она сначала напрягла меня, но потом я отвлекся на костюм и голос гостя. На странице, вылезшей из обычного принтера, было напечатано очень крупным шрифтом: «Я, Иосиф Мезенин, получаю доступ к конфиденциальной информации и готов нести полную ответственность за ее разглашение».

Я подписал этот странный NDA, пожав плечами. Без нее ФФ не начинал говорить вовсе, даже визитку не дал. Теперь я уже начал об этом жалеть. Мне стало казаться, что он сидит здесь не потому, что мы самое маленькое пиар-агентство, а потому что мы самое глупое.

Наверняка половина тех, кому он звонил, послала его к черту по телефону, а вторая половина сделала это при встрече, посмотрев на его фиолетовый костюм и эту странную бумагу.

– Неприятности какого рода? – оживился я.

Этого добра у меня хватало.

– Я надеюсь больше никогда не возвращаться к этому вопросу. Я также надеюсь, что вы дорожите своей личной безопасностью. Знать о заказе можете только вы. Ни один журналист, ни один знакомый. Тогда ни у нас, ни у вас не будет проблем. Я прошу обратить внимание на то, что своих сотрудников вы также не имеете права вводить в курс данного заказа. Вы должны исполнять его лично.

Я нахмурился. Я очень общителен. Я терпеть не могу секретов. Я лучше всего соображаю, когда обсуждаю что-то с кем-то. Строго по выражению «Откуда я знаю, что думаю, пока не услышу, что скажу?». Но кроме того, что я общителен, я еще и пофигист. Мне было непонятно, может ли человек в фиолетовом костюме нести какую-то угрозу. Я допускал, что да, может. Мало ли идиотов с деньгами и безумными идеями живет в нашем огромном городе. Некоторые из них определенно опасны. Особенно те, кто с деньгами.

Но тем не менее этим же вечером я сидел с Антоном в «Джоне Донне» и рассказывал ему эту историю.

Все зависит от компании

– Так денег он, значит, дал, – уточнил Антон. – Это уже неплохо.

– Ну, знаешь! Если бы он еще и денег не дал! После этих бумажек и «Дейр-эль-Бахри»! Дал пять штук как миленький. Наличными, что у нас не принято в последнее время. И даже расписку не взял. И зачем это ему – совершенно непонятно. Мистика.

Антон внимательно разглядывал три слова и число, которые я воспроизвел на салфетке.

– Или мистика. Или энэлпэшные коды. Или скрытый пиар. Или он посылает некие сообщения. Позывные.

– Голова кругом идет. Давай оставим мистику и начнем с НЛП. Я про него мало что знаю. Хотя мне по должности вроде бы надо.

– Техника, которая позволяет влиять на нервную систему людей с помощью определенных кодов. Поэтому называется «нейролингвистическое программирование».

– Это я знаю. А как выглядят коды?

– По-разному. Например, ты беседуешь с клиентом. Говоришь ему, как он хорошо выглядит. И какие у него замечательные дети, если уговорил показать их фотографии. Это называется «позитивная установка». А во время произнесения установки ты как-то особенно трогаешь его за рукав. Это называется «фиксация» или «якорь». Можно зафиксироваться чем угодно. Например, хрюкнуть. А вот когда ты ему говоришь: «А не пора ли, Иван Иванович, нам уже и контракт подписать?», ты точно так же хрюкаешь. Или трогаешь за рукав. И добиваешься необходимого результата. – Антон сделал короткую паузу, за которую перелистал меню, а потом поднял на меня глаза. – Или не добиваешься. Все зависит от человека.

– Или от компании...

– Почему от компании? – наморщил лоб Антон. – От какой компании?

– Так... Вспомнил одну фразу. Недавно мы летали всем агентством в Петербург одного пивного клиента раскручивать. И обсуждали, что вот никто из нас никогда не пробовал трахаться в самолете. А наша референточка Люба, девушка вполне продвинутая, говорит: «Я вот пробовала». Все:

«Ну как? Расскажи!» А она говорит: «А ничего особенного. Как всегда. Все зависит от компании». Извини, я тебя отвлек. Так что НЛП?

Воздействие должно быть секретным

– НЛП подразумевает, что воздействие остается незамеченным для программируемого.

– Понятно, – сказал я. – На меня, например, эти «калипсолы» с «одинокостями» действуют плохо. Они меня раздражают. Я не люблю, когда программируют, зомбируют и привораживают.

– Ну да, – вздохнул Антон. – Поэтому воздействие должно быть секретным. А то это не воздействие будет, а рекламный ролик стирального порошка. НЛП, кстати, часто используется в рекламе. Причем хорошо, когда в примитивной форме. Тогда нормальные люди НЛП чувствуют и от него уклоняются.

– Например?

– «Ложный выбор». Ты предлагаешь человеку выбор, который неважен... «Теперь вы можете купить „Айс“ как с красной, так и зеленой крышечкой!»

– И это НЛП?

– Классическое!

Я задумался. Вроде бы я занимаюсь подобными вещами уже давно. Но мысль о том, что я с помощью рекламы или пиара зомбирую людей, мне в голову не приходила.

Антон заказал себе имбирный лимонад и продолжил:

– Высший пилотаж для энэлпэшника – программировать человека с помощью звуков. То есть ты замечал, конечно, что некоторые слова звучат как-то мрачно, а другие, наоборот, весело. Вот, например, «сарказм» звучит мрачновато. Такое сочетание звуков. А «ирония» звучит весело. Но если комбинации звуков могут управлять настроением, то при правильном подходе они могут воздействовать на людей и сильнее. Особенно на тех, кто к этому предрасположен.

Я опять задумался. Меня всегда удивляло, что у людей с одинаковыми именами существует довольно легко уловимое сходство некоторых особенностей характера.

Например, Марины – порывистые, чуть отчаянные, немного с заносом вверх. Марии – своенравные, со скрытой, но сильной внутренней духовной работой. Ольги – умны, конкретны, и у них все хорошо с силой воли. Веры – приветливы и спокойны. Наташи – романтичны, нерешительны, их обаяние идет от той неуверенности в

себе, которая так нравится мужчинам. Проблема только с Александрями. Потому что их с детства зовут то Аликами, то Сашами, то Шуриками, что создает, естественно, разные характеры...

Получается, что это сходство связано с воздействием звучания имени человека на его психику в детстве. Ведь свое имя – это то, что человек слышит в детстве чаще всего. И эти звуки – самые любимые.

Я решил было поделиться этой идеей про имена с Антоном, но он залип в телевизоре.

– Смотри! Это чуть ли не первый клип в истории рок-музыки. *Strawberry Fields Forever*.

Я задрал голову. Телевизоры в «Джоне Донне» висели высоко. На экране битлы медленно танцевали вокруг пианино, с которого были сняты все деревянные панели. Они поливали вертикальные струны краской, обходя пианино по кругу. Песню я слышал сто раз, а вот клипа не видел.

Я заслушался партией флейты, нервной, умной и нежной, как будто слушал ее впервые.

– Это на самом деле не клип, – сказал Антон. – Клипов тогда еще не делали. Это первый в истории рок-музыки видеоклип. Точнее, киноклип. Профессиональная съемка, нанятый режиссер.

– Да, – сказал я. – Флейта у них обалденная.

– И флейта хороша. И текст действует. Классическая психоделия. Хотя НЛП битлы не учили. Но флейта не хуже и в *For No One*. Помнишь?

Я помнил. Когда я только вернулся из Гоа и понял, что расстался с Машей навсегда, я лежал на полу, запуская *For No One* по десять раз подряд.

No sign of love behind the tears cried for no one.

Хотелось плакать от безнадежности. Песня делала мою печаль заметно светлей.

Антиглобалистское

При воспоминании об этих днях у меня по коже пробежали мурашки. Я решил срочно избавиться от них.

– Химик Леннона любил, – решительно сказал я, просто чтобы перевести разговор.

– Да, Химик... – Антон тяжело вздохнул. – Мои менты так ни на кого и не вышли.

– А Мотя обещал своим ментам хвост накрутить.

– Да что менты могут сделать! Сколько у нас заказных убийств раскрывается?

Неожиданно мне пришла в голову идея.

– Антон, калипсол!

– Хм... Калипсол. Химик им кололся. Химика убивают непонятно за что и очень странным способом. Тебе приносят странный заказ. Ты видишь в этом связь.

– Именно.

– А разве Химик кололся не кетамином?

– Это одно и то же. Разные названия одного препарата.

– Рассмотрим версию скрытого пиара. Некий фармакологический концерн, который выпускает калипсол, хочет увеличить продажи наркотиков среди подрастающего поколения. С них станется.

– Антон, не может быть! Крупная западная компания делает скрытый пиар наркотиков?

– Фармакологические корпорации – абсолютные монстры. Просто стараются это не афишировать без особенной нужды. Хуже них только табачные. Эти вообще полубандиты. Кстати, монстры из фармы сейчас находятся в тяжелой затяжной войне с табачными монстрами, как ты знаешь.

– Не знаю. Что за война?

– Война с курением. Ее начали как раз фармкомпании и их лобби. Все, что ты видишь по запрету курения, дискриминации курильщиков и все такое, – это результат сложной и дорогой лоббистской деятельности фармкомпаний. Деятельности, согласованной между основными конкурентами, разумеется.

– А зачем фармкомпаниям бороться с курением? Они же на больных раком больше заработают.

– В разы меньше, чем они зарабатывают на антиникотиновых таблетках, пластырях, жвачке и всякой такой ерунде. Которая к тому же толком не работает, поэтому бедные курильщики могут потреблять ее неограниченно долго. Представь себе, что на антиникотиновых примочках они зарабатывают больше, чем на обычных анальгетиках. Они открыли настоящий Клондайк на борьбе с курением.

– Ну, это, может, не так и плохо для общества. Курить все-таки вредно. Не поспоришь.

– Какое общество? – Мне показалось, что Антона переполняет возмущение. – Кого оно интересует? В дыме и смолах, разумеется, ничего хорошего нет, хотя сам по себе никотин в разумных дозах ни разу не яд. Но согласись как врач, что избыточный вес и ожирение на порядок опасней курения. От курения ты получишь в худшем случае эмфизему легких и рак, а от ожирения – целый страшный букет: диабет, гипертоническая болезнь, атеросклероз, потерю иммунитета, гормональный дисбаланс, да что угодно, вплоть до импотенции, депрессии и мучительных артрозов.

– Пожалуй, – согласился я, – ожирение поопасней. Я могу вообразить старого курильщика, но толстого старика вообразить не могу. Люди с ожирением очень редко доживают до старости. И главное, ожирению подвержено гораздо больше людей.

– Правильно. Но никто не запрещает рекламу высококалорийной еды. Никто не дискриминирует толстых: не сажают их за отдельный столик в ресторане. Никто не берет с них больше налогов, как происходит с акцизным сбором за табак и алкоголь. Наоборот: общество с готовностью платит за их обжорство и их последующее лечение от его последствий. А знаешь почему?

– Потому что это выгодно производителям еды?

– Конечно. Еды, сладкой газировки, фастфудовских ресторанов, супермаркетов, да мало ли кому еще выгодно обжорство? Общество считает, что яд – это никотин. Хотя реальная угроза в курении идет от дыма и от смол, а не от никотина. Между тем как сахар – настоящий яд в тех дозах, в которых его принято употреблять в обществе. Два кусочка сахара в день в двух чашках кофе – это не опасно. Но кто этим ограничивается? А знаешь почему?

– Потому что сахар как наркотик, но без изменения сознания?

– Потому что сахар нам кажется вкусным. Это генетическая история, которая тянется еще со времен палеолита, когда калории были в глубоком дефиците. И сейчас приготовить вкусную еду без сахара – искусство. А с сахаром – вкусно все что угодно. Хоть газировка с сиропом. Сахар даже в гамбургеры добавляют для вкуса. И в чипсы.

– Ты уверен?

– Абсолютно. И хотя многим знакома фраза «сахар – белый яд», никто в нее не верит. Все же вокруг едят пирожные и конфеты – они что, травятся? А чтобы отвлечь общество от простой и детской мысли о реальной смертельной опасности сахара в частности и переедания в целом, о сокращении жизни из-за ожирения как минимум на пятнадцать – двадцать лет, обществу навязывается дискуссия о вреде ГМО и о пользе фермерской картошки с маслом.

– А как пищевики выигрывают от борьбы с ГМО?

– С ГМО борются не пищевики, а производители удобрений и пестицидов. Это тоже огромные рынки, в десятки миллиардов долларов, но мы их не замечаем, потому что они почти не представлены в СМИ. Вот для этих химических концернов сельхозпродукты, не требующие ни удобрений, ни пестицидов, представляют страшную опасность. И они устраивают демонизацию генетических изменений, хотя эти изменения точечные и гарантированно безопасные, а пестициды, гербициды и инсектициды я бы безопасными не назвал. Да даже в натуральном навозе регулярно заводятся патогенные штаммы всяких там кишечных палочек. Так что легенда про безопасность фермерских продуктов немного красивее действительности.

Я понял, что пора заканчивать эту проповедь.

Зачем им убивать Химика?

– Антон! Я уважаю твой антиглобализм, но зачем международному фармакологическому концерну убивать Химика?

– Вопрос в том, не выпускают ли калипсол те люди, которые называли Химика экспертом и взяли его на работу. *MNJ Pharmaceuticals*. А дальше они могли повздорить. Ну мало ли что.

– Кто выпускает калипсол, можно легко проверить, – пожал я плечами.

– Проверь. У тебя же остались медицинские связи. Ты, кстати, не знаешь, как этот калипсол действует?

– Как действует? Хм. Это препарат для наркоза на коротких операциях типа аборта. Или вправления вывиха. Или удаления зуба. При дозах раз в пять меньше наркотической он дает вместо глубокого сна пограничное состояние. Оцепенение со странными галлюцинациями.

– Значит, калипсол – галлюциноген. Как LSD?

– Не как LSD. Совсем по-другому. LSD открывает тебе новые свойства этого мира. А калипсол переводит в другой мир.

– Интересно...

– Техника погружения такая. Обеспечиваешь тишину в квартире. Потом гасишь весь свет в комнате. Оставляешь одну маленькую лампочку. Потом запускаешь классическую музыку. Лучше всего орган. Потом делаешь себе укол и ложишься в постель.

– Колоться обязательно? – неодобрительно спросил Антон.

– Обязательно. Можно под кожу, можно в бедро, по-солдатски.

– По-солдатски?

– По-солдатски. Если солдата ранят или если газовая атака, он должен сам себе прямо через штаны ввести в бедро обезболивающее или антидот. Атропин какой-нибудь.

– Мой друг, мне страшно подумать. – Антон попытался заглянуть мне в глаза. – Ты что, его пробовал?

– Да, – очень простым голосом сказал я, выдержав взгляд Антона. – Мне Химик давал. Я пробовал раза три-четыре. Давно. Это не опасно. К нему нет привыкания. Передозировка невозможна: доза для трипа – всего одна пятая от дозы для наркоза.

– Как ощущения?

В хорошо обустроенных катакомбах

– Понимаешь – странно. Кайфа никакого. Ни эйфории, ни улучшения настроения. Сначала тебе кажется, что ты умер. Но это нестрашно. Или не очень страшно. Затем ты поднимаешься сначала над домом, потом над городом, потом над Землей. И видишь Землю совершенно с космической высоты, но при этом очень ясно и почему-то в коричнево-оранжевом свете. Как будто она освещена фонарями, вроде ночного проспекта. Потом вдруг по своей воле ты оказываешься под землей. В хорошо обустроенных катакомбах. Вокруг тебя начинаются загадочные церемонии, какие-то массовые обряды. Длинное, сложное, навороченное действие, в котором ты чуть ли не именинник. В результате ты понимаешь, что попал в другой мир, точнее, в другую часть этого мира. Понимаешь, что с существами, населяющими этот мир, можно общаться. Но по-другому. Не как мы с тобой. А то ли мыслями, то ли еле заметными движениями глаз и бровей, то ли музыкальными интонациями, которые передаются через странную жидкость. При этом сама музыка, та, которую ты поставил перед трипом, приобретает форму длинных коричневых кирпичных гротов, образующих уходящие вдаль галереи.

Я вдруг заметил, что Антон слушает меня с каким-то подозрительным вниманием и не перебивает.

– Представляешь себе? Музыка приобретает плотность и форму.

– Музыка становится трехмерной?

– Да-да. Она выглядит как темные, уходящие вдаль арки. Разной высоты и ширины. И есть еще одна очень интересная штука. Тебе кажется, что если кто-то одновременно с тобой уколется, то ты сможешь наладить с ним сеанс связи. Это очень заводит. Потому что когда трип кончается, то ты обычно все помнишь и можешь поговорить с этим вторым человеком, вспоминая, как вы там общались. Иногда кажется, что даже можно поставить эксперимент. Загадать число. Попытаться в трипе его передать тому, кто укололся одновременно с тобой на другом конце города. Или света. А потом, после трипа, проверить. Но самое главное – ты выходишь после калипсола с мыслью: смерти нет, а есть другой мир. Параллельный.

Может, это все мистика?

Антон сидел, глубоко задумавшись. Я посмотрел на него и продолжил рассуждать:

– Значит, если концерн Химика тайно рекламировал калипсол, то дело оказывается удивительно простым. Химик про это догадался, Химика убивают. Отрезают голову, чтобы напустить дыма. Замаскироваться. Или напугать Лилю. Красиво?

– Так себе, – честно сказал Антон, встрепенувшись. – Ты же сам сказал про аналоги, которые выпускают другие концерны. И пока мы не знаем, выпускает *MNJ Pharmaceuticals* калипсол или нет. Поэтому сейчас обсуждать эту версию рано. Кроме того, даже если это они, то при чем здесь Дейр-эль-Бахри? А одиночество?

– Стой! Одиночество! Помнишь? Я же недавно вам напоминал наш разговор с Химиком на дне рождения Моти. Он тогда четко сказал: «Нет никакого смысла жить до ста двадцати лет, находясь в одиночестве. А если смысл и есть, то удовольствия – точно нет».

Антон пожал плечами:

– Может быть, просто совпадение. Мало ли людей страдают от одиночества? Хотя что-то в этом есть. А что за число тебе дали рекламировать?

– 222461215.

Я протянул Антону салфетку с моими записями, и он принялся что-то на ней рисовать.

– Хорошо, – не унимался я, – а если верна твоя версия про тайное послание... Хотя кому? Всем подряд? Они хотят, чтобы это было везде.

– Тому, кто способен это послание расшифровать.

– Но это явно не мы. Слушай, а может, это все мистика?

– Не исключено. Например, заказ тебе сделал какой-нибудь богатый сумасшедший. С бредовыми идеями. Но тогда я не вижу связи со смертью Химика. Я боюсь, что за сегодняшний вечер мы не решим эту головоломку. Слишком мало вводных данных. И мне пора. Дина ждет.

Голос его потеплел, что, вообще говоря, антоновскому голосу было несвойственно.

Вот бы и меня кто-то ждал дома. Я усилием воли вернулся к разговору.

– Насчет связи – суди сам. Загадочный заказ. Загадочная смерть. Между ними два звена: калипсол и одиночество. Я завтра выясню, кто выпускает этот наркотик, и поищу в интернете что-нибудь про Дейр-эль-Бахри.

– Отличная идея, – согласился Антон. – Ищи про Дейр-эль-Бахри. А я подумаю над числом. Не зря же меня на мехмате пять лет учили. Созвонимся!

Съежился от одиночества и ушел домой

И он, расписавшись на слипе за нас обоих, за свой лимонад и мой виски (у нас в тусовке практиковалась социальная справедливость, и платил всегда тот, у кого денег было в данный момент больше), поехал домой.

Я остался слушать музыку и допивать виски. Ник Кейв на два голоса с Пи Джей Харви пели своего странного *Henry Lee*. Я вслушался в текст и немного задрожал. Дело в том, что я с детства пытаюсь разбирать слова рок-музыки, хотя мне давно понятно, что в отделении слов от музыки нет никакого смысла, они плохо живут в отрыве друг от друга. Рок – это больше чем сумма музыки и слов. И все-таки.

Lie there, lie there, little Henry Lee

Till the flesh drops from your bones.

Я представил себе мясо, опадающее с костей. Бр-р... А у меня нет девушки в *merry green land*, которая будет ждать меня после моей смерти.

Я съежился от одиночества и ушел домой.

Конец пятой главы

Глава шестая

Рабочая крыса и королевские пингвины

На следующее утро мне позвонил Антон и сказал, что не продвинулся с числом, но чтобы я в любом случае занялся заказом ФФ. И еще он сообщил, что сегодня же уезжает на какое-то время в Штаты. Я поинтересовался, куда именно. Оказалось, что в Редмонд.

– А что срочного в Редмонде? – максимально заинтересованно, чтоб не обидеть Антона, спросил я, очень плохо представляя себе географию США.

– В Редмонде, – ответил он, – *Microsoft*. Штаб-квартира. Они очень просят им помочь в одном деле.

– И это дело такое важное и такое срочное?

– Вроде да. Оно еще и довольно секретное.

– Ну поздравляю, – сказал я. – Значит, ты и вправду крут, раз из Москвы решить его не можешь.

И пожелал ему счастливого полета.

Жизнь продолжалась. Неожиданно стало больше денег. Я заплатил долларами ФФ за аренду офиса и приступил к выполнению заказа. К вечеру первого дня я понял, что один с этим не справлюсь. Было много работы с журналистами, которая осложнялась странностью поставленной задачи. Тогда я во второй раз нарушил слово, данное ФФ, и позвал к себе в кабинет моего заместителя. Я понимал, что рискую. Одно дело – рассказать о секретном проекте близкому другу, а другое дело – сотруднику. Но выхода не было: я прикинул список необходимых действий и понял то, что следовало бы понять еще при разговоре с ФФ, – в одиночку с этим заказом справиться невозможно. Я вздохнул и спросил себя, хватит ли у меня отмораженности отказаться от него. Походил по комнате. Постоял у окна. Выяснил, что отмораженности не хватит: деньги были очень нужны. Причем не столько мне, сколько самому агентству. Без этого заказа мы бы оказались на грани разорения буквально в этом месяце. Эта мысль окончательно укрепила меня в решении забить на риск и обратиться к Крысе.

Ей было где-то сорок с небольшим. Из-за редкой фамилии – Курас – у сотрудников не оставалось выбора. Я был уверен, что она знает про свое прозвище. Маленькие глазки, маленькое туловище, острый нос, острый ум, железный характер, упрямство и стержность – ну кто, если не Крыса? Иногда я подумывал, что ей бы очень пошел тонкий длинный серый хвост.

На своем месте Крыса была великолепна. Мы с ней образовали тандем: я создавал проблемы для агентства, а она их решала.

Однажды, например, мы ломали голову над заказом сложным и дурацким одновременно. Маленький банк – Банк Новослободский – решил открыть в Москве второе отделение. Филиал. Нам предложили пригласить журналистов на фуршет и заставить их осветить это революционное событие в банковской жизни России. Журналистам до банка никакого дела, конечно, не было. Платить журналистам приличных изданий деньги, чтобы они написали про это, было невозможно: они не пачкали рук мелкими заказами.

Поэтому я придумал такой ход: на открытие нового отделения в банк приводят пингвина. Живого, настоящего королевского пингвина из Московского зоопарка. Например, под предлогом, что Банк Новослободский взял над ним шефство. У журналистов появляется редкая возможность выпить с пингином, сфотографировать его в кресле президента банка и вообще оттянуться по полной. В благодарность за это мы бы получили от них некоторое количество бесплатных публикаций с соответствующими фотками. Вообще, звать журналистов не на скучный ивент, а на интересную фотосессию был фирменный рецепт нашего агентства.

Идею ивента я нашел, с этим у меня никогда проблем не было, а вот продавать идею банку и договариваться с пингином, точнее с его представителями в лице администрации зоопарка, пришлось Крысе. Но она с честью выполнила свой долг. Пингвин, хоть и королевский, оказался мне по пояс и выглядел как странная птица, каковой на самом деле и являлся. Он ходил на поводке, шлепал лапами, пах рыбой, издавал гортанные звуки и всех развлекал.

Журналисты не подвели. Банк заплатил.

В высшей степени конфиденциально

Я кратко ввел Крысу в курс дела, не упомянув ни о Химике, ни о нашем разговоре с Антоном. Сказал, что богатый сумасшедший хочет развлечься, размещая слова «калипсол», «Дейр-эль-Бахри» и «одиночество», а также число 222461215. Размещать все это он хочет в прессе, на ТВ, на радио и в интернете, причем в высшей степени конфиденциально, так, чтобы журналисты не догадались. Платит много и наличными. Вопросов не любит. Требует полного неразглашения, нераспространения и полной непролиферации, не знаю точно, что это такое. Обещает страшные кары в случае чего. При упоминании наличных глубоко посаженные глазки Крысы блеснули.

Мы быстро разработали план действий. Для каждого из тридцати основных изданий мы напишем своими силами интересные материалы. Статьи, обзоры, очерки, интервью. Журналистам один черт надо о чем-то писать. Светские журналисты – люди в принципе хорошие. Но, слава богу, ленивые, циничные и по сути своей нелюбопытные, если не сказать глупые.

Через три дня у нас уже было около двадцати упоминаний всего этого бреда, причем одно даже на телевидении.

Самооценка ползет вверх

Затем Крыса ввела усовершенствование в нашу работу. Она нашла десять случаев использования слова «одиночество», не имеющих к нам никакого отношения, и без стеснения приписала появление этого слова нам. Это маленькое открытие принесло нашей фирме дополнительно пять тысяч долларов.

Дейр-эль-Бахри, которое оказалось довольно известным туристическим местом в Египте, употреблять было сравнительно легко, а вот калипсол всовывать в прессу приходилось с трудом, в основном в статьях про аборт и наркоманов. С числом были проблемы. Но мы с честью выкрутились из них. То упоминали папку – дело с порядковым номером 222461215, то указывали странный десятизначный телефон, то как IP-номер. Несколько раз мы отыскивали события, произошедшие 22 февраля 46 года в 12:15.

Обычно они относились к началу холодной войны, в частности, именно 22 февраля 1946 года американский дипломат Джордж Кеннан отправил из Москвы в Белый дом так называемую «длинную телеграмму» (восемь тысяч слов). Именно эту телеграмму, анализирующую предвыборную речь Сталина, а не Фултонскую речь Черчилля, многие исследователи считают официальным началом холодной войны.

ФФ не подвел и аккуратно заплатил во второй раз. Просмотрел ксероксы, распечатки мониторинга и отсчитал еще одиннадцать тысяч. Я наконец стал чувствовать себя богатым. После полной расплаты с кредиторами у меня на руках оставалось шесть тысяч. Я в жизни столько не зарабатывал. Крыса, от которой я впервые совершенно искренне был в восторге, получила от меня неслыханную премию в три тысячи долларов.

Еще через пару дней произошло совершенно выдающееся событие, благодаря которому моя самооценка из положения «ниже среднего, но как у многих» впервые за много лет начала ползти вверх. Дело было так. Я в очередной раз пытался засунуть IP-номер 222.46.12.15 в очередной блог. И вдруг мне в голову пришла идея: а почему бы не сделать этот номер неким индустриальным стандартом? Зашивают же все производители модемов, например, IP-адрес 192.168.0.1 в качестве дефолтного. Давайте добавим наш номер в качестве второго дефолта! А то еще и MAC-адреса такие сделаем. И еще какие-то адреса. DNS? Я в этом мало что понимаю. Разумеется, для этого нужна большая работа с производителями всякого железа, и мы ее не потянем ни в каком варианте, но почему бы не поделиться идеей с заказчиком? Я набрал номер ФФ и поделился, честно предупредив, что исполнить эту идею нам не под силу. ФФ внимательно меня выслушал, ничего не сказал, кроме: «Хм, интересно», а через два часа у нас в офисе появился курьер с твердым на ощупь свертком, по форме напоминающим пачку денег. Появился и тут же исчез, не взяв ни расписки, ни квитанции. Я вскрыл сверток. Двадцать тысяч долларов в вакуумной банковской упаковке и лист А4, на котором было напечатано три слова: «бонус за идею». Маленькие глазки Крысы, которая присутствовала при вскрытии пачки, вылезли из орбит. Она почти минуту читала бумажку с этими тремя словами, а потом сказала, что я, вероятно, могу забрать эти деньги себе, как свой личный бонус, потому что идея от начала до

конца – моя. Я укоризненно взглянул на нее и попросил отнести деньги в кассу. Но поскольку лицо у меня просто светилось от счастья, то она посмотрела на меня как на конченого идиота, который радуется не деньгам, а доброму слову от сомнительного клиента. А потом, сказав: «Ну-ну, поздравляю», с недовольным видом понесла-таки деньги в кассу, то есть в маленький старенький сейф, стоящий в бухгалтерии. Я почему-то не сразу сообразил, что она предпочла бы, чтобы я взял эти деньги себе, не забыв поделиться с ней, разумеется.

Прелюдия к поиску

Настроение у меня стало заметно лучше. И я продолжал неторопливый поиск, а именно методично набирал слово «Дейр-эль-Бахри» во всех известных мне поисковых системах и сначала ходил по прямым ссылкам, а потом по ссылкам ссылок, делал уточняющие запросы и снова шел по ссылкам – словом, погрузился в проблему. Это отнимало много времени, но я свалил всю писательскую работу на Крысу.

Подавляющее большинство ссылок вело в Египет. Когда я попытался систематизировать свой труд и привести в порядок все выписки, которые я сделал, я понял, что их следует разбить хронологически на три части: пирамидиотизм (наше время, XX–XXI века н. э.); коптский монастырь в Дейр-эль-Бахри (именно в честь него и названо место, означающее по-арабски «Северный монастырь», IV–VIII века н. э.); и женщина-фараон Хатшепсут, так как в Дейр-эль-Бахри находится храм первой в мировой истории великой женщины-фараона (XV век до н. э.).

ФФ – пирамидиот?

Самой веселой темой был, конечно, пирамидиотизм. Автор-пирамидиотов было много, пирамидиотских публикаций еще больше, а восхищенные читатели с их каменными счетами не поддавались.

Как только мне попадались слова «феноменальная точность подгонки и ориентации...», «непревзойденные и по сей день технологии...», «золотое сечение и число π...», «тайное предназначение пирамид», «официальная наука презрительно игнорирует», «атлантическая гипотеза происхождения египетской цивилизации», я немедленно сохранял эту страницу в специальной папке в браузере.

А все потому, что мне пришла в голову идея, настолько крутая, что я не поленился обсудить ее с Мотей. С Мотей, потому что Антон был далеко и в других часовых поясах, а Моте я, конечно, тоже сразу рассказал о заказе, нарушив подписку, тем более что ему, как акционеру PRT, вообще полагалось знать все.

– Мотя, – сказал я самым серьезным голосом, набрав его по мобильному, – а что, если ФФ – пирамидиот?

– Какой идиот? – не понял Мотя. – Почему идиот? Если человек размещает в нашем с тобой агентстве заказ, он сразу зачисляется в идиоты? Ну, с таким подходом...

– При чем тут подход? Заказ очень странный. Дейр-эль-Бахри – место в Египте. Там древнеегипетский храм какой-то важный. Вот я и думаю, может, ФФ чокнулся на пирамидах? Ну, знаешь, вот это все: тайные знания древних цивилизаций, сумерки богов, следы ДНК пришельцев в нашей ДНК, Атлантида – Лемурия – Пандора, цивилизация X, Запрещенная История, утраченные технологии Древнего Египта.

– Может, и так. Почему нет? Может, у него такое хобби? Имеет право развлечься человек за свои деньги или нет? – В Мотином голосе прозвучало понимание и уважение к ФФ. – А что ты имеешь против этого? Может, он с нашей помощью хочет выйти на связь с инопланетянами? Или поискать у кого-то ДНК пришельцев. Не надо мешать человеку. Дейр-эль-Бахри – значит, Дейр-эль-Бахри... Пирамиды – значит, пирамиды. Работай, главное. Думай о *customer*

satisfaction. И о нас не забывай! Надоело в тебя инвестировать. Тем более что твоя личная ДНК, как я понимаю, его не интересуется.

– Мотя, во-первых, с деньгами у нас стало полегче. Во-вторых, я тебе зачем звоню? Для улучшения *customer satisfaction*. Если ФФ – пирамидиот, то мне надо вести себя с этим заказом поосторожнее. Потому что пирамидиоты очень ранимы. И в любом случае разобраться, что это за Дейр-эль-Бахри чертово. Почему калипсол? Что значит «одинокость»? И что за число 222461215? Какие, на хрен, коды мы размещаем?

– А мне вот плевать, какие, на хрен, коды вы размещаете. Раз клиент просил о конфиденциальности, я бы на твоём месте вел себя сдержанно и не совал бы свой нос куда ни попадя.

– А если это плохие коды?

– Да хоть коды вызова дьявола. Тем более что я в него не верю. В Бога верю, а в дьявола – нет.

– Если есть Бог, может быть и дьявол, – меланхолично заметил я, решив, что Мотя мне в советчики не годится, и готовясь свернуть разговор.

– Ну, если так рассуждать, то можно начать верить и в архангелов, и в херувимов. А оттуда уже недалеко до эльфов и троллей. Я верю в Бога, – твердо постулировал Мотя, – а во всякую нечисть на небе – не верю. Её столько на земле водится, – чуть понизив голос, доверительно сказал он, – что, поверь, на небе она на хрен не нужна.

– Хорошо, Мотя, – сказал я, заканчивая средневековую дискуссию. – Ты меня успокоил. Пойду поработаю над размещением кодов вызова несуществующего дьявола. Будь здоров!

– Бог в помощь! На связи.

Конец шестой главы

Глава седьмая

Дураки или альтернативщики?

Я сел посмотреть, что у нас делается с размещением. Оказалось, что все идет отлично. Моя менеджерская помощь Крысе не требовалась. Версия, что ФФ – пирамидиот, казалась мне все более и более правдоподобной, поэтому я сел за пирамидиотские тексты.

Вначале у меня были двойственные чувства к этим немного наивным, в чем-то даже трогательным, статьям и книгам, обвиняющим классическую науку в снобизме, игнорировании фактов, косности и лицемерии. С их точки зрения, наука пытается тщательно скрыть тот факт, что древние цивилизации были невероятно продвинутыми и обладали глубокими познаниями в разных областях, полученными то ли от инопланетян, то ли от жителей Атлантиды, то ли от них вместе.

С одной стороны, тексты альтернативщиков казались слишком уж пропагандистскими. Они были почти напрочь лишены взвешенности и осторожности в предположениях. И в них остро не хватало ссылок на академические работы: все пирамидиоты (сами они называли себя альтернативщиками, а иногда и диссидентами) ссылались только друг на друга. В этом пестром сообществе не было ни одного профессионального египтолога-раскольника, порвавшего с темной научной мафией и перешедшего на сторону светлых сил альтернативных знаний.

Но постепенно я и сам начал проникаться этим бунтарским духом. С другой стороны, думал я, чем черт не шутит. Разве наивный и совершенно непрофессиональный Шлиман не открыл Трою, просто веря в «Илиаду», как в исторический документ? Кроме того, не так важно, владели ли древние египтяне всякими невероятными технологиями и знаниями на самом деле, – я-то занимаюсь этим ради того, кто в это верит.

Я выписал основные тезисы альтернативщиков, которые мне (и им) казались самыми сильными. Начал я с числа π . Во многих статьях утверждалось, что египтяне знали его с точностью до двенадцатого знака. Это был мощный стейтмент.

Второй стейтмент тоже показался мне сильным: альтернативщики приводили сложные инженерные расчеты, указывающие на то, что без специальных знаний египтяне никак не могли поднимать и перемещать семидесятитонные блоки. Да и сегодня подъемные краны, которые способны поднимать такой вес, производятся редко и по специальному заказу. Обычный строительный подъемный кран может поднять груз весом до двадцати – двадцати пяти тонн.

Третий наезд звучал так: блоки подогнаны так плотно друг к другу, что между ними нельзя просунуть кредитную карточку. Каким образом с помощью медных инструментов можно было добиться такой точности шлифовки многотонных строительных блоков, причем с шести сторон? С точки зрения авторов статей, египтолог-профессионал, услышав этот вопрос, должен был стыдливо закрыть лицо руками, расплакаться и убежать. Этот наезд подкреплялся фотографиями. И сопровождался уточняющим замечанием, безусловно корректным: пирамиды строились только во время первых династий фараонов, в так называемом Древнем царстве, а потом египтяне по тем или иным причинам строить их перестали. Не потому ли, что технологии строительства со временем были утрачены?

Четвертый гвоздь в гроб классической египтологии был забит предназначением пирамид. Поскольку ни в одной пирамиде не нашли ни одной мумии, утверждали альтернативщики, пирамиды – вовсе не погребальные храмы фараонов, как врет всем нам официальная мафия ученых-египтологов.

Про официальную мафию я, как человек, живущий в России, понимал все очень хорошо и тут же насторожился. Но если пирамиды не гробницы, то для чего все-таки они были построены?

Здесь я немного обломался. Версии расходились: кто-то полагал, что пирамиды были обсерваториями. Кто-то был уверен, что пирамиды – это космодромы или навигационные знаки для космонавтов-инопланетян. Кто-то искал в пирамидах тайные послания будущим цивилизациям.

Настоящие борцы с официальной пропагандой, те, что были посмелее и поувереннее в себе, считали пирамиды хранилищами неизвестного типа энергии или заводами по производству этого же, неизвестного еще науке типа.

Я понял, что столкнулся с настоящей теорией заговора. Небольшая сплоченная мафия ученых-египтологов, скрывающих что-то очень важное и нужное от просвещенного человечества, активно противостоит группе честных диссидентов-альтернативщиков, ищущих голой правды, какой бы странной и жуткой она ни была. Старую правду бунтари опровергли, но, к сожалению, консенсус по новой правде найти не получилось. Мне показалось, что от всей этой истории веет неким криминальным волшебством.

Выбора у меня не было. С этим нужно было разобраться. На сайтах борцов с научной мафией было маловато ссылок на первоисточники. Я полез на профессиональные египтологические сайты и стал изучать каждый из волновавших меня вопросов по отдельности.

Откуда египтяне знали число π ?

Я быстро выяснил, что знание египтянами числа π с высокой точностью – просто чушь. Ложь. Бред сивой кобылы без единой ссылки на первоисточник. Я без труда нашел много настоящих академических статей о египетской математике со ссылками на дошедшие до нас во множестве математические папирусы. В них было четко и ясно сказано, что египетские архитекторы хорошо представляли себе, что такое число π , то есть постоянное отношение длины любой окружности во Вселенной к диаметру этой самой окружности, но они рассматривали π как 16^2 , деленное на 9^2 , то есть $256/81$, то есть 3,16. Наверно, неплохая точность для строителя, но математика она в восторг не приведет. Уже Архимед принимал π в расчетах как 3,14.

Как они ворочали каменные блоки огромного веса?

Пирамидиотские статьи с глубоким уклоном в инженерию о том, что египтяне не могли без помощи инопланетян или сверхвысоких технологий транспортировать и поднимать семидесятитонные каменные блоки, я даже не стал читать – я плохо разбираюсь в механике и строительстве. Мне абсолютно хватило того, что я узнал про Александрийский столп в Петербурге.

Когда Николай I в конце двадцатых годов XIX века решил увековечить память своего брата Александра I – победителя Наполеона – на Дворцовой площади, то в 1832 году цельную гранитную колонну поднимали без использования каких бы то ни было инопланетных механизмов, исключительно на веревках и блоках, то есть инструментах, доступных еще древним египтянам, а вес этой идеально отполированной колонны составил не семьдесят тонн, а (внимание!) семьсот четыре тонны. И никто особенно не охал и не ахал, хотя для первой трети XIX века это был явный инженерный успех. И везли эту колонну не из соседней каменоломни, как это делали египтяне, а из Финляндии. Тащили, сплавляли на баржах, а потом две тысячи русских солдат и четыреста русских рабочих за один час сорок пять минут под руководством Монферрана установили колонну на

постамент на глазах у собравшейся по такому случаю публики и императора с семьей. Естественно, ни в одной пирамидотской статье этот факт не упоминался. Я полюбовался серией великолепных гравюр, на которых был изображен весь процесс создания, транспортировки и водружения колонны.

Но ладно Александрийский столп. За шестьдесят лет до него в том же Петербурге, когда Екатерина II решила поставить памятник Петру I, Этьен Фальконе захотел соорудить постамент из цельной каменной глыбы. Нашли мегалит примерно в двадцати километрах от центра города, назвали Гром-камнем, выкопали, подняли и доставили в Петербург. Вес его на момент транспортировки (блоки, веревки, деревянные полозья) составил полторы тысячи тонн. В двадцать раз больше самого большого блока пирамиды Хеопса. Каждый турист может прийти до Сенатской площади и полюбоваться на Медного всадника, а заодно и на расположенное под ним мегалитическое опровержение пирамидотских теорий.

Как они обеспечивали феноменальную точность подгонки каменных блоков?

Выяснилось, что никак. Между блоками пирамиды обычно заливался примитивный бетонный раствор, следы которого видны и сегодня невооруженным (и тем более вооруженным) глазом. А в тех местах, где бетона нет, где он рассыпался и выветрился, можно засунуть не просто кредитную карточку, а целую голову пирамидота. Качество строительства в то время было ужасным: внутренние блоки просто сваливались рядом, при этом не обтачивались, не шлифовались, а тупо заливались бетоном, рецепт которого (глина, гипс, известняк, щебенка и вода) египтянам, как и шумерам, разумеется, был известен уже тысячу лет как. А шлифовали строители только внешнюю часть блоков, причем настолько тщательно, насколько нужно было для нанесения на поверхность пирамиды плоской облицовочной плитки.

Для чего были нужны пирамиды?

Я разобрался. Пирамиды точно были усыпальницами фараонов. Об этом говорит буквально все: обнаруженные в них саркофаги, надписи

на стенах в коридорах пирамид, надписи на окружающих пирамиды строениях, надписи на храмах, тысячи, если не десятки тысяч, независимых упоминаний пирамид в разнообразных папирусах именно как усыпальниц фараонов Древнего царства. Ну и конечно, все древнегреческие и древнеримские историки, начиная с Геродота, писали о пирамидах как об усыпальницах фараонов. Так что мафия ученых-египтологов не врет.

Кучка манипуляторов

Я все-таки поразился, до какой наглости в манипулировании фактами и игнорировании информации, противоречащей их теории, могут доходить запрограммированные на сенсации альтернативщики-диссиденты. В конце концов мне стало стыдно. Как я мог даже на минуту усомниться в классической египтологии? Я же знал, что это одна из самых развитых и разработанных гуманитарных наук с блестящими открытиями, очень дотошными учеными, с прекрасным научным аппаратом – десятками тысяч статей в академических журналах и тысячами монографий.

А пирамидиоты, не обладая даже базовыми знаниями, полезли драться с этой образцово-показательной гуманитарной дисциплиной, в которой археология, этнография, палеография, классическая филология, структурная лингвистика, инженерное дело соединились с самыми современными научными технологиями, от радионуклидных исследований до ДНК-анализа. В последние годы для проникновения в самые труднодоступные области пирамид египтологи используют даже робототехнику.

С чувством легкого интеллектуального превосходства я попрощался с лженаукой. И вдруг понял, что меня все равно что-то гнетет. Какое-то внутреннее жжение не отпускало меня. Я понял, что никак не могу отделаться от странного чувства. Пирамидиоты – или жулики, или больные люди. И ФФ, к сожалению, к ним явно не относился. Он был земным, сухим прагматичным мерзавцем. Ну хорошо, не мерзавцем, а просто неприятным человеком. Но тем не менее от Древнего Египта действительно веяло неким волшебством. Не криминальным. Но таким, от которого сердце проваливается куда-то вниз и там замирает.

Необычное знание

Волшебство заключалось в знании. В каком-то феноменально детализированном знании египтян об устройстве жизни после смерти. Невероятно подробном. Очень доскональном. Причем одной четко прописанной доктрины устройства параллельного мира не было. За несколько тысячелетий у египтян сменился ряд плавно перетекавших друг в друга концепций, которые иногда немного конкурировали между собой, и это вызывало особое доверие. Единого универсального текста, который был бы принят религиозным истеблишментом как истина в последней инстанции, наподобие Библии, Корана или Дао дэ цзин, у египтян не было. Все доктрины были заботливо изложены в текстах, написанных на папирусных свитках (иногда дорого и круто иллюстрированных), на саркофагах, на стенах гробниц. «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов», «Книга врат», «Книга пещер», «Книга того, что есть в загробном мире», «Камышовые поля» и, конечно, «Книга мертвых» – от одних только названий мороз пробирал по коже.

Разные тексты существовали в разных редакциях, но главный интеграл, который мне удалось взять за все время изучения вопроса, была мысль о том, что жизненная сила, заключенная в нас самих, не угаснет после смерти. Жизнь будет продолжаться, но в другой форме.

Я подумал, что знакомство с египетской эсхатологией не повредит. Если я не верю в технологические преимущества египетской цивилизации над современной, почему не допустить потенциальное превосходство египтян в области посмертных знаний? Никто же не спорит, что именно на Востоке, несмотря на технологическую отсталость, появились такие мощные философские системы, как даосизм, буддизм с моим любимым дзен-буддизмом, учение Упанишад, да мало ли что еще? В конце концов, некоторые ученые связывают концепцию воскресения Христа с воскресением Осириса. Вдруг ФФ окажется не пирамидиотом, а неким адептом тайных египетских знаний? Почему бы и нет!

Я выяснил, что с первого до последнего дня главной заботой каждого египтянина была жизнь за порогом смерти. Они беспокоились о гробницах, о необходимой утвари, об амулетах и прежде всего о

специальных заклинаниях, написанных в книгах. Смерть и воскресение. Возможность смертному достичь бессмертия и жить вечно в прекрасном духовном теле.

Применить обрывочные знания о Камышовых полях к решению нашей задачи у меня явно не получалось. В какой-то момент я искренне пожалел, что на земле не осталось ни одного древнего египтянина, который бы мог мне просто и своими словами объяснить, как там у них все устроено в параллельном мире. Но не успел я убедить себя, что надо отложить эту тему до лучших времен, а пока попробовать что-то еще, как вдруг сообразил: потомки древних египтян остались. Это же копты! И я немедленно перешел ко второму вопросу и начал искать информацию о коптском монастыре в Дейр-эль-Бахри.

Уцелевшие древнеегипетские гены

Копты – действительно прямые потомки древних египтян. В IV веке они, как и почти все население Римской империи, приняли христианство. Многие современные теологи считают, что коптская литургия больше всех остальных напоминает раннехристианскую, поскольку коптская церковь, отделившись от основной христианской церкви еще в 451 году, не испытала ни политического давления Рима, ни интеллектуального влияния Константинополя. Когда арабы в VII веке захватили Египет, то девяносто процентов египетского населения перешло в ислам, став частью арабского мира, а десятипроцентное меньшинство сохранило христианскую веру, благодаря чему древнеегипетские гены и древнеегипетский язык (в литургии) уцелели. Не исключено, подумал я, возвращаясь к своей навязчивой идее, что, кроме литургии и языка, у коптов остались и какие-то старые египетские знания о параллельном мире. Хм. Это интересно. Ведь с ними-то об этом наверняка можно поговорить, хотя коптская община в Египте живет довольно замкнуто.

Но как я ни старался, так и не смог понять, какое отношение к моему расследованию имеет этот коптский монастырь в Дейр-эль-Бахри, давший название месту и заказу ФФ, тем более что он оказался разрушен по египетским меркам почти сразу после постройки – лет через триста пятьдесят – четыреста. Единственное, что отличало его от

других разрушенных, заброшенных и полузабытых монастырей, было необычное соседство. Монастырь в Дейр-эль-Бахри копты решили строить рядом с храмом Хатшепсут.

Я оставил разрушенный монастырь в покое и перешел к храму, который пережил несколько реставраций и неплохо сохранился, хотя и был на полторы тысячи лет старше монастыря.

Храм и странности неупоминания

Храм Хатшепсут произвел на меня сильное впечатление. Длина – двести пятьдесят метров. Высота – три этажа гигантских террас метров по тридцать каждая. Потрясающая колоннада безупречной гармонии, выстроенная за тысячу лет до Парфенона. Террасы поднимаются в горы, где храм плавно сливается с ними и в этих горах исчезает. Главное место храма – алтарь Амона-Ра – находится не в отдельном строении, а в пространстве, вырубленном в скалах. Когда я узнал, что все колонны, стены и гипостиль покрыты резными барельефами, которые изначально были еще и цветными, – у меня просто перехватило дыхание.

Я был уверен, что имя архитектора не сохранилось, но немного поискал и понял, что ошибся. Египетского Фидия звали не то Сененмут, не то Сенемут. Оказалось, что Хатшепсут была не просто первой великой женщиной в истории – для нее работал и первый в истории великий архитектор, чье имя дошло до просвещенного человечества. Более того, Сененмут был не просто архитектором. Но об этом чуть позже.

Исследуя храм и ведя раскопки в его окрестностях, археологи столкнулись со странностями. И эти странности показались мне настоящими – то есть не пирамидотскими – загадками.

Храм Хатшепсут стоит три с половиной тысячи лет, а в записях Манефона, единственного египетского историка, который жил пусть и в древние, но уже исторические времена (при Птолемах) и написал (по-гречески) книгу под говорящим названием «История Египта», имени Хатшепсут нет. Родословная фараонов у него звучит как начало Евангелия от Матфея:

Секенен-Ра Таа родил Яхмеса, Яхмес изгнал гиксосов и родил Аменхотепа I, Аменхотеп I родил Тутмоса I и жену его Яхмесит,

Тутмос I родил Тутмоса II, Тутмос II родил Тутмоса III, который завоевал весь мир и родил Аменхотепа II.

И никакой Хатшепсут.

Археологи удивились и тому, что большинство статуй с изображением царицы оказались закопанными в горизонтальном положении сразу за оградой храма на глубине трех метров ниже фундамента, как будто их похоронили. Иногда археологам попадаются статуи, лежащие в земле, но, как правило, рядом находится пьедестал, с которого они упали или с которого их свалили, и лежат эти статуи в земле обычно вперемешку с археологическим мусором. А тут статуи были аккуратно уложены лицом вверх метра на два – два с половиной ниже своего культурного слоя. И никаких пьедесталов по соседству.

Хатшепсут построила не только храм в Дейр-эль-Бахри, но и множество других храмов по всему Египту. Множественные картуши Хатшепсут (то есть обведенные специальной рамкой имена фараонов) оказались в этих местах стертymi. Вычищенными. Иногда вместо затертого картуша Хатшепсут был вырезан картуш Тутмоса I, иногда Тутмоса II, а иногда Тутмоса III.

Иногда на месте бывшего картуша оставалось пустое место, а имя обнаруживалось только при детальном обследовании, например при съемке в инфракрасных или ультрафиолетовых лучах. В нескольких случаях имя Хатшепсут сначала было стерто, потом восстановлено, а потом опять стерто. Что за дела?

Неопределенность пола

Я просмотрел фотографии всех изображений Хатшепсут, какие только смог найти в интернете. Их оказалось не меньше двадцати – статуи, барельефы, рисунки, сохранился даже небольшой, метра три с половиной в длину, сфинкс Хатшепсут (музей Метрополитен в Нью-Йорке). Я вглядывался в миндалевидные глаза, тонкий чувственный нос с горбинкой, маленький рот и узкий нежный овал лица. Заодно мне попадались изображения и Сененмута, и Тутмоса III. Сененмут с виду был милым, добрым, круглолицым, веселым чуваком. Взгляд очень умный, с хитринкой, но безусловно вызывающий симпатию. На скульптуре из Британского музея у него на руках сидит очаровательная трепетная девочка лет шести-семи по имени Нефру-Ра, дочь Хатшепсут. Тутмос III выглядел значительно более серьезным человеком. Горящий взгляд, орлиный нос, острые скулы. Но самой выразительной из всех троих была сама Хатшепсут.

Меня удивило выражение ее глаз. Хатшепсут словно говорила: «Я хороша и умна. Я готова ко всему. К власти. К любви. К смерти. К отсутствию любви и смерти».

Пересматривая картинки, я начал удивляться. Примерно треть скульптур изображали царицу в облике женщины, то есть в платье, с заметными выпуклостями на груди.

На остальных Хатшепсут, при том же высочайшем сходстве, была изображена мужчиной. Накладная бородка-трубочка, набедренная повязка, плетеный передник, голая, абсолютно плоская грудь. И знаки царского достоинства, включая скипетр с двухголовой змеей – насколько я понял, символом единства Верхнего и Нижнего Египта.

Что за дела? Фараон-гермафродит? Но с Хатшепсут все было сложнее. Она была скорее не гермафродитом, а трансгендером. Сначала женщина, потом мужчина. У животных бывает такое явление, называется дихогамия – последовательная смена пола. В основном она наблюдается у ярких коралловых тропических рыб. Благодаря современной медицине люди в последние годы тоже могут менять себе пол. Но в Древнем Египте? Я решил, что надо бы узнать про это побольше.

Зачатие в деталях

На одном египтологическом сайте я увидел барельеф с прекрасным названием. Он назывался «Сцена зачатия великой царицы Хатшепсут ее родителями – фараоном Тутмосом I и его супругой Яхмесит». Чтобы ни у кого не было сомнения, что Тутмос I и Яхмесит со сплетенными ногами занимаются любовью, барельеф сопровождался соответствующим описанием. О порнобарельефах, да еще и древних, я не слышал и прочел описание внимательно.

Царь Юга и Севера, животворец, застал царицу, когда она почивала в роскошном дворце. Она пробудилась от блеска алмазов фараона и удивилась, когда его Величество тотчас приблизился к ней, положил свое сердце на ее сердце и явил себя ей в своем лике Бога. И вот что сказала супруга царя, мать царя Яхмесит при виде величия фараона: «Это благородно – видеть лик твой, когда ты соединяешь себя с моим Величеством. Роса твоя проникает во все члены мои!» Потом, когда величие Бога удовлетворило свое желание с ней, повелитель обеих земель сказал ей: «Хатшепсут, что означает „Первая из любимых“, – истинно таково будет имя моей дочери, ибо душа моя принадлежит ей, корона моя принадлежит ей, дабы правила она обеими землями, дабы правила она всеми живыми двойниками».

Первые итоги

Я подвел итоги. Упоминаний в списках фараонов – нет. Статуи – захоронены. Картуши стерты. Пол – не определен. Везде какой-то стремный неуклюжий пиар (у меня на такой пиар обостренный нюх). Но порнобарельефы недвусмысленно указывали на то, что она была легитимным фараоном, дочерью Ра. Ясно было, что с царицей случилась некая детективная история. А раз ФФ не был пирамидиотом и не имел отношения к коптскому монастырю в Дейр-эль-Бахри, значит, та детективная история и эта как-то связаны. Все дело в женщине-фараоне. При чем тут Химик, пока совершенно неясно, но придется выяснить.

А для этого – досконально разобраться в событиях, происходивших за полторы тысячи лет до нашей эры, то есть за сто пятьдесят лет до исхода евреев из Египта, за триста лет до Троянской войны и за тысячу двести лет до завоевания Египта Александром Македонским. Словом, давно. К счастью, египтологи за двести с лишним лет поработали на славу и собрали бесчисленное количество документов. У меня были отличные шансы. Но от объема предстоящей работы перехватывало дыхание, а я уже чувствовал себя немного утомленным. Я решил отложить Египет в сторону, чтобы набраться сил, послушать советов на эту тему Антона и Моти (в основном Антона), а пока проработать другие направления расследования.

Мы могли бы служить в разведке

Мне удалось быстро выяснить, что *MNJ Pharmaceuticals* не имеет никакого отношения к производству калипсола. Как сказали бы менты, «установлено, что профессиональная деятельность не является причиной убийства». Химика убил не калипсол и не кетамин. Ну, отрицательный результат – тоже результат.

В конце недели вернулся Антон. На мое предложение встретиться и выпить по этому поводу, а заодно рассказать, как я продвинулся в своем расследовании, он объяснил, что проведет выходные за городом, и предложил встречаться на следующей неделе, если у меня нет ничего срочного.

Жизнь продолжалась во всем своем однообразии, разбавляемом приевшимися развлечениями. Я урывками встречался с Машей, которая внимательно выслушала мою египетскую историю, покачала головой и ничего не сказала. А что тут скажешь? Днем я помогал Крысе размещать сумасшедший заказ, а вечерами шлялся по недорогим пабам.

В одном из них я услышал полузабытую песню «Високосного года». Она пришлась в кассу. Как будто про нас с Машей.

А мы могли бы служить в разведке,

Мы могли бы играть в кино.

Мы, как птицы, садимся на разные ветки

И засыпаем в метро.

Господи, как грустно! Лучшие годы проходят, а мы не только не делаем ничего замечательного, мы даже не живем с любимыми людьми.

История с Египтом по-прежнему манила меня, но поделиться было не с кем: Антон работал как проклятый, Мотя был погружен в роман с финдиректрисой. Поэтому я решил, что пора ехать к Лиле. Уточнить, что она знает про калипсол и Химика. Тем более что на его девять дней я не поехал. Утром в понедельник я позвонил. Лиля без особого энтузиазма сказала, что сегодня вечером она свободна.

Конец седьмой главы

Глава восьмая

Ты умна, а я идиот

По дороге я вспоминал, как мы познакомились с Лилей. Мы отдыхали в Коктебеле. Стояла дикая жара. Днем температура доходила до сорока пяти градусов. Мне казалось, что, поехав на курорт отдохнуть от студенческих забот, мы попали в геенну огненную. Очевидно, за какие-то неведомые нам, но значимые грехи. Вряд ли просто за прогулы, пьянки и неумелый разврат.

Кондиционеров в Коктебеле не было. Днем еще как-то спасало море, а ночью, чтобы заснуть, приходилось выпивать по бутылке теплой местной водки. Или еще хуже – самогона. По-другому укрыться от ночной жары было нельзя. Из-за этого днем все ходили сонные и нервные. Нас было много – человек десять. И Химик, и Антон, и Матвей. В основном мужики.

Девушек мы принимали в свою компанию с трудом. Мы предпочитали любить их, сохраняя определенную дистанцию.

В самом деле, вчера ты с девушкой, сегодня ты с девушкой, все к твоей девушке привыкли. Завтра ты с ней расстанешься. А она уже в тусовке. И всех знает. И со всеми дружит. И расставание с ней становится делом публичным.

Она продолжает приходить в места, в которые приходишь ты, и грустно на тебя смотрит. А все остальные смотрят на нее, как на обреченного больного. А ты просто не знаешь, что делать. То ли убежать, куда глаза глядят, чтобы не разрыдаться от жалости к ней (но куда от себя убежишь?), то ли вернуть обратно (но девушку-то вернуть недолго, а вот как вернуть любовь?). В общем, нехорошо! Так недолго и жениться.

Ни для кого из нас, кроме Антона, ничего хуже брака представить себе было нельзя (тем более что некоторые, вроде меня, уже попробовали). Конечно, не считая тюрьмы, тяжелой болезни и смерти близких.

Брак рассматривался как предательство общего дела. И никого не волновало, что дела-то никакого и не было.

Как Антону удалось жениться на Дине и остаться в тусовке – мне было не совсем понятно. Я объяснял это безразличием Дины ко всему мирскому. Она спокойно отпускала Антона в Коктебель, в байдарочные походы и на шумные пьянки, которые часто заканчивались в непредсказуемых местах на следующее утро. И все это при том, что самым красивым из нас четверых был, безусловно, Антон.

Рост выше среднего. Светлые волосы. Голубые, очень глубокие и печальные глаза. Узкое лицо. В свое время за сочетание грустного взгляда и моральных принципов (после свадьбы, например, он обзавелся довольно необычными в наше время принципами – не пить и избегать супружеских измен) его пытались прозвать Атосом. Антон на Атоса не откликался, хотя более почетной клички нельзя было придумать.

От своих принципов он не отступал даже в самых опасных ситуациях.

Например, когда он оставался в одной постели с двумя блондинками, а я был вынужден трахать их третью подружку-шатенку, стоя на кухне за плитой. Потом мне пришлось сажать ее на такси и спать на четырех табуретках, потому что квартира, в которой пьянка подошла к логическому концу, была однокомнатной. Все эти жертвы я принес, искренне рассчитывая, что хоть Антону удастся оторваться на славу.

На следующее утро, приходя в себя и умирая от головной боли, я выяснил, что Антон провел часть ночи в легкой, ни к чему не обязывающей беседе, а остаток ее проспал, отвернувшись к стене, чем вызвал у блондинок подозрения в нетрадиционной ориентации.

Ориентация у всех у нас была традиционной. Это было немодно, небогемно, не круто, но что мы могли поделать с природой?

Поэтому в первый же вечер, когда жара чуть-чуть спала, мы решили отменить вечерний преферанс и пойти потанцевать. Даже не столько потанцевать, сколько познакомиться с отдыхающими барышнями. Или с местными крымскими красотками. Все равно. Лишь бы без обязательств. В «Комсомольской правде» того времени это очень точно называлось «нетоварищеским отношением к девушке».

Недельная жара больше всего ударила по Матвею. Он стал кадрить не ту барышню. Да и не барышню вовсе, а туземную полублядь,

проводившую тот сезон с туземным авторитетом. Длинную, манерную, с узкими губами и вечной шелухой от семечек вокруг них. Матвея, как всегда, сражала не красота, а недоступность.

Я быстро чувствую опасность. Но тут особо тонкие чувства были не нужны. Матвей пригласил ее в третий раз подряд на медленный танец. Девушку авторитета. В третий раз! Второго бы хватило с лихвой.

Ей бы отказать, но кто же откажется от намечающегося турнира в свою честь? Она, конечно, для очистки совести спросила его хитрым высоким голосом: «А может, тебе хватит?» – и услышала в ответ уверенный низкий бас Моти: «Мне, крошка, никогда не хватит».

Я подслушал этот диалог и стал обходить наших, предлагая свалить, пока не поздно. Большинство немедленно со мной согласилось, но Матвея было не унять. Теплая водка совсем растворила его и так размягчившиеся от жары мозги.

Для того чтобы познакомить свою новую пассию с высотами московского андеграунда, Матвей потребовал поставить «Мусорный ветер».

С девушкой Матвей не угадал. Зато угадал с песней.

Ты умна, а я идиот.

И неважно, кто из нас раздает, —

Даже если мне повезет

И в моей руке будет туз,

В твоей будет джокер.

В запасе у нас оставалось несколько минут. Потому что сразу после «Мусорного ветра» к диджею подошли два накачанных аборигена. Один что-то сказал ему, а когда диджей не понял, то второй

внимательно посмотрел на свой правый кулак, после чего диджей скоканным голосом объявил, что дискотека закрывается.

Я огляделся. Танцплощадка была окружена со всех сторон плотным колючим кустарником. За кустарником была высокая металлическая сетка, как на теннисных кортах. Выход с площадки был один. Через ворота. У ворот стояло человек десять – двенадцать. Рубашки у всех по туземной моде были завязаны узлом на животе. У некоторых на руки были намотаны ремни. Другие поводили костяшками на сжатых кулаках, и было件нятно, что у них в кулаках не резиновые эспандеры.

Один из наших попытался выйти, затесавшись в толпе. Он получил легкий толчок в грудь и предложение подождать, «потому что надо еще поговорить». Предложению предшествовал специфический взгляд. Медленный, равномерный, оглядывающий с ног до головы. Неприятный взгляд.

– А не до фи́га ли их? – сказал трезвеющий Матвей. – Ладно, прорвемся!

Он посмотрел на нас испытующим взглядом полководца перед битвой. Танцплощадка пустела на глазах. Процесс фильтрации на относительно благонадежных и обреченных заканчивался. Благонадежные чувствовали надвигающуюся грозу и расходились быстрым спортивным шагом.

– Нас семь человек. Безоружных. Их человек двадцать. С ремнями и кастетами, – безразличным голосом сказал Антон.

Зачем нам менты?

Я схватил за руку маленькую узкоглазую девушку, судя по майке с черно-белым Джоном Ленноном – не местную, и сказал ей, чтобы она срочно вызывала ментов. Девушка внимательно посмотрела на меня и, выйдя за ворота, побежала.

Через пятнадцать секунд площадка опустела совсем. Я посмотрел на лавки, стоявшие по краям. Под ними валялись окурки и конфетные фантики. Лавки были прикручены к асфальту. Отодрать их от земли, чтобы вооружиться, было невозможно. Аборигены занимали круговую позицию. Мне показалось, что их было не двадцать, а скорее тридцать. Мы отступили к стене и инстинктивно построились в полукруг плечом к плечу.

– Пойдите, ребята! Давайте договоримся! – начал было Химик.

– Сначала мы с тебя, волосатик, снимем скальп, – отвечали аборигены, – а потом договоримся.

Индийско-ковбойские фильмы были в то время достаточно популярны, поэтому я с ужасом подумал, что отморозок, может, и не шутит. Чему только не учит людей кино!

Один из дикарей, закончив возиться с входными воротами – он их заматывал проволокой, – засунул в рот четыре пальца и очень громко свистнул. Ничего не произошло. Группа варваров стояла метрах в пятнадцати от нас, мяла кулаки, подкручивала ремни и не двигалась.

Антон решил взять инициативу переговоров на себя, вышел из строя и двинулся к группе, разведя руки в стороны, как Христос, – чтобы показать свое миролюбие и безоружность.

Но не успел он открыть рот, как был свален коротким прямым ударом в челюсть. А из-за разведенных рук не смог даже заблокироваться. После чего вся эта масса с диким свистом налетела на нас.

Наш строй рассыпался. Драки не получилось – получилось форменное избиение. Площадка пришла в движение. Все стали носиться по ней, как будто играли в какую-то игру вроде американского футбола. Нас на бегу били руками и подсекали ногами, пытаясь свалить. Лежащих топтали.

Антон били шестеро. Он секунд двадцать держался на ногах, затем упал, но упал хорошо – в самый угол площадки, где развернуться нападающим было сложнее.

Мотя поступил гениально: он залез в кусты, еще стоя на ногах; разодрал себе колючками ноги вплоть до яиц, но сохранил при этом в целости все остальные органы. Несколько человек пытались его оттуда выковырять, но без особого успеха. Матвей удачно отмахивался. Лезть за ним в кусты никто не хотел. Хватало и других мишеней.

Меня практически не били, так как я в силу своей комплекции не вызывал боевого задора у оппонентов. Я носился по площадке, уворачиваясь от ублюдков, случайно налетавших на меня, и получил только несколько скользящих ударов в челюсть и в грудь.

Еще пять минут назад на этой площадке звучала родная музыка. А теперь звуковой фон изменился до неузнаваемости. Тяжелое дыхание десятков бегающих людей, глухой топот, мягкие звуки ударов по телу и иногда – отдельные вскрики: короткие возгласы боли с нашей стороны или деловитое: «Волосатика держи!», «Рыжего сними с забора!» со стороны варваров. Впрочем, и сторон-то никаких не было. Все перемешалось.

Химику было хуже всех. Во-первых, он был высок и крепок и тем представлял интерес для нападающих. Во-вторых, Химик носил длинные волосы, что в то время символизировало абсолютный вызов устоям. А у шпаны всегда есть потребность в чем-то солидаризироваться с нормальным обществом. Лучше всего – в ненависти: это дает шпане право считать себя санитарами общества. Поэтому Химику били страшно.

Через две минуты побоища, когда Химик лежал под лавкой, а его топтали уже человек десять, меня осенило. Я подбежал к нему, схватил за запястье и заорал что есть силы: «Убили! Человека убили! Пульса нет! Вы слышите, убили! Срочно! Скорая! Человека убили! Пульса нет! Зовите врачей! Скорее! Человека убили!» Химик понял меня с полуслова: не дышал и не шевелился.

Тридцати секунд моих криков хватило, чтобы на площадке, кроме нас, никого не осталось. Вообще никого.

Я сел на лавку и посмотрел на фонарь. Он невозмутимо покачивался. Я глубоко выдохнул и покачал головой.

Понемногу мы начали подниматься и отряхиваться. Правый глаз Антона был обведен широким красным контуром и заплывал на глазах. Матвей выбирался из кустов, громко матерясь и держась обеими руками за яйца. Химик медленно выкатился из под-лавки. Я помог ему встать на ноги и стряхнул с него крымскую пыль, несколько окурков и фантик от «Коровки». Вид у него был отстраненный. Из носа текла кровь, а нижняя губа опухла и оттопырилась, отчего на него было жалко смотреть.

Тут мы увидели, как к нам бежит узкоглазая девушка. Убедившись, что все кончилось, она сменила бег на растерянный шаг.

– Я позвонила ментам, – сказала она. – Они не приедут. Они сказали, чтобы мы сами разбирались. Я не знала, что делать.

Она дышала очень тяжело. Тяжелее, чем мы.

– Я бежала. Я думала... – Она перевела сбитое дыхание и покачала головой. – Я боялась, что вас. Уф. В общем, менты, конечно, как всегда.

– Это не страшно, – сказали мы. – Это даже хорошо. Зачем нам теперь менты?

– А эти где? – робко спросила она.

Мы хором ответили в рифму и взяли ее с собой. Пить теплую водку и лечить раненых. Самым раненым был Химик. Кроме сотрясения мозга, у него обнаружился страшный синяк на голени.

На следующее утро мы уехали в Ялту. Мы залечивали раны на мирном городском пляже. Ухаживая за Химиком, Лиля влюбилась и влюбила его. То ли в себя, то ли в дзенскую мудрость. Химик всегда тянулся к тайным знаниям.

Потом она вернулась в свой Питер, а мы – в свою Москву. Химик чуть ли не каждую неделю ездил к ней, иногда захватывая нас с собой. Огромная профессорская квартира Лили это позволяла. Химик научил нас «поребрикам» и «карточкам». Я прикалывался над еле уловимой разницей между жителями двух столиц и пытался найти ее где угодно, особенно там, где ее давно нет. Еще через год Химик и Лиля поженились, и Лиля переехала в Москву.

Одиночество – это руководство к действию

Я быстро добрался до их дома по полупустому городу и позвонил в домофон. Микрофон зашипел, но не сказал ни слова. Замок щелкнул. Выйдя из лифта, я увидел, что дверь в квартиру уже открыта. Как в тот день, когда умер Химик. Я вошел. Играла Сезария Эвора. Негромко. Я нерешительно потоптался на коврике под дверью.

«Лиля!» – сказал я. Ни звука в ответ. Я вошел.

La na céu bo é um estrela

Ki catá brilha

Li na mar bo é um areia

Ki catá moja

Ты звезда на небе, которая не сияет.

Ты морской песок, который не мокнет.

Лиля, сощутив и без того узкие глаза, сидела на диване, поджав под себя ноги. Она была в черной водолазке и черных джинсах. Справа и слева от нее лежали большие пестрые подушки, которых она едва касалась локтями.

Oi tonte sodade

Sodade sodade

Полное одиночество

Одиночество одиночество

Началась следующая песня.

Она перевела взгляд на меня. Молча кивнула в сторону кухни. Я воспринял это как предложение пойти и сделать себе чаю.

Я вспомнил, как лет десять назад в Лиссабоне я зашел в музыкальный магазин и попросил: «Дайте что-нибудь похожее на Сезарию Эвору». В ответ продавец грустно взглянул на меня и сказал: «Ничего похожего на Сезарию у нас нет. И никогда больше не будет».

Я сделал себе чай в маленькой узкой неудобной кружке. Других не было. Я люблю пить чай из пиал или больших чашек. Потом сел в углу напротив дивана и стал смотреть на Лилю.

Лиля же смотрела в пространство за желто-красным гобеленом, который висел на стене. На нем средневековые всадники в сапожках с длинными носками и в таких же длинных колпаках скакали на лошадях на фоне обнесенного зубчатой стеной игрушечного города. А рядом со всадниками ходили какие-то совсем просто одетые люди и как будто не давали всадникам попасть в замок. Когда я был маленький, у меня запросто хватало воображения перенестись в реальность любого рисунка. Даже гобелена. Я не знал, как начать разговор, а Эвора помогала молчать. Как будто я пришел послушать музыку. Я попробовал перенестись в этот замок. Может, это и не замок

вовсе, а средневековый монастырь где-то в Итальянских Альпах? И там библиотека, которая хранит все знания этого мира. И рыцари пытаются взять эту библиотеку штурмом, а монахи отгоняют их как могут.

Сезария продолжала петь про *sodade* – неутолимую тоску о далеком и недостижимом. Ее грустный голос не то что завораживал, а, наоборот, расковывал и напоминал тебя самого в твои самые лучшие минуты. Мы просидели так минут пятнадцать, и альбом кончился.

– Ну как ты? – спросил я.

– Никак, – пожав плечами, ответила она.

– Как родители?

– Спасибо, плохо.

– А его?

– Еще хуже.

– Лиля, кто убил Химику?

Я произнес эту фразу и внимательно посмотрел на Лилю. Дипломатические вопросы у меня кончились.

– Те, кому это было надо.

Она даже не перевела взгляд в мою сторону.

– А кому?

Лилия прикрыла глаза. Я не понял, что означает этот жест. То ли нежелание говорить, то ли нежелание задумываться о чем-то настоящему страшном.

– Лилия, это наркотики? Калипсол?

Она не открывала глаз.

– Дейр-эль-Бахри? – Я сам удивился тому, что сказал.

– Что?! – немного хрипло вырвалось у нее, она резко открыла глаза и повернулась ко мне.

Мы несколько секунд смотрели в глаза друг другу, как будто играли в детскую игру, кто раньше отведет взгляд. Я никогда не любил этих игр. И всегда проигрывал. Мне было неудобно заглядывать в глаза другому человеку. Тревожить его и залезать через глаза глубже, чем положено. Я вообще боюсь чужих глаз. И хотя я неплохо знаю, как они устроены с точки зрения офтальмологии, для меня в глазах все равно есть что-то очень странное. В любых глазах. Хоть стрекозы, хоть кошки. Я не знаю, что это. Прямая связь с мозгом?

Я отвел взгляд. Но не сказал ни слова.

– Почему ты сказал «Дейр-эль-Бахри»? Ты что, оттуда?

– Оттуда? – офигел я. – Откуда оттуда? Лиля! Что за сумасшедший дом? Что происходит? При чем тут Дейр-эль-Бахри?

– Объясни, откуда ты взял Дейр-эль-Бахри? – Теперь в атаку пошла Лиля. Но атака эта была робкой и, я бы сказал, жалкой.

– Одиночество, – сказал я тупо на всякий случай.

– Одиночество? – явно не поняла Лиля.

– «Калипсол», «Дейр-эль-Бахри», «одиночество».

Я попытался сделать вид, что разбираюсь в людях, и посмотрел на Лилю взглядом, который сам хотел бы назвать пронизательным. Но с пронизательностью у меня всегда было не очень. Взгляд не помог.

– Одиночество... – задумалась Лиля и отрицательно покачала головой. – Скорее, шкатулка.

– Какая еще шкатулка?

– Шкатулка последнего приюта.

Теперь Лиля как будто испытывала меня. Это было похоже на обмен какими-то кодами с целью определения «свой – чужой». Испытание я провалил. Но мне страшно хотелось доказать Лиле, что я свой. И я, взяв с Лили твердое обещание молчать, в очередной раз нарушил собственное и кратко рассказал про заказ ФФ.

– Видишь, – значительно сказал я, – я раскрылся. Теперь твоя очередь. Что за шкатулка?

Лиля покачала головой. Я начинал чувствовать себя обманутым.

– Лиля! – довольно строго сказал я. – Моего друга и твоего мужа убили какие-то сумасшедшие подонки. Мне дали странный заказ. По моему, это как-то связано. И ты что-то знаешь. В том числе то, чего я не должен был тебе говорить. Попробуй отплатить мне взаимностью.

– Взаимность не может быть платой.

– Подумай, – разрешил я и пошел на кухню за вторым чаем. Может, она все-таки разговорится. Или проговорится.

– Лиля, а *MNJ Pharmaceuticals* производит калипсол? Или его аналоги? Кетамин...

– Не знаю. Нет. Кажется, нет.

«Один – ноль», – произнес я про себя. Это был правильный ответ. Хорошо, что Лиля хотя бы не врет.

– А Химик часто его использовал?

– Иногда. Не очень часто. Ну, раз в месяц. Частота не имеет значения. Глубина важнее.

– Какая еще глубина? Ты что, тоже колешься?

– Господи, ну вот прямо «колешься!». Ты пойми, калипсол – не героин. Иногда. Редко.

– А ты не заметила чего-то странного перед...

– Он всегда был странный. Все мы странные, когда перерождаемся. А перерождаемся мы часто.

Мне показалось, что Лиля не придуривается, а пытается решить дзенскую задачу «как не дать, давая». Я попробовал вдумываться в ее ответы, но это плохо получалось.

– А хоть что-нибудь говорил?

– Он всегда мало говорил. Я должна подумать.

Я очень не люблю, когда мне отказывают женщины. Даже в информации. Единственное средство, которое может помочь при женских отказах, кроме тепла и настойчивости, – это алкоголь. Но предложить Лиле выпить было невозможно.

– А при чем здесь женщина-фараон?

– Фараон?

– Хатшепсут.

– Какая Хатшепсут? Я первый раз слышу про нее от тебя. Не знаю. Может, и ни при чем. Хотя имя... Нет. Не знаю.

– Лилия, зачем ты пудришь мне мозги? Ты вздрогнула, когда я сказал «Дейр-эль-Бахри».

– Ну и что?

– Ничего не понимаю. Тогда что там в этом месте? Храм? Монастырь? Копты?

– Копты, – чуть помедлив, сказала Лилия. – Это, наверно, копты. Время храмов и монастырей прошло.

Я понял, что сегодня я ничего не добьюсь.

– Сколько тебе нужно времени на размышления?

– Не знаю. Несколько дней. Я правда не знаю.

Она подняла на меня виноватый взгляд, как умная собака, написавшая на ковер. Я понял, что с собакой что-то не то. Здоровые собаки так себя не ведут.

– Я позвоню тебе на днях.

– Звони, – покорно согласилась она.

Так соглашаются с банком, который обещает аннулировать кредитную карточку, если на счет срочно не поступит нужная сумма денег. Я попрощался и собрался уходить.

– Так ты не знаешь, что такое «одиночество»? – уже в дверях спросил я. – Третье слово?

– «Одиночество»? Не знаю. Думаю, что руководство к действию.

Лиля грустно улыбнулась и помахала мне рукой. Я посмотрел на ее маленькую фигурку. В ярком дверном просвете она показалась мне черной птицей. Я не стал ждать лифта и спустился по лестнице. А какое у меня руководство к действию? Я пошел домой спать, бормоча что-то вроде: «Что это еще за долбаная шкатулка?»

Конец восьмой главы

Глава девятая

Инцест vs мезальянс

Никакие откровения во сне меня не посетили. Я проснулся трезвым и бодрым и, чтобы отогнать смутные чувства после разговора с Лилей, тут же снова погрузился в древнеегипетскую детективную историю в надежде, что доберусь и до Шкатулки последнего приюта, и до других загадок: Дейр-эль-Бахри, коптов и упомянутого Лилей «прошедшего времени монастырей».

Похоже, что детективная компонента в истории с Хатшепсут была связана со спецификой престолонаследия при дворе фараонов. Во всей мировой истории, сексистской со времен матриархата, женщина приходила к власти, только когда не оставалось легитимных претендентов-мужчин. В Египте это правило дополнялось необходимостью инцеста. Египтяне считали своих царей настоящими детьми Солнца-Ра по прямой линии. Чтобы сохранить чистоту солнечной крови, дети фараонов – братья и сестры – женились между собой. Этот принцип, безусловно, помогал в решении сложного вопроса о неравных браках.

Дело в том, что если верховный правитель женится на какой-то невесте из своего дворцового окружения, то семья невесты тут же приобретет сильнейшее политическое влияние и образует при дворе новую группировку, которая вступит в конкуренцию с уже имеющимися. Внутренние ссоры и скандалы никому не нужны, они подрывают устойчивость государства – так было в императорском Риме, так было в Византии, так было в России до Петра I и еще много где, например в Китае. В Европе эта проблема решалась международным браком с равным по значению царствующим домом из другой страны (в связи с чем, кстати, через несколько сотен лет все царствующие дома Европы так близко породнились, что браки все равно стали кровосмесительными). В Египте фараоны соседних царей за равных не считали. Поэтому инцест победил мезальянс. При этом фараон, естественно, мог трахаться с кем хотел. Кроме того, ему не запрещались и другие браки (например с дочками соседних царей), но

законными наследниками считались только дети от кровосмесительного брака фараона с собственной сестрой. Прочие дети фараона считались полукровками и при наличии более законных наследников претендовать на трон не могли.

Я, конечно, пришел в замешательство. Если бы меня кто-то спросил, что выбрать – инцест или мезальянс, я не сомневаясь порекомендовал бы мезальянс. Но фараоны, императоры, цари и короли последние пять тысяч лет обычно предпочитали инцест. Странно, но факт.

Царица Яхмесит, мать Хатшепсут, была абсолютно солнечной женщиной. А отец принцессы Тутмос I был полукровкой. Он служил верховным главнокомандующим при предыдущем фараоне Аменхотепе I, умершем без наследников, и поэтому был обязан тронем своей более законной жене, дочке фараона.

Через девять месяцев после описанной на храмовом барельефе сцены у них родилась дочь Хатшепсут. До этого у Тутмоса I уже родился сын, тоже Тутмос. Но Тутмос II родился не от дочери фараона, а от одной из наложниц, и имел с одной стороны меньше прав, чем Хатшепсут. С другой – больше. Он все-таки был мужчиной. А других выживших детей у Тутмоса I и Яхмесит не было.

Атака на фараона сзади

Во все времена при дворах самых абсолютных и деспотических монархов остается место для политики. При фараоне существовали две придворных партии – жрецов и воинов. Партии находились между собой в воинственном равновесии, поддерживать которое должен был фараон.

Тутмос I был настоящим фараоном. Он правил тридцать лет, вдвое увеличил территорию, подконтрольную Египту, захватив Синай и Палестину. Но в тот день, когда его царственная супруга Яхмесит умерла, он оказался вне закона. Несмотря на весь блеск своих завоеваний. О чем немедленно был поставлен в известность жреческим окружением. Верховный жрец Амона-Ра Хапусенеб, кстати друг детства архитектора Сененмута, предложил фараону мирно передать власть своей более солнечной шестнадцатилетней дочке.

Хапусенеб по совместительству с жреческим саном был управляющим администрацией фараона. Он был не самого крутого

происхождения (мать лечила фараоновых жен, отец – писец в храме), но за счет своего ума, решительности и упорства сделал блестящую карьеру при дворе и пользовался непререкаемым авторитетом у всей интеллектуальной элиты Египта. Я всмотрелся в лицо Хапусенеба с отбитым носом, статую, хранящуюся в Лувре под номером А-135. Физиогномист из меня никакой (так, по крайней мере, утверждают мои друзья), но мне показалось, что взгляд у Хапусенеба светится пронизательностью и умом. И еще серый диорит излучал какую-то скрытую мощь.

Партия жрецов в лице Хапусенеба предъявила Тутмосу I несколько обвинений:

1. Страна устала от войн и крови.
- 1.2. Наука и религия страдают от острого недофинансирования.
- 1.3. Экономика и ее главный двигатель – торговля – не могут успешно развиваться в условиях постоянных войн. Грабить соседние народы труднее и дороже, чем торговать с ними.

Но главной печалью для всех была, конечно, нелегитимность Тутмоса.

Кто возглавлял партию воинов – неизвестно. Судя по тому, что случилось, это был человек бездарный, поэтому в историю он не вошел. Так или иначе, фараон и египетский народ оказались законопослушными. Воин-победитель отрекся от престола.

Сначала, правда, он попробовал отречься в пользу своего первенца Тутмоса II, но жрецы во главе с Хапусенебом настаивали на чистоте крови, поэтому фараон отрекся в пользу своей юной дочери Хатшепсут.

К этому времени Тутмосу II было уже тридцать шесть лет и у него было несколько детей. Старшего, незаконного, как и он сам, рожденного от наложницы, звали Тутмос III, ему было тогда всего четырнадцать.

Путь в параллельный мир

После прихода Хатшепсут к власти в Дейр-эль-Бахри началось строительство храма царицы, посвященного Амону-Ра. Возглавил строительство главный архитектор Сененмут, а Хапусенеб, главный жрец Юга и Севера, обеспечил финансирование.

Официальное предназначение храма Хатшепсут было двойное: прославление Амона-Ра (как без этого?) и хранение мумии умершей царицы. Египтяне не всегда мумифицировали своих покойников. Я нашел статью, посвященную мумификации, где более или менее внятно объяснялось, что стояло за идеей хранить тело покойного как можно дольше, – и почти против своей воли вернулся к теме жизни после смерти.

Похоронная традиция в Древнем Египте прошла три этапа. В незапамятные времена египтяне обращались с покойниками так же, как и большинство первобытных народов: просто клали тела умерших на бок, подгибая им колени к груди и закрывая лицо руками (то есть придавая им позу плода в чреве матери). Рядом раскладывали оружие, амулеты, ставили сосуды с едой, питьем и благовониями.

На втором этапе у египтян отчетливо проявилось абстрактное мышление: они решили, что земное тело мешает душе очиститься и подняться в рай. Египтяне стали отрезать голову от туловища, расчленять тела, сдирать с них кожу и мышцы, а все предметы, которые могли понадобиться покойнику в параллельном мире, – гарпуны, ножи, весла, вазы, амулеты – могильщики тщательно ломали или разбивали.

В этом месте я вздрогнул. Химику отрезали голову. Причем уже после смерти. А зачем? С моей личной точки зрения, главная загадка этой безумной смерти скрывалась в отрезанной голове. Сразу после смерти Антон с Мотей искали мотивы и проверяли связи Химики, искали заговор и врагов, а я все думал, кто и зачем отрезал Химику голову. Что за странный ритуал? И вот он – пожалуйста.

Покачивая головой, словно проверяя, что она пока на месте, я принялся разбираться, зачем это делали египтяне.

Оказалось, что на этом этапе развития своих представлений о жизни после смерти они полагали: загробный мир во всем противоположен

земному – например, сломанные предметы в потустороннем мире становятся целыми, и наоборот. Очевидно, они уже не надеялись вернуться к жизни в своих физических телах. Именно тогда им пришла в голову величественная идея о бессмертии души и, более того, о прямом противопоставлении бессмертной души смертному телу. Поскольку я уже не сомневался, что и Химик, и ФФ как-то связаны с Древним Египтом (Лиля предположила, что через коптов), я продолжал поиски, и мой интерес только рос. С отрезанными головами что-то прояснилось, и можно было теперь углубиться в тему мумификации.

Где-то около пяти тысяч лет назад в похоронных техниках египтян наступил третий этап – этап мумий, при этом практика расчленения тел, отрезания голов, ломания рук, ног и могильных артефактов исчезла как наивная и избыточная, но принципы разделения души и тела сохранились.

К этому времени египтяне сформулировали целый ряд концепций о параллельном мире.

Физическое тело называлось словом «хат». Оно означало «разлагающееся, то, что неизбежно разложится». Мумия тоже была хат – египтяне не рассчитывали, что она сохранится вечно. Но тем не менее хат требовал охраны, еды, благовоний и вообще заботы.

Заботы, потому что с хат самым неразрывным образом был связан ка. Иероглиф «ка» – две поднятых руки. Ка – это некий энергетический двойник человека. Он рождался вместе с человеком и обладал свойствами его личности. Ка был связан с телом, но мог и покинуть его во время сна или транса. Мало того, ка мог не только двигаться по земле, но и подняться в небо, переместиться в параллельный мир. Этот параллельный мир находился, судя по всему, над обычным миром, а не под ним.

Как только я прочел про полеты в небо и переселение в параллельный мир, я вздрогнул. Теперь связь калипсола и Дейр-эль-Бахри стала для меня значительно более понятной. Параллельный мир. Именно им интересовались Химик с Лилей. Ясно, что калипсол не единственное вещество, позволяющее осуществить связь этого мира с тем. У египтян, вероятно, были свои рецепты. Я ушел немного в сторону и попробовал выяснить, не использовали ли египтяне какое-то вещество – отвар, напиток, для того чтобы временно посетить мир

мертвых, а потом безнаказанно вернуться, но ничего не нашел. Тогда я продолжил изучать концепции параллельного мира у египтян.

Когда хат умирал, то как обычно оставался неподалеку от него, поэтому так важно было сохранить мумию. Именно в благоденствии как заключался залог сохранения личности умершего.

Я выяснил, что для сохранения как мало было добиться сохранности хат, мумии. Очень важно было также сохранить имя человека, «рен». Египтяне, как и многие другие, придавали имени очень большое значение. Они считали, что уничтожение имени уничтожает как. У египтян дух был именем, и имя было духом. Поэтому стирание имени, высеченного на камне, было еще страшнее уничтожения мумии. Я понял, что за стиранием картушей Хатшепсут стоял не просто банальный черный пиар, а страшная месть. Но чья месть и за что? Тутмос I передал ей власть пусть и неохотно, но вполне мирно. Я продолжил разбираться с этой египетской историей, погружаясь в невообразимо давние времена первых земных цивилизаций.

Мумия Хатшепсут, как и мумии других фараонов XVIII династии, сохранилась. Но если мумии ее отца, братьев и остальных Тутмосидов нашлись еще в конце XIX века, то мумия Хатшепсут обнаружилась относительно недавно. Причем не в какой-нибудь тайной гробнице, приготовленной для нее Сененмутом, а на третьем этаже Египетского музея в Каире, где она лежала уже много десятилетий в качестве неопознанного древнеегипетского трупа. Генеральный секретарь Высшего совета по древностям Египта Захи Хаввас сообщил об этом удивленной общественности в ноябре 2006 года. Теперь эта находка считается самой важной со времен находки гробницы Тутанхамона в 1922 году. Генетическая экспертиза подтвердила ее родство с Тутмосидами.

Барельеф как пиар-акция

Но главный храм Хатшепсут должен был не только сберечь ее ка, хат и рен для вечности. Не менее важно было утвердить легитимность царицы еще на этом свете. Именно поэтому пиарщики XVIII династии предложили создать неожиданный порнобарельеф со сценой зачатия Хатшепсут законными родителями Тутмосом I (в виде бога Амона-Ра) и Яхмесит. Чтобы объяснить всем и каждому, у кого больше прав. Барельеф получился ярким и убедительным. Божественное происхождение, подчеркивающее или, по крайней мере, не отрицающее высокую роль номинального отца, использовалось с тех пор не один раз. Кажется, что-то подобное случилось с Иосифом, мужем Девы Марии. Ведь именно благодаря ему Иисус Христос происходит из рода царя Давида (обязательное условие для Мессии). Как рекламщик, я крайне одобрительно отношусь к подобным шагам и понимаю их историческое значение.

Война – это очень важно

Любовь любовью, но традиционно для фараонов никогда не существовало более важного дела, чем война. Весь египетский народ мечтал о победоносных войнах, обсуждал военные планы, жил в предвкушении походов, ждал рассказов и мемуаров вернувшихся победителей. А главным военачальником армии Египта всегда был фараон.

Свой первый относительно простой поход Хатшепсут возглавила против амалекитян, западносемитского дикого кочевого племени, обитавшего на Синае. (Амалекитяне, кстати, через триста лет оказались первым племенем, напавшим на израильтян, едва вышедших из Египта.)

Поскольку военным советникам своего отца женщина-фараон не доверяла, она взяла в помощники глубоко штатского человека Хапусенеба, понадеявшись, что с кочевниками справятся хваленые египетские боевые колесницы. Замещать Хатшепсут остался друг Хапусенеба Сененмут, что немного удивило меня: дружба дружбой, но неужели у архитектора могло быть столько власти? Наскоро был

приготовлен военный план в наполеоновском стиле: прийти, начать драку, а уж потом разобраться.

Бездарность

Выяснилось, что ни семнадцатилетняя девчонка, ни верховный жрец – не наполеоны. План развалился. Хатшепсут и Хапусенеб в незнакомой местности не побеспокоились о разведке, более того, растянули обоз на несколько километров. На пятнадцатый день похода из-за холма показались кочевники. Руководители растерялись и не смогли отдать своим воинам ясные и четкие команды о перестроении из походного порядка в защитный. На длинную цепь воинов без доспехов (доспехи перевозили на отдельных повозках) налетела дикая легковооруженная конница и без труда перебила египтян. Сама царица, воспользовавшись чужой колесницей без знаков царского отличия, скрылась в суматохе вместе с Хапусенебом.

Когда стало известно о бездарном проигрыше каким-то кочевникам, в Фивах началось брожение. Поэтому вскоре по возвращении царицы при дворе усилилась военная партия, которая теперь носила не только антижреческий, но и антифеминистский характер. Партию возглавил родной племянник Хатшепсут – молодой Тутмос III, которому к тому времени уже исполнилось шестнадцать.

Секс с архитектором

Тутмос III, объединившись с дедом, старым Тутмосом I, добивались свержения царицы.

Для этого дед и внук использовали эффективный политический прием. Они распустили слух, что Хатшепсут и Сененмут – любовники. Слух, судя по всему, имел под собой некие основания. По крайней мере, становится яснее, откуда взялась скульптура в Британском музее, где Сененмут изображен с дочерью Хатшепсут Нефру-Ра: возможно, он держит на руках свою собственную дочь.

И – началось! Египтяне были готовы терпеть, что их фараон – женщина. Они были готовы терпеть позорное поражение от дикарей. Но то, что женщина-бог трахается с архитектором, показалось им

превосходящим все границы дозволенного. Они возмутились. Хатшепсут утратила легитимность.

К власти вернулся Тутмос I, который, к моему изумлению, сохранил ей жизнь, свободу и даже любимого человека, отправив Хатшепсут и Сененмута в ссылку в северную столицу – Мемфис. Мягкость, неслыханная по тем временам. Особенно для фараона, у которого было не то пятьдесят, не то шестьдесят детей, и самыми опасными из них он мог смело пожертвовать. Разумеется, строительство храма было приостановлено, фараонские картуши с именем Хатшепсут стерты со стен и обелисков.

Уничтожение людской добычи

Вообще же Тутмос I не отличался особенным человеколюбием. Он деловито указал на памятнике самому себе, что в одном из походов перебил всех пленников-ханаанеян, затеявших мятеж, числом десять тысяч, кроме сына местного царька, которого он привез в Фивы в качестве трофея, чтобы торжественно перерезать ему горло на главной площади во время празднования триумфа.

Во все времена люди стоят денег. В Древнем Египте хороший молодой раб стоил не меньше килограмма серебра или полукилограмма золота (около двадцати тысяч долларов по сегодняшнему золотому курсу). В переводе на финансовый язык это означало, что Тутмос I, убив мятежников, вместо того чтобы продать их в рабство, уничтожил двести миллионов долларов законной добычи. Можно себе представить сцену, когда связанным пленникам бронзовыми мечами отрубает головы и протыкают грудь. По земле течет сорок тысяч литров крови, а египетские воины с искренним сожалением смотрят на умирающее богатство, половина которого в случае честного раздела добычи должна была бы достаться им.

Выводы без выводов

Я встал из-за письменного стола с чувством некоторого удовлетворения. Пусть египетская история отняла много времени. Зато в голове у меня начали выстраиваться хоть и зыбкие, но все-таки связи: «Химик → калипсол → заказ ФФ → Дейр-эль-Бахри → Хатшепсут → тайные знания и параллельный мир → Химик». Естественно, все свои заметки и браузерные закладки я сохранил. Даже пирамидиотские. Я понимал, что эти связи еще не прояснились до конца, но мне стал виден свет в конце тоннеля. Теперь я точно знал, о чем надо говорить с Лилей. Я посмотрел на часы, понял, что уже два часа дня, и понесся на работу, решив позвонить Антону уже из машины.

Конец девятой главы

Глава десятая

Заказ ФФ и смерть Химика связаны

Громкая связь в моем «фольксвагене» не подразумевалась, поэтому я вставил в ухо очень не любимый мной жесткий наушник и набрал номер Антона.

– Заказ ФФ и смерть Химика связаны.

И я пересказал мой довольно бессвязный разговор с Лилей и результаты моего исследования.

– Интересно, – сказал Антон. – Ты строишь свои выводы на следующих предпосылках: во-первых, с тобой произошли две странные истории – необычный пиар-заказ и необычная смерть Химика. Во-вторых, Лиля как-то не так отреагировала на слово «Дейр-эль-Бахри», спросив, «не оттуда ли ты». В-третьих, ты пытаешься взять египетский интеграл в обоих случаях с помощью кетамина/калипсола, и он у тебя не берется. Интересно.

– Интересно? Спасибо, Антон, что тебе хотя бы не смешно. У нас убили друга, и ты наконец начинаешь этим интересоваться.

Антон сделал паузу, которую следовало трактовать как: «Дорогой Иосиф, ты обвиняешь меня, не владея всей информацией, поэтому отвечать я тебе, извини, не буду». Но я тоже в ответ замолчал, поэтому Антон, осторожно подбирая слова, произнес:

– Ты предлагаешь захватить тактическую инициативу? Мне кажется, что события сами должны указать нам, как действовать.

– Они и указывают. На ФФ и Лилю. Но начать проще с Лили. Давай завтра поедem к ней втроем и поговорим.

– Хорошо, – задумчиво сказал Антон. – Но вначале соберемcя втроем и обсудим, что делать. И если решим, что надо ехать к Лиле, то поедem к Лиле.

– А сегодня?

– Сегодня Матвей выгуливает свою финдиректрису где-то далеко за городом.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Вот это выгуливание девушки за городом мне понятно.

– До завтра!

Я набрал Машу и понял, что сегодня вечером мы можем пересечься. На работе я опять погрузился в рутину, причем она настолько засосала меня, что я чуть не забыл про вечернюю встречу.

Не опаздывай, а то я напьюсь

Моя машина медленно ехала в сторону одного забавного бара, где мы с ней договорились пересечься. Причем ехала почти без моего участия. Я был в раздумьях. С Хатшепсут все стало проясняться, но черт бы побрал Лилю с ее дзенскими ответами. При этом она мне не сказала ничего, а я ей все. Обидно. Впрочем, Лиля проговорила словом «оттуда». Интересно, что она имела в виду. Ладно. Завтра втроем мы добьемся от нее большего. Но какой интеграл на самом деле нужно взять, чтобы связать ФФ с Химиком? И что мне подсказывает, что эта связь существует, кроме интуиции, которая вполне может оказаться и не интуицией вовсе, а обычной паранойей?

У бара не было лицензии на торговлю алкоголем и поэтому официально он числился букинистическим магазином, а точнее, книжной барахолкой. Я купил Мураками, Переса-Реверте и рассказы Набокова. Спросил, нет ли книг про коптов. Про коптов книг не было. Маши тоже не было.

Я спустился в подвал. В нем был какой-то очень правильный свет. Темно-коричнево-желтый. И раздолбанность заведения от этого света казалась даже возвышенной. Мне нравилось, что лампочки свисают над столами и что столы старые. Я стал пить виски и читать Набокова, после каждого глотка откладывая книгу, чтобы подумать о Лиле.

Я решил, что раз моей интуиции не хватает, надо попытаться задействовать интуицию Маши. Я написал ей, что уже сижу в баре, и попросил сильно не опаздывать, а то я напьюсь.

Наступал вечер, и подвал наполнялся людьми. Кто-то то и дело пытался подсесть за мой столик. Я отбивался как мог. Новых мыслей не было.

Я бросил Набокова и взялся за Мураками. Он действовал на меня жизнеутверждающе. Как песня *California Dreaming*, которую запустил бармен.

All the leaves are brown

And the sky is grey.

Странная нестыковка текста и небесно-синей, переливающейся солнечной музыки в мечтах о Лос-Анджелесе добавляла к радости ожидание чего-то. Не знаю чего... Я подумал, что между Мураками и *Matas & Papas* определенно есть что-то общее.

Я зачитался. Вошла Маша. К этому времени я не менее часа держал круговую оборону стула, что выглядело со стороны бедных посетителей, вынужденных пить стоя, нечестно.

Маша села, полистала меню. Я знал, что она не любит это место из-за того, что тут всегда страшно тянет табачным дымом из курилки на заднем дворе, отвратительное обслуживание и царит вопиющая безысходность. Маша утверждала, что после этого бара у нее всегда юбка «в чем-то»: то официант что-то прольет, то на стуле окажется лужица пива. Но врожденный аристократизм не позволял ей открыто критиковать заведение, выделяющееся бедностью.

– Пьешь? Ты же на машине, насколько я понимаю.

– Ну, брошу ее тут.

– Как же, бросишь. Знаю я тебя.

– Правда брошу.

– Да ладно! Потом скажешь, что за руль твоей тачки трезвый человек все равно сесть не сможет.

Merging aesthetics

На самом деле мой кабриолет *VW Beetle* 1969 года был шикарен. Прост, красив, надежен и недорог в обслуживании. Никому в голову не могло прийти, что владелец пиар-агентства ездит на нем из экономии. Просто у него (владельца) такой стиль. Немного вудстоковский. *Sex, drugs, rock-n-roll*.

От его покупки меня отговаривали все, кроме Антона. Мотя, который ездил на «ренджровере», предложил одолжить денег и не страдать херней. Я сказал, что любовь не купишь.

Маша сказала, что если машине больше лет, чем ей, то ездить на ней опасно. Я отвечал, что машина стареет медленней.

В общем, я не пожалел. Мой *Beetle* был крепенький и совершенно не собирался рассыпаться на ходу, как обещали скептики. Нет гидроусилителя руля? Зато накачаем бицепсы! Нет гидроусилителя тормозов? Тормоза придумали трусы.

А когда я несколькими быстрыми движениями снимал с него крышу, превращая в настоящий кабриолет, то у любой стоящей рядом девушки захватывало дыхание. Ей, наверно, казалось, что вот так же уверенно я буду раздевать ее. Я бы так и делал, если бы не Маша.

Наши вкусы с ней расходились во всем. Она любила фейсбук и инстаграм, для нее они были окном в мир новых людей, идей и новостей, я же старался минимизировать зависание в соцсетях. Мне казалось, что сначала я сам своими лайками и кликами сформировал свою ленту, а теперь эта лента формирует меня и не выпускает из сложившейся парадигмы. Может быть, мне пора уже узнать что-то новое, а лента выдачи тебе этого нового не дает, наоборот, кормит тебя старым. Поэтому я предпочитал телеграм и его каналы, куда больше похожие на традиционное СМИ: у каждого канала свой круг интересов, своя редакционная политика, свой способ подбора новостей и текстов, своя аргументация и фактчекинг; не нравится – не читай, надоело – отпишись.

В одежде наши вкусы тоже не совпадали. Я любил старое и надежное, она – новое и модное. Однажды Маша со вздохом отметила, что процесс *merging aesthetics* уже завершился, рваные джинсы и потертые ботинки продаются в модных дорогих магазинах. Я

возмутился. Я настаивал, что мои ботинки и джинсы рваные и потрепанные «по-настоящему», без присмотра дизайнера высокой моды, и что моя эстетика поэтому честнее. Она только улыбнулась.

Я любил классический рок и с огромным трудом въезжал в академическую классику. Она мне казалась неоправданно сложной. Нет, я пытался. И у меня даже что-то начинало получаться. Но для Маши в классической музыке не было никакой сложности – она разбиралась в ней с детства и получала искреннее удовольствие не только от Рахманинова, но и от пуантилизма или серийной додекафонии.

Риск ссоры с любимой

– Так что у тебя? – спросила она.

Виски окончательно освободил меня от обязательств, данных в расписке, и я был откровенен. То, что я говорил, очень не нравилось Маше.

– Так что думаешь? – спросил я.

– Да ничего, – сказала Маша. – Ты получил заказ от богатого идиота, который помешался на оккультизме. Какая тут может быть связь с Химиком? Тем более что умер он не от калипсола.

– Какая связь? Лиля вздрогнула, когда я сказал про Дейр-эль-Бахри. И спросила, не оттуда ли я. Начала что-то говорить про шкатулку.

– Какую еще шкатулку?

– Хрен ее знает. Какого-то убежища. Или приюта. Без подробностей.

При упоминании шкатулки Маша задумалась, или мне так показалось. Но так просто Машу было не пронять.

– Тебе показалось. Лиля чувствует свою вину в смерти Химика. Уехала зачем-то в Питер, оставила его один на один с отморозками. Она хотела, чтоб ты отвязался. По крайней мере, это следует из твоего же рассказа.

– Нет, дорогая! Не надо меня успокаивать. Все это как-то связано между собой. Я уверен.

– Послушай, Герман тоже иногда колется калипсомом. И что теперь? Жив-здоров. Никаких Дейр-эль-Бахри.

– Что? Что я слышу? Ты вышла замуж за наркомана?

– Прекрати! Он не наркоман. Он это делает несколько раз в год.

– Вот, значит, еще и Герман в этом замешан. А я помню. Я все помню. Ты сама говорила, что в твоём Германе есть какая-то тайна.

Когда речь заходила о Машинном муже, я неизменно приходил в бешенство.

– Хватит! Слышишь? Хватит! У тебя теперь любой человек, попробовавший калипсол, будет замешан во все самое страшное. Выбрось все из головы и займись работой. У тебя в кои-то веки появился шанс скопить на первый платеж за квартиру.

Я решил взять себя в руки, не вступать в бессмысленную ссору и ответил народной мудростью, что всех денег не заработаешь и часть придется украсть.

– Что и откуда ты можешь украсть? – довольно весело спросила у меня Маша.

Ты не тот, за кого себя выдаешь

– Ну что-то же я могу? Есть у меня хотя бы одно достоинство в этой жизни? Или мне стоит поставить на себе крест? Считать себя конченным лузером, который даже украсть ничего не может?

– Дорогой, – примирительно сказала Маша, – у тебя масса достоинств.

– Например? Можешь зачитать краткий список?

– Ну, во-первых, я тебя люблю.

От таких слов (Маша ими не бросалась) я, конечно, немного растаял. Но сдаваться не хотел.

– Любят, как известно, не за что-то, а вопреки. А вопреки чему меня любить, существует отдельный список, его можешь не зачитывать, я с ним знаком.

– Ну, как хочешь.

– Что «как хочешь»? Я хочу, чтобы ты мне рассказала, что ты во мне такого нашла. Почему ты меня терпишь и даже любишь? Просто потому что любовь зла?

– Ну нет. – Маша опять немного загадочно усмехнулась. – Я точно знаю, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

Я чуть не закашлялся.

– Да, твоя интуиция тебя не подвела. Вот она – съемка в инфракрасном свете! Ты видишь невидимое. Карты на стол, господа!

Все кончено. Я раскрыт. На самом деле меня зовут Бонд. Джеймс Бонд. Просто у меня сейчас тяжелое задание – играть тупого неудачника.

– Ну хорошо. Ты не тот, кем ты себя считаешь.

– А кто я? – Я даже не знал, радоваться мне, удивляться или злиться такому повороту разговора.

– Ты – избранный, – просто сказала Маша.

Тут уж я закашлялся по-настоящему.

– Может, я прямо сразу избранный народ?

Маша, как бы извиняясь, развела руками.

– Кем избранный, Маша? Тобой?

– И мной.

Я понял, что Маша просто хочет задобрить меня бессмысленными комплиментами. Вообще говоря, ничего плохого в психотерапии нет. Но нервы у меня были ни к черту, я счел это манипуляцией и разозлился.

– Нет, Маша, я не избранный. Я такой же, как все. И я не вижу в этом ничего плохого. И уж точно не нуждаюсь в том, чтобы ты мне повышала самооценку. К женщинам, которые так стимулируют своих мужчин, я тоже отношусь с подозрением.

У них мало что получается. С умными людьми, по крайней мере.

Маша обиделась.

– Я не пыталась повысить тебе самооценку. Просто сказала, что чувствую.

– Тогда какого хрена ты не живешь со мной, Маша! Если я такой весь из себя избранный?

– Мы это уже сто раз обсуждали. Ты хочешь меня расстроить? Или разозлить?

Я сказал, что не хочу ее расстраивать, и предложил ей не злиться. Маша сказала, что она не злится, что ей пора. Она поклонилась по-японски. Как гейша. Потом ушла не оглядываясь.

Я продолжил читать и пить, а когда виски кончился, все-таки вернулся домой на машине, потому что пьяному мне проще вести машину, чем ходить.

Слава богу, менты по дороге меня не тронули. Я пообещал себе, что сел пьяным за руль в последний раз.

Мы живы, и это надо ценить

В среду я пришел на работу необычно рано. С похмелья не спалось. Все утро разбирал ксероксы с мониторингом слов ФФ в СМИ. Крыса вела себя подозрительно тихо. Не шутила. Не язвила. Смотрела на меня осторожно. Я приписал это полученной из моих рук премии.

Когда мы сидели с ней, обсуждая дальнейшие действия, зазвонил телефон. Это была Любочка, поэтому, нажав кнопку громкой связи, я ответил: «Да».

«Вам звонят из прокуратуры». Я вздрогнул и тут же перевел громкую связь на тихую. Меня очень пугают такие звонки. От них хорошего не жди. Я поднял глаза на Крысу. Она не шелохнулась. Мне пришлось дополнить свой взгляд словами: «Могу я поговорить один?» Крыса недовольно поднялась и вышла.

– Любочка, кто там? Зачем мы прокуратуре?

– Он сказал, что его зовут Новиков. Что вы знаете.

Капитан Новиков, он же Писатель, был следователем по делу Химики. Я, естественно, взял трубку.

– Иосиф Яковлевич, мы могли бы увидеться?

– Что-нибудь случилось?

– Да. Вроде того. Когда вы можете к нам подъехать?

– А что такое?

– Лучше не по телефону.

Я решил ехать сразу. Терпеть не могу ждать неприятностей. Интересно, почему они каждый раз случаются после того, как я напьюсь?

В машине я включил Бреговича.

Низкий раскачивающийся бас Игги Попа, который и не пел вовсе, а веско и сочно докладывал обстановку. Это насыщало пространство вокруг меня какой-то мрачной энергией.

А когда он выдохнул вместе со странным славянским хором: *In the death car, we're aliveaa-a-a-aaa-aaa*, я подумал, что мы живы и это, кажется, пора начинать ценить.

#всё потеряно

Я вошел в прокуратуру, ожидая увидеть синий свет жужжащих дневных ламп, местами отодранный линолеум и обитые дерматином двери. Но ни фиги подобного. Место, где проводилось расследование, больше всего напоминало офис. Абсолютно бездушный и оттого немного жутковатый. От старых времен осталась только Доска почета. Дежурный переписал мои паспортные данные и тяжелым похмельным голосом сказал самому себе: «Двадцать восьмой».

– Это я – двадцать восьмой? По счету? – не понял я.

– Кабинет двадцать восьмой. Второй этаж.

Двадцать восьмой кабинет чем-то напоминал своего хозяина: неуютный, невзрачный, мрачноватый. Писатель поднял голову. Мешки под глазами. Много работает? Еще больше пьет?

– Здравьете, – сказал он, немного шурясь, как будто от меня исходило сияние. – Спасибо, что пришли. У нас тут такие дела...

– Что случилось?

– Лилия Донская умерла. Жена вашего друга. Основная версия – самоубийство. Есть записка.

Конец десятой главы

Глава одиннадцатая

Извинитесь за меня перед соседкой

Это очень неприятное ощущение – моментально высохший рот. Как будто тебе туда напихали ваты, а потом сразу убрали. Рот был сухой изнутри, как пещера в пустыне. Я попробовал пошевелить языком. Затем я потрогал края губ. Все сухо. Покачал головой. Оперся рукой на спинку стула. Сел без приглашения. Затем, как Матвей, попробовал пощупать свой пульс, но не смог его найти – руки дрожали. И наконец решился открыть рот.

– Я у нее был два дня назад.

– Да? – Он ничуть не удивился. – В котором часу?

– Днем. Между двенадцатью и двумя. Можно воды?

– Конечно. – Он подвинул ко мне свою воду в пластиковой бутылке. – А что вы делали?

– Говорили. Я спрашивал, отчего умер Химик. То есть Илья. Что она думает...

– И что она ответила?

«Стоп, – сказало что-то во мне ясным и чистым голосом. – Стоп!» Я вздрогнул и решил прислушаться.

– Да так... – Я пожал плечами. – Что она сама ничего не понимает. Попью?

– Конечно.

Я решил взять этот тайм-аут, чтобы сосредоточиться. Первая мысль была простая: все потеряно. Вторая мысль: но ведь Игги Поп только что спел мне, что мы живы. Тут же неизвестно откуда в голову пришел дурацкий анекдот: оптимистичный русский футбольный комментатор сообщает, что, хотя Россия проигрывает Бразилии 0:4, расстраиваться рано. Еще ничего не потеряно. Идет всего лишь пятнадцатая минута матча. Анекдоты, как любые тексты, привязываются к определенным тегам, подумал я. «Все потеряно» – это тег. И относиться надо к нему как к тегу. А не как к факту.

Тем не менее жизнь на глазах выходила из-под контроля. Такая хорошая, спокойная московская жизнь. С работой и тусовками,

романами и кинотеатрами, книгами и футболом. К половине стакана мне стало окончательно страшно и захотелось рассказать кому угодно, хоть Писателю, хоть директору ФСБ, хоть Антону с Мотей обо всем, что происходит. Снять с себя ответственность. Переложить на кого-то еще.

Я был уверен на сто процентов, что смерть Лили была связана с моим визитом. Нет, я не был уверен. Я знал это. Просто знал. Причем я знал, что связь эта была создана мной – то ли моими дурацкими вопросами, то ли тем, что я рассказал Лиле про ФФ. Ведь больше ничего существенного я ей не сообщил. Как и она мне. Какой ужас!!!

Зачем я связался с ФФ? Зачем подписал эту дурацкую бумажку? Зачем потом забил на это?

Fuck, fuck, fuck. И что мне теперь делать? Бежать к ФФ и требовать объяснений? Рассказать все органам? Позвонить Маше и наорать на нее за дурацкий скептицизм? Ну нет, Маша-то тут при чем.

Смерти нет

Вода в бутылке кончилась. И уж не знаю зачем, наверно, просто так, чтобы еще потянуть время, я как-то жалобно сказал:

– Давайте поедem к ним на квартиру. Посмотрим, что там.

– Да были мы там. Ничего интересного. К тому же, если экспертиза подтвердит самоубийство, то вообще вопросов нет. Депрессия. Да и из записки следует, что она немного не в себе.

– А что в записке?

– В принципе, вам это показывать нельзя. Но ладно. Вот.

Смерти нет. Я уйду к Илье. Я ему там нужнее, чем здесь. Дорогие родители, простите, если можете. Прошу не искать виноватых в моей смерти прямо или косвенно. Цианистый калий в капсулах приготовил мой муж.

Лиля.

P.S. Извинитесь, пожалуйста, за меня перед соседкой еще раз.

Соседкой... «Родителей жалко до слез», – подумал я. Но вслух сказал совершенно другое:

– Не так уж она и не в себе. Беспокойтесь, чтоб никто не пострадал из-за яда.

– Это да. А как вам начало записки?

– Поехали, а? – попросил я уже совсем жалобно. Голова у меня постепенно вставала на место. Я точно должен увидеть все сам.

– Ну, поехали. Если это освежит вашу память. Только я печать возьму. Квартира-то опечатана.

Аккуратная девушка

Мы вошли в квартиру. Никаких признаков борьбы не было. Обычный беспорядок, тот же, что и два дня назад.

Я уже знал, что хочу проверить. Я включил компьютер, с печалью представляя, что ломать пароль придется ментам и что они первыми получат доступ к файлам. Но не тут-то было. Жесткий диск *iMac*'а был переформатирован, как будто Лиля подготовила его к продаже. Она оказалась аккуратной девушкой: не просто вышла из всех аккаунтов в соцсетях и в почте, а уничтожила собственный хард. Я полез в стол. Писатель наблюдал за мной молча. В столе была куча фотографий, сломанных часов, ручек, брелоков, визиток и всякой дряни, но ни одной sd-карты или флешки. Лилия и здесь проявила аккуратность.

Мой взгляд упал на лампу, стоявшую на полу. Я подошел к яблочной колонке и нажал на сенсорную панель. Вместо Сезарии Эворы зазвучала органная музыка Баха.

– Надо найти ампулу калипсола и шприц, – сказал я. – Тогда кое-что прояснится.

– Что? – удивился Писатель, но приступил к поискам вместе со мной.

Я проверил под постелью и в ванной. Через минуту из кухни вышел Писатель, глядя на меня, как доктор Ватсон на Шерлока Холмса. В руках у него была салфетка, а в ней пустая ампула от калипсола и маленький шприц.

– Есть, – сказал он. – Нашел в мусорном ведре. Как вы догадались?

– Она говорила, что употребляет калипсол.

– Что это дает следствию? Это все-таки самоубийство?

– Да. Она сначала укололась калипсомом, потом легла в постель, включила нижний свет и музыку. Когда калипсол начал действовать, съела капсулу с цианистым калием. Минут через пять капсула растворилась. Вот и всё.

– Нет, не всё. Она написала письмо соседке, вставила ее в дверь. Попросила вызвать нас и выломать дверь.

Я высказался в том духе, что записка подтверждает версию о самоубийстве на сто процентов, а находка шприца и пузырька однозначно указывает на его способ, что явная причина всего этого –

депрессия и что я в любое время дня и ночи готов встречаться со следствием по этому и любому другому поводу. После чего я попрощался с Писателем, решив, что больше слова лишнего никому не скажу.

Скучно не будет

Я позвонил Антону и сказал, что вчера был у Лили, рассказал ей про заказ ФФ, а после этого Лиля покончила с собой – и что мы должны встретиться втроем. У меня был такой голос, что Антон задал мне единственный вопрос: «Сколько времени тебе ехать до „Кофемании“ на Никитской?» Я ответил, что по этим пробкам около часа. Он пообещал, что позвонит Моте и введет его в курс дела, если тот приедет раньше.

Подойдя к «Кофемании», я увидел Мотю и Антона: они сели на улице, вероятно из соображений безопасности. Глаза у Антона были темные, Мотя угрожающе сгорбился над столиком. Он даже не поздоровался и сразу обратился ко мне, не обращая внимания на официантку:

- Ты уверен, что это твой ФФ?
- Как сказать... И не мой он, в общем...
- Давай мне его мобильник.
- Подожди, Мотя, подожди. Что ты собираешься ему сказать?
- Не твое дело. Дай мне его номер.

Я в легком испуге посмотрел на Антона. Тот был совершенно невозмутим, как будто дело его не касалось. Я пожал плечами и не стал сопротивляться давлению Моти, а просто продиктовал номер телефона ФФ. Мне страшно не понравился звук собственного голоса, когда я это делал. Хотя я просто произносил цифры. Голос был фальшивый и очень неуверенный. Мотя тут же стал набирать номер на своем телефоне.

– Постой!

На предпоследней цифре Антон наконец-то вмешался. Хотя я восхищаюсь сочетанием отороженности и физической силы, но в некоторых случаях Мотю просто боюсь, потому что знаю: ждать от него можно чего угодно. Не обращая внимания на слова Антона, он строго смотрел на меня, ожидая последней цифры.

– Мотя!

– Что такое?

Мотя перевел взгляд на Антона. Я знал этот светлый удивленный взгляд. Он предвещал общение с самыми темными сторонами Мотиной натуры.

– Я предлагаю сначала разработать план. А не подставлять Иосифа идиотскими звонками на номер, который, скорее всего, знает только он один. Твоя лихая кавалеристская атака не пройдет. У противника надежная защита.

Антон был спокоен, как всегда. Мне сразу стало легче. Мотя понял, посмотрел на меня и бросил телефон на стол.

Антон продолжал как ни в чем не бывало:

– Но сначала, ребята, до всяких планов, мы должны ответить самим себе и друг другу на простой вопрос: надо ли нам ввязываться в эту историю? И если да, то зачем? Напоминаю, если кто забыл: мертвых нам не воскресить. Скорее наоборот, мы своими действиями можем увеличить количество трупов.

Слова Антона меня немного приободрили. По крайней мере, не я один теперь несу за все ответственность. Но признаваться в собственной трусости я совершенно не собирался, тем более что первая истерика у меня прошла. Поэтому я попытался, взяв голос под контроль, сказать как можно более безразличным тоном:

– Я – как все.

– Ты как раз, Иосиф, не как все. Ты уже внутри, – довольно зло усмехнулся Мотя. – Антон спрашивает меня, что нам делать: вытаскивать тебя за уши из этой истории или вписываться в нее самим.

– Тем более, – немного офигев от Мотиной откровенности, сказал я уже совсем естественным голосом. – Вот вы и решайте.

– Нечего здесь решать. У нас убили друга. А теперь Лиля. Да если бы мы вовремя впряглись, а не понадеялись на тупых ментов, то она была бы жива. Ты понимаешь, что это значит: ж-и-в-а?!!

– Хватит, Мотя. Мы тебя поняли. – Мне показалось, что Антон был недоволен словами Моти.

Вероятно, его зацепило Мотино обвинение, потому что он попросил меня рассказать о том, что мне удалось расследовать. Я сделал акцент на том, что Лиля упомянула коптов.

– Что именно она сказала? – переспросил Матвей.

– Передаю почти дословно: «Это, наверно, копты. Время храмов и монастырей прошло».

– Хм. – Матвей был скептичен, как никогда. – Теперь еще и копты. А ты уверен, что это было самоубийство, а не убийство?

– Записка, ампулы, обнуленный компьютер, – немного растерянно перечислил я.

– Записку можно подделать, ампулы подбросить.

– Все можно, Мотя, сделать. Но только вид у нее был как у человека, который уже почти умер.

– Что это значит? – очень зло спросил Мотя.

– Ну такой, как тебе объяснить? Отстраненный. Благостный. Такой вид бывает у человека перед смертью. Виноватый чуть-чуть. Прощающийся. Как у того, кто собрался в дальнюю дорогу. Он одной половиной сознания тут, с тобой, отвечает на вопросы, а другой уже там, на новом месте.

– Ну-ну, – не очень поверил мне Мотя. – Ладно. В общем, мы вписываемся, правильно я понимаю, Антон?

Антон внимательно посмотрел на каждого из нас.

– Помнится, кому-то наша жизнь еще недавно казалась скучной? Я готов пообещать вам, ребята: скучно больше не будет.

Концессия «О-12»

Мы наметили основные линии расследования: Химик с Лилей, египетская линия (копты как прямые наследники древних египтян) и, конечно, ФФ.

По Химику с Лилей много сделать не удастся, учитывая, что все бумаги, если они и были, Лиля наверняка уничтожила вместе с жестким диском. Тем не менее остается почтовая переписка на сервере провайдера, и мы, возможно, сумеем ее достать. При связях Антона я в этом почти не сомневался.

Я напомнил Антону с Мотей про некий дзен-буддистский монастырь в Японии, куда собирался Химик. Антон сказал, что невозможно объять необъятное и связи с монастырем он не видит. Мало ли кто куда когда собирался.

– А Древний Египет?

– Какой еще на хрен Древний Египет? – Мотя чуть не задохнулся от возмущения.

В Древний Египет я верил. Тем более после того, что узнал о похоронных традициях египтян периода мумификаций – об отрезанных головах. Копты были единственной нитью, соединявшей современность и невыносимую древность, и на Ближнем Востоке их тьмы. Нужно расспросить кого-то из их лидеров про Дейр-эль-Бахри.

Антон не возражал против включения Египта в план расследования и нашел выход. В Иерусалиме, в храме Гроба Господня, где служит второй по значимости коптский иерарх, связи у Антона были. Правда, журналистские, но Антон убедил меня, что журналист, про которого шла речь, – Аркан Карив – знает в Иерусалиме всех и может договориться с кем угодно о чем угодно. К тому же родной язык у него русский, и с ним мне будет общаться легко и приятно. Ехать выпало именно мне: Антон не мог бросить работу, а Матвея он хотел использовать для разработки ФФ. Я был рад грядущей поездке. Хотелось развеяться.

ФФ был, конечно, самым близким и самым лакомым куском. Антон с Мотей проследят связи ФФ, выяснят его биографию и вычислят его шефов. Хорошо бы устроить наружное наблюдение и прослушивание

мобильного телефона. Здесь Антон нахмурился. С его точки зрения, бюджета на это у нас могло не хватить.

Мы подошли к важной проблеме. Частное расследование стоит денег. И немалых в условиях российской коррупции. Но и без всякой коррупции одна поездка в Иерусалим уже тянула на приличную сумму. Я сказал:

– Я могу дать тысяч десять. Причем, что смешно, это как раз деньги ФФ.

– Я, – сказал Антон, – тоже дам десять тысяч. Причем, что грустно, это мои собственные деньги.

– Я, – сказал Мотя, – дам столько, сколько надо.

– Вот и создалась концессия, – сказал Антон.

– Надо как-то ее назвать, – предложил я.

– «Дейр-эль-Бахри», – предложил Матвей. – Жестко. Я бы даже сказал брутально.

– Брутально, но хрен выговоришь, – возразил я. – Давайте лучше «Одиночество». Это слово мы еще не расшифровали.

– Слишком печально, – покачал головой Матвей. – И не круто.

– «Одиночество-12», – сказал Антон.

– Почему двенадцать?

– Просто так. Лучше звучит. Как *Catch 22*. И вообще, двенадцать – счастливое число. Можно называть сокращенно: «О-12».

Все согласились, хотя Мотя проворчал, что ему это больше напоминает не *Catch 22*, а Горки-10. Антон продолжал:

– У меня есть три предложения. Во-первых, мне кажется, что Иосифу надо прекратить рассказывать об этом деле всем своим знакомым и полужанкомым. Ну, как минимум тем, кто еще не в курсе.

– Да ты что, Антоша, – перебил его я обиженно. – Кому я что рассказал? Вам и чуть-чуть Маше.

– Прекрати болтать на всех углах, – продолжал Антон, как будто не заметив моей реплики. – Ты уже поделился своими проблемами с Машей, Крысой, Лилей, Матвеем и мной. Это много. Надеюсь, ты хоть следователя пощадил.

– Следователя я пощадил.

– Я передаю тебе от него большое человеческое спасибо.

– Что дальше?

– Во-вторых, мы должны завести себе новые сотовые с анонимными симками. В-третьих, мы сейчас поедem в *Hi-Tech Computers*, я их консультирую. У них там сегодня выступает забавный чувак – Антон Носик. Мой старый израильский приятель. Он их чему-то учит на семинаре. Он покажет разные специальные приемы поиска в тех местах, где обычные поисковые машины типа Гугла не работают. Номерами новых сотовых обменяемся уже по безопасной почте. Все. Пошли. Пропуска на вас обоих готовы.

– А чему их учит Носик?

– Понятия не имею. Носик может учить кого угодно чему угодно. Он профессионал.

Я почувствовал себя заметно лучше. Все-таки хорошо, что есть друзья. И хорошо, что друзья готовы мстить за своих друзей. Не бояться и тихо перешептываться, а с высоко поднятой головой идти в атаку.

Конец одиннадцатой главы

Глава двенадцатая

Шахматы – благородная игра

Мы вошли в здание *Hi-Tech Computers* и поднялись на седьмой этаж. Антон сказал секретарю, чтобы нас напоили чаем, и отвел в комнату отдыха, объяснив, что ему надо поговорить кое с кем, а когда подойдет Носик, он подключится.

В комнате отдыха (сине-зеленые стены, оранжевые стулья и розовые столы, вдоль стен лежат пуфики, а в углу трехэтажная кофемашина) мы увидели странную сцену. За столом друг напротив друга сидели два менеджера. В теории они могли бы быть и инженерами, но, судя по белым воротничкам, это были все-таки менеджеры из отдела продаж.

Между воротничками стояла шахматная доска с только что начатой партией. Но воротнички, вместо того чтобы двигать фигуры, смотрели друг на друга с каменным выражением на лицах. Через секунду я понял, что они изо всех сил пытаются сдержать смех.

Перед одним из них на столе лежала бумажка, в которую он заглядывал и тут же начинал трясти головой, давясь смехом. У другого в руках тоже была бумажка. Он на всякий случай прикрывал рот рукой, потому что, казалось, тоже вот-вот расхохочется.

Мы с Мотей переглянулись. Они перевели взгляд на нас, и тот, кто закрывал рот, не выдержал. Рука у рта придала выходящему воздуху специфическую вибрацию, и мы услышали громкое и отчетливое «Хрю!».

После чего первый схватил второго за руку, сказал нам «извините», и они исчезли. Обе бумажки остались на столе. Мы, само собой, в них заглянули. Это оказались две одинаковые распечатки прикола из интернета.

Как сбить с толку противника, играя в шахматы:

- Расставляя на доске фигуры, сообщайте сопернику имена, ласковые прозвища и краткую биографию каждой из них.

- В течение длительного времени разглядывайте пешки противника.
- Сообщите ему, что они выглядят абсолютно одинаково. Предупредите его об опасности близкородственного скрещивания.
- Делая ход пешкой, громко скомандуйте ей: «С е2 на е4 бегом марш!» Сделайте паузу. Сгребите ее, как будто она активно сопротивляется. «Марш, я кому сказал!! Под трибунал отдам!»
- Воспринимайте взятие каждой вашей фигуры как личную потерю: «Увы, бедный Йорик, я знал его еще ребенком».
- С одной стороны, тихим шепотом ободряйте свои фигуры, с другой – жалуйтесь сопернику на то, что не можете им доверять.
- Попытайтесь дать взятку вражескому ферзю. Просто протяните ему банкноту, как бы незаметно. После вопросительного взгляда противника скажите, что не понимаете, в чем дело и чем он недоволен.

На этом месте вошел Антон и позвал нас. Я протянул ему распечатку.

– Это еще что, – сказал он озабоченно. – Шахматы – благородная игра. Всю прошлую неделю мой отдел долбоебиков гонял.

– А что такое долбоебики? – спросил я.

– Корпоративный кошмар, которому уже лет двадцать. Пошли, делом займемся. Носик нас ждет.

Языком Носика

Носик оказался приветливым человеком с большими грустными глазами, длинными тонкими пальцами и голубой кипой, прикрепленной к почти бритой голове, судя по всему, двусторонним скотчем. Носик прочел нам небольшую лекцию про безопасную почту, ухитрившись практически ни разу не воспользоваться нормативной лексикой.

Он говорил примерно так: «Сначала заебениваем вот такую хуйню, чтобы злоебучие пидоры отсасывали не нагибаясь [левой рукой Носик каллиграфическим почерком выводил какие-то веб-адреса и названия продуктов], потом – хуяк – ебем блядских мудозвонов в жопу через эту авторизацию, а потом – пиздим эту поебень...»

Мы с Антоном благоговейно вслушивались и понимающе качали головами. Мотя сидел с отсутствующим видом.

– А если нас все же попытаются выследить? – робко спросил я.

– Нам по хую все, что им не по хую. А если им не по хую, что нам по хую, то пусть они идут на хуй.

– Ясно, – сказал Антон.

Я никогда не был ханжой, и мне понравилось, что Носик – такой простой и доступный человек.

Кто живет в даркнете?

Но вообще-то все, что я узнал на этой лекции, было довольно интересно.

Носик рассказал нам про подпольный интернет, который называется даркнет. Это целый мир, доступ в который обеспечивает браузер Тор, а для первоначальной ориентации в нем существует тайная Википедия, *Hidden Wiki*. В этом темном мире обитает странная пестрая компания. Рулят всем, точнее, не рулят, а обеспечивают даркнет идеологией и инфраструктурой, так называемые шифропанки. Как правило, они придерживаются анархических или либертарианских взглядов. Они выполняют функцию инженеров, шифровальщиков, разработчиков криптовалют, которых, кроме биткоинов, развелось уже как грязи – альткоины, лайткоины, эфириумы и пр. Эти ребята – интеллигенция

даркнета. Точнее, его элита. К элите также относятся криптовалютные трейдеры, брокеры и аналитики, которые все эти валюты продают, покупают и меняют на обычные валюты.

Дальше идут политики-диссиденты обеих крайних частей спектра: есть убежденные ультралевые либертарианцы и антифа, но также есть и ультраправые националисты, неонацисты и скины.

Наркоманы тоже представлены самым широким спектром: от любителей изысканных сортов марихуаны до прочно сидящих на игле героинщиков. Их обслуживают дилеры – очень крутые спецы по электронной коммерции и маркетингу: обычно все сайты у них с прекрасным дизайном, отличным юзабилити и хорошим продвижением.

Замыкает элиту даркнета шоу-бизнес. Модные веб-модели на лайф-стрип-кибер-шоу зарабатывают одну-две тысячи долларов за сеанс, причем половину денег берут со зрителей за доступ, а вторую половину получают в виде чаевых. Сеансы обычно проходят весело, все чатятся, шутят и бросают чаевые, то ли из благодарности, то ли из желания продемонстрировать крутизну. Самые щедрые спонсоры получают некие привилегии – могут заказать отдельный номер для себя или получить пятиминутное приват-шоу в конце трансляции. Обычно в шоу участвуют несколько девушек – и им веселее, и зрителям. Но эта порнография – полная ерунда по сравнению с другой. С детской.

Три клика до преступления

Тут я пришел в ужас: детская порнография находится буквально в трехкличевой доступности от любого человека. Я не ханжа, но должны же быть какие-то границы у человеческой мерзости. Кроме того, как выяснилось, одно глупое движение мышкой – и ты, простой человек, ни разу не педофил и не извращенец, можешь стать преступником по законодательству большинства стран. Причем преступником, которому ломятся очень серьезные сроки. И для того чтобы сесть в тюрьму, не надо скачивать на свой комп никаких картинок. Достаточно глупо засветиться на сайте, за которым следят полицейские или даже волонтеры.

– Но люди ведь заходят в даркнет через Тор или какой-нибудь анонимайзер. Как же их могут так просто взять? – удивился я.

– Элементарно, если ты оставил в другом браузере хоть одно окно, связывающее тебя с обычным миром, – фейсбук какой-нибудь. Или твиттер. Даже окно не нужно. Если у тебя дроп-бокс или *iCloud* в фоновом режиме работает, тебя уже можно идентифицировать. У ментов свои методы.

Трудно представить себе другую ситуацию, в которой совершить что-нибудь столь ужасное было бы так просто.

– Неужели один тупой клик может взять и сломать жизнь? – спросил я.

– Ну, это кому как везет в жизни, – доступно объяснил Носик.

Заказные анонимные убийства

Мы узнали, что за биткоины можно купить не только любые наркотики практически в любом городе мира, но и краденые произведения искусства, поддельный антиквариат, контрафактные швейцарские часы. Но это ладно. Оказывается, в даркнете можно заказать и более редкие услуги – например, убийство человека.

– И что, – не выдержал я, – можно открыть Тор и найти в *Hidden Wiki*, где находятся услуги по заказным убийствам?

– В несколько кликов ты придешь на нужный сайт, – мрачно подтвердил Носик. – Предложений много. Причем существуют, например, убийства в складчину. Краудфандинг.

– Как это?

– Обычно это политические убийства. Люди скидываются на политиков, которых они не любят. Сейчас список на *Assassination Market* состоит не то из шести, не то из семи имен.

– А зачем платить деньги за убийство политиков?

– Ну, это такой либертарианский экстремизм. У создателя АМ под ником *Sanjuro* (это самурай из «Телохранителя» Куросавы) амбиции будь здоров: в своей программе он написал: «Я хочу уничтожить всех политических деятелей во всем мире. Я считаю, что это изменит мир к лучшему. Мир без войн, постоянной слежки, ядерного оружия, армии, репрессий, финансовых манипуляций и ограничений в торговле. Все это можно осуществить с помощью всего лишь нескольких биткоинов,

вложенных людьми, недовольными нынешним положением дел в мире».

– И что, есть уже хоть одно осуществленное убийство?

– Политических пока вроде нет. Но точно будут. В даркнет приходит все больше и больше людей. Сегодня за топ-политика больше ста тысяч баксов не дают. Но когда в даркнете накопится критическая масса – можешь не сомневаться, начнутся и политические убийства. А обычные заказные, конечно, уже и сейчас есть. Хотя там гарантии исполнения заказа гораздо ниже, чем при заказе наркотиков.

Криминальная репутация

– А при заказе наркотиков гарантия высокая? В даркнете не кидают?

– Как в любом нелегальном сообществе, криминальная этика строго культивируется и жестко соблюдается. Но тут дело не в одной этике. Это же пусть черный, но рынок. Каждый уважающий себя дилер дорожит своей репутацией. От репутации зависит его доход.

– Репутация анонима?

– Именно репутация анонима. Это отлично работающая штука. Ты не знаешь, кто стоит за брендом, но сам бренд знаешь.

О нем много позитивных отзывов. Бренд работает, бренд надежный. Что еще нужно? Много вы знаете людей, которые стоят за брендом *Procter & Gamble*? А за брендом *Sony*? А за «Кока-Колой»? И кого вообще волнует, что это за люди?

– Хорошие отзывы можно подделать.

– Этих ребят там выводят на чистую воду сразу. С первой попытки. В даркнете работают очень и очень умные люди. Гораздо более умные, чем начинающие жулики, перешедшие торговать наркотиками с улицы в даркнет. И сейчас на основных сайтах все сделки осуществляются с эскроу.

– Что это? – скептически спросил Матвей, который не любил никакие успешные бизнесы, кроме собственных.

– Эскроу – это когда деньги поступают сначала не продавцу, а на кошелек администратора сайта. И у каждого из участников сделки – у продавца, у покупателя и у администратора – есть свой персональный ключ шифрования. Это как сейф, который открывается, только когда в него вставлены три ключа тремя людьми, находящимися в комнате.

Свобода сотен миллионов людей

– А совести у этих умных и продвинутых людей нет? – не выдержал я. – Неужели эти шифропанки, анархисты и либертарианцы не понимают, что их услугами пользуются в основном наркодилеры?

– У них логика такая: если человек наркоман, то он всегда найдет себе наркотик. Но тут он будет по крайней мере качественный. Чего, кстати, совершенно не гарантирует уличный наркодилер.

– А детские порнографы?

– Извращенцы есть и будут. Даркнет их не выращивает. Но предполагается, что лучше извращенец будет сидеть за компьютером, чем пойдет реализовывать свои наклонности в реальный мир.

– Это все отмазки, – не унимался Мотя. – А террористы? Они же наверняка активно пользуются даркнетом?

– Те, у кого есть мозги, – конечно, пользуются. Но таких среди террористов немного.

– Ну и как шифропанки к этому относятся?

– Они считают, что из-за сотен террористов сотни миллионов людей не должны жертвовать своей свободой. Они говорят, что благо, которое дает анонимность в виде полной свободы и возможности избежать слежки государства, требует некоторых издержек. Поймите, они все очень идеологизированные. Революционеры. Они думают, что с помощью даркнета они строят новый мир. Мир полной свободы. Они ненавидят государство. Любую власть. В западную демократию они, разумеется, не верят. Политиков считают уродами. Время от времени предъявляют нам доказательства в виде разных там викиликсов.

– А власти ничего не могут сделать?

– Что-то могут. Первый *Silkroad* закрыли, так второй открылся через пару месяцев. Сейчас уже *Silkroad 3.0* работает. По большому счету власти, конечно, опаздывают всегда. Один из разработчиков протокола PGP – главного протокола шифрования за последние пятнадцать лет – как-то сказал: сегодня полная слежка за человеком по всем каналам, включая его телефон, почтовый ящик и социальные сети, стоит государству 13 центов в месяц. Это почти бесплатно. Если все будут использовать безопасные коммуникации, то цена слежки за человеком вырастет до десятков тысяч долларов в месяц. Тогда за особо важными преступниками полиция все равно будет следить, но за всеми и каждым уже не сможет.

Безопасные самосожжения

– Кстати, о безопасных коммуникациях, – вспомнил Антон. – Какие ты можешь дать нам рекомендации?

– С вами все просто. Все зависит от вашей паранойи. Купите анонимные симки. Вроде тех, что продают в аэропорту для роуминга

за границей. Всегда выходите в интернет через VPN. И с телефона, и с компа. Их сейчас полно везде. Скачиваете апп на смартфон, и вперед. Для браузинга используйте Тор. Не забывайте закрывать все другие приложения и браузеры. Для сообщений телеграма плюс VPN будет более чем достаточно. Заведите почтовый ящик на *Mailpile*. Это, считай, уже тройная перестраховка. Больше вам вообще ничего не надо, пока за вами не начнется по-настоящему Большая Охота.

– До этого, надеюсь, не дойдет, – вздохнул Антон.

– Ну даже если и дойдет – у спецслужб значительно больше возможностей, чем тупая прослушка ваших телефонов и чтение ваших месседжей. Поверьте, заметно больше.

– Да мы не со спецслужбами воюем, – начал было объяснять я, но тут же притих под жестким взглядом Моти.

После этого Носик перестал учить нас безопасным коммуникациям и начал рассказывать про безопасность жизни *asis*. С таким объемом знаний и легкостью, с которой он этими знаниями распоряжался, вполне можно было научить нас безопасному сексу, безопасным инвестициям, безопасному плаванию в венецианских каналах, безопасному приему наркотиков, безопасным убийствам и, вероятно, безопасным саможжениям.

Мы вышли с лекции окрыленные, с чувством полной безопасности и безнаказанности. Мы будем мстить за Лилю и Химику, оставаясь в безопасности.

Лилю похоронят без меня

Мы вернулись в «Кофеманию» и утвердили план действий, из которого следовало, что послезавтра мне надо было лететь в Иерусалим, встречаться с главой иерусалимской коптской общины. Антон с Мотей начинали заниматься делом ФФ. Мне показалось, что на меня спихнули не самую перспективную часть расследования, но, с другой стороны, на коптов напросился я сам.

И тут вдруг я понял, почему так хочу уехать из Москвы. Мне была совершенно невыносима мысль о вторых похоронах. Хватит! Опять эти разговоры полусшепотом. Запахи. Бр-р. Ребята похоронят Лилю без меня. Я правда больше не мог даже смотреть на родителей, не то что встречаться с ними глазами. Малодушие, страх. Я знал все эти свои

гадкие слабости и стыдился их. Поездка в Израиль в этом смысле выглядела спасением.

Знания израильской специфики для разговора с коптами не требовалось. Рабочим языком встречи будет английский. Встречу с ними мне должен организовать тот самый израильский знакомый Антона – Аркан.

Антон позвонил ему прямо из кафе с мобильного и после короткого разговора подтвердил, что у Аркана можно остановиться. Это позволит мне сэкономить на гостинице и посмотреть, как живут богемные представители русскоязычной общины в Израиле. Я был в Израиле до этого всего один раз и с русскоязычными израильянами, не считая гида, не общался. Тем более с богемой.

В Иерусалиме же я вообще не был. Когда наша группа поехала в Иерусалим, я остался в Тель-Авиве, купаться в Средиземном море. Меня немного смущало, что святое место мне пришлось бы посетить вместе со стадом туристов. Фотоаппараты-колокольчики и пастух-экскурсовод. «А вот здесь вы сможете купить флакончик святой воды и горсть святой земли всего за несколько шекелей. И обязательно торгуйтесь. Здесь принято торговаться!» Я не хотел торговаться. Я был готов платить за святую воду и святую землю по полной. Поэтому я пообещал себе приехать в Иерусалим отдельно. Когда-нибудь. Но – обязательно.

Я провел еще полдня на работе, тестируя безопасную почту, набираясь сведений о коптах и проверяя публикации по заказу ФФ.

Маша позвонила мне совершенно убитым голосом.

– Это правда про Лилю?

– Ну правда.

– Что за ужас?

– Ну ужас, – мрачно ответил ей я. – Но мы этого так не оставим.

Маша изменилась в голосе и призвала меня к благоразумию.

– Какое благоразумие? Ты мне на днях объясняла что-то про нелепые случайности. Про странные совпадения. Ты по-прежнему настаиваешь на этом?

– Я просто не хочу, чтобы у тебя и твоих друзей появлялись какие-то непонятные проблемы.

Фраза про друзей была лишней. Я взбесился.

– У меня уже появились проблемы с друзьями – они начали умирать. Поэтому я предлагаю тебе сначала разобраться со своей личной жизнью, а потом уже вмешиваться в мою.

Маша, естественно, обиделась, а я, естественно, вскоре пожалел об этом разговоре, но перезванивать не стал, решив крепиться. От этого на душе скребли крысы. Потом я сообразил, что только что сообщил Маше о своих планах по обычному мобильнику, хотя друзья строго предупредили меня, что этого делать нельзя. От этого крысы заскребли еще сильнее. Я отогнал крыс мыслями о путешествии.

Настоящей Крысе я сказал, что лечу с любимой девушкой в Турцию на несколько дней и ей предстоит работать самостоятельно. Она злобно посмотрела на меня. Видно, премия уже перестала действовать.

Конец двенадцатой главы

Глава тринадцатая

Армейский шик

עוֹד לֹא אָבְדָה תְּקוּתָנוּ,
הַתְּקוּהָ בֵּת שְׁנוֹת אֲלֵפִים,
לְהִיּוֹת עִם חֶפְשִׁי בְּאֶרְצֵנוּ,
אֶרֶץ צִיּוֹן וִירוּשָׁלַיִם.

*Еще не исчезла наша надежда,
Которой две тысячи лет,
Надежда стать свободным народом на своей родине.
Израиль, Сион, Иерусалим.*

Я ехал на заднем сиденье маршрутного такси из аэропорта в Иерусалим и слушал скачанный еще в Москве *Jerusalem 3000*. Некоторые песни меня прикололи. В частности, эту, с красивым именем *The Hope*, я слушал уже второй раз. Это был такой умный грустный фолк, которому сам Брегович бы позавидовал. Полез в дорогой роуминговый интернет и выяснил, что слушаю гимн Израиля. Ну и ну.

Рядом со мной сидела девушка в военной форме с укороченным «М-16» в руках, на ее плече болталась бретелька от лифчика. Мне потом объяснили, что это армейский шик.

Вскоре начались горы. Свет сделался контрастным. Я вертел головой по сторонам – не мог представить себе, что в жизни бывает так красиво. Впереди, за витками серпантина на самом верху горы,

прямо под голубым небом, появилась тройная цепь маленьких позолоченных домов. Я раскрыл рот.

Маршрутка доехала до центральной автобусной станции. Вокруг царила расслабленная суэта. Я посмотрел на оборванца лет пятидесяти, с длинными седыми волосами, в истрепанных джинсах. Оборванец пел Высоцкого под гитару голосом автора:

Столько лет,

Столько лет

Все одно и то же.

Водки нет,

Денег нет,

Да и быть не может.

В гитарном чехле лежало несколько монет. Я бросил шекель. Оборванец сказал на длинном цыганском проигрыше песни: *Thank you, sir* – и внимательно на меня посмотрел. Я улыбнулся ему и пошел искать такси.

Антилувр

Через пятнадцать минут я оказался в районе Старый Катамон, к югу от автовокзала. Я нашел нужный мне трехэтажный дом, стоящий на сваях, поднялся на второй этаж и позвонил.

Сначала я услышал бешеный лай. «Крыся, пошла вон», – прозвучало в ответ. Не «Крыса», как у меня в *PR Technologies*, а немного польски. Крыся.

Дверь открылась, и ко мне бросилась маленькая мохнатая очаровательная терьерша. За ней стоял длинный, немного сутулый лысый человек в металлических очках с лицом серийного убийцы. По крайней мере, я представлял себе серийных убийц именно так.

– Вы Иосиф? – приветливо и тепло спросил он. – Здравствуйте. Заходите.

– Спасибо. А вы – Аркан, – уточнил я.

– Да, – сказал он и внимательно посмотрел на меня. – Заходите, заходите.

Я вздрогнул. От очков за версту несло тюремной поликлиникой. На лысый череп я вообще старался не смотреть. В документальном фильме о том, как живут приговоренные к пожизненному заключению, лысые черепа у героев были точно такие же. Только виноватые интеллигентные глаза противоречили первому впечатлению. Строго по анекдоту: «Ребенок весь в меня – умный, спокойный. А глаза – в мужа: виноватые, бегают...»

Аркан предложил кофе, почти убедив меня, что друзей-маньяков у Антона нет. Не могу поверить, чтоб серийные убийцы предлагали кофе. Конфетку – могу, а кофе – нет.

Пока Аркан варил кофе, я осмотрелся. Мне всегда было интересно, как обустраиваются люди.

Прямо напротив входной двери торчал большой двурогий тренажер, который использовался как вешалка для ковбойской шляпы и полотенец.

В комнате, которая служила одновременно прихожей, гостиной и кухней, громоздились полупустые открытые картонные коробки. Скопив глаза в одну из них, я увидел смесь книг, дисков и старых кассет VHS. На одном из стульев, далеко не новых, были странным, но, вероятно, естественным способом размещены джинсы, носки, трусы, свитера и рубашки. Я не смог бы создать такую устойчивую композицию, даже если бы очень постарался.

Мебели в гостиной было не по-московски мало: красненький плюшевый диванчик, на котором сидел я; стул со шмотками; второй стул, на котором тоже валялась какая-то одежда, но не в таком количестве; облезлый столик, за которым мы предполагали пить кофе.

Меня вообще интересует быт. Я до смерти хочу узнать, как чистили зубы дворяне в XVIII веке, если они вообще их чистили. Мне страшно

любопытно, как одевались в холодную погоду моряки на корабле Колумба. Я был бы счастлив очутиться в доме египтянина времен Хатшепсут. Просто чтоб посмотреть, какая там мебель.

Аркан поставил джезву на стол, сел на второй стул, со вздохом скинув с него шмотки прямо на пол, и разлил кофе в маленькие чашечки. Кофе оказался густой и душистый. Я еще раз огляделся по сторонам.

– Уютная квартирка, – начал я светски.

Но, похоже, сказал что-то не то.

– Уютная?! – испуганно огляделся Аркан, сутулясь больше обычного. – Мои друзья говорят, что это Антилувр.

– Простите?

– Помните анекдот, как русский олигарх идет по Лувру и говорит: «А что? Бедненько. Но чистенько»?

– Да, – вежливо улыбнулся я.

– А у меня – Антилувр. Бедненько. Но грязненько.

Я решил отойти от стремной темы чистоты в доме.

– Мне Антон сказал, что вы можете помочь выйти на коптскую общину.

– Помочь? Не знаю. Могу попытаться. Копты – очень закрытые ребята. Никого близко к себе не подпускают. Но у меня есть один знакомый армянский священник, Варкес. Он вроде бы общается с кем-то из коптских священников. А что ему сказать, если он спросит зачем?

– Скажите ему, что есть один важный теологический вопрос.

Я помнил запрет Антона и решил держать язык за зубами.

Аркан задумался.

– Может быть, перейдем на ты?

– Перейдем, – осторожно сказал я.

Аркан пообещал сделать все, что в его силах. Завтра он позвонит Варкесу. И может быть... Что-нибудь... Хотя он опять же не очень... Но. Это же завтра! А пока – еще продолжается сегодня! Скоро вечер. Гость из Москвы может выбрать себе развлечение по вкусу.

Русая коса

К сожалению, живет Аркан скромно, поэтому вариантов, собственно, два: курить траву с друзьями Аркана здесь или отправиться курить траву к друзьям. Я не курю траву. Практически никогда. Я от нее заметно глупею и засыпаю. При этом я ничего не имею против курящих людей, но сам предпочитаю виски. Виски у Аркана не было, но ближайший супермаркет решил проблему. Вскоре подтянулись гости: милые и симпатичные люди, один из них оказался депутатом кнессета, но он курил траву вместе со всеми как ни в чем не бывало.

– Я правильно понимаю, что в Израиле траву курят все?

– Почти, – сказал Аркан.

– А что б тогда ее не легализовать?

– Понимаешь, – со вздохом объяснил Аркан, – трава поставляется к нам из Палестинской автономии нелегально, чтобы держать за яйца палестинских поставщиков и производителей.

– А зачем их держать за яйца?

– Как зачем? Они же главные осведомители всех наших служб безопасности.

Я не нашелся что ответить на такой мощный аргумент. Кроме меня, единственным некурившим человеком оказалась медсестра Аня. Классическая русская красавица с длинной косой. Не до пояса, конечно, но все-таки. Она говорила медленно и спокойно, смотрела приветливо и открыто такими глубокими и такими внимательными глазами. Я подумал, что раз мои отношения с Машей зашли в очередной тупик, то почему я не имею права поухаживать за красавицей с русой косой? Тем более что Маша каждый день ложится в постель с Германом. При мысли о Германе в постели с Машей мне чуть не стало плохо, но я выпил «Джек Дэниелса» и еще раз посмотрел на Аню. Она была очень хороша.

Я отозвал Аркана в сторону. Стороной оказалась крошечная кухня.

– Аркан, – сказал я, – Аня-то – хороша!

– Хороша, – согласился Аркан.

– А она, ну... свободна?

– Как все мы, – сказал Аркан со вздохом.

– А куда у вас возят девушек, если хотят им понравиться?

– В Эйлат, – уверенно сказал Аркан. – Девушек возят в Эйлат. Возят вечером, когда стемнеет. Тебе придется снять машину. Но у тебя ведь есть права?

– Конечно.

По просьбе Аркана гости, перебивая друг друга, рассказали мне о романтическом месте длиной в триста пятьдесят километров под названием «Ночная дорога из Иерусалима в Эйлат».

Безголовый человек везет в тачке собственную голову

Ты выезжаешь из Иерусалима, кивнув на прощание подсвеченным желтым светом стенам и башням Старого города, и спускаешься за двадцать минут и тридцать километров из горного Иерусалима в самое низкое место на земле. Доехав до указателя «Иерихон 6 км налево», ты вспоминаешь, что не египетские или шумерские города, а именно Иерихон – старейший город на Земле, поворачиваешь направо и встречаешься с Мертвым морем. Проезжаешь табличку «Кумран» и понимаешь, что свитки Мертвого моря со старейшими рукописными текстами Библии найдены именно тут.

Где-то после Кумрана надо вылезти из машины. Сначала на тебя обрушится огромное количество крайне низких звезд. Потом ты поймешь, что видишь Млечный Путь, и так ясно, как ты не видел его никогда в жизни. Не исключено, что тебе в голову придут какие-то мудрые мысли. Самое низкое место на Земле по совместительству является местом, где воздух насыщен кислородом в самой высокой на Земле степени.

Проезжаешь Масаду. Вспоминаешь доблесть и трагедию осажденных евреев, отказавшихся сдаться в плен римлянам. Плен в то непростое время означал пожизненное рабство. Дорога петляет, и море остается позади. И тут перед тобой постепенно возникает огромный светящийся корабль. Он медленно приближается, и становится ясно, что таких больших судов не бывает. Особенно в пустыне, километрах в двухстах от ближайшего моря. Корабль от носа до кормы увешан гирляндами лапочек, отчего вокруг струится мерцающее сияние. Если ты видишь это первый раз в жизни, у тебя сносит крышу. Но это опять же зависит от музыки.

Через пару километров, пока ты раздумываешь, что это была за корабельная галлюцинация, становится очевидно, что это никакой не корабль, а завод. Вероятно, по переработке минералов Мертвого моря. Но люди украсили его несколькими тысячами лампочек. Зачем посреди ночи в пустыне освещать завод такими гирляндами – неясно, и это впечатляет. Бессмысленная красота лучше осмысленной. Затем последние признаки пребывания человечества кончаются.

Проводив офигевающим взглядом указатель на библейское место с подозрительным названием «Содом» («Содомиты! Боритесь за культуру родного города!»), ты едешь часа полтора через темную безлюдную пустыню.

И вот в середине пустыни, когда музыка кончилась, тебе попадается невероятное место под названием «101-й км». Ты останавливаешься.

Очень странная группа зданий, похожая на картонные декорации к кинофильмам. Ресторанчик на открытом воздухе, мини-маркет, сад сумасшедших скульптур и маленький зоопарк. В зоопарке ишаки, верблюды, крокодилы и змеи с ящерицами. Большинство животных спит, так как уже ночь. Бармен рассказывает тебе, что в террариуме живет якобы единственная на земле двухголовая змея-альбинос, самая ядовитая змея на свете.

Вокруг зоопарка проложена крошечная действующая железная дорога с детскими вагончиками.

При виде скульптур, сваренных из грубых железных прутьев, представляешь себя безголовым человеком, везущим в тачке собственную голову. Осмотревшись, ты замечаешь, что под открытым небом прямо посреди сада развешаны гамаки. В общем-то, можно заночевать и здесь.

Но Эйлат уже рядом. Выпив кофе, ты снова садишься за руль и выжимаешь из машины все, на что она способна. Дорога пустая, полиция ночью спит. Через полчаса появляются огни Аккабы и Эйлата. Еще двадцать минут – и ты на тропическом курорте. Дельфины, дайвинг, пляжи, коктейли *Sex on the Beach*.

Коллективный рассказ о дороге в Эйлат мне понравился. Я понял, что определенно настало время немного отдохнуть от истории с Машей и Германом. А потом еще решить, возвращаться ли к ней. Я прикинул, достаточно ли у меня времени и денег для такого путешествия (выходило, что вполне), а главное, согласится ли Аня

меня сопровождать. Я пораздумывал, как бы это выяснить, не задавая вопрос в лоб. После Лили я стал особенно мнителен в разговорах с девушками. Но я придумал. Я спрошу, не проводить ли ее до дома. А там видно будет.

Спросил. Она сказала: «Проводить». Хороший признак.

Кровь, пот, машинное масло

Идти пешком было минут тридцать. Я начал рассказывать Ане, как мне все здесь нравится, особенно демократичность общества, где безработный Аркан курит траву с депутатом кнессета. Но договорить мне не удалось.

В бархатной иерусалимской тишине раздалась резкая смесь звуков. Визг шин и нарастающий рев двигателя. Звуки дополнились ярким снопом света справа налево. Аня с силой схватила меня обеими руками за рубашку и толкнула в кусты шиповника, в которые я, неуклюже раскинув руки, упал вместе с ней. В нескольких сантиметрах от моих ног пронесся длинный белый «мерседес», почти полностью заехав на тротуар. Пронесся и исчез на ближайшем повороте, засвистев тормозами. Мы оказались в облаке запахов жженой резины, горелого сцепления и машинного масла. Я начал сползать с кустов. Надо было сказать что-то соответствующее случаю.

– Весело тут у вас.

Шиповник колот меня со всех сторон. Я потер щеку. На ней оказалась кровь. «Кровь, пот, машинное масло» – почему-то пришло мне в голову название журнала, редактором которого подрабатывал Аркан.

– Помолчи, пожалуйста, – прошептала Аня. – Помолчи и не двигайся.

– Что мне, обратно в кусты лезть? Ну и джигиты!

– Это не джигиты, – ответила Аня спустя секунд десять почти обычным голосом. Разве что в нем появилась какая-то задумчивость.

– Арабские террористы?

– Врядли. Они в это время спят. Это, как у вас говорят в Москве, наезд.

– Почему?

– Потому что эта машина тихо стояла. Мы проходили мимо нее, но внутри я никого не видела. Странно. Плохо. Надо вызвать такси.

– А далеко еще идти?

– Пять минут.

– Но тогда...

– Надо вызвать такси.

Она вытасила мобильный и сказала несколько слов. Пока я раздумывал, удачное ли сейчас время для приглашения Ани в Эйлат, а также откуда у медсестры такая наблюдательность и такая реакция, такси подъехало. Через две минуты мы были у ее дома. Эти две минуты она молчала, а на прощание тихим ровным голосом сказала:

– Береги себя.

Я набрал в легкие воздуха, но позвать Аню в Эйлат не смог. Я просто сказал:

– Хорошо, бог даст, еще увидимся, – и вернулся на том же такси.

Рыжеусый таксист не взял с меня денег, объяснив, что Аня с ним уже расплатилась. Оказывается, в Израиле медсестры не просто спасают жизни, но еще и платят за такси. Я ехал к Аркану в некоторой прострации.

Конец тринадцатой главы

Глава четырнадцатая

Обдолбанные придурки

Увидев меня, Аркан засуетился. Он настоял на том, чтобы заклеить щеку пластырем, и подтвердил, что теракты в это время суток не происходят. Острый стресс, связанный с выбросом адреналина, постепенно сменялся у меня ужасом оттого, что ночное приключение, судя по всему, не было случайностью. В худшем случае это было покушение, в лучшем – предупреждение. Мне показалось, что спина моя покрылась холодным потом, и захотелось немедленно поделиться своим ужасом с Арканом. Но я отмел эту мысль как совершенно безумную. Я и так уже много чего кому наговорил.

Я почувствовал острую потребность позвонить Антону и Моте, несмотря на глубокую ночь. Но я понимал, что невнятная история о неслучившейся аварии вряд ли покажется им правдоподобной. Они просто успокоят меня и посоветуют поспать.

Аркан, словно прочтя мои мысли, сказал мне:

– Не волнуйся, все же обошлось. Какой-то обдолбанный придурок сел в тачку и вообразил себя гонщиком. Ты же заметил: у нас все курят. А идиоты после этого еще и за руль садятся. Хочешь – иди спать, я тебе постелю на коврик.

Но я был так перевозбужден, что о том, чтобы уснуть, не могло быть и речи.

Красиво, свободно, бедно и несправедливо

Тогда я попытался отвлечься разговором с Арканом, которому тоже не спалось.

– Аркан, а как вообще жизнь в Израиле?

– Жизнь проходит. И в Москве, и в Нью-Йорке, и в Иерусалиме. Потому что жизнь проходит не в стране, а в тебе самом. На самом деле Израиль – маленькая провинция, довольно бедная по европейским понятиям. Народ – ленивый и крикливый. Политики – продажные и тупые.

– Но у тебя же есть своя тусовка?

– Есть. Но маленькая... Такая маленькая, что друзья и враги – одни и те же люди.

Я слушал недоверчиво, потому что давно был влюблен в Израиль, в легенду, построенную тремя поколениями посреди засоленной и заболоченной пустыни. Меня завораживала смесь хайтека и пионерского духа.

А тут Аркан говорит – болото, глупость, налоги, чванство. А как же романтика? С другой стороны, ему виднее. Но Аркан не унимался.

– Сначала мы все приехали как в сказку. Нашу сионистскую сказку. Все были молоды и счастливы, что сбежали от совка и родителей. Учили иврит, поступали в университеты, писали стихи и прозу. Потом началась брачная лихорадка... Все перелюблялись. Стали уводить друг у друга жен и подруг. Потом и это надоело. Стали копить деньги. Но деньги тут не скопишь. Наоборот, залезешь в долги.

Аркан выразительно огляделся, как будто изучая обстановку, вогнавшую его в долги. Обстановка не впечатляла.

Я совершенно не оценил скепсис Аркана.

– Все равно, – сказал я. – У вас красиво и свободно.

– Да, – подумав, сказал Аркан. – У нас красиво и свободно. Жалко вот только, что бедно и глупо. И несправедливо.

Я загрустил. Легенду не отменили, но у нее оказался комментарий. У всех легенд есть комментарий.

– Пора спать, – сказал Аркан. – Утро вечера мудренее.

Он постелил мне, правда, не на коврик, а на красном диванчике, на котором поместились только сто пятьдесят сантиметров из моих ста семидесяти пяти, но перелет, гости и автомобильный инцидент так утомили меня, что я немедленно отрубился.

Прокрастинация

Ночь прошла великолепно. Утром Аркан доставил к колченогому столику две чашечки дымящегося кофе. Я оценил такой способ пробуждения и начал день с того, что, умывшись и приведя себя в порядок, пять раз подряд обыграл Аркана в нарды.

Потом я заметил, что уже час дня и расследование застопорилось. Аркан начал набирать номер Варкеса, но у того не отвечал телефон. Мы сыграли еще три партии. Аркан проиграл две из них. В перерыве он сварил еще кофе и опять позвонил Варкесу. Варкеса не было. Я занервничал.

– А если я пойду один? – озабоченно спросил я.

– То тебя пошлют к черту, – беззаботно сказал Аркан. – Не дергайся. Ты же не в Москве. Здесь Левант. Ближний Восток подразумевает расслабление и созерцательность. Появится твой Варкес, куда он денется.

Меня начало немного колбасить. Это мое обычное состояние, когда я не делаю чего-то нужного. Это «что-то», иногда важное, а иногда и полная фигня, становится прямо кармическим долгом. Тогда у меня появляются все признаки стресса. Вплоть до изжоги. Прокрастинация: лечится плохо или вообще никак. Я был так раздражен, что отказал Аркану в очередной партии в нарды, чем явно его расстроил. Чтобы объяснить отказ, рассказал про изжогу и спросил, нет у ли него какого-нибудь средства против нее. Лекарств у Аркана не оказалось никаких, но он сказал, что может сходить в аптеку. Я отказался из вежливости.

Через пять минут Аркан еще раз набрал номер и вдруг заговорил на иврите. Я тяжело выдохнул: Варкес наконец взял трубку.

Договорив, Аркан объяснил, что местные армяне по-русски не говорят и даже к армянам из Армении относятся настороженно, так как живут отдельно чуть ли не две тысячи лет. Он сказал, что Варкес пойдет к главе коптской иерусалимской общины Моркосу Хакиму. Перезвонит через час. В Старом городе все рядом и вопросы решаются быстро. Вот тебе и Левант.

Мне стало немного неловко оттого, как легко я потерял терпение. Я немного успокоился, изжога прошла сама собой, и я продолжил обыгрывать Аркана в нарды. Ровно через час зазвонил телефон:

Моркос Хаким ждет меня прямо сегодня в Старом городе, в коптском приделе храма Гроба Господня. Хорошее название для места встречи. Аркан объяснил мне, как найти храм, а про коптский придел предложил спросить у полиции, которая там дежурит.

Он заодно рассказал, что коптов крестил сам евангелист Марк, который работал под конец жизни епископом в Александрии, где и был похоронен с почетом. В IX веке тело Марка удачно выкрали из могилы венецианские купцы, благодаря чему в Венеции появились мощи с отличным, если не сказать безупречным, провенансом (это тебе не сто сорок пятый зуб Спасителя или двадцатитысячный кусочек животворящего креста), у нас появилась возможность пить кофе по пятнадцать евро за чашечку на Сан-Марко, а у венецианцев – возможность нам его за такие деньги продавать.

Я в ответ напомнил каноническую школьную легенду о том, что Шампольон совместил иероглифические картуши фараонов с их греческими эквивалентами и так расшифровал иероглифы. На самом деле это полуправда. Без знания коптского языка Шампольон и его последователи не смогли бы полностью восстановить древнеегипетский язык и мы бы так ничего и не узнали о сложном, противоречивом устройстве параллельного мира у египтян. Кстати, само слово «копт» – это арабская транслитерация греческого слова αἰγυπτιος, «египтянин».

Искривленное пространство

Мы вышли вместе. Аркан пожелал мне удачи и отправился в банк – решать скопившиеся за годы проблемы. Я, доехав на такси до Яффских ворот, прошел через них, поглазел на Башню Давида и попал в ряды арабских торговцев деревянными крестами, старыми монетами, кальянами, игральными и географическими картами, святой водой, сандаловым деревом, кофейными сервизами, святой землей, открытками и всеми остальными прелестями арабского Средиземноморья с христианским уклоном.

Ориентируясь по гугловской карте, я добрался до храма Гроба Господня и попытался почувствовать себя крестоносцем.

Я ожидал, что на месте распятия Христа будет стоять что-то величественное. Не хуже мечети Аль-Акса, построенной на месте

вознесения Магомета. И был разочарован. Храм показался мне довольно темным и неуклюжим. У входа дежурили трое израильских полицейских в бронежилетах и в полной боевой выкладке. Я решил пройтись по храму.

Через пять минут я совершенно запутался. Мне вдруг показалось, что здесь искривляется пространство. Повернув от входа направо, я стал спускаться вниз по каменным выщербленным ступеням.

На стенах вдоль лестницы были вырезаны кресты не самой правильной формы и разного размера – от спичечного коробка до сигаретной пачки. Я провел по ним указательным пальцем. Похоже, что их вырезали крестonosцы, гордые захватом Иерусалима. Я сразу вспомнил семейную легенду, согласно которой мой дед так же расписался на Рейхстаге в 1945 году, выбив пулями своего наградного вальтера самое короткое матерное слово русского языка.

Затем я спустился в зал без окон. Очевидно, он располагался ниже уровня земли. На полу и на иконах отчетливо проступал армянский шрифт. Я спустился еще ниже и ничего не понял. Зал освещался витражными окнами, в которые явно светило солнце.

Я повернул, поднялся обратно и опять пошел направо. Неожиданно я оказался в стройном, симметричном маленьком костеле. Чистый пол, яркий свет, элегантно вмонтированный в стену орган, современный дизайн, лавки, покрытые лаком. На лавках отдыхали европейского вида туристы.

В самом центре одного из приделов храма стояла часовня, куда вела огромная очередь. Человек пятьдесят. Я понял, что воскресение Христа произошло именно там, но поскольку с тех пор здесь многое изменилось и оригинальная обстановка исчезла бесследно, я решил, что стоять в очереди не буду.

Я обошел часовню и оказался в небольшом темном зале, больше всего напоминавшем пещеры для тайных собраний первых христиан. Темные грубые каменные стены. Земляной пол. Маленький, почти черный покосившийся алтарь. Ни одного окна. Ни одного человека. В конце зала, освещенного старой лампадой, прямо в полу темнела дыра. Я сунул руку – пустота. Бросил камешек. Звук падения раздался секунд через десять.

Я вышел из пещеры и увидел застекленную витрину, в которой торчал ярко освещенный кусок скалы. Судя по всему, это была

Голгофа. На нее вела с другой стороны отдельная лестница. Я поднялся на Голгофу и постоял, ожидая каких-то мыслей. Но с мысли сбивали туристы, которые фотографировались в самой идиотской позе из возможных: вставали на колени спиной к алтарю и лицом к фотоаппарату и засовывали правую руку куда-то далеко вниз. Я сообразил, что они совали руку в специальную дырку, чтобы коснуться Голгофы. Торжественные улыбки скрюченных людей, позирующих перед камерой, немного расстроили меня.

Я вернулся к выходу и спросил у полицейских, где копты. Они показали в сторону. Храм начал меня очаровывать. Эвклидова геометрия в нем не работала. Я вошел в кривую дверь и по узкой лестнице спустился в длинный зал, где вдоль стен сидели несколько худых, невысоких чернокожих людей в бежевых балахонах. Они даже не посмотрели на меня.

Но пройдя этот зал насквозь, я очутился на улице, точнее, на крыше Храма. Первое, что я увидел, было сохнувшее на веревках белье. Простыни, кальсоны, рубашки. Все застиранного белого цвета. Решив, что для первого раза хватит, я осторожно подошел к краю крыши и сел, свесив ноги. Мне надо было собраться с мыслями. Храм Гроба Господня, воздвигнутый там, где Иисус Христос умер земной смертью, оказался местом непростым.

Коптский придел храма Гроба Господня

Насидевшись, я решил, что хватит мне избегать расследования под туристическими предложениями, и пошел отыскивать Моркоса Хакима. Коптский придел храма мне сразу понравился. Беленые, без фресок стены. На стене напротив входа – несколько икон и лампада. Иконы – как рисунки детей. Или Пиросмани. Фигуры плоские, лица крупные, мелкие детали не прописаны. Глаза большие и смотрят на тебя в упор.

Я прошел мимо группы молящихся в длинных белых одеждах. Все они были босые, но в шапках. Я обратился к ним, назвав имя Моркос. Один из них поднялся и жестом пригласил меня следовать за собой. Это был очень худой старик в белой рубашке и коричневой шапке, напоминающей по форме шапки заключенных Освенцима. Он и оказался Моркосом.

Сразу выявилась проблема – Моркос не говорил по-английски. Он знал греческий в рамках межконфессионального общения, арабский и коптский. На помощь был призван мальчик лет тринадцати, и мы втроем прошли в маленькую комнату с выбеленными известкой стенами.

Вдоль одной из стен спускалась тонкая ржавая водопроводная труба, с которой стекали капельки воды. Моркос сел в темное кресло с подлокотниками, напоминающее маленький трон императора в изгнании, мне было предложено сесть на крошечную деревянную скамейку. Мальчик остался стоять. Я старался говорить самыми простыми предложениями, чтобы он понимал и переводил правильно. Конспект нашей беседы выглядит так:

– Мне нужна помощь. Два человека умерли: мой друг и его жена. Мне кажется, что это связано с монастырем Дейр-эль-Бахри. Или с женщиной-фараоном Хатшепсут.

– Отчего они умерли?

– Друг умер по неизвестной причине. Когда люди вошли в дом, он лежал мертвый, с отрезанной головой. Жена через месяц покончила с собой.

– Почему Дейр-эль-Бахри?

– Через несколько дней после смерти друга ко мне пришел странный человек и сказал, чтобы я печатал в газетах слова «Дейр-эль-Бахри»,

«калипсол», «одинокчество» и число 222461215.

Когда я произносил число, а мальчик переводил его, мне показалось, что и без того худое серо-коричневое лицо Моркоса еще более посерело и осунулось. Он потребовал произнести число еще раз. Мальчик переводил, а он повторял за мальчиком:

two – снав

two – снав

two – снав

four – фтоу

six – сооу

one – уэй

two – снав

one – уэй

five – тиоу

Мне на мгновение показалось, что я разговариваю с Тутмосом Первым. Моркос покачал головой и что-то сказал мальчику. Мальчик обратился ко мне:

– Не «один, два». Двенадцать.

– Двенадцать?

– Да. Метснав.

– Метснав, – мрачно подтвердил Моркос.

«Прямо как концессия „О-12“», – подумал я.

– А про «один, пять» он вообще ничего не знает, – объяснил мальчик.

– Неважно. Что означает число без пятнадцати?

– Некоторые люди называли его числом жизни.

– Что такое «число жизни»?

Моркос посмотрел на небо и ответил вопросом на вопрос, прочертив в воздухе треугольник:

– Человек, пришедший к тебе, упоминал Шкатулку последнего приюта?

– Нет, – немного растерянно ответил я. – Кажется, нет. Но про эту шкатулку что-то говорила жена друга. Та, что потом покончила с собой.

– У человека, который приходил к тебе делать заказ, был выбрит затылок так?

Я, офигевая, механически повторил его треугольный жест.

– Да.

После минутной паузы и рассматривания меня в упор Моркос вдруг выдал:

– Это большой человек. Плохой человек. Хат.

– Хат? Что это такое? Кто это?

– Хаты – плохие люди. Почти не люди. Апостол Марк написал Евангелие и крестил мой народ. Египтяне отказались от старых богов и приняли Христа. В Дейр-эль-Бахри построили монастырь. Рядом с храмом Хатшепсут. Но монахи оказались еретиками. Они называли себя хатами в честь женщины-фараона. Они женились на собственных сестрах. Они отрезали головы своим врагам. Они приносили людей в жертву своим египетским божествам. Мы разрушили монастырь, прокляли и изгнали их из Египта. Но они не исчезли.

– Куда они делись? Что случилось с ними?

– Рассеялись по свету. Во время одного из Крестовых походов римская церковь нашла записи хатов на коптском языке. Они не смогли их прочесть. Тогда католики обратились к нашей церкви. Мы им не помогли. Римляне – тоже еретики. Они не могут победить хатов. Неправедная вера мешает воевать даже за праведное дело. Сегодня самое страшное происходит за океаном. Хаты почти получили нового лидера. Больше я сказать ничего не могу.

– Давно римская церковь обращалась к вам? – спросил я с некоторой надеждой.

– У нас говорят, что тридцать поколений назад.

Я был разочарован, но не сдавался.

– А что все-таки означает это число?

Моркос вместо ответа довольно странно перекрестился открытой ладонью, затем приподнял руку и сказал что-то вроде «нтоф оу нутипе», после чего замолчал. Я понял, что мне пора уходить. Я оглянулся на мальчика.

– *This is a blessing*^[1], – сказал мальчик.

Я поднялся, поблагодарил его и ушел благословленным. Аудиенция длилась не больше пяти минут.

У Яффских ворот я остановился и, колебавшись, решил не брать такси, а вернуться пешком. С изумлением я заметил, что такой привычный в последнее время страх отпустил меня. Что за парадоксы сознания? Я только что узнал, что мы вступили в конфликт с древней

ужасной организацией, но мне было не столько страшно, сколько интересно. Неужели природа моего страха в том, что я боюсь собственного осуждения, а не неприятностей как таковых? Или коптское благословение подействовало?

Я шел медленно и спокойно, как очень уверенный в себе турист. На площади Сиона мне встретился знакомый нищий с длинными седыми волосами. В этот раз он пел голосом Шахрина:

А не спеши ты нам в спину стрелять —

Это никогда не поздно успеть.

Лучше дай нам дотанцевать,

Лучше дай нам песню допеть.

Я дослушал песню до конца, подумал, что раньше, пожалуй, недооценивал «ЧайФ», бросил в гитарный чехол шекель, еще раз сориентировался по карте и пошел домой. Мне было о чем подумать. Мы охотимся на хатов. Они охотятся на нас. Прекрасно. Я был готов на войну с самыми адскими силами зла, лишь бы не воевать с самим собой. И еще я подумал, что я согласен на многое при условии, что липкий навязчивый страх не будет больше преследовать меня. Но я не хотел себя обманывать и понимал, что все равно будет. Ладно. Но хоть не сегодня. Хоть не сейчас.

Выйти на связь с центром

Я вернулся к Аркану и попытался выйти на связь с центром. Это оказалось не так-то просто. Антон не брал трубку своего секретного телефона и не отвечал на сообщения. Я набрал Мотю. Мотин секретный телефон был просто выключен. Тогда я плюнул на безопасность и позвонил им на обычные номера. Никто не отвечал. Я начал волноваться. Позвонил Маше на работу. Маша была суха и официальна. Спросила о планах и пожелала успеха. Я расстроился. Кажется, наш скандал грозил затянуться. Позвонил маме и сказал, что у меня все хорошо.

Пришел Аркан и накормил меня стейками. После еды я снова попытался дозвониться до Антона с Мотей и снова безрезультатно. У меня появились нехорошие предчувствия. Мы снова сели играть в нарды с Арканом, и я вдруг начал проигрывать. В это время зазвонил мой секретный телефон.

– Антон! Это ты?! Ну слава тебе господи! Что случилось? Почему вы с Мотей не берете трубки?

– Случилось. С Мотей.

У меня оборвалось сердце.

– Что, опять?! – упавшим голосом спросил я.

– Опять! – расстроенно сказал Антон. – Опять у него сердечный приступ! Финдиректриса. Жить без нее не может. Бьется в истерике. Как известно, история повторяется дважды, а для дураков – трижды. Я только что ходил с ними в кино...

– Антон! – не выдержал я. – Я тут рискую жизнью. На меня наезжают «мерседесы». Иерарх коптской церкви, духовный пастырь старейшего народа на Земле, считает, что у меня появились фундаментальные проблемы в жизни. А ты рассказываешь мне про очередную сексуально-финансовый кризис этого пиздострадальца?

– Подожди. Объясни спокойно и внятно. Какой «мерседес» на тебя наехал? Чем конкретно напугал коптский иерарх?

Я рассказал про ночное приключение, будучи уверен на сто процентов, что Антон не придаст ему никакого значения, и ошибся. Антон заставил меня рассказать историю несколько раз и честно подтвердил, что она более чем странная. Испугавшись, что я

испугаюсь, он переключил меня на рассказ про Моркоса. Ему он поверил гораздо меньше – истории про изуверские практики хатов его не убедили.

– Зачем иерарху нам врать, Антоша? – не понял я.

– Слушай, ну какое там древнее тайное общество? Что за дешевая конспирология? Я верю в сумасшедших отморожков. Но я не верю, что этим отморожкам много тысяч лет. О них бы все знали.

– Моркос сказал, что в Ватикане о них знают.

– В Ватикане! – чуть не фыркнул Антон. – Вот если бы о них знали в ЦРУ или в соседнем с тобой Моссаде. Или в ФСБ.

– Моркос не связан со спецслужбами. Он указал только на Ватикан.

Неожиданно Антон смягчился.

– Ладно. В Ватикане тоже есть спецслужба. И она ничуть не менее профессиональная, чем ЦРУ или ФСБ. Поезжай в Рим. Я пришлю тебе в помощь Матвея. Насколько я понимаю, у вас обоих есть визы. Будешь спасать всех нас от древнего тайного общества, а в крайнем случае спасешь старого друга от несчастной любви.

– Антон, нам не нужны визы. Нам нужны связи в Ватикане. Может, взломать их серверы и вписаться в какой-нибудь список гостей?

Антон замолчал. Похоже, что на канцелярию римского папы у Антона прямого выхода не было. И я бы очень удивился, если бы был.

– Но ты твердо убежден, что копты отправили тебя к католикам? – уточнил он после паузы.

– Они сказали, что католическая церковь тоже в теме этих хатов. Уже восемьсот лет как.

– Я подумаю, – со вздохом сказал Антон. – Созвонимся ближе к ночи.

– Что у нас с ФФ?

– Ничего. Его пробили по всем базам – нет такого человека. Визитка придуманная. Сотовый записан на имя какого-то бомжа из Питера. Пеленговать и прослушивать телефон стоит бешеных денег. Потому что дело очень противозаконное. Да и скорее всего, этим телефоном он пользуется только для разговоров с *PR Technologies*. Вот так. Матвей завтра тебе в Риме все расскажет подробнее. Удачи!

– Тебе того же...

Семейные ценности

Я выпил кофе, заботливо приготовленный Арканом, и набрал телефон Ани. Он был выключен. Тогда я виновато посмотрел на Аркана и сел за его компьютер. Аркан понял, что его писательский труд отменяется. Он не расстроился и пошел, как он сказал, устраивать свою личную жизнь на сегодняшний вечер.

– Послушай, – спросил я его, остановив в дверях. – Ты можешь объяснить мне, почему наше и ваше поколение, достигнув более чем солидного возраста, так и не научились устраивать свою личную жизнь на какой-то стабильной основе? Почему ты, я, Мотя и еще много разных хороших людей вокруг нас так хотят походить на одиноких волков? Если они и начинают жить с женщинами, то на них не женятся. Семейное счастье – только у Антона. Но это исключение, которое подтверждает правило. Почему так?

– Ты знаешь, я думал об этом.

Аркан задержался в дверях и даже снял ковбойскую шляпу с лысого черепа.

– Дело в том, что мы глобально не удовлетворены тем, как мы живем. И воображаем, что с каждой новой женщиной начнем жизнь сначала. И боимся, что когда мы остепенемся и выберем себе наконец жену, то расстанемся даже с мечтой о новой жизни. А эта мечта нам так дорога, потому что в вечную жизнь мы, кажется, не верим. Мы же все в душе альфонсы. Мы хотим, чтобы женщина вывела нас в люди. Сформировала нас. Вдохновила на великие свершения. А женщины, способные на это, – редкость.

– Да? А я думаю, что это наплевательское отношение к классическим ценностям. Особенно к семейным. Издержки шестидесятых. Вудсток. *Sex, drugs, rock-n-roll*.

– Возможно, ты прав, – грустно сказал Аркан и ушел за очередной мечтой о новой жизни.

Конец четырнадцатой главы

Глава пятнадцатая

В поисках хатов

Сидя на красном диване Аркана, я восстанавливал на его же битом жизнью ноутбуке цепочку, которую мне удалось выстроить.

Химик → калипсол → заказ ФФ → Дейр-эль-Бахри → Хатшепсут → тайные знания и параллельный мир → копты → хаты → Химик.

Я сразу нырнул в даркнет через поисковик Тора, следуя рекомендациям Носика. Возможных написаний латиницей «хат/хаты» было несколько. Я набирал *Khet*, *Khat*, *Hath*, *Khath* и не нашел ничего заслуживающего внимания.

На хакерском сайте, гордо предлагавшем взломать компьютерную систему любой организации, я указал в качестве искомой Ватикан. Сайт сказал: «Нет проблем», на решение этой задачи уйдет столько-то десятков тысяч компьютерных часов работы, поэтому, чтобы решить задачу в разумные сроки, потребуется распределенное вычисление. За это с вас двести пятьдесят долларов, дорогой товарищ, давайте вашу кредитную карточку.

Денег было не жалко, но я понял, что это туфта для лохов, и ушел с жульнического сайта. Через два часа поисков я остервенел и вернулся из даркнета в родной интернет.

И тут же в подарок за легализацию на каком-то паблике Каирского университета нашел интересную статью (слава богу, не по-арабски), целиком посвященную Хатшепсут. Кстати, неподписанную. До сих пор сталкиваться с анонимными научными исследованиями мне не приходилось.

Кто больше предложит за будущую жену?

Первое правление Хатшепсут было недолгим (оно закончилось тем, что ее сослали в Мемфис вместе с Сененмутом, ее любовником). И на изображениях того периода она выглядела вполне женщиной. Хоть и фараоном. А вскоре случилось нечто, в результате чего ее стали изображать мужчиной с выраженными женскими признаками.

Это произошло, когда через год-два после свержения неблагодарной дочери и возвращения к власти Тутмос I умер. И в Египте с новой силой возник вопрос о престолонаследии. Вариантов было два: Тутмос II, сын Тутмоса I, и Тутмос III, его внук.

Но Хатшепсут считала, что есть и третий вариант. И сделала ход конем. До похорон отца, пока тело фараона-воина еще отстаивалось в ваннах с бальзамом, она попыталась влюбить в себя обоих претендентов – и отца, и сына. И предложила себя им в жены – Тутмосу II и Тутмосу III.

Соответственно, своему брату и своему племяннику. По аукционному принципу. Кто больше предложит. Переговоры шли при посредничестве того же Хапусенеба.

Страшно подумать, что в этом случае чувствовал Сененмут. Я попытался представить себя на его месте: живешь ты с любимой женщиной в северной столице. Все у вас хорошо. Совет да любовь. Все живы-здоровы. Ты строишь замки и храмы, она – просто наслаждается жизнью. И вдруг она тебе говорит: хочу опять во власть. И ладно бы она хочет во власть и предполагается, что ты при ней будешь принцем-консортом. Но ведь нет же! Она хочет добиться власти, выйдя замуж за другого, и организует этот брак твой лучший друг.

Она будет замужем за фараоном и править миром, а ты – валяться на помойке и умирать от ревности. Представить себя на месте Сененмута у меня получилось подозрительно легко. Никогда бы не подумал, что события, произошедшие три с половиной тысячи лет назад, могут произвести на меня такое впечатление. Я вообразил, как Хатшепсут целует Сененмута перед отъездом из Мемфиса в Фивы и говорит, что будет любить только его, а секс с фараоном – это так. *Just business*. Точнее, супружеский долг. У меня засосало под ложечкой. Мне захотелось поехать не в Ватикан, а в Каир, посмотреть на мумию Хатшепсут и спросить у нее: не мучила ли ее совесть, когда она объявляла брачный тендер? Я подумал, не написать ли Маше длинное письмо с изложением этой истории. Заодно и помириться. Но, с другой стороны, она бы через пять минут ответила коротко: «А что там дальше было?», а я бы еще раз убедился, какое это непростое дело – любить сильную, уверенную в себе женщину. И тут я задумался, кого

из знакомых женщин мне напоминает Хатшепсут. Машу? Пожалуй, что нет.

Маша, будучи, конечно, и сильной, и умной девушкой, никогда не рвалась ни к славе, ни к власти. Скорее уж Хатшепсут походила на Дину. Во-первых, внешностью. Взглядом. И, как это часто бывает, за сходной внешностью скрывался сходный характер. Те же уверенность в себе, страсть, амбиции. Очень резкая, очень сильная. Правда, страсть и амбиции Дины больше касались науки, исследований, новых знаний, а не власти, как мне всегда казалось, Дине плевать, но тем не менее Хатшепсут ассоциировалась у меня именно с Диной. Как Антон с ней справляется? Я подумал, что если бы я пересказал историю Хатшепсут в письме Дине, то она бы просто не ответила. Но меня и самого интересовало, что там было дальше.

А дальше было так. Если не рассматривать моральные проблемы, то ход с тендером можно считать беспроблемным. Кто бы ни согласился взять в жены Хатшепсут – тридцативосьмилетний отец или шестнадцатилетний сын, он автоматически получал законную власть в Египте. А их дети становились легитимными наследниками, потому что в их жилах текла бы солнечная кровь. Таким образом, Хатшепсут не просто сохраняла себе жизнь, которая висела на волоске после смерти отца, но и приобретала власть.

Юноша, племянник царицы, был романтиком и предложил больше. Он пообещал завоевать для царицы весь мир. Но после позорного поражения от амалекитян царица разлюбила войны.

Поэтому аукцион выиграл брат. Он по совету Хапусенеба согласился ни во что не вмешиваться и победил. Хатшепсут и Тутмос II сыграли свадьбу. И племянник Хатшепсут, Тутмос III, стал ее пасынком, поскольку был сыном мужа. При кровнородственных браках и не такое возможно. И он, злой, влюбленный, сходя с ума от ревности, попросил дать ему армию и отправить его в северный поход в Палестину. Армию ему не дали. На всякий случай.

Мир во всем мире

Египет вообще прекратил военные действия. Наступил покой. Опыт военного поражения для Египта оказался полезным – как через три тысячи лет в 1945-м для Германии и Японии.

По всей стране строились храмы. В храмах расцветала наука.

На папирусах того времени появились решения довольно сложных математических задач. Были созданы астрономические таблицы такого качества, что и через пятнадцать веков любой греческий астроном или математик должен был проходить стажировку в Египте, как Пифагор, или просто жить там, как Птолемей или Евклид. Египтяне первыми придумали рисовать карту звездного неба. Такие звездные карты сохранились на потолках различных зданий, главным образом гробниц и храмов. Одним из лучших образцов считается роспись потолка гробницы Сененмута.

Хатшепсут оказалась глубоко вовлечена в научные исследования. Разрабатывалась не только теория параллельного потустороннего мира. Кроме тайных знаний, развивались и явные технологии. Искусство мумификации достигло расцвета.

Египетские инженеры сконструировали первые паровые механизмы. В Фивах был построен храм, ворота которого распахивались, только когда светило солнце: проходя сквозь несколько кварцевых линз, солнечные лучи нагревали воду в медных чанах, в них образовывался пар, сила которого через сложную систему блоков открывала двери храма. Ночью или в пасмурную погоду ворота были закрыты.

Были созданы карты Египта и соседних стран, а также планы крупных городов, что неудивительно: появилась настоящая торговля. Впервые товары из чужих стран стали регулярно поступать в Египет не в качестве военных трофеев. Хатшепсут основала алмазный фонд, который позволил значительно увеличить объем торговых операций. Она вообще увлекалась алмазами. Одну из первых экспедиций в далекую страну Пунт возглавил Сененмут. Очевидно, он простил царицу, что было несложно: как ни крути, Хатшепсут была великолепна! Подробное описание экспедиции со списком кораблей и товаров сохранилось на стенах храма в Дейр-эль-Бахри.

Я неожиданно понял, что, несмотря на всю одержимость загробной жизнью, а может и благодаря ей, египтяне были очень жизнерадостным народом: они осознавали, что земная жизнь коротка, и старались насладиться ею по полной. Многочисленные праздники и частные тусовки, настольные и спортивные игры, веселые пирушки, в том числе с непристойными шутками, – египтяне дорожили всеми простыми радостями жизни. Они воспринимали жизнь остро и сильно – быть может, именно поэтому она казалась им такой короткой.

Смена пола и диспозиций

Хатшепсут изменилась: она приняла обличье мужчины. Теперь ее изображали только в мужской одежде. Накладная борода, голая плоская грудь и скипетр с алмазным набалдашником. Никакой диогоамии. Чистый пиар. Тутмос II не возражал. Он, как и обещал, вел себя тихо и незаметно. А через несколько лет умер, так и не оставив законного наследника. И тут Хатшепсут во второй раз стала настоящим фараоном.

Сененмут вернулся в спальню царицы и поступил на должность воспитателя собственной дочери Нефру-Ра. (Официально ее отцом считался Тутмос II для того, чтобы она могла на законных основаниях унаследовать трон.) Терпение Сененмута было наконец вознаграждено. Но не успел я за него порадоваться, как понял, что настоящая гармония в мире невозможна. Одна женщина, как правило, не может сделать счастливыми двоих влюбленных в нее мужчин.

Тутмос III оставался безутешен в своей любви и ревности. Он снова пытался добиться благосклонности Хатшепсут после смерти своего отца, Тутмоса II, но она еще раз сказала ему «нет».

Теперь я почувствовал себя на его месте и содрогнулся. Что за жизнь? Быть на расстоянии вытянутой руки от власти и от любимой женщины – и не иметь ни того ни другого! Он был в отчаянии, которое перемежалось бешенством. Но ему мало кто сочувствовал. Египтянам нравилась Хатшепсут. Они привыкли и к ней, и к Сененмуту. И вообще полюбили жить в мире без войн и богатеть.

Оделся ты в тончайшее полотно, поднялся ты на колесницу, жезл золотой, увенчанный алмазом, в руке твоей. Ты опустился в

свой корабль кедровый, ты достиг своего доброго загородного дома. И вот уста твои полны вином и пивом, хлебом, мясом, пирожными, пение сладостное перед лицом твоим. Твой начальник умщений умащает маслом, твой старшина сада – с венком. Твое судно пришло из Сирии, груженное всякими добрыми вещами. Твой загон полон телят. Твоя челядь здорова.

Это текст из школьной прописи. Детей готовили к счастливому будущему.

Смерть от канцерогенов

Покой и благодать длились все восемнадцать лет правления Хатшепсут. Но все хорошее когда-нибудь кончается. Никакое счастье не длится вечно.

Сначала умер Сененмут. А через пять лет умерла и Хатшепсут, которой тогда исполнилось пятьдесят. Умерла по удивительно современной причине – от рака, вызванного недоброкачественной косметикой. Как установили биохимики, в состав мазей, которые использовала Хатшепсут, входил сильнейший канцероген – бензопирен. Перед смертью она попыталась передать престол Нефру-Ра и, как всегда, поручила это Хапусенебу. Но не тут-то было. Очаровательная Нефру-Ра умерла еще прежде своей матери. Воцарение Тутмоса III теперь было лишь вопросом времени.

Хранить вечно

На каком-то маленьком египтологическом сайте я нашел очередную статью, посвященную так называемой «загадке Хатшепсут».

Она так и называлась – «После Хатшепсут». Автор, тоже, к сожалению, анонимный, довольно подробно описал, что происходило после смерти Хатшепсут.

Для Хапусенеба, главного жреца Верхнего и Нижнего Египта, настали черные дни. Власть переменилась. Перед Хапусенебом стояли две важные задачи: во-первых, сохранить мумию Хатшепсут, чтобы обеспечить свою покойную императрицу энергией ка, а во-вторых, сохранить тайные знания о параллельном мире, которые могли

исчезнуть с его земной смертью. Но времени на их решение было очень мало. Сохранности мумии в этом случае угрожали не только грядущие поколения грабителей, но и характер Тутмоса III.

Хапусенеб предполагал, что Тутмос III начнет мстить, уничтожая все связанное с Хатшепсут, с памятью о ней. Прецедент уже был: Тутмос III помнил, что сделал с картушами Хатшепсут его дед Тутмос I, когда вернулся к власти после переворота.

С тайным знанием тоже все было непросто. Судя по всему, Хапусенеб считал его таким важным и таким тайным, что доверить его папирусам не мог. Это знание можно было передавать только устно. То есть нужны были надежные ученики. Школа. Сходным образом будет рассуждать через тысячу с лишним лет Пифагор, и не он один. Точно так же и от Сократа, и от Иисуса Христа не осталось текстов, созданных ими самими, – все передавалось через учеников.

Я попытался представить, как могло выглядеть это тайное знание? Вряд ли там была чистая идеология с поэзией и топография параллельного мира. Древние египтяне были очень конкретными людьми. Наверняка передавались какие-то инструкции, рецепты. Интересно, а как же этими инструкциями и рецептами завладело это злобное братство? Ведь ни Хатшепсут, ни ее окружение совершенно не выглядели человеконенавистниками. А может, это братство не такое уж и злобное? Мало ли что про них рассказывают конкуренты-копты. Хотя нет. Химик и Лиля. Если, конечно, именно это братство отвечает за их смерть.

Старый Хапусенеб справился с обеими задачами. Еще при жизни Хатшепсут он приказал прорыть из храма секретный глубокий подземный ход длиной в восемьсот метров, который вел в маленькую усыпальницу, находившуюся по другую сторону горы, в Долине Царей. Вход был закрыт каменным блоком и замаскирован. В то время египтяне уже давно прекратили строить пирамиды, которые оказались легкой добычей грабителей. Теперь места захоронений засекречивались. Поэтому секретность работ ни у кого удивления не вызывала. Когда тело Хатшепсут мумифицировали, Хапусенеб спрятал мумию в этой могиле в безымянном саркофаге (согласно автору статьи, именно поэтому до ДНК-анализа мумию Хатшепсут не смогли идентифицировать). Спрятал и от грабителей, и от пасынка-

наследника – Тутмоса III. Официальный же саркофаг хранился в официальной усыпальнице.

Египетская месть

Тутмос III, получив наконец власть, повел себя точно так, как ожидал верховный жрец, уже бывший. Сначала он вскрыл официальный саркофаг Хатшепсут. Ничего там не обнаружил. Потом он пытал Хапусенеба, чтобы выяснить, где находится настоящая могила отвергнувшей его женщины, но старик выдержал все пытки. Он не испугался и того, что для египтян было страшнее, чем смерть, – угрозы лишить его вечной жизни. Тогда Тутмос III убил Хапусенеба и бросил его тело гиенам, из-за чего гробница, приготовленная Хапусенебом для себя, осталась пуста, а душа верного соратника императрицы не успокоилась в Западном Царстве Мертвых. Хат его исчез, а вместе с хатом крайне пострадала энергия ка.

Затем Тутмос III разрушил могилу Сененмута. Выкинул мумию, разбил саркофаг. С той же целью.

После чего Тутмос III уничтожил все, что напоминало о Хатшепсут. Все изображения царицы, которые он смог найти и до которых смог дотянуться. Все упоминания о ней в храме и во всех дворцовых архивах. Статуи Хатшепсут он закопал в землю на глубину около трех метров, как бы похоронив их. Статуям, впрочем, это пошло на пользу – мы теперь отлично знаем, как выглядела первая великая женщина на Земле. Но вообще-то месть нового фараона была страшной. Он жестоко отомстил за то, что его любовь отвергли, причем был уверен, что отомстил на все времена.

Это – одна и та же тайна

Впрочем, автор исследования намекает, что Тутмос III просчитался. Хапусенеб подготовился и к самой страшной мести. Он создал некий артефакт – Шкатулку последнего приюта, которая позволяла сохранять энергию ка даже в случае разрушения мумии. Меня изумило объяснение, почему шкатулка сохраняла энергию: «потому что она не притягивалась Землей». Судя по всему, Лиля и Моркос упоминали именно эту шкатулку. Я получил очередное подтверждение вовлеченности Химика и Лили в эту египетскую мистику.

Но функционал древних артефактов меня как-то не волновал: после того как я разобрался с пирамидами, человеческие отношения казались мне важнее. И тут я подумал, что уничтожение Тутмосом III воспоминаний о Хатшепсут после смерти, вероятно, объясняется не одной ревностью. Или не только ревностью.

В конце концов, так, как Тутмос III, с памятью предшественника не обходился никто. И объяснение этому может лежать как раз в области этого дьявольского тайного знания.

К сожалению, про знание в этой статье ничего толком не говорилось. Автор лишь упомянул молодого (на момент смерти женщины-фараона) талантливого ученика Дуамутефа, который (якобы) сохранил сделанную Хапусенебом Шкатулку последнего приюта. Имя Дуамутеф в ходе моих изысканий встречалось мне несколько раз: так звали одного из сыновей бога Гора. Тем не менее исторический персонаж с таким именем мне не попадался. Теперь у меня не было сомнения, что шкатулка, упоминавшаяся Лилей и Моркосом, что-то в этой истории да значит. Но и про шкатулку ни в интернете, ни в даркнете не было больше никаких упоминаний.

Война побеждает науку

Совершив все свои расправы, Тутмос III стал самым великим полководцем Египта. Ему было чуть больше двадцати, когда он возглавил свой первый военный поход и победил.

За тридцать три года своего царствования Тутмос III развязал по меньшей мере семнадцать военных кампаний и захватил по меньшей мере триста городов, притом что осадных машин у египтян не было и брать каждый город приходилось рукопашным штурмом. Ни одному из преемников Тутмоса III за последующие три с половиной тысячи лет не удалось расширить завоеванную им территорию Египта, которая занимала территории современных Ливии, Судана, Египта, Саудовской Аравии, Израиля, Ливана, Сирии, Иордании и Ирака. Но у постоянно воюющей страны всегда возникают проблемы с наукой. У Тутмоса не было ни ресурсов, ни желания продолжать научные и инженерные исследования, не связанные непосредственно с войной. И эти знания, перестав развиваться, начали чахнуть. Война победила мир, война победила науку. А египтяне, которые еще недавно так наслаждались

миром, теперь как дети радовались войне и военным подвигам. Оказалось, что гордость за страну-победительницу – это наркотик, способный дать народу больше счастья, чем мирная жизнь, в которой процветают знания и технологии.

Неизвестный автор из Каирского университета ответил в своей статье почти на все мои вопросы. Кроме вопросов про тайное знание Хатшепсут и ее окружения.

Почему из-за него группе коптских монахов захотелось изменить Иисусу Христу и уйти в раскольники? Неужели хаты знали про жизнь после смерти больше, чем ранние христиане?

А с другой стороны, я задумался о том, почему человечество на протяжении всей своей истории так очаровывается конспирологией. Похоже, это имманентное свойство любой цивилизации – хоть европейской, хоть китайской. С тех пор как люди начали овладевать твердыми объективными знаниями, тайные знания очаровывают их все больше и больше. И конца этому не предвидится.

Я как раз ломал голову над тем, могут ли коптские еретики быть связаны с царицей чем-то, кроме этой мистики, когда на мой секретный телефон позвонил Антон.

Конец пятнадцатой главы

Глава шестнадцатая

Телефон Господа Бога

– Взломал сайт наместника Бога на земле?

– Нет. По-моему, все эти хакерские примочки для непосвященных – полная чушь.

– Тогда записывай номер, – сказал он.

– Папы римского? – спросил я.

– Начальника секретной полиции Ватикана.

– Ммм... А телефона Господа Бога у тебя нет? А то я прямо отсюда бы и позвонил. Я же в Иерусалиме.

Я записал телефон и имя «отец Иосиф» (э-э, да мы же тезки!) и спросил:

– Называть его *Father Joseph*?

– Да. Говори по-английски. Деньги у тебя кончиться не должны. Матвей с тобой свяжется, когда прилетит в Рим. То есть завтра вечером. Постарайся быть там к этому времени. Бай-бай.

И Антон отключился. Я тоже отключился. Поверить в то, что я сегодня был в храме Гроба Господня, а завтра буду в Ватикане, я не мог. Как-то незаметно я скатывался в религию.

Эйлат с Аней окончательно отменился. Тем более что она не брала трубку. Виски у Аркана кончился, зато оставался какой-то ужасный, дерущий горло бренди. Я сделал большой плоток, почитал с телефона почту и вскоре вырубился на красном диванчике. А утром, поблагодарив Аркана за все и покидав вещи в сумку, сел в заказанное такси и поехал в аэропорт.

Я выезжал из Иерусалима той же горной дорогой, по которой приехал. Теперь эта дорога вела меня в Рим. Я знаю, что все дороги ведут в Рим. Но важно – какой конкретно дорогой ты едешь. Моя нынешняя была великолепна. Я уселся поудобнее, достал наушники и стал думать, какую же музыку поставить. Виски, стресс, опять виски. Вчера – бренди. Может, «АукцѼн»? Я нашел нужный альбом в телефоне.

Голову рукою обернуть,
Нет тебе покоя,
Все тебе чего-то не найти,
Что-то не вернуть,
Все тебе никак не обмануть
Что-нибудь такое,
Ммм, что-нибудь...

Надо бы научиться у японцев медитации. А то в таком напряжении я долго не протяну. И натворю каких-нибудь глупостей. Если еще не натворил. Но это совершенно неважно. Оглядываться не стоит. Мне совсем недавно, уже перед поездкой в Израиль, когда я настроился на ветхозаветный лад, пришла в голову мысль, что история про Лота с его женой, превратившейся в соляной столп, и история про Орфея, потерявшего Эвридику, совершенно параллельны. В обоих случаях, когда спасение было уже рядом, герои допускали одну и ту же стратегическую ошибку.

Они оглядывались. Спасенная праведностью Лота, его жена оглянулась на уничтожаемый Содом, а Орфей оглянулся на Эвридику, уже выведя ее из Ада. Так что оглядываться не стоит.

К тому же в последнее время почва уходила у меня из-под ног настолько часто, что ощущение как самого землетрясения, так и его угрозы стало для меня вполне привычным. Живут же люди в сейсмоопасных районах, и ничего. Я вспомнил одну из самурайских заповедей обитателя сейсмоопасного района Цунэмото: «Не надо быть все время настороже. Надо считать, что ты УЖЕ мертв».

Если тебя и хотят убить, то козлы

Я очнулся от размышлений, когда машина остановилась в аэропорту. Еще через пять минут у меня был куплен билет в Рим. Самолет улетал через полтора часа. Я пошел в кафе, взял зеленого чая и стал звонить в Москву Крысе, Маше и Антону. Крыса сказала, что все в порядке. Заказ размещается, ФФ не появлялся. В голосе ее сквозило недовольное ехидство: ты там развлекаешься в Турции, а я тут вкалываю на тебя. Я решил не обращать внимания и похвалил ее, как умел. Потом я опять позвонил Маше. Извинился за грубость, хотя я честно не помнил, грубил я или нет. Объяснил все стрессом. Маша смягчилась и даже призналась, что скучает. Затем я позвонил Антону. Он подтвердил, что Матвей будет в Риме около восьми вечера, и сказал, что забронировал для нас номер в *Hotel Gallia Rome*.

– Я правильно понимаю, что у Моти банальные любовные проблемы с финдиректрисой?

– Вроде того. Не уверен, что все это так уж банально. Ему нужна помощь. Разберешься на месте.

Я отключился и пошел к стойке регистрации. Оказалось, что в Израиле сначала проверка секьюрити, а регистрация потом. Меня еще в Москве предупредили, что секьюрити на вылете зверствует, что надо отвечать уверенно и не путаться в показаниях. Ко мне подошла очаровательная блондинка в форме. Открыв мой паспорт, она кивнула сама себе и сказала: «Вам надо пройти со мной. Возьмите с собой сумку». Мне это очень не понравилось. Всех остальных проверяли на месте.

Я пошел за ней.

Мы зашли в небольшую комнату, в которой сидело несколько людей в полицейской форме, и она стала что-то говорить человеку с самым большим ромбом на погонах, кивая на меня. Затем она занялась моей сумкой, положив ее на специальный металлический столик. Я пытался отвлечься от дурных мыслей, следя за работой ее рук. За сорок пять секунд каждый предмет был извлечен, прощупан и проверен. Книги перелистаны. Потом она подошла ко мне и обвела меня волшебной палочкой, которая запищала на мой смартфон и ключи. Она попросила меня включить телефон, потрогала ключи и отрицательно покачала

головой офицеру с ромбом. Еще через пятнадцать секунд все мои вещи были запакованы обратно.

– Счастливого полета! – сказала она.

Я проклинал ситуацию, в которой оказался. Ясно было, что они что-то искали. Я был единственным человеком с рейса, которого позвали на личный обыск. Но что?

«Главное, не психуй, – сказал я себе. – Через пять минут ты выпьешь свой любимый виски в баре и тогда обо всем подумаешь».

Но одно дело – сказать себе умную мысль, и совсем другое – проникнуться ею. Убедить себя не психовать не получилось. Страх вернулся. Руки дрожали, и страшно хотелось позвонить Антону, но сначала я решил немного прийти в себя.

Виски подействовал. Я позвонил. Антон выслушал меня и предложил успокоиться.

– Антон, – сказал я, – какой покой?! На меня идет охота! Настоящая. Мерседес оказался не шуткой. Мне страшно. Понимаешь, страшно! К тебе, судя по всему, тоже скоро придут. Готовься!

Но Антон пошел в воспитании самурайского духа явно дальше меня.

– Все не так плохо. Тебя не хотят убивать. А если я не прав и все-таки хотят, то ты можешь утешиться мыслью, что эти люди – козлы. Они не то что убить тебя, они даже задержать тебя в Израиле не смогли. Люди или пугают, или убивают.

– Антон! Твои силлогизмы очаровательны. Я теперь должен жить, не зная с какой стороны и кто нанесет мне удар!

– Ну и что? Очень много очень богатых и влиятельных людей в России живут именно так.

– За свои деньги и влияние они расплачиваются гипертонической болезнью, ранней импотенцией и несчастными детьми. К тому же у них есть охрана!

– Но мы же знаем, что она часто бесполезна. От судьбы не уйдешь. Успокойся, лети в Рим. Я провожу Матвея в аэропорт и по дороге расскажу ему про изменение общей диспозиции.

– Хорошо. Но ты, когда будешь разрабатывать новую диспозицию, лучше о Дине подумай. И о будущих детях. Не забудь, они мои родственники. Будь здоров.

Через минуту меня позвали на посадку. Я расплатился и пошел. Усевшись в кресло, отложил в сторону запечатанные в полиэтилен самолетные наушники и надел собственные. Страх отступил. И в этот раз, если честно, я не так уж сильно и испугался.

Все б тебе бродить по городам, лето золотое,

Там тебе не вспомнить, не забыть, что не знаешь сам,

Все тебе никак не победить что-нибудь такое,

Ммм, где-то там...

Целовать нельзя, трахать можно

Я прилетел в Рим на час раньше Матвея, сел в пабе и неожиданно для самого себя заказал «Гиннесс». Я вообще не очень-то люблю пиво, а уже тем более черный горький «Гиннесс». Но как-то так сорвалось с языка. Не отменять же заказ. Я решил, что из-за всех этих внезапных наворотов в моей психике начались какие-то изменения. И почему-то начались со вкуса.

Через положенное время позвонил приземлившийся Матвей, и я сказал ему, как меня найти. Еще через десять минут он входил в бар. Таким Матвея я видел редко. Его глаза светились неземной тоской, а щеки были покрыты рыжеватой трехдневной щетиной. Я понял, что мои проблемы, как психические, так и метафизические, отходят на второй план.

– Что, Мотя, – приветливо сказал ему я, – прищучила тебя жизнь?

– Да пошло оно все на хер, – сказал Матвей, влезая за мой столик. – Она, конечно, первостатейная сучка. Но ведь и я – мудака.

– Да, на Ивана-царевича ты не тянешь^[2]. Ладно, рассказывай про свою финдиректрису.

– Что именно?

– Да все равно. Изливай влюбленную душу. Заодно я тебе расскажу про некоторые сложности нашей концессии. Раз уж мы тут вроде как по делу. План принят?

– Принят.

(Тяжелый вздох.)

– Ну что?

– Она очень сексуальна. *(Пауза.)* Она похожа на мальчика...

– Вау! Но ты вроде мальчиками не увлекаешься?

– Нет. Внешне она девочка. Она внутри мальчик. Любит всякие экстремальные виды спорта – автогонки, парашюты, дельтапланеризм. Умная. Само собой, знает про собственный ум и бессовестно им пользуется. Расчетливая. Все просчитывает на три шага вперед. По гороскопу – Змея. По характеру – змея в квадрате. Нетерпимая. Очень скрытная. Очень жесткая. Мужиков как класс презирает. А тех, кому сама нравится, вообще не держит за людей.

– Боже мой, Матвей! Да она же ангел! По такой нельзя не страдать. А что-нибудь не такое светлое у нее за душой есть? Что-нибудь, знаешь, ну совсем отстойное, полный трэш. Может, она землю ест, как Ребека в «Сто лет одиночества»? Или детская некрофилия какая-нибудь в анамнезе?

– Не знаю. Но любовь зла.

– Любовь, Мотя, зла, но, как известно, не настолько, насколько на это рассчитывает козел. Прости, я тебя перебил. Ты хотел рассказать про нее что-нибудь очень хорошее.

– Хм. Она держит меня за яйца. И она очень сексуальна, я уже сказал. И конечно, она надежная. Я имею в виду по работе. Все-таки имеет дело с деньгами.

– О'кей. А в чем проблема? Она замужем, я слышал?

– Да нет. Она уже полтора года в разводе. Проблема в том, что она меня не любит.

– Не мог бы ты повторить это?

– Не-лю-бит-ме-ня.

– Ты хочешь сказать, не дает?

– Дает. Хотя лучше бы не давала. Я же говорю: не любит.

– Матвей! А как ты думаешь, должно выглядеть проявление любви такого человека? Змеи в квадрате? Такие люди на шею не вешаются. И

не сюсюкают. И что значит, лучше бы не давала? Она тебя что, кусает потом?

– Вроде того. Она – не шевелится.

Я еле сдерживался от смеха несмотря на то, что меньше чем двадцать четыре часа назад меня хотели убить. «Она не шевелится!»

– Матвей! Так она англичанка! Я читал книгу одного француза, который был женат на англичанке. Он писал, что англичанки в постели не шевелятся. Их так в пансионе учат. *Ladies don't move*. Правда, книжка старая, а французы – шовинисты.

– Она – не англичанка. Она не дает себя ни обнимать, ни целовать. Руки зажатые, скрещены на груди. Если я пытаюсь поцеловать ее в щеку – слышишь? в щеку! – она говорит «нет». Вообще ничего нельзя!

– А что можно?

– Трахать можно.

– Амстердам. Проститутка из квартала красных фонарей. *No kisses, no hands*. Зачем тогда она вообще дает?

– Вот я и думаю. Говорит, потому что мне это было очень надо. Потому что мы давно знакомы, потому что я не могу без этого. В общем, из уважения.

– Ты заставлял ее считать твой пульс в покое?

Я вспомнил, как именно Матвей заставил меня более внимательно относиться к своим любовным историям.

– Да. Подействовало.

– Матвей, но это же абсурд?! Давать может, а целоваться нет? А ты ей говорил, что это непоследовательно? Лечить так лечить. Стрелять так стрелять.

– Она объясняет это тем, что механически лечь в постель и раздвинуть ноги она может. По моей просьбе. А вот целоваться и все такое – нет, потому что она меня не любит и не хочет.

– О, так она у тебя девушка с принципами?

– С заебами.

– Называй это лучше принципами. Ты же ее любишь. Да, сильный характер. Трахать меня – пожалуйста, а все остальное – извини, не могу. Оригинально! Она еще и извиняется перед самой собой за то, что вообще тебе дает. Что же это за секс? У меня бы не встало.

– Так и у меня толком не встает. От этого я психую. От психоза еще больше не стоит.

– Логично. Не поспоришь.

– Например, договорился ты с ней заранее о сексе (а по-другому и не бывает), говоришь: «Пошли», она так спокойненько отвечает: «Пошли», сама раздевается, ложится и ждет. И смотрит на тебя с таким видом: давай, мол, делай это, только поскорее, потому что мне сейчас довольно неприятно.

– А ты чего от нее хочешь? Чтоб она шевелилась и целовалась, проявляя так свою любовь?

– Я хочу, чтоб она была. Любовь.

– Понятно. *All you need is love*. Ты попал... Ладно, поехали в отель. Я подумаю по дороге.

– Пожалуйста. Очень надо. Со стороны виднее. Да и в женщинах ты разбираешься лучше, чем я.

– Доктор, вы мне льстите.

Я поразился неадекватности Матвея. Мы расплатились и пошли на стоянку такси.

В Риме есть что подсвечивать

Когда наше такси въехало в центр города, я очнулся от мыслей о Маше, Матвее, финдиректрисе и прочем идиотизме. Вот где оказался настоящий *fusion*.

Искрящийся бутик Армани слева, церковь Рождества Богородицы справа и колонна Траяна впереди. К колонне направляется группа американских туристов в шортах. В это время из церкви выходит стройный худой священник в облачении, покроем которого не менялся тысячи две лет, и отправляется куда-то по своим делам.

Посмотрев на фары проезжающей мимо «ламборгини», которые осветили колонну, я подумал, что зря римляне экономят на освещении своих чудес. В Риме есть что подсвечивать.

Такси наконец остановилось у подъезда гостиницы. Мы быстро зарегистрировались, бросили вещи в номере и спустились в бар. Матвей хотел продолжения психотерапевтического вечера. Я покорился.

В какую сторону меняться?

– Итак, бюро добрых услуг продолжает психотерапевтический концерт по вашим заявкам. Все, что вы хотели знать про своего финансового директора, но боялись спросить. Кстати, ты вроде ее давно знаешь?

– Да уж года четыре. Еще до замужества знал.

– И все это время ее добиваешься?

– С разной силой.

– А как ты пережил ее замужество?

– Тогда у меня еще не было настоящих чувств.

– Тебе легче. – Я немедленно отогнал мысли о Маше. – А почему я думал, что у тебя с ней полный порядок? Может, это сезонное обострение?

– У меня обострение оттого, что на прошлой неделе я помогал ей по хозяйству. Порезал руку, полез в аптечку – и нашел там упаковку презервативов. А презервативами мы с ней не пользуемся. И никогда не пользовались.

– Лазить по чужим аптечкам – неприлично. Это как по чужим сумочкам. А вдруг она держит презервативы для подруг?

Или так, на всякий случай? Помнишь частушку «По деревне шел Иван»^[3]?

– Не смешно. Я ее спросил в лоб. Она фыркнула и сказала, что если я еще раз коснусь этой темы – мы немедленно расстанемся. После этого у меня крыша и поехала. Значит, у нее кто-то еще есть. Точно!

– А ты ревнуешь?

– «Ревную» – не то слово. Меня плющит и колбасит.

– Итак, две цели, которые тебе есть смысл ставить перед собой: выкинуть директрису к черту из головы или добиться от нее того, чего ты хочешь. Какую цель рассматриваем?

– Вторую.

– Я так и думал. Зря. Первая – благородней. Потому что сложнее. И принесет больше счастья, славы и независимости. Но любовь, как известно, лишает человека разума. Ладно. Итак, цель номер два – добиться. Для этого тебе придется попотеть.

– Я уже полгода потею.

– Ты потеешь не тем местом. Если за полгода она тебя такого не полюбила, значит, уже и не полюбит.

– А как же цель номер два? Все безнадежно?!

– Я сказал: она тебя такого не полюбит. Единственный твой шанс – измениться. Перестать быть собой. Например, потяжелеть.

– Не похудеть?

– Ты же сам как-то сказал, ей нравятся крупные мужики. Чтоб прижал так прижал.

– Да. Вроде того.

– Ну вот. Накачайся. Нажрись анаболиков. Сделай кубики.

– Ты издеваешься?

– Нет. Возможно, пример не лучший. Но измениться тебе придется. А если ты считаешь, что она вот-вот обнаружит в тебе скрытые сокровища, – то издеваешься ты. Причем над собой. Все, что Оля в тебе нашла, она уже нашла. И это ей как-то не очень. Поэтому ты должен стать другим. Заметь, не просто сменить имидж. Это к политтехнологам. А измениться.

– А в какую сторону меняться?

– Да в любую. Все равно. Терять тебе нечего. Ты – на Северном полюсе. Куда бы ты ни начал двигаться, везде будет юг. Начни спиваться, как я, и она может прийти к тебе из жалости. Запишись в наемники на войну, и она может прийти к тебе из уважения.

– Но она того не стоит!

– Разумеется. Тогда переходим к цели номер один.

– Постой с целью номер один. Ты понимаешь, измениться – это слишком сложное решение.

– У сложной задачи может не быть простого решения. Тем более ситуация застарелая. Отношения, извини, огрубели. Засохли. Выкристаллизовались и вызывают подагрическую боль. Но если ты настаиваешь, у меня есть для тебя третье решение. Простое и элегантное. Абсолютно естественное. Правда, уверенности, что оно тебе поможет, у меня немного.

– Ну?!

– Прими все как есть. Секс со скрещенными руками, ее нелюбовь к тебе, других ее мужиков. Хотя бы потенциальных. Радуйся всему. Например, отсутствию оргазма. Считай, что вы трахаетесь по-даосски. Радуйся, что у тебя не стоит. Одной проблемой меньше^[4]. Словом, радуйся тому, что есть. И хотя результат я не гарантирую, зато предполагаю, что сам процесс станет приятней.

– Хорошо, – сказал Матвей, заглядывая в свой стакан с крайне удивленным выражением на лице. – Я попробую. Значит, или номер один, или измениться, или принять как есть?

Я тоже заглянул в стакан Матвея и ничего интересного там не обнаружил. Я отобрал стакан и поставил его на место.

– Да. Ты отлично все усвоил. А теперь послушай про настоящие проблемы.

Я перечислил установленные факты и поделился сомнительными предположениями. Матвей скорчил скептическую рожу. Но чего еще, собственно, от него можно было ждать?

Потом он попросил меня еще раз рассказать про калипсол. Про видения, про другой мир. Потом Матвей меня удивил.

– Помнишь, – сказал он, – я лет пять назад ездил в Эквадор путешествовать?

– Естественно, – сказал я.

Высушенные головы – тсантсы

Матвей тогда был на подъеме и решил чуть ли не за пятнадцать тысяч устроить себе экзотические приключения на противоположной части планеты. С залетом на Огненную Землю, остров Пасхи и остров Питкерн. Он звал меня с собой, но таких денег у меня не было, а ехать на халяву было все-таки стыдно. Поэтому я отговорился срочной работой.

– Ты должен помнить. Я рассказывал. Во время этого путешествия мы добрались до местности в верховьях Амазонки, где живет индейское племя шуаров. Охотников за черепами. Они убивают врагов отравленными стрелами, выпущенными из специальных трехметровых трубок наподобие духовых ружей. Потом они отрезают убитым головы. А потом каким-то образом, хер знает каким, уменьшают эти головы до размера сжатого кулака, да так, что все пропорции сохраняются, даже выражение лица. Называется такая голова – тсантса. Секрета этой херни не знает никто.

– Помню, Матвей. Ты даже привез одну такую голову. С защитными губами. Девушки чуть в обморок не падали.

– Да. Мы там из-за наводнения застряли в одной индейской деревне на неделю. И я за это время насмотрелся на их обряды и наслушался рассказов. Так вот – шуары убеждены, что дневная жизнь человека полна призраков и обманов, а правда существует только в сновидениях. Во сне даже враги говорят правду, потому что не обременены собственным телом. А так как при нормальном сне сновидений немного, то их нужно вызывать искусственно. Для этого у них существуют специальный напиток. Он получается из отжатия стебля мандрагоры. Называется «майкоа». От него наступает оцепенение с грезами наяву. Точно так, как ты рассказывал про калипсол.

– Но послушай, практику наркотических опьянений использует такое количество народов, что перечислять лень. Одного Кастанеду вспомни. Хотя постой, – задумался я. – У древних египтян следов такого вещества я не нашел. Но я, конечно, плохо искал. Может, оно и было.

– Да уж наверняка было. Если у всех есть, было и у них. Но следи дальше: у кого еще есть яд, не оставляющий следов?

– Следов после его воздействия? У любой спецслужбы. Тоже мне, удивил.

– Возможно. Но спецслужбы вряд ли убивали Химика. Во-первых, на фиг он им сдался. Во-вторых, у них там долгая процедура согласования таких убийств. Корпоративная бюрократия. Двухуровневая отчетность. А тут яд в легкой доступности. Животных, убитых этим ядом, шуары иногда вообще едят сырыми. Своими глазами видел, как они завалили из своей трехметровой пушки большую обезьяну. Она грохнулась через секунду после того, как стрела попала ей в плечо. А еще через минуту они уже жрали ее мясо совершенно сырым. Я бы даже сказал, теплым. Меня чуть не стошнило. Я спросил у проводника: как же так? Отравленная стрела – а они едят, и хоть бы хны. Он сказал, что яд действует мгновенно и мгновенно же исчезает. Без всяких следов. И у Химика ведь ничего не нашли в крови.

– Скажу, что ты меня удивил. Нам только шуаров не хватает в жизни. И что с того? – Я уже изрядно одурел от усталости и виски.

– Ну что? Наркотик-галлюциноген, отрезанная голова, бесследно исчезающий яд – все подходит. Что из этого следует – хрен его знает.

– Мотя, нет сил. Все обсудим завтра. Пошли спать.

Мы поднялись из бара и пошли в номер. Кровати оказались раздельными, и, слава богу, Матвей не храпел.

Левая рука Господа

С утра, еще до завтрака, я запустил VPN и проверил секретную почту. От Антона пришло письмо. Оно оказалось довольно длинным, поэтому мы решили его распечатать. За завтраком (ветчина, свежий хлеб, масло, джем, кофе) я прочел его вслух тихим заговорщицким голосом, оглядываясь на соседние столики.

Собственно, антоновская часть письма была короткой.

Дорогие члены концессии «О-12»!

Форваржу письмо моего старого приятеля, который смог устроить вам встречу в Ватикане. Надеюсь, что вы вышли на верный след. Действуйте по его инструкциям и держите меня в курсе дела. Если будет время – пойдите на www.vatican.va, там есть много информации, которая может оказаться полезной.

Ваш Антон

P.S. Мне очень нравится идея о сотрудничестве со спецслужбой Ватикана. Где, как не там, имеют представление о различных сектах и культах?

– О'кей, – сказал Мотя голосом опытного врача-диагноста, привыкшего к сложным случаям. – Что дальше?

Дальше шел текст письма Антону от его старого приятеля:

Привет!

Ты не поверишь, но то, что я не послал тебя с твоей просьбой, куда тебе следовало бы идти, оказалось вполне разумным. Я передал твой текст по нашим каналам, как и обещал. Прочитав слово «хаты», прокуратор Креспо, шеф ватиканской тайной полиции, не поленился позвонить мне и спросить, кто вы, собственно, такие. Я дал твоим друзьям лучшие рекомендации. Надеюсь еще познакомиться с ними и убедиться, что не ошибся. По приезде в Рим они должны позвонить отцу Иосифу. Потом

отец Иосиф все организует сам. На всякий случай перешли им это письмо, чтоб они знали, с кем будут иметь дело. Отец Иосиф – один из ведущих сотрудников Института внешних дел (ИВД), аналога тайной полиции. Он, кстати, прототип отца Куарта из «Кожы для барабана» Реверте. Его шеф – прокуратор ИВД архиепископ Креспо. Скорее всего, он тоже будет на встрече.

Они очень жесткие ребята и не любят церемониться. Их службу называют левой рукой Господа. Но вы можете им доверять. Само собой, в разумных пределах. А вот если с твоими друзьями захочет встретиться кардинал с говорящей фамилией Мюллер – пусть напрягутся и вставятся. Он – законченный сукин сын. Кроме того, он префект, то есть начальник Священной конгрегации по делам учения о вере. А эта контора до 1965 года называлась Святейшей инквизицией. Со всеми вытекающими. Не упоминать ничего лишнего и, самое главное, не называть мое имя. Это повредит.

Если их пустят в Апостольский дворец, то я рекомендую оглядываться по сторонам. Таких картин, фресок и интерьеров они больше не увидят нигде. И – привет швейцарским гвардейцам.

Твой Дёма

– Кто такой Дёма? Откуда взялся этот старый приятель, который не посылает Антона куда следует? – Голос опытного врача куда-то делся, и теперь Матвей звучал озадаченно.

– Забей! У Антона этих приятелей... Мотя, не хочу тебя обижать, но связи у Антона на порядок круче твоих. Про себя я вообще молчу. Ну что, я звоню отцу Иосифу?

– Звони, – со вздохом сказал Матвей. – Только давай переговоры с ними буду вести я. У меня, может, связи не очень, зато опыта тяжелых переговоров побольше, чем у вас с Антоном, вместе взятых. Ты вообще слишком мягкий. Выболтаешь им все сразу, а в обмен мы ничего не получим. Ты лучше задавай вопросы. О'кей?

Я, пожав плечами, согласился. У Матвея действительно был богатый опыт переговоров со всякими мерзавцами. Я набрал номер, и отец

Иосиф предложил нам встретиться в кафе «Антико греко» на виа Кондотти, рядом с Испанской лестницей, через полчаса. Вскоре мы уже рассматривали картины с видами Рима на стенах кафе. Я подошел и прищурился на бюст Виктора-Эммануила. Он мне как-то не понравился. Мне показалось, что скучная легитимная власть Италии не к лицу. Не успели мы обсудить, почему туристы считают, что Цезарь, Муссолини и Берлускони идут итальянцам, а самих итальянцев от них тошнит, как слышали: *Good morning, gentlemen!*

Конец шестнадцатой главы

Глава семнадцатая

Прыткие молодые люди

Отец Иосиф оказался высоким человеком лет сорока с фигурой боксера, в черном костюме и в черной же рубашке со воротником-стойкой. Внимательный, спокойный. Глаза очень светлые, скорее голубые, чем серые. Короткая стрижка. Агрессивная, но в меру.

Он присел к нам за столик, и мы, осторожно переглядываясь между собой, приступили к переговорам с Римской католической церковью. Отец Иосиф начал с вопроса, нравится ли нам это место, сообщив, что за столиком, за которым мы сейчас сидим, некоторое время назад сидели Джакомо Казанова, Людвиг Баварский, Байрон и Стендаль. Я попытался проникнуться уважением, но Мотя решил сразу поставить моего тезку на место. Сделал он это, впрочем, с несвойственной себе элегантностью.

– У вас в Италии в любом приличном месте обязательно сидел кто-нибудь из великих.

Мы улыбнулись, все втроем, и перешли к делу. Дело Матвей изложил скупое, совсем без подробностей. Две смерти, пиар-заказ, копты.

Первый вопрос отца Иосифа был предсказуем: почему именно Ватикан?

– Ну, – сказал Матвей, – судя по всему, мы не ошиблись, если за двадцать четыре часа смогли получить аудиенцию у такого высокопоставленного лица.

Я посмотрел на отца Иосифа. Он усмехнулся.

– Да, – сказал он, – эта история вызывает у нас определенный интерес. Даже озабоченность.

– И именно вам поручено ею заниматься?

Я довольно подмигнул Моте. Молодец! Жми его! Сейчас святой отец должен будет рассказать, что и прокуратор Креспо, и сам инквизитор Мюллер тоже вовлечены в процесс. И мы пойдем в Апостольский дворец.

– Да, – спокойно ответил отец Иосиф. – Поручено мне. Обычно я занимаюсь деликатными делами такого рода. Но не исключено, что с вами захотят встретиться несколько наших боссов.

– Давайте договоримся о правилах игры, – предложил Матвей. – Мы, очевидно, встревожены одним и тем же. У нас сходные интересы. Следовательно, мы не работаем друг против друга. Мы делимся своей информацией, вы делитесь своей. А потом вырабатываем совместный план действий.

«Прыткий молодой человек!» – читалось в глазах топ-сотрудника тайной полиции Ватикана.

– Хорошо, – согласился отец Иосиф. – Давайте меняться информацией. Но поскольку предложение исходит от вас, то и первый ход за вами, джентльмены! То, что вы рассказали, пока носит слишком общий характер.

– Мой друг и ваш тезка расскажет все детали. – И Мотя, чуть прищурился, кивнул на меня.

Послушав нас минут пятнадцать и выпив еще две чашечки кофе, отец Иосиф извинился, произнес несколько фраз по-итальянски в телефон – и спросил, немного витиевато, не возражаем ли мы, если он пригласит нас в Ватикан. Нас. Меня и Мотю. На встречу с главным инквизитором. Как в анекдоте про то, как зверям раздали подешевевшие в ноль сотовые телефоны и мышь делает один из первых звонков в жизни. Мышь (в изумленном восхищении): «Алло, это что, лев?» Лев (сдержанно): «Лев». Мышь (офигевая): «Что, царь зверей?» Лев (устало): «Да, мышь, царь зверей. Тебе чего?» – «Ой. Ничего. Охуеть».

Мы не возражали. Только спросили про дресс-код. Мы были одеты как туристы. Я был в светло-голубых джинсах и рубашке, сделанной из грубой дерюги, почти из мешковины. Матвей был в темно-синих джинсах и белой шелковой рубашке почти с такой же стоечкой, как у отца Иосифа. Иосиф улыбнулся и кивнул. В Ватикан пускали в джинсах.

Дёма был прав: нас ожидали шеф тайной полиции Ватикана Креспо и Великий инквизитор, точнее, префект Священной конгрегации кардинал Мюллер. Мы попытались расплатиться за кофе, но отец Иосиф просто подписал счет. Для официанта это оказалось более чем достаточным, и мы собрались уходить.

– А чаевые? – робко спросил я.

– Ватикан не платит чаевых, – сказал святой отец, как бы удивляясь не то моему вопросу, не то своему ответу.

– А русские платят, – отрезал Матвей и положил бумажку в пять евро.

Что за дешевые понты? Но спорить с Мотей я не стал.

Мы сели в припаркованный за углом черный «бентли» и через десять минут въехали в ворота Ватикана. Началась ренессансная экзотика. Нам отсалютовал алебардой гвардеец в полосато-желто-красной форме с лихо надвинутым черным беретом.

– Интересная у него алебарда, – сказал Мотя по-русски.

– А каком смысле? – не понял я.

– Боевая. Не декоративная.

– С чего ты взял?

– Она заточена. Ясно видна линия заточки. И крепеж самой алебарды на древко усилен двумя хомутами.

Я поразился как Мотиной наблюдательности, так и неожиданному комментарию отца Иосифа.

– Мы попросили швейцарцев вернуть боевые алебарды, когда начались все эти теракты в Европе.

– Они настоящие швейцарцы? – спросил я, с трудом делая вид, что не заметил знания русского языка у отца Иосифа, и прикидывая, не успели ли мы с Матвеем сказать друг другу чего-то лишнего.

– Абсолютно настоящие швейцарцы из Швейцарии. Служат у нас уже больше пятисот лет.

– Так вы говорите по-русски? – уточнил Мотя.

– Я понимаю. Говорить не люблю.

– Вы, вероятно, знаете много языков?

– Нас хорошо учат, – вежливо и скромно ответил отец Иосиф.

Самая богатая корпорация в мире

Мы поднялись по лестнице и пошли по коридорам. И снова Дёма не ошибся. Интерьеры вставляли. Хотя кто бы сомневался – мы оказались в штаб-квартире самой богатой корпорации в мире. Причем корпорации с традициями. Мраморные полы со сложной мозаикой в бело-синих тонах. Фрески на стенах. Крутые лестницы с расписными сводами и железные перила запутанной ковки.

Пока мы шли, я сообразил, что понятия не имею, как будет по-английски «ваше высокопреосвященство». Матвей только фыркнул, когда я спросил его об этом.

Один из коридоров кончился полукруглым залом. Над входом в зал висела, обрамляя полуарку, довольно темная латунная табличка *Instituto per le Opere Esteriori*. Осматриваясь, мы вошли в зал, который, несмотря на внушительный размер, был всего лишь приемной главного инквизитора. В зале перед дверью, ведущей направо, в следующий зал, стоял массивный темно-коричневый письменный стол, обитый зеленым сукном. На столе стоял большой *iMac*, две телефонные станции и канцелярский прибор. «Интересно, какие у них дыроколы», – подумал я. Я всегда любил пафосные канцтовары.

За столом сидел человек лет тридцати пяти, одетый в черную сутану. На голове у него была черная шапочка. Мы остановились в центре зала. Отец Иосиф молча поклонился. Черный человек нажал кнопку на телефоне и что-то тихо произнес. Оказывается, это был секретарь.

Ave Maria

Пока я озирался вокруг, Матвей подошел к одной из стен и уставился на нее. Потом подозвал меня.

– Можешь перевести?

Что Антон, что Мотя почему-то считали, что в мединституте я только и делал, что учил латинский язык и овладел им настолько, что могу переводить без словаря. Я их, конечно, не разубеждал (хотя всей латыни у нас был отведен всего один семестр по одному часовому занятию в неделю, так что мы не успели пройти даже все падежи), а,

наоборот, поддерживал это заблуждение, но тут мне стало довольно уютно.

Предстояло отвечать перед Мотей за латинский базар. Я без особой надежды поднял глаза и прочел инкрустированную золотом подпись под небольшой статуей Девы Марии:

AVE MARIA GRATIA PLENA DOMINUS TECUM
BENEDICTA TU IN MULIERIBUS ET BENEDICTUS FRUCTUS
VENTRIS TUIS JESUS

Я решил, что надо постараться переключить Мотино внимание с текста на скульптуру. Вдруг она работы какого-то великого скульптора, тогда мы сможем свернуть на эту тему. Дева Мария была хороша: нежна, чувственна и немного озабочена какой-то мелочью. Чем-то приходящим или быстро уходящим. Ну не знаю: Спаситель расплакался. Я сказал самым простым и естественным голосом, на который был способен.

– Это ничего интересного. *Ave Maria*. Молитва. А вот скульптура, на мой взгляд, куда интереснее. Хм. Господи, чья же это работа?

– Я сам вижу, где молитва, а где скульптура. Перевести можешь?

Дело пахло легким позором. Тогда я попытался для очистки совести найти несколько знакомых слов (*gratia, benedicta, fructus*). Сочетание их показалось мне знакомым. И знакомство шло из какого-то глубокого детства. Я попытался прислушаться к самому себе. Няня. Дача. Ранний зимний вечер. Мы только что полдничали чаем с печеньем, а теперь куда-то идем. В небе летают большие птицы. Маленькая церковь. Сейчас. Сейчас. Секунду! Есть! Есть!

«Богородице Дево, радуйся» и *Ave Maria* – это одна и та же молитва!

Я осторожно взглянул на Мотю и стал переводить. Но не с латыни, а с церковнославянского. Радуйся, Мария, полная благодати. С тобой Господь. Ты благословенна среди жен, и благословен плод живота твоего – Иисус.

Мотя смотрел на меня со смесью страха и уважения перед тайным и редким знанием. Тогда я, чтобы закрепить успех, невозмутимым тоном добавил:

– Да это то же, что и «Богородице Дево, радуйся!». Только по-латыни. Не так уж сильно разделились наши церкви. Молитвы-то одни

и те же.

Черный секретарь помешал мне насладиться торжеством. Он поднялся из-за стола, поклонился нам, подошел к темно-коричневой двери и потянул за бронзовую ручку. Мы прошли в следующий зал, который, судя по всему, служил кабинетом. Огромным. Ну правильно, если приемная была под двести квадратных метров, то кабинет может быть и в тысячу. Я ахнул и начал осматриваться.

Переговоры с инквизицией на равных

Десятиметровые потолки с огромными потемневшими деревянными балками. Между балками опять фрески. Два ряда высоких полукруглых ренессансных окон справа и слева. Книжные шкафы, двухметровые, но из-за высоких потолков казавшиеся легкими ширмами, едва разделяли пространство. Т-образный стол, за который могло бы сесть человек двадцать. Или тридцать. И снова фрески, фрески, фрески на стенах. Никаких картин в напыщенных золоченых рамах. Только фрески.

В зале находились двое. Один стоял далеко от нас, слева, прямо напротив окна, так что был виден скорее его силуэт. Он был весь в красном. Красный, чуть сгорбленный профиль на фоне окна с яркосиним итальянским небом. Ага, решил я, это и есть главный инквизитор Мюллер.

Второй начал движение в нашу сторону. Черная сутана с пурпурной отделкой. На вид около шестидесяти, волосы торчат ежиком (кажется, это здесь принято). Тонкие золотые очки. Черные сапожки с длинной шнуровкой, уходящей под сутану. На руке перстень. Рубин размером с компьютерную клавишу. Вот как выглядит настоящий прокуратор, подумал я.

Префект Мюллер делал вид, что он нас не видит. Он махал красными крыльями, стоя у окна, как будто с кем-то разговаривал.

Отец Иосиф поклонился им обоим. Быстрым уверенным деловым поклоном. Я окончательно убедился, что попал в Ренессанс. И решив, что рукопожатия маловероятны (если что-то тут и делают с руками, то целуют), я тоже поклонился. Не так быстро, низко и уверенно, но все-таки.

Краем глаза я успел заметить, что Матвей сделал то же самое. Прокуратор в ответ легко кивнул нам троим и жестом пригласил садиться. Фигура в красном тоже кивнула в нашу сторону издалека. Мы, оглянувшись друг на друга, сели. Прокуратор сел напротив нас.

– *Von giorno*, – сказал прокуратор и чуть смущенно улыбнулся.

Из-за улыбки и хрипловатого голоса он показался мне простым итальянским священником времен Петрарки. Исповедовал только что бедного французского рыцаря, который умер от гангрены в придорожной гостинице, а теперь решил поговорить и с нами. Узнать, как дела, может, помочь чем? Хотя рубин все-таки создавал дистанцию.

– Это мой шеф, – сказал отец Иосиф. – Монсеньор Креспо. А это, – он кивнул в сторону красной птицы у окна, – кардинал Герхард Мюллер.

– *Nice to meet you, monsignori*, – сказал Матвей и чуть поклонился.

«Да ты, Матвей, дипломат!» – подумал я.

Отец Иосиф очень четко изложил все, что мы ему рассказали. Мой пятнадцатиминутный рассказ в кафе уложился в три минуты.

– Чем мы можем вам помочь, монсеньоры?

По голосу прокуратора Креспо казалось, что он искренне хочет нам помочь.

– Мы хотим знать, кто убил наших друзей. Кто такие хаты? – спросил я.

– Тайное братство. И в каком-то смысле народ, – ответил архиепископ.

– Одновременно и братство, и народ? Как это может быть?

– Кровнородственные браки на протяжении нескольких тысяч лет. Члены этого общества (они называют себя Братством) должны рожать детей от своих братьев и сестер. Инбридинг. А можно сказать, и инцест.

– Инцест! – У Моти заинтересованно приподнялись брови. Слава богу, он не присвистнул. – Каковы цели этого Братства? В чем его миссия?

– Сеять зло. Пролить кровь и слезы. Вызывать страдания.

– Вот так прямолинейно и неизысканно? Много ли навербуешь людей под такую идеологию? – искренне не понял я.

– Все можно красиво упаковать. Маркетинг. Не мне вам об этом рассказывать, – произнес Креспо голосом доброго учителя, без стеснения показывая свою осведомленность о моих текущих занятиях.

– Ну почему же? – как можно более вежливым голосом парировал я. – Думаю, у католической церкви любому маркетологу можно учиться и учиться.

– Хорошо, – усмехнулся Креспо. – В любом случае об истинных целях Братства знают только члены, посвященные в высокие степени. А те, кто посвящен в начальные степени, полагают, что их главная цель – сохранение неких тайных знаний. Что-то связанное с жизнью после смерти. Но хотя они и занимают ответственные посты в политике и бизнесе, в иерархии Братства это всего лишь пешки. Как мы полагаем, их задача – поддерживать устойчивость Братства. Влиять на принятие политических и финансовых решений в его пользу. Естественно, Братство помогает им в этом всеми силами, требуя всего двух вещей: безусловного послушания и сохранения тайны. Наказания за отступничество весьма суровы. – Он задумался. – Весьма.

– А все-таки зачем им зло? Зачем кровь и слезы? – Матвей явно хотел разобраться в фундаментальных принципах.

– Мы не знаем этого достоверно. Не думаю, что аргументы об их непосредственной связи с дьяволом показались бы вам убедительными. У них есть своя космология. И какая-то странная теория биологической энергии.

– Энергия ка, – ввернул я. – Это древнеегипетская энергетическая теория.

– Она частично пересекается с теорией энергии ци у китайцев и концепцией праны у индусов, – заметил Креспо, посмотрев на меня с некоторым удивлением.

– А откуда они вообще взялись, эти хаты?

Матвей выглядел раздраженным. Он очень не любил сталкиваться с силой, превосходящей его собственную.

– Мы полагаем, что окончательно Братство сформировалось в начале нашей эры. Как раз в коптском монастыре Дейр-эль-Бахри. С тех пор это место священно для них. Но корни его в неких тайных знаниях Древнего Египта, которыми владели жрецы.

– Не только жрецы. Фараоны также интересовались этим знанием.

– Фараоны?

Теперь уже и прокуратор, и отец Иосиф внимательно смотрели на меня. Мне показалось, что даже главный инквизитор, стоящий у окна, стал прислушиваться к нашему разговору. Я коротко пересказал им все, что смог разведать про Хатшепсут. Они выслушали меня внимательно, но не согласились.

– По нашим данным, тайны принадлежали жрецам. И хотя Хатшепсут определенно была посвящена в эту тайну, основным идеологом братства был жрец по имени Дуамутеф.

– Да, – подтвердил я, – молодой ученик главного жреца Хапусенеба.

– Именно так, – кивнул Креспо. – Вы, оказывается, глубоко изучили материалы.

– Открытые источники, – развел руками я. – Но по моим данным, лидером там все-таки была Хатшепсут.

– Видите ли, Братство создано через полторы тысячи лет после смерти Хатшепсут. Поэтому кто там был главным, возможно, не так уж и важно. Но то, что священным животным хатов стала двухголовая змея, символ власти фараона, может говорить об осмысленности и вашей точки зрения. Возможно, мы недооцениваем власть королевы.

– Змея-альбинос?

– Почему альбинос?!

– Мне друзья рассказывали, что в Израиле в одном месте по дороге из Тель-Авива в Эйлат живет двухголовая змея-альбинос.

Прокуратор нахмурился, а отец Иосиф записал адрес места. Я решил задать наконец вопрос, который так мучил меня все это время:

– Зачем хатам публиковать кодовые слова «калипсол», «Дейр-эль-Бахри», «одинокость»? И что означает число 222461215?

– Ответить про число нам, наверное, проще. Мы анализируем его уже шестьдесят лет, с момента появления первых компьютеров, и теперь можем точно сказать: у нас нет абсолютно никакого понятия. Про коды сложнее. Судя по всему, это слова-заклинания или их обрывки. Из области того, что в Средние века называлось колдовством и в излишней жесткости при уничтожении которого нас сегодня так горячо обвиняют.

– А в то время как католическая церковь казнила колдунов...

– Мы не казнили колдунов, – перебил мой вопрос отец Иосиф. Мой вопрос, еще не заданный до конца, очень не понравился ему. – Мы

проводили расследование и передавали тех, кто занимался колдовством, светским властям.

– Мне кажется, что передача светским властям – как там это звучало, «без пролития крови»? – была просто формой приговора к смерти на костре или на виселице.

– И тем не менее. Мы проводили следствие и суд на людях, которые, как правило, на самом деле считали себя колдунами и действовали соответственно: доставали инструкции по некромантии, выучивали заклинания, готовили адские смеси из серы, поташа и сушеных земноводных, намазывались мазью с белладонной, объедались мухоморами и в своих трипах общались с дьяволом. Словом, искренне считали себя колдунами и ведьмами.

– Ну, под пытками можно признаться в чем угодно.

– Не совсем. Даже под пытками требовалось не просто признаться, а сделать так называемое доказательное признание: предъявить колдовские смеси, рецепты, книги, амулеты. Средневековое правосудие было жестким, но не идиотским. Простому признанию, тем более под пытками, никто не верил. Конечно, у нас бывали судебные ошибки. А у кого когда их не было?

Я начал переживать, что разговор ушел не в ту сторону. Сейчас отец Иосиф будет доказывать, что они сжигали не невинных людей, а злых хатов. Но не спорить же с ним сейчас и здесь. Мы пришли не на диспут, а за информацией. По-видимому, он и сам решил, что эту тему пора сворачивать.

– В любом случае, – мрачно заявил он, – протестанты сожгли на порядок больше колдунов, чем мы. Но у них, – он внимательно посмотрел на меня, – лучше пиар. Так или иначе, мы имеем существенные основания полагать, что как минимум некоторое количество колдунов и ведьм были непосредственно связаны с хатами.

– Понятно, про число вы ничего не знаете. А смысл этих кодовых слов?

– Возможно, через публикацию этих кодов хаты пытаются как-то воздействовать на общество. Хотя, к сожалению, мы пока не знаем, как именно и почему они начали действовать открыто в России.

Конец семнадцатой главы

Глава восемнадцатая

Хаты и шуары

Матвей решил разрядить обстановку и сделал это довольно сомнительным образом: рассказал анекдот про то, как Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух обсуждают, где проведут отпуск, Святой Дух говорит, что хочет навестить Россию, а на вопросы Отца и Сына, с чего вдруг, говорит: «Да я же там не был ни разу».

Инквизиторы вежливо улыбнулись, но мне этот анекдот показался неуместным, и я высказал свою версию российской активности хатов:

– Потому что в России новые элиты и путь к власти проделать гораздо проще, в том числе через коррупцию. В России много неучтенных денег. И, конечно, ядерное оружие.

– Все может быть, – согласились отец Иосиф и Креспо, не желая развивать российскую тему.

Я продолжил расспросы:

– Как хаты организованы? Сколько у них уровней иерархии?

– Хаты скопировали нашу схему иерархии – от папы через кардиналов, архиепископов и епископов к простым священникам. Впрочем, – усмехнулся он, – любая международная корпорация копирует нашу схему организации. Предводитель Братства носит титул Джессер Джессеру. Святейший из святых. Его светское имя, как и местонахождение, нам неизвестно.

– А как связаны ваши хаты с одним индейским племенем, живущим в верховьях Амазонки? С шуарами? Слышали про них? Охотники за черепами?

Матвей, долгое время сидевший молча и внимательно поглядывавший на ватиканцев, неожиданно вступил в разговор. Ватиканцы переглянулись. Прокуратор пожал плечами. Ответить решил отец Иосиф. Он говорил медленнее и осторожнее, чем обычно.

– У нас нет данных о прямой связи между хатами и шуарами. Хотя мы знаем про некоторые обряды шуаров. Сейчас как минимум две наши миссии находятся там. В районе реки Упано, на востоке Эквадора. Какую вы видите связь с хатами?

– У шуаров есть яд, не оставляющий следов. Кроме того, шуары для введения себя в транс используют корень мандрагоры. И они тоже отрезают головы. Потом они их высушивают и пропорционально уменьшают. Причем никто знает, как им это удается.

Ватиканцы многозначительно переглянулись. Отец Иосиф бросил вопросительный взгляд на прокуратора. Тот чуть заметно кивнул.

– Это так. Вы ошиблись в названии. Шуаров называют не охотниками за черепами, а охотниками за головами. В отрезанной и высушенной голове, тсантсе, уже нет черепа. Шуары отрезают голову, делают тонкий надрез на коже, осторожно ее снимают, зашивают надрез, сшивают губы и веки и обрабатывают кожу в дубящем растворе. Чтобы это богопротивное изделие не порвалось, его надевают на деревянный шар и разглаживают. А затем набивают нагретыми маленькими камнями, покрывают пеплом и коптят в течение нескольких недель. Голова уменьшается.

– Вы неплохо знаете шуарские обычаи, – искренне удивился Матвей, на глазах теряя репутацию крутого переговорщика. – Я думал, секрет уменьшения головы – нераскрытая тайна.

В интонации Моти прямо читалось что-то вроде: «Оказывается, вы не только умеете голову людям морочить, но и знаете кое-что». Прозвучало это нехорошо.

Все суеверия и ритуалы находятся в сфере наших интересов

– Мы находимся в кабинете префекта Священной конгрегации по делам учения о вере. – Прокуратор наклонил голову в сторону красной тени, о существовании которой я уже успел забыть. – Все суеверия и ритуалы, которые с ними связаны, находятся в сфере наших непосредственных интересов.

Тут фигура в красном резко развернулась к нам лицом, взвив сутану, и приблизилась к нам. Стройный, высокий пожилой человек встал прямо за прокуратором. На его груди сиял золотой наперсный крест. Лицо у него оказалось длинным, даже вытянутым. Лоб высокий, в красных крапинках. Глаза – рыбы.

– У меня есть несколько вопросов к этим джентльменам.

Великий инквизитор, он же префект Священной конгрегации по вопросам веры, он же выскочка Мюллер, говорил очень тихо и слегка шепелявил.

– Мне кажется, – он довольно сердито оглядел всех присутствующих, – настала наша очередь спрашивать. Как в старые времена. Хотя мы уже давно никого не сжигаем.

Только по легкой улыбке Креспо можно было понять, что это шутка. Голос Мюллера был совершенно инквизиторский. Я покорно кивнул.

– Зачем вы вообще ввязались в это дело?

Мотя развел руки.

– Погиб наш друг. Потом его жена.

– По-моему, такими вещами должна заниматься полиция, а не друзья.

– Полиция ничего не смогла сделать.

– А как вы докажете, что сами не связаны с хатами?

Он обвел внимательным взглядом всех присутствующих в комнате, и я вздрогнул. Вот ведь казуистика во плоти! Мы замолчали как минимум на минуту. Минута молчания – это очень долго. Особенно если ты не на похоронах.

Больше всего мне не понравилось, что после слов Мюллера все присутствующие перестали смотреть друг на друга. Ситуация уже в третий раз за два дня выходила из-под контроля, и я начал поминать нехорошим словом Антона с его Дёмой. Хотя, с другой стороны, Дёма же нас предупреждал...

– Мы связаны с хатами, – неожиданно подал голос Матвей. Он поднял голову и говорил медленно. Голос у него был низкий и довольно угрожающий. – Они убили наших друзей. И связали себя с нами.

Мюллер дослушал ответ до конца, подождал, не захочу ли я что-то добавить. Я не захотел, я злился на Мотю – и за анекдот, и за этот угрожающий недипломатичный тон. Тогда Мюллер заговорил на латыни. Прокуратор и отец Иосиф его слушали. Прокуратор – устало. Отец Иосиф – внимательно. Речь его длилась несколько минут. Я пытался распознать знакомые слова. Распознал только *subsidium* и *solitudo*. Затем он резко отвернулся от нас, произнес *In nomine Domini* и отошел к своему окну.

Мне показалось, что встреча подходит к концу.

– Можем ли мы рассчитывать на сотрудничество с вами в дальнейшем расследовании?

– Нет.

Вот такое резкое, военное «нет».

Большое и грязное

Прокуратор перестал быть добродушным средневековым священником. Глаза его сделались желтыми и жесткими. Хриплый голос звучал как команда.

– Не лезьте в это дело. Оно большое и грязное. Вашего друга и его жену не воскресить. Души их да упокоятся на небесах. А ваш земной путь еще не кончен. И не надо сокращать его лишними знаниями. Как говорит Екклезиаст, *in multa sapientia multa sit indignatio et qui addit scientiam addat et laborem*. По-английски: во многих мудрости много печали; и кто умножает познания – умножает скорбь. Вы женаты? – обратился он ко мне, неожиданно снова возвращаясь к образу доброго пастыря.

– Нет, – растерянно произнес я.

– Плохо. А вы?

Он требовательно посмотрел на Матвея.

– Тоже нет.

– И детей нет?

– Нет пока...

– Тем более берегите свою жизнь. Женитесь, родите детей и забудьте о хатах!

Отец Иосиф поднялся, указав на завершение аудиенции. Мы поднялись вслед за ним.

– Можно последний вопрос?

– Разумеется.

(Мне показалось, он сейчас добавит «сын мой».)

– Копты сообщили, что вы спрашивали их о чем-то несколько сот лет назад. Это тоже касалось хатов.

– Да. Почти восемьсот лет назад в одном из наших монастырей на севере Италии случилась очень неприятная история, связанная с хатами. К сожалению, копты, с которыми мы пытались тогда списаться, не помогли нам. Мы могли бы остановить эту заразу еще в XIII веке. У нас тогда было больше силы. Гораздо больше. Но вот вам еще раз мой совет (теперь это действительно звучало как совет, а не как приказ): оставьте это дело. Не лезьте в него. Предоставьте это

организациям значительно более подготовленным. Хотя и у них, как видите, не все получается.

– А как же история о Давиде и Голиафе? – решил не сдаваться я.

Креспо сделал паузу и прикрыл на мгновение глаза, как будто пытался что-то вспомнить.

– Возможно, вам больше подходит история про Иосифа и его братьев.

– Но у меня нет братьев!

– Все равно. Прочтите еще раз Бытие, главы с тридцать седьмой по пятидесятую. Желаю удачи!

Мы поклонились и вышли. Красный кардинал даже не оглянулся. Отец Иосиф проводил нас до главного входа. Матвей напомнил, что мы хотели бы получить средневековые материалы о хатах.

Отец Иосиф колебался, но Матвей твердо, с моей точки зрения даже агрессивно, указал ему на договоренность в кафе. Будем мы вести расследование дальше или нет – это наше дело. Но обязательства надо выполнять.

– Хорошо. Я пришлю вам документ, о котором говорил Креспо. Но мне кажется, что он утратил актуальность несколько сот лет назад. Это скорее литературный памятник. Из него можно было бы сделать детективную готическую новеллу. Несколько человек в закрытом помещении, один из них – убийца.

– Если это самые свежие документы по хатам, которыми вы готовы делиться с нами, то мы согласны. Пусть это будет на вашей совести.

– Будем честны друг с другом: вы тоже не предоставили нам принципиально новой информации о хатах. Очередное злодеяние не вселенского масштаба. Далекое не вселенского. Странно только, что вы так далеко продвинулись в своем расследовании. Даже до нас дошли.

– Странно, что вы не хотите помогать нам больше чем литературными памятниками.

– Нам не нужно ваше содействие. А вам, если вы последуете совету забыть обо всем, что вы узнали, не потребуется ни наша помощь, ни чья бы то ни было еще. Надеюсь, наше великодушие поможет вам понять кое-что о нашей вере.

Тем не менее он записал наши адреса и подтвердил, что вышлет на них скан «готической новеллы», предупредив, что она, естественно,

написана на латыни. Матвей заверил его, что латынью я владею в совершенстве.

– Это же рукопись, – испугался я. – Я смогу разобрать почерк?

– Новоготический минускул. Но ясный. Разберетесь.

Отец Иосиф поклонился нам, повернулся как по команде «кругом», и исчез в коридорах Апостольского дворца.

Как размножаются граждане Ватикана?

Мы двинулись обратно в Италию, раздумывая каждый о своем. Через какое-то время я заговорил первым:

– Послушай, Мотя! У меня есть к тебе один вопрос.

– Ну?

– Как граждане Ватикана размножаются?

– Че???

– Ватикан – государство. У него есть граждане. С тремя из них мы только что беседовали. А граждане – стареют и умирают. При этом у всех этих граждан – целибат. Они не могут жениться. Вопрос: откуда берутся новые граждане Ватикана?

Мотя объяснил в нескольких нецензурных словах, до какой именно степени его беспокоит демографическая ситуация в Ватикане. Из них следовало, что она его совершенно не беспокоит. Его интересовало совсем другое.

С нами нельзя иметь дело

– О чем они там говорили между собой по-латыни?

– Они сказали, что мы конченные придурки и надо гнать нас из дворца. Что один из нас им вообще хамил и его хорошо бы сжечь. Помнишь анекдот про «Ведьму – сжечь!» – «Так ведь красивая!» – «Хорошо, но потом сжечь!»

– Можно посерьезней?

– Я понял два слова. *Subsidium* и *solitudo*. Помощь и одиночество.

– Одиночество – это как в заказе ФФ? – задумался на секунду Мотя, но тут же переключился. – Эти ребята хотят, чтобы мы слились. Почему?

– По-моему, они нас просто жалеют.

Мотя фыркнул самым презрительным фырканием, на которое был способен.

– Откуда такая идиотская наивность?! Объясни тогда, зачем они вызывали нас к себе! Мы же рассказали все этому Иосифу еще в кафе.

– Не знаю, – удивился я ходу мыслей Моти. – Зачем?

– Чтобы рассмотреть нас поближе и решить, можно ли иметь с нами дело.

– Хм. Ну, возможно. И что?

– Они посмотрели и решили, что нельзя.

– Конечно, нельзя. Зачем ты рассказывал им анекдоты? Зачем ты вел себя агрессивно? Мы, по сути, провалили встречу, которая начиналась довольно неплохо. Тоже мне переговорщик.

– Потому что я уже тогда видел, что они нас ни во что не ставят, пойми! Они бы нас по-любому послали. Они считают, что мы – фуфло.

– Мотя, но...

– Они ошибаются. Они, блядь, очень ошибаются. И когда они поймут, что они ошиблись, они заебутся извиняться перед нами.

– Что ты психуешь? Они правы. Они считают, что мы мало что можем сделать с этим тайным обществом. И раз мы знаем теперь, кто убил Химику и Лилю...

Мотя прервал меня:

– Нет, мы не знаем, кто убил Химику и довел Лилю до самоубийства. Я имею в виду, кто лично несет за это ответственность. Твой ФФ?

– Да вряд ли он. Стремный тип, но на киллера не похож. К тому же платит нормально. Зачем бы хатам спонсировать наше расследование?

– Разберемся. И пока мы не знаем, за что Химику убило это сраное Братство. А ксендзы отказались нам помогать.

– Послушай!

– Нечего тут слушать! – перебил меня Мотя. – Меня больше всего бесят не хаты, а эти ватиканские кастраты. Они не верят в нас. Они не верят, что мы сами можем что-то сделать. А мы до хера чего можем сделать с этими отморозженными ублюдками. Как и с любыми другими.

Я не стал спорить с заведенным до предела Мотей. Хотя, честно говоря, его реакция меня удивила. Лично мне казалось, что наша миссия выполнена. Причем выполнена на сто с лишним процентов.

Мы не без труда, не без риска, несколькими интуитивно верными ходами вычислили организацию, убившую наших друзей. А выносить ей приговор и тем более приводить его в исполнение... Извините! Для этого существуют специально обученные люди.

Да и визг от проворачивающихся на асфальте шин белого мерседеса еще стоял у меня в ушах. С моей точки зрения, пора было сливаться. Я твердо решил отказаться от контракта с ФФ под благовидным предложением – разумеется, гарантируя ему сохранение конфиденциальности – и сейчас как раз раздумывал над этим предложением. Но всего этого я Моте не сказал, дожидаясь более удобного случая.

Самолет в Москву улетал завтра утром. Сегодня было времени хоть отбавляй. Мы отправились гулять по Риму. Чтобы прекратить общение с Мотей, я надел наушники и ткнул в первую попавшуюся песню, названия которой я не понял. Песня называлась *An Gabhar Ban*. Язык оказался кельтским.

Правильно, подумал я, на кого же ставить в Риме, как не на кельтов? Единственный народ, захвативший Рим в момент роста его военной славы... Вандалы и готы завоевывали уставший, пресыщенный, обрюзгший и все повидавший Рим. А кельты – молодой, крепнувший и дерзкий.

Sa tsean ghleann thiar a bhi si raibh

Go dti gur fhas na hadharc' uirthi

Стало темнеть. Матвей предложил пойти поискать казино или ночной клуб. Ему хотелось оторваться. Я отказался. Тогда мы поужинали и отправились в гостиницу.

Матвей выглядел очень раздраженным и очень строго посмотрел на черноглазую длинноногую итальянку за то, что она, выдавая ключи,

назвала его фамилию с ошибкой. *Herasnov* вместо *Krasnov*. Спасибо, что не наорал.

Затем мы пошли в гостиничный бар. Матвей заказал коньяк. Мне никакого алкоголя не хотелось. Я пил зеленый чай.

– Значит, ты за то, чтобы смотать удочки? – мрачно спросил Матвей.

– Послушай, у них больше опыта, денег и связей. Им бороться с хатами проще. Сподручней. Понимаешь, каждый должен делать свое дело.

– Да я все понимаю. Только это как-то... не круто.

– Мотя! Я придумаю, как смотать удочки круто. И вообще, рано решать. У нас же концессия. Давай послушаем Антона. Завтра мы будем в Москве и все обсудим.

Я не знал, что скажет Антон.

Если для Моти пробным камнем в принятии решений было «круто – не круто», то Антона всегда волновало «честно – нечестно». Точнее, *fair – not fair*, справедливо или несправедливо.

Ошибка номером

Мы пошли в номер. Там Матвей в мгновение ока опустошил алкогольную часть мини-бара, заказал в номер виски и колу, после чего завел пластинку под названием «ненавижу ватиканцев, хатов и баб». Я устал от пьяного Матвея, одержимого собственной значимостью и финдиректрисой, и отправился в душ, чтобы переключиться.

У каких-то японцев я читал, что холодная вода закаляет, горячая – расслабляет, а еле теплая – тонизирует. В самый разгар водных процедур мне показалось, что зазвонил гостиничный телефон.

Я остановил воду, чтобы хоть что-то услышать, и закричал:

– Мотя, это, наверно, рум-сервис! Скажи им, чтоб добавили к заказу чай. Зеленый! Слышишь?!

– Да я им сейчас все скажу! – прозвучал ответ.

Я понял, что позвонившему не повезло: у Матвея боевое настроение. Кроме обслуживающего персонала, звонить нам в номер никто не мог, но я малодушно не стал высказывать голым из-под душа, чтобы их спасти. Просто прислушался. Мотя и вправду орал, хотя слов было не разобрать. Для рум-сервис беседа затянулась. Я выключил воду, и то, что я услышал, таки заставило меня пулей вылететь из ванной голым и мокрым. Дословно текст звучал так: «Да какое, блядь, последнее предупреждение? Ты что, пугаешь меня, что ли? Я тебя сам так предупрежу, козел вонючий! И не надо мне больше звонить, ты понял меня? Нет, сука, ты понял?»

На этом месте Матвей элегантно бросил трубку на базу (попал), откинулся в кресле, и поскольку к последней фразе мой бег трусцой из ванной перешел в запоздалый прыжок, то Матвей с некоторым недоумением оглянулся на мое голое тело.

– Матвей, – тихо произнес я, восстановив равновесие после запоздалого прыжка, – ты с кем говорил?

– Да хрен его знает. Козел какой-то. Он думал, что говорит с тобой. Пугать нас вздумал, ублюдок.

– А, так это был не рум-сервис. А кто? Что тебе сказали?

Я говорил медленно, вкрадчиво и почти шепотом. Мне становилось страшно. По-настоящему. И меня охватила дрожь. Внешняя и внутренняя. Первая – от остывшей воды, стекавшей по моему телу, а

вторая – оттого что я постепенно осознавал, с кем именно говорил Матвей. Обе дрожи вошли в резонанс, и меня стало буквально колотить.

– Это был ФФ? – не то спросил, не то констатировал я, втайне еще надеясь, что ошибаюсь.

– А че ты так дрожишь? Иди вытрись. Хрен знает. Он не представился. Короче, тупой наезд. Надо было четко реагировать и отбиваться.

– Это ты, Мотя, тупой. Пьяный и тупой. Откуда они знают, в каком отеле мы живем и в каком номере?

Кажется, в моем голосе звучало отчаяние.

Да, это крутые пацаны

– А нам это не по херу? Тебе же сказали в Ватикане: да, это крутые пацаны. Подумай сам: стали бы мы связываться с какими-то недоделанными ублюдками? Мы бы просто сдали их ментам, и все.

Я качнул головой, как бы в благодарность за исчерпывающий ответ, и пошел заворачиваться в полотенце. Дрожь не унималась. Мне показалась, что вода на моем теле превращается в холодный липкий пот.

Я вышел из ванной, не глядя на Мотю, взял телефон, нашел номер ФФ и набрал его, лихорадочно придумывая, что я скажу. Я скажу, что нам кто-то позвонил, ответил по ошибке мой пьяный друг, а я не успел добежать до телефона. Если звонил не он, то просто извинюсь за беспокойство.

Не успев додумать, как я оказался в Риме и почему звоню именно ему, я услышал металлическое «абонент не отвечает или временно недоступен».

И тогда, выйдя на балкон, чтоб меня не услышал Матвей, я набрал номер Антона. Сперва я извинился за поздний звонок. Потом поблагодарил за присланного мне в помощь Матвея и высказал уверенность, что поездка пошла ему на пользу.

После чего я взорвался. Антон выдержал взрыв. Осуждающе сказал: «Какой кошмар!» Потом примирительно заключил: «Ладно, возвращайтесь, в Москве разберемся».

– Антон, хотелось бы услышать нотку оптимизма в твоих словах! Я вот по твоей просьбе поработал для Моти психотерапевтом. А теперь ты утешь меня. Чем можешь.

– Могу попробовать.

И Антон рассказал мне старый анекдот, как три русских бандита встречаются и двое начинают рассказывать о последних крутых разборках с ментами и другими бандитами. Третий сначала молчит, а потом вынимает из кармана очень маленького четвертого бандита. Размером с палец. Все смотрят на него и офигевают. «Это же Колян?» Третий бандит обращается к нему: «Колян, а расскажи пацанам, как ты африканского колдуна на хуй послал».

– Антон, ты уверен, что столетние анекдоты звучат сейчас уместно?

– Ты сам хотел оптимистичную психотерапию.

– Хорошие у меня друзья. Один сначала хамит спецслужбам, с которыми мы собираемся сотрудничать, а потом подставляет меня под каких-то тайных страшных мерзавцев. Второй просто стебется над всем этим. Отлично. До завтра!

– Я вас встречу в аэропорту в качестве личной охраны. Не убей Матвея во сне.

Интересный способ для здания проводить время

Вот теперь я совсем не знал, что делать. Минут пятнадцать я стоял на балконе и медитировал, глядя на Вечный город.

Я смотрел на подсвеченный Колизей и пытался подсчитать, сколько гладиаторов рассталось там с жизнью. Если, как писал Тацит, на арене погибало по пятьдесят человек в день, а игровых дней в сезоне было под сто, то получается пять тысяч в год. Это значит, полмиллиона за сто лет. Интересный способ для здания проводить время.

Вернувшись в комнату, я ошолбенел. Какой-то человек в белой рубашке и черных брюках стоял прямо посреди номера. Я поискал взглядом Мотю. Тот свернулся калачиком на диване, как ребенок. В руках у человека было что-то, накрытое белым полотенцем. На секунду наши взгляды встретились. Мой, всепонимающий, и его – холодно-равнодушный. Взгляд человека, который делает свою работу. Я подумал, что умирать с открытыми глазами – привилегия смелых людей.

Человек сказал: *Your order, sir* и снял белое полотенце с подноса, на котором стояли, как игрушечные солдатики, четыре маленькие аккуратные бутылочки «Джек Дэниелс» и два стакана кока-колы со льдом. Я выдохнул и рухнул в кресло. Человек протянул мне бумажку, которую я подписал не глядя, и исчез.

Я выпил залпом мини-бутылочку виски из горлышка. Потом вторую. Потом третью. Потом четвертую. Потом надел наушники и включил «Нирвану». Мне попалась *Silver*. Пожалуй, самая издерганная и фрейдистская песня Кобейна.

I killed my toes

Grandma take me home

Grandma take me home

В Лондоне, на блошином рынке Кемпден, я видел восковой муляж простреленной головы Кобейна. Муляж был реалистичен до тошноты. Небритый подбородок, желтоватая кожа, полчереп снесено, серые мозги плавают в черепной коробке, оставшиеся волосы слиплись в крови, один глаз удивленно смотрит на тебя, другой выбит пулей, и на его месте – темно-синяя сплавившаяся дыра.

Бр-р-р... Сколько ему было? Двадцать семь? Маршал Ланн, один из лучших наполеоновских маршалов, герой Аустерлица, говорил: «Гусар, который дожил до тридцати лет, – дерьмо, а не гусар». Сам Ланн погиб в Испании как раз в тридцатилетнем возрасте. Не дожил до Русского похода. Ладно. Маршала Ланна я пережил. Пора в Москву.

Конец восемнадцатой главы

Глава девятнадцатая

Закрытый гроб

Всю обратную дорогу Мотя виновато молчал, как и следует любому человеку с похмелья. Антон встречал нас в аэропорту.

– Все в порядке? – уточнил он.

Я неопределенно хмыкнул. Мотя промолчал. Не сказав друг другу ни слова, мы дошли до его хонды, и только после выезда с парковки Антон неожиданно сказал:

– Говорить будем здесь, в машине. Я ее проверил у специалистов. Она без жучков.

– О, – удивился я. – Так ты, оказывается, понимаешь, что у нас все это по-настоящему?

– Да, – сказал Антон. – Все по-настоящему, хотя совершенно непонятно, почему и зачем. И мы здесь вообще с какого бока. Ладно, рассказывайте, что вы выяснили в Ватикане.

– Химика убили хаты, – начал я. – Некое тайное общество, называющее себя Братством. С длинной историей, уходящей в Древний Египет, и неопределенными принципами. Но зловредными. Ватикан отказался нам помогать и рекомендовал прекратить детективную самодеятельность. От самого Братства тоже поступило несколько предложений, общий смысл которых совпадает с коптскими и ватиканскими, а форма – гораздо убедительней.

Я нарочно был краток, чтобы у меня оставалось моральное право взять слово еще раз. Пришла очередь Моти.

– У меня три мысли. Первая. Ватикан официально отказался нам помогать, но отец Иосиф лично обещал прислать какой-то средневековый латинский текст. Думаю, что мы сможем раскрутить его и на большее. Вторая. У нас убили друга. Его жена покончила с собой. Мы не можем поджать хвост и отползти в сторону. А если и можем, то не должны. Третья. Эти братья нам угрожают. Отлично! Но ведь они угрожают не только нам, но и всем остальным. – Матвей выразительно обвел взглядом автомобили на трассе. – Считаю, что сдаваться без боя нельзя.

– Я выяснил, что с самоубийством Лили все не так просто, – вдруг после небольшой паузы произнес Антон, и я почувствовал настоящий ужас.

– Что там? – обычным, но мрачным голосом спросил Мотя.

– Ее хоронили, как ты помнишь, в закрытом гробу. Как и Химики. Иосиф не знает этого, он уже был в Израиле.

– Но ты сказал, что это просьба родителей. Что они хотят, чтобы ее все запомнили живой.

– Так мне сказала ее мать. Но я решил проверить. И съездил в судебный морг.

– И?.. – угрожающе спросил Мотя. Антон еще не успел ответить, но я уже знал, что он скажет.

– Ей отрезали голову.

– Ни фиги себе! – В интонации Моти не было ничего, кроме злого недоумения. А я от ужаса вжался в заднее сиденье.

Санитары в морге не умеют врать, если им предлагают деньги.

– Как же так? – еле шевеля губами, произнес я. – Почему мне об этом не рассказал следователь? Я же был в ее квартире. Никакой крови. Бытовое самоубийство.

– Следователь просто не при делах. Ей отрезали голову уже в морге.

– В морге?!

– Именно там.

– На прозекторском столе?

Моя рубашка, моментально пропитавшись холодным потом, прилипла своей внутренней стороной к спине, а внешней – к спинке кресла.

– Вот этого я не знаю. Может, и просто в холодильной камере. А почему это важно?

– Это вообще неважно, – убитым голосом сказал я. – Это я просто спросил.

– Как же, – начал недобрым голосом Мотя, – родители были в курсе, что хоронят свою дочь без головы, и ничего нам не сказали?

– Конечно, они были не в курсе, – фыркнул Антон. – В морге, когда обнаружили, что у одного из тел исчезла голова, то страшно переполошились. Вместо того чтобы обратиться в полицию, они решили попытаться спустить дело на тормозах. И у них вышло. Директор морга поговорил с родителями, принес самые искренние

соболезнования, на которые был способен, и убедил их не открывать гроб. Он врал очень проникновенно. Сказал, что у Лили на лице предсмертная гримаса, которую они не в силах исправить, а резать лицо они не хотят. Косметологи херовы.

Я краем помертвевшего сознания отметил, что Антон выругался, а он это делал очень и очень редко.

– Родители были в таком состоянии, что не смогли или не захотели спорить.

– Это война, – очень спокойно объявил Мотя. – Нам объявили войну. Хорошо. Мы принимаем вызов.

Возникла пауза. Формально Мотя был прав. Именно от этой его страшной правоты и прилипла к спине моя рубашка. Я понял, что жизнь кончилась. То есть не просто привычная жизнь, а вообще жизнь. Меня убьют если не сегодня, то завтра. И ладно бы меня одного. Можно хорохориться, что на миру и смерть красна. Но никакой красной смерти на миру не будет. Хаты убьют всех нас. Быстро, технично, буднично. Потом отрежут головы, но нам это будет уже неважно. Воевать с хатами в одиночку, рассчитывая на победу, казалось мне невозможным. Совсем. Впрочем, оказаться трусом было еще хуже. Это означало потерю того же мира, но с сохранением жизни и стыда до ее окончания.

Я посмотрел на Антона. Думаю, такого фатализма и обреченности во взгляде Антон еще не видел. И совершенно неожиданно Антон признал право этого взгляда на существование.

– С войной все не так просто. Мне нужно по работе опять лететь в Штаты. В этот раз надолго. На месяц, а то и больше. Улетаю завтра утром. Я не понимаю, что «Одиночество-12» может противопоставить такой организации. С одной стороны, у нас нет ходов, а с другой – у вас нет меня. Предлагаю отложить войну как минимум до моего возвращения. А пока всем занять исходные позиции.

– А ты можешь отложить не войну, а свою поездку? – очень строго спросил Матвей. – У нас тут явно дела поважнее.

– У нас нет ходов, – меланхолично повторил Антон. – Нам нужно подумать, собрать ресурсы, сконцентрироваться, сосредоточиться.

– Как нет ходов? Надо прийти в морг, выяснить, в чью смену исчезла голова. И поговорить с этими людьми. К тому же у нас же есть этот ФФ. Мы выйдем на него через Иосифа. И тоже поговорим с ним.

Мотя сказал «поговорим» таким простым и светлым голосом, что у меня кровь в жилах застыла. Я хорошо знал, что Мотя вкладывает в понятие «просто разговор».

– С моргом я говорил. Они утверждают, что кто-то к ним влез, разбив окно. Проверить это нельзя. Видеокамеры у них не работали. Вторая твоя идея еще хуже. ФФ звонить нельзя. Просто нельзя, и все.

– Почему? – Мотя очень не любил, когда его идеи так небрежно отменялись.

– А что случится с Иосифом после твоего разговора, тебе наплевать? Ты прикидываешься идиотом или действительно не умеешь считать на два хода вперед? – Антон был строг с Мотей, как никогда. – Или ты такой крутой, что трехтысячелетняя секта затрясется от страха после разговора с тобой?

От липкого ужаса к праздничной эйфории

Во время этого непростого разговора я понял, что смертельный ужас у меня сменяется неукротимой радостью: кажется, Антон не собирается ввязываться в боевые действия. Никогда бы не подумал, что такие перепады настроения возможны у здорового человека: от холодного липкого страха до какого-то нелепого, преувеличенного восторга, почти эйфории. Захотелось требовать шампанского, разбрасывать конфетти и теребить на елке красные блестящие шары.

Эта эйфория избавления приговоренного к смерти родила в моем мозгу вполне здравую идею.

– Я согласен с Матвеем, – сказал я, тщательно следя за тем, чтобы говорить как можно более рассудительно и неэмоционально. – Мы не будем сдаваться без боя. Мы даже не будем откладывать бой. Мы передадим дело по инстанции.

– Что ты имеешь в виду?

– Надо составить документ, подробно описывающий все, что мы смогли раскопать. Изложить все факты, все мысли, все версии, все цепочки рассуждений. И отправить его основным спецслужбам мира. ЦРУ, ФБР, ФСБ, ГРУ, Ми-6, Моссаду. Кто там еще? Я не специалист. Раз это Братство – международная террористическая организация, то пусть ею занимаются спецслужбы. В конце концов, это их работа. Антон, твоих связей достаточно, чтобы разослать такое письмо правильным людям? Чтобы его не сочли параноидальным бредом, а отнесли бы к нему внимательно.

– Моих связей хватит. Но есть нюанс. Такое письмо должно быть анонимным. Иначе спецслужбы станут использовать нас как живца, потому что никаких моральных принципов у них нет. А хаты просто отрежут нам головы. Не знаю, правда, зачем.

– Это очень старая египетская традиция, – коротко и значительно пояснил я.

– Антон, но ты же сам предложил концессию «О-12» и расследование! – Теперь Матвей казался озадаченным.

– И ошибся. Я думал, это кучка маньяков. На худой конец – продажная фармакологическая корпорация. А это международная

организация, которой побаивается Ватикан. Все более запущенно, чем я думал.

– Конечно, – без тени сомнения согласился я, поглядывая на недовольно качающего головой Матвея. – Конечно, документ должен быть анонимным. Но кто из нас его составит и как его рассылать? И кстати о птичках, что мне делать с ФФ?

– Текст напиши сам. Ты же все это расследовал. Покажи Моте, согласуй с ним и пришли мне на мой секретный ящик. Дальше всем займусь я. С ФФ ничего не предпринимай. Сделай вид, что произошло какое-то мелкое недоразумение. Веди себя как ни в чем не бывало.

– И продолжать выполнять его заказ?

– Лучше пока ничего не менять. Через пару недель можешь попробовать постепенно слиться.

Мотя качал головой, как будто не верил тому, что он слышал от Антона.

– Знаешь, Антон! Я всю жизнь полагал, что самым, – он запнулся, подбирая слово, – осторожным из нас был Иосиф. А теперь я понимаю, что ошибался.

– Разумеется, ты ошибался. Иосиф еще полжизни назад повел себя по-геройски. В Крыму. Когда спасал Химику от аборигенов на дискотеке. А я – осторожный. Так что? У меня – Дина.

В голосе Антона появились странные интонации. Мне показалось, что за его привычным скептицизмом кроется какая-то фальшь. Он был чуть мрачнее, чем обычно.

– А ничего, – сказал Матвей. – Мне терять нечего. У меня даже финдиректрисы нет.

Мне стало полегче на душе. Я не струсил. История заканчивается. Мне почему-то показалось, что с ФФ я все решу без проблем. Он сделает вид, что ничего не было. Я сделаю вид, что ничего не было. Хотя от заказа, конечно, надо будет постепенно отказаться. Жизнь налаживалась. И тут вдруг от Маши пришла эсэмэска, что она может заехать ко мне через пару часов и остаться до позднего вечера. Я понял, что мне сегодня везет, окончательно осмелел и набрал мобильный ФФ. Он взял трубку.

– Федор Федорович! Я тут в Турцию ездил. Отдохнуть на несколько дней. Вот вернулся. Как там у нас дела? Все в порядке?

– Да, я пока доволен, – сказал он своим монотонным голосом. – Перевел вам еще двенадцать тысяч. Работайте!

– Всего хорошего.

И я с облегчением нажал на отбой.

– Он делает вид, что все в порядке.

– Что и требовалось доказать, – что-то просчитывая в голове и как бы отвлекаясь на меня от своих расчетов, заметил Антон. – Это значит, что ты им очень нужен и несильно достал их своими расследованиями. Кстати, мы подъехали.

Я на секунду задержался в машине, совершенно переполненный счастьем, и мне показалось, что я должен осчастливить и остальных:

– Давайте сегодня вечером устроим семейный ужин? У меня. Я что-нибудь приготовлю.

– Семейный? – Мотя звучал скептически обычного.

– Извини. У кого какие семьи. Я с Машей, ты с финдиректрисой, а Антон с Диной.

– Неплохая идея, – чуть подумав, сказал Антон. – Давай созвонимся ближе к вечеру. Тебе помочь донести вещи?

– Не, спасибо, я сам. Тогда не прощаемся. До вечера!

Я бросил сумку посередине комнаты и набрал Машу. Маша обещала приехать. Затем я поговорил с Крысой.

Крыса подтвердила, что все тихо и спокойно. Деньги на счет пришли. Публикации выходят. Журналисты ни о чем не подозревают. Взяли на работу еще одну девочку на мониторинг выходящих публикаций. Так что теперь у нас в штате уже пять человек. Не считая меня. Судя по интонации, меня едва ли можно было считать за человека. Ехидно спросила, как я отдохнул. Я ответил: «Так хорошо мне еще не было никогда!» Она попыталась пошипеть, но я вежливо попрощался и полез в ванну – смыть дорожную грязь. Я ждал Машу чистым и счастливым.

Псевдосемейный обед

Пришла Маша. Подарила белую рубашку от Армани в стиле гусарского исподнего белья. С открытым воротом и широкими рукавами. Я начал мерить ее, но не успел одернуть последние складки, как Маша, довольно оглядев меня, сказала: все отлично, снимай. И мы

любили друг друга, как любят сильно соскучившиеся друг по другу люди. Потом я сделал кофе по рецепту Аркана.

– Как ты съездил?

– Познавательно.

Я кратко рассказал про Иерусалим и Ватикан, упомянув и Мотю с его шуарами и высушенными головами. Свалив всю вину на Антона, объяснил, почему мы решили завязать с расследованием, а точнее, его отложить. Маша полностью поддержала Антона.

– Слушай, – сказал я, – а чего ты раньше не верила ни единому слову? Ведь я же был тогда прав?

– Ты был прав, но ты был дурак. Я очень за тебя беспокоилась. Я сразу поняла: здесь что-то очень опасное. И хотела тебя удержать, как могла.

– Что же сразу не сказала: «Опасно, не лезь! У меня интуиция»?

– Я не сказала? Я сказала. Ну не в лоб, конечно. Ты бы только завелся от моих слов, как петух. Боевой.

Мне стало приятно, что уже второй человек за день находит меня смелым. Даже отчаянным.

Я поделился с Машей только что пришедшей мне в голову идеей о том, что вся история с публикацией – это причудливая форма рекрутинга.

– Вряд ли, – сказала Маша. – Зачем им искать пополнение таким странным образом? Я думаю, это какое-то зомбирование всех нас. Ты же сам рассказывал про НЛП.

Мотя и Антон подтвердили ужин, и мы пошли в супермаркет закупаться. Я катил перед собой доверху набитую тележку и думал, что со стороны мы, наверно, выглядим как классическая семейная пара, но говорить об этом Маше не стал.

Готовила Маша, а я работал ассистентом повара. Меня это вполне устраивало. Не успели мы накрыть на стол, как пришли Матвей с финдирекрисой и стали помогать нам.

Я искоса поглядывал на финдиректрису внимательней, чем всегда, и пытался представить ее себе в постели. Пухленькую, мягенькую, безразличную, со скрещенными руками. Получалось неплохо. Она действительно была сексапильной, а холодное бездействие в постели ей определенно шло.

Разобраться в том, такая ли она умная, как расписывал Матвей, было трудно, потому что финдиректриса в основном молчала. Иногда тихо улыбалась. Матвей ползал перед ней, как мазохист перед мастером. Смотреть на это было весело и непривычно.

Вскоре пришли Антон с Диной, и мы сели за стол.

Не надо искать этические компоненты, и все!

Немного выпив, мы решили выяснить, какие человеческие эмоции сегодня рулят обществом, а каких обществу не хватает.

– Гнев, – твердо и безапелляционно тогда заявил Матвей. – И сегодня, и всегда. Разгневанные люди могут снести горы. Сделать революцию. Выиграть войну. – И Мотя решительно опрокинул в себя рюмку водки.

– Или любовь, – оппортунистически предложил я, значительно посмотрев на Машу.

– Любовь всегда интересовала общество, – ответила Маша, – но мне кажется, что сегодня всем не хватает интимности. Понимаете? Тонкая нежность, точное понимание, невысказанное согласие, едва ощутимое сочувствие. Это – единственное средство от одиночества. От экзистенциального одиночества, я имею в виду, не от формального.

Я решил вовлечь в разговор Дину.

– А ты что, Дина, думаешь? Какое сегодня самое судьбоносное чувство?

Дина с некоторым презрением оглядела наш стол, проверяя, достойны ли мы высшей мудрости, а потом сказала одно слово:

– Любопытство.

И замолчала. Чтобы все кругом начали переглядываться и переспрашивать ее: что это она такое умное имела в виду?

– Любопытство против гнева не канает, – первым нарушил молчание Матвей. – Или ты имеешь в виду то любопытство, которое сгубило больше девственниц, чем любовь?

– Конечно, – саркастически поддержал я Дину голосом знатока. – Когда ревнуешь по-настоящему, любопытство оказывается таким сильным чувством, что его не удержишь ничем.

– Нет. – Дина всегда начинала злиться, когда ее троллили. – Я имею в виду бешеное, совершенно неутолимое любопытство ученых. Им, то есть нам, безумно хочется понять, как звучит тот или иной закон природы. Это интеллектуальный вызов, челлендж. Очень сильное чувство. Иногда оно сильнее страха смерти.

– Мне нравится любопытство, – сказала Маша, – но мне кажется, что оно может быть довольно опасным.

Дина махнула на нас рукой. Мы были недостойны ее высшей мудрости. Мне показалось, что она немного презрительно посмотрела на Машу. Мы никогда об этом не говорили, но я всегда чувствовал, что Дина Машу не любит. Возможно, это была сестринская ревность к избраннице брата.

– Ладно, – неожиданно сдался Мотя, – жажда знаний рулит. Давайте за нее и выпьем. Чтобы благодаря ей дожить всем лет до ста двадцати. Ты победила, дорогая, в своей судьбоносности.

Дина покачала головой.

– Наука не для того нужна, чтобы ты дожил до ста двадцати лет. Научные знания ценны не лекарствами и не атомной бомбой.

– А чем?

– А всем. Они самоценны. Жаль, что вы этого не понимаете.

– Это не помешает нам выпить, – уточнил Мотя и выпил еще одну рюмку.

– Мы пытаемся понять, – сказала Маша, – правда ли, что научное познание, если оно хочет быть успешным, должно быть лишено этического компонента, поскольку он ограничит поиск.

И сказала зря. Я это сразу почувствовал по изменившейся позе Дины. Она чуть передвинулась так, чтобы ей было удобно видеть Машу.

– Ах, вы пытаетесь искать этические компоненты? И какие результаты?

Маша покачала головой и не стала отвечать. Я знал у нее такую черту: при любом выражении недружелюбия она замолкала.

– Что, – сочувственно спросила Дина, – нет результатов? Что же это у вас ничего не получается? А не надо искать в науке этические компоненты! Просто не надо, и все! Науку интересует чистое познание. А этикой пусть интересуется ваше общество.

Удар ниже пояса

Было непонятно, то ли она обращалась к Маше на «вы», чтобы подчеркнуть презрительную дистанцию, то ли обращалась к нам обоим. Воспользовавшись этим, я попытался всех помирить.

– Дина, все о'кей. Никто не против познания. В любых формах.

Дина начала смотреть довольно недобрый взглядом и на меня.

– Конечно. Вы у нас как боги, ведающие добро и зло. Только ответь на простой этический вопрос: вот Маша – она кто? Она твоя девушка?

– А при чем тут этика? – возмутился я. Это был удар явно ниже пояса. – Да, Маша – моя девушка. А что?

– А то, что ты, идиот, по ней сохнешь уже который год как. Второй, если не третий. А она вроде бы и ищет этический компонент в своем поведении, но на самом деле, я извиняюсь, ебет тебе мозги.

– Нельзя говорить о присутствующем в третьем лице, – отрезал я, чтобы не переходить на разговор по существу. – Нас родители учили.

В поисках помощи я оглянулся на Антона, но он куда-то вышел. То ли в туалет, то ли поговорить по телефону. То ли просто благоразумно исчез, почувствовав грядущий скандал.

– Я прошу прощения за третье лицо, – сказал Дина, жестко глядя на Машу, – но хотелось, чтобы вы как-то все же разобрались с этическими компонентами в отношении моего брата. Он хоть и дурак, но человек хороший. Честный. И мне его по-человечески жалко. Так что вы, пожалуйста, или туда, или сюда.

Я терпеть не могу скандалы и семейные сцены. Физически их ненавижу. К тому же они мне противны эстетически. Из-за этого мне всегда было сложно читать Достоевского. Сейчас я, разумеется, должен был защитить свою девушку. Но от чего? От обвинений в том, в чем я сам считал ее виноватой? И выступить против родной сестры, с которой вообще-то был согласен – если не по форме, то по сути?

Маша продолжала молчать, но нельзя сказать, что она стыдливо прятала взгляд. Наоборот, она выглядела не как виновник скандала, а как участник научной дискуссии, который с интересом выслушивает мнения присутствующих. Мотя, который любил самые разные единоборства вплоть до петушиных боев, кажется, с интересом ждал, пока Маша набросится на Дину с криком: «Не твое дело, сука!» Финдиректриса слушала все это с безразличным выражением лица старого мудрого индейца, которому нет дела до разборок смешных белых людей. Да, мне явно пора было вмешаться.

– Дина, можно мы разберемся сами, без твоих семейных консультаций? Если бы ты была не такой эмоционально... ммм... как бы это сказать, чтобы тебя не обидеть?

– Тупой, – радостно подсказала мне Дина. – Эмоционально тупой, ты хотел сказать? То что бы я?

– Тебе было бы ясно, что все не так примитивно. Это тебе не наука. Высказывание истинное или высказывание ложное. Все неоднозначно, понимаешь? Все сложно.

– Если бы ты имел хоть какое-нибудь представление о науке, хотя бы о логике, которую ты сейчас пытаешься цитировать, то знал бы, что в ней допускаются высказывания, истинность или ложность которых невозможно доказать. И про однозначность в науке я бы тоже попросила тебя поосторожней высказываться. Слышал же ты что-то про квантовую неопределенность? Или вы с ней об этом не разговариваете?

– Слышал, – обрадовался я смене темы. Тут Дина попала на мою удочку. Разговором про физику можно было вывести ее из любого скандала. – Квантовая неопределенность – это когда никаким способом, даже самыми совершенными методами, нельзя определить точное местоположение частицы и ее скорость. В принципе нельзя.

– Ну молодец, – смягчилась Дина. – Принцип неопределенности Гейзенберга. Что-то из наших разговоров ты еще помнишь. А знаешь, почему нельзя определить эти параметры? В принципе нельзя?

– Не знаю.

– Потому что их нет. Их просто не существует. И честнее сказать, что этих параметров нет, чем говорить, что мы не можем их определить. Мы все можем. Но частица физически не локализована. Она размазана в пространстве. В пространстве, размер которого на сотни порядков превосходит размер самой частицы. Поэтому упрекать меня в том, что я ищу однозначные решения, – и Дина фыркнула, – это как упрекать выпускника мехмата, что он забыл, сколько будет десятичный логарифм из ста.

– Два! – торжественно объявил неожиданно вернувшийся Антон. – Десятичный логарифм из ста – это два. А из-за чего скандал? Из-за логарифмов?

Дина раздраженно двинула рукой, и бокал с остатками вина грохнулся на пол.

– О, уже и посуду бьете, – радостно откомментировал Антон. – Вот это я понимаю, научные страсти.

– Ты пропустил семейный скандал, – меланхолично заметил Мотя.

– А много ли я потерял в связи с этим? – спросил Антон.

– Только приобрел, – честно признался я.

– А ты, дорогой брат, – очень скептически заметила мне Дина, – хрен чего приобретешь, пока будешь таким подкаблучником. Ладно, пошли, Антон, мне еще сегодня над рефератом работать. – Она значительно посмотрела на Машу, и в этом взгляде читалась вся полнота презрения физика к гуманитариям.

Строго как в анекдоте: «А что считают по этому поводу гуманитарии, меня не волнует. Они и считать-то не умеют».

Лысоватый муж и спортивный любовник

Антон с Диной ушли, Маша подмела осколки бокала, и, расслабившись, мы болтали о всякой ерунде. Мотя начал рассказывать, как в одном бутике произошла забавная история. Я тут же посмотрел на финдиректрису. Оля сохраняла полную невозмутимость. Как сфинкс. Значит, история случилась не с ней или она и вправду сфинкс.

Звучит она так. В бутик приходит женщина лет тридцати. Модная, ухоженная, уверенная в себе. За ней плетется лысоватый неспортивный человек лет пятидесяти с золотыми часами на руке. Обручальные кольца у них одинаковые. Значит, муж. Выражение лица, как и должно быть у мужа в магазине женской одежды, скучающее и слегка настороженное. Женщина выбирает самое дорогое платье, долго примеряет его и постепенно начинает стонать от удовольствия. Муж быстро устаёт от стонов и покупает это платье, тихо присвистнув от цены в три тысячи долларов.

На следующий день эта женщина приходит с совершенно другим мужчиной. Молодым, спортивным, отлично одетым. Тоже, кстати, с обручальным кольцом. Но с другим. Любовник. Женщина берет точно такое же платье, как она купила вчера, и опять начинает его мерить. Продавцы – дисциплинированные люди. Вида не подают. Женщина снова начинает стонать от вожделения. На этот раз громче и убедительней. Мужчина долго колеблется, но в конце концов и он отваливает три штуки. Женщина, преисполненная благодарности, целует его в губы.

На третий день эта женщина приходит в бутик в третий раз. Одна. И сдает одно из двух платьев. Получает три тысячи долларов на руки и уходит.

– И что? – спросил я, не очень врубаясь.

– Как что? Муж уверен, что платье купил муж. Любовник убежден, что любовник. А у женщины на руках три штуки и шикарное платье.

Мы с Мотей посмеялись, не удержавшись от некоторых обобщений.

За все это время финдиректриса не произнесла и пяти предложений, хотя я заметил, что удостоился с ее стороны двух или трех очень внимательных взглядов. Особенных. Оценивающих. Женских.

Наступил вечер. Маша засобиравалась домой. К Герману. Опять. Мне стало тоскливо, но мы тут же договорились завтра, в воскресенье, утром опять увидеться. Причем Маша обещала, что мы проведем вместе целый день, до вечера, поэтому я немного успокоился. Финдиректриса предложила ее подбросить – она была на машине. А мы с Матвеем решили сходить в казино. Развеемся. В подпольное, разумеется, так как легальных казино в Москве уже давно нет.

Конец девятнадцатой главы

Глава двадцатая

Подпольное казино с жирными свиньями

Мотя знал адрес самого крутого подпольного казино в Москве. Оно находилось в подвале огромного торгового центра на «Киевской». И тоже оказалось огромным.

– Как они ухитряются держать такое огромное место в тайне?

– От кого в тайне? – не понял Мотя. – Они платят ментам.

– Ну, кроме ментов есть другие силовые структуры.

– Не волнуйся за них. Они всем платят. И крыша у них кавказская.

После легкого (ненавязчивого?) фейс-контроля мы прошли внутрь по мостику, под которым плавали гигантские рыбы. Идея поставить под ноги входящих огромный аквариум меня восхитила, хотя, когда я шел над ним, голова немного кружилась. Все остальное было как в любом обычном казино: шумный звон игровых автоматов, ярко-красные столы и бесплатные напитки.

Я, как и многие мои знакомые, не выигрывал в казино практически никогда. Или, скажем, выигрывал очень редко. Но сейчас дела как будто налаживались, и я шел в казино с открытым сердцем.

Немедленно проиграв входные фишки, мы огляделись по сторонам. Все как всегда: немного натурализирующихся вьетнамцев, немного цивилизующихся бандитов, немного профессиональных игроков, немного командировочных и гостей столицы, провинциальные прокурорши и раздолбаи среднего класса, вроде нас с Матвеем. А в итоге такая толпа, что к столикам не пробиться.

Мы пошли играть в покер. Все было как положено. Через полчаса я разменял вторую сотню, потом мне начало везти, и я получил флэш с раздачи. Еще через час везти перестало, и я разменял третью сотню. Матвей, которого за это время успешно раздели на семьсот долларов на рулетке, на пятьсот в блек-джек и на несколько тысяч рублей в автоматы, засобирался домой, матеря свою судьбу в целом и это казино в частности.

– Матвей, – сказал я, – ты же знаешь. Чтобы выигрывать в казино, надо стать его владельцем.

– Нет, – сказал Матвей. – Просто сегодня я изменил системе.

Меня всегда забавляли люди, играющие в казино по какой-нибудь системе.

– Матвей! Система может быть только одна – очень радоваться редким выигрышам и плевать на обычные проигрыши.

– А зачем тогда ты сюда пошел?

– Развлечься. Поиграть с судьбой на небольшие деньги. Получить за проигрыш в игре выигрыш в любви. Проверить интуицию и убедиться, что как ее не было, так и нет и что все предчувствия врут.

– Сурово. А я прихожу, чтобы выигрывать. Нельзя выиграть, если ты психологически настроен на проигрыш. И его ждешь. И с ним смирился еще до начала игры. Надо верить в себя. Чувствовать вдохновение.

Мотины соображения показались мне как банальными, так и спорными. Хотя откуда я знаю, как надо побеждать? Может, правда дело только в настроении? В любом случае, если Мотя повернут на азартных играх и относится к ним с гораздо большим интересом и вниманием, чем к своей работе, то что делать? *Nobody's perfect*. Я махнул Матвею рукой и пересел за рулеточный стол. Не успел шарик сделать первый спин, как я услышал:

– Привет, Иосиф! Сколько лет!!

Я повернул голову. Рядом со мной сидела жирная свинья с заплывшими глазками, обвисшими щеками и светлыми щетинистыми волосами. Свинью звали Сергей Стариков. Он некоторое время работал со мной в *PR Technologies*. Его обязанностью был поиск новых клиентов. Как человек с такой внешностью мог искать клиентов, я до сих пор не могу понять.

Кроме специфической внешности, у него была еще одна раздражающая особенность: тяга к патологическому вранью. Целью этого вранья было на самый короткий срок резко повысить значимость Старикова в глазах его собеседников. Я в свое время выслушивал истории про полученный Стариковым в Гарварде MBA, про папу – одного из высших чинов ФСБ, который может стать бесплатно нашей крышей, про брата – очень богатого инвестора, который уже готов купить двадцать пять процентов акций *PR Technologies* за миллион долларов.

Я несколько раз покупался на этот бред, потому что у меня в голове не укладывалось, зачем врать так бессмысленно и краткосрочно. Какая-то наркотическая страсть к мгновенно возникающему уважению...

Полгода назад Крыса его уволила. Это случилось, когда он пообещал (слава богу, устно) небольшой туристической компании, что о ней покажут сорокапятисекундный сюжет на Первом канале в девятичасовой программе «Время».

Старикова было не жалко, и спорить я не стал. Просто заметил в присутствии оставшихся сотрудниц, что свинья с крысой не смогли найти общий язык. Потом я вспомнил и рассказал девушкам анекдот про кошечку с собачкой^[5], и на этом история с увольнением Старикова закончилась.

Но сегодня у меня было такое радужное настроение, что я обрадовался даже Старикову. Тем более что Матвей ушел, а я не люблю играть один. Стариков попытался занять у меня двадцать долларов, но был твердо послан – у меня было всего сто своих.

Он ничуть не обиделся. Просто сидел, пуча на меня свои маленькие глазки и изображая, что очень за меня болеет, к слову крайне фальшиво. Но фальшь меня не покорила, потому что именно с его появлением мне начало везти. Я просто ради прикола поставил вместо обычных двух долларов целых десять на номер и угадал. Мне отсчитали 350 долларов.

Еще через десять минут у меня была заветная «таблетка» – переливающаяся перламутром фишка на пятьсот долларов, и я принимал восхищенные поздравления от Старикова.

Таблетка была засунута в карман, на оставшиеся триста с чем-то долларов я продолжил игру, вернувшись за покерный стол. Стариков, естественно, поплелся за мной. Сменяющиеся крупье получали чаевые.

Причем они получали их не в зависимости от выигрыша, а в зависимости от того, совпадало ли имя крупье с его образом. Имена были написаны на больших бейджах, приколотых к груди. Большие чаевые получили Маша и Жанна. Григория и Сергея я не обрадовал. Ольге, которая сдала мне фулл хаус, досталось всего пять долларов: я объяснил, что у моего друга есть любимая девушка Ольга и она не шевелится. (Похоже, виски начал действовать.)

В покере везение продолжалось. Тут уж, конечно, я одолжил Старикову и сто, а когда они кончились, и еще сто пятьдесят, потому что в его присутствии мне явно и совершенно немерено везло.

Услышав *Lady in Black*, единственную песню *Uriah Heep*, которую я люблю по-настоящему, я поднял глаза. На втором этаже начинался стриптиз. На стриптиз мне было плевать, а вот музыка меня завела. Вспомнив о завтрашней утренней встрече с Машей, я вообще решил, что песня эта – пророческая, и немедленно заказал еще виски.

She came to me one morning

One lonely Sunday morning

Her long hair flowing in the midwinter wind

I know not how she found me

For in darkness I was walking

And destruction lay around me

From a fight I could not win.

К этому времени я уже выпил не меньше четырех двойных порций. Выигрыш привел меня к мысли, что раз я сегодня настолько крут, мне пора перейти с виски на коньяк. Мысль была совершенно идиотской, поскольку в этом подпольном казино напитки были бесплатные. Естественно, виски у них был еще терпимый, потому что виски не так

просто испортить, а вот коньяк – просто отвратительный. Мы со Стариковым выпили два по сто коньяку. В обычной обстановке от такого коньяка мне стало бы плохо. А в этот раз мне стало хорошо. По крайней мере, мне так показалось.

Стариков сказал, какое это счастье, что он встретил меня именно сегодня, потому что послезавтра, в понедельник, он встречается с потрясающим клиентом, от которого можно получить заказ на полмиллиона, и не долларов, а евро, что он совершенно на меня не зол за увольнение, потому что все это устроила Крыса, а ко мне он всегда относился с глубоким уважением и почтением.

Я растрогался и предложил в честь нашего примирения выпить шампанского. Нам принесли два фужера. Каким было шампанское, я уже не помню. Все дальнейшее сохранилось в моей памяти какими-то разбитыми стеклянными фрагментами, склеивать которые не стоит.

Сначала мы вернулись на рулетку. Там было как-то не очень. Потом Стариков, взяв все мои фишки, кроме запасливо припрятанной в карман «таблетки», сказал, что ему сегодня везет, и поставил все на черное. Выпало красное. Мы проиграли не меньше четырехсот долларов. Мне это показалось самоуправством, и моя милость начала меняться на гнев. Через некоторое время я обнаружил, что от всего богатства у меня осталось одна стодолларовая фишка. Тогда я начал материть Старикова так зло и громко, что к нам подошли охранники казино и очень вежливо порекомендовали закончить игру и расходиться по домам.

Но мне под хвост попала вожжа – что бывает, когда я напиваюсь. Я сказал Старикову:

– Вот теперь, козел, ты будешь отвечать за базар. Поехали ко мне домой, расскажешь мне про своего клиента на пол-лимона евро, а если соврешь, как всегда, я тебе уши отрежу.

Не то чтобы я собирался резать уши кому бы то ни было, но алкоголь и успешное, пусть и временное, разрешение проблемы с хатами сделали меня каким-то отчаянным. А Стариков позволял мне помыкать собой и выносил все довольно безропотно.

«Блади Мэри» из бумажного пакета

Мы поехали ко мне домой. Дома виски не оказалось, зато я нашел бутылку теплой водки. Я попытался налить водку в начатый пакет с томатным соком, но отверстие под крышкой было слишком мало для того, чтобы я мог туда точно попасть. Я разозлился и прорезал ножом отверстие побольше, долил водку, насыпал перец и соль и сказал, что это «Блади Мэри». Для убедительности я встряхнул пакет. На рубашке у Старикова немедленно образовалась красная клякса, потому что дыра в пакете с соком была широченная. Пятно, судя по виду, относилось к категории невыводимых.

– Рубашка... – начал скулить Стариков.

– Плевать на рубашку! – решительно сказал я, сделал три глотка из пакета – и тут же понял, что «Блади Мэри» течет мощной струей у меня по подбородку. На моей собственной гусарской рубашке, которую мне только что подарила Маша, появилось вытянутое красное пятно.

– Зачем плевать на рубашку? – испугался Стариков.

– Это метафора. Видишь, я сам тут облился. Когда мы разбогатеем, я тебе, подонку, дюжину таких куплю.

Мне показалось, что у меня испортилась дикция, и я решил говорить простыми короткими фразами. Проблема частичного контроля над собой во время опьянения всегда меня интересовала, но сейчас уже не было сил сконцентрироваться на ней.

– А галстук? – подозрительно спросил Стариков. – Он тоже...

– А на галстук я тебя повешу. Если ты меня обманул с клиентом... Пей, ублюдок! Да здравствует мыло душистое И веревка пушистая. – Мне в голову вдруг пришли стихи Генделева.

– Зачем веревка? – не понял и на всякий случай напрягся Стариков.

– Это стихи, идиот! Тебя в твоём университете поэзии обучали?

– Нет, – зло сказал Стариков. – Меня обучали маркетингу.

– Потому что они все свиньи. И ты – свинья. Рыночная.

Все дальнейшее погрузилось в коричневый алкогольный туман. Мы ругались. Стариков говорил, что он крут и прямо сейчас вызовет отца-чекиста, которому я отвечаю за базар. Я заставлял его звонить. Стариков говорил, что у него нет с собой записной книжки.

Я говорил, что если бы у такого ублюдка и вправду существовал отец-чекист, то этот ублюдок должен был бы помнить телефон отца-чекиста наизусть. Стариков, демонстрируя оскорбленную невинность, обещал меня зарезать ночью, пока я сплю, потому что такие оскорбления порядочному человеку снести нельзя.

Я смеялся и говорил, что уже утро (было около пяти) и что я рад знакомству с порядочным человеком, который готов резать спящих. Ножи, если они ему потребуются, – на кухне, но зачем свинье ножи? Говорил, как мне жаль, что он на самом деле свинья, а не баран. Баран мог меня хотя бы забодать! Словом, сцена была отвратительная и антихудожественная. Я, кажется, за всю жизнь не вел себя так гнусно.

Мы допили пакет теплого сока с вином и водкой. Через какое-то время я заметил, что Стариков окончательно отрубился прямо за столом в конфигурации «жизнь удалась». Храпел он при этом, как настоящий боров. Я не переношу храп и потому попытался доползти до постели, но стены вдруг начали скользить в круговом движении. Меня затошнило. Я медленно опустился в полусидячее положение, облокотился на уплывающую стену и заснул.

Поднимайтесь, гражданин!

Я заставил себя открыть глаза от третьего по счету тычка металлической палкой мне в живот. Палка оказалась дулом автомата Калашникова. Принадлежала она менту, одетому по полной выправке, включая бронежилет. За ним стоял второй мент, экипированный сходным образом. Автомат его также был лениво направлен в мою сторону. По квартире ходили какие-то люди.

– Поднимайтесь, гражданин!

– А который час?

Мои губы еле двигались. Повернув голову, я увидел, что полдевятого.

– А что случилось?

– Человека вы убили, вот что случилось! Поднимайтесь побыстрее!

– Что?! – У меня хватило сил только, чтоб покачать справа налево головой. Но отрицательный жест не убедил ментов.

– Гражданин, не валяйте дурака и вставайте! Вы человека убили. Вон и рубашечка-то вся в крови!

Я попытался подняться, опираясь на стену. Кое-как это получилось. Гусарская рубашка действительно была вся вымазана в чем-то красно-буром.

– Руки вперед!

Я вытянул руки, на них моментально очутились наручники. Я сел на стул.

– Я сказал, встать!!!

Мент неожиданно заорал как резаный:

– Сюда иди!

Я вышел в прихожую. Там толпились какие-то люди. При моем появлении они расступились. На полу лежало тело, на которое был небрежно наброшен длинный черный мешок с молнией. Из-под мешка торчали ноги с квадратными ботинками Старикова. Мент приподнял мешок. У Старикова было очень удивленное выражение лица. Горло было перерезано примерно посередине. Голова была отделена от шеи. Между головой и телом была щель размером с палец.

Я заглянул в щель и увидел там пол моей квартиры. Меня чуть не стошнило.

– Узнаете этого человека?

– Да, – сказал я.

Страшно хотелось, чтоб все исчезло. Снова прислониться к стене и заснуть, и если не прекратить, то хотя бы отложить эту сцену. Хотя бы на пять минут.

– Кто это?

– Сергей Стариков.

– Кем он вам приходится?

На меня молча смотрели какие-то люди. Много незнакомых людей в моей родной квартире. Они все таращились на мою рубашку. Кто-то из них взял в руки мою гитару и проверил, настроена ли она. Голова болела фантастически. Очень хотелось пить.

– Это мой... знакомый.

Конец двадцатой главы

Глава двадцать первая

Похмельная круговая кинопанорама

Совершенно неожиданно для самого себя я стал центром съемки головокружительного фильма ужасов. Иногда мне казалось, что на голове у кого-то другого, какого-то несчастного человека, арестованного ментами в собственной квартире, висит некая мини-камера, а я просто смотрю эту немного жуткую трансляцию. Не могут же такие вещи происходить со мной в самом деле! Хотя трансляция началась явно из моей квартиры.

снимай рубашку пидор гнойный // как же я ее сниму в наручниках // а не ебет снимай сука это же вещдок на экспертизу // она рвется // хуй с ней все пиздец поехали // это не я честное слово не я // ты че правда ебнутый или под дурака работаешь // можно мне позвонить? // из отделения позвонишь последняя пуля в висок адвокату ха ха // ребята я правда не виноват вы мне верите // а нам кстати по хую давай его в обезьянник // хочется пить // следовательно те нальет // хочется курить // здесь не курорт // только бы мама не узнала // на пол садись кресла пока не завезли // сколько еще ждать // сегодня воскресенье // дайте хоть позвонить я заплачу // это к следователю //

Кино кончилось.

Оказавшись на полу обезьянника рядом с двумя малолетними украинскими проститутками, я впал в оцепенение. Они из лучших чувств попытались убедить меня, что если с пропиской у меня все в порядке, то меня вот-вот отпустят. Все еще в тяжелом похмелье, я задремал прямо на полу. Когда я очнулся, девушек уже не было. Верный шанс связаться с цивилизацией был упущен.

Голова раскалывалась от малейшего шума: от шагов, от хлопанья дверью, даже от тихого разговора дежурных между собой. Очередной раз поморщившись от звука, я разобрал в нем свою фамилию. Щелкнул замок обезьянника, и вскоре я уже входил в кабинет следователя, по обстановке очень напоминавший тот, в котором я узнал от Писателя о смерти Лили.

Рубашка от Армани ваша?

Опер был молодой, очень недовольный тем, что его выдернули в воскресенье. Васильковые глаза, пшеничные волосы. Он посмотрел на бумаги, представился оперуполномоченным Игорем Васильевым (и правда – Василек!) и убедился с моих слов, что я – это я, ошибки в определении личности никакой нет.

– Ну, гражданин Мезенин, рассказывайте!

– Можно стакан воды и сигарету? – Я, давно бросивший курить, вдруг понял, что сейчас просто не могу обойтись без сигареты. – И наручники эти...

– Конечно. Располагайтесь как дома!

Если обычно игра бывает в доброго и злого следователя, то мне достался веселый. Он открыл наручники своим ключом, затем налил из стеклянного графина воды в граненый стакан. (Вот ведь классика! Сохранилось еще казенное имущество.) Я поделился впечатлением. Он, протягивая сигарету, усмехнулся:

– Да. Вода хоть из графина, но водопроводная. Нет у полиции денег на минеральную воду.

– А таблетку от головы можно?

– Можно и таблетку. Говорить-то будете?

– Буду. Только дайте что-нибудь от головы.

– Держите, анальгин. Отечественный, ничего?

– Отлично!

Я решил не замечать подколов.

– Вот вы говорите «отлично». А нас в садизме то и дело обвиняют. Мол, у нас тут и ласточки, и слоники, и бейсбольными битами по голове бьют.

Он покосился на стоящую в углу бейсбольную битку. Я подумал, что если спрошу, играет ли он этой битой в бейсбол, то испорчу отношения, которые только-только начали складываться. Опер вошел во вкус и продолжал:

– А я считаю, все зависит от человека. С хорошим человеком отчего по-людски не поговорить? Хотя обычно попадают отморозки. Ну а вы – вы другое дело. Сразу видно – интеллигент. У вас образование высшее?

– Высшее, – подтвердил я.

– Значит, можно понять друг друга, договориться, так ведь?

– Вот именно. Совершенно с вами согласен. Договориться можно. Даже нужно!

– Ну а раз согласны и три ваши просьбы я выполнил, то давайте выполните и вы мою. Одну. Расскажите все как было. Да, и хочу предупредить: у нас с вами никакой не допрос, а просто беседа. Протокола я не веду. Магнитофон не включаю.

– Да ничего, собственно, и не было. Пришли с приятелем из казино. Выпили. Я уснул. Проснулся – в квартире полиция. Приятель лежит на полу с перерезанным горлом.

– А что было во сне, не помните?

– Да не было ничего. Отлично помню, как уснул. Леня было до постели идти, да и сил не было. Поэтому уснул прямо в комнате.

– А приятель ваш?

– Тоже уснул. За столом.

– Ну, значит, вы вашего приятеля во сне и зарезали. Бывает такое. Напьются люди, накуролесят, а потом ничего не помнят. Ничего. Не вы первый, не вы последний. Поработаешь в полиции – и не такого насмотришься. У нас вон восьмидесятилетняя бабка во сне деда своего молотком оприходовала. Насмерть. И тоже ничего не помнила. Склероз у нее. Старческий.

– Так то бабка! У меня склероза нет. Если бы что-то было, я бы помнил.

– Я вам так скажу, гражданин Мезенин. Сегодня воскресенье. Время мне на вас тратить жалко. Помните вы что-нибудь или нет, мне, честно говоря, наплевать. Алкогольное опьянение помните?

– Помню.

– Отлично. Оно и в протоколе зафиксировано. Экспертизу, значит, можно не устраивать. Улик на вас без ваших воспоминаний хватает с головой. Для любого суда. Хоть для Совета Европы. Нож ваш? Ваш. Кровь на нем чья? Покойного. Квартира ваша? Ваша. Кто в ней лежит? Покойный. Рубашка от Армани в крови ваша? Ваша. Кровь на ней чья? То-то! Но вы человек умный. Вы подумайте: если мы сейчас запишем явку с повинной, то это для суда – смягчающее обстоятельство. А может, вы его в состоянии аффекта убили? Тогда вообще можете

вывернуться. Словом, все от вас зависит. На вашем месте я бы хоть что-нибудь да вспомнил.

– Простите, Игорь, а какое у вас звание? А то я даже не знаю, как к вам обращаться.

– Звание у меня – старший лейтенант. Но обращаться ко мне лучше «гражданин начальник». Скоро вам это все в камере объяснят. Если мы не договоримся.

Здесь он усмехнулся людской глупости и тому, что я не понимаю своего счастья.

– Так давайте договариваться! Я, конечно, никого не убивал. Но чтобы не устраивать ни вам, ни мне дополнительные сложности, готов компенсировать вашу работу, так сказать, материально.

– Подкуп сотрудников при исполнении, – глядя в потолок, заметил Василек. – К сожалению, ничего не выйдет, гражданин Мезенин. Я же не просто так в воскресенье приехал. Мне позвонило начальство и попросило уделить вашему делу особое внимание. Особое. Видно, у родственников покойного какие-то связи. Поэтому сделать я ничего не могу. Если бы и захотел. Но я и не хочу. Чисто по-человечески. Он же человек был. Божья тварь. А вы ему – ножом по горлу. Пусть и по пьяни...

– Да не трогал я его!

– Это я уже слышал. Словом, не хотите все вспомнить и косить на аффект – дело ваше. Пытать мы вас не будем. И так улик хватает. Без чистосердечного признания.

Он весело на меня посмотрел и принялся быстро писать. Я попытался придумать что-нибудь еще.

– А позвонить мне можно?

– Нет. Нельзя. Пока я не оформлю протокол задержания. А вы его не подпишете.

И он на меня посмотрел еще веселее.

– А долго его оформлять?

– От вас зависит. Мне еще писанины на полчаса.

– Я не хочу ничего подписывать без адвоката!

– Адвокат вам положен только после задержания. А пока вы тут на птичьих правах. Для неформальной беседы со мной. Вот подпишете протокол, тогда и будут у вас все права задержанного. Переведем вас в ИВС. Там хоть постель есть. Отоспитесь. Адвоката получите. Не

подпишете – будете сидеть в обезьяннике. Для выяснения личности. – Он очень недобро на меня посмотрел. – Я с вами хотел по-хорошему! Но мы ведь можем и по-плохому. Мы можем очень по-плохому!

– Нет. Давайте по-хорошему.

– Тогда не мешайте. Мне нужно закончить с вами эту бодягу.

– А если я подпишу, то можно будет позвонить?

– Можно! Когда подпишете.

– А под подписку о невыезде выйти нельзя?

– Гражданин Мезенин! Вы меня достали!

В течение получаса Василек занимался писаниной, задавая мне какие-то формальные вопросы. Потом дал протокол – четыре страницы мелким убористым почерком. Я решил, что больше никогда не повторю ошибки, сделанной мной при подписании бумаги ФФ, и прочту все очень внимательно. В протоколе не было ничего интересного. Там действительно было сказано, что я пьян и ничего не помню. Признания вины не было. Я осторожно подписал каждую страницу, затем прочел и подписал отдельную бумагу. В бумаге говорилось, что по отношению ко мне не применялось никаких мер воздействия и что я подписал протокол совершенно добровольно.

Клевая шутка

– Ну вот, – сказал Василек, просветлев от моей покладистости. – Теперь вы являетесь официально задержанным по подозрению в совершении умышленного убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Статья 105 УК РФ, параграф 2, пункт в, срок наказания от восьми до двадцати лет.

– Что?! В каком состоянии? А это утяжеляет вину?

– Еще как утяжеляет. Так от трех до десяти, а так – от восьми до двадцати. – Василек смотрел на меня уже не просто весело. Взгляд его был озорным, как будто у него получилась клевая шутка. Я начал понимать, что имел в виду мой дед, когда говорил: «Никогда им не верь. И никогда ни в чем не признавайся. Запомни: не верь и не признавайся! Ни-ко-гда».

Окончательно развеселясь от моего вида, Василек принялся объяснять:

– Вы же сами показали, что он заснул, находясь в состоянии тяжелой алкогольной интоксикации! И что вы понимали, в каком он состоянии.

– Но я был в такой же интоксикации. Она у меня до сих пор не прошла.

– Да. И это также является отягчающим обстоятельством. Да ладно, что там... Советский суд – самый гуманный суд в мире. Он разберется. Я же вам советовал признаться и на аффект косить. Была бы сто седьмая. Со сроком до трех лет. Но поздно. С этого момента вы имеете право требовать себе адвоката, не свидетельствовать против себя и вообще отказаться от дачи показаний.

Я немного расслабился. Я подумал, что зря Василек так пошутил. Я теперь действительно не поверю ни единому их слову, а с отягчающими обстоятельствами мне шьют убийство или со смягчающими – в общем-то, неважно.

– И что со мной будет дальше?

– Вас отведут в ИВС. Изолятор временного содержания. Там вы будете находиться, пока прокурор или судья не дадут санкцию на арест или не изберут другую меру пресечения. Потом СИЗО. Следственный изолятор. Потом – суд, Сибирь. Зона.

Василек приветливо улыбнулся.

– Так позвонить-то можно?

– Звоните. Только недолго.

Я решил, что Антон сейчас в самолете и надо звонить Матвею. Я был уверен, что, раз дела пошли так криво, трубку он не возьмет. Но, слава богу, я ошибся. Значит, все еще не так плохо.

– Мотя, – сказал я, – меня посадили по обвинению в убийстве. Которого я, естественно, не совершал.

– Где ты?

Такого голоса у Матвея на моей памяти не было. Глухой и хриплый.

– Пока в районном отделении. У ментов. Но скоро меня переведут, сам не знаю куда.

– Что надо делать?

– Для начала прийти в себя. Потом выяснить, куда меня поместят, и переслать мне туда необходимые вещи: еду, деньги, сигареты и книги. Срочно найти нормального адвоката. Взять у Крысы двадцать тысяч, которые я успел заработать на ФФ, и распоряжаться ими для моего освобождения.

– О деньгах даже не думай. Сколько надо, столько и будет.

– Отлично. Позвони моей маме, Маше и всем, кому это может быть важно. Говори, что взяли по ошибке, что скоро отпустят.

Мотя, кажется, пришел в себя, повторил инструкции и сказал, чтобы я не волновался. Что он разнесет пол-Москвы. Что они все горько пожалеют.

– Да ты сам не волнуйся, – сказал я.

Потом я позвонил Крысе. Василек нетерпеливо поджал губы, взывая к моей совести. Крыса на предложение выдать Матвею деньги отреагировала как-то странно. Она сказала, что подумает. Я спросил, чего тут думать. Она стала нести какую-то чушь, вроде того, что вдруг эти деньги придется вернуть клиенту. Если он вдруг будет недоволен.

Я повысил голос. Она сказала, что постарается, но по голосу ее я понял, что постарается она как раз деньги не отдавать. Это меня очень разозлило.

– Что, проблемы на работе? – посочувствовал Василек.

– Ничего, я разберусь. Что у нас дальше?

Кто не был там, тот будет

Дальше на меня снова надели наручники и отвели в ИВС, который находился не где-нибудь, а прямо здесь же, в РУВД.

Дверь закрылась. Я огляделся. Камера два на три метра. Дверь. Крашенные зеленой краской стены. Привинченная табуретка. Вверху лампочка. Нары с сеткой. Кран с водой прямо над полуразбитым воняющим унитазом. Никакого матраса. Никаких признаков окна. Я начал понимать, что у меня теперь, строго говоря, ничего нет. Ни одежды, ни журнала, ни бумаги с ручкой.

Впрочем, все нары были исписаны каким-то острым предметом. Я почитал тюремный фольклор. Меня почти ничего не зацепило. Разве что: «Кто не был ТАМ, тот будет. Кто был, тот не забудет!»

Я лег на нары и попробовал уснуть. Странно, но заснул я почти сразу. Мне привиделось, что Маша мне говорит: «Это нормально, что ты в тюрьме. Это даже романтично. Каждый должен испытать, что это такое». А я отвечаю: «Тебя послушать, так выйдет, что каждый должен испытать все на свете. В том числе и собственную смерть...»

Я проснулся через несколько часов и понял, что я хочу есть и двигаться. Я начал стучать в дверь. Сначала очень осторожно. Потом сильнее. Когда это не помогло, я стал бить в нее что есть силы. Через пять минут подошел недовольный сержант.

– Че надо?

– Слушай, друг, как тут у вас со жратвой?

– Бабки есть?

– Нет. Мне не дали взять с собой. Сказали, что сразу отпустят.

– Нет бабок – нет жратвы.

– Слушай, но мне привезут. Я тогда отдам.

– Вот привезут – тогда и поговорим.

– Позвони по этому телефону. И все у тебя будет.

Я продиктовал сотовый Моти, и сержант ушел. Через десять минут он вернулся и сказал, что телефон выключен, а его смена кончается.

Я сел на нары и попробовал рассуждать логически. Сначала от разочарования я не мог сосредоточиться, но через некоторое время смог и даже вошел во вкус.

Из рассуждений вытекало следующее:

1. Если я здесь благодаря хатам, то еще не все потеряно. Ведь я жив. (При мысли, что Стариков сейчас лежит в холодном судебном морге, меня пробрал мороз по коже. Теплых чувств я к нему никогда не испытывал, но и смерти не желал.)

2. Если я здесь из-за сумасшедшего стечения обстоятельств, то опять же отчаиваться не стоит. У меня есть друзья и деньги, а убивать я никого не убивал. Правда, Василек говорил про какой-то нож... И рубашка в крови... Надо разобраться. Кто-то ведь его убил? Но Стариков совсем не тот человек, ради которого стоит пачкать руки кровью. Да еще таким количеством крови. (Я поежился, вспомнив огромную лужу на полу и забрызганные кровью обои.) Если только из ревности? Может, Стариков нажрался и решил себе сделать сэппуку? Тогда надо было начинать с живота. А перерезать себе горло на две трети может только хорошо подготовленный самурай.

3. Остается версия, что Старикова убил я сам. Допустим, он полез ко мне, я выхватил нож и убил его. А сейчас ничего не помню. Сильный стресс плюс алкоголь – вытеснение кошмарного воспоминания в подсознание. Тем более Стариков, кажется, обещал меня зарезать. Но это был пьяный бред. Тогда ситуация осложняется до полной катастрофы. К тому же тут вступает в силу фактор родственников Старикова. Болтал же он про папу-чекиста. И Василек говорил, что начальство приказало поставить дело на особый контроль. Зато в этом случае хаты не при делах. Но у меня сроду никаких провалов в памяти не было. Поэтому к этой версии надо относиться скептически.

Подводим баланс: против меня загадочные хаты и московская полиция; за меня отсутствующий в Москве Антон и не очень вменяемый Матвей. Ну и конечно, Маша с мамой, но они мало что могут сделать... В *PR Technologies* зреет измена. Приходится признать, что баланс у меня отрицательный. Как всегда.

В деле уже три смерти: Химик, Лиля и Стариков. Я закрыл глаза и попытался представить себе всех троих. Через минуту я открыл глаза. Стариков в этой последовательности был явно лишним. Может, его в темноте перепутали со мной?

На этой грустной ноте я понял, что свет в камере никогда не погаснет, еды не будет, а кто спит, тот обедает.

Кажется, шел вторник. В камере без окон я утратил чувство астрономического времени. Весь понедельник я провел в ожидании. Адвоката, следователя, сержанта, Матвея – хоть кого-нибудь. Не было ни единой души. Ко мне никого не подсаживали. Я утратил покой и вместе с ним способность рассуждать разумно. Я реагировал на каждый шаг в коридоре. Менты – наоборот – на меня не реагировали. Я даже не мог объявить голодовку в знак протеста. Меня не кормили. На мои просьбы о хлебе менты многозначительно молчали. Я стал психовать. Где Матвей? Может, они с ним тоже что-то сделали?! А мама? Каково сейчас ей?

Голод, замкнутое пространство, никогда не гаснущий свет. Полное игнорирование меня как обитателя Вселенной и гражданина России. Было ясно, что меня прессуют. Но я не мог понять зачем.

Во вторник, когда мне показалось, что уже вечер, я вдруг почувствовал непреодолимое желание оказаться дома. Я стал страшно стучать кулаками в дверь и орать: «Выпустите меня отсюда, суки!! Я требую адвоката!! Вы же сами сказали, что у меня есть право на адвоката!!»

Минут десять никто не реагировал, а потом вошли два мента с дубинками и хорошенько по мне прошлись, негромко матерясь и объясняя, что научат меня правильному поведению. Били сильно, но не зло. Как будто выбивали ковер. Потом они ушли.

У меня начали болеть почки и не было сил пошевелиться. Я лежал и скулил: «Суки, суки». Из глаз текли слезы. Было очень больно. Так кончился вторник. Я почувствовал, что начинаю сходить с ума. От тюремной романтики не осталось и следа.

Хорошо, что в наше время не расстреливают

В среду с утра распахнулась дверь камеры и меня отвели к Васильку. Все тело ныло, и я еле дошел. Василек не смотрел мне в глаза. Просто сказал сухо:

– Вот постановление прокурора о вашем аресте. Подпишите, что ознакомлены.

– А адвокат? Вы же обещали адв...

– В СИЗО у вас будет адвокат.

– Не буду ничего подписывать больше. Не буду!!!

– Не надо на меня орать. А то... – И он выразительно оглянулся на битю.

Я немедленно заткнулся, вспомнив, чем закончилась вчерашняя истерика. Но, очевидно, Васильку моя подпись была на фиг не нужна. Меня увели, но не в камеру, а во внутренний дворик. «Хорошо, что в наше время не расстреливают, – подумал я. – По крайней мере, вот так сразу».

Во дворике стоял немного переделанный уазик. С решетками на непрозрачных закрасенных окнах. Меня посадили в него, точнее воткнули, потому что в кузов набилось уже не менее пятнадцати человек. Примерно таких же небритых, грязных и вонючих, как я. Почти у всех были баулы. Я был налегке. Поскольку двери не закрывались, мент снаружи давил на них всем телом, а потом грохнул с разбега ногой. Я был как раз под самой дверью.

Дверь вмяла мои ребра и защелкнулась. Мы поехали. В дороге у одного наркомана началась ломка, и его стало рвать. В машине не было ни единой щелки для воздуха; запах и жара превратили ее в настоящую фашистскую душегубку.

Перекличка, сборка, растасовка

Доехав до тюрьмы, мы испытали такое облегчение, как будто нас выпустили на свободу. Можно было хотя бы дышать. Началась перекличка. Среди нас – половина выходцев из Кавказа и Закавказья. Их фамилии менты перевирают, а они в большинстве своем по-русски говорят плохо и своих фамилий не узнают.

После переключки – сборка. Сортировочная камера размером со школьный класс, а народу в ней – за сто человек. Концентрация – как в поезде метро в час пик. Вентиляции нет. Многие курят. Кто-то, нагнувшись, жжет тряпки и варит чифирь в алюминиевой кружке. Комнату быстро завлакивает дымом. Фантасмагорическая картина.

И это длится пять часов. Пять часов в тесноте без воздуха. Когда люди в этом аду пытались курить, их зажигалки не загорались от отсутствия кислорода. Наконец группами по двадцать человек начали вызывать на шмон.

Я вспомнил, как Аркан рассказывал, что это название происходит от цифры восемь – времени утреннего обыска в камере. Поверить в то, что с Арканом, Аней и поездкой в Эйлат я попрощался меньше недели назад, было совершенно невозможно.

Шмон. Освященная комната. Огромный цинковый стол. На него вываливают все содержимое баулов. Вещи смешиваются, заключенные орут друг на друга. У меня вещей не было, я стоял в углу и с ужасом смотрел на все это.

Вдруг команда: «Всем раздеться. Трусы и носки – снять! Догола!» Люди начали раздеваться. Хотя трое из шести обыскивающих – женщины. Я разделся одним из последних, когда одна из шмонщиц заорала на меня. Одежду швыряют на пол, и все ходят по ней ногами.

Затем нас построили в очередь, и начался досмотр. Я подумал, что серные ванны в аду – это плод фантазии средневековых мистиков. А вот досмотр в «Матросской Тишине» голых мужиков у которых сплошные синяки, язвы, накладки, расчески, нарывы, – это и есть настоящий ад.

Еще через полчаса нам разрешили поднять с пола наши вещи и одеться. Нас повели «катать пальцы» или «играть на рояле». Здравствуй, феня. Потом – фотографирование. Старое раздолбанное кресло. Фиксируется в двух положениях. Фотограф набирает пластмассовые буквы твоей фамилии на планшете.

Затем – медосмотр. Маленькая камера, не больше вагонного купе, разделенная решеткой. Врач – за решеткой. Ты – внутри.

Здесь я по-настоящему испугался. Иглы гигантского размера, которыми у меня собирались взять кровь, были использованы несколько раз. А может, и несколько десятков раз. На всех были капли застывшей крови. Понаблюдав минуту, я убедился, что это так и есть –

использованные иглы без ложной стыдливости бросают в ту же кювету, из которой их берут. Я в ужасе протянул руку через решетку, посмотрел, как игла входит в мою вену, и подумал, что сейчас меня заражают СПИДом под видом проверки, не болен ли я им.

Игла вошла под кожу. Я взвыл от сумасшедшей боли: от многократного применения одноразовые иглы тупятся.

После медосмотра нас вернули на сборку, и я в первый раз получил в руки еду. Точнее, как бы еду. Треть буханки черного хлеба. Плохо пропеченного. Но после трех дней голодания вкус у него был как у шипящего сочного стейка. Слава богу, холодной воды было сколько хочешь.

Опытные люди сказали, что до утра растасовки, то есть разводки по камерам, не будет, и я, увидев освободившийся угол, немедленно в него залег и свернулся калачиком. Прямо на кафельном полу, без намека на матрас, одеяло или простыню. Тело после вчерашних побоев ныло, но за день я уже к этому привык.

Утром нас разбили на группы и повели по камерам. Несколько километров нескончаемых коридоров. Мы шли минут тридцать. Меня еще вчера предупредили, что, войдя в камеру, нужно сказать: «Здорово, бродяги!», а в остальном феней щеголять не стоит, поскольку авторитеты не любят «наблатыканных». Говорить надо спокойно и сдержанно. Не умничать.

Я вошел в камеру, сказал: «Здорово, бродяги!» – и задохнулся.

Конец двадцать первой главы

Глава двадцать вторая

Кумовья абвера

Первое впечатление, которое производит общая камера, – отсутствие воздуха в его привычном понимании. Четыре ряда двухъярусных нар – шконок, на которых и между которыми в полутьме роится масса полуголых мужчин. Температура – не меньше сорока градусов. Вентиляции никакой. Ощущение, что попал в русскую баню, где вместо эвкалиптового раствора и пива на раскаленные камни льют концентрированную смесь соответствующих запахов – пота, дешевого табака, подгоревшей пищи, жженных тряпок, говна и чего-то еще, недоступного моему обонянию (ртутная мазь? язвы?). Потом я выяснил, что в нашей камере сто семнадцать человек на шестьдесят квадратных метров. И это не предел.

Вся камера в проводах и веревках. Вместо стен и дверей – ветхие простыни и полотенца пытаются создать иллюзию уединения.

И это место кто-то называет родным домом?! Но здесь же даже сесть некуда! И спят здесь, судя по всему, по очереди. Я посмотрел на полусгнившие матрасы. Осторожно потрогал один. Он был влажный и липкий.

«Ну что, мил-человек, проходи к Смотрящему!» – сказал мне кто-то, и меня повели в правый дальний угол камеры за простыню. Я оказался перед столом, накрытым клеенкой, сделанной из полиэтиленовых пакетов. На стенах висели книжные полки, склеенные из сигаретных пачек, причем книг на них было много. (Еще пробираясь между шконками, я вздрогнул, когда увидел двухметрового, бритого наголо монстра в татуировках с ног до головы, который с тупым и зверским выражением лица читал «Гарри Поттера». Наверно, «Узника Азкабана».) В красном углу стояли маленький холодильник и черно-белый телевизор.

Меня подробно и внимательно расспросили. Задавали вопросы двое: смотрящий по камере – выдавший виды мужик лет шестидесяти, еще крепкий, коренастый, с несколькими золотыми коронками и одной короной, вытатуированной на руке. Он был одет в футбольную форму

сборной России. Сказал, что называть его надо Танком или Смотрящим. Второго расспрашивающего звали Поддержка (это оказалось и звание, и погоняло). Поддержка выглядел лет на пятьдесят. Он был в полном смысле слова лишен особых примет. Лицо, которое забывается еще до того, как ты от него отвернулся. Одет он был в легкий банный халат.

Вокруг сидело еще несколько зэков, но они в разговор не вмешивались и вопросов не задавали. Спрашивали меня с подчеркнутым уважением и дружелюбием. Статья, которая мне ломилась, была весьма уважаемая. Как сказал Смотрящий, «сто пятая с нежностями» (убийство с отягчающими обстоятельствами). Я рассказал все про себя, умолчав, конечно, о хатской составляющей моей жизни.

Меня покормили, научили мыться (для этого в углу камеры за простыней специальными тряпками отгораживается плотина, кипятильником в ведре нагревается вода, а дальше – тазики, и вперед), помогли постираться (за это отвечают специально обученные люди низкого ранга) и определили вполне достойное место на шконках. Второй этаж, недалеко от Смотрящего. И что самое главное – не сменное. То есть мое личное. Знающие люди сказали, что для первой ходки – лучше не бывает.

В конце дня, в окружении незатихающего гула и возгласов, ворочаясь на влажном матрасе и давя ползающих по чистому телу клопов, я думал, что раз сто семнадцать человек могут разместиться на весьма долгий, а зачастую и неопределенный срок на площади не больше шестидесяти квадратных метров, значит, Лиля права. Она любила говорить, что жизнь имеет разные формы.

Интересно, что некоторые из этих форм расположены всего в ста метрах от обычной жизни. Где ходят трамваи, работают, пьют, отдыхают простые москвичи. Собственно, в километре от того места, где я родился и вырос.

«...В этой зоне барин крутой, сам торчит на шмонах. Кумовья абвера просто волчары. Один старлей хотел Витька ссучить, за это запахло фаловал его в придурки в плеху, шнырем или тушилой. Витек по третьей ходке все еще ходит в пацанах, но он золотой пацан, и быть ему в авторитете на следующем сходняке».

«В живодерке шамовка в норме, мандра и рассыпуха завсегда в гараже. Как заварганим грузинским веником! Имеем и дурь женатую, и косячок. Санитары дыбают на цирлах перед главным и другими коновалами, чтобы не шуранули на биржу...»

Я слушал и удивлялся, что я почти все понимаю. Правда, в рамках контекста. Как же криминализировалось современное русское языковое сознание, если мне, человеку, который еще недавно был далек от преступного мира, настолько понятна феня. Она же – блатная музыка. Она же – рыбий язык. Она же – стук по блату.

Женщины в тюрьме – особенная тема. Зэки врут про них страшно. Только в нашей камере как минимум пятнадцать человек успели рассказать, каких именно звезд шоу-бизнеса они лично трахали и почем (деньги, кольца, автомобили, дома, яхты). Самое удивительное, что все остальные безоговорочно верят. Или делают вид. Когда чья-нибудь телка появляется по ящику, по камере идет общий крик: «Вован! Иди сюда! Твоя пизда поет!»

Настоящий секс – с петухами – происходит обычно ночью, тихо, под одеялом. Петухов поставляет мамка – старший петух в камере. И за них надо платить. Деньгами, чаем или сигаретами. И об этом тоже все договариваются вполголоса.

Одиночка

- Задержанный Мезенин!
- Я!
- Выдергивайся...
- Как, гражданин начальник?
- Слегка.

За восемь неполных дней в СИЗО я выяснил, что вызывают из камеры «слегка» (следователь, адвокат, свидание – все внутри тюрьмы), «по сезону» (суд, РУВД, следственный эксперимент – в общем, поездка), «с вещами» (другая хата, другая зона, свобода).

- Руки за спину, лицом к стене!

(Это не унижение, это – формальность. Дальше легкое движение рук над телом, имитирующее обыск: зачем вертухая лишние вши и клопы?)

- Руки за спиной. На два шага впереди шагом марш!

Наручники не надели. Хороший признак. Опять километры еле освещенных коридоров. Лестницы, камеры, решетчатые двери. По дороге встречаются тележки с баландой, другие подконвойные с вертухаями, какую-то хату в полном составе ведут мыться: они громко и радостно топают, а мы ждем, пока колонна пройдет, – словом, тюрьма живет своей жизнью. А я с удовольствием оглядываюсь по сторонам, набираюсь свежего (ну, относительно свежего) воздуха и свежих впечатлений.

- Куда идем-то, гражданин начальник?
- За кудыкину гору. Пришли. Стой!

Щелкает дверь. Я захожу в камеру. Маленькую, пустую (только раковина и одна шконка), довольно чистую.

- За что мне одиночку, начальник?

Дверь захлопнулась без ответа. Я присел на нары.

Яркие тюремные сны

К этому времени я почувствовал, что начинаю привыкать к тюрьме. Атмосфера, наэлектризованная жарой и сотней сложных изломанных душ, перестала восприниматься мной как взрывоопасная.

Меня угнетало два обстоятельства: полное отсутствие известий с воли и вынужденное безделье. Опытные люди объяснили мне, что на допросы здесь вызывают редко, особенно в случае простых дел, а свиданий чаще чем раз в месяц не дают. Впрочем, это не объясняло отсутствия передач. И отсутствия адвоката.

С бездельем я боролся, как все, – общался, играл в шахматы, нарды и пытался читать. Камерная библиотека предлагала достойный выбор: от Акунина до Якобсона. Меня только удивило бесчисленное количество разных гадательных пособий – сонники, руководства по хиромантии, гадание на картах.

Оказалось, что заключенные – народ суеверный, но при этом предсказаний требуют конкретных: когда будет суд, какой срок впаяют, на какой зоне валандаться и все такое. Особенной популярностью пользуется трактовка снов. Спят в тюрьме много. Сны видят яркие. Меня, как человека образованного, несколько раз спрашивали, что означают те или иные сны, но я, убедившись, что расплывчатые ответы не принимаются, а за конкретный базар потом придется отвечать, тактично уклонялся от ответа.

Тем не менее окончательное имя я получил «Пророк». Не погоняло, которое выдавалось только блатным, а просто кличку. Это случилось на второй день после того, как я растолковал какой-то фрейдистский сон Поддержки, где ему приходилось чистить тупым перочинным ножиком кровавые огурцы.

Первая, не приставшая ко мне, кликуха была Музыкант. Еще во время изначальной беседы со Смотрящим я на вопрос, какие у меня есть таланты, не подумав, указал на гитару. Я сыграл, как умел, несколько рок-композиций, отказался петь Лепса, Круга, Шуфутинского, сославшись на незнание слов и музыки. На вопрос, какие же песни знаю, сказал, что в основном иностранные. Спел *Love Street* (одна из немногих песен *Doors*, которые можно петь, не имея нормального голоса).

Послушав забойный ритм:

She lives on love street,

Lingers long on love street

She has a house and garden,

I would like to see what happens, —

народ немного повеселел, но я тут же был ревниво уличен Фонарем, главным гитаристом камеры, в непатриотизме. Тогда я спел «Баньку» Высоцкого, уточнил, что могу еще Розенбаума и Утесова, а потом передал Фонарю гитару, не желая создавать конфликт, и пошел разговаривать с руководством дальше.

Фонарь тут же продолжил выдавать современный блатной репертуар, воспроизводя, по сути, плейлист радио «Шансон». К сожалению, за несколько дней я убедился, что настоящая тюремная лирика исчезла – по крайней мере в этой камере. Оригинальных тюремных песен, самодельных, наивных и неумелых, я не услышал ни разу и понял, что сегодняшняя тюремная музыка пишется в студиях, а не в камерах. Когда меня переименовали из Музыканта в Пророка, Фонарь заметно повеселел.

Я попытался понять, зачем меня привели в новую камеру, кто это придумал, что из этого следует. Камера была крошечная, не больше пяти квадратных метров, ровно половину ее занимала железная, довольно аккуратно застеленная кровать. В углу, задрапированном какой-то совершенно не тюремной ситцевой занавеской, спрятались унитаз и раковина. Никаких адских запахов подгоревшей еды вперемешку с туалетной вонью. В этой камере просто ничем не пахло, что для тюрьмы довольно необычно.

Я еще раз оглядел пространство, крайне ограниченное белыми шершавыми стенами с трех сторон и обычной железной тюремной дверью с окошком с четвертой. Понял, что впервые за довольно длительное время оказался в полном одиночестве.

Вытянулся в полный рост. Расправил руки. Сразу почувствовал себя бодрее и уверенней. И оценил свалившуюся на меня тишину, еще более поразительную, чем отсутствие запахов.

Итак, меня пересадили в одиночку. Без малейшего повода с моей стороны. И, естественно, без единой просьбы.

Было очевидно, что тут я лишался относительно нормальной еды, книг, общения, моральной поддержки. С другой стороны, при переводе из камеры в камеру следует команда «с вещами». Но ее точно не было.

Положим, в карцер переводят без вещей, но чистота и какой-то странный казенный уют говорили о том, что это никакой не карцер. В карцере на день шконка поднималась, так что надо было по шестнадцать часов стоять на покрытом пятисантиметровым слоем воды цементном полу. В этой одиночке кровать была без подъемных механизмов, а пол – сухой и чистый. Я попрыгал по нему, потом несколько раз от него отжался, так что мышцы набрались силы и усталости. Но только я сел на кровать, подумывая, не пора ли начать выламываться просто от скуки, как в коридоре послышались шаги, а потом знакомым, сложносоставным низким звуком лязгнул засов, и дверь распахнулась. – Тридцать минут. Будут проблемы – стучите!

Конец двадцать второй главы

Глава двадцать третья

Здравствуй, сестра!

Я не мог поверить своим глазам. В камеру вошла моя сестра Дина. Собственной персоной. Вместо обычных джинсов и чего-то болтающегося сверху она была одета в черный обтягивающий пиджак и черную юбку чуть выше колена. Под пиджаком белела блузка. Я привстал от удивления. Причем непонятно, чему я удивился больше – Дине или ее наряду. Я никогда не видел свою сестру в юбке и колготках. Дверь захлопнулась, лязгнул железный засов.

– Ну, здравствуй, зэк!

– Здравствуй, сестра!

Когда она входила в камеру, мне почудилось движение в мою сторону, как будто она хотела обнять меня, но поскольку на моей памяти мы с сестрой ни разу не обнимались, я не поверил этому полужесту. Просто отодвинулся на кровати и предложил ей сесть рядом. Никаких стульев в камере не было.

– Как ты тут?

– Я – лучше всех. Курорт. Горный воздух. Прекрасная компания. Отличный сервис!

– Выглядишь ты именно так. Я думала, ты зарос, опустился. Пришла тебя морально поддержать. А ты сам тут кого хочешь поддержишь!

– Просто так в правильной хате никого не опускают. Я скорешился с братвой. Оказался нужен обществу. Рассказываю им истории, разгадываю сны. Растолковываю объебон. Обсуждаю деляги. За это моюсь раз в день. И у нас в камере неплохой повар. А что это ты так вырядилась?

– Что такое «объебон» и «деляга»?

– Объебон – обвинительное заключение. Деляга – уголовное дело. Образование у моих сокамерников неполное среднее. Интеллект примерно такой же. Я им нужен.

В этот момент с потолка прямо на колено Дине упала капля. Мы оба подняли головы вверх.

– Конденсат, – уверенно сказал я. – Камера долго стояла пустой, дожидаясь нас с тобой, а тут сразу двое постояльцев. – И я осторожно прикоснулся пальцем к капле на коленке, чтобы стереть ее. Дина почему-то не отбросила мою руку, как сделала бы каждая вторая девушка на ее месте.

У Дины были определенно красивые круглые коленки. Мне как-то особенно нравятся женские ноги в колготках. Я не понимаю, что волшебного тонкие чулки или колготки делают с ними, но что-то точно делают. Манящее и пьянящее. С ростом толщины колготок эффект постепенно пропадает и в лосинах окончательно сходит на нет.

Дина снова подняла голову и опять посмотрела на потолок, вроде как изучая мою версию с конденсатом, чтобы не заметить движение моей ладони рядом со своей ногой. Ее отличало полное пренебрежение к собственной сексуальности, про которую она, уж конечно, знала все. Она не выставляла ее напоказ. Она ее не стеснялась. Она тем более ее не скрывала. Она просто не замечала ее. И в этом не было ни капли фальши. Наоборот. Или я совсем не разбираюсь в женщинах.

Я поймал себя на том, что чуть ли не в первый раз с подросткового возраста интересуюсь сексуальностью собственной сестры. Не то чтобы меня это как-то напугало, но большой радости тоже не вызвало. Правда, я списал эти околоинцестуальные мысли на длительное воздержание и решил гнать их со всей силы.

Паранойя, как и было сказано

С трудом оторвав взгляд от ее коленок, я, помедлив, перевел дыхание и повторил вопрос:

– Здорово, что ты пришла, но чего ты так разоделась?

– Чтоб тебе понравиться. Шутка. Мне сказали, что для разговора с тюремным руководством надо одеться официально, я и оделась. А что, мне не идет?

Я отметил, что Дина в первый раз интересуется тем, как она выглядит, причем, в моей жизни за последнее время случилось столько всего в первый раз, что удивляться уже надоело. Поэтому, не вдаваясь в глубокие размышления, я честно сказал:

– Тебе бы очень пошла настоящая нацистская униформа. Ладно, что там Антон и Мотя?

Дина вздохнула, покачала головой (ну что делать с братом-дегенератом?) и просто сказала:

– Антон еще в Штатах. И возвращаться в ближайшее время не собирается. Из-за вашей истории.

– Понятно. А Мотя?

– Матвей в «Белых Столбах». У него поехала крыша. Белая горячка, судя по всему.

– Боже мой. – Я даже отшатнулся от нее (такое инстинктивное движение в сторону от источника плохих новостей). – Подробности, плиз!

– Да пожалуйста! Антон, как ты помнишь, улетел. Матвей, поговорив с тобой, пришел в ужас и позвал меня. Просто так, для компании. Мы поехали в РУВД. Там нас послали. Для тебя ничего не взяли, сказали, что тебя уже перевезли, а куда – неизвестно. Велели звонить в понедельник в прокуратуру.

– Врали, суки! Я там три дня сидел. Вот все-таки суки менты! Ну вот зачем они так? Жалко было им передачу мне дать?

– Значит, врали. Мотя обзвонил своих людей, но они сказали, что раньше понедельника никто ничего делать не будет. Антон поручил мне встретиться с одним человеком, который мог бы тебе помочь. Но Матвея я с собой взять к нему не могла.

– Я понимаю.

– Матвей психанул. Обматерил меня, бросился в свой «ренджровер», дал по газам и умчался. Я стала звонить ему часа через два. Ни домашний, ни мобильный не отвечали. И так до ночи. Ночью я позвонила в полицию, потом в больницы, потом в справочную о несчастных случаях. Выяснила в конце концов, что он в вытрезвителе. Нажрался где-то в баре. Разбил машину вдребезги. Срубил рекламный щит. Слава богу, без жертв. Когда я приехала в вытрезвитель, у него уже была белая горячка в разгаре. Он орал, что его разговоры прослушивают, мысли читают, что вокруг его шеи обвились двухголовые змеи и ему скоро отрежут голову. Паранойя, как и было сказано.

Как легко я представлял себя на Мотином месте! Я помолчал секунду и выдохнул:

– А знаешь, это все правда!

Дина посмотрела на меня с нескрываемым медицинским интересом и продолжила:

– Менты к тому времени уже вызвали психиатрическую неотложку. Ему вкололи что-то и повезли. Я поехала с ним. Врачи, в отличие от тебя, не поверили в двухголовых змей и поставили диагноз «белая горячка» – «деменция трименс». С параноидальным синдромом.

– *Delirium tremens.*

– Да. Неважно. Его положили. Я дала врачам денег. Чтоб ухаживали по-человечески. Его перевели в нормальную палату для VIP-алкоголиков. И по тебе мы начали кое-что делать. Как видишь. Антон тебе передал письмо. С оказией. Настоящее письмо. Электронным он теперь не доверяет.

«Или не хочет сообщать тебе свой тайный адрес», – подумал я, но, разумеется, говорить этого не стал.

Дина вытащила из сумочки и протянула мне белый конверт. И на пару секунд, когда конверт был одновременно и в ее руках, и в моих, я почувствовал какую-то быструю шероховатую бумажную пульсацию в пальцах. Так бешено билось сердце у канарейки Химика, когда я как-то взял ее в руки. Я держал успокоившийся конверт в руках, но раскрывать его не торопился.

– Как сейчас Мотя?

– Говорят, что лучше. Спит по двадцать часов. Но когда просыпается, плачет. Утверждает, что он во всем виноват, потому что ушел из казино и оставил тебя одного.

– Говорят? Ты что, там не была?!

– Была позавчера. Меня не пустили в палату.

– Тебя куда-то не пустили? С ума сойти.

– Там специальный режим.

Я взял конверт и развернул. Триста долларов купюрами по десять. Очень умно. Спасибо. Дина не отрываясь смотрела, как я аккуратно раскладываю деньги по карманам, носкам и ботинкам. Мне показалось, что тюремная реальность и необходимость конспирации произвели на нее впечатление. Потом я взял записку. Почерк Антона. Крупный, круглый, очень плохо читаемый.

*Держись! Ни в чем не признавайся. Я делаю все, что могу.
Матвей поправляется. Передай мне с Диной записку.*

Твой Антон.

– Хорошо. Я все понял. А как ты сюда попала?

– У нас есть связи.

И она обвела глазами вокруг, чтобы я не ставил подслушивающих нас людей в щекотливое положение.

– Хм-м... Молодец! В тюрьме не принято отвечать однозначно. Ты здесь не пропадешь, если что.

Она усмехнулась. Я сменил тему:

– Ты не знаешь, как там Маша и мама?

– Носятся по адвокатам, которые уже слупили с них порядком денег. Эффекта, как видишь, нет.

Мне не понравилось слово «носятся». Когда Маша бралась за дело, обычно можно было не волноваться. Лучше, чем она, сделать его никто не мог. Тем не менее эффекта действительно не было. Пока. Дина же традиционно недолюбливала Машу.

– Ты, кстати, не знаешь, почему ко мне не пускают адвокатов?

– Твоему делу присвоен статус ОК. Что означает «особый контроль». Интересно, чем это ты его заслужил?

– Двухголовыми змеями и отрезанными головами. Но не в камере же об этом рассказывать.

Она спокойно восприняла отказ. Слишком спокойно, как будто не ожидала услышать ничего другого. Я вдруг сел на измену. Говорил ли с ней о нашем деле Антон? А не вовлечена ли сама Дина каким-то образом во все это безумие?

– А может... – Мне пришла в голову дикая мысль. – Дина, а может, и ты оттуда? Калипсол, Дейр-эль-Бахри, одиночество, 222461215?

Я на всякий случай дословно воспроизвел текст Лили. Вдруг это пароль?

– Сам ты оттуда. У тебя жара нет?

И она прикоснулась холодной ладонью к моему довольно горячему лбу. Я вздрогнул. Эта забота о моем здоровье была первым проявлением чего-то человеческого со стороны моей сестры.

– Да, – спросил я напоследок, – а ты не знаешь, что там с Крысой? Матвей должен был взять у нее денег.

– Знаю. Матвей ей не успел позвонить. А Антон с ней говорил. Она послала его и сказала, что не понимает, о каких деньгах вообще идет

речь. Похоже, она тебя кидает. Там много денег?

– Тысяч двадцать. Но не в деньгах дело. Это же моя работа. Мое агентство. Я в тюрьме. А она...

– Освободись сначала. Потом разберешься.

Я решил, что пора писать записку Антону. Дина дала мне бумагу и ручку.

Я написал, что держусь, благодарю его и чтоб он меня вытаскивал. Попросил передать всем-всем-всем, что у меня все о'кей. «Всех-всех» подчеркнул.

Антон догадается.

В ту секунду, когда она убираала записку в сумочку, в дверь дважды стукнули, а еще секунд через двадцать она открылась.

Вуайеризм

Вертухай смотрел на меня восхищенными глазами. Он явно мне завидовал. Мне показалось, что на его потном лбу даже прыщи разбухли от вуайеристского перевозбуждения. Двадцать секунд между стуком и входом, вероятно, полагались нам на то, чтобы мы привели себя в порядок. Я усмехнулся над его богатым воображением. Знал бы он, что эта красавица с круглыми коленками – моя сестра. Дина поднялась, посмотрев испытующе на прыщавого конвойного. Я поднялся вслед за нею.

– Ладно. Я пошла. Будь здоров.

– Пока, сестричка! Спасибо за все.

И тут прямо на глазах у вертухая она сделала полшага ко мне, обняла и поцеловала в губы. Причем как! Это не было простым соприкосновением губ с губами. Ее язык быстро и уверенно раздвинул мои губы (и коснулся моего языка?), после чего она чуть отстранилась, кивнула и вышла не оглядываясь.

Я сел на кровать и попытался собраться с чувствами. Сердце разгоняло по телу какую-то пульсирующую тяжесть. На всякий случай я сделал несколько глубоких вдохов и несколько раз отжался от пола.

За этим занятием меня застал другой вертухай, который повел меня в камеру. У меня было ощущение, что я иду домой. Домой! Я читал, что стокгольмский синдром случается не только у заложников, но и у любых репрессированных, в том числе и заключенных. Что-то в этом духе происходило и со мной, если за неделю я стал считать камеру СИЗО на сто семнадцать человек домом. Я вернулся в камеру, молча отстегнул десять процентов денег в общак, получив одобрителный взгляд Смотрящего, и лег на шконку. Видя, что я не в духе, меня оставили в покое, хотя вернувшихся было принято заваливать вопросами.

Конец двадцать третьей главы

Глава двадцать четвертая

Вкатишь мне в буру или нет?

В одном из углов камеры бурлила жизнь. Фонарь, долговязый прибалтненый, показывал фокусы с колодой, которая воздушным веером переходила из одной руки в другую, затем, извиваясь змеей, уходила в сторону, а потом, поменяв неуловимо движение на обратное, возвращалась. Я лежал и лениво наблюдал за процессом. Фонарь уловил мой взгляд и волнистыми движениями парусника, идущего галсами по узкому проливу, подплыл ко мне.

– Пророк, предскажи! Вкатишь^[6] мне в буру или нет?

– Вкачу, если стану играть. Но не вкачу, потому что не стану.

– А если без кляуз^[7]?

– Я не играю в буру!

– А во что играешь?

– Вообще не играю!

– Пророк, зачем пургу гонишь! Ты же бухтел, что тебя после казино замели. Что же ты, с беспонтовыми фраерами бился, а с нами тебе запахло? А прописку тебе, кстати, оформили?

Я похолодел. Мое сердце опустилось сильно ниже диафрагмы. Прописки – этого рудимента первобытно-общинных инициаций – я боялся страшно. Необходимость прыгать с третьей шконки на расставленные шахматные фигуры, чтоб доказать собственную смелость, или колоть себе ножом глаз со всей силы в надежде, что кто-то успеет подставить перед глазом книжку, меня категорически не устраивала. Но еще на сборке мне сказали, что после тридцати не прописывают. Я успокоился. Когда прошли первые дни, я забыл и думать о прописке. Теперь Фонарь поднял эту тему. Я с надеждой посмотрел на Танка – сейчас все было в его власти. Танк, подумав, вмешался:

– Ты, Фонарь, что, не рубишь фишку? Зачем наезжаешь? После тридцати прописка не катит. А ты, Пророк, уважь Фонаря.

Раз вытолкнулся^[8] – покатай^[9] немного. Не на три косточки^[10] играете.

Мне стало ясно, что я попал. Официальную прописку по понятиям мне сделать было нельзя, но отказаться играть в карты после того, как Фонарь сообразил напомнить про казино и Танк вынес свое решение, – невозможно. Отмазки, как в анекдоте про крысу^[11], не было. Единственный способ опротестовать слова Танка – это писать маляву Главному смотрящему по СИЗО. Что значит, во-первых, резко испортить с Танком отношения, во-вторых, получить с высокой вероятностью от Главного отказ. Зачем вышестоящей инстанции отменять решение подчиненного, если никакого беспредела тот не устраивает?

Я понял, что надо срочно привлечь к игре внимание правильных мужиков и блатных (прежде всего Смотрящего с Поддержкой) и добиться максимально честных для меня условий. Мне уже было известно, что обыграть фраера (это я-то фраер? ох, что за жизнь пошла!) в карты – это заслуга для рвущегося к власти приклатненного. А Фонарь очень старался выслужиться и изменить свой статус – стать блатным. Это означало, что он пойдет на все, что допускается в рамках понятий, чтоб меня сделать. И болеть блатные будут за него. Потому что он свой. А я по большому счету чужой.

Раздумывая над всем этим в том молниеносном темпе, который был задан Фонарем, я впервые проклял свою привычку ходить в казино. Было ясно, что если я отделаюсь тремястами долларами, полученными от Дины, и на этом закончу игру, то мне надо благодарить судьбу и Бога.

Дикая скука и дикие развлечения

По нездоровому блеску в глазах Фонаря я понимал, что он готовит яркий спектакль. Народ почуял то же, что и я, и начал подтягиваться. Дикая тюремная скука заставляет выдумывать дикие развлечения. Нас постепенно обступали сокамерники. Фонарь предложил пересесть за дубок (обеденный стол) и нарочито попытался отогнать зрителей, хотя видно было, что внимание это ему весьма приятно.

Мое настроение не внушало мне никакого доверия. Я чувствовал, что хочу проиграть поскорее и отделаться малой кровью, но понимал, что малодушничаяю и что пора менять концепцию. Малый проигрыш повлечет за собой большой с непредсказуемыми последствиями.

Потому что уже – всё. Слишком много напряжения, глаз и эмоций вовлечено в нашу еще не начавшуюся игру. Я посмотрел на Фонаря. Он сосредоточенно мешал карты.

Наконец мне пришла в голову первая разумная мысль. Мне нужен был консультант. Он же секундант. Лучше, чтобы это был не блатной. Блатной будет вынужден отстаивать честь фонаревского мундира. Но при этом мне нужен был человек, который хорошо знает правила и пользуется авторитетом у братвы. Я решил взять инициативу в свои руки.

– Пацаны, – сказал я. – Я здесь без году неделя. Правила знаю плохо. Но живу по понятиям. Мне нужна ваша помощь. Кто готов честно без кидалова помочь?

– Прарок – залатой пацан. Я ему памогу.

Я посмотрел на говорящего. Кличка Коба. Плотный. Рыжеватый. Лицо в оспинах. Глубокие карие глаза. Одет в новый тренировочный костюм, хотя жара такая, что все ходят в трусах. Вчера рассказал мне, что он сын грузинского вора в законе. Мы обменялись с ним адресами, по которым надо сообщить, если с одним из нас что-то случится. Я дал адрес мамы и Маши.

Коба вроде нормальный мужик. Пусть молодой. Но отец мог его многому научить. Хотя воры редко живут со своими сыновьями. Жить с семьей – это не по понятиям. Ладно. Если Коба не будет тормозить, я, может, и отобьюсь. Лучшего секунданта все равно не будет.

– Спасибо, Коба! Расскажи, я могу выбирать игру?

Коба сел рядом со мной.

– Это как ви дагаваритес.

– Договариваемся. Я каждый раз выбираю игру сам. Какую захочу.

– Не катит, – сказал зло Фонарь, не ожидая сопротивления с моей стороны. – Ты мне свой бридж объявишь. И мы будем полдня фишки метать.

– А ты мне сику или деберц. Будешь меня полдня учить.

– Давай так забьемся: раз ты, раз я. Ставку включаем по очереди. Один объявляет ставку, другой игру. Но чтоб без приколов: если пять пацанов эту игру знают – играем. Если нет – ты попал. Очко переходит в зрительный зал.

Камера взорвалась хохотом. Надо было обязательно отшутиться в ответ. Я примерно уловил стилистику местного юмора.

– Вот с твоего очка, Фонарь, и начнем. С двадцати одного.

Моей шутке смеялись больше и громче. Кто-то даже захлопал. Я вообще к своим сильным сторонам всегда относил умение издеваться над людьми. Из-за этого в школе, да и потом, во взрослой жизни, вокруг меня постоянно появлялись ненавидящие меня люди, которых могло бы быть гораздо меньше, если бы я не умел шутить или умел держать язык за зубами.

В тюрьме я вел себя предельно осторожно, потому что, как в любом закрытом сообществе с множеством табу, отношение к словам здесь предельно ответственное. Но сейчас надо было отбиваться.

– За мое очко ты еще ответишь, – сказал покрасневший Фонарь. – Но очко так очко. Моя ставка – пятьдесят баксов. И я банкую.

– Коба, кто должен банковать?

– Сбросьте да туза. И пуст предъявит бабки!

– Не вопрос. Разбей, командир.

Фонарь бросил мне бумажку в пятьдесят долларов, которая была очень похожа на нарисованную. Как я понял за это время, тюрьма – идеальное место для производства и сбыта фальшивых денег, нарисованных вручную. В камерной полутьме понять, что за бумажку подsunул мне Фонарь, было невозможно.

Я решил не нагнетать обстановку и молча разменял ее. Фонарь сдал до туза (туз выпал мне), и игра началась.

Первую игру я выиграл. Вторую тоже. Третью тоже, хотя Фонарь заставил меня играть в сикку, правила которой я знал едва-едва. Потом я заказал покер и проиграл по собственной дури. Потом мы сыграли два круга в буру. Я опять выиграл. У меня было уже не меньше пятисот долларов. Правда, мне все больше и больше казалось, что нарисованных. Фонарь раскраснелся и говорил обиженным голосом, что он играет без кляуз, что фишка не прет и что я его делаю. Как честный человек может делать карточного шулера, жонглирующего в воздухе колодой, я не знал. Поэтому решил сделать паузу.

– Фонарь, – сказал я, – давай договоримся! В долг я играть с тобой не буду. И ты со мной не будешь.

– Ты че, хезишь, я за базар не отвечу?! – И он резко приподнялся над табуреткой.

– Нет, – немного испугался я. – Ответишь, конечно...

Раздоить быка

Я запнулся. Никогда не поймешь, каким словом кого в тюрьме можно обидеть. Особенно когда человек сам хочет обидеться и ищет повода. Но я не готов был верить в долг, исключительно потому, что хотел закончить игру поскорее. Я очень боялся, что меня заставят играть в долг. В том, что Фонарь сейчас поддается, чтобы увеличить ставки, у меня не было и тени сомнения. Его расстроенный голос был фальшив, а один раз он, играя в буру, якобы по ошибке, снес козырную десятку. Для шулера и профессионального игрока ошибка недопустимая. Очевидно, не сделай он этого, партию выиграл бы он.

Но для Фонаря время косить под бешеного психа еще не пришло, поэтому он примирительно сказал:

– Мы с тобой правильные пацаны. Я тебе верю, ты мне веришь.

Коба (да и все вокруг) поняли, чего я опасуюсь. Похоже, я добился их некоторого уважения благодаря тому, что у меня не загорелись глаза от выигрыша и я продолжал сечь фишку. Обычные заключенные при виде такого выигрыша плывут от счастья, тут-то их и подсекают. Чтобы укрепить свой рейтинг, я решил сделать ход конем.

– А пока часть выигрыша я хочу внести в общак. А то мало ли – кончатся бабки, а пацанам грев-то нужен.

С этими словами я сгреб четыре пятидесятидолларовых бумажки (фонаревских, естественно) и передал их Рулевому (кассиру общака). Я надеялся, что это мина замедленного действия. За фальшивые доллары в общаке Фонарь мог ответить не по-детски. Фонарь тут же понял, в чем дело.

– Захарчеванного чувака^[12] строишь?

Он даже не собирался скрывать бешенство.

– Отвали, Фонарь! Когда правильные мужики зону портили?

Неожиданно мне на помощь пришел Смотрящий-Танк.

Настроение в камере постепенно склонялось в мою пользу. Я не слишком радовался, понимая, что по дикой иезуитской логике тюрьмы фальшивые деньги могут повесить и на меня – ведь вложил их в общак я, а не Фонарь, – но тут шанс на отмазку был большой, для такого дела можно было и жаловаться по инстанции.

Фонарь притих, не ожидая наезда со стороны своих. Только что он на глазах у всех собирался раздоить быка. Доставить пацанам удовольствие, а себе славу. А тут бык берет и так формирует общественное мнение (знал бы Фонарь, что такое пиар и где я работаю), что к нему не придерешься. Я решил ковать железо, пока горячо.

– Пацаны, – начал я, – скажите свое слово. У меня других бабок, кроме этих, нет. Поэтому я в долг Фонарю верю. Отыграться ему по всем понятиям дам. Но сам в долги влезать не хочу. Не могу ответить.

Коба, честно выполнявший обязанности секунданта, пришел мне на помощь:

– Слушай, нэ бэспокойся. Никто тэбя в долг играт нэ заставит. Всэ видят, что он тэбе фору дает^[13]. И харашо. А ти играй. Играй сэбе.

Мы продолжили игру. Фонарь взял себя в руки. Играл больше без ахов, вздохов и не пытался вызвать сочувствия. Когда у него кончились деньги, я так же молча отнес еще двести баксов Рулевому.

Звездочка

– Все? – спросил я с тайной надеждой на положительный ответ.

– Нет, – сказал хитро и злобно Фонарь. – Отыгрываться буду.

– В долг? – добрым голосом спросил я.

– Нет! В долг мне после твоего базара биться запаadlo. Камень поставлю. Звездочку^[14].

С этими словами он вытащил блестящий камешек и положил его на дубок. Среди зэков пронесся шепот.

– Коба, – сказал я, – посмотри на него, пожалуйста. А то я в этих делах не рублю.

Коба взял камень, понес его к свету, долго крутил, потом вернулся и пожал плечами.

– Нэ знаю. Па виду – звезда. А так – нэ знаю.

Обстановка накалялась. Коба положил камень на стол. Фонарь молча взял его, затем сгреб пустую водочную бутылку, обвел камнем вокруг горлышка и с чпокающим звуком отделил горлышко от бутылки. Затем протянул мне вторую бутылку и камень. Я взял камень, почувствовав холодок в руке, и повторил жест Фонаря. Второе горлышко отделилось с таким же звуком.

– Дорогой камень, – неожиданно подал голос Танк. – На много тысяч баксов потянет. Чем ты, Пророк, ответишь?

Я очень плохо разбираюсь в драгоценных камнях. Если камень был настоящий, то он стоил много. Очень много. Я покачал его в руке. Вес определить было невозможно. Размер – с крупную горошину. Даже в полутьме камеры он был фантастически красив. Я подошел к свету, чтоб потянуть время. У камня было множество граней. Внутри светились крошечные вкрапления. Я подумал, что искусственный бриллиант так тщательно огранять бы не стали. Тем более вклеивать в него вкрапления. Да и не делают их, кажется, такого размера. А какой-нибудь полудрагоценный камень в жизни не порезал бы толстое бутылочное стекло с такой легкостью. В свое время я купил Маше в Таиланде сапфир весом в полкарата за двести долларов. «Звезда» на вид была раз в двадцать больше. Я слышал, что чем больше размер камня, тем непропорционально выше его цена. Так что этот камень мог стоить и пять, и десять, и пятьдесят тысяч долларов. Откуда такая вещь могла взяться у Фонаря, спрашивать было бесполезно. Пришла пора принимать решение. Я вернулся.

– Нечем мне ответить на такую вещь. Если она настоящая. Потому что баксы, которые мне давал Фонарь, мне не нравятся.

Я поднял несколько бумажек и протянул их желающим посмотреть. Фонарь напрягся.

– Ты скажи, чем ответишь. С баксами Фонаря мы потом разберемся.

В голосе Смотрящего скользило раздражение от моей попытки отмазаться.

– Вот все, что есть. Больше нечем.

Убоярился

Настал звездный час Фонаря. Он поднялся, выгнул грудь и начал говорить. Но хотя его слова относились ко мне, обращался он ко всей камере. Фонарь тоже разбирался в тюремном пиаре.

– Этого мало. Ты пуговичку-то застегнул^[15]. Убоярился^[16]. А как у тебя кровь пойдет носом^[17] против звездочки? Американку^[18] хочу. Жизнь хочу пророческую. А то я его спросил, вкачу я ему или нет. А он ошибся. Сказал, что не вкачу. Плохой Пророк. Беспонтовый.

Мне, уже не в первый раз в СИЗО, вспомнилось «Место встречи изменить нельзя»: «Ты не бойся. Мы тебя не больно убьем. Чик – и ты уже на небесах».

Камера загудела. Некоторые зэки осуждали Фонаря. Блатные пожимали плечами, показывая, что пока все в пределах правил. Фонарь имеет право на отыгрыш, ставка его хороша. Если мне нечем ответить – это мои проблемы. Фонарю нужно наращивать авторитет. Это нормально. Жесткость и бескомпромиссность, а главное – понятия, в рамках которых ситуация пока остается, – базовые ценности в тюрьме. Именно они, а не благородство и *fairplay*. Какое, на хрен, в тюрьме может быть благородство?

Я, не говоря ни слова, кинул взгляд в сторону Смотрящего. Он сочувственно склонил голову.

– Фонарь имеет право откусаться^[19]. Обе ставки приняты.

Сначала раздоить, а потом и завалить

Я почувствовал себя преданным. Меня же здесь так тепло приняли. Обогрели. Поддержали. А сейчас сдают какому-то приклатненному выродку, шулеру. А ведь он, сука, специально ждал этого момента. Что и говорить, делать карьеру на опустившихся бичах – не круто. А вот на Пророке, человеке, который за неделю добился уважения братвы, – гораздо перспективнее. И пойдут малявы по зонам – какой у нас завелся крутой Фонарь, как он быка раздоил, а потом и завалил, и как быть ему за это в скором времени пиковой мастью. Но, черт возьми, все же всё понимают?!

– Коба, – обернулся я, – это не беспредел?!

Коба цокнул языком и сочувственно поднял обе руки над собой.

– Выбирай игру. И играй. Бог тебе паможэт. Если захочэт.

– Хорошо, – сказал я очень мрачно. – Я могу выбрать любую игру, если в нее играют пять пацанов. Так?

– Так, – сказал Фонарь насмешливо.

– Я выбираю шахматы.

Камера зашелестела.

– Не катит, – быстро сказал Фонарь.

– Почему не катит? – медленно и раздумчиво произнес Смотрящий. – Шахматы – благородная игра. Все по понятиям.

Очевидно, ему не улыбалось быть уличенным в беспределе. Шахматы катили. В них играли почти все в камере. И играли хорошо. Избыток свободного времени делал уголовников замечательными шахматистами. Играл в них и сам Фонарь. Я же последний раз играл в шахматы с компьютером года два назад. Шахматы задачу выжить не решали, но давали шанс.

– Да мне по барабану, – подумав, сказал Фонарь. – Я тебя и в шахматы сделаю.

– Возможно, – сказал я. – Но не руками, а головой.

В камере сразу несколько человек присвистнули. Простой наезд Фонаря через ловкость шулерских рук не прокатил. Как я играю в шахматы, никто не знал. Интрига росла.

Коба, возбужденный происходящим, принес доску. Тюремное время, описанное Солженицыным и Шаламовым, когда шахматы делались из

хлеба, прошло. Фигуры были обычные, деревянные, на обычной деревянной доске. Сцена получилась потрясающая: мы с Фонарем сидели за дубком друг напротив друга. Вокруг нас в три яруса нависли со шконок как минимум пятьдесят человек. Для тех, кому не хватило места, в другом углу камеры была расставлена доска, на которой должны были дублироваться наши ходы. Смотрящий и Поддержка сидели чуть поодаль от нас на табуретках. Кто-то притащил вентилятор, потому что было фантастически душно. Последний раз я играл при зрителях во Дворце пионеров лет двадцать назад.

– Кто откроет пасть и чего-нибудь вякнет, будет считаться проигравшим, – внушительно сказал Поддержка. – Люди на свою жизнь играют. И глубокий респект им за это.

Все уважительно промолчали.

– Почему Фонарь-то играет на жизнь? – шепотом спросил я Кобу, расставлявшего фигуры. – Это же я на жизнь играю. А он на какую-то стекляшку.

– Ва-первых, это не стэгляшка, а звезда. Ва-вторых, если он праиграет, то ему тоже нэ жит. Расплатиться за рэмарки^[20] в общаке он нэ сможет. А если выиграэт – все равно алмаз атдаст. Танк его так нэ атпустит. Он жэ видыт, что Фонар шустрит. За твой счет на кривой казе в рай лэзет.

Почему-то это меня приободрило. Какой-то нехристианской радостью. Оказалось, что даже в случае моего проигрыша жизнь у Фонаря слаще не станет.

– Из скольких партий играть будете? – спросил Танк.

– Из одной, – сказал я, зная, что начинаю дела гораздо лучше, чем заканчиваю.

– Ну, с богом!

Цвет разыграли за меня – мне достались черные. Фонарь сыграл e2 – e4. Я – e7 – e5.

Некрасивая партия

Мы быстро разыграли дебют. К шестому ходу я понял, что атаковать Фонарь боится. Видно, почуял, сволочь, ставку. Я навязал размен коней и стал строить атаку на правый фланг. К моему удивлению, Фонарь рокировался направо. Я, просчитав ходы и не увидев никакого

подвоха, рокировался на противоположный фланг, пожертвовал центральной пешкой и за счет этого усилил атаку справа. Фонарь зачем-то решил меня контратаковать, вместо того чтобы побеспокоиться о защите. Еще через ход мой слон устроил совершенно тупую вилку его королю и ладье, съев при этом пешку. В камере зашуршали.

– Цыц! – прикрикнул Поддержка.

Партия получилась некрасивой. Вероятно, из-за напряжения. У меня были качество и атака. У Фонаря – бледный вид и фиолетовые ноги. Он продолжил свою контратаку на мой левый фланг, подтянув туда последнюю ладью и ферзя. Я решил не рисковать, отвел своего ферзя в защиту и постарался навязать обмен. Странно, но Фонарь на обмен согласился.

Я чувствовал себя одноглазым, выигрывающим у Остапа Бендера.

Фонарь продолжал принимать мои обмены, и через несколько ходов на доске почти не осталось фигур. У меня были ладья против его коня и две лишних пешки.

Я решил, что пора кончать эту партию, и двинул левофланговые пешки вперед. Фонарь попытался защищаться конем. Пешки, двигаясь попарно, коня отгоняли. Тогда Фонарь бросил на помощь коню короля. Королю было далековато идти. Я двинул правофланговые пешки, угрожая теперь уже с двух сторон. Ресурсов защиты у Фонаря не было.

Ситуация стала критической. Я боялся, что у Фонаря сдадут нервы и он начнет обвинять меня в том, что у меня крапленые фигуры, или устроит какую-нибудь историю. Но Фонарь, очевидно пав духом, механически двигал своего короля, и вскоре у меня появился ферзь. Фонарь сделал вид, что он этого не заметил. Я тоже сделал вид, что новый ферзь меня не интересует, и провел еще одного.

Потом я поднял голову и внимательно посмотрел на Фонаря. Фонарь не отреагировал. Тогда я решил, что издеваться и проводить третьего ферзя не буду, и через четыре хода поставил Фонарю мат.

Нэлзя так играт. Бэздарно

Фонарь молча поднялся и направился к своей шконке. Я чувствовал, что чем скромнее я буду вести себя сейчас, тем лучше.

– Постой-ка, Фонарь, – сказал Танк.

Присутствовать при этой сцене мне определенно не хотелось. Эпицентр внимания сместился к Фонарю и Танку. Я воспользовался этим, взял бриллиант и пошел к рукомоинику. Где именно хранил Фонарь то, за что я чуть не отдал жизнь, я не знал, поэтому решил хорошо промыть камень.

Мне показалось, что мыла недостаточно для полной дезинфекции, и я бросил камень в кружку с кипящей водой. Если это настоящий бриллиант, то кипятком ему не помешает. Кипяток и не помешал. Значит, можно смело хранить камень даже во рту, что идеально на случай шмона. Даже если менты полезут ко мне в рот, я его просто проглочу.

Тем временем толпа вокруг Фонаря и Танка рассосалась. Я нашел Кобу и тихо спросил его, чем кончилась разборка.

– Танк его пригаварил.

– И что теперь с ним будет?

– Ночью Фонарь удавится.

– Сам?

– Сам!

– А если не удавится?

– То утром его апустят.

– А если ментов позовет?

– Если начнет виламываться^[21], то или сразу заточку палучит, или патом ему тарпэду пришлют^[22]. Люди рэшают все. Нэт больше такого человека. Нэту! Нэрвы его падвели. Нэлзя так играт. Бэздарно.

Лязгнула дверь.

– Мезенин!

– Я!

– На выход!

Второй раз за день. Мизера парами ходят.

– С вещами?

– С хуями, ха-ха-ха. Слегка. К следаку пойдешь. Следак у тебя новый.

Верить вертухаю в тюрьме – последнее дело. Он может и врать. А может просто быть не при делах. Поэтому я на всякий случай сказал:

– Коба, если что, черкнешь письмо по тому адресу?

– Нэ бэспокойся!

Я незаметно засунул бриллиант под язык. Он почти не мешал. Не проглотить бы по ошибке. Протиснувшись сквозь ряды шконок, я вышел из камеры и, не дожидаясь команды, заложил руки за спину и встал лицом к стене. И только тут почувствовал, до какой степени я устал от партии в шахматы. Ноги просто подкашивались.

Конец двадцать четвертой главы

Глава двадцать пятая

Эманация

С бриллиантом во рту и какой-то непонятной легкостью в сердце я входил в кабинет следователя, действительно нового, лет сорока – сорока пяти, с лицом, напоминающим Ежика из мультика «Ежик в тумане».

Ежик сидел, не обращая на меня внимания, и что-то писал. Я сидел напротив и чуть ли не любовался им. Его работой. Его руками, неумело стучащими по клавиатуре. Мне казалось, что все вдруг стало хорошо. Окончательно хорошо. Ну как «казалось» – у меня было такое спокойное предчувствие. Поскольку делать мне было нечего, следователь писал себе что-то и писал, то я стал думать о предчувствиях. Они определенно делятся на хорошие и плохие, а также на истинные и ложные. Таким образом, элементарная комбинаторика сообщает, что существует четыре вида предчувствий. Задача предчувствующего – понять, с каким конкретно предчувствием он имеет дело в данный момент времени. На ложные забить, над истинными задуматься. Можно ли это сделать через осознание собственных физиологических ощущений? Мне показалось, что да.

Плохие неверные предчувствия идут от затравленного страхами подсознания. Если внутри тебя все сжимается, скукоживается, то предчувствие ложно. На него можно забить. Впрочем, это легче сказать, чем сделать. Если плохое предчувствие вызывает некое зависание, чуть ли не парение внутренних органов – дело плохо. Но надо сказать, что такое состояние вообще-то бывает редко. Самые страшные вещи обычно случаются неожиданно. Без всяких предчувствий, на абсолютно ровном месте.

Хорошие неверные предчувствия больше всего напоминают предвкушение ожидаемого удовольствия. Их центр расположен где-то внутри тела, между сердцем и диафрагмой. Оттуда распространяется приятное возбуждение. К сожалению, такое предчувствие, как правило, ложное. А вот центр истинного хорошего предчувствия находится вне нашего тела. Если предчувствие реет вокруг лопаток,

как невидимые теплые энергетические потоки, образуя ауру, то оно может оказаться и истинным. Именно эта, парящая за плечами, еле теплая, едва уловимая аура заставляла меня ожидать от следователя чего-то хорошего.

Как только я это понял, тут же испугался. А вдруг, осознав предчувствие чего-то хорошего, это хорошее можно спугнуть, то есть сглазить? Скорее всего, можно. Иначе бы откуда взялось само понятие «сглазить», которого научились бояться даже футбольные комментаторы.

Но если можно случайно сглазить хорошие события, то значит, можно попытаться сознательно отклонить плохие. Интересно. Дальше я ничего додумать не смог. Следователь поднял на меня глаза.

– Вы освобождаетесь под подписку о невыезде. Залог не нужен. Сейчас я подготовлю бумаги.

И он снова уткнулся в комп.

– Как это? Свобода? – сказал я, уже точно зная, что это правда.

– Ну как – свобода? – Ежик отвлекся и строго посмотрел на меня. – Подписка о невыезде – тоже мера ограничения свободы.

Мотя, Маша, победа!

Ежик продолжал писать какие-то акты, справки, протоколы, а я молчал и смотрел на него с нежностью, уважением и благодарностью. Через несколько минут я буду совершенно свободен. И выйду на улицу с чистой совестью и бриллиантом. Пусть под подписку о невыезде, но мне ведь и ехать-то особенно никуда не надо. За последнее время я, честно говоря, наездился.

Для начала я, не дожидаясь Антона, вытащу Матвея из психушки. Затем приду на работу, разберусь с Крысой. Месть моя будет страшна: стыд и позор будут преследовать ее всю оставшуюся жизнь, а бриллиант окупит финансовые убытки от потери ценного сотрудника.

А потом я уведу, наконец, Машу от Германа. Я чувствовал, что ее отношение ко мне в последнее время изменилось. И мое тюремное заключение будет переломным моментом всей нашей истории. Сталинградской битвой. Оно освободит Машу от всех ее мыслимых и немыслимых обязательств. Потом вернется Антон из своей Америки,

мы соберемся вшестером: Антон с Диной, Матвей с финдиректрисой Олей и я с Машей – и выпьем за победу.

Я очень любил слово «победа». Еще мой дед, Иосиф I, скептически относясь к советским праздникам, День Победы уважал без всяких шуток.

Интересно, кстати, кого мне за эту победу благодарить – Антона или Олю? Или просто providение вмешалось и восстановило справедливость? Конечно, я не убивал Старикова. Удар, на две трети отделивший голову от шеи, нанес человек, на голову выше меня и на порядок сильнее. И скорее всего, трезвый. С хорошей координацией. Хотя интересно, кто же все-таки это был? От размышлений меня отвлек следователь.

– Видите, а говорят, что полиция не умеет работать! Не сделали бы мы экспертизу рубашечки вашей – сидели бы вы тут еще неизвестно сколько...

– А что с рубашкой?

– Да томатный сок на ней был. Пили томатный сок?

– Да... Кажется, пил «Блади Мэри». Я не очень помню.

– Вот не надо так больше пить. До беспамятства. Минуточку. У меня здесь нет протокола об изъятии у вас вещей. У вас что-нибудь изымали при задержании?

– Нет. Ничего. Отобрали рубашку еще в квартире. А. Ключи! Только ключи от квартиры.

На то, чтобы найти не значащиеся в протоколе ключи, у российской тюремной машины ушло всего пять минут.

– Распишетесь здесь. Теперь вот здесь, в трех местах, где галочки. Теперь здесь и здесь. Все. Явитесь в свое отделение полиции завтра утром. Дальше будете отмечаться по понедельникам и четвергам. Ну и на допросы ходить, естественно. По требованию следователя. Запомните, неявка в отделение в срок – уже преступление. Есть вопросы?

– Можно позвонить, чтоб меня встретили?

– Да они и приехать-то не успеют. Мне вас тут держать негде.

– А вернуться в камеру, чтоб попрощаться? А то как-то не по-человечески получится...

– Смееетесь вы, Иосиф Яковлевич? Малявы передавать? Нельзя! Вот ваши бумаги. Всего хорошего.

Озабоченный Ежик нажал на кнопку, и через три минуты сержант доставил меня к тюремным воротам. Предъявив бумаги караульному, я вышел через металлическую калитку и осмотрелся.

Город жил своей жизнью. Мимо прогремел трамвай. Я оглянулся и посмотрел на тюрьму. Место как место. Желтые корпуса. Ну, за забором. Так в России каждое второе здание стоит за забором.

Я помахал рукой тюрьме и пошел в сторону метро «Сокольники». Проверил деньги, которые я рискнул вынести из камеры, – антоновские десять долларов, оставшиеся от игры с Фонарем. Увидел киоск, и мне почему-то захотелось мороженого. Девушка с толстыми губами улыбнулась десяти долларам, дала сливочный пломбир и сдачу в рублях. Я понял, что все встало на свои места. Все вернулось!!! Я – это я, а мир – это мир. Оказалось, что бриллиант, лежащий за щекой, совершенно не мешает мне есть мороженое. Я решил не перекладывать Звездочку в карман на глазах у всей улицы и медленно двинулся к перекрестку ловить такси.

Ой

Я успел сделать шагов десять, не больше, когда рядом со мной открылась дверь незаметно подъехавшего сзади черного джипа и чьи-то сильные руки взяли меня за плечи, подняли и втоптали в машину так быстро и уверенно, что я только успел сказать «ой». Все было сделано так аккуратно, что я даже не выронил вафельный стаканчик с мороженым.

Мне стало ясно, что время, когда со мной перестанут случаться идиотские и необъяснимые вещи, еще не наступило. Но тюремный опыт научил меня не суетиться и не психовать без острых причин. Я осмотрелся.

Два качка в дешевых темных костюмах и дешевых галстуках, абсолютно неуместных посреди лета, зажали меня своими телами и смотрели прямо перед собой. Я, расстроившись от такого невнимания к себе, продолжил есть мороженое, решив, что получить объяснения еще успею.

Несколько минут в машине стояла полная тишина. Мы подъехали к развязке Третьего кольца в районе «Красносельской». Мороженое кончилось. Тогда качок справа вытащил откуда-то большие темные очки и довольно осторожно надел их мне на нос. Сзади на дужках что-то щелкнуло со звуком, напоминавшим мне такой знакомый теперь звук наручников.

Очки были абсолютно непрозрачны и закрывали обзор на все сто восемьдесят градусов. Я сделал вид, что не обратил на новый предмет на моей голове никакого внимания. Мы выехали на Третье кольцо, и я решил, что раз они хотят, чтобы я не знал, куда мы едем, то есть смысл попытаться это узнать. Но ни фиги подобного. Мы сделали несколько финтов на развязках, и скоро я был совершенно дезориентирован.

Одно мне стало очевидно: домой я не попаду. Тогда, неожиданно для самого себя, я почувствовал непреодолимую тоску по своей квартире.

Не по Маше. Не по маме. Не по друзьям. А по своей маленькой квартире. Мне показалось, что она абсолютно одинока и очень скучает по мне. Там остались мой маленький тяжелый медный кофейник, моя испанская гитара с потрясающим изгибом, моя старенькая беленькая стиральная машина, мои многочисленные и часто случайно купленные

книги, мой полупустой бар, мой стол в виде модной фасолины, мои старые часы 1902 года (ходят, если завести!), крошечный альпинистский фонарик, красный перочинный нож с крестом, плоскогубцами и отверткой, выручавший меня не раз, – и все они скучают и ждут меня.

И если всех моих близких людей кто-то может приободрить, то у моих вещей никого нет. Как же они там, бедные, без меня? Я, например, убежден, что у любого предмета во Вселенной есть некоторое сознание. Или его аналог. А то и душа. Это вот у некоторых людей души нет. А у моих вещей – есть, и еще какая. По крайней мере, мне так удобнее думать.

В машине по-прежнему была абсолютная тишина, поскольку я, погрузив о квартире, скучающей по мне, решил играть с качками в молчанку. На сороковой минуте я выиграл. Джип остановился, правый качок сказал: «Приехали!» – и открыл дверь. Я кое-как вылез. Никогда не думал, что вылезать из машины с закрытыми глазами так сложно.

Меня ввели в какое-то помещение. Каждый раз, когда попадалась ступенька или лестница, один из качков брал меня за плечо и поддерживал. Вскоре мы вошли в лифт, который поехал вниз.

Подземные миры

На все путешествие ушло около минуты. Уши не закладывало, а значит, средняя скорость лифта была вряд ли больше двух метров в секунду. Я понял, что мы оказались на глубине около ста метров, и присвистнул: так низко под Москвой залегают только самые глубокие станции метро, те, что строили во время подготовки к атомной войне с Америкой.

Меня вывели из лифта и, опасно щелкнув рядом с ухом, сняли очки. Я на секунду инстинктивно зажмурился и разрешил глазам осторожно открыться.

По вытянутым в длину пропорциям зала, в котором я оказался, по знакомым с детства полусводам, а главное, по уходящей вправо и влево паре тоннелей я понял, что попал как раз на неизвестную широкому кругу лиц станцию московского метро. Она была облицована светло-коричневым камнем с очень тонкой резьбой и

бесчисленным количеством ниш, в которых горели маленькие круглые свечи.

Но даже несколько тысяч свечек не могли нормально осветить станцию, поэтому она казалась погруженной в мерцающий мрак.

Стену в правом конце зала украшало бронзовое панно двухголовой змеи. Головы были размером с меня, если не больше. В каждом глазу горело по четыре свечи. Слева вестибюль заканчивался темным бронзовым изображением Хатшепсут, будто вырастающим из стены. Оно было хорошо знакомо мне из интернета.

В огромном зале находилось человек пятнадцать – двадцать, не больше. Одни общались между собой, другие застыли в каком-то ожидании. Все стояли – привычных лавочек не было. Пара человек повернули головы в нашу сторону, но тут же утратили к нам интерес. Все это выглядело так буднично, что я обалдел. Было очевидно, что этот зал далеко не единственный и главный, а наоборот, скорее это какой-то предбанник целого подземного мира, отстроенного хатами прямо под ногами двенадцати миллионов ни о чем не подозревающих москвичей.

Как только первое изумление прошло, я почувствовал некий интеллектуальный дискомфорт. Как будто в только что разгаданной загадке появились новые данные, которые делали разгадку неверной. Точнее, не до конца верной. А еще точнее, не разгаданной до конца.

Мне уже давно было ясно, что «хаты» и «Хатшепсут» – слова одного происхождения. Но что-то тут было не то! Какая-то неувязка. Я вскоре понял какая: из всего, что я знал про Хатшепсут, выходило, что она была хорошей. А из того, что я узнал про хатов, следовало, что они – плохие. То есть прямо совсем плохие.

«Брат Виктор! Ворота номер два», – прозвучал скучный сухой голос из невидимого динамика. Один человек поднял голову и пошел в сторону тоннеля. Когда он проходил мимо нас (мы двигались в сторону противоположного тоннеля), я внимательно посмотрел на него. Ничего особенного. Умное, немного усталое лицо. Очки. Борода с усами. Брат Виктор был в джинсах и легкой бежевой фланелевой куртке с широкими не по моде карманами. Большого в полутьме было не разглядеть.

И вдруг мимо всех нас, выглядевших, в общем, как обычно, промаршировала колонна воинов, одетых, мягко говоря,

альтернативно.

Они были облачены в то, что больше всего напоминало сложенную вдвое простыню с вырезанной дыркой для головы. Рукавов не было. Кажется, эта штука называется нарамник и египтяне позаимствовали ее у арамейцев. Воины были подпоясаны кожаными поясами, причем у офицера, возглавлявшего колонну, пояс был позолоченный, а с одного плеча свисала не то белая накидка, не то легкий плащ с ярко-красной окантовкой. К поясу крепилась довольно мощная дубина с боевым набалдашником в форме двухголовой змеи. Все воины были обуты в кожаные сандалии с высокой шнуровкой.

– Ахавты, – произнес кто-то не то с восхищением, не то с завистью. Судя по его тону, пехотинцы-ахавты были уважаемыми членами Братства. – А урея я, кажется, где-то видел.

Как я понял, уреями у хатов называли офицеров.

Воины промаршировали своей дорогой, а мы подошли к голове Хатшепсут, повернули направо, спустились по узкой железной лестнице в тоннель без рельсов и остановились перед одной из маленьких темных дверей, каких полно на любом перегоне московского метро.

Один из качков набрал цифровой код, и дверь открылась. Я сделал несколько шагов внутрь и услышал звук электрического замка. Качки остались в тоннеле. А я оказался в полной темноте. Я растерянно повел руками в воздухе, и вдруг прямо передо мной отъехала панель размером с дверь и открылось освещенное пространство. Я неуверенно вступил в него, и панель немедленно с тем же журчащим звуком закрылась.

Я оказался в довольно просторном помещении, где стены, пол и потолок никак не отличались по отделке. Грубо говоря, я попал в куб размером шесть на шесть на шесть метров, абсолютно одинакового вида снизу, сверху и с боков. Такие коричневые пластиковые панели. Даже впустившая меня дверная панель оказалась без единой щели, и, повернувшись внутри куба несколько раз, я понял, что уже не помню, с какой стороны я в него попал. Тут я понял, в чем прикол: у куба светились стены, пол и потолок. Свет равномерно лился отовсюду. Разумеется, в кубе не было никакой мебели. В нем вообще ничего не было. Даже вентиляционных отверстий. То есть они, может, и были.

Но их было не видно. Конечно, голова от такой равномерности, как и от полной тишины, быстро начала кружиться.

Я подумал, что примерно так должен был выглядеть мир во второй день творения, когда Бог уже отделил свет от тьмы, но еще не создал солнце, луну и звезды.

Единственное нарушение симметрии в помещении создавал я сам. И подумал, что надо бы его усугубить. Это стерильное помещение требовало какой-то грязи. Я решил, что после тюрьмы мне уже плевать на все хатские приколы, сел на пол и облокотился спиной на светящуюся стену.

Меня уже не пугало, а скорее злило, что мной распоряжается какая-то неведомая сила. Сначала она убивает близких мне людей. Заставляет меня печатать в газетах бред сумасшедшего. После этого перерезает горло Старикову и сажает меня в тюрьму. Потом вытаскивает оттуда, но при этом опускает под землю – словом, делает со мной что хочет.

У меня не было ни капли страха. Если бы меня хотели убить, то уже убили бы. Причем давно. Раз у этих придурков появилась возможность арендовать целую систему бесхозных станций московского метро, а скорее даже выстроить новые подземные дворцы, то с силой и властью у них все в порядке. Но на хрена им сдался я?

Я со всей силы стукнул по светящемуся полу кулаком. Удар оказался почти беззвучным.

Это меня еще больше распалило. Я чувствовал, что если не услышу сейчас каких-то реальных звуков, то взорвусь от бешенства. Проще всего было вызвать звук собственного голоса. Поэтому я выпрямился в полный рост и заорал во весь голос:

– Козлы! Что вам нужно? Я вас не боюсь! Сектанты недорезанные, чего вы хотите от меня?!

Краткий курс тюремного образования учит, что в некоторых случаях надо показывать системе, что ты в своем сопротивлении ей готов идти до конца. То есть демонстрировать собственную отморозенность. Допускается даже некоторое правдоподобное переигрывание.

– Что вы спрятались под землю, подонки? Света белого боитесь, да? А я вас, ублюдки, вертел на одном месте! Всех! Слышите? Всех!

Разговор с уважаемым клиентом

Я проорался от души и сел обратно на пол.

– Вам следует успокоиться, брат Иосиф.

Я еще раз повертел головой, чтобы убедиться, что источника звука нет, так же как нет источников света. Голос показался мне знакомым своей дребезжащей монотонностью. Я подумал, что смеяться таким голосом, наверно, совершенно невозможно. Звучал голос вполне природно, без всяких искажений, вызываемых аудиоаппаратурой.

– А ты кто такой? Директор катка?!

– Какого катка?

Я подумал, что рассмешить ФФ будет для меня настоящим достижением.

– Это из анекдота. Мужик выходит со всем снаряжением для подледной ловли рыбы, включая бур, на лед, начинает его сверлить и вдруг слышит голос сверху: «Не сверли, здесь нет рыбы!». Он испуганно озирается – никого нет. Продолжает сверлить. И снова голос: «Я же тебе сказал: здесь нет рыбы!» Он снова озирается: откуда голос – неясно. И то же самое в третий раз.

«Не сверли, здесь нет рыбы!» Мужик не выдерживает: «А кто это говорит?» – «Это говорю я, директор катка».

ФФ не засмеялся. Я был уверен, что он даже не улыбнулся.

– Для вас я теперь – брат Федор.

Я залез в угол, откинувшись на грань куба, расположился поудобнее и ответил:

– О, Федор Федорович! А что же это мы с вами через стенку говорим? С таким уважаемым клиентом? Заходите, не стесняйтесь!

– Брат Иосиф! Ваша склонность к неуместным шуткам не является вашим достоинством. Вы сейчас возбуждены, вам надо успокоиться.

– Как же успокоюсь, если у меня вдруг появился новый брат?

– Вы были хатом с рождения. Сегодня настал день, когда вам об этом можно узнать.

– Хорошая новость. Люблю знакомиться с внезапно объявившимися родственниками. Особенно если они богаче меня. У меня за последнее время накопилось к вам несколько вопросов. Вы не против на них ответить?

– Спрашивайте, брат Иосиф.

– Давайте начнем с простых тайн, а потом перейдем к тайнам мироздания.

– Как вам будет угодно.

– Как устроена эта комната?

– В каком смысле?

– В прямом. Откуда свет, откуда звук, где вентиляция? А учитывая, что вы меня, скорее всего, и видите, и слышите, то где видеокамеры и микрофоны? И правильно ли я понимаю, что мы в метро?

– Стены из полупроницаемого пластика. Есть ли у вас более существенные вопросы?

– Самое существенное – то, что происходит со мной сейчас. Вы не ответили на последнюю часть моего вопроса. Мы в метро?

– Мы под землей. Больше я сказать не могу.

Я уже слышал от него эту фразу. Да, больше он, наверно, не скажет. А мне плевать. Усиливаем отморозенность. (Может, пену изо рта пустить? Я видел, как эки для устрашения делают пену из собственной слюны.) Я набрал воздуха полный рот, чтоб крик получился громче, чем в первый раз.

– Свободы хочу!!! На волю веди, начальник!!! Воздуха мало, слышишь? Старшого зови, волк позорный!!!

У меня засадило горло, и я чуть сам не оглох от собственного крика. ФФ сделал вид, что я просто поинтересовался, можно ли поговорить с его руководством.

– Я – Председатель Собрании. У меня вторая степень посвящения в Братстве. Старше меня по иерархии есть всего один человек. Джессер Джессеру. Ему не до вас.

Я решил отдышаться и помолчать какое-то время. ФФ тоже молчал. Искусство делать правильные паузы очень ценно в тюрьме. Но если сейчас ФФ исчезнет, то придется опять вызывать его криком, поэтому я решил продолжить наше общение. Причем для контраста нормальным человеческим голосом.

– Хорошо. Из уважения к вашему высокому званию я делаю вам уступку. И продолжаю спрашивать. Это вы вытащили меня из тюрьмы?

– Да.

– И посадили меня в нее вы?

– Да.

– А зачем?

– Во-первых, чтобы изолировать вас от ваших поисков. Вы слишком далеко зашли в них. Во-вторых, чтобы исключить вас из обычной жизни, не убивая. В-третьих, чтобы показать вам, что оказывать нам противодействие – абсолютно бессмысленно и смертельно опасно.

– Но выходит, что братоубийством вы не занимаетесь? Приятно знать, что можно наконец расслабиться.

– Ваш друг Илья Донской был членом Братства.

– О боже! Химик... А за что вы его? И Лилю? И Старикова?

– Ликвидируют ненужных, непокорных или потерявших разум.

– Послушайте! Я не хочу в ваше Братство. Оно убивает кого хочет!

– Вас еще не ликвидировали именно потому, что вы можете быть приняты в Братство. Если вы откажетесь – вы умрете. Если вы не сможете пройти процедуру посвящения – вы умрете. Если вы попытаетесь нарушить любой из обетов – вы умрете.

– Я смотрю, мне придется серьезно потрудиться, чтобы остаться в живых.

– Брат Иосиф! Перестаньте паясничать. Смех и шутки уведут вас от понимания истинных ценностей нашей жизни.

Я задумался над этой фразой. Ну да. В церкви вроде тоже шутить не принято. И уже несколько человек в жизни советовали мне «быть посерьезней». Как же определить, когда смех уместен, а когда не очень? Умберто Эко об этом что-то писал...

– Брат Федор, я пытаюсь разобраться в истинных ценностях вашего Братства вот уже несколько недель. Не могли бы вы в двух словах изложить их? Знаете, так, конспективно.

– Цель жизненного пути для посвященного в третью степень не имеет значения, эти люди не ознакомлены с основными ценностями Братства. Брат, посвященный во вторую степень, должен реализовать себя, принеся пользу Братству и Земле в подлунном мире и заняв после земной смерти достойное место в параллельном мире. Цель пути хатов первой степени посвящения вы знать не должны.

– Земля?! Параллельный мир?!

– Земля – это место, которому мы служим, пока в нем живем. Наш мир называется подлунным. Параллельный мир – это место, куда мы

попадаем после смерти. Он гораздо больше, важнее и значительнее подлунного мира.

– Слушайте, вашему Братству, как я понимаю, уже несколько тысяч лет. Почему вы так перевозбудились именно сейчас?

– Потому что именно сейчас за счет смены социальной парадигмы, за счет информационной революции, с одной стороны, и сохранения устаревшей неадекватной политической системы – с другой, мир стал значительно более податлив – на него легче влиять.

– Вы хотите сказать, он стал хрупким?

– Я сказал то, что я хотел сказать, – он стал поддаваться нашему влиянию. Мы получили контроль над ведущими политическими постами в некоторых очень важных странах.

– Включая Россию?

ФФ только хмыкнул, услышав о России.

– Включая США.

Я вспомнил о проблемах, озвученных нам с Мотей в Ватикане вместе с твердой рекомендацией в эти проблемы не погружаться, и сразу почувствовал некое волнующее любопытство. Думаю, любой человек, неожиданно соприкоснувшийся с государственными тайнами, меня бы понял. Чтобы это любопытство скрыть, я попробовал говорить самым нейтральным и естественным голосом. «Так-так, – подумал я, – хаты-то совсем крутые ребята. Но не дай бог показать сейчас ФФ, что я впечатлен».

– Это все я без вас знаю, – сказал я так беззаботно, как только мог. – Но у вас все равно ничего не выйдет. Цивилизация найдет способ справиться и с вами. И закопает вас обратно в землю.

ФФ чуть не закашлялся от гнева.

– Вы просто не понимаете, о чем идет речь. И я не собираюсь вам это объяснять. Особенно до вашего посвящения. Вы глупы, наивны и самонадеянны. Вам предстоит пройти длинный путь, брат Иосиф! Длинный и сложный путь посвящений. Надеюсь, после его завершения вам не захочется шутить над святыми понятиями. Никто, – он поднял голос, – слышите, никто не смеет смеяться над служением Земле!

– Честно говоря, я еще не привык к идее Братства. А теперь еще к Земле привыкать. Помните этот анекдот? Когда доктор назначает неизлечимому больному грязевые ванны? Больной спрашивает: «А

что, поможет?» – «Нет, просто к земле привыкнете». Могу я ознакомиться с вашими рекламными материалами? Буклеты, брошюры? Может, презентацию какую покажете? Хотелось бы, кстати, и уставные документы посмотреть.

ФФ брезгливо фыркнул и замолчал. Мне показалось, что сеанс связи закончен, и я даже немного расстроился. Но вскоре стены, пол и потолок погасли. Я оживился, ожидая продолжения спектакля.

Презентация

Через секунду вокруг меня началось нечто несусветное.

Под какую-то странную оглушительную музыку, вроде Баха в технообработке, на всех четырех стенах, на полу и на потолке развернулось видеодейство. Причем на каждой из шести плоскостей разное. Я какое-то время поозирался. Попробовал успокоить себя мыслью, что обратную проекцию придумали не вчера. Потом меня начало подташнивать, как с тяжелого похмелья.

Я услышал, как монотонный голос уставшего под утро, обдолбанного рэпера произносил: «Дейр-эль-Бахри-калипсол-одинокчество-Дейр-эль-Бахри-калипсол-одинокчество-Дейр-эль-Бахри-калипсол-одинокчество».

Я вернулся в свой угол и попытался сконцентрироваться на том, что мне хотели показать. Видеоряд был несколько рваный. Египетские кадры храма Хатшепсут сменялись какими-то таблицами, причем такими мелкими, что разобрать в них что-нибудь было совершенно невозможно. Да и вряд ли требовалось. Потом шли какие-то всем известные кадры хроники вроде нападения на Перл-Харбор и рушащихся «Близнецов» 11 сентября.

Они плавно перетекали в запредельно навороченный, абстрактный, ежесекундно меняющийся скринсейвер, из которого вдруг выросло число 222461215. Потом на экране появлялась двухголовая змея, из обеих ее ртов вываливались буквы, которые складывались в некие титры, ясно и хорошо читаемые, вроде: Послушание-Размножение-Приумножение. За этим следовали какие-то странные массовые сцены. Кажется, похороны жертв американских бомбежек во Вьетнаме. Потом опять что-то, напоминающее лазерное шоу в большом опустевшем городе без людей и машин, – гигантские фантасмагорические узоры на улицах и домах. Мне показалось, что лазерный луч вырисовывает на знакомых силуэтах небоскребов пирамиду.

Затем неожиданно все погасло, только на стенах, на полу и на потолке в правом углу осталось такое знакомое мне число: небольшое, ясное, белое на абсолютно черном фоне: 222461215. Со всех сторон. Музыка стихла, хотя и не исчезла совсем, а механический

обдолбанный голос стал произносить то ли полную абракадабру, то ли тайные сообщения, то ли и то и другое:

•ХАТШЕПСУТ•ОНА•ХАТЫ•ДВЕРИ•ГЕНОТИП•ПРИЧАСТНОСТЬ
•СПАСЕНИЕ•ОПАСНОСТЬ•БОЖЕСТВЕННАЯ•СЕСТРА•НАКАЗАНИЕ•ДЕЙР-ЭЛЬ-
БАХРИ•ПОЛУЧИЛА•ОСНОВАЛА•ВЛАДЕЮТ•ОТКРЫТЫ•УДОВЛЕ
ТВОРИТ•ГАРАНТИРУЕТ•ШКАТУЛКА•ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ•ЗЕМЛЯ•Д
ОЛЖНА•ИЗОЛЯЦИЯ•КАЛИПСОЛ•ТАЙНОЕ•БРАТСТВО•ПАРАЛЛЕЛ
НЫМ•НОВЫМ•ТРЕБОВАНИЯМ•ВСЕЛЕНСКУЮ•ПОСЛЕДНЕГО•С
ТЕПЕНЬЮ•ТРЕБУЕТ•ВЫБРАТЬ•МУЧЕНИЕ•ОДИНОЧЕСТВО•ЗНАНИЕ
•ХАТОВ•МИРОМ•ИЗБРАННЫМ•КОНТРОЛЯ•ВЛАСТЬ•УБЕЖИЩА
•ПОСВЯЩЕНИЯ•ИНЦЕСТ•БРАТА•СМЕРТЬ•ЧИСЛО•

Конец двадцать пятой главы

Глава двадцать шестая

Двенадцать частей мозга

Я не знаю, сколько времени длился фильм. Но вот он наконец кончился, и стены вновь засветились коричневым светом. У меня появилось чувство, что мой мозг разрезали на двенадцать более или менее равных кусков. Я только не мог понять, откуда я знаю, что именно на двенадцать. Я закрыл глаза и попытался поразмышлять, как мне жить с тем, что я только что услышал.

Но вместо этого мне почему-то пришли в голову мысли о дороге. О какой-нибудь дальней дороге в поезде с прокуренным грохочущим тамбуром, запахом угля от титана с кипящей водой и горячим чаем, который разносит толстенькая сорокалетняя проводница. Куда-нибудь подальше. В провинциальный русский город. Город с минимальным количеством топ-менеджеров (например), хатов и прочего дерьма со сверхценными идеями.

Незаметно мои мысли соскользнули на поезд как таковой. В русских поездах еще с паровозных времен воду для чая иногда греют на угле. Если поезд везет не электровоз, а тепловоз. А чем, интересно, до электрических времен освещался вагон? Свечками? Так ведь на каждой стрелке горячий воск должен был разлетаться в разные стороны!

А как же фары паровоза в доэлектрическую эпоху? Он что, так в полной темноте и ехал? При лунном свете? А если луна в облаках? Или новолуние?

Тут я задумался. Целых три поколения в течение семидесяти пяти лет садились вечером на поезд в Питере и приезжали утром в Москву. А потом пересаживались на извозчиков, без всяких такси или метро.

Мои размышления кончились. Я услышал дребезжащий голос ФФ.

– Брат Иосиф! Вы готовы к церемонии посвящения?

– Я очень устал. Я хочу пить.

– Сейчас нельзя. Скоро вам введут специальный препарат, после чего вы на какое-то время перейдете в параллельный мир. Если вы

оттуда вернетесь, вы прочтете вслух некоторый текст. После этого получите дальнейшие инструкции.

– Что значит «если вернусь»?

– Если у вас нет генетической предрасположенности, то вы не вернетесь из параллельного мира. Но мы получили образец вашей крови и уверены, что посвящение пройдет удачно.

Я понял, когда они получили образец моей крови. Когда брали ее у меня в тюрьме тупой иглой. Учитывая, что шприц был немытый и многоразовый в полном смысле этого слова, хаты могли и перепутать. Но почему-то меня эта мысль не взволновала. Меня вообще, словно героинового наркомана, переставало волновать что бы то ни было.

Одна из стен камеры раздвинулась. Я даже бровью не повел. В комнату, точнее в камеру, вошел ФФ. Он был одет в какую-то хламиду, напоминающую арабскую галабею. До пят. На босых ногах – кожаные сандали. В руках – какой-то свиток и длинное коричневое перо. Мне показалось, что орлиное. Немедленно после его появления из пола сам собой вырос стол. Я грустно посмотрел на ФФ. Он бросил на меня безразличный строгий взгляд и сказал:

– Поднимайтесь. Вам нужно прочесть и подписать клятву.

– Вслух?

– Как угодно. Прочесть и расписаться. И относитесь к своей подписи с уважением. Не допускайте ошибку второй раз. Третьего раза не будет.

Я, плохо соображая, что делаю, встал за стол, развернул свиток и стал его читать. Он был написан мелким каллиграфическим почерком. Мои имя и фамилия там уже стояли.

– Что означают эти слова? «Дейр-эль-Бахри» и...

Я едва узнавал собственный голос. Такой он был усталый и несчастный.

– «Дейр-эль-Бахри» означает место, где пересекаются два мира. «Калипсол» означает способ временно попасть в параллельный мир. Полное значение «одиначества» известно лишь посвященным Первой степени. Значение числа покрыто тайной такой глубины, что неизвестны условия для ее познания.

– А что означают три обета – послушание, размножение, приумножение?

У меня не было сил читать все объяснения.

– Послушание означает выполнение требований, которые предъявляются к членам Братства. Размножение означает рождение детей только от членов Братства. Приумножение означает достижение власти и богатства при помощи Братства и для службы Ему.

– А что это за коллегии? Чем они занимаются? Коллегия окончательных решений, хранения знаний?

– Вы узнаете об этом после посвящения.

У меня иссякла фантазия и желание сопротивляться. «*Show must go on*, – почему-то подумал я. – Надо бы вспомнить, как это звучит».

– Теперь прочтите это вслух.

ФФ дал мне еще один лист. Я развернул его и прочел бессмысленный текст длиной около страницы, написанный кириллицей. Слова звучали резко и отрывисто. Они напомнили мне разговор с коптами в храме Гроба Господня. Я читал с русским акцентом без гортанных звуков. ФФ остался доволен и забрал у меня лист.

– Скоро здесь появится наш специалист из Коллегии биологических воздействий. Доверьтесь ему.

– Будет больно?

– Больно не будет. Подпишите это.

Состояние было глубоко безразличное, но я чуть ли не силой заставил себя еще раз прочесть текст. Ничего не получилось. Я махнул рукой и подписал. Чернила были коричневого цвета.

ФФ взял свиток, не сказав ни слова, и отвернулся к стене. Стена отъехала в сторону, и он вышел.

Никакие приборы нам не помогут

Через минуту в моем кубе исчез стол и появилось кресло, похожее на кресло для проведения операций. В этот раз я краем глаза обратил внимание, что весь инвентарь возникал из пола. Какая-то из невидимых плит быстро опускалась, и из образовавшегося на секунду черного квадрата на полу появлялась новая, точно такая же, подъемная плита с необходимым инвентарем, который сам собой плавно съезжал в сторону от подъемной плиты. И все это длилось около секунды.

Из стены напротив той, которой пользовался ФФ, вышел человек в белом халате без пуговиц и в белой шапочке. Вид у него был вполне человеческий. Хирург из городской больницы, просто в очень странном месте. Он приветливо кивнул.

– Здравствуйте, – сказал ему я.

– Здравствуйте, – сказал он. – Не беспокойтесь! Не вы первый, не вы последний.

– Ну и операционная у вас – как в театре! – Я показал на пол, из которого выросло кресло. – А где же всякие там приборы? Аппарат искусственного дыхания, дефибриллятор?

– А зачем нам приборы?

– А вдруг что-то пойдет не так?

– Если что-то пойдет не так, – довольно уверенно сказал он, – никакие приборы нам не помогут.

Мне понравилось, что он сказал «нам», а не «вам». Потом он пристегнул меня к креслу специальными ремнями. Руки, ноги и туловище. Я почувствовал себя бабочкой из коллекции Набокова.

– Зачем это? Могут быть судороги?

– Таков порядок. Обычно никаких судорог не бывает.

– А что мне введут? Калипсол?

– Нет. Гораздо более сильную смесь. Экстракт южноамериканских трав. Не волнуйтесь. Мы все прошли через это.

Я потрогал языком Звездочку. Может, не дожидаясь судорог, проглотить ее, пока не поздно? А с другой стороны, откуда я знаю, насколько мне отобьет сознание? И вообще... Я решил не глотать. Через несколько секунд я увидел, как к моей вене приближается игла. Игла надпоролa вену и всосала пробу крови. Кровь красным облачком

ворвалась в шприц, а затем быстро растворилась в нем. Еще через секунду свет в комнате погас, и начался полет.

Центр церемонии

Я поднялся сквозь стометровую глубину, на которой находился куб, физически чувствуя легкое сопротивление почвы, вылетел наверх на землю, как пробка из бутылки шампанского, и полетел дальше вверх. Оглядевшись, я понял, что нахожусь над Москвой. Город был темно-песочного цвета. Я облетел какой-то из сталинских небоскребов. Не то МИД, не то Университет.

У меня появилось ощущение, что я включил коричневый прожектор, вмонтированный в мой лоб, и теперь освещаю им те места, которые хочу увидеть. Я понял, что могу управлять полетом еле заметными движениями бровей. Мне захотелось подняться выше, и практически мгновенно я очутился над ночной Землей. Она выглядела такой же песочно-коричневой, а совсем не сине-бело-зеленой, как на снимках из космоса.

Вокруг нее я заметил волновые потоки, напоминающие по форме трубопроводы с мягкими аморфными стенками. Они были разных цветов – от бледно-розового до бледно-голубого. Стенки пульсировали, и я понимал, что это некий коммуникационный канал, к которому я тоже могу присоединиться.

Я понял, что над Землей мне больше делать нечего, и влился в одну из этих труб. Через несколько мгновений, стремительно проплыв в трубе какую-то огромную дистанцию, я вдруг оказался посреди странной церемонии. Церемония была в самом разгаре.

Несомненно, я был ее центром, но от меня не требовалось никаких действий: только улыбаться еле заметным движением губ и иногда кланяться таким же еле заметным поклоном. При этом я находился в довольно нецеремониальной позе: я сидел на полу, откинувшись спиной на стену. Судя по всему, все это происходило под землей.

Точнее, в земле.

Медной прочностью и какой-то твердолобостью обстановка немного напоминала буддистский храм. Впрочем, разглядеть все внимательно я не мог, потому что было темно. Обряд длился довольно долго. Из него я понял, что умер, но это не страшно. Я уже научился понимать этот

странный язык, напоминавший булькающие соловьиные трели, я уже мог на нем говорить.

Потом я стал снова путешествовать по этим зыбким голубовато-розовым трубам, с кем-то о чем-то беседуя этими трелями. Причем я понимал, что, даже общаясь на пустячные темы, я разговариваю о смысле мироздания.

Затем я вдруг оказался в месте, из которого управлялась Вселенная. Я видел большие медные экраны, на которых, как на дисплеях, были видны последствия отданных команд. Сами команды отдавались на том же булькающем языке трелей.

Я понял, что Вселенной управляет некая высшая сила и она не антропоморфна. Как она выглядит, вообще сказать очень трудно. Самым правильным будет ответ «никак». Если это можно себе представить. За тем, что происходило на экранах, следили специально обученные люди, точнее, существа, отчасти напоминающие людей.

На этом, судя по всему, экскурсия была окончена, и, попав в очередную трубу и немного проплыв по ней, я очутился в том же месте, откуда стартовал, – в операционном кресле.

Параллельный мир существует, мы существуем, смерти нет

Из трипа я вынес три вещи, которые запомнил на всю жизнь:

1. Параллельный мир, что бы мы под этим ни подразумевали, существует, и хаты чувствуют себя в нем как дома. Это тот самый мир, куда попадают наши души после нашей физической смерти. Этот параллельный мир, безусловно, может оказывать влияние на наш.

2. Смерти в высшем смысле этого слова нет. Что-то в нас, какая-то метаэнергия, имеющая при этом параметры нашей личности с ее симпатиями и антипатиями, с памятью о прошлом и с ситуативной оценкой настоящего, остается вечной. Или, по крайней мере, переживает наше тело на неопределенно долгий срок.

3. Бог или некая иная высшая сила, наделенная сознанием и неограниченной властью влиять на оба эти мира, действительно

существует. А если совсем коротко – параллельный мир существует, мы существуем, смерти нет.

Я лежал в кресле и пытался если не осмыслить понятное, то хотя бы просто прийти в себя. Неожиданно я наткнулся языком на Звездочку. Это меня не порадовало и не удивило. Я вообще чувствовал, что лишился большей части эмоций. Особенно переживаний из области хорошо – плохо и добро – зло. Чувство удивления, например, у меня осталось. В кабинете зажегся неяркий свет. Я увидел голову врача.

– Как вы себя чувствуете?

– Кажется, – губы у меня слипались, – кажется, я изменился.

– Вот и славно. А теперь вам нужно отдохнуть. Я сделаю вам укол сильного снотворного. Проснетесь уже другим человеком.

Отныне вам не следует беспокоиться ни о чем

Я проснулся в обычной больничной палате. Точнее, в обычной больничной палате без окон. Полежал какое-то время, осматриваясь. Потом увидел на тумбочке красную кнопку и нажал ее. Пришел все тот же врач.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Немного торможу. Что делать дальше?

– Сейчас будет завтрак. Потом вы оденетесь. Здесь лежит ваша новая одежда.

Он кивнул на сверток, запечатанный в плотную бумагу.

– После завтрака мы вас осмотрим, и если все в порядке, то у Коллегии биологических воздействий дел к вам не будет. Мы передадим вас в Коллегию новых братьев.

– Да, – сказал я. – Новые братья.

Я раскрыл сверток и переоделся в черные джинсы и черный же свитер.

После завтрака (творог, вареное яйцо, чай) ко мне в палату пришел ФФ.

– Брат Иосиф! Я поздравляю вас. Вы прошли вторую степень посвящения в Братство, минуя третью. Это высокая честь. Отныне вам не следует беспокоиться ни о собственной безопасности, ни о своем доходе, ни о каких бы то ни было иных проблемах. Братство обеспечит вас всем.

– Спасибо.

– Вы обязаны безукоризненно следовать инструкциям. У вас наступил инициальный период. Он длится от шести месяцев до двух лет. На это время вы отправляетесь в одно удаленное место. Наши люди проводят вас. Там вы также будете находиться под наблюдением. Вам запрещены какие бы то ни было контакты с внешним миром. От того, будет ли ваше поведение сообразно с нашими принципами, зависит как ваша судьба в Братстве, так и ваша жизнь.

Я слушал, не перебивая. Голова была еще очень мутная. Ясно было, что я просто напичкан разными психотропными препаратами. Не было сил. Хотелось, раз полет прерван, хотя бы плыть. Просто плыть.

Плыть, куда течет эта новая безымянная река, в которую я попал. Наконец я осознал самое главное.

– Брат Федор! От полугода до двух лет?

– Мы вчера вложили вам в психику слишком многое, что еще предстоит осознать. Это занимает время. Вам нужно забыть ваши старые связи. Более того. Сам факт их потери должен быть принят вами как облегчение. У вас поменяются приоритеты и ценности. А пока они меняются, вам следует осознать всю меру ответственности перед Братством и Землей, которую вы на себя взяли.

Я понял, что сломался.

– Что я должен делать там, куда вы меня отправляете?

– Ничего особенного. У вас в голове должно окончательно уложиться то, что вы узнали.

– Брат Федор, я могу общаться с членами Братства там? Я очень боюсь остаться совсем один...

– Нет. Вы не будете знать, кто они такие.

– Что будут думать мои близкие? Моя мама?

– Что ваш следователь находится под давлением родственников Старикова, поэтому тянет время с передачей дела в суд. Что вы настолько угнетены своим поступком, что не хотите переписываться с ними и тем более видеть их на свидании. После инициального периода им сообщат, что в тюрьме с вами произошел несчастный случай. Пожар в камере.

– Я понимаю, брат Федор. Но это ведь ужас! По отношению к ним! Разве нет?

– Первое время вам будет тяжело. Потом это пройдет. У вас появятся новые ценности. Истинные.

– Можно еще один вопрос, брат Федор, – последний? Маша имеет отношение ко всей этой истории? А то...

– Мария Ципорева не может вступить в Братство. Вам запрещено общение с ней под страхом передачи вашего дела в Ликвидационную коллегия.

– На инициальный период?

– Навсегда.

– Боже мой... Почему?

– Для этого есть причины, о которых ни мне, ни вам не стоит даже задумываться.

– Маша наверняка узнает, что меня выпустили из тюрьмы. Есть же тюремная почта.

Я был в очень плохом состоянии и чуть не сдал Кобу.

– Брат Федор, пожалуйста.

– Следователь никому ничего не скажет.

Я опустил голову. Шоу кончилось.

Конец двадцать шестой главы и первой части книги

Книга II

Бриллиант

Глава двадцать седьмая

Настоящая любовь. Ни на что не похоже

Привет, дорогая Машка!

Я понятия не имею, как и когда я смогу отправить тебе это письмо. Но раз ты его читаешь, значит, я что-то придумал.

Давно я не писал настоящих писем. Рукой по бумаге. Надеюсь, что ты разберешь почерк. А то я сам на него смотрю и удивляюсь.

Сегодня 25 июля. Воображаю себе, как ты волнуешься, не понимая, куда я делся.

А делся я в монастырь. Ну да, в мужской:)) Спасо-Печерский. Это на самом краю света, километрах в трехстах пятидесяти к северо-востоку от Архангельска. В географическом, а может, и в литературном смысле я между Онегой и Печорой. К северу от меня находится Северный Ледовитый океан, а к югу – все остальное.

Похоже, у тебя – вопросы. Не ударился ли я в религию? Не поехала ли у меня крыша? И что я, собственно, тут делаю?

В религию – не ударился. Но выяснилось, что она занимает в моей жизни гораздо больше места, чем мне всегда казалось. То Иерусалим, то Рим, то вообще черт знает что. Подземные храмы в московском метро.

Крыша – не поехала. Хотя ее сдвигали наркотиками, гипнозом, энэпэшиным зомбированием и обещаниями райских куц. Но ни фига. После того количества виски, которое я выпил, психофармакологии в моей душе делать нечего. Как и НЛП. Тут и вспомнишь Черчилля, который говорил, что не имеет никаких претензий к алкоголю, потому что алкоголь дал ему гораздо больше, чем взял.

Но поскольку эти монстры взяли меня в оборот без дураков, а уродов круче и навороченней – поискать, то мне пришлось сделать вид, что я записался в их контору.

Они мне поверили, но на всякий случай сослали в монастырь. На испытательный срок. Выходить отсюда, да и вообще связываться с Большой землей мне запрещено под страхом смерти. Точнее, мучительной экзотической смерти с посмертными ужасами,

выходящими за пределы человеческого воображения. (Та религия, в которую меня посвятили недавно, это вполне допускает. Как, впрочем, если вдуматься, и большинство других религий.)

А с тобой, кстати, мне вообще навсегда запрещено иметь дело. Под угрозой аналогичного наказания, хотя я совершенно не понимаю, чем ты им так не пришлась:)

Однако если ты еще рассчитываешь со мной увидаться в этой жизни, то о существовании моего письма не должен узнать ни один человек на свете. Кроме, конечно, моей мамы. С которой ты должна поговорить с глазу на глаз и в каком-нибудь шумном месте. Лучше всего в метро. С выключенными сотовыми телефонами. И объяснить ей, что я в полном порядке. Просто временно лишен средств связи. Что, кстати, будет абсолютной правдой.

Если она спросит: «А что дальше?», отвечай уверенным голосом, что я обязательно что-нибудь придумаю. Только не спрашивай меня что. Я не знаю. Антон занимается нашими делами, и он сможет что-то сделать. Тогда выпустят Мотю, и они оба займутся мной.

Пока, кстати, я, скорее всего, нахожусь в федеральном розыске по обвинению в убийстве, так как я сбежал, нарушив подписку о невыезде. Что-то я в последнее время часто нарушаю письменные обязательства. Хотя мои новые братья обещали решить эту проблему. Они заодно посулили мне и богатство, и славу, и безопасность. Хотя зачем мне все это?

Мне нужна ты. Только ты. И все. Потому что я тебя люблю. Люблю. Хотя, честно говоря, я и сам не понимаю, что это означает.

В ту секунду, когда умный и невлюбленный человек пытается говорить о любви, он немедленно приходит к выводу, что стоит начать с определений. Умничать все умеют.

А если о любви говорит влюбленный, то определения он посылает к чертовой матери. И от рассуждения о сверхценности восприятия чужой личности в сексуально-брачном аспекте его разбирает смех.

Потому что он знает, что настоящей любви не бывает. Почти никогда. То есть она бывает, но очень редко. Несколько раз в жизни. Или один. Или ни разу. А у него она есть вот прямо сейчас и здесь. Понимаешь? Настоящая любовь. Не знаю, на что похоже. Ни на что.

В общем, у меня к тебе – она. Поэтому мне кажется, что проще промычать свои чувства, чем высказать. М-м-м-м. Нет. Не так.

Я хочу жить для тебя.

Я хочу жить, чтобы радовать тебя.

И я порву на куски всех, кто мешает мне быть с тобой.

Но, собственно, про это все Кормильцев написал, а Бутусов спел: «Я хочу быть с тобой, и я буду с тобой». Просто и ясно. Очень доходчиво. Отчего только от этой песни мурашки по коже идут? Может, из-за комнаты с белым потолком?

В общем, да. Я тебя люблю. Но, Господи, как же это выразить? О черт! Удивительно, как слова мешают выразить чувства. Берут и мешают. Может, танец? Но как же я тебе отсюда станцую? Тем более что я не очень это умею. Или архитектура? Построить для тебя что-нибудь? Что за бред. Хотя иногда мне кажется, что я могу. Музыка? Господи! Я же ничего не умею. Вот несчастье-то.

А мне ведь так надо сказать тебе, как я тебя люблю. Я даже не знаю почему. Но надо. А нет слов. Совсем нет слов. Зато – чувства!

Понял. Настоящая любовь – невыразима. Как ветхозаветный Бог. И это в ней – самое главное. А слова – это сублимация. Хоть иногда бывает и удачная, и честная. Да. Мне нравятся честные сублимации. А последнее время все чаще приходит в голову: «От любви бывают дети, ты теперь один на свете». Просто так – берет и приходит в голову. Хотя здесь будет уместней другой Бродский.

То ли дождь идет, то ли дева ждет.

Запрягай коней да поедем к ней.

Невеликий труд бросить камень в пруд.

Подопьем, на шелку постелим.

Отчего молчишь и как сыч глядишь?

Иль зубчат забор, как еловый бор,

За которым стоит терем.

Как этот рыжий с биографией все про меня увидел? И про детей, которых нет, и про «один на свете», и про зубчатый забор. Вокруг нашего монастыря действительно зубчатый забор. И вообще – тебя бы сюда с твоим фотоаппаратом и инфракрасной пленкой. Я вот только что увидел замечательный кадр, вроде бы не попсовый (я помню, что ты попсу не любишь): забор с колючей проволокой, за ним пятиглавый храм – купола, бревна, очень правильные пропорции. А за храмом – синее небо с белыми облаками. Оно у тебя будет черным, а облака объемными, как даже в стереофильмах не бывает. Но главный план в этом кадре – передний: забор и проволока, жесткий, грязно-серый, очень знакомый и конкретный забор.

Забор – это наше все. Забор – это наше везде. Не забор, так железный занавес. Не занавес, так болезненное анальное огораживание.

Но, кстати, не я первый торчу за этим конкретным забором по чужой воле. У меня были предшественники. Первый русский диссидент сидел именно здесь.

Этот монастырь не прославился за свою шестисотлетнюю историю практически ничем, кроме того, что сюда первый Романов, Михаил (основатель последней русской династии), сослал первого русского вольнодумца – князя Ивана Хворостинина.

Дело было в 1623 году. Иван, как и многие русские дворяне в то смутное время, оказался в тусовке Лжедмитрия I. От него и от поляков заразился европейским скептицизмом: вел беспутную жизнь, читал еретические книги, переводил на русский Лютера, Эразма Роттердамского и Франсуа Вийона, не соблюдал постов, пил вино, ел мясо в Страстную неделю и не верил в воскресение из мертвых. Хворостинин сетовал, что московский народ глуп, не с кем слова сказать. Он говорил: «Московские люди сеют всю землю рожью, а живут все ложью».

Царя (и его родного отца – патриарха Филарета) это достало. Поэтому, несмотря на воинские подвиги (он удачно оборонял в 1618 году Переславль-Рязанский от татар и черкесов, за что был

награжден государем серебряным кубком и шубой), князя обыскали, а при обыске нашли сатиру, в которой он насмеялся над благочинием москвичей. «Словеса их верна аки паутина, а злоба их – глубока пучина».

Князя сослали сюда, к нам. Его держали скованным в пекарне, где ему поручалось сеять муку, печь хлеб и выгребать золу. Кормили его только хлебом, вполовину причитающейся нормы. И никаких книг. Впрочем, через пару лет над ним сжалились и, после того как он поклялся соблюдать уставы русской православной церкви, отпустили, отдали обратно чины и имения, и он вернулся в Москву из этой, выражаясь приличным языком, дыры.

Неприличным языком в монастыре выразиться нельзя. Это будет грех сквернословия, и за него могут навешать. Точнее, наложит епитимью. Например, дать «поставление на поклоны». Или сменить текущее послушание (общественно-полезные работы) на более тяжелое. Епитимья очень напоминает легкие армейские наказания – чем не двадцать отжиманий или три наряда вне очереди?

Жизнь у нас спокойная, размеренная. В шесть утра подъем, потом полунощница, литургия. Потом послушание, то есть трудовая повинность. Пока мне назначено колоть дрова. Из этого ты легко можешь сделать вывод: в монастыре печное отопление. Устаю от этой рубки страшно, руки уже в мозолях, зато я становлюсь спортивным на глазах.

В 11:30 обед. Завтраком его не назовешь, хоть это и первая еда за день, потому что в скоромные дни дают суп из соленой оленины, пшеничную кашу и солодовый квас. В постные все скучнее, но тоже жить можно. С тюремной баландой не сравнить! Перед трапезой звонарь двенадцать раз бьет в колокол, созывая братию в трапезную.

Меня очень развлекают новые слова: Наместник (местный начальник, Игумен, высокий, седой, худой, длиннородый), Благочинный (шеф полиции, следит за порядком – тихий, незаметный, борода почти не растет, зато голос как у Джельсомино. Когда он начинает орать, я боюсь за свои барабанные перепонки), Ризничий (зав. церковной утварью: серый, маленький, тщеславный, с жидкими волосами, все время улыбается, никогда не смеется), Келарь (шеф-повар, толстый, как боров, – настоящий повар), Трапезник (директор столовой, кажется, у него глаза разного цвета и язва), Уставщик

(следит за правильностью ведения службы, похож на старого коммуниста, отрастившего вдруг бороду), Регент (управляет хором, при этом активно массирует меня в свой хор: деловит, но незаметен, петь не умеет совсем, лучше бы с Благодичным договорился), Пономарь (ассистент Ризничего – зажигает кадило, готовит просфоры, подметает алтарь и пр.; суетлив, при этом ленив и к тому же плаксив).

Другие профессии звучат понятней: Больничный (врач), Библиотекарь, Эконом. Всего тут нас человек пятьдесят – послушников и монахов. После обеда – снова послушания до полдника (около 15:00). Полдник – компот из морошки или голубики и булка. Иногда пирожки с той же морошкой. В 16:30 вечерня до 19:00. Потом ужин (каша – гречневая или перловая и опять же солодовый квас), потом крестный ход вокруг монастыря. Потом «келейное пребывание».

Это значит, что я должен сидеть в своей келье. Келья – это четверть обычного русского бревенчатого сруба: комнатка два на три метра, в которой всей мебели – полати и самодельная табуретка. В келье нужно молиться и читать душеполезные книги, заниматься рукоделием (рука тянется написать «рукоблудием»), чинить одежду (очень смешной черный подрясник, под ним, извини за подробности, исподнее).

Но тут есть одна отдушина. Я в первый же день тщательно изучил монастырский устав. Он оказался очень интересным, особенно мне понравилось наставление «не впадать в грех мшелоимства». Я сначала подумал, что это грех ловли мышей в собственной келье, но потом узнал, что это грех корыстолюбия.

Так вот, по уставу я имею право во время келейного пребывания посещать других монахов для духовной беседы. Поэтому в 20:30 я иду к Больничному.

Он был врачом на научном судне «Профессор Мультиановский», прошел все моря в полном смысле этого слова – от Северного до Южного полюса, классный мужик, простой, веселый и очень добрый. Наш монашеский клубок идет к его короткой морской бороде и рукам в наколках примерно как противогаз президенту РФ во время новогоднего телевизионного обращения. В монастырь попал почти случайно. Во время шторма в проливе Дрейка его, пьяного в дугу,

смыло волной, и он, бултыхаясь в океане, дал обет, что если спасется, то примет постриг. Спасли его довольно прозаично – бросили круг и веревку, а вот как он смог их поймать – это уже известно одному Богу. Поскольку ни детей, ни жены у него не было, то монастырь оказался для него неплохим способом провести старость.

Как только я ему сказал, что тоже закончил мединститут, мы с ним скорешились. Все-таки у врачей, даже расстриг, есть некоторое родство. Я думаю, это своего рода чувство посвященности в таинства рождения и смерти. Ну да неважно.

У него в изоляторе есть радиоприемник. Старый транзисторный. И по вечерам он дает мне его послушать под мое целование креста, что я и на исповеди про это не расскажу. Ловятся только средние волны, но я нашел архангельскую радиостанцию «Северная волна», и там как раз в это время по вечерам идет передача «Роковый час». На ней гоняют старую качественную музыку. Битлов, Doors, Роллингов, Dire Straits, Нирвану.

Вчера, например, местный диджей запустил The Cowboy's work is never done. Я просто тащился.

Right! I used to jump my horse on right

I had on six guns at my side

I was so handsome women cried

And I got shot but never died.

Как мне захотелось вскочить на лошадь и поскакать на ней куда-нибудь... Неважно куда, главное, чтобы женщины зарыдали. И ты – среди них.

Но ровно в 22:00 я должен быть в келье, а если попадусь Благодичному – то мне же хуже. Кстати, здесь сейчас белые ночи.

Точнее, полярный день. Поэтому попасться легко.

Средств коммуникации – никаких. Ни почты, ни телефона. Не говоря уже про интернет. Спутникового телефона нет даже у Игумена. По слухам, у него есть рация, но пользоваться ею можно только в аварийных случаях. Говорят, что раз в месяц заходит корабль, но от этого не легче: мне, как послушнику, вся переписка запрещена. До особого разрешения Игумена. Да и была бы разрешена – Игумен читает все письма перед отправкой. Ему их приносят в открытых конвертах, а потом он сам их запечатывает. Ближайшая деревня на пять домов – километрах в двадцати морем (по тайге пешком не пройти, только зимой на «Буранах» или оленях). Называется эта деревня очень правильно – Верхняя Мгла.

Ближайший город (говорят, тысяч пять жителей) – километров сто по морю. Называется, между прочим, Мезень. Ну то есть в честь одноименной реки, которая течет как раз между Печорой и Онегой. Всю жизнь мечтал оказаться в городе, названном в мою честь:) Но боюсь, что он меня разочарует. Бедность, хрущевки, разбитые дороги, полусдохшие магазинчики, голодные собаки и озлобленные люди в телогрейках. Хотя иногда приятно думать, что я ошибаюсь и Мезень – это самое тихое, чистое и спокойное место на земле, удаленное от скверны и разврата больших городов, где есть только церкви, небо и океан с маленькими деревянными домиками вдоль берега и белыми чайками в небе. Но Мезень, кстати, не ближайшее место, где есть мобильная связь и какой-то интернет.

Еще где-то к северо-востоку есть военный аэродром. Время от времени я вижу, как поднимаются и идут на посадку стратегические бомбардировщики – тренируются к броску на Штаты через Северный полюс. Судя по высоте полета, до аэродрома километров двадцать – тридцать. Но это сверхзакрытый, сверхсекретный военный объект, как ты догадываешься. Думаю, что, написав тебе об этом в письме, я уже могу быть обвинен в шпионаже и измене Родине. Впрочем, если письмо найдут, у меня будут неприятности похуже обвинений в каком-то там шпионаже.

Но кажется, я повторяюсь. Лучше напишу, как мы тут развлекаемся. Ну то есть кто как. Кто-то – постом и молитвой. А я, например, однажды под видом послушнических вопросов затеял богословский спор. Получилось очень удачно. Весь монастырь после

этого две недели поглядывал в мою сторону с некоторым страхом и уважением. Началось с того, что я спросил по окончании трапезы, во время разливания компота:

– Отец Игумен, благослови задать вопрос!

– Благословляю, сын мой!

Здесь есть один филологический прикол. Вместо «разрешите» надо говорить «благослови». Например, «Благослови, отец, отлучиться по малой нужде». И надо ухитриться не справить малую нужду прямо на месте от смеха, услышав: «Благословляю, сын мой». Вместо «спасибо» надо говорить «спаси ты, Господи». Иногда говорят «спаси Бог», откуда, как я понял, собственно, и берется наше «спасибо».

– Отчего в нашей православной церкви богослужение идет на древнем и малопонятном языке, когда другие православные церкви, хоть греки, хоть грузины и даже латиняне, уже молятся на своем родном языке?

Возникла пауза, и я готов поспорить, что монахи и послушники настолько же демонстративно уткнулись носом в компот, насколько заинтересованно ждали ответа настоятеля. Посмотрев на монахов, Игумен с легким вздохом принял вызов.

– Разве же плохо молиться на языке наших дедов и прадедов?

– Очень хорошо молиться на языке дедов и прадедов. Только наши деды и прадеды говорили на русском. А вот если произнести «пра-» раз двадцать пять-тридцать, то тут-то мы и дойдем до языка наших праотцев. А из-за того, что мы молимся на церковнославянском, мы не можем привлечь в лоно нашей церкви ни татар, ни эскимосов. Русский они еще худо-бедно понимают, а вот церковнославянский уже нет.

– Негоже нам, подобно лютеранам, искажать слово Божие на потребу инородцам.

– Отец Игумен! Слово Божие звучало на древнееврейском, а потом на арамейском языке. Новый Завет написан по-гречески. Чем же церковнославянский язык лучше русского?

– Не мы, сын мой, решали, на каком языке творить молитвы. Не нам и отменять это решение.

Здесь я подумал, что он прав. Ну чего я к нему пристал? Есть люди старше чином и званием, которые за это отвечают. И обсуждать их решения бессмысленно. Даже если интересно. Я поклонился,

поблагодарил за трапезу и собирался уже вернуться к своим дровам, но услышал:

– Постой, сын мой. Каждый может молиться Богу на том языке, на котором ему удобно это делать. Бог поймет любой язык. Если тебе хочется молиться по-русски – молись по-русски.

Я еще раз поклонился и вышел. Из последних слов Игумена следовало многое. Следующий логический шаг, и получится, что и обряды не так уж важны. А где не так важны обряды, там не так важна и церковь. А значит, и православные, и иудеи, и протестанты, и буддисты, и мусульмане, и католики просто общаются с Богом на том языке и в той системе обрядов, которая им удобней. Например, потому что они к ней привыкли. Или из-за того, что она больше подходит их национальному характеру. Или строю души каждого конкретного верующего. Или просто ближе, неизвестно почему. Следовательно, говорить о том, какой способ вероисповедания правильный, примерно так же умно, как обсуждать, какой язык лучше: английский или испанский. Или русский. Каждому свое.

Тут и призадумался. И время есть, и обстановка соответствующая.

Последнее время я все думаю: кого же хаты отрядили следить за мной? Так с лету не угадаешь. Монахи – люди замкнутые. Косо на меня посматривают Ризничий и Келарь. С Больничным у меня такие хорошие отношения, что будет обидно, если это он. Игумен – человек явно верующий, и у него нет этой хатской меднолобой упертости. Пожалуй, упертость есть только у Ризничего. Он однажды, заметив меня выходящим от Больничного, сказал загадочную фразу: «К своим придяша, а свои его не позна». Но что он имел в виду – неясно. Что мы с морским волком свои, потому что мы – два врача? Мне послышалась в его тоне скрытая насмешка.

В любом случае, кто бы это ни был, мне следует вести себя поосторожней. А не хочется. Хочется – наоборот. А еще больше – хочется к тебе. Просто к тебе, и всё.

Запрягай коня да вези меня.

Там не терем стоит, а сосновый скит.

И цветет вокруг монастырский луг.

Ни амбаров, ни изб, ни гумен.

Не раздумал пока, запрягай гнедка.

Всем хорош монастырь, да с лица – пустырь,

И отец игумен, как есть, безумен.

Не представляю себе, когда мы увидимся. Но уверен, что когда-нибудь я тебя еще обниму, а то и... Веди себя хорошо. Скучай по мне.

Твой Иосиф

P.S. Писать ты, к сожалению, мне не можешь. И не забудь, для всех остальных ты и понятия не имеешь, где я нахожусь.

P.P.S. Появилась оказия. Пришел парход!!! Завтра он будет в Мезени, а там уже существует авиапочта! Мир не без добрых людей... Отправляю письмо и обнимаю тебя нежно. Пишу на рабочий адрес, на имя твоей Таньки. Надеюсь, она передаст второй конверт, не вскрывая. Похвали меня за то, что я заботливый и осторожный:)) Письмо уничтожь! А если хочешь сохранить для семейного архива – то выбери место понадежнее. Не дома и не на работе.

Целую, И.

Философская ссылка

Я отправил письмо, и опять начались серые длинные дни.

Светом в окошке было время, которое я в согласии с монастырским уставом проводил в беседах с Больничным. Мы вели философские диспуты, он рассказывал истории из своей бурной жизни флотского врача.

Однажды у нас с ним возник разговор о русской идее. Сокрушенно качая головой, все прошлые и нынешние беды России он относил на счет монголо-татарского ига, отодвинувшего Россию от прогресса и цивилизации почти на триста лет. Я, не желая его обидеть, потому что человек он был искренний и хороший, попытался ему возразить.

Я сказал, что Дмитрий Донской разбил хана Мамаю уже в 1380 году, а дальше Россия имела дело скорее с разовыми грабительскими набегами, чем с постоянной оккупацией. Но в это время и Европа опустошалась то столетними войнами, то чумой. Больше двадцати миллионов людей умерло от чумы за три года. Какие там монголо-татары? Это соизмеримо даже в абсолютных цифрах с мировыми войнами. А Европа тогда была совсем маленькой. Семьдесят пять миллионов.

Я попросил его объяснить, как это так: Гутенберг изобрел книгопечатание в середине XV века, а в России первая типография появилась лет через сто с лишним, при Иване Грозном. И при чем здесь татары? Сначала надо было брать Казань и Астрахань, а потом уже книги печатать?

– Ну и почему книгопечатание появилось так поздно? – подозрительно посмотрел на меня Больничный.

– Чтобы народ не читал лишнего. Московский третий Рим со всеми его богоизбранническими идеями побаивался первого.

То есть католицизма. А точнее, всего того, что последовательно шло на Россию с Запада. И до сих пор побаивается. Отсюда необходимость в последовательной смене культурных железных занавесов.

– А разве же ты не чувствуешь, что Россия и правда избрана Господом?

– Россия избрана Богом не больше, чем Англия или Франция. И не меньше. Большая страна, много ответственности. А сейчас все

надорвались от перенапряжения и сидят обломанные. И никто не знает, что делать. По какой концепции строить страну так, чтобы не было понижения градуса. Россия же пьющая страна. Каждый житель знает: градус понижать – нельзя.

– Нельзя никак.

– А без национальной идеи – и правда плохо. Ощущение дезориентации и потери смысла жизни тебя как части этноса. Народ смотрит футбол и матерится. Дальше обламывается. А хорошо ли обломанному человеку живется? Притом что русскому народу есть чем гордиться, кроме своей истории.

– Ну-ка, чем? Что в нас есть хорошего?

– Высочайшая способность к самопожертвованию ради любых ценностей, в том числе достаточно абстрактных (не обсуждается, откуда эти ценности берутся, а также кто и как их использует, потому что с этим есть проблемы). Постоянная готовность к обучению и реальная обучаемость. Очень высокий интеллект (в среднем по популяции, конечно). Трезвое, критическое отношение к себе как к личности и как к части народа. Даже избыточно трезвое. С элементами закомплексованности. Сострадание к тому, кто беднее и несчастнее. Неистребимая любовь рассуждать, обсуждать и снова рассуждать. Это очень важная черта для народа, который готов жертвовать и учиться...

– Да... Если бы не лень и не раздолбайство – до сих пор правили бы морями.

– А также не агрессивность, не закомплексованность, не глубокая политическая наивность, практически инфантильность, и еще одна штука, которая не так бросается в глаза.

– Что не так бросается в глаза?

– Пренебрежение кровнородственными отношениями.

– Что ты имеешь в виду?

– Семейные ценности не в чести. Брат брату вполне может быть волк. Родители – детям. Тем более теща зятю. Собутыльник и друг ближе кровного родственника. Матери орут на детей. Причем орут со злобой. И бьют иногда.

– Ты вот умный такой. У тебя, что ли, есть национальная идея?

– У меня есть идея, что сверхценная национальная идея не нужна. Отменить пафос. Сказать честно: мы не хуже всех. Мы не лучше всех.

Давайте работать. От этого мы будем становиться свободнее. И морально, и политически.

– Ну, работа, конечно, освобождает, но ты что, на Гитлера намекаешь?

– Нет, сорри, Больничный. Случайно вышло.

– Работать, значит? И страна восстанет из праха?

– Если работать, то восстанет.

– Понятно. Так вот ты сам вместо того, чтобы вкалывать, в библиотеке торчишь! Или со мной лясы точишь!

– Ну...

«Северная волна»

В таких душевспасительных беседах протекало время.

Как-то полярным белым вечером в конце первого месяца моего пребывания я сбежал от очередной беседы с Ризничим и пришел в изолятор к Больничному.

Он угощал меня чаем (полузапрещенная вещь), и мы слушали радио (абсолютно запрещенная). Меня словно унесло в далекое детство, когда запрещенный западный рок можно было услышать только с помощью хрипящего коротковолнового приемника. Сева, Сева Новгородцев. Город Лондон, Би-би-си. Дребезжащие низкие вступительные аккорды. И – вперед!

Но тут неожиданно я услышал из свистяще-хрипящего приемника то, что услышать не мог в принципе. Мне показалось, что диджей произнес мое имя и фамилию. Я жестом попросил Больничного замолчать и наклонился к приемнику. Больничный удивленно затих. Он тоже офигел. Текст шел такой:

«...да, дорогой Иосиф. Да, рядовой Мезенин. И наша „Северная волна“, и слушатели „Рокового часа“ тоже желают тебе скорейшего завершения твоей нелегкой, но почетной службы – охраны рубежей нашей великой Родины! А пока твоя девушка Маша ждет тебя в далекой Москве и очень скучает по тебе. Ждет, дорогой Иосиф, и скучает. Она надеется, что вы увидите в самое ближайшее время. И сейчас мы по ее просьбе поставим

песню твоей любимой группы *The Beatles*. Твою, Иосиф, любимую песню – *Help!*».

Я открыл рот, и через секунду из радиоприемника, как положено, без единого вступительного аккорда понеслось:

Help, I need somebody,

Help, not just anybody,

Help, you know I need someone,

Help!

Конец двадцать седьмой главы

Глава двадцать восьмая

Райская музыка

Песня *Help!* никогда не была моей любимой песней. Но сейчас она звучала для меня как настоящая райская музыка в настоящем раю. Я замер. Думаю, со стороны казалось, что я начал светиться от счастья. Больничный удивленно тряс головой. Через положенные две с небольшим минуты песня закончилась. Больничный скептически посмотрел на меня и сказал с упреком:

– Ну что ты за послушник? Тебя одной песней соблазнить можно. Даже фотка не нужна. И зачем я только твое письмо пересылал?

– Умница! Подумай, что она за умница! Такое устроить!

Больничный укоризненно смотрел на меня. Я спохватился, что переборщил с эмоциями.

– Сам же говоришь: «Не согрешишь – не раскаешься, не раскаешься – не спасешься».

– Да не в грехе суть. Грех – дело молодое и поправимое. Но тебя опять сейчас на мирские мысли поведет. Теперь еще две недели маяться будешь. Только-только успокоился. Прав Игумен – от радио для неокрепших душ один соблазн.

Сердце мое бешено колотилось, в ушах звенело. Меня просто распирало от счастья, и я понял, что скрывать это сил у меня нет. Поэтому я сказал, что хочу пройтись – успокоиться и проветрить голову. Больничный немного скептически благословил меня на прогулку.

Я шел по монастырю смиренным шагом, как учил меня Ризничий: «Походку иметь скромную, взор потуплять долу, а душу – горе», но губы просто сами двигались, выводя: *She loves you, yeah, yeah, yeah!*

Help!

И тут я начал думать. И удивляться. Потому что Маша, выучив мой вкус за многие годы, отлично знала, что ни сама песня *Help!*, ни

одноименные диск и фильм никогда не вызывали у меня сильных эмоций.

Если бы она хотела просто сделать мне приятное, к ее услугам была бы любая песня из *Sgt. Peppers*, *White Album* или *Abbey Road*. Не может же на этой «Северной волне» не быть классики?!

Но в любом случае *Help!* в качестве музыкального подарка был неуместен.

Так-так. А если это не музыкальный подарок? Тогда что? Минуточку. Но ведь, трактуя текст буквально... Да ведь это же, мать твою так, крик о помощи!

Это же – *Help!*

Сигнал SOS! Батюшки! Черт побери! Причем этот SOS от Маши я получил как положено. По рации. А если в текстовом бреде диджея тоже что-то есть, то это сигнал о том, что требуется именно «скорая помощь». Что он там говорил: «Она надеется, что вы увидите в самое ближайшее время».

Я присел на пень, на котором еще недавно колот дрова, и взмолил Господа о сигарете. Надо было привести мысли в порядок.

Письмо мое Маша получила. И придумала способ со мною связаться. Гениальный способ. Однако. Из моего письма четко следовало, что покидать пределы монастыря мне небезопасно. А точнее, смертельно опасно.

Получается, что ее положение вообще безнадежно, раз она решилась на такую просьбу. Это же Маша! Она же всегда была сильнее меня. И, не побоюсь этого слова, умней. А теперь я ей понадобился? Ага. Значит, там у нее все реально плохо. Значит, пора в Москву. Боже мой! В Москву!!

В Москву, в Москву!

Home, we're on our way home. We're going home.

Отлично. В Москву. Но как?

Следующий пароход будет через неделю. Или через две. Меня на него не пустят. Тайно пролезть не удастся: пароход маленький. Не успею я пройти сто шагов до пристани, как поднимется шум. Подкупить кого бы то ни было в монастыре – это просто смешно. Тем

более что денег у меня нет, а алмазную биржу в этих краях еще не построили.

Угнать несчастную деревянную моторку, на которой монахи побаиваются отплывать за сетью на пятьдесят метров, и плыть на ней сто километров до Мезени по штормящему морю?

Мало того, что бензина не хватит, а где хранятся его запасы, я не знаю, так ведь и лодка развалится. Волн меньше трех-четыре баллов здесь не видел. А вода холодная. Градусов пять – семь. Если лодка перевернется или сдохнет иным образом, до берега мне не доплыть.

Можно идти пешком, но переход через тайгу в сто километров – это для романа Джека Лондона. В лесу деревья и буреломы, через которые надо пробираться, – а также волки, медведи и прочая агрессивная фауна. И я не верю в ориентацию по странам света с помощью мха на северной стороне деревьев. У них тут везде мох. И везде – болота. Да просто пройти сто километров по тайге без компаса – это пять-шесть дней, если точно знаешь, куда идти.

Идти вдоль берега? По прибрежным скалам нельзя. Можно их пытаться обходить, но на дорогу уйдет неделя. Допустим, с едой я разберусь, возьму соли и хлеба на кухне, а в крайнем случае на берегу полно птичьих гнезд гагар и чаек. Поэтому яичницу я себе всегда сделаю. Или запекать яйца в золе.

Но ведь меня хватятся. Что бы ни решил Игумен о причине побега (а Больничный ему расскажет, что из-за бабы), он прежде всего захочет спасти мне жизнь. Поэтому вызовет по своей рации вертолет. Если даже я спрячусь от вертолета, в Мезени меня уже будут ждать. Человек из Братства, который примет свои меры. А я ведь следящего за мной здесь так и не вычислил. Небось, Ризничий. Хотя если бы и вычислил, так что? Убивать? Нет уж, спасибо!

Все это неважно. Когда бы я ни добрался до Мезени, меня там будут ждать. И хаты, и монахи, а может, еще и менты.

Да. Сложно. Похоже, мои новоиспеченные Братья все продумали. И даже если я чудом вырвусь из Мезени и доберусь до Москвы, квартира Маши – это то самое место, где меня проще всего будет встретить. Не считая, конечно, моей квартиры. Ладно, в Москве хотя бы можно затеряться и попробовать поиграть с ними в кошки-мышки. Но как до Москвы добраться?!

В общем, один вывод сделан: надо оказаться в Москве до того времени, как меня хватят в монастыре. Но это можно сделать только на самолете. Трансгрессию, или как там это называется у Гарри Поттера, даже хаты не изобрели. Стоп.

Стоп! На самолете. А ведь у нас же тут есть военный аэродром! Не дальше чем в тридцати километрах. А может, и ближе. И аэродром находится, скорее всего, на самом берегу океана, чтобы в случае чего взаимодействовать с флотом. Да и не на самолетах же, в самом деле, завозили бетон, когда этот аэропорт строили...

Не думаю, что на военном аэродроме меня очень ждут. Но сейчас об этом лучше и не думать. Все не просчитаешь.

Надо понять одно: как до этого аэродрома добираться – пешком или на моторке. Пешком – тридцать километров по скалам – отпадает. Меня хватят раньше, чем я на три километра отойду. На моторке это два-три часа. Если хватит бензина.

Я понятия не имею, какой запас хода у моторки и, главное, сколько там осталось бензина в баке. Но это неважно. В любом случае часть пути лучше пройти морем. Черт с ними, с волнами. Люди выходят в Белое море и на байдарках.

Теперь вопрос – когда. Почему бы не сегодня? На подготовку мне ровным счетом ничего не нужно. Заскочить в келью за Звездочкой и на кухню за топором, спичками, хлебом и водой. Так ведь до отбоя пятнадцать минут. Пора!

«То ли дождь идет, то ли дева ждет. Запрягай коней да поедем к ней».

Приучить себя к мысли погибнуть с честью

Через четверть часа я вынес под телогрейкой (ночи становились все прохладнее) топор, распихал по карманам хлеб и спички, завернув их в половину найденного на кухне полиэтиленового пакета, а второй половиной пакета запечатал бутылку с водой. Нагруженный всем этим, я вошел в келью и стал ждать, пока наберет силу ночной прилив. Написал записку Больничному. Извинился. Объяснил, что поплыл на моторке в Мезень, а когда бензин кончится – пойду берегом.

Нехорошо, но Бог простит. Сдаваться хатам из сентиментальных соображений я не собирался. А не оставить записку – обидеть хорошего человека. Посоветовал записку не показывать, чтобы не подставляться. Про Мезень все и без нее догадаются.

Около одиннадцати, пригнувшись, чтобы меня не заметили другие бодрствующие обитатели келий с *sea view*, с топором под рясой, я пробрался к забору со стороны побережья. Тупым концом топора я легко, почти бесшумно сбил замок с засова неприметной калитки, открыл ее и пробрался к лодке. Еще через десять минут на веслах, чтобы не наделать шума, я отгребал от берега. Волны были на удивление скромные – меньше человеческого роста и без барашков.

Отплыв метров на пятьсот, я убедился, что бак почти полный, перекрестился на монастырь и дернул за заветную веревочку.

Мотор завелся с первой попытки и радостно затарахтел. Не заревел, как режут полноценные четырехтактные моторы, а именно затарахтел: он, понятное дело, был как на мопеде – двухтактным. Я устроился поудобнее и дал полный газ. По ощущениям скорость была километров десять в час. Ветер был почти попутный. Брызги летели в морду. Иногда волны все-таки перехлестывали через борт. Я пытался разворачивать лодку под углом сорок пять градусов к волне. Где-то я читал, что большие волны надо проходить именно так. Лодку отчаянно бросало то вверх, то вниз.

Впрочем, у меня было такое состояние, что морская болезнь мне явно не грозила.

Я, как учили меня самурайские книги и Антон, отпустил свое сознание, не думал ни о чем и, стараясь держаться не дальше пятидесяти метров от берега, управлял лодкой автоматически.

Вскоре я начал понимать, что это опасно. Неслучайно же моряки боятся близкого берега, предпочитая ему открытое море. Я отошел дальше в море еще метров на сто. Если лодку выбросит на камни и разобьет, я покойник.

Но интересно, что о собственной смерти я думал несколько отстраненно. Как о некой опасности, которой, в принципе, хотелось бы избежать. Никакой паники не было. Я изменил курс и отплыл подальше от берега. Волны сразу стали выше.

Четыре или пять раз волна полностью перекатилась через лодку. Я бросил руль и вычерпывал воду большим ведром, которое хранилось в лодке, очевидно, для этих целей.

Когда я убедился, что очередного пережлеста волны лодка не выдержит, я вдруг вспомнил, что определенно читал у Клаузевица мысль, которая сейчас приписывается японцам. Мне показалось, что я помню эту цитату почти наизусть, хотя читал Клаузевица один раз в жизни, и то давно. В своем наставлении кронпринцу он писал:

Итак, если против нас даже сама вероятность успеха, то все же не следует считать предприятие невозможным или неразумным. Разумно оно всегда, раз ничего лучшего мы сделать не можем. Дабы в подобном положении не потерять хладнокровия и стойкости, надо приучить себя к мысли погибнуть с честью, постоянно питать ее в своей груди и с нею свыкнуться. Будьте уверены, ваше высочество, что без этой твердой решимости ничего великого сделать нельзя даже в счастливой войне, а тем более в несчастной.

Удивительно, какие вещи могут приходиться в голову в такое странное время. Все-таки в критической ситуации наше сознание изо всех сил занимается самосохранением. Вот так люди и успокаивают себя перед смертью.

Но пришла пора оставить в покое сознание и подумать о брэнном теле. Надо было дать ему хоть какой-то шанс на спасение. Лодка была на последнем издыхании. Я – тоже.

Эх, нечего было бояться скал и отплывать так далеко в море. И вообще нечего было бояться. Я направил лодку к берегу. И только тут я заметил, что вокруг меня страшно грохочут волны. Странно, что я не

замечал этого грохота раньше. Я пожал плечами. Что тут поделаешь? Грохот и грохот. Борт лодки почти сравнялся с уровнем подхватившей меня волны.

Тогда я решил, что умереть от удара головой о камень лучше и быстрее, чем захлебываться, постепенно идя ко дну.

Поэтому я схватился за весла и стал изо всех сил грести к берегу, помогая мотору.

Лодку подхватила очередная волна высотой не меньше трех метров. Я бросил весла и оглянулся. До берега было уже недалеко. Меня на секунду охватило чувство полета на аттракционе в луна-парке, а потом к грохоту волн добавился оглушительный деревянный треск, и меня выбросило из лодки к чертовой матери.

Я упал в воду. Мне показалось, что я ударился коленом о камень, но никакой боли не было и в помине. Я стоял в воде по пояс. Вокруг меня стало гораздо тише. Камень, о который разбилась в щепки моя лодка, теперь работал по совместительству дамбой. Не дожидаясь следующей громадной волны, я собрал все свои силы и поплелся к берегу. Сапоги, заполненные водой, и намокшая ряса сильно мешали, но до сухих камней было уже совсем близко. Метров десять. Я кое-как вскарабкался на них, перевалился через огромный валун – памятник последнего ледника и, почувствовав себя на Большой земле, закрыл глаза. Ни мыслей, ни чувств не было. Было только желание дышать полной грудью, чтобы отдышаться.

Некоторое время спустя я поднялся и вылил воду из сапог. Колено начало болеть, но не очень сильно. Я залез на торчащий неподалеку высокий камень и огляделся.

Впереди, довольно далеко, виднелась вышка. Я спустился и, чуть прихрамывая, пошел прямо на нее. По дороге устроил себе завтрак: монастырский черный хлеб, густо посыпанный солью, с монастырской же освященной водой. Полиэтиленовые пакеты – великое изобретение европейской цивилизации. Через час, почти обсохнув, я подходил к бетонному ограждению аэродрома. Мое путешествие заняло меньше шести часов. Впрочем, незабываемых.

Конец двадцать восьмой главы

Глава двадцать девятая

В Нью-Йорк маршрут проложен

Я обошел аэродром по периметру и обнаружил наконец зеленые ворота с нарисованными красными звездами. Робко постучал. Через минуту заспанный караульный открыл мне калитку. Воображаю себе его чувства.

Монах в черном клобуке в полседьмого утра у ворот секретного аэродрома на Крайнем Севере России. Солдатик начал трясти головой. Но я не был галлюцинацией. Я был реальностью, и с ней следовало считаться. Часовой, еще не свыкнувшись с этой мыслью, хлопал белесыми глазами.

– Ты кто такой?

– Послушник Спасо-Печерского монастыря. Мне нужно срочно поговорить с твоим начальством. Зови его или пропусти меня.

– А, послушник? Ну и че те надо?

Я понял, что надо быть порезче.

– Вызови начальника караула. Быстро. Вопросы есть?

– Нет. Ща, погодь.

Он боязливо закрыл калитку и появился через пару минут.

– Ща к те придут. А курить есть?

– Нет. Сам бы покурил.

– Так это. У вас это вроде грех?

– А я бы покурил. Хоть и давно бросил.

Караульный на всякий случай скрылся за калиткой. Через десять минут пришел начальник караула, который, осмотрев меня с головы до ног, покачал головой, сказал, что комэска^[23] спит, а он его зампотех^[24] и я могу говорить с ним. Я убедил его, что говорить со служителем культа на улице негуманно, и он впустил меня в караулку, выгнав оттуда наряд.

Дальше я, на ходу сочетая ложь и правду, рассказал следующее. Я не монах, а только послушник. В монастырь попал от несчастной любви (здесь мне пришлось на секунду задуматься, нет ли в этих словах доли правды). Бросил бизнес, машину, квартиру в Москве и подался в

монастырь на Крайний Север. Но тут моя девушка со мной связалась, сообщила, что она попала в беду, и теперь мне кровь из носу надо быть дома. И чем скорее, тем лучше.

– А как это она с тобой связалась? Пароход же только через две недели будет, – недоверчиво спросил зампотех.

– А по радио. Ты вчера «Северную волну» слушал? В восемь вечера, музыкальную передачу «Роковый час».

– Ну, слушал. В этой жопе больше и слушать нечего. И че теперь?

Голос его звучал ехидно и подозрительно. Я поднял глаза и внимательно посмотрел на зампотеха. Лицо как лицо. Хитрые, умные глаза светились на нем зеленым светом. Хатское владение НЛП мне бы сейчас пригодилось. Но научить меня ему не успели.

– А там диджей передавал привет Иосифу Мезенину, слышал? – спросил я.

– Ну, слышал. Я еще удивился, кто это такой. В наших частях таких вроде нет, а других частей здесь на тысячу верст в округе не сыскать. Я подумал, может, морячок какой.

– Так это я. Иосиф Мезенин – это я.

– Ты? И она тебя по радио нашла? Высокие у вас отношения. И че ты от меня хочешь?

– В Москву. Хочу в Москву. На самолете.

– Интересно. Хм. На самолете? В Москву? На стратегическом бомбардировщике? Понятно! Может, в Нью-Йорк? А то у нас маршрут проложен. И карты есть.

– В Нью-Йорк потом. Сначала в Москву. Но я заплачу.

– Заплачу? У тебя прямо под рясой деньги есть?

– Деньги есть в Москве. Здесь нет.

– И ты хочешь, чтобы я человеку в такой форме, – он кивнул на мою рясу, – поверил на слово?

– У всех своя униформа, – философски и, как мне показалось, очень религиозно ответил я. – У меня залог.

– Какой еще залог?

– Залог, что расплачусь, когда прилетим.

– Это я понимаю. Что за залог?

– Бриллиант. Очень дорогой.

– Покажи.

Я показал. Майор очень скептически взял Звездочку, покрутил в руках, попытался взвесить на ладони и вернул мне.

– И сколько, по-твоему, стоит эта стекляшка? – спросил он.

– Это не стекляшка. Смотри.

Я взял валявшуюся на полу караулки бутылку от портвейна и обвел горлышко, сильно прижимая Звездочку к бутылке.

– Держи!

– Что держи?

– Отломай горлышко.

Майор сделал движение, как будто он хотел разломать бутылку пополам. Когда у него вдруг это получилось, его глаза заметно расширились.

Как ломают шоколад в руке?

И тут я вдруг вспомнил, как очень давно, вернувшись с концерта «Наутилуса», мы до хрипоты спорили с Антоном, что означает фраза «Я ломал стекло, как шоколад в руке». Антон утверждал, что этот жест – резкое сжатие кулака правой руки от страсти и бессилия. Я настаивал на том, что шоколад ломают не так, а двумя руками, придерживая большими пальцами, и что Кормильцев фигню писать не будет. А ломать стекло, сжимая одну руку в кулак, тем более невозможно. Поэтому жест ломания стекла – это жест двух рук. К согласию мы тогда так и не пришли.

И вот сейчас, когда бутылка под руками майора сделала «чпок», меня осенило. Этим жестом открывается ампула с наркотиком! Двумя руками. Так же как ломается шоколадная плитка.

Мне страшно захотелось связаться с Антоном и сообщить ему о своей победе. Но майор быстро взял себя в руки.

– Н-да. Красивая игрушка. И на сколько она потянет?

Я вышел из оцепенения и заметил, что он уничтожил все четыре бутылки из-под портвейна, две из-под водки, а сейчас фигурно обрезает банку из-под соленых огурцов.

– Я ее не продаю. Я ее даю в залог. Подбросьте меня в Москву, и я заплачу сколько скажете.

– А сколько ты можешь?

– Ну... Штуки три долларов. Как за билет первого класса. Годится?

– Это надо с комэска говорить. Он через полчаса проснется. Слушай, а чего это твоей бабе так приспичило тебя звать? Ну, телеграмму бы дала.

Этот вопрос застал меня врасплох. Я начал тереть лоб в надежде, что это как-то поможет активизировать мозг.

– Понимаешь... Я думаю, там бандиты. Я же ей деньги оставил, машину. Все, в общем. Они еще при мне начинали виться вокруг нее.

– Да. Бандитов опять развелось немерено, – согласился майор. – Снова всякая срань полезла. Слушай, ты не против, если я этот камешек жене покажу? Она лучше в этих вещах шарит. Ты не бойся, я никуда не денусь.

– Я и не боюсь. Показывай.

– Ладно. Ты пока тут посиди. Все-таки секретный объект. Есть хочешь?

– Курить хочу, – признался я.

– Это можно. Держи!

Я взял у него сигарету и приготовился ждать. В караулке было тепло и спокойно, я даже задремал. Через полчаса майор вернулся.

– Стратегический бомбардировщик отменяется. Отмазку не найти. В Казань бы мы еще слетали, там наш завод, а в Москве нам делать нечего.

– А как же?

– А ничего страшного. Транспортным полетишь. Организуем для тебя чартер. Но в три куска ты не уложишься. Нам же делиться надо. И в той же Москве отстегнуть людям. Сам понимаешь. Зато жена твой алмаз оценила. Сказала: вещь! Так че, пять косарей найдешь для своей любимой девушки?

– Пять... – Я подумал, что хоть для приличия надо поторговаться. – Ну, найду. Но деньги в Москве.

– Как договорились. Камушек тогда пока со мной будет. Ну, жди, Ромео. Сейчас все согласуем, и через час – взлет. Отдохни пока. Там в транспортном трясет будь здоров. – Он внимательно посмотрел на меня. – Слушай, а ты переодеться не хочешь? Я те ща камуфляж принесу. А то в этой рясе... Ребята в Москве не оценят. Не наш прикид.

Через час я, переодетый в камуфляж, залезал на борт Ан-12, окидывая взглядом красавцев Ту-165. Потрясающий дизайн. В стиле

«Конкорда», но гораздо элегантней и внушительней.

Майор, которого я уже стал называть просто Шуриком, а он меня – Ромео, поймав мой восхищенный взгляд, объяснил, что потолок высоты у «Тушки» – восемнадцать километров, максимальная скорость – две тысячи двести тридцать километров в час (почти втрое больше, чем у пассажирских «боингов»), при этом она может взять на борт двенадцать крылатых ракет с ядерными боеголовками весом в три тонны каждая. Дальность полета у нее – четырнадцать тысяч шестьсот километров без дозаправки. Я впечатлился цифрами, но дизайн все-таки впечатлял больше.

– Короче, – сказал Шурик, – отмазка такая. Летим в Казань отдать на проверку турбину. Ее и правда пора отдать. Потом залетаем в Москву закупиться шмотками и всякой хренью. Понял?

– Понял. Так мы еще в Казань залетим?

– Да. Но на пару часов. К шести вечера уже в Москве будешь. На военном аэродроме.

– А я хотел ее на работе застать.

– А ты не много хотел? Скажи спасибо, что вообще летим.

– Это правда. Спасибо!

Так твоя Джульетта замужем?

Наш самолет оказался старым и раздолбанным, хотя вполне ухоженным. Я осматривался. Много непонятных агрегатов, ручек, пристегнутых коробок, люков и балок. Все выкрашено в защитный цвет, только красные надписи – в основном непонятные аббревиатуры. Меня посадили рядом с иллюминатором и заботливо пристегнули. Ремень был двойной, как на гоночной машине. Я бросил узелок с рясой и прочей монашеской одеждой себе под ноги. Вдруг пригодится.

Самолет разогнался, оставляя позади бетонные ангары, две пятиэтажки, КП. Тундру и море. И алюминиевых птиц неземной красоты, предназначенных для стратегической бомбардировки. Жаль, конечно, что не удастся полететь на такой прелести, ну да ладно... Мы взлетели, и я в последний раз увидел Северный Ледовитый океан.

Вел самолет сам Шурик. В помощь ему были бортинженер и штурман. Я пригрелся в выданной мне казенной телогрейке и уснул сном праведника. Шурик разбудил меня уже в Казани.

– Ты посиди тут. А то у них какая-то инспекция сегодня. Мы через часок уже взлетим.

– Постой. Мне же нужно предупредить ее. А то куда я припрусь? Домой к ней, что ли?

– А что?

– Там муж...

– Муж объелся груш. Ромео! Так твоя Джульетта замужем? А ты скрывал?

– А что, не полетели бы?

– Да нет. Полетели бы, конечно. Ну, предупреди.

– У меня нет телефона. Мобильник нужен.

– Организуем. В аренду. И уже в Москве. А если тебе сейчас – то звони с моего.

– Не прямо сейчас. Пока она дома – не надо. Я ей в рабочее время позвоню.

Я задумался. Никакого плана у меня с самого начала побега из монастыря не было. Пока мне это не мешало. Но через два-три часа я окажусь в Москве. И что мне там делать? Мне вдруг пришла в голову шальная идея, что если Маша вызывала меня зря, то можно будет

вернуться тем же самолетом и заявиться в монастырь как ни в чем не бывало.

Однако я должен этим ребятам пять штук. Дома денег было полно – тот доход с ФФ, который я успел вытащить из хитрых Крысиных лапок, а именно двадцать тысяч долларов. Но дома лучше было не светиться. Оставалось надеяться на Машу. Хотя пяти штук наличными у нее могло и не быть. Одолжить у кого-то и отдать с продажи алмаза? У кого?!

– Дятел ты, Ромео! – заключил Шурик.

– Это почему же?

– Потому что ты дятел, Ромео, а сегодня суббота. Совсем ты в своем монастыре одичал. Ладно. Все. Летим к твоей девушке. Избавлять ее от злодея мужа. Помнишь шутку по телевизору?

– Какую?

– Должен ли джентльмен помогать даме выйти из автобуса, если она хочет в него войти? Ха-ха-ха...

– Скажи, шутник, не слабо тебе какую-нибудь музыку поставить?

– Хм. Разве только через громкую связь. У нас тут свои авиационные технологии. Высокие без дураков. Ща звук с телефона на аудиовход бросим. Бутусова уважаешь?

Он покопался где-то за приборной доской, и в салоне раздалось:

я ломал стекло как шоколад в руке

я резал эти пальцы за то что они

не могут прикоснуться к тебе

я смотрел в эти лица и не мог им простить

того, что у них нет тебя и они могут жить

я хочу быть с тобой я так хочу быть с тобой

я хочу быть с тобой и я буду с тобой

Под дребезжанье динамика и грохот двигателя мы взлетели. Я попытался сосредоточиться. Было очевидно, что долгосрочный многоходовый план, учитывающий все, разработать нельзя. Поэтому я решил просто набросать список задач на день. Я зашел в кабину пилотов. Полубовался приборами, тумблерами и панорамным видом России. Попросил лист бумаги и ручку.

Найти Машу. Найти пять штук для этих ребят. Найти хоть сколько-нибудь денег для нас. Расплатиться, получив Звездочку назад. И смотаться из хатской Москвы к чертовой матери. Куда угодно. Хоть в Антарктиду.

Я попытался представить себе осложнения, которые могут меня ждать. Их было всего три. Герман, менты, которые после моего исчезновения, безусловно, считали меня убийцей, и хаты.

Кем меня считали хаты, мне было уже все равно. Если я не появлюсь в их поле зрения в течение какого-то времени, то они могут думать, что меня съели рыбы. Или волки. Но Маше я нужен сейчас. И буду ли нужен спустя некоторое время – непонятно. Как говорит Матвей, «если ты из гордости не звонишь любимой девушке, в это время ей звонит кто-то другой».

С ментами все проще. Может, и засад никаких нет. Так, ленивая прослушка. Оперативка по вокзалам и аэропортам. В любом случае придется быть наглым и осторожным одновременно.

А Герман? Ну, не в первый раз...

Не геройствуй!

Музыка кончилась, и я опять немного вздремнул, пытаюсь набраться сил после бессонной ночи на море, так что чуть не пропустил посадку, сразу после которой (вот она, прелесть частного самолета) мы пошли по направлению к части.

Нас встречал крепкий, толстенький кучерявый майор.

– А вот и наш герой-любовник!

– Добрый день! Я – Иосиф.

– Майор Козлов! – Он наклонил голову, чуть щелкнул каблуками. – Наслышан, наслышан. Что, не получилось на стратегическом бомбардировщике к любимой девушке слетать? На простом транспортнике прилетели?

Московский майор предложил звать его просто Васей и напоил нас чаем с бутербродами. Пока мы перекусывали, сидя в штабе, я подумал, что эти летчики могут мне помочь еще кое-чем.

– Ребята, – сказал я, – мне сейчас за деньгами ехать. Одолжите машину?

– Не вопрос. Хоть пушку, – ответил Козлов.

– Пушку???

– Списанный АКМ. Легко. Еще баксов двести добавишь?

– Добавлю. С патронами?

– Да хоть целый цинк.

– Зачем мне цинк? Так... пару магазинов...

– Бери что хочешь. Сам понимаешь, для дорогого гостя – полный сервис.

– И мобильник. Лучше смартфон. Хоть старый. Мне на него надо мессенджер поставить. Для безопасной связи.

– Найдем старенький «Самсунг». У меня, кажется, заряженный где-то валяется. Но на симке там много денег нет. Так что ты не болтай много. И с пушкой, – он прищурился на «калашников», – лучше не шути.

– Да я на всякий случай. Мне попугать в случае чего.

Через полчаса я деловито вспоминал базовые навыки обращения с автоматом Калашникова, полученные на военной кафедре в институте.

– Главное, – говорили мне оба майора, – не геройствуй. Стреляй только из положения лежа. Тогда ты, как мишень, в десять раз меньше. Понял? Автомат в дороге и вообще везде держи на расстоянии собственной руки! Ясно? Всегда не дальше, чем ты можешь дотянуться рукой не наклоняясь. А в случае чего – не думай. Всегда стреляй первым. Первым! Запомни! И вернись! А то что мы с твоим бриллиантом будем делать? Нам деньги нужны. И последняя заповедь: убивать ради баб никого на свете нельзя.

Я не собирался ни в кого стрелять. Тем более убивать. Автомат был просто частью моего антуража. Уверенным завершением моего мундира. То есть униформы. Кажется, я выглядел неплохо. Вот

понравится ли все это Маше? Но остатки робости были решительно отброшены. Я возвращался в город победителем. Только вместо серого коня в яблоках был пятнистый зеленый уазик.

Уазик был приписан к какой-то другой части, а потом в общем бардаке и вовсе затерялся. Документов на него не было никаких. Я проверил, как у него с бензином и тормозами. Затем влез на водительское сиденье, положил автомат под какие-то тряпки рядом с собой и завел мотор. Двигатель заработал с низким приятным звуком. Я включил передачу и тронулся с места. На первом светофоре, покрутив ручку старого раздолбанного приемника, я наткнулся на родное, умное и грустное, медленное и низкое:

Girl, you'll be a woman soon

Please come take my hand

Girl, you'll be a woman soon

But soon you'll need a man,

сменяющееся быстрой, нежной и тревожной скороговоркой:

I've been misunderstood for all of my life

But what they're sayin', girl, just cuts like a knife

«The boy's no good»

Baby, I've done all I could

Now it's up to you, girl...

Уволиться так сразу я не могу

Было около пяти вечера, когда я выехал с территории аэродрома. До Машиного дома было около часа пути. Она жила неподалеку от меня, на Покровке. Стоял нежный августовский субботний вечер. Люди шли в гости, рестораны и кино. Я ехал мимо них в камуфляже с автоматом. Мне показалось, что на каждом углу торгуют цветами. Здравствуй, столица! Давно не виделись...

Меня никто не остановил. Судя по всему, гаишники еще не выбрались на охоту, поджидая большой улов ближе к ночи. Я подъехал к дому и сделал два круга. Ничего подозрительного. Я кое-как припарковался. Оплатил с сим-карты парковку, подумав, что если денег на ней не хватит и машину увезет эвакуатор, то мне будет очень обидно. Вообще я заметил, что чем лучше продумана операция, тем из-за более глупых мелочей она срывается.

Но я отогнал прочь трусливые мысли. Подумал, брать ли автомат с собой, и с трудом засунул его под китель камуфляжа. Пришлось отстегнуть магазин и положить его в карман. Металлический приклад уверенно уперся в мои бедра. Заводить новый аккаунт и ставить мессенджер на полусдохший старый смартфон не было ни желания, ни времени. Я решил пойти по прямому пути и набрал номер. Наконец после паузы, не очень уверенно я нажал на зеленую кнопку, надеясь со страха, что никто не возьмет трубку. Но Маша ответила. Я понял, что пора пришла.

– Привет, это я. Если вокруг тебя люди, то скажи быстро что-нибудь типа: «Ой, привет, дорогая!» Если никого нет, говори что хочешь.

Вместо ответа началась пауза.

– Ау, это я.

– Ой, привет, дорогая!

Голос у Маши был – как будто она говорила с подружкой, которая совсем недавно умерла у нее на руках, а теперь решила позвонить с того света.

– Герман дома?

Длинная пауза.

– Да.

– Отлично. Не тормози! Теперь я буду задавать вопросы, а ты отвечай. Но не просто «да» и «нет», а с подробностями о твоей работе. Хорошо?

– Да на работе как всегда. Мучают нас, бедных. А ты сама-то где сейчас работаешь?

– Молодец! Умница! Я здесь. У твоего дома. Не бойся. Все будет о'кей. Скажи, у тебя проблемы из-за меня или из-за Германа?

– Ох, они оба того стоят!

– Понятно. Я сейчас поднимусь за тобой. Ты пока незаметно собери вещи. Только документы, средства связи без симок, деньги и драгоценности. Ничего больше. Никаких фотоаппаратов, лифчиков и любимых духов. Ты поняла?

– Сегодня?

– Сейчас, дорогая. Прямо сейчас.

– Ну ты же понимаешь. Уволиться так сразу я не могу.

– А придется.

– Но...

– Поздно. Я уже иду. А ты поговори пока с пустой трубкой. Попрощайся с ней вежливо. Скажи, что ты была рада меня слышать. Чтобы я не пропадала. Я буду через две минуты. Открой домофон сама. Поняла?

Конец двадцать девятой главы

Глава тридцатая

Сколько можно нас заливать?

Я повесил трубку и быстрыми шагами направился к подъезду. Народу вокруг не было, не считая мальчишек, играющих в футбол теннисным мячом. Пальцы набрали на домофоне номер 28. Я следил за ними: пальцы не дрожали. Домофон запищал, и я услышал голос Германа. Я выматерился про себя, нажал отбой и набрал 32. Женский голос спросил, кто там.

– Скорая помощь в двадцать восьмую. К Марии Ципоревой. А там не открывают. Впустите нас.

– О господи! Что случилось?!

И дверь открылась. Я подумал, что надо ускориться. Появления соседки в квартире хотелось бы избежать. Через тридцать секунд, вытащив автомат из-под кителя и вставив магазин на место, я уже звонил в дверь. И снова услышал голос Германа, который опять интересовался, кто это там. Маша меня подводила. Я попытался изменить голос с безразличного медицинского на возмущенный соседский:

– Сколько можно нас заливать? Сколько можно! Я и по телефону. Я и по домофону. Я в полицию сейчас позвоню! Вы ремонт нам будете делать за свой счет! Вы поняли?!

Герман не понял и приоткрыл дверь. Я ударил в нее ногой со всей силы, и Герман отлетел назад. Я вошел в прихожую и, не оборачиваясь, закрыл дверь ногой. Герман сидел в коридоре на полу, держась не то за щеку, не то за глаз.

Маша выбежала из спальни в халате и тапочках. Увидев Германа на полу, а меня в военной форме с автоматом в дверях, она застыла в шоке.

Сгусток энергии

Я и сам был от себя в шоке. Сознание отделилось от моего тела. Зато внутри появился сгусток энергии, импульсы которого вызывали все

мои действия.

Герман смотрел на меня, как будто давно меня ждал. Внимательно. Без ненависти или злости. Он молча продолжал тереть щеку.

– Быстро, – почти заорал я Маше. – У тебя есть сто двадцать секунд на сборы. Только документы, деньги, драгоценности. И дубликат ключей от моей квартиры. Быстро!

Откуда я взял эти сто двадцать секунд?

– Да, – сказала Маша. – Ну, если так...

И она исчезла. Герман, услышав, что у Маши есть дубликат моих ключей, перевел взгляд с меня и так же внимательно изучал место, где только что стояла Маша. Войдя в его положение, я дружелюбно предупредил:

– Если ты будешь вести себя хорошо, то ничего страшного не произойдет.

На какое-то время в квартире наступила тишина. Был слышен только звук выдвигаемых Машей ящиков. Сто двадцать секунд прошли. Я решил пойти поторопить ее, но тут в дверь позвонили. Звонок короткий и осторожный. Заботливые соседи.

– Откроешь – убью, – просто и внушительно сказал я Герману и пошел к Маше, не сообразив, что дверь я закрывал ногой и она может оставаться незапертой.

– Что ты там возишься? Я же сказал: сто двадцать секунд!

– Иду. Еще минуту. Мне нужно переодеться! Я не могу идти в халате!

– И возьми все деньги, что есть в доме, – сказал я, вспомнив обоих майоров и Звездочку.

Классическое ограбление

Теперь мой визит стал напоминать классическое ограбление.

Драгоценности. Деньги. Сообщница. Вернувшись в прихожую, я увидел, что Герман куда-то уполз. В дверь позвонили еще раз. Три коротких звонка. Тревожно и настойчиво. Я начал нервничать. Настойчивые звонки выводят меня из равновесия.

– Кто там? – теперь этот вопрос задавал я.

– Это Софья Андреевна сверху. Что-нибудь случилось?

– Нет. Не беспокойтесь. Мы уже приехали. Тут простой обморок.

– А, ну слава богу. А то я так разволновалась. Она же совсем молодая женщина!

– Не беспокойтесь, все в порядке!

– А вы скорая помощь, да?

– Да, – немного раздраженно ответил я. – Мы – скорая помощь. И еще какая скорая.

В кухне происходили очень неприятные вещи. Герман, сидя на полу, закончил искать нужный телефон в списке контактов. По его лицу было понятно, что он вот-вот приложит телефон к уху и начнет говорить. Поэтому я снял автомат с предохранителя и прицелился, сказав ему укоризненно:

– Я же тебя предупреждал.

– Так у вас точно все в порядке? Помощь не нужна?

– Нет, спасибо большое. Помощь не нужна! – механически вежливо ответил я, нажимая на курок.

От страшного грохота я на несколько секунд оглох. Телефон разлетелся вдребезги. Кажется, его обломки задела лицо Германа, потому что на лбу у него появилась кровь. Он взмахнул руками, в прихожей запахло горелым маслом и чем-то кислым.

С лестничной клетки донесся легкий стон и звук падающего тела. Я подумал, что обморок – это лучшее, на что в такой ситуации могут быть способны соседи.

В прихожую ворвалась Маша.

– Ты убил его?!

– Я убил его телефон. И если мы не выйдем через пятнадцать секунд, то могут быть новые жертвы.

– Герман, ты жив?

Герман не ответил, но по тому, как он вытирал тыльной стороной руки кровь со лба и мрачно качал головой, было очевидно, что он жив. Мне показалось, что Маша посмотрела на меня с испугом. Хм. Таких эмоций я у Маши еще не вызывал. Накинув на плечи рюкзачок, она решительно направилась к двери, но, открыв ее, сделала шаг назад. Выход из квартиры перегораживало лежащее тело соседки.

– Ты убил Софью Андреевну?!

– Маша! Я никого не убивал. Твоя Софья Андреевна упала в обморок. Очень расстроилась, что ее помощь не нужна. Но я скоро кого-нибудь убью, если мы не поторопимся.

– Софья Андреевна, вы живы?

Маша наклонилась над ней. Софья Андреевна нежно промычала что-то в ответ. Я не выдержал.

– Маша, пожалуйста! Выстрелы слышал весь дом!

– Не надо меня торопить! Я не просила тебя стрелять.

– А я просил тебя ответить на домофон! Тогда бы здесь не было никаких соседских тел.

– Идиот! При чем здесь домофон?!

– О боже.

Только не надо мне указывать, о чем думать

В подъезде Маша на секунду задержалась у почтового ящика.

– Самое время проверить счета за электричество, – заметил я.

Она строго посмотрела на меня и засунула какую-то небольшую бумажку в рюкзачок. Мы выходили из подъезда, представляя собой довольно необычную пару. Мужик в камуфляже с подозрительно правильной осанкой (от трусов до воротника у меня торчал автомат) и девушка в джинсах, домашних тапочках и с рюкзачком за плечами.

– Я забыла надеть туфли!

– Мы не вернемся. Мы купим тебе новые туфли. А до машины ты дойдешь в тапочках. Ты не забыла взять деньги?

– Взяла сколько-то. Подожди, дай мне подумать.

– Только не надо думать о том, что именно еще ты забыла взять.

– Только не надо мне указывать, о чем думать.

– О'кей.

Мы молча дошли до машины, и я попытался выжать из уазика все, чему его учили на родине Ленина. Учили его хреново, хотя ревел он, как порше.

Наверно, сегодня был день рождения Тарантино. Или годовщина первого показа *Pulp Fiction*. По крайней мере, радио через две песни на третью выдавало очередной шедевр.

Countin' flowers on the wall

That don't bother me at all

Playin' solitaire till dawn with a deck of fifty-one

Smokin' cigarettes and watchin' Captain Kangaroo

Now don't tell me I've nothin' to do

На этой оптимистичной ноте Маша вывернула тумблер против часовой стрелки до упора. Цветы на обоях завяли.

– Кому собирался звонить Герман? – строго спросила Маша.

– Откуда я знаю? Почему ты спрашиваешь? Ментам, наверно.

– Хорошо, если ментам. Он мог звонить твоим хатам.

– Кому?!

Я чуть не врезался в «газель» на светофоре.

– Кому?!

– Это долгая история. Нам нужно бежать. Куда, кстати, мы едем сейчас?

– Это зависит от того, сколько у тебя денег.

– Незнаю. Тысячи две. Может, две двести. И карточка. На ней тоже сколько-то денег.

– Карточку можешь выкинуть. Ею воспользоваться уже нельзя. Нас тут же вычислят. Кстати, сим-карту из телефона выкинь тоже.

– Для этого придется вернуться ко мне домой. Телефон там.

– Смешно.

– Не очень. Куда мы едем?

– Мы едем ко мне домой. Нужны еще деньги.

– Но дома уже тебя ждут.

– Никто там меня не ждет. Если бы меня ждали, то у твоего дома. Нам остался километр. Как хаты ни круты, за две минуты они ничего сделать не успеют. Даже после звонка Германа.

– Послушай! Наплевать на деньги! Ехать к тебе – это самоубийство.

– Дорогая! Я повторяю. У меня дома лежит двадцать тысяч долларов. Свежезаработанных. При этом пять штук мне нужно отдать людям, которые меня сюда доставили. Они же, кстати, нас отсюда и вытащат.

– Жизнь дороже. Потом расплатишься. На мои две мы легко смоемся куда угодно.

– Мне нужно забрать у них кое-что. Залог. Он стоит много больше. И хватит считать деньги: ты же аристократка. Вот видишь, мы уже приехали. Сиди спокойно, я сейчас вернусь. Ты знаешь, то, чего очень боишься, как правило, не случается. Все будет хорошо. Давай мои ключи.

– То, чего очень боишься, может быть, и не случается. Только ты, по моему, не очень боишься. Я впервые вижу такого отороженного идиота.

Действуем по инструкции

Я пулей поднялся в квартиру, приветливо махнул рукой гитаре и кофейнику, вытащил из книжного тайника деньги и скатился по лестнице вниз.

Не успела за мной захлопнуться дверь подъезда, как прямо перед уазиком остановился черный BMW X5.

Еще до его остановки я понял, что Маша была права. Жадность фраера сгубила. Пока джип тормозил, я успел прыгнуть в кусты и достать автомат.

Как только четыре человека, одетых в темно-серые пиджаки и с короткими автоматами в руках, синхронно вылезли из четырех дверей BMW, я не думая открыл по ним огонь. Строго по инструкции летчиков. Первым и из положения лежа. Двух выскочивших из ближайших ко мне дверей я точно задел, но буквально через три секунды магазин кончился. Оставшиеся пиджаки залегли.

Наступила тишина. Только с соседних кустов скатились две моих гильзы и, звякнув, упали. Двор затих.

Понимая, что беглый ответный огонь не заставит себя ждать, потому что у этих ребят нет дефицита боеприпасов, я отбежал вправо метров на десять вдоль дома, пригибаясь так, чтобы кусты хоть чуть-чуть меня прикрыли. Затем упал на бок и, перевернувшись несколько раз, откатился от места, где меня было еще видно. После этого попытался сменить магазин. Магазин клинило. Руки тряслись. Возясь с автоматом, я заметил краем глаза, что две темно-серых фигуры метнулись от джипа в мою сторону с коротким криком: «Бля, он там!», тоже залегли и открыли кинжальный огонь по моему предыдущему месту дислокации.

Я наконец вставил магазин, передернул затвор и дал очередь приблизительно по тому месту, откуда шли вспышки выстрелов. В ответ я услышал только знакомый сухой грохот от стрельбы, а потом звук падающих гильз. Я тут же снова откатился в сторону.

Было ясно, что дело дрянь. Двое профессионалов сейчас меня достанут. Не пулей, так гранатой. Скорее всего, гранатой. А у меня оставалось всего полрожка патронов. Я перевел автомат в режим одиночных выстрелов.

Что делать? Ждать полиции? Но граната прилетит раньше. А даже если и нет, полиция не поможет. В тюрьме меня замочить проще, чем во дворе собственного дома. И что теперь будет с Машей?

Неожиданно треск выстрелов раздался сильно левее и ближе к моему подъезду. Я замер и офигел, услышав секунд через пять-семь истощный крик Маши: «Беги сюда!»

Я вскочил и, попрощавшись с жизнью, рванулся в ее сторону. Маша стояла у джипа и растерянно поводила коротким иностранным автоматом из стороны в сторону. По дороге я заметил два тела. Одно из них куда-то отползало, оставляя за собой темно-красный след. Второе лежало совершенно неподвижно. Темно-серый пиджак был в небольших рваных дырках, через которые сочилась кровь.

Теперь мы стали убийцами

Пока я подбегал, Маша уже забралась в машину. У самого BMW я увидел тела еще двоих нападавших. Один лежал на спине с разmozженной головой, другой привалился к заднему колесу, словно отдохнуть. Вот теперь мы стали убийцами.

Я отметил, что никаких эмоций этот факт у меня не вызвал, вскочил в уазик, завелся, включил заднюю передачу и на самом полном ходу, который эта передача позволяла, выехал из собственного двора.

– Ни фига себе, – сказал я, посмотрев на Машу в тапочках и с автоматом в руках.

Маша ничего не ответила, посмотрела на автомат и осторожно опустила его стволом вниз. Через минуту мы подъехали к трассе. Я остановился метрах в пятидесяти от нее.

– Надо брать такси.

Машин автомат я засунул под сиденье, а свой под китель. Потом, подумав, протер тряпками все, чего мы с Машей могли коснуться в уазике руками. Включая дверные ручки снаружи. Мы вылезли, дошли до трассы и вскоре уже сидели в «сонате» какого-то частника, двигаясь в сторону военного городка.

В машине Маша заплакала. Без единого звука. Я обнял ее и понял, что вытирать слезы мне нечем. Тогда я начал их сцеловывать. Шофер был уверен, что девушка провожает своего солдата с побывки обратно

в армию. Наверно, не обратил внимания, что я сильно старше призывного возраста. А может, принял за контрактника.

Он крепко сжимал руль и не оборачивался, боясь нас смутить.

За час дороги Маша почти успокоилась. Я чувствовал себя каким-то оглушенным. Мы подъезжали к военному городку. Я тихо подсказывал шоферу дорогу. Немного поплутав, мы вырулили к КПП. Не вылезая из машины, я назвал караульному имя майора Козлова. Часовой ничего не проверил – очевидно, такси нередко заезжало на территорию части, – открыл ворота, и мы въехали на территорию аэродрома. Когда мы остановились у здания штаба, Маша достала из сумочки деньги и отдала мне. Я расплатился, и мы отпустили шофера. Надо было срочно приходить в себя, о чем я и сказал Маше. Маша вздохнула.

Не все живы-здоровы

– Ребята! Да на вас лица нет! – приветствовал нас майор Козлов.

– А что на нас есть? – устало спросила Маша, глядя на свои тапочки.

– Ромео! А где тачка, пушка? – Козлов посмотрел на меня с явным недоумением.

– Пушка тут. Но лучше ее выкинуть.

Я, морщась, вытащил «калашников» из-под кителя, повесил его на шею и зачем-то обнюхал ствол.

– Понятно. А тачка?

– Тачку махнул, не глядя.

– На Джульетту?

– Нет. На ваш гонорар.

– Но гонорар-то привез?

– Да.

– Ну и отлично! А это казенное говно не к нам приписано. Не с нас и спросят. Главное, что все живы-здоровы.

– Не все, – задумчиво сказал я.

– Что не все? Деньги не все?!

– Нет. Деньги все.

– Ну вот. Зачем пугать-то?

– Знаешь, – медленно произнес я, вытирая рукой совершенно сухой лоб. – Я ведь и сам испугался.

– Ладно, ребята. Вы давно не виделись. Вам надо пообщаться. Или вы торопитесь?

Мне понравился ход мысли Шурика.

– Надо, – сказал я, понадеявшись, что в моем голосе прозвучало достаточно благодарных интонаций. – Мы не торопимся. А когда ты улетаешь обратно?

– Через пару часов. Но я лечу в Казань. Если хотите со мной – свистните. Вот ключи. Идите в комнату отдыха на втором этаже. И отдыхайте.

– Мы хотим лететь в Казань, – сказал я. – И свистим. Спасибо.

Наконец-то мы одни

Мы поднялись на второй этаж.

– Вот, – сказал я, закрывая дверь на ключ. – Наконец-то мы одни.

– Смешно, – сказала Маша. – Но давай чуть попозже. А то я еще в себя не пришла.

– Маша, – сказал я.

– Да, – сказала Маша. – От предложения, которое делает человек с автоматом, трудно отказаться. Проверь дверь. Иними автомат.

– Руки вверх, – сказал я и снял с нее бежевую блузку. – Кругом! – И я расстегнул лифчик. Затем расстегнул свой китель, снял и заботливо расстелил на полу. – Ну что, ложись? Здесь, кстати, очень тепло.

И с беспокойством посмотрел на нее. Маша была девушка с характером.

– Военно-полевой роман, – сказала Маша, чуть поджав губы, и осторожно легла на гимнастерку.

Я медленно расстегнул ее джинсы, а потом с усилием их стянул.

– От тебя пахнет чем-то кисло-горьким. Порохом, что ли?

– Да. Кровь, пот, машинное масло. Помнишь, был журнал с таким названием. КПМ.

– Помню. Не ложись. Включи какую-нибудь музыку. Хоть телевизор. И проверь, закрыта ли дверь!

Я включил телевизор и пощелкал старинным аналоговым тумблером. Ловилось только два канала. Рядом с телевизором стоял старый DVD-плеер, вокруг которого валялись такие же старые диски.

– О, – сказал я. – Будем любить друг друга под классику.

– Моцарт?

– «Эммануэль». Старый солдатский фильм.

Mélodie d'amour chantait le coeur d'Emmanuelle

Qui bat coeur à corps perdu

Mélodie d'amour chantait le corps d'Emmanuelle

Qui vit corps á coeur déçu

Я провел рукой по трусикам. Потом еще раз. Какое-то сочетание вдохновения и страха. Я был готов зарыдать, как слабонервная девушка на первом причастии.

И ложе у нас – зелень

Tu es si belle, Emmanuelle;

Cherches le coeur, trouve les pleurs;

Cherche toujours, cherche plus loin;

Viendra l'amour sur ton chemin...

– Господи, – сказал я. – Господи!

Иногда во время секса в мою голову приходят какие-то мысли. Но в этот раз мыслей не было. Меня переполнили естественные, природные ощущения. В какой-то ветхозаветной чистоте и силе.

И призвали Ревекку, и сказали ей: пойдешь ли с этим человеком? Она сказала: пойду. И благословили Ревекку, и сказали ей: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих.

Маша почти не стонала. Только дышала чуть резче обычного. И если души существуют, то ее душа в это время была высоко. И недалеко от моей.

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные.

О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас – зелень;

Кровли домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы.

Наверно, вот так и выглядит дзенское не-сознание. Вроде бы сознание есть. И этот раз я запомню на всю жизнь. И я понимаю, что я его запомню. А с другой стороны, никакого сознания нет. Я нахожусь бог знает где. Где-то очень высоко. Мне показалось, что от скопившегося возбуждения тело начало дрожать. Вибрировать. Само по себе на пике высоты. Я испугался, что развалюсь на куски. Еще через мгновение я сказал: «А!» – и взорвался.

– Интересно, – сказала Маша через пару минут. – Интересно, все монахи такие?

– Подожди. – Я понемногу восстанавливал дыхание. – Почему монахи? Я же солдат!

– Солдат. Монах. Почему бы не поиграть в почтенного отца семейства? Кстати, мы не предохранялись.

– Да. Но... Вот и родишь, наконец.

– Рожу. Я давно хочу ребенка. Точнее, троих.

– А ты уверена, что этот вопрос сейчас наиболее актуальный?

– Тоже верно. Может, обратимся к спецслужбам?

– Маша! Я под подозрением в убийстве человека! А после сегодняшней истории... Какие спецслужбы? Меня выдадут как опасного преступника.

Маша одевалась, а я любовался ею. Есть своя прелесть в любовании одевающейся женщиной. Женщина уже не думает, куда повесить юбку, чтобы ее не помять, и сексуально ли она себя ведет. Естественные, отработанные годами движения одевания. Настоящая, физическая женская красота открывается именно так – беззаботно. И, открываясь, закрывается. До следующего раза.

Мы вернулись на землю.

– Дорогой! Мне нужно купить обувь!

– А тапочки тебе надоели? Ладно, попросим у майора кирзовые сапоги. Женские. Тридцать седьмой размер. Джинсы, блузка, сапоги. Высокий стиль!

– Я умираю от смеха.

– Ты не любишь слушать, как грохочут сапоги? Хорошо. Тогда я что-нибудь придумаю. Хочешь пока чаю?

Три последних желания

Я вышел из комнаты и нашел двух майоров. Лицо майора Козлова было красным и счастливым. Он улыбался и икал. Шурик казался трезвее. Посмотрев наверх, он проговорил грудным женским голосом диктора:

– Заканчивается посадка на рейс Москва – Казань компании «Стратегические авиалинии». Вылетающих просьба пройти на посадку к выходу номер ноль-ноль-семь.

– Вот деньги. – Я положил на стол мятую пачку долларов. – Давай обратно камушек.

– Спасибо! Приятно, когда человек держит слово. Держи свой булжик. – И Шурик положил бриллиант в мою протянутую руку.

– Последняя просьба перед взлетом. Нужны туфли. Тридцать седьмой размер.

– Ромео! Ты слышал, что российские ученые вывели гибрид акулы и золотой рыбки?

– И что?

– Исполняет три последних желания.

– Ха-ха. И что?

– Как ты думаешь, откуда в военном аэропорту возьмутся женские туфли? Да еще нужного размера?

– Не знаю.

– А я знаю. Я купил их своей жене.

– Так продай их мне, – обрадовался я.

– Ромео! Мы не грабители с большой дороги. Мы – летчики великой державы. Бери так!

– Неудобно.

– Удобно, Ромео, удобно. Дают – еби. Ебут – давай! На твои деньги мы с женой себе много туфель купим. Так что держи и не поминай лихом!

И он ногой отделил от горы сумок с результатами экстренного московского шопинга зеленый пакет с коробкой внутри. Я обалдел, пробормотал «спасибо» и отнес пакет Маше.

Сказал, что чая не будет. Чай нам принесет стюардесса. Если ее возьмут с собой. Зато обувной вопрос закрыт. На некоторое время, конечно. Я не успел закончить свою мысль, как Маша открыла коробку. Затем поинтересовалась, не в монастыре ли я изучил основы колдовства. Я тактично и загадочно промолчал. Через двадцать минут наш самолет поднялся в небо и взял курс на Казань.

Ах, она щедра-щедрa

Шурик врубил музыку через громкую связь. У него оказался странный вкус. Особенно для военного полярного летчика. Я даже вздрогнул. Голос вроде БГ. Этот голос не перепутаешь. Слова явно Окуджавы. Я вспомнил, как в далеком детстве эту песню пели под гитару мои еще очень молодые родители и их друзья.

Горит пламя, не чадит.

Надолго ли хватит?

Она меня не щадит,

Тратит меня, тратит.

Быть недолго молодым,

Скоро срок догонит.

Неизменным золотым

Покачусь с ладони.

Почернят меня ветра,

Дождичком окатит.

Ах, она щедро-щедро.

Надолго ли хватит?

Я удивленно посмотрел на Машу. Маша объяснила. Все очень просто. На альбоме БГ исполняет песни Окуджавы. БГ подобрал довольно редкие песни, которые не выходили на пластинках в советское время. И оттого сохранились незаезженными.

Я заслушался, положив руку на Маше на колено. Дверь в кабину Шурика осталась открытой. Я откинул кресло и закрыл глаза. Мне показалось, что я свободен и счастлив.

– Маша, я свободен и счастлив! Но мне нужно столько тебе рассказать.

– Рассказывай!

– Нет, не могу. Свободные и счастливые люди не разговаривают.

Конец тридцатой главы

Глава тридцать первая

Ночное чужое вокзальное

Поздний вечер на казанском военном аэродроме. Над нами – голая довольная луна. Впереди – дальняя дорога. Вокруг вокзала вдалеке неяркие огни чужого города и незнакомые люди: темно, зыбко и неуютно.

Последнее доброе дело Шурика: мой военный китель меняется на безразмерный черный свитер. Мы обнимаемся с ним и надеемся когда-нибудь встретиться. Шурик целует Маше руку. Спасибо тебе, Шурик. За самолет, за автомат и за тувельки тридцать седьмого размера. Спасибо за все! Шурик вразвалку идет к самолету. Маленький щуплый солдатик везет нас на вокзал.

Огромный ночной вокзал. Бедуинское царство баулов и их невеселых владельцев. Старое раздолбанное расписание. Коррективы внесены черным фломастером поверх прозрачного пластика. Судя по расписанию, сегодня поездов больше не будет. Ночевать на вокзале не хочется. Ехать в гостиницу нельзя: Машин паспорт, единственный на двоих, больше не пригоден к употреблению. Остается частный сектор – но в такое время снять квартиру невозможно.

Случайно, из разговора двух лиц сомнительного вида, в сланцах и трениках, я понимаю, что поезд Оренбург – Киров опаздывает («сука бя нах» – конец цитаты) на четыре часа. И скоро должен появиться в Казани. Я стучу в окошко кассы. Тишина. Стучу еще. Появляется заспанная кассирша, которая подтверждает наличие поезда и билетов.

– А СВ есть?

– Какое еще СВ? Молодой человек, вы что, совсем? Грузопассажирский поезд.

– А купе?

Она устало кивает головой.

– Можно выкупить четыре места?

– Можно, если вам деньги девать некуда.

– А скоро поезд?

– Скоро. Через пятнадцать минут. Будете брать?

– Будем!

– Давайте паспорта!

Упс. У меня есть одна секунда на правильный ответ: «Паспорта на регистрации в отеле». Ответ срывает. Она устало протягивает мне ручку и бумажку: «Запишите свои фамилии».

Я записал себя Григорием Печориным, а Машу собрался записать Татьяной Лариной. Просто чтобы легче запомнить. Но понял, что перебираю с простотой, и записал Марией. Вот оно, чудо. Кассирша могла бы сообразить, что к поезду за паспортами из отеля мы вернуться не успеем.

Я показываю Маше билеты. Она немного оживляется.

– Куда мы едем?

– В Киров.

– Где это?

– Где-то. Какая разница?

– А далеко?

– Одна ночь.

– А потом?

– Над этим мы подумаем завтра.

Неосвященная платформа. Откуда-то издалека по глазам бьет прожектор. Запах угля, смолы, щебня и еще чего-то, из чего получается запах русской железной дороги. Зябко. Вот и поезд. Не верится, что на сегодня – всё.

Толстененькая сорокалетняя проводница почему-то в фартуке. Вагона-ресторана в поезде нет, но коньяк, горячий чай и печенье нам принесут. Мы выпиваем две маленькие бутылочки «Арагви» почти залпом. Постоять в грохочущем тамбуре. И всё.

И спать. И никаких разговоров, тюрем, Звездочек, хатов, монастырей и убийств. На душе – хорошо. Радостно и устало. Тихое радио ловит это настроение и еле слышно запускает Козина.

Мы так близки, что слов не нужно,

Чтоб повторять друг другу вновь:

Что наша нежность и наша дружба

Сильнее страсти, больше, чем любовь.

Веселья час и боль разлуки

Хочу делить с тобой всегда.

Давай пожмем друг другу руки,

И в дальний путь на долгие года.

Неужели семейное счастье, для которого я не создан, наступает так решительно?

А вещи-то где ваши, голубки?

Утро было приятным. Не успел я сбивчиво рассказать Маше о своих приключениях во время завтрака печеньем и чаем, как поезд пришел в Киров. Прямо на вокзале мы попытались договориться с бабушкой в платочке о сдаче нам комнаты. Она подозрительно взглянула на нас:

– А вещи-то где ваши, голубки?

Маша сначала взглянула на свой маленький рюкзачок. Потом на меня. Я решил, что пора выкручиваться. Полиции вокруг – полно.

– О, бабуль! Тут такая история! Вещи наши в аэропорту. Сдали их в багаж. Ну и. Пошли выпить по маленькой. На посошок. А самолет и улетел. Прямо с вещами. Хорошо, документы при нас. И деньги. Пришлось железной дорогой ехать. Так что мы сейчас прямо в аэропорт. Спасать улетевшие вещи.

– Н-да. Нельзя. Нельзя на посошок не выпить. Это как без хорошей молитвы. Пути не будет. А документы покажете?

– А как же! Маша, покажи бабушке документы!

– Ну ладно. А то сами понимаете. Ключи кому угодно давать. В наше-то время.

– Конечно, бабуля! Как не понять. Жуткое время, бабуля. Жуткое!

– Ох, не приведи бог! Все времена плохи, а это из всех времен вообще...

– Что, бабуль, скоро царство Антихриста?

– Про Антихриста не скажу. Не знаю. А вот пенсия – не скоро. Еще три недели.

Бабушка задумчиво пожевала губами, очевидно проверяя расчеты, и мы втроем сели в такси, что окончательно рассеяло ее сомнения в нашей благонадежности.

Что можно было украсть из бабушкиной квартиры, я так и не понял. Там не было даже телевизора. Старая колченогая мебель. Пластиковая люстра образца 1960 года. Мы приняли душ в заржавевшей ванне и поехали в аэропорт за вещами. То есть в универмаг. Бабушка, перекрестив нас в дверях, благословила на обретение утраченного имущества.

В универмаге мы сначала купили большой чемодан на колесиках.

Еще я купил себе грязно-белый шерстяной свитер грубой вязки, темно-зеленые джинсы, черные полусолдатские берцы и какого-то белья. Все это я немедленно на себя надел, аккуратно выбросив все старые вещи, кроме черного свитера, в большой мусорный бак.

У нас появились шампунь, зубная паста, зубные щетки. И всякие симпатичные мелочи типа расчесок, пилочек, прокладок, дезодоранта и палочек для чистки ушей. К сожалению, нам не удалось купить симки. Для легальных требовался паспорт, а нелегальными в Кирове не торговали.

Я понял, что умираю с голоду. Мы завезли чемодан к бабушке и пошли в ресторан, сказав таксисту, что нам нужен лучший ресторан в городе.

Славянская каллиграфия

Лучшим рестораном в Кирове оказалась коробка из стекла и бетона по имени «Великая Русь».

Я скептически посмотрел на вывеску. Не люблю славянскую каллиграфию. Когда я вижу надпись, выполненную в пародийном древнерусском стиле, меня начинают одолевать самые нехорошие предчувствия.

Я понимаю, что концепция «православие – самодержавие – народность» вошла в моду. Ради бога. Это, в конце концов, уже XIX век.

Но при чем тут допетровские шрифты? Мы что, хотим вернуться ко временам России XVII века? Славянская каллиграфия ничего, кроме отсталости, косности и дурного вкуса, не подчеркивает. Да еще на каждом углу. Да еще на футболках сборной России. И как требовать от такой команды современной европейской игры?

Предчувствия меня не обманули. Кружевные салфетки. Угодливые официанты с явной насмешкой в уголках губ. Прямо по старому доброму анекдоту: «Хочу в Советский Союз!»

Мы заказали селедку, щи и жаркое в горшочке. Решили, что надо соответствовать стилю.

Осторожно оглянувшись на отсутствующих посетителей, я достал Звездочку. Звездочка начала искрить. Я тут же пожалел, что достал ее в ресторане. Маша вернула мне бриллиант, внимательно осмотрев, и задумчиво сказала:

– Он тысяч триста стоит. Или пятьсот. Или миллион. Нужен профессионал, чтобы разобраться. Из-за этой истинной ценности я вчера убила двух человек?

– Ты же знаешь, что драгоценные камни приносят смерть.

– Наоборот. Драгоценные камни – талисманы. Этот, по крайней мере, точно нас спас.

– Это ты нас спасла. Я до сих пор не могу въехать, как у тебя это вышло. У тебя даже НВП в школе не было!

– Не знаю. Я и испугаться не успела. Осенило как-то. Я же высоко сидела. Все видела. Двое живых к тебе подбираются, а двое лежат. Точнее, один лежит, а другой сидит у колеса и заваливается набок. А у

него из горла – кровь. Ужас. Но я вижу: двое живых переглядываются между собой. И показывают друг другу головами в твою сторону. А в мою не смотрят. Я тихо вылезла. Подняла автомат. Он валялся у колеса. Я решила, что он должен быть заряжен. А в это время один из тех двух полез в карман. Я испугалась, что за гранатой. Кое-как прицелилась и нажала на эту штуку. У меня заложило уши. Потом навела на другого. Еще раз нажала. Автомат так дергался в руке! Ладно, что было, то прошло. Что ты думаешь делать дальше?

– Мы должны исчезнуть из России. Для этого нужны новые документы. Твои годятся только для бабушек на вокзале. А у меня их вообще нет. Справка об освобождении осталась у хатов.

– Какие идеи?

– У меня в тюрьме появился дружок. Коба. Его отец – авторитет во Владивостоке. Смотрящий по краю. Или что-то в этом духе. Он нам поможет сделать новые документы. Заодно там и левые симки купим. А то как-то стремно жить без смартфонов. И с Антоном надо связаться.

– Без смартфонов не обойтись, понимаю. А без бандитов нельзя?

– Я не знаю честных людей, у которых можно достать фальшивые паспорта и левые симки. До Владивостока можно доехать поездом. Транссибирским экспрессом. Он как раз проходит через Киров. Проводники документов не спрашивают. Билеты тоже без паспортов купим. Вчера же купили. Скажем, как в прошлый раз, что паспорта оставили на регистрации в отеле. И на Дальний Восток. Очень красиво. Сопки. Бухты. Тихий океан.

– Сколько туда ехать?

– Из Москвы шесть дней. А отсюда дня четыре-пять, я думаю.

– Пять дней не мыться?

– В СВ-вагоне есть душ. Телевизор. Купим книжек. Музыку будем слушать... Поехали?

– Ты стал каким-то авантюристом. Ты ведь раньше был ленивым раздолбаем.

– Я и сейчас ленивый раздолбай. Поэтому я не тороплюсь в параллельный мир, и мне приходится предпринимать некоторые действия. А в поезде, кстати, очень приятно лениться. Лежишь себе на полке и ленишься. Только надо виски купить.

– Хорошо. Поехали на вокзал за билетами. Попроси счет.

Долговязый официант принес счет через несколько секунд, хотя на каждое блюдо у него уходило минут по сорок.

Мы, используя старый прием с паспортами, якобы отданными на регистрацию в отеле, купили билеты в СВ.

За долгую бескайфовую дорогу

Супермаркет осчастливил меня *Red Label*'ом, оказавшись неспособным на большее.

Я отправил маме телеграмму на работу «живы здоровы путешествуем целуем маша иосиф». Вернулись не поздно и легли, чтобы поспать хоть несколько часов. Московский поезд на Владивосток проходил через Киров в пять утра. В три тридцать мы проснулись и начали собираться на вокзал.

Заспанная бабушка вышла нас провожать. Голос ее был удивительно строг. Когда она увидела, что мы не понимаем ее намеков и уже совсем готовы уйти, она посмотрела на потолок и сказала, обращаясь к лампочке:

– Не выпить на посошок – пути не будет.

Я молча, со значительным видом, открыл бутылку виски и разлил ее по трем моментально принесенным бабушкой чашкам.

– За дальнюю дорогу, бабуль!

– Да. За данную вам судьбою дорогу. Чтоб хранили вас матушкины слезы. Чтоб не теряли вы, чего не находили. Чтоб светил вам свет истинный и целебный. И чтоб хватило дороги на вас двоих.

Договорив, бабушка аккуратно выпила, не поморщившись. Мы переглянулись и тоже выпили. Я посмотрел на часы – четыре утра – и покачал головой:

– Да. Дорога... Главное, чтоб не бескайфовая.

Мы быстро распили с бабушкой бутылку виски, укрепив репутацию людей, пропивших самолет, а потом еще раз попрощались. Уже гораздо теплее.

А зачем я прилетел в Москву?

Вскоре я с интересом изучал СВ-вагон поезда Москва – Владивосток. Невероятная чистота. По коридору тянется белая

льняная дорожка. В туалете – гигиенические пакеты, накладки на унитаз, два вида жидкого мыла, одноразовые полотенца. В купе – плазма и DVD. Хрустящее белье. Наборы печений, конфет и джемов.

Мы поохали, дивясь чудесам РЖД. Потом стали пить чай, заботливо принесенный рыженькой проводницей.

И тут я спохватился, что от радости, суматохи и множественных перемещений в пространстве забыл спросить Машу о самом главном. Зачем, собственно, мне нужно было бросать монастырь и лететь в Москву?

– Маша! Я, кажется, забыл спросить тебя о самом главном...

– Все-таки вспомнил! С какого места начинать?

– С нашей последней встречи. Перед этим чертовым казино.

– Мы все от тебя ушли. И ты с Мотей пошел в свое подпольное казино. На следующий день, если ты помнишь, мы с тобой договорились встретиться. Но ты пропал. А ближе к вечеру мне позвонил Матвей. И загробным голосом сказал, что тебя посадили по обвинению в убийстве. Я понеслась с какими-то вещами и деньгами в полицию по адресу, который он дал. Меня жестко послали. Сказали, что тебя там уже нет.

– Врали.

– Понятно. У них такая работа. Им за это деньги платят. Я поехала в прокуратуру. Мне сказали прийти завтра. Назавтра я поняла, что исчез Матвей. Я кое-как через его контору нашла телефон Оли. Она сказала, что Матвей в психушке. Тут мне стало плохо. Совсем. Я связалась с твоей мамой. Мы с ней проводили дни и ночи между прокуратурой, СИЗО и адвокатами. Бесполезно. Я поняла, что ситуация еще хуже, чем она мне вначале показалась. Потому что за это дело никто и браться-то толком не хотел. Кроме адвокатов, естественно. А они даже свидания не могли добиться. Да что там свидания – передачи! Слыханное ли дело?! Антон решил зависнуть за границей. Он, конечно, занимается всем этим, но что у него получится – никто не знает. Я от отчаяния пожаловалась Герману. Думала, может, его знакомые помогут.

– Оригинально. Муж помогает вытащить из тюрьмы любовника?

– Я была в ужасном состоянии. И не знала, что делать. Герман меня послал. И сказал одну странную фразу – что ты «далеко зашел». Я

спросила, в каком смысле. Он тут же отыграл назад. Сказал, в смысле отбивания меня у него. Я даже подумала, не он ли тебя заказал.

– Да ты что! Он же у тебя историк! А историк – значит, теоретик. Хм... – Мне пришла в голову забавная мысль. – Знаешь, кто такие практикующие историки? Это политики! Но весь ужас в том, что они смотрят в прошлое, пытаются смоделировать будущее. А это невозможно. Надежных моделей нет и, скорее всего, быть не может.

– Я понимаю. У политиков никогда ничего хорошего не получается. Но какое отношение это имеет к истории, которую я тебе рассказываю?

– Все имеет отношение к истории.

– Я говорила о Германе. Кажется, вы с бабушкой напились.

– Бабушка тут ни при чем. Герман знает историю. Но он меня не заказывал.

– Но что ты про Германа знаешь?

– Теперь знаю, что у него есть телефон горячей линии хатов в Москве. До этого знал, что он занимается медиевистикой. Преподает в университете. Меня только удивляло, откуда в вашей семье нормальные деньги. Но я думал, что гранты какие-нибудь. Или европейские коллеги не дают умереть с голоду. Ну и родители, конечно. Как минимум твои.

– Вот и я так думала. Но слова, что ты «далеко зашел», меня удивили. Потому что ты правда далеко зашел. А вот откуда про это знает Герман? Я бы про это забыла. Но тут Герман засобирился в командировку. И не в Европу, как обычно. А в Эквадор.

– Для историка-медиевиста место странное.

– Именно. Но я же помню твой рассказ о двухголовых змеях и высушенных головах. Я насторожилась. Спросила в шутку, что историку делать среди индейцев. Он тоже отшутился. Сказал, что есть параллельные процессы развития цивилизаций. И его это интересует.

– Это, может, и не шутка.

– Может быть. Но меня все эти истории так довели, что я стала нервной. И подозрительной.

– Понимаю. Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят.

Закрытый архив XVII века

– Вот именно. Однажды я прихожу домой из магазина. Герман не слышит, что я вошла, потому что говорит по телефону. И просит у кого-то допуск к закрытому архиву XVII века. Я вздрогнула. Ты понимаешь, что это значит?

– Нет, не понимаю. Какие, к чертовой матери, могут быть секреты о XVII веке?

– Вот именно. Значит, понимаешь. Я сказала: «Привет!» Пошла на кухню разгружать сумки. Он продолжил говорить на ту же тему. Но из-за того, что я вошла, стал объясняться общими словами.

– Ты очень наблюдательна!

– Не очень. Может, и до этого такие разговоры происходили. А я не обращала внимания. А тут... Словом, я заглянула к Герману в кабинет. Там включен компьютер. А его рядом нет. Он говорит по телефону в большой комнате. Он же не знал, что я приду. Обычно он меня к своему компьютеру не подпускает за версту. Ни в интернет выйти, ни поиграть. Если я вхожу к нему в кабинет, он тут же закрывает все файлы. Объясняет, что у него такая привычка. Любит *privacy*.

– А у него не ноутбук?

– Нет, у него десктоп. С большим экраном. То есть ноутбук тоже есть, но для командировок.

– Ты увидела включенный компьютер и ощутила себя подружкой Джеймса Бонда.

– Да. Меня довели эти совпадения. Я бы в жизни на это не пошла. Но – ты в тюрьме. Герман говорит, что ты далеко зашел. А сам собирается в Эквадор. И просит допуск к секретным документам XVII века. Не чересчур ли?

– Согласен!

– Я тихо подошла к компьютеру. Просто посмотреть. А там!

– Способы размножения эквадорских двухголовых змей в неволе? А также новейшие разработки в области технологии высушивания голов?

– Почти! Я вставила флешку и пересохранила файл на нее. Но я боялась, что это мое переписывание как-нибудь вскроется. Я не знала, ведется ли на компе лог всех действий.

– Правильно делала. Для шпионажа надо иметь образование.

– Я побежала на кухню. Включила стиральную машину, чайник и посудомоечную машину.

– Чтобы немного пошуметь?

– Потом утюг. Потом электрическую плиту на все конфорки. Потом выбило пробки, и компьютер сдох. У нас уже вылетали пробки от такой нагрузки.

Я замолк в восхищении. Компьютер сдох без подозрений на последнюю операцию с ним.

– Ты очень крута, Маша!

– Ты очень добр ко мне, Иосиф!

– Стоп! Так этот документ у тебя с собой?!

– Подожди. На следующий день прихожу на работу. И еще до того, как я эту флешку вставила в компьютер, ко мне подходит Танька. Хитро улыбается и дает письмо от тебя. Я уж и не знала, с чего начать рабочий день!

– И с чего начала?

– С тебя, дорогой! Я всегда начинаю с тебя! Но потом прочла германовский текст. И у меня затряслись руки. Рассказать – некому. Сделать ничего не могу. Распечатала его на всякий случай, а с флешки стерла. Потом сообразила, что тащить эти бумажки в дом довольно опасно, и решила спрятать их в подъезде. В щели за почтовыми ящиками. Потом решила еще раз прочесть твое письмо. И наткнулась на архангельское радио. Подумала, чем черт не шутит? Нашла в интернете их телефон и позвонила. Там со мной были очень милы. Все-таки северяне гораздо лучше нас, москвичей. Все прошло отлично, но потом я поняла, что, мягко говоря, погорячилась. Мало ли что я обнаружила нового в своем муже? И сейчас ты сорвешься ко мне, рискуя жизнью. Я тут же позвонила им и заказала на следующий день арию Магдалины из *Jesus Christ Superstar*. Ну ты понимаешь? *Everything's all right, yes, everything's fine*. Но не успели эти ребята ее запустить, как ты уже звонил по телефону из подъезда.

– Дальше, кажется, я все знаю. Маша, у тебя есть одна очень интересная черта. Ты любишь сильных мужчин и при этом их не боишься. Можно посмотреть на текст?

– Конечно, милый! Уж не знаю, Джеймс Бонд ли ты, но для тебя все приготовлено! А ты еще орал про сто двадцать секунд на сборы. И

интересовался счетами за электричество. Что бы ты сказал, если бы я эти бумажки забыла?

Маша залезла в свой рюкзачок и вытащила две страницы, сложенные в восемь раз. Я развернул их, и брови у меня поднялись.

«История Братства Хатшепсут. Вступление. Раздел первый.
Краткая хронология Братства с 1500 г. до н. э. по 350 г. н. э.»

Конец тридцать первой главы

Глава тридцать вторая

История Братства Хатшепсут. Вступление. Раздел первый. Краткая хронология Братства с 1500 г. до н. э. по 350 г. н. э

Эпоха озарения

1484–1445 гг. до н. э. Жизнь Хатшепсут. Постигновение учения о параллельном мире. Открытие закона равновесия энергии ка между нашим и параллельным миром.

1445 г. до н. э. Смерть Хатшепсут. Изготовление Шкатулки последнего приюта Хапусенебом. Первые попытки истолкования числа 222461215 Дуамутефом.

- Маша! А какая сейчас у хатов эпоха?
- Откуда я знаю. Ты читай, не отвлекайся. Потом поговорим.
- Я пытаюсь. Текст очень концентрированный.
- Зато короткий. Читай медленно. Вдумывайся.
- Угу.

Эпоха кодификации знаний

1445–1435 гг. до н. э. Дуамутеф открывает отрицательную энергию ка. Обосновывает возможность увеличения ее количества в параллельном мире через увеличение ее количества в подлунном (следствие Дуамутефа). Создает Общину – ядро будущего избранного народа.

1313 г. до н. э. Упуат I (Великий) применяет на практике следствие Дуамутефа. Десять казней египетских. Исход евреев из Египта. Последующий конфликт Упуата Великого с Моисеем.

1313–1274 гг. до н. э. Сорокалетняя война. Первое появление на Земле предметов из параллельного мира.

1273 г. до н. э. Введение Упуатом Великим запрета на войны в параллельном мире.

1266 г. до н. э. Открытие Упуатом Великим принципа конверсии отрицательной энергии ка в подлунном мире в положительную энергию ка в параллельном мире.

1110 г. до н. э. Упуат II (Заклинатель) вводит принципы создания кодов – эффективных контрмер против монотеистических обрядов.

1314 г. до н. э. Упуат Заклинатель использует обряд Земли для предварительно рассчитанного взаимодействия подлунного мира с параллельным.

960 г. до н. э. Упуат III (Каноник) сводит принципы, открытые Хатшепсут, Дуамутефом и Упуатом Великим в единое учение. Разработка энергетической доктрины. Хаты окончательно овладевают энергией ка.

– Маша, что я читаю? Какая энергетическая доктрина, к чертовой матери?

– Ты читаешь то, что было в компьютере у Германа.

– Да, но...

– Хаты называют наш мир подлунным?

– Да, называют.

– А параллельный мир – это то, куда души попадают после смерти?

– Да. Но он важен не только этим. Этот параллельный мир гораздо фундаментальней нашего. Наш мир, подлунный, – одно из его отражений.

– Как жаль, – вздохнула Маша.

– Что жаль?

– Жаль, что в параллельном мире нет Луны.

Эпоха сохранения и приумножения

722 г. до н. э. Предательство и казнь Гереха. Диспут о возможности постижения другими народами энергетических особенностей параллельного мира. Первые записи греческих мифов («Одиссея»).

720 г. до н. э. Догмат Упуата VI о нераспространении технологий среди других народов.

750–350 гг. до н. э. Заметные успехи дипломатии Общины. Ассирийские войны (Салманасар V, Саргон II, Синаххериб, Асархаддон, Ашшурбанапал). Падение Иудейского и Израильского царств. Персидские войны (Кир, Камбиз, Дарий Великий, Ксеркс). Китайские войны (война У и Чу). Греческие междоусобицы (Пелопоннесские войны, Священные войны). Рост Рима (Самнитские войны, Пунические войны).

Эпоха шестисот лет плача

336–323 гг. до н. э. Завоевания Александра Македонского.

324–314 гг. до н. э. Дискуссия о пользе и вреде империй между Мафдетом и Инпу.

323–80 г. до н. э. Первая (Долгая) депрессия.

88–30 гг. до н. э. Правление Кебексенуфа Счастливого.

15 гг. до н. э. – Римский энергетический кризис.

200 гг. н. э.

79 г. н. э. Праздник Везувия.

ок. 100 г. Усугубление Римского кризиса Назорейским.

210 г. Грандиозная миссия Шесемтет терпит катастрофу в Китае. Основание династии Хань.

288 г. Упуат VIII (Богоборец) формирует принципы борьбы с назорейскими учениями.

Эпоха возрождения

295 г. Кем-Атеф публикует эффективные антиназорейские коды. Назорейский энергетический кризис преодолен.

300 г. Кем-Атеф проводит первый сеанс связи с шуарами. Публикует первые работы по удаленным коммуникациям через параллельный мир: «Способы выращивания Западной Травы» и «Рецепт изготовления Западного Отвара».

309–311 гг. Кем-Атеф пишет «О принципах создания Братства Хатов», а также «О правилах поиска и инициации новых членов Братства».

312–334 гг. Кем-Атеф открывает филиалы Братства в Риме (312 г.), Александрии (315 г.) Антиохии (320 г.), Кесарии (325 г.), Константинополе (330 г.) и Медиолане (Милане) (334 г.).

335 г. Кем-Атеф разрабатывает «Порядок ограничения суммы знаний для различных степеней посвящения».

335 г. Кем-Атеф объявляет число 2224612 вечным, неизменным и святым. Прекращает дальнейшее постижение числа.

338 г. Кем-Атеф переходит в параллельный мир в процессе путешествия из Дейр-эль-Бахри в Японию. Мученическая смерть всех членов второй миссии хатов в Китае.

340 г. Катастрофа в Дейр-эль-Бахри.

342 г. Катастрофа в Армении.

Универсальность законов сохранения

– Я дочитал. Не могу сказать, что все понял. Но, кажется, есть шанс разобраться.

– Тогда давай разбираться.

Маша залезла с ногами на полку и закуталась в одеяло. Я заказал проводнице два чая и сел напротив. Маша посмотрела в окно, потом на меня, потом снова в окно и, вздохнув, спросила:

– Что это такое – энергия ка?

– Ка – жизненная энергия у египтян. Жизненная сила. Воплощение могущества и счастья одновременно. Чем-то она похожа на китайскую ци.

– Минуточку. Дуамутеф, ученик Хатшепсут, открыл, что ка бывает отрицательная и положительная. Что тогда означает ка со знаком минус?

– Отрицательная ка – это энергетическая форма несчастья. Так я понимаю.

– И закон сохранения энергии на эти виды тоже распространяется?

– Ну конечно. Закон сохранения энергии – кажется, один из самых фундаментальных законов во Вселенной.

Маша чуть поморщилась:

– А почему вообще во Вселенной правят универсальные законы? Моему анархическому сознанию это как-то неприятно. Почему нельзя было сделать так, чтобы в одном месте – одни законы, а в другом – другие. А в третьем вообще анархия – мать порядка?

Я задумался на секунду, но тут же сообразил:

– Потому что такая Вселенная не будет стабильна. Она распадется или схлопнется в сингулярность. И в ней не возникнет человек, который будет задавать анархические вопросы.

Значение числа – абсолютная тайна

– Давай перейдем к числу. Откуда оно взялось?

– Не знаю. У Хатшепсут и Хапусенеба оно уже явно было. Какую-то еще шкатулку сделал Хапусенеб, но это ладно. Про шкатулку я знаю из

одной египтологической статьи, что она не притягивалась Землей. Какой-то артефакт.

– А как ты думаешь, есть связь между шкатулкой и числом?

– Должна быть! Они часто упоминаются вместе. Может, шкатулка хранила толкование числа? Может быть, Хатшепсут знала значение числа, поручила Хапусенебу спрятать его в шкатулку, а потом шкатулка исчезла? Здесь говорится, что Хапусенеб в какой-то форме сохранил наследие Хатшепсут. Мне нравится ход твоих мыслей, Маша!

– Конечно. Ладно, пошли дальше. Дуамутеф попробовал истолковать число 222461215. Судя по всему, безуспешно.

– Неудивительно. Ватикан с момента появления первых компьютеров пытается его расшифровать. Пока без шансов.

– Это то же число, что тебе приносил ФФ?

– Да. Кстати, во время посвящения в хаты мне было сказано, что значение числа – абсолютная тайна, что подтверждает этот документ. То есть хаты и сами не знают, что оно означает. Думаю, с числом пора заканчивать.

– Думаю, с числом все только начинается.

– Это твоя женская интуиция тебе подсказывает?

– Ты заметил, оно тут пишется по-разному: есть вариант 222461215, а есть вариант без 15 на конце? Я уверена, что число – это что-то очень-очень-очень важное.

– Но если все попытки расшифровать его пока обломились? Давай не зависать на нем. А есть 15 на конце или нет – ну какая разница? Скорее всего, это опечатка или описка.

Маша очень неохотно согласилась оставить число в покое, и я перешел к хатской энергетике.

Плюс и минус

– Тут сказано, что Дуамутеф под старость научился превращать отрицательную ка в положительную и на радостях основал Общину – будущее ядро избранного народа. Хм. Это, конечно, не так круто, как превратить пепси-колу в кока-колу, но надо признать, что у Хатшепсут с Хапусенебом оказался талантливый ученик.

– А вообще-то бывает отрицательная энергия? В принципе? Я думала, что это из области лженаучной фантастики.

– Бывает. Отрицательная энергия – доказанный феномен. Существует такой эффект Казимира. Открыт в середине двадцатого века и уже не раз подтвержден экспериментально. Две пластины, сближенные на минимальное расстояние в абсолютном вакууме, притягиваются друг к другу. Потом в Википедии посмотришь.

– То есть в принципе, потратив положительную энергию, можно получить отрицательную?

– Можно. На этом принципе основано планирование длинных космических путешествий. Упуат придумал инженерное решение для конверсии энергии ка в параллельном мире. Жалко, что конверсия есть только там...

Маша весело покачала головой.

– Почему жалко? Мы же там собираемся провести гораздо больше времени, чем здесь! – совершенно беззаботно сказала она.

Опасная вещь

– Тогда получается, что Дуамутеф открыл очень опасную вещь. – Я нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что поскольку в параллельном мире мы живем дольше, то есть прямой смысл наполнять отрицательной ка наш подлунный мир, а в том мире конвертировать ее в положительную ка? – уточнила Маша.

– Да. И это – ужас. Вот чем занимается мое Братство. Посмотри лучше, как жестко и конкретно Упуат Великий (ну и имена у них!) применил на практике следствие Дуамутефа! Представляешь, какой кошмар он устроил в Египте? С кровавым Нилом, жабами во дворце, вшами, дикими зверями, моровой язвой, воспалением с нарывами, огненным градом, саранчой, крошечной тьмой и смертью первенцев!

– А евреи воспользовались этим и сбежали? – Маша хитро прищурилась. – Возможно, Моисей просто проник в эту тайну и использовал ее. От этого у хатов с евреями начался конфликт.

– Да. У них началась сорокалетняя война. Конечно, неслучайно совпавшая по времени со скитанием евреев по Синаю. И эта война велась не только в нашем мире, но и в параллельном. Здесь интересны

два факта. Первый: предметы из параллельного мира появляются в нашем. Думаю, что имеются в виду огненные и облачные столпы, раздвижение вод Красного моря, манна небесная, вода из скалы, скрижали Завета, синайское явление. Словом, чудеса. Через сорок лет эти войны запретили. Знаешь почему?

– Потому что хаты проиграли, – развела руками Маша.

– Или как минимум не победили. Хотя сражались сорок лет. И после этого Упуат запретил войны в параллельном мире. Очевидно, они требуют большого количества энергии ка, которой там и так не хватает. Думаю, с тех пор хаты решили перевести войны к нам, на Землю. А то параллельный мир схлопнется из-за энергетического кризиса.

– И с тех пор хаты не любят евреев, – задумалась Маша.

– Да, что-то два избранных народа не уживаются. Но самое интересное, Маша, что сказано в куске про Упуата Великого, – вовсе не о евреях и чудесах.

– А о чем?

Канализация

– О том, за что его, вождя, проигравшего войну, все-таки назвали Великим.

– За что? – Маша подняла удивленно брови.

– За то, что он открыл принцип канализации положительной энергии ка в параллельном мире. Это способ распределения энергии по определенным каналам. Конкретно: только своим людям. Только хатам.

– То есть душам хатов?

– Называй как хочешь. Посмертным образам. Душам. Теням. Неважно. Важно, что в том мире все не-хаты остались без энергии ка. И хаты сделались настоящими капиталистическими акулами параллельного мира.

– Сильная мотивация! Прямо как у нас. Деньги к деньгам. – Маша очень недовольно поджала губы.

– Именно.

– А почему простые люди не сопротивлялись? – Анархическое сознание Маши не могло смириться с покорностью.

– Конечно, они сопротивлялись! Еще как! Обрати внимание на скромный вклад Упуата II Заклинателя. «Принципы создания кодов». Коды – как контрмеры против молитв и монотеистических обрядов.

– Кажется, это то, с чем ты столкнулся на своем пиар-заказе. «Дейр-эль-Бахри, калипсол, одиночество».

– Да. Как раз в это время у евреев появляется очень сложная система ритуалов. Ковчег завета, жертвоприношения без идолопоклонства, скиния. Сто страниц текста Библии о том, сколько надо сделать петель голубого цвета по краю первого покрывала скинии и какой это покрывало должно быть длины.

– Хм. А почему политеистические обряды хатов не беспокоили?

– Были недостаточно эффективны, наверно. Оттого монотеизм и победил в конце концов.

Маша не придала большого значения исторической победе монотеизма. Ее больше беспокоила современность.

Энергетическая доктрина

– В любом случае Упуат III Каноник свел все эти принципы и открытия в единое целое и создал энергетическую доктрину. Можешь воспроизвести его научный подвиг?

– Легко, – обрадовался я. – Я люблю воспроизводить чужие подвиги.

Раз: Хатшепсут формулирует закон сохранения сообщаемой энергии как в обоих мирах. Два: хаты учатся конвертировать отрицательную как в параллельном мире в положительную. Три: Братство осваивает канализацию энергии, и теперь положительная как в параллельном мире достается только хатам или преимущественно хатам. Вот тебе энергетическая доктрина.

– Иосиф, а тебя посвятили во вторую степень Братства?

– Да. Я же тебе рассказывал. Я прошел экстерном, минуя третью.

– Кажется, теперь я начинаю понимать, чего не знают посвященные в третью степень. Их-то лечат избранностью, благополучием и славой. А на самом деле они работают на вампиров с того света.

– Согласен. Кстати, твой муж – какой степени посвящения?

– Ты с ума сошел, дорогой?! Он со мной этим не делился.

– Ах, ну да. Извини. Я уверен, что у него как минимум вторая степень. Раз он все это знал.

Маша подняла руки, как бы признав поражение, в котором не была виновата.

– В любом случае интересно, какие у Германа были источники? Рукописи? Книги? Записки? Неужели настоящие папирусы?

– В папирусах он, безусловно, разбирался, – задумчиво сказала Маша. – Он еще шутил, что компьютеры вернули скроллинг на положенное ему почетное место. Листать страницы менее удобно, чем крутить свиток.

– Ну, тут я бы поспорил. – Ревность не давала мне согласиться с Германом. – Листая, проще найти нужное место.

– Если искать отдельные места, то конечно. Но для непрерывного чтения скроллинг удобнее. По крайней мере, египтяне перешли на него, усовершенствовав глиняные таблички шумеров. Видишь, как все чередуется: перелистывание, прокрутка, перелистывание, прокрутка. Интересно, что будет дальше. Я имею в виду, какое перелистывание.

– Интересно, – согласился я. – От предыдущего цикла прокрутки остался только свиток Торы. И то для публичного чтения. Я тут

задумался недавно: как в доэлектрическую эпоху паровоз светил фарами?

– Не знаю. – Маша удивилась вопросу. – Но хочешь, спросим у проводницы.

– Она-то откуда знает? – теперь удивился я. – Думаю, что на этот вопрос уже не сможет ответить никто на земле. У всех сохранившихся паровозов фары, конечно, уже электрические. Возможно, в каких-то библиотеках сохранились источники, то есть какая-то старая техническая документация, и ее можно поискать. Но вот чтобы взять и спросить? Думаю, нет таких людей.

– Ладно, давай вернемся к нашему источнику. Что там дальше?

Схождение в ад

– Дальше сплошная геополитика. Войны, кровь, страдания. И положительная ка рекой льется хатам. Но вот один момент: казнь Гереха за измену. Значит, другие народы тоже осваивали технику общения с параллельным миром. В «Одиссее» про обездоленные души простых людей написано четко и ясно.

– В «Одиссее»? – изумилась Маша. – Какие, однако, у нас источники!

– В «Одиссее», – подтвердил я. – Разве ты не помнишь? Одиссей спускается в ад. Беседует там с Агамемноном, который рассказывает, как его убила жена. Встречает там Сизифа, Тантала, Миноса. Говорит с тенью своей матери, которая умерла от горя, дожидаясь Одиссея. Перед этим происходит совершенно жуткая сцена. Души в Аиде не имеют памяти. Они ее получают, только когда выпьют жертвенной крови. Одиссей приносит в жертву овцу и барана, наливает в выкопанную яму кровь и ждет Тиресия – какого-то прорицателя, который должен был объяснить Одиссею, как вернуться домой. Так вот, Одиссей ждет этого Тиресия и отгоняет от крови налетевшие души других покойников. В том числе и собственной матери. А мать робко стоит возле этой ямы с кровью и не узнает сына. Тиресий ему объясняет:

Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови

Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно

Та от тебя удалится, которой ты к крови непустишь.

– Вот теперь мне кажется, что помню. А что потом?

– Потом, после пророчества Тиресия, Одиссей, конечно, подпускает всех знакомых, они пьют кровь, к ним возвращаются память и сознание, и он с ними разговаривает. Мать, которая умерла недавно, напившись крови, рассказывает ему последние новости с Итаки, а когда он на прощание пытается ее обнять, она проскальзывает между его руками.

Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью:

Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их.

Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный

Всё, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет.

– Кажется, от классической литературы у нас остались одни оболочки в виде имен, – грустно сказала Маша.

– Ничего страшного. Зато мы помним наизусть диалоги из сериалов, их сюжеты и актеров, которые играют главных персонажей. Так и должно быть. Ты же не веришь в то, что человеческий мозг может удерживать бесконечное количество информации? Он удерживает то,

что проще удержать. Ломать голову люди на самом деле любят не больше, чем ломать руки или ноги.

– И что следует из этой кошмарной сцены?

– Если относиться к ней не как к литературе, а как к свидетельству, получится, что в параллельном мире ко времени создания «Одиссеи» уже наступил системный энергетический кризис. Кстати, Ветхий Завет, который записывался примерно в то же время, строго и недвусмысленно запрещает пить кровь. Чью бы то ни было. Между этими моментами должна быть какая-то связь.

– Ужас.

Маша выглядела какой-то опустошенной. Мне показалось, что лицо ее сделалось пепельно-серым, а губы побелели.

– Ты устала? Сделаем перерыв?

– Нет, давай закончим.

– Там дальше опять сплошные войны.

– Но это очень... нехорошо?!

– Да, любимая. Нехорошо. Хаты – бяки какие-то.

– А куда смотрит Бог?

– А куда он смотрел во время Освенцима и Хиросимы? Или, например, Варфоломеевской ночи?

– Я не знаю. Так, что у нас дальше?

– Назорейский кризис.

Назорейский кризис

– Назорейский?

– Так римляне и евреи называли христиан. Очевидно, раннее христианство довольно решительно вмешалось в параллельный мир и поставило там перед хатами ряд фундаментальных проблем. Кажется, я был прав. Монотеистические религии явно хатам не по душе.

– А сами хаты ни во что не верят?

– Понимаешь, любая религия – это в некотором смысле объяснение, как следует себя вести в этой жизни. Или чтобы сразу было хорошо, или чтобы стало хорошо после смерти.

– То есть хаты не верят в Бога?

– На вступительной лекции об этом не говорилось. А зачем им Бог? Они знают, что большую часть бесконечного времени проведут в параллельном мире. И хотят обеспечить себя в нем счастьем. То есть энергией ка. И все у них посвящено этому. Договариваться с Богом об этом им необязательно. Вернемся лучше к Упуату VIII Богоборцу. Похоже, что они с Кем-Атефом проблемы, связанные с появлением христианства, как минимум частично решили.

Великий Кем-Атеф

– Кем-Атеф вообще великий человек, – заключила Маша. – Получается, он открыл Америку. Вот – твои шуары. Западный Отвар наверняка аналог калипсола.

– Конечно. Заметь, Маша, что через параллельный мир можно обмениваться информацией между двумя удаленными частями этого мира.

– Заметила.

– Да. Но при этом они никогда не встречались! Этот обмен информацией происходил на расстоянии двадцати тысяч километров. За пятнадцать веков до изобретения телеграфа и радио. Через параллельный мир. Вот они, удаленные коммуникации. Понимаешь?

Маша опять поморщилась. Ей не нравилось, когда противник казался слишком сильным. Она решила не обсуждать больше способности хатов.

– Идем дальше. Библиография работ Кем-Атефа. «О принципах создания Братства хатов». «О правилах поиска и инициации новых братьев».

– С этих пор Община стала называться Братством. Похоже, Кем-Атеф много сделал для хатов. Понаоткрывал региональных отделений. Разработал порядок ограничения суммы знаний.

– А вообще-то я была неправа. Не так уж Кем-Атеф велик. С тайной числа 222461215 он так и не справился.

И тут я даже приподнялся с полки. Встал и прошелся по крошечному купе. У меня в груди как будто что-то затрепетало. Что-то радостное, но тревожное.

Стоп-стоп-стоп

– Стоп-стоп-стоп. С числом он как раз справился. Мне теперь это ясно как божий день.

Маша уставилась на меня в недоумении.

– Помнишь, ты совсем недавно, хвастаясь своей интуицией, сказала, что важнее числа нет ничего на свете?

– Разумеется. Но Кем-Атеф не выяснил смысл числа. Тут же ясно сказано: «335 г. Кем-Атеф объявляет число 222461215 вечным, неизвестным и святым. Прекращает дальнейшее постижение числа».

– Маша, не будь наивной. И не верь словам в прямом их смысле. В эту бумагу попали только очень важные факты истории хатов. Здесь вообще ничего случайного нет.

– Разумеется. Ну и что?

– А какой смысл сообщать о том, что ты чего-то не открыл? Публично сообщать? Громко?

– Какой?

– Только один. Чтобы дальше не копались. Потому что уж если ты, великий Кем-Атеф, не открыл, то всем остальным об этом и думать не стоит. Это неоткрываемо в принципе. Логично?

– Допустим.

– А зачем объявлять, что не надо копать дальше, если ты не знаешь, что будет найдено в результате поисков? Пусть я не смог, так другие, может быть, смогут.

– Из ревности. Как это я не смог, когда я такой великий?

– Маша! Кем-Атеф собирался в параллельный мир. И его задача была – не земная слава. Слава как таковая, насколько я сейчас понимаю, хатов вообще не волнует. Их волнует энергетическое обеспечение там. Если даже кто-то через пять тысяч лет откроет тайну и эта тайна принесет ему энергию ка, Кем-Атеф будет счастлив!

– Ты уверен?

Постижение смысла числа

– Я уверен, что Кем-Атеф постиг смысл числа. И понял, что говорить об этом никому нельзя. Потому что ничего хорошего ни ему, ни хатам это знание не принесет. Больше того, значение числа несет угрозу для Братства.

– Тогда почему он просто не вывел его из употребления?

– Значит, не получилось. Я думаю, из-за опыта пятидесяти поколений перед ним, которые на это число молились! Для которых оно было самым святым в жизни. Он не мог сказать: «Запретить?» Даже его авторитета на это бы не хватило. Он мог сказать: «Ничего интересного». И надеяться, что живой интерес к числу угаснет. А ритуальный – останется, и бог бы с ним. Чем чаще ты какую-нибудь вещь перед собой видишь, тем меньше о ней думаешь.

Небесный ОМОН

– Вскоре после этого Кем-Атеф умер.

– Да. Про это мне рассказали копты. Они разгромили монастырь, который хаты построили рядом с храмом Хатшепсут, очевидно как штаб-квартиру. А штаб-квартира должна быть там, где происходят основные действия.

Маша задумалась.

– Кстати, тебе не кажется, что теперь основные действия хатов могут происходить в Москве?

– Не кажется. Русские хатам нужны для того же, что и в голливудских фильмах, – для уничтожения жизни на Земле по ошибке своим ядерным оружием.

– Это весьма вероятно, – задумчиво сказала Маша. – Это очень похоже на то, что я чувствую.

Я поморщился. Ну что я должен был Маше ответить? Что интуиция ее подводит? Что я этого не допущу и встану грудью на пути хатской агрессии?

– Мы уже столько обсудили сегодня. Дай переосмыслить все это. А сейчас надо сделать паузу.

– У меня есть еще один вопрос.

Я покачал головой, сказал, что устал думать, и полез на полку. Засунул наушники в телефон и собрался запустить «Навигатор».

– Иосиф! Зачем хатам оказался нужен именно ты?

Я вздрогнул. Маша очень редко называла меня по имени.

– Да не то чтобы я им был очень нужен.

С арбалетом в метро, с самурайским мечом меж зубами;

В виртуальной броне, а чаще, как правило, без —

Неизвестный для вас, я тихонько парю между вами

Светлой татью в ночи, среди черных и белых небес.

Мне показалось, Маша что-то сказала. Я снял наушники и попросил повторить.

– Я не знаю, сколько вас таких. Я не знаю, сколько тех, кто против вас.

– Да ладно, забей! Дай отдохнуть перед боем.

На картинах святых я – незримый намек на движенье,

В новостях CNN я – черта, за которой провал;

Но для тех, кто в ночи, я – звезды непонятной круженье

И последний маяк тем, кто знал, что навеки пропал.

– Что ты слушаешь?

Я опять снял наушники.

– «Навигатора». Канцону-другую.

– Хаты – страшные люди.

– Конечно. Но знаешь, сколько вообще страшных людей по земле разгуливает?

А пока – *à la guerre comme à la guerre*, все спокойно.

На границах мечты мы стоим от начала времен;

В монастырской тиши мы – сподвижники главного воина,

В инфракрасный прицел мы видны как небесный ОМОН.

Я подумал, что если окончательно поссорюсь с хатами, то действительно рискую пропасть навеки. После чего я медленно и сладко заснул, как воин, готовый к битве.

Конец тридцать второй главы

Глава тридцать третья

Книги будущего

Наутро я проснулся от слепящего глаза летнего солнца и понял, что страх перед хатами исчез с солнечным светом, как в детстве с первыми утренними лучами исчезал страх привидений. Поезд весело потрясывало. Я задернул окно занавеской и аккуратно, чтобы не разбудить Машу, полез умываться. Потом попросил у проводницы чаю и йогурт и за тихим завтраком начал набрасывать в выданном мне вместе с ручкой и зубной щеткой фирменном железнодорожном блокнотике умные мысли на тему.

Со вздохом я подумал, что последнее время все больше пишу обычной ручкой по обычной бумаге. Настоящей клавиатуры мои пальцы уже давно не касались и явно соскучились по ней. Никогда бы мне не пришло в голову, что по клавише, давно ставшей для меня лишенным всякой романтики рабочим инструментом, можно скучать. Но оказывается, можно – и еще как! Даже по электронным книжкам можно скучать. Я перешел на них давно, когда они еще были экзотикой. Скроллить текст мне было гораздо удобнее, чем перелистывать. Правда, искать нужные места действительно проще, листая страницы, но в электронной книге есть поиск, и это неудобство свитка оказалось преодоленным.

Я подумал, что в начале Средних веков, когда Египет стал арабским и перестал экспортировать папирус в Европу, из-за чего люди должны были переходить с легких папирусных свитков-книжек на тяжелые и очень дорогие пергаментные книги (каждая страница из выделанной кожи!), тоже кто-то, как и я, сравнивал плюсы и минусы новых (переплетенных) и старых (рулонных) книг.

Интересно, какая будет следующая версия книги – после электронной? Вероятно, самонастраивающаяся, персонализированная. Так, чтобы каждый читал в книге только то, что ему нужно и интересно, а скучные куски чтобы оставались за кадром. Пропускать скучные куски в процессе чтения совершенно естественно. Особенно если книга длинная. Поэтому облегчение этого процесса – разумный

технологический шаг. Но должна оставаться возможность изменить настройки, чтобы при необходимости прочесть и эти скучные куски. Такую книгу можно сделать и сегодня. Это вопрос несложного программирования.

Придумав самонастраивающуюся книгу, я стал размышлять о том, что придет ей на смену. И решил, что *next step* – прямой экспорт текста в мозг.

Но это случится еще не скоро. Для начала нужно изобрести беспроводное соединение компьютера с мозгом. Беспроводное, потому что провода у головы и электроды в мозгу, конечно, будут бесить страшно. Собственно, общение с компом и сейчас происходит без проводов: через глаза и уши. Но я имею в виду что-то более навороченное.

Слияние искусственного интеллекта с естественным

Мне тут же пришла в голову мысль, что без проводов можно легко обойтись, если поместить миниатюрный процессор прямо в мозг. Но тогда надо научить его получать энергию непосредственно из глюкозы, содержащейся в крови. Не заряжать же литиевую батарейку время от времени! Кровь может, кстати, и охлаждать процессор. Интересно, сложно ли придумать извлечение энергии из глюкозы? Думаю, что не очень. Все эти биохимические процессы давно открыты, переоткрыты и детально изучены – цикл Кребса я проходил много лет назад. Чуть ли не в школе.

Я набросал в блокноте схему.

Удобная штука получается. Настоящее объединение искусственного интеллекта с естественным.

Надо сказать, что весь хайп вокруг искусственного интеллекта, который поднялся в последнее время, меня немного раздражал. Прежде всего неточностью, кроющейся в глобальном определении «искусственный интеллект». По мне, называть вычисления, производимые компьютером, «искусственным интеллектом» – это как если бы паровоз в XIX веке назвали в маркетинговых целях искусственной лошастью. Что-то общее у них определенно есть, особенно в списке выполняемых задач, – но разница между паровозом и лошастью примерно такая же, как между искусственным интеллектом

и настоящим. Тем более что создать настоящий искусственный интеллект прежде, чем мы узнаем принципы работы естественного, ясное дело, не выйдет. Речь даже не о принципах – всегда можно объявить, что мы их установили, – а об изучении работы мозга в деталях. До этого нам не то что далеко – гораздо дальше, чем до ближайших звезд. С другой стороны, что меня не устраивает? Неточность в названии? Чтобы сделать AI модной темой и для журналистов, и для инвесторов, без ярких названий было не обойтись.

План (тезисно)

Тут я понял, что опять безнадежно отвлекся. К сожалению, прокрастинацию никакие силы зла и добра на Земле отменить не способны. Нигде, даже в транссибирском экспрессе. Я решительно взялся за блокнот.

1. Хаты – старая и мощная секта. Опасная.
2. Возможно, они активизировались в последнее время.
3. Химик и Лиля были с ними определенно связаны. Хаты не то от нас, не то от меня лично чего-то хотят. Чего?
4. Никаких уязвимых мест у них обнаружить не удалось, кроме одного: они страшно боятся огласки.
5. Тем не менее о них известно спецслужбам. Как минимум ватиканским. Скорее всего, всем значимым мировым спецслужбам тоже.

Я понял, что в моем списке вопросов больше, чем ответов. Я отдернул занавеску и посмотрел в окно. Огромная непроходимая зеленая тайга. Не дай бог в ней заблудиться. Интересная страна – Россия после Урала. Я представил яркие точки городов – оплотов цивилизации. Там живут нормальные люди, они пользуются фейсбуком и едят попкорн в кинотеатрах. А между ними – сотни километров совершенно безлюдных диких лесов. С волками и

энцефалитным клещом. Я снова взглянул на список и остро почувствовал, как близок к тому, чтобы заблудиться.

Как только мы с Антоном вытащим Мотю, надо будет залечь на дно. Исчезнуть. Ватиканцы, конечно, были правы: пусть с хатами воюют специально обученные люди.

Я написал большими буквами внизу списка: ПО ФИГУ. НАДО СВАЛИВАТЬ. И еще раз посмотрел на список. Мне стало немного стыдно. Тут проснулась Маша и пошла умываться. Я спрятал список – не хотел, чтобы моя любимая девушка прочитала последнюю фразу. Когнитивный диссонанс стыда и страха.

Надо сваливать

– Идем завтракать в вагон-ресторан, – бодро предложила умытая Маша.

– Проводник приносит сюда йогурты и чай.

– Понятно. Но хочется размяться.

– Пошли.

Мы отправились через пару вагонов в вагон-ресторан, и пока мы шли, я думал, как это круто – путешествовать в поезде с любимым человеком. Вроде ты и знал его раньше. Но в поезде – маленькое купе и постоянное общение. И ты понимаешь, что до этого вы общались урывками, а теперь есть шанс узнавать его больше. И любить сильнее.

Мы сели за столик. Маша исследовала меню, а я снова смотрел в окно на пролетающую мимо летнюю тайгу. Она уже казалась не такой страшной, а, наоборот, интересной и заманчивой.

– Ты боишься тайги? – спросил я Машу, когда мы заказали яичницу с беконом.

– Нет, – немного удивляясь вопросу, ответила она. – Я вообще только людей боюсь. И то не всех, слава богу. Что ты писал утром в блокнотике? Я проснулась и заметила, как ты пишешь. А потом ты спрятал блокнот. Что-то секретное.

– Я придумал, во-первых, книгу будущего, а во-вторых, как поженить искусственный интеллект с естественным.

– О, для одного утра неплохой результат. Продуктивно. И ты это записывал? А зачем спрятал?

Провести Машу было невозможно. Перевести разговор на другую тему тоже. Я подумал, что, может быть, ее фантастическая интуиция объясняется просто наблюдательностью. Однако надо было что-то отвечать. Врать я не хотел.

– Я записывал наши планы.

– *Наши* планы записываются нами *вместе*. А ты, вероятно, записывал свои планы на нас.

– Ну какая разница. На самом деле я записывал даже не планы, а статус концессии «Одиночество-12».

– Боюсь, что концессию пора закрывать, – вздохнула Маша. – До лучших времен.

Я, конечно, понимал, что Маша права. Но тут мне захотелось поспорить. Я действительно стеснялся своего «НАДО СВАЛИВАТЬ».

– В любом случае надо вытащить Мотю.

– Конечно, – опять вздохнула Маша. – А у тебя есть план, как именно мы это сделаем?

– Ну, у меня есть план обзавестись документами и левой симкой во Владивостоке, а дальше связаться с Антоном. И вместе с ним придумать план. Деньги у нас есть. И Звездочка есть на всякий случай. Хотя продавать ее не хотелось бы.

– Ты ее не продашь просто так на улице. И в ломбард не сдашь. За нее, вообще говоря, лихие люди и убить могут, – заметила Маша.

– Не надо о грустном. Давай лучше я тебе расскажу, что придумал про книги и интеллект.

– Обязательно расскажешь. Нам еще два дня ехать. Я просто прикидываю, куда можно отправиться после получения документов.

– Куда угодно. Хоть в Японию.

– Почему в Японию? – удивилась Маша. – Тогда уж в Таиланд. Любимое место дауншифтеров. Ко Панган. Ко Самуй. Пхукет, на худой конец.

– Меня почему-то тянет в Японию, – сказал я. – Сам не знаю почему.

– Тайский остров – тропический рай. Солнце, песок и синее море. И пальмы. И кокосы на пляже.

– Рай, – немного растерянно сказал я. – Но как же мы будем загорать в раю, пока Мотя в психушке? Послушай! Ты же умная. Почему у меня в голове Япония? Я вот прямо чувствую, что нам надо туда.

Маша строго замолчала. Я посмотрел на нее внимательно. Было похоже, что она все знает, но говорить не хочет.

– Маша, почему?

Маша покачала головой.

– Ты лучше меня знаешь мою интуицию. Ну почему? Я же все равно сам догадаюсь. Почему я хочу в Японию?

Маша еще раз покачала головой и с видом человека, который сделал все, чтобы избежать тяжелых решений, но вынужден умыть руки, со вздохом сказала:

– Потому что Кем-Атеф собирался в Японию. И Химик собирался в Японию.

– Точно! – Я открыл рот и в восхищении посмотрел на Машу. – Монастырь! Химик собирался в какой-то дзенский монастырь на севере Японии. Он говорил, что там лучше знают, как устроена жизнь.

– Я все понимаю. Но мы не сможем выяснить, в какой именно монастырь он собирался. Мы не знаем, собирался ли он туда, чтобы разобраться с хатами. А даже если и выясним, мы не знаем, что у них спрашивать. «Здравствуйте, где тут у вас отдел по борьбе с хатами?» Боже мой, они же наверняка даже по-английски не говорят! И потом – даже если мы его найдем. Даже если нам там что-то расскажут – зачем тебе это? Ты выяснил, с кем имеешь дело. И ты понимаешь, что этими вещами должны заниматься не вы, а спецслужбы. Ты же сам написал: «НАДО СВАЛИВАТЬ».

– Черт, так ты это прочла? А почему не сказала?

– Сказала вот сейчас.

– Я не совсем это имел в виду. Мы не можем свалить, не освободив Мотю.

– Хорошо. Но не в японском же монастыре лежит ключ к его свободе?

– Кто знает. Как бы там ни было, я за пляжный отдых и дауншифтинг. Но только после того, как Мотя выйдет на свободу. А поскольку в России нам оставаться нельзя – нас ищут и менты и хаты, – то почему бы нам не поехать в Японию? Найдем мы этот монастырь или нет, не так важно. За это время мы с Антоном придумаем, как освободить Мотю.

Эффект несовместимости

Маша поджала губы. Она была недовольна, но спорить не хотела.

– И согласишься, это лучше, чем загибаться с тоски на тропическом острове. Это сначала кажется, что все так романтично. Можно заниматься виндсерфингом, дайвингом, фотографией – да чем угодно! Хоть искать пиратские клады. Но потом появится эффект несовместимости, и тогда мало не покажется.

– Какой еще эффект несовместимости? – Маша звучала озабоченно. – У тебя со мной?

– Нет, ну что ты! Я не это имел в виду. Эффект несовместимости возникает у самых близких людей в условиях относительной изоляции.

И я рассказал Маше, что я прочел в одной книге про полярные путешествия.

Когда великий Нансен, человек блестящего, холодного ума и спокойной силы, вместе со своим лучшим другом – штурманом Иогансенем, офицером, чемпионом Европы по гимнастике и очень обаятельным человеком, оставили корабль и пошли вдвоем штурмовать Северный полюс, то между ними вскоре возникла настоящая ненависть. И только совершенно экстремальные условия: минус сорок пять, пронизывающий ветер и полное отсутствие надежды на помощь со стороны – заставили их не убить друг друга.

Они даже обращались друг к другу «господин начальник экспедиции» и «господин главный штурман». И провели так, прыгая с льдины на льдину, почти два года. В том числе одну полярную ночь. В самодельном иглу, отапливаемом и освещаемом моржовым жиром. Зато по возвращении на Большую землю они снова стали лучшими друзьями. И весь негативизм как рукой сняло.

Маша внимательно выслушала меня, но не стала спорить, а просто сказала:

– Мне кажется, что этот твой эффект несовместимости проявляется чаще, чем об этом принято думать и говорить. Без всяких островов и полюсов. В обычных городских квартирах. Хорошо. Я согласна, что тропический остров надолго – это не выход. Ладно, все равно мы не найдем этот твой монастырь. Но хоть Японию посмотрим. Расскажи, что ты там придумал про книги и про мозг.

Я рассказал. И потом, все оставшиеся два дня, мы говорили о чем угодно, только не о хатах и наших ближайших планах.

Несколько раз я задавал себе вопрос: а не это ли счастье? Поезд, увозящий тебя от кошмаров прошлого, любимая женщина. И если счастье выглядит именно так, то как же его удержать?

А если не удержать, то хотя бы запомнить...

Вслед за этими мыслями меня охватывало чувство несправедливости. Тяжелые несчастья всегда много обдумываются, обсуждаются и оттого хорошо запоминаются. А счастье оказывается таким легким, почти незаметным! И забыть его так легко, что даже непонятно, как его запомнить.

Я поделился этой мыслью с Машей. Она внимательно посмотрела на меня и сказала: «Для таких людей, как ты, счастье – это перерыв

между проблемами».

Названия станций, проносившихся мимо, приводили меня в щенячий восторг: Могоча, Амазар, Тыгда, Архара. За день до приезда в нашем окне показались дальневосточные сопки. Они были нежные, молочно-зеленые, как смузи. Наконец в восемь утра мы спустились с последней из них, и поезд вкатился во Владивосток.

По музыке ходишь?

Мы поселились на квартире у добродушного и нелюбопытного старичка, используя отработанную еще в Кирове тактику. Маша осталась приводить себя в порядок после долгого путешествия, а я пошел прогуляться по городу. Мне нужно было найти одно из тех мест, которые благополучные горожане называют сомнительными, попытаться достать левые симки и выйти на Ворона (такая была кликуха у отца Кобы). А там видно будет. В тюрьме Коба дал мне его адрес, но бумажка где-то потерялась, а я не запомнил из нее ни улицы, ни номера дома.

Но город был очень симпатичный, и сомнительные места не попадались. Трамвайчиками, взбирающимися на сопки, он напоминал Лиссабон, а числом машин с правым рулем – от легковушек до грузовиков и автобусов – Лондон. Я подумал, что у губернатора есть прямой повод подумать о переходе на левостороннее движение. Тем более что оно эргономичней.

Поводив несколько дней машину в Лондоне, я понял, до какой степени удобней, когда руль справа. В Европе и Штатах все самые сложные маневры, то есть разворот и поворот через встречную полосу, мы осуществляем через левое плечо. А большинство из нас – правши. Поэтому нам и проще, и безопасней разворачиваться через правое плечо. И если задуматься, не так уж мало мест на свете с левосторонним движением: Англия, Япония, Индия, Кипр, Австралия, Ямайка.

В таких размышлениях я уже больше часа гулял по Владивостоку. Никаких следов криминальной жизни на улицах не обнаруживалось. Я решил, что бандитские места вроде баров или ресторанов, куда ходят эти ребята, стоит искать недалеко от порта. Но, проплутав там около полчаса и не найдя ничего подходящего, решил сменить тактику.

Я поднял руку, довольно быстро поймал такси (с правым рулем, естественно) и на вопрос «Куда?» ответил, чуть растягивая слова после второго слога, чтобы скрыть московский акцент: «Не знаю, брат. Я к вам только забурился. Вези, где правильные пацаны тусуются».

– А не партизанишь ^[25] часом, валет?

Я вздрогнул. Шофер оказался одним из правильных пацанов.

– Я только из академии^[26]. Ищу Ворона.

– Виссарион, значит, тебе понадобился. А ксиву^[27] предъявишь?

– Яманный глаз покатит?^[28]

– Шуткуешь?

– А ты не при буром. Веди свою пеструху на хазу. Я же не буду дворником^[29].

– А ты ведь меня не запряг. Масти-то какой? И погоняло назови. Или закона не знаешь?

– Погоняло— Пророк. С мастью потом разберемся.

Мы остановились у невзрачного кафе-стекляшки. Зашли вместе с шофером, он сказал что-то бармену (грязная белая рубашка, невыносимый толстый черный галстук, поверх всего – еще более грязный белый халат), и мне предложили подождать.

Я сел за барной стойкой и попросил пива. Кружка была грязной, от пива несло мочой. Я поморщился.

– Че нос воротишь?

Глаза бармена смотрели на меня вызывающе недобро. Но тюремный опыт подсказывал мне, что спускать в подобных ситуациях нельзя. Поэтому я избрал среднеагрессивную тактику.

– Не катит твое пиво. Вкус гунявый. И кружка у тебя какая-то, бля, дударная.

– Пиво – какое есть. А вкус гунявый, потому что я в него ссу. Ха-ха-ха.

– Ну ты брякнул, мухомол^[30]! За такие косяки можно ведь упасть-влюбиться. Забей амбразуру, пока тебе бестолковку не отремонтировали^[31].

На этой бравурной ноте я решил закончить диалог, оставил кружку и небрежно бросил две бумажки по десять долларов. Две, чтобы у бармена сложилось представление о моей состоятельности и не возникло вопросов о необходимости давать мне сдачу. Бармен действительно заткнулся.

Я – Пророк

Через минуту его кто-то позвал, он отошел и тут же вернулся с телефонной трубкой в руках.

– На, побалакай тут.

Я взял трубку и сказал: «Да!»

– Ты кто?

Это было вместо «добрый день». Ну ок, я тоже умею не здороваться, если так принято.

– Я— Пророк. А вы?

– А я – Ворон.

Голос у него был добрый и немного уставший. Абсолютно непохожий на голос одного из самых страшных людей России.

В тюрьме ходили слухи, что сходянок собирался даже развенчать Ворона за излишнюю жестокость. Коба эти слухи жестко отрицал. Хотя сам как-то сказал мне, что до коронации погоняло его отца было Выключатель.

– По музыке ходишь? Или вор ворует, фраер пашет?

– Мне сказал Коба, что вы можете мне помочь. У меня проблемы. Мне и моей девушке нужны документы.

Я специально не переходил на феню, чтобы сохранить дистанцию. Одно дело – таксист с барменом, другое – смотрящий всего Приморья. Удивительно, но Ворон тоже решил сменить феню на обычный язык. В этом было что-то уважительное. Мол, могу по музыке, а могу и так. Его русский был какой-то выпранный. Слова Ворон выговаривал медленно, как будто над каждым ему приходилось задумываться. Грузинский акцент был едва различим. У Кобы акцент был сильней, что понятно: Кобу воспитывала мать.

– Отписал он мне про тебя, отписал. Как ты с Фонарем в шахматную игру играл. Как звезду с неба выиграл. А потом ты будто бы испарился. Пшик – и нет тебя. Думали даже, что ты засланный. Но навели справки – нет, ты чистый. Ладно. Поступим так. Навести меня сегодня вечером, сделай милость. Вместе с девушкой. Отужинаем. Я тебе покажу мою усадьбу. Ты расскажешь мне про свое житье-бытье. И обмозгуем твою проблему. Ты в гостинице поселился или у друзей обитаешь?

– На частной квартире.

– Адресок не назовешь?

Я запнулся. Но выхода не было. С такими людьми втемную не играют.

– Тунгусская, 25, квартира 3.

– Вот и славно. Часиков в восемь за тобой подъедут. Договорились? Мне совсем не улыбалась идея ужинать в усадьбе первого бандита Приморья, но отказ мог его серьезно оскорбить.

Я попытался отмазать хотя бы Машу.

– Договорились. Я буду. А девушке сегодня что-то нездоровится.

– А ты же доктор! Вот и вылечи ее до восьми часов. Я буду очень ждать. Вас обоих.

Я неприятно изумился. Даже о моем образовании ему было уже все известно. Попрощался, попросил у хозяина пару левых симок, которые он с неохотой отдал мне, сообщив, что денег на них нет. Я поплелся на свою Тунгусскую, 25, с ужасом думая, как быть с Машей. Я не считал предстоящий ужин таким уж рискованным, но все-таки.

Я поделился с ней своими сомнениями. Маша настояла на том, что она пойдет со мной. Во-первых, ей было интересно, как живут настоящие крестные отцы. Во-вторых, у нее появился повод купить себе красивое платье и туфли. В-третьих, если это вдруг опасно, то она тем более меня одного не оставит.

Пока Маша выбирала вечерний наряд, я, не выбирая и не торгуясь, купил себе ноутбук, нам обоим сотовые телефоны, вставил в них левые симки, положил на них немного денег и отправил Антону на его секретный ящик новые факты моей биографии и номер своего нового телефона. Если в течение трех дней он не ответит, придется связываться с Диной. Снова вовлекать свою сестру и его жену в эту историю мне совсем не хотелось – хватило ее тюремного визита. Но третьего способа связаться с Антоном я не видел.

Конец тридцать третьей главы

Глава тридцать четвертая

Похоронный агент

В восемь вечера мы садились в бронированный шестисотый «мерседес» с белым кожаным салоном и мини-баром. Это была первая машина с нормальным рулем, встреченная мною в Приморье. Приоткрыв окно, я заметил, что боковые стекла у него толщиной с Библию.

– Сколько же он весит? – спросил я шофера, одетого в легкий вельветовый костюм.

– Больше пяти тонн. Шесть броневых плит. Каждое стекло – за сто килограмм.

– Специальная подвеска, специальный двигатель?

– Конечно. От простого «мерседеса» здесь только салон и электрика.

Мы выехали из города и довольно быстро поднялись на вершину сопки. Вид из усадьбы Ворона был захватывающий. Сзади и слева – сопки, справа – амфитеатр города, в котором уже начали загораться огни, а прямо перед глазами – огромная дуга залива. Тихий океан. Настоящий. Чугунные ворота открылись автоматически. Колеса зашуршали по каменной дорожке.

Вилла была построена лет сто назад в русском ложноклассическом и заодно псевдопалладианском стиле: бледно-желтая штукатурка, высокие окна, колонны, портики. Прямо перед главным домом – огромная цветочная клумба.

Чуть в глубине краснела маленькая нелепая кирпичная часовня с огромным золотым куполом, явно построенная совсем недавно и совершенно не вязавшаяся с белыми колоннами и желтыми стенами. Ворон верил в Бога.

Шофер вышел из машины и открыл дверь Маше. Я вышел сам. Нас провели внутрь. Лакированный паркет, хрустальные люстры, зеленоватый гобелен с изображениями странных зверьков во всю стену, остекленные белые двери, стулья с гнутыми ножками, обитые умеренно пестрой тканью.

Мы прошли в гостиную. Огромный зал. LCD-экран размером с треть стены. В глубине – бар с барменом. Пока мы озирались, двери, расположенные напротив тех, через которые мы вошли, распахнулись, и в гостиную медленной и степенной походкой, чуть прихрамывая и опираясь на трость, вошел хозяин усадьбы.

Он был одет как похоронный агент. Или как итальянский мафиози. Черный пиджак, черная шелковая рубашка со стоячим воротничком, черные брюки и остроносые ботинки. На руке у него был перстень с огромным сапфиром, но, пока он был еще далеко, Маша успела прошептать мне, что наша Звездочка круче. Как она разглядела это на таком расстоянии, я не понял.

Ворон был невысокого роста, на вид около шестидесяти лет, волосы очень короткие и абсолютно седые.

– Раньше они, конечно, были черные, – тихо сказал я Маше. – Но кличка устарела. Да и вообще внешность обманчива. Не бойся.

– Да, черный ворон превратился в белого, – шепнула она в ответ. – Я не боюсь, мне жутко...

– Жутко?

– Жутко интересно.

Нос с горбинкой выдавал грузинское происхождение. Выражение лица – спокойное и внимательное. Глаза – холодные и тоже спокойные. Весь он излучал какую-то усталую большую силу. Или сознание этой силы.

Ворон подошел к нам, церемонно поцеловал Маше руку и пожал мою, причем его рука оказалась ни мягкой, ни твердой, ни холодной, ни горячей, ни влажной, ни сухой. Затем чуть поклонился и сказал:

– Виссарион.

– Я – Иосиф, а это – Маша!

– Очень приятно.

– Нам тоже.

Здесь я немного соврал. Мне было неприятно. Мне было неудобно. Не считая бармена, мы были совершенно одни в огромном зале между искрящимися люстрами и сверкающим паркетом. Даже Маша в своем новом бархатном темно-синем платье от Ямамото немного терялась. Что уж говорить про меня в свитере и джинсах.

Я вспомнил, как Антон, благодаря своим невероятным связям, устроил нам приглашение на прием у одного олигарха. Обстановка

была примерно как у Ворона. Может быть, поменьше золота и побольше вкуса. Все-таки олигарх – это не совсем вор в законе. Но люди! Люди впечатляли. Я оказался в русском филиале Музея мадам Тюссо. Причем это была явно более продвинутая версия, потому что восковые фигуры двигались и говорили, как живые. Вот прошел премьер-министр. Вот самая известная на тот момент спортсменка чокается шампанским с председателем парламента. Вот великий режиссер. Пьет один. На него смотрит лидер одной из псевдооппозиционных партий, но к лидеру подходит известный альтист, и они начинают о чем-то шептаться. Мистика.

Потрясало, что, с одной стороны, я никого там не знал, кроме Антона, а с другой – вокруг не было ни одного незнакомого лица. Наоборот, все даже слишком знакомые. Минут десять я ходил совершенно обалдевший от такой картины. Но вскоре выяснилось, что для того, чтобы прийти в себя, мне достаточно порции двойного виски. И всю застенчивость как рукой снимает. Антон шепнул мне, что за один вечер я могу сделать себе фантастическую карьеру и чтобы я не терял время зря. Но я совершенно не мог понять, что и кому из российской элиты я должен предложить сегодня, чтобы меня кто-то из них захотел увидеть завтра. Еще меньше я понимал, нужно ли мне все это, и чувствовал, что не очень...

Поэтому я предпочел просто тусоваться. Выяснилось, что люди из телевизора – тоже люди. Не такие уж и отвратительные, как может показаться из наблюдений за политической жизнью России. С некоторыми из них можно поговорить и выпить. Но не больше. В том смысле, что не надо иметь с ними дела.

У Ворона я почувствовал сходную скованность. Как в начале экскурсии по музею живого говорящего воска. Поэтому я решил, что и лекарство от скованности должно быть сходным. И когда Ворон пригласил нас к столу (огромный стол, за который могли сесть человек пятьдесят, был накрыт на троих), я без церемоний выбрал и заказал на аперитив бармену, исполнявшему функции официанта, пятнадцатилетний японский виски, рекомендованный Вороном.

После большого глотка мне сразу стало легче.

Маша поддерживала беседу лучше меня. Говорили сначала об обстановке усадьбы и ведении хозяйства, потом о светской жизни Приморья, о японской моде и еще черт знает о чем.

Еда тоже была вычурная. Мы не выбирали блюда – их просто приносили. Но после тюрьмы, монастыря и поезда жаловаться было бы странно. Русско-французское меню: сочетание кулебяки, фуа-гра, щей, бефстроганова и сыров на десерт. Маша и Ворон пили божоле, я – виски.

Ворон цветисто и подробно рассказывал о себе. Родился от дочери князя Кипиани и генерала Советской Армии, кавалера ордена Боевого Красного Знамени. В 1953 году генерала расстреляли за связь с Берией. Мать повесилась. Бабушка-княгиня воспитывала его до тринадцати лет, потом умерла. Детский дом. Первая кража. Первый срок. Малолетка. Свобода. Второй срок. Третий срок. Коронация в тридцать два года. Ворон работал робин гудом и грабил зажавшихся советских чиновников. Общий срок отсидки – около двадцати лет. Последний раз освобожден в 1990 году и с тех пор на зоне не был. Но следит за порядком в Приморье. Чтобы все честно и справедливо. И по понятиям.

Лактанций

Он оказался на удивление образованным человеком. В тюрьме очень много книг и свободного времени. Когда разговор зашел о Боге, я очень осторожно и несколько витиевато спросил, как религиозные принципы совмещаются с некоторыми неизбежными силовыми действиями, которые приходится предпринимать для поддержания порядка в Приморье.

Он посмотрел на меня очень внимательно и сказал:

– А вы думали когда-нибудь, как совмещаются всеблагой и всемогущий (он поднял палец) Бог и зло этого мира?

– Не знаю, – честно сказал я. – Вот мы недавно с Машей обсуждали этот вопрос. Не знаю.

– А знаете ли вы три вывода Лактанция? Очень элегантных?

Я не знал. Больше того. Все, что я знал про Лактанция, ограничивалось тем, что он раннехристианский философ. Крестный отец Приморья оказался образованней меня.

– Лактанций, допустив, что Бог существует и обладает теми качествами, которые ему приписывают, предположил три варианта ответа: 1) Бог знает о существующем зле, это его очень беспокоит, но он ничего не может с этим поделать; 2) это его беспокоило бы, и он бы обязательно что-нибудь придумал, но он ничего про это не знает; 3) он знает об этом и мог бы что-нибудь сделать, но это его совершенно не волнует.

Постепенно разговор перешел от Лактанция к современной философии. Ворон предложил нам высказаться определенно: какое направление – континентальное или англосаксонское – нам импонирует больше. Мы сначала затруднились с ответом, но я быстро и находчиво сказал, что континентальная философия – это все что угодно, только не философия, и, судя по взгляду Ворона, получил отметку десять из десяти возможных.

Ворон попытался поговорить с нами о деконструктивизме, об эпистемологии, точнее о когнитивистике, о логическом атомизме раннего Витгенштейна и логическом позитивизме Карла Гемпеля.

Когда разговор коснулся *acte gratuit*, я стал д'Артаньяном, который в сходных обстоятельствах почувствовал, что тупеет. Кажется, Ворон это

понял. К этому времени ужин был закончен, и хозяин повел нас в сигарную комнату смотреть свою коллекцию.

Ах, эти черные глаза

Оказалось, что Ворон не только философ, но и меломан. Он коллекционировал патефонные и граммофонные пластинки.

Он ставил нам Варю Панину («послушайте, какой божественный голос»), Петра Лещенко («это очень редкие записи, сами понимаете – эмиграция»), Вадима Козина («страшная судьба у всех русских гениев») и, конечно, шлягеры царской и советской России – от «Сопок Маньчжурии», недалеко от которых мы сейчас находились, до «Рио-Риты».

Я вдруг понял, что в те времена записывалось как минимум по одному, а то и по два-три настоящих хита в год, настоящих – в смысле бессмертных на три поколения, и начал понимать преимущества живого звучания над цифровым. Звук из граммофона не просто аналоговый, а вообще натуральный. Он не испорчен микросхемами и оцифровкой.

– Старые технологии уходят, – задумчиво сказал Ворон, – а ведь они подчас уносят с собой какие-то очень интересные решения. Сейчас на земле не осталось ни одного инженера, который мог бы спроектировать паровоз.

– А кстати, – вспомнил я вопрос из последнего путешествия на поезде, – не знаете ли вы случайно, как паровозы освещали себе путь в темноте в доэлектрическую эпоху?

– Конечно, знаю, – обрадовался Ворон. – У них были карбидные фары. Карбид горит очень ярко. Но быстро сгорает. На каждой станции его запас нужно было пополнять.

Я был потрясен, легко получив ответ на вопрос, на который, как я думал, никто на земле уже ответить не сможет. Затем мы плавно перешли к делу. Ворон повел себя по-джентльменски.

Когда он заметил, что о некоторых деталях мне говорить не хочется, расспросы прекратились. Он обещал помочь. Сказал, чтобы завтра в том же баре, куда меня привез правильный таксист, я оставил наши фотографии и новые имена, которые мы сочтем достойными нас. Паспорта с визами в Японию будут готовы через два дня.

На вопрос, что мы за это будем должны, он благородно улыбнулся и сказал, что ему редко приходится встречать в этой глубинке таких замечательных молодых людей и что поэтому брать с нас какие бы то ни было деньги он считает зазорным. Тем более что я друг его сына. Я оставил ему номер моего нового мобильного, посчитав, что это безопасно.

Он знал про мою историю с Фонарем и попросил показать ему Звездочку. Несмотря на всю сдержанность крестного отца, видно было, что он потрясен ее видом. Выражение «загорелись глаза» в его случае следовало понимать буквально. Немедленно спросил, не хотим ли мы ее продать. Я сказал, что пока нет.

– Я дам за нее пятнадцать тысяч. Прямо сейчас! Соглашайтесь! А то ведь передумаю...

Я посмотрел на Машу. Маша чуть повела головой. Я вежливо отказался, и было видно, что он расстроен. Я тоже расстроился – отказывать мне было очень неудобно. Но Звездочка явно стояла дороже, да и деньги нам были не особенно нужны – взятого с боем в Москве пока хватало.

Ворон предложил переночевать у него, но у нас не было с собой никаких вещей, и мы начали прощаться. Хозяин не хотел отпускать нас с пустыми руками и подарил нам, точнее Маше, патефонную пластинку. Мы отказывались как могли, но он настоял.

– Когда-нибудь, – сказал он, – вы обязательно купите себе патефон или граммофон, а первая пластинка у вас уже будет. От меня. Это очень редкая вещь. Американская.

Я взял пластинку в руки. Тяжелая. Бордовый лейбл. На нем крупно полукругом написано *Columbia*. Внизу совсем мелко: *Petr Leschshenko. Oh, the se black eyes.*

Ворон ее поставил:

Ах, эти черные глаза

Меня пленили.

Их позабыть нигде нельзя,

Они горят передо мной.

Ах, эти черные глаза

Меня любили.

Куда же скрылись вы теперь,

Кто близок вам другой?

Мы еще раз очень тепло попрощались. Хозяин проводил нас до машины. Удобно устроившись в уже знакомом нам «мерседесе» с толстыми стеклами, по дороге мы рассуждали о том, что жизнь и вправду налаживается.

Я прикидывал, не купить ли патефон прямо во Владивостоке. В ответ на искреннее и глубокое удивление Маши объяснил, что хочу еще раз послушать Лещенко.

К патефонному увлечению Маша отнеслась скептически:

– Покупать патефон ради одной пластинки?

– Дорогая! Плохой старой музыки не бывает. Бывает только плохая молодая. Если старая дожила до нашего времени – можно быть уверенным: эта музыка великолепна.

– Вопрос не в этом. Вопрос в том, сколько раз можно эту великолепную музыку слушать?

– А сколько раз можно спать с одной и той же женщиной?

Хрю-хрю-пшш

Маша вздохнула и начала говорить, что нам нужен самоучитель японского языка, потому что в Японии плохо говорят по-английски. В это время «мерседес» сказал: «Хрю-хрю-пшш» – и остановился.

– Что случилось? – спросил я.

– Коробка. О господи! Сколько раз я говорил? Пора ее менять.

– А сколько она прошла?

– Да сколько бы ни прошла. Пора, и все! Но вы не волнуйтесь. До города несколько километров. Я вас сейчас пересажу на такси или на частного. Вы уж извините, что так получилось. Ах ты, господи! Неудобно, ей-богу!

– Ничего страшного! Бывает.

Через минуту рядом с нами остановился «ниссан» с неизменным правым рулем. Мы попрощались и переместились в ниссан.

– Платить не надо, – крикнул наш старый шофер на прощанье. – Я уже расплатился!

Когда меняешь шестисотый «мерседес» на занюханный «ниссан», естественно, немного расстраиваешься. Даже если обе машины – не твои. Мы тронулись с места и сразу почувствовали разницу. «Ниссан» был старый, раздолбанный, жесткий и шумный.

Поскольку огни города не появлялись уже минут десять, я поинтересовался у нового шофера, понял ли он, куда нам нужно. Шофер хмыкнул, осмотрелся и затормозил. Я тоже осмотрелся и понял, что мы на другой дороге. Гораздо более узкой. Где-то между сопками. Внутри у меня похолодело. Тревожная *Boat on the River*, которую крутило местное радио, создавала чувство неожиданного и уверенного падения под откос.

Oh the river is wide

The river it touches my life like the waves on the sand

And all roads lead to Tranquillity Base

Where the frown on my face disappears

Маша рефлекторно взяла меня за руку. Шофер выпрыгнул из машины и открыл мою заднюю дверь (я сидел за ним). В руках у него было помповое ружье, которое я до этого видел только в боевиках. Он передернул подствольный затвор, который издал крайне убедительный сочный звук. Затем нам в глаза хлынул снап света из большого желтого охотничьего фонаря.

– Бобры! Без базара на выход! Грабли вверх и не дергаться.

Рука Маши сжала мою руку со всей силы.

– Я вас не на оттяжку беру^[32], бобры!!!

Я увидел огненную вспышку из ствола, и грохнул выстрел страшной силы. Мне показалось, что меня обдало дуновением теплого воздуха. Нас словно взрывной волной вынесло из машины.

Я стоял прямо перед бандитом и шурился, привыкая к ослепительному свету. В правой руке у него было ружье, в левой – фонарь. Маша стояла справа и спереди, ближе к нему.

– Откидывай брюлик!

Я потихоньку приходил в себя от грохота.

– Ты на кого наезжаешь, вампир?^[33] Мы от Ворона.

– А я от кого?

И бандит презрительно улыбнулся.

– Не запрессовали^[34] вы с Вороном. Брюлик откинь на раз-два!

Я шурился от слепящего света, ясно понимая, что мы пропали. Потому что отпускать живыми нас Ворону незачем. А такие люди просто так ничего не делают. Я почему-то даже не удивился. Уж слишком стальными были его глаза, когда мы говорили про раннего Витгенштейна.

– Слышь, бобер, мне ведь в падлу твой дубарь в квасе шерстить. Грабли пачкать^[35]. Откинь сам. Смерть легче выйдет.

– Не трогай его! – Голос Маши был требовательный и злой. – Алмаз у меня. Здесь он.

Сноп света перестал слепить меня и осветил Машу. Ружье, которое бандит лениво держал в правой руке, также смотрело на нее.

Я щурился по привычке и ничего не понимал. Маша расстегивала платье одной рукой, а другой пыталась залезть себе в трусы. Бандит понимал в том, что происходит, еще меньше меня. Но оторваться от картины раздевающейся женщины в тайге под ярким светом фонаря не смог.

У меня появилось две-три секунды. Бандит стоял ко мне боком. Я сделал полшага, совсем простым движением схватился двумя руками за ствол и вырвал его со всей силы, чуть не отлетев в сторону.

Бандит отшатнулся, но даже не сообразил снова ослепить меня. Я перехватил ружье и не целясь нажал на курок прямо от живота. Немедленно услышал страшный грохот и получил удар в солнечное сплетение. Отдача от помпового ружья оказалась просто сумасшедшей. Согнувшись пополам от боли, я увидел, что фонарь падает, и услышал бурлящие хрипы.

Наступила пауза. Маша, тяжело дыша, принялась застегивать платье. Бандит хрипел и пускал изо рта кровавые пузыри. Я сидел на корточках, полусогнувшись, ловя ртом воздух. Боль постепенно отпускала меня.

Отмазка для его бога

– Неужели все авторитеты такие?

Маша застегнулась; в ее голосе звучало глубокое разочарование. Я понял: Ворон ей очень понравился. Все правильно. Сильные мужчины были ее слабым местом.

– Про всех авторитетов не скажу. Думаю, что ему просто захотелось получить Звездочку, а сдерживать свои желания такие люди не привыкли. В этом их крутизна. Тем более что мы для него – никто, а формальную отмазку – предложение продать Звездочку за пятнадцать кусков – он дал.

– Для кого отмазка?

– Для его бога.

– Бог один. Он отмазывается Лактанцием.

Я поднялся, взял фонарь и посветил им на затихающего бандита. Грудь у него была разворочена. В ране и во рту еще пузырилась

красная пена, ослабевающая с каждой секундой. Бандит был безнадежен.

– Он бы нас убил, – виноватым голосом сказал я.

– Не сомневаюсь, – согласилась Маша.

– Ты – молодец!

– Ты тоже.

Я помолчал, думая черт знает о чем. О патефонной пластинке Петра Лещенко и о современной философии. О том, что все равно надо будет купить патефон и хоть немного почитать современных философов. И тут неожиданно на меня напал страх. Какой-то волчий. Как волчий голод.

Маша попыталась увести меня от несвоевременных мыслей.

– Что делать теперь?

Я вздрогнул и, переведя дыхание, сказал как можно более независимым голосом:

– Надо подумать.

– Мы не вернемся в город. Куда угодно, только не в город.

Я изо всех сил пытался справиться с охватывавшей меня паникой. Мне казалось, что главное сейчас – бежать. Куда угодно. Но очень быстро. Та часть мозга, которая еще работала, говорила, что по трассе мы доберемся до первого полицейского поста. А потом нам крышка.

– По-моему, лучше город. Там проще затеряться, – сказал я.

– Это его город. Нас найдут к утру. В любом месте. Ты понимаешь, как нас будут искать?!

– Хорошо, что ты предлагаешь?

Я был готов сорваться. Мне казалось, что надо бросить все, сесть в машину и исчезнуть, а не рассуждать, стоя над трупом.

Ужас смешался со злобой. «Ну почему у меня не было никаких предчувствий о том, что случится? Ведь мне совсем недавно казалось, что истинные предчувствия существуют. Но на сучьего Ворона я не среагировал... А что Маша с ее хваленой женской интуицией?! Боже мой! Как устроен этот сраный мир?!»

Мысли о мироздании, не успев появиться, были резко прерваны звуком из реальной жизни. Звонил мой новый телефон.

Я подумал, что Ворон хочет убедиться, что дело сделано. Отчаяние и ненависть окончательно переполнили меня. Я заорал: «Бля!!!», схватил телефон, чтобы выкинуть его к чертовой матери, но наткнулся

на укоризненный взгляд Маши. Такой простой, наивный, немного удивленный взгляд.

«Ах так? – решил я. – Ну хорошо! Ради твоих голубых глаз я буду смелым до конца! Благо ждать осталось недолго!» Я сдвинул слайдер в зеленую сторону.

Конец тридцать четвертой главы

Глава тридцать пятая

В самую последнюю очередь

Я читал сегодня новости. Они ни к черту не годятся. Кажется, наша армия опять проиграла войну. А вот англичане опять выиграли. Моя расческа скоро сломается. Или я просто облысею с такой расческой. Боже мой! Сколько дыр выкопали суслики в Тамбовской области! Зачем им столько дыр? Это все из-за битлов. Нет, пожалуй, умирать я пока не хочу. Даже с Машей. Даже в ее объятиях. Тем более в ее объятиях.

И вообще – умирать не пойдет. Я что, забыл? Я же ненавижу смерть. Что? А она меня? Да мне плевать! Неясно? По буквам: п-л-е-в-а-т-ь!

Не дай бог, еще Маша умрет. В этом жутком лесу. Бр-р.

«Ты бы радовался скорби на собственных похоронах?» – как-то спросил меня Антон. «Нет, – задумавшись, ответил я. – Не люблю огорчать людей. Тем более близких. Я вообще не понимаю людей, которые хотят утащить за собой в могилу весь мир. Хотя знаю, что такие люди существуют».

Несколько секунд хрипения трубки между моим «Я слушаю!» и ответом Ворона прошли незаметно. А первая его фраза меня восхитила.

– Ну что, голубки? Улизнули?

Вот он, рецепт бандитского успеха: трезвый взгляд на жизнь, быстрая реакция, уверенный цинизм, немного тепла в голосе. Я ненавидел Ворона и восхищался им одновременно. Только что он был готов нас убить, а теперь снова пытается договориться. Раздумывая, что делать дальше и как скоро Ворон нас запеленгует, я ответил просто:

– Спасибо. Вашими молитвами...

Трубка на секунду замолкла. Кажется, по ту ее сторону начался некий мыслительный процесс.

– А давно мы на «вы»?

Теперь процесс начался у меня. А зачем, в самом деле, суслики вырыли столько дыр в Тамбовской области? Процесс вскоре

завершился.

– Антон, это ты?!

– А ты уже многим людям успел раздать этот номер?

– Ну ни хера себе... Шутник! Ты бы знал, где мы. Что с нами...

Антон!!!

– Что случилось? Вы же на свободе? Из твоего письма я понял, что менты и хаты отдыхают!

– Что? Кто отдыхает? Маша, приколись! Это вообще. Это Антон!

Голос Маши был деловой и немного нервный. Прикола она тут не видела.

– Я уже поняла. Спроси, что он посоветует.

– М-м-м.

Я закурил, скосив глаза на труп, попавший в луч качнувшегося фонаря, и сбивчиво, но понятно рассказал Антону, куда мы собрались и где оказались.

– Япония подождет. До завтра, – резюмировал Антон. – А пока вам надо возвращаться в город. Вы далеко от него?

– Хотелось бы быть подальше. У нас нет даже документов. Но если бы и были...

– Надо найти правильное место.

– Например?

– Самое крутое казино при самом дорогом отеле.

– Но оно же и окажется самым бандитским?

– Да. Но в нем вас будут искать в самую последнюю очередь. Это же портовый город?

– Портовый.

– Прикиньтесь иностранцами. Говорите по-английски. Напейся в жопу. А Маша пусть придет в ужас, что ей тебя не довезти до вашего отеля. И вам немедленно предложат заночевать здесь. За двойную цену и без всяких документов. И не станут оповещать местное бандитское начальство, разумеется.

– Хм... А завтра?

– До завтра я успею что-нибудь придумать. А пока выкини эту трубку. По ней тебя скоро запеленгуют. Позвони мне завтра утром из отеля. Запиши мой телефон.

– Я запомню. То есть Маша запомнит. Диктуй!

Напиться получилось натурально

Через некоторое время мы входили в казино *Tigre de Cristal* при одноименном отеле. Розовые слоны на коврах. Бездушные вымуштрованные фигуры крупье. И, как всегда, их лица светятся некой отстраненной значимостью.

Мне не хотелось играть. Совсем. Я отлично помнил, чем кончился мой последний поход в казино. Поэтому, сидя за блек-джековским столом, я просто лениво поднимал карты, ожидая червовую даму. Сам не знаю почему. Как будто я продолжал ждать Машу и гадать на нее.

To the queen of hearts is the ace of sorrow

He's here today, he's gone tomorrow

Young men are plenty but sweethearts few

If my love leaves me what shall I do?

I love my father, I love my mother

I love my sister, I love my brother

I love my friends and relatives too

I'll forsake them all and go with you

Эта песня была мне сколько-то десятков лет назад колыбельной. Когда у меня появятся дети, я тоже буду укладывать их под Джоан Бааз. Она хорошая – грустная, простая, нежная и чистая.

Дама червей приходила иногда невпопад, а иногда, наоборот, оказывалась совершенно необходимой. Но я был готов даже проигрывать, лишь бы дама приходила почаще. А она приходила, когда ей вздумается.

Напиться получилось очень натурально. Через час меня вели в номер заботливые руки дежурного администратора. Маша охала по-английски. Я на все происходящее вокруг отвечал заплетающимся языком *no fucking way*. По дороге, скосив глаза, я посмотрел на лошадиную морду администраторши и почувствовал, что мой голос приобрел дополнительную уверенность.

Под утро мне почудилось, что я забыл телефон Антона, и я проснулся в холодном поту. Вспомнив, что надо говорить по-английски, я ткнул Машу в бок и спросил, не забыла ли она номер. Она не забыла.

Я, хлопая глазами с тяжелого похмелья, пару раз нажал на незнакомой трубке не те цифры, но наконец сумел набрать верный номер. Антон был краток. Спросил название гостиницы и номер комнаты. Обещал, что с нами свяжутся. Я пожал плечами, сказал: «Спасибо, супер!» – и попрощался.

Пусть каждый отвечает за себя

Нам принесли завтрак. Я включил телевизор и чуть не подавился булочкой с джемом. С экрана на меня смотрело лицо Маши. Нарисованное углем в манере голодного уличного художника. С челкой и широко распахнутыми глазами. Я покачал головой. Даже выйдя из механических щупалец бездарного фоторобота, Маша осталась загадочной красавицей.

Сообщалось, что прибывшая недавно в Приморье банда из Центральной России решила отнять у жителей этого забытого богом региона то, что еще не успели отнять центральные российские власти. Банда кровожадна. (Кадры развороченного трупа бандита.) Банде свойственны безумные действия. (Кадры оживленной улицы.) Бандой руководит матерый уголовник по прозвищу Пророк. (Мой фоторобот

получился гораздо хуже.) Его подруга Мария превосходит Пророка в бессмысленной жестокости... (Опять фоторобот Маши.) Если вы увидели кого-то, напоминающего вам. И так далее.

– Маша, может, мы всегда были прирожденными убийцами?

Маша не поддержала мой романтический настрой.

– Ты, может, и был. Мне отвратительно все, что мы сделали. Пора завязывать с криминалом.

Я переключился на CNN. Черт его знает, чем нашпигован номер, а иностранцы, слушающие местные новости, могут навести на подозрения. В это время в дверь постучали. Делать было нечего. Терять тоже.

– *Who's that?*

– От Антона.

Вы что, первый раз замужем?

Дальше началась трехминутная пантомима. Вошедший человек в сером плаще медленно вытащил фотоаппарат и знаками велел нам встать напротив белой стены. Мы сфотографировались. Я попытался открыть рот, но человек приложил палец к губам. Я знаками показал, что у нас будут проблемы с выписыванием. Он успокаивающе кивнул и дал понять, что вернется. Я ткнул пальцем в часы, чтобы он объяснил когда. Он беззвучно ответил, что через час. Я молитвенно вознес руки, и на этом мы попрощались.

Ровно через час он вернулся и так же знаками показал, что мы должны следовать за ним. Вещей у нас не было, поэтому собирались мы недолго. Побродив коридорами и выйдя через служебный вход, мы сели в черную «Волгу». С нормальным левым рулем.

И тут человек заговорил. Коротко, сухо и просто.

– Ваши документы будут готовы через два часа. Инструкции о том, что делать в Токио, вы получите в самолете. Вопросы?

– А визы, билеты?

– Ваши документы будут готовы через два часа, – повторил он.

Маша решила, что организационные вопросы исчерпаны, и поэтому перешла к необязательной части:

– У нас остались вещи. Тунгусская, номер 25, квартира 3.

– Хорошо. Сделаем.

Он включил рацию.

– Сорок первый, я восьмой. Подскочи на Тунгусскую, 25. Да. В третью квартиру. Собери там вещи. Только по-тихому.

Я не смог скрыть своего восхищения всем происходящим и сказал: «Круто!» Человек в плаще посмотрел на меня с легким удивлением. В его глазах читалось что-то вроде: «Ребята, я не понял, вы что, первый раз замужем?» Я на всякий случай решил молчать.

Мы приехали в аэропорт. Человек в плаще сел отдельно.

По местному каналу опять показали наши фотороботы. Человек в плаще посмотрел на них, перевел взгляд на нас и чуть заметно покачал головой. Я не понял, что это значит: у нас проблемы, или, наоборот, фотороботы не имеют с нами ничего общего. Видимо, все-таки второе – остальным пассажирам не было до нас никакого дела.

Как только объявили посадку, он подошел к нам сам и передал пакет и посадочные талоны.

– Ваши документы в пакете. Ваши вещи в самолете. Удачи!

Он исчез, даже не кивнув на прощание.

Мы сели в самолет.

Я вскрыл пакет. Два паспорта. Причем немного потертых, с какими-то визами и штампами. Фотографии – наши. Имена – тоже. Фамилии – явно нет. Я превратился в Иосифа, а Маша – в Марию Рогачевских. Вот так небрежно Антон взял и поженил нас. Ваучер на гостиницу, ваучер на трансфер – все как в хорошем турагентстве. И белый конверт без единой надписи. В нем лежал факс: «Когда устроитесь в Токио, позвоните мне по тому же телефону. Про Матвея не волнуйся. Я его найду. Постарайся узнать, куда собирался Химик. Антон».

Мы долетели до токийского аэропорта Нарита. Вылезли из самолета, получили наши вещи с Тунгусской, 25, и...

...на нас посыпались странности.

– Я не поняла. Мы летели на восток, а должны перевести стрелки назад? На два часа?

– Да. Странная история. Мы летели на восток. Солнце было справа.

Японские нюансы

В Японии потрясает не экзотика вроде той, что обрушивается на тебя в Индии или во Вьетнаме, а нюансы. Тонкие, но очень трогательные. Из расписания автобуса следует, что мы будем в нашем отеле в 18 часов 32 минуты 30 секунд. И дальше можно сверять часы с расписанием автобуса. Например, стучит тебе в номер горничная, или клерк из рум-сервис с чаем, или друзья из соседнего номера. А ты, само собой, лежишь на постели. Читаешь гид и смотришь ящик. Потому что постель – твое любимое место в жизни вообще и в отеле в частности. И вместо того чтобы вскакивать и идти открывать дверь стучащему, ты лениво оборачиваешься и нажимаешь на кнопку. Дверь открывается. Просто, как три копейки. Но в гостиницах других стран я что-то таких кнопок не видел.

Еще нюанс: бесплатные зонтики. Везде: в кафешках, в гостинице, в музеях. С соответствующими логотипами. Это не просто реклама. Токио – город дождливый. Но носить с собой зонтик необязательно.

Если начнется дождь – ты получишь его в любом цивилизованном месте.

В общем, страна приятных нюансов: пятиуровневые дороги, роботы-мойщики мостовых, унитазы в туалетах с тремя кнопками и двумя тумблерами, автоматы, продающие все что угодно – пирожные, носки, сигареты, пиво, батарейки, газеты.

Первые несколько дней мы были в восторге. От еды, запахов и видов. От свободы и любви. От иероглифов и заботливых английских сопровождающих надписей.

От музыки, которая нас окружала. Легкий западный рок, иногда фолк. Иногда кантри. Мягко и очень мелодично. Такая тихая, очень хорошая незнакомая музыка. То ли американская, то ли японская на английском языке. А иногда просто *Beach Boys*.

От дизайна, какого-то невероятно совершенного. Идеально соответствующего месту. Простого и гармоничного.

Маша в первый же день купила старенькую «Мамию-7», инфракрасный фильтр и инфракрасную пленку. Однажды я застал ее фотографирующей дверную ручку в ресторанчике. Обычную дверную ручку, сделанную безвестным дизайнером, в обычном ресторанчике. Но Маша была права: ручку можно было отправлять на выставку.

Еще Маша завела, согласовав со мной, новый аккаунт в фейсбуке на свое новое имя и подписалась на те сообщества, без которых не могла жить. И стала фолловить каких-то своих подруг, без нарушения анонимности разумеется, то есть без комментов и всяких глупостей. Я решил, что пока отдохну от социальных сетей. Сэкономлю время и нервы.

Паломников принимаете?

На второй день мы попытались приступить к поискам монастыря, но мой оптимизм быстро развеялся. По телефону выяснить что бы то ни было оказалось нереальным. Классический диалог через переводчика в лице чувака с ресепшн очередной гостиницы выглядел так:

- Вы монастырь?
- Монастырь!
- Учеников принимаете?
- Ммм???

– Ну, паломников?

– Ммм...

– Ну то есть туристов.

– Ммм!!!

– А из России к вам никто не собирался?

– ЫЫЫ...

Монастыри в Японии не принимали паломников. Они даже не знали слова «пилигрим».

Тогда мы оставили наш отель в Токио и отправились в путешествие. За неделю мы объехали несколько северных городов и побывали в трех национальных парках. В путешествии с монастырями ситуация не прояснилась, зато мы узнали, что в Токио существует контора, которая специализируется на дзен-туризме. Мы вернулись в свой токийский отель.

На следующий день я отправился в эту контору, а Маша – на шопинг. В конторе довольно сносно говорили по-английски, записали данные Химика, предполагаемые даты его несостоявшегося путешествия (конец апреля) и обещали перезвонить нам в отель, если что-то узнают.

Обратно в отель я шел пешком, перекусил по дороге, отметив, что в Токио вкусно кормят в таких местах, куда в Москве я бы просто не стал заходить, чтобы не отравиться. На ресепшн я обнаружил Машу. Когда я входил, она взяла из рук портье какой-то конверт, развернула его и тут же выбросила. Мне показалось, что лицо ее изменилось.

– Привет, тебе уже пишут письма?

– Да ну. – Она поморщилась. – Реклама из того бутика, помнишь, где я покупала сумочку.

– Быстро мы обрастаем новыми связями, – заметил я. – Исчезай не исчезай, а персонализированная реклама тебя найдет.

– Вам звонили, – сообщил мне тот же портье.

– Мне?! – Вот тут я удивился не на шутку. Кто это мог мне звонить?

Оказалось, что мне звонили из той самой монастырской конторы, в которой я был полтора часа назад. Клерк соединил меня с ними. Мне дали номер представительства одного далекого северного монастыря в Чуодзи. В сам монастырь позвонить невозможно. Он находится у черта на рогах. Шесть часов от Саппоро на автобусе до местечка Хороканай (туда мы с Машей не забирались, даже о существовании такого

монастыря не подозревали), а оттуда пешком около тридцати километров по горным тропам. Ни телефона, ни интернета там нет, не было и вряд ли когда-нибудь будет. Кроме того, насколько они знают, этот монастырь не принимает женщин.

Я спросил, говорят ли там по-английски. Мне сказали, что как-то, может, и говорят, но лучше пусть за меня поговорит клерк с ресепшн. Я дал клерку телефон, объяснил, в чем дело, и он позвонил в представительство.

В представительстве с шепелявой готовностью подтвердили факт вопиющей половой дискриминации. Я бы даже сказал, половой сегрегации. Кроме того, настоятель монастыря плохо относится к непрошеным гостям. Может заставить ждать посетителя несколько дней.

Но именно туда, к настоятелю Окаму, и собирался человек из России, которого они называли Ирия Донесокое.

Начинается...

Я скосил взгляд на Машу, пытаюсь понять, насколько радикально она относится к половой сегрегации в данном конкретном случае. Она не изменилась в лице.

– Предлагаю пойти в бар на крышу и выпить кофе.

Пока мы поднимались, Маша не произнесла ни слова. Но придраться было не к чему. К немотивированному молчанию могут придраться или отмороженные люди, или люди, абсолютно уверенные в себе. Что, кстати, одно и то же. Тем не менее Маша была очень и очень мрачной. Я решил, что ее не радует перспектива остаться в Токио одной. Мы сели в чудесном кафе на крыше с видом на весь Токио. Вечерело на глазах, и с каждой секундой в бескрайнем мегаполисе зажигались все новые и новые огни.

Подпиши счет

– Красиво, – честно сказал я.

– Ты собираешься ехать в этот монастырь? На дикий север? – довольно строго спросила меня Маша, не реагируя на разноцветную искрящуюся красоту.

– А чего? – немного растерянно от такой строгости сказал я. – Ну слетаю на пару дней и вернусь. Ты тут поснимаешь пока.

– Это не пара дней. Туда только пешком идти полный день. А перед этим самолет и автобус шесть часов. И главное, что нам сказали, – тебя могут не сразу принять. Ты, может, неделю будешь там ждать приема. А то и две.

– Да ладно тебе. Мы же его три недели искали! И нашли наконец. И что теперь, отказываться? Глупо, согласись. – Я совершенно не был настроен ссориться и вел себя максимально мирно. – Хочешь – полетели на север вместе. Ты там меня подождешь в этом городке. Пока я сбегая туда-обратно.

– Это вариант, – довольно озабоченно сказала она. – Возможно.

– Что значит «возможно»? Или здесь меня подожди. Или в Осаку съезди, в Хиросиму. А в чем проблема-то?

– Проблема в том, что мы договорились, что ты не будешь заниматься хатами больше. Мы об этом договорились в поезде. Четко и ясно. А тут мы три недели ищем этот монастырь.

Я не люблю, когда меня безо всяких оснований обвиняют в нарушении договоренностей, и поэтому почувствовал легкое возмущение, но ссориться с Машей, которой попала вожжа под хвост, совершенно не хотел.

– Во-первых, – как можно более позитивным голосом сказал я, – мы договорились, что я выйду из игры, когда Мотя окажется на свободе. Во-вторых, у нас концессия. «Одиночество-12».

Маша перебила меня, не дав договорить:

– Этот монастырь не имеет никакого отношения к свободе Моти.

– Но Матвеем занимается Антон! А я, по согласованию с ним, ищу монастырь, куда собирался поехать Химик перед смертью.

– Почему ты должен согласовывать свои планы с Антоном?

Я начал злиться по-настоящему.

– Я ведь еще и с тобой это согласовал. Если ты была этим так недовольна, могла бы отказаться в самом начале. Почему ты молчала эти три недели?

И тут Маша выдала фразу, от которой я не смог сдержаться и презрительно фыркнул.

– Я была уверена, что мы ничего не найдем.

Фыркнул я, конечно, зря. Потому что Маша сначала замолчала, ожидая, не издам ли я какой-нибудь еще звук, кроме фыркания, а потом как-то подозрительно медленно произнесла:

– И как раз сегодня собиралась сказать тебе что-то очень важное. Про то, что наши планы нужно изменить.

Но вместо того чтобы сказать мне что-то важное, Маша уткнулась в фейсбук.

Мне бы тут, конечно, спохватиться и послушать, что такого собиралась мне сказать Маша. Но я, уже заведясь, решил ее немножко потроллить. Меня взбесило, что Маша на ровном месте упрекнула меня в нарушении договоренностей. И тут же ушла от разговора в виртуальные миры.

Поэтому я, не обратив никакого внимания на изменение планов, которое хотела обсудить Маша, довольно ехидно сказал:

– Опять подвела тебя твоя хваленая интуиция. Не верила, что монастырь найдется. Но я-то знаю, что такое стойкость и упорство. Главное – верить в себя и в победу.

Кажется, я совершенно напрасно начал учить Машу жизни в целом и науке побеждать в частности. Потому что она совершенно холодным тоном спросила только:

– Почему опять?

– Что «опять»?

– Ты сказал, что меня опять подвела интуиция.

Это был мой последний шанс остановиться, но я им не воспользовался. Я завелся, и меня несло. Такое со мной бывает – когда желание доказывать свою правоту становится непреодолимым и превращается в автоматизм.

– Опять? Ну вот например, когда ты захотела поехать к Ворону. Посмотреть, как живут настоящие крестные отцы. Повод новые туфельки купить получился.

– Если бы я не поехала, тебя бы убили, – сказала Маша таким голосом, как будто меня все-таки убили.

– В любом случае, – мне стало немного жутко от самого себя, но остановиться сразу не получалось, – мне непонятно, почему надо корректировать планы задним числом. Антон ждет данных из монастыря.

– Антон может получить их сам, если они ему так нужны. Мы можем передать ему все координаты. Я хочу, чтобы мы вышли из игры. Сегодня. Сейчас. И уехали куда-нибудь. На далекий остров. В джунгли. В пампасы. Куда угодно.

У меня было ощущение, что Маша уже говорит не со мной, а сама с собой. Или со стеной. Или со своей тарелкой.

– Но мы не уедем, – продолжала Маша ровным и каким-то невыносимо спокойным голосом. – Я была для тебя целью. Важной целью. Ты добился меня и потерял ко мне интерес. Теперь у тебя есть новые цели. А со мной ты боишься испытать эффект несовместимости.

– Да что ты такое говоришь? – Я не выдержал. – Что случилось такого, что мы должны менять все наши планы?! Но если ты так хочешь – можем уехать вместе.

Маша покачала головой.

– Я беременна.

Я замолк. Маша тоже не произнесла ни звука.

– Черт! То есть я хотел сказать, ни фиги себе!

Маша молчала, поэтому мне надо было сказать что-то еще.

– Давно?

– В каком смысле давно? Задержка у меня несколько дней. А тест я сделала час назад.

Я замолк и посмотрел в некоторой прострации на Машу. Она бросила быстрый взгляд в телефон, как будто подробности теста на беременность были именно там. Я еще не отошел от неожиданного скандала. И тут на меня абсолютно неожиданно, безо всякой подготовки и предчувствий, накатил дикий приступ ревности, приступ, каких не было уж полгода, если не год. И я спросил:

– От кого?

Маша посмотрела на меня как на постепенно надоевшего ей марсианина, еще с легким интересом, но уже с заметным

отвращением, поднялась из-за стола, сказала: «Подпиши счет», развернулась и ушла.

К черту монастырь

Я остался сидеть в ошолоблении. Потом пошел к лифту, но Маша уже уехала. Вспыхнувшая было ревность к Герману быстро унеслась. Мы путешествовали уже больше месяца. И потом, Маша мне говорила, что она не занималась с ним сексом с тех пор, как я исчез в тюрьме. Особого повода врать у нее не было, да и не врал я Маше никогда. Так. Что же делать?

Я вернулся и сел за стол. Руки у меня дрожали. Сердце тоже, если слово «дрожать» применимо к сердцу. Я вдруг вспомнил, что дрожание сердца называется фибрилляцией и это, в общем, клиническая смерть. Что за херня в голову лезет?

Мысли у меня совершенно спутались. Мне нужно было что-то сделать с собой. Я сильно потер виски. Не помогло. Сжал до боли мочки ушей. Без эффекта. Начал дергать правой рукой за пальцы левой. Суставы щелкали, но в голове продолжал роиться хаос.

Тогда я решительно подошел к барной стойке, заказал двойной виски и залпом его выпил. И тут наступило некоторое просветление. Виски вывел меня на Антона.

И я стал звонить ему, параллельно пытаюсь сообразить, который в Калифорнии час.

– У меня пять утра, – сообщил мне Антон вместо «привет». – Что случилось?

– Я обидел Машу, а она оказалась беременной. А еще я нашел монастырь.

Я всегда изумлялся скорости реакции Антона. Как бы сонный Антон был краток и умен, как всегда.

– Поздравляю! Иди извиняйся. К черту монастырь, расскажешь мне через три часа, когда я проснусь.

– Ладно. На связи! Прости!

Я попросил счет, быстро подписал его и пошел извиняться. В лифте я придумал фразу: «Дорогая, прости меня, я полный идиот, до меня, как до жирафа, все очень медленно доходит». Фраза мне понравилась. Я повторил ее несколько раз, чтобы не забыть, затем прислонил карточку-ключ к ресиверу, открыл дверь и начал громко и весело произносить ее. Но не договорил до конца.

Слова застряли у меня в горле. Говорить мне было не с кем. Маши не было. Нигде. Ни Маши, ни ее чемодана с сумкой. Притом что мой чемодан одиноко торчал на чемоданной подставке. Одиночество моего чемодана вызвало у меня непреодолимый ужас, как будто я наткнулся посреди тайги на голодного медведя, который уверенно движется в мою сторону.

Опережая собственный крик, я понесся по лестнице к ресепшн. Там на меня посмотрели с сочувствием и, озадаченно улыбнувшись, объяснили, что леди взяла такси минут пять назад и уехала.

– А чемодан?

– Да, леди была с чемоданом. И леди оплатила счет. Полностью. По завтрашний день включительно.

Я, покачиваясь, вернулся в номер в полной уверенности, что никакой записки я там не найду. И действительно, никакой записки там не было.

И все. Мир прекратил свое существование. Вселенная схлопнулась.

Конец тридцать пятой главы

Глава тридцать шестая

Лицом вниз

Я лежал на постели лицом вниз. Праздник кончился. Плакать я не мог. Но я мог выть. Я и выл себе. Тихо, протяжно и в подушку, чтобы не привлекать внимания людей из соседних номеров.

В далекой юности я читал дурацкую, но очень модную американскую книжку «Жизнь после смерти». Это был свод рассказов людей, переживших клиническую смерть, но потом заботами врачей вернувшихся к жизни еще на некоторое время. Там были повторяющиеся сюжеты, и именно сходством независимых свидетельств авторы пытались доказать, что их исследование объективно. Люди, пережившие смерть, рассказывали, что умерший летит по каким-то коридорам навстречу потоку света или что он видит свое тело со стороны. Все это возможно. Тем более что в хатском трипе я и не такое видел. Но меня в их рассказах ужаснуло не это, а то, что человек сразу после смерти испытывает острое пронзительное одиночество. Одиночество, возникающее от того, что он видит окружающих людей, обычно врачей или родственников, слышит их слова, а сказать им в ответ уже ничего не может. Неужели это правда? Ты всех видишь, слышишь и не можешь никому ничего сказать?! Даже знак какой-нибудь подать??!

Вот примерно такое одиночество я испытывал, уткнувшись в подушку в номере японского отеля. Острое и пронзительное. Усугубленное чисто физической беспомощностью: я не мог пошевелить ни рукой ни ногой, они были ватные, как будто из мышц откачали всю энергию.

Я лежал, выл, причем единственная мысль, порхающая по извилинам мозга, была незамысловата: «Какая разница, вернется ли ко мне способность шевелить руками и ногами, если Маши больше нет».

На самом деле разница была. И об этом сообщил мне звонок моего мобильного. А вдруг это передумавшая уходить от меня Маша? А вдруг она заблудилась где-то в чужом городе и ей нужна помощь?

Тут же оказалось, что с энергией в мышцах все порядке. Я вскочил с кровати и понесся к телефону, боясь, что вдруг Маша передумает со мной разговаривать. Посмотрел на дисплей. Много цифр. Возможно, ее обокрали и она звонит с городского телефона!

– Алло, привет! – сказал я самым теплым и заботливым голосом, на который был способен. Голосом надежды и силы.

– Привет! Ну что, помирился с Машей?

Никогда еще звонок Антона не приносил мне такого разочарования. Никогда.

– Маша ушла, – сказал я.

– У тебя голос изменился за секунду, – удивился Антон. – Ты сказал «алло» другим голосом.

– Каким? – Я заметил, что звучу как сонное дохлое дерьмо.

– Радостным. Позитивным.

– Так я думал, это Маша звонит.

– Извини, кажется, я тебя обломал. Давно она ушла?

– Не знаю. Давно. Вчера вроде. Или позавчера.

– Как позавчера? Ты в своем уме? Я с тобой говорил два часа назад. Ты же меня разбудил. Тогда вы только поругались, но она еще никуда не ушла.

– Значит, два часа назад. Я вернулся в номер после разговора с тобой – в номере не было ни вещей, ни чемоданов.

– Понятно. Тогда хватит болтать. Езжай в аэропорт. Это самое вероятное место, где ты можешь ее встретить. Номер пока не сдавай и оставь в нем для нее записку. Если она вдруг вернется.

– Она расплатилась за номер. Представляешь, сама! – Я начал вспоминать что-то имеющее отношение к текущим обстоятельствам. – Тогда ты прав, прошло всего несколько часов. Завтра меня отсюда выселят.

– Не умничай. Езжай в аэропорт! Будем держать связь.

Я как сомнамбула поднялся с постели, механически собрал вещи и поехал в аэропорт, уговаривая себя, что один шанс из десяти у меня все-таки есть.

Проведя полночи в аэропорту (у меня уже два раза проверяла документы местная полиция), я слегка пришел в чувство только после получасового разговора с Антоном. Две его основные идеи звучали так:

1. Маша никуда не денется. Не в первый раз, в конце концов.

2. Раз уж принесены такие жертвы, то я должен все-таки добраться до монастыря и выяснить, зачем туда так рвался Химик. А заодно я поумнею, и мои шансы на восстановление отношений с Машей вырастут.

Я не стал с ним спорить. Это была правда. Я потерял Машу второй раз. Правда, третьего раза не будет, но жертвы действительно принесены. Мысль о жертвах показалась мне гораздо более адекватной. Я взял билет до Саппоро и перед посадкой по привычке разглядывал всех прибывающих в аэропорт туристов, выходящих из такси и автобусов.

Вечером того же дня я сидел в огромном, насквозь стеклянном баре гостиницы в центре Саппоро и продолжал размышлять о том, дорос ли я уже до семейного счастья или вообще для него не создан. В баре тихо, еле слышно играла музыка, которая сразу же показалась мне очень знакомой. Женский голос, тонкий и чистый, как скрипичное соло, пел по-японски. Я попытался убедить себя, что ни одной японской песни не знаю, а значит, эта мелодия мне незнакома. Убедить себя не получилось. Наоборот, мне казалось, что по этим нотам уже чуть ли не играют мобильные телефоны. Музыкальный строй был явно японским.

Я подошел к бармену за очередной порцией «Сантори» (научились японцы настоящий виски делать – ничего не скажешь!) и спросил у бармена, что это за волшебная музыка. Он улыбнулся.

– *Flower of Carnage*.

– Откуда я ее знаю?

– *Kill Bill*. Первая часть.

И он поставил песню сначала.

Shindeita

Asa ni

Tomorai no

Yuki ga furu

Hagure inu no

Touboe

Geta no

Otokishimu

– О чем эта песня?

– Горюющий снег падает мертвым утром. Вой потерявшийся собаки и следы Геты пронизывают воздух.

Экзистенциальный ужас неискл​ючительности

Я вернулся за свой столик. В огромном баре, кроме меня, были только две молодые женщины. Короткие стрижки, джинсы. Они сидели не очень далеко, так что я смог разглядеть, что у одной из них на правом предплечье был вытатуирован дракончик. На том месте, где у меня прививка от оспы. Девушка с драконом смотрела на меня вполне заинтересованным взглядом.

Без обычной клубной лени. Японская девушка. Стройная. Чувственная. Пирсинг под нижней губой. Как минимум интересно. И сама напрашивается. Я задумчиво посмотрел в ее сторону. Просто посмотрел. Безо всяких намерений.

Нет. Не умею я смотреть на женщин. Судя по всему, она расценила мой взгляд как «да пошла ты на хер, стану я трахаться с кем попало», потому что в ее глазах немедленно отразилось «да пошел ты сам на хер», после чего она демонстративно отвернулась.

Я опустил глаза, допил виски и пошел в номер, где мне стало одиноко как никогда.

Сначала я посмотрел в окно: дождь, туман и какие-то смутные голубые огни города. Господи, какое же у всех одинаковое одиночество! Каждый смотрит на снег за окном ночью и думает: черт, это же только мне приходят в голову такие грустные и умные мысли. А на самом деле я подозреваю, что те же мысли приходят время от времени как минимум каждому двадцатому. На разных языках – но полумиллиарду людей! Пятьсот миллионов. Невообразимое число. Вот он – экзистенциальный ужас неискл​ючительности. Я поежился и задернул тяжелую гостиничную штору.

Затем я решил погадать на монетке в сто йен, вернется ли ко мне Маша. Я долго не мог определить, где у монетки «орел», потому что я всегда ставлю на орла. Наконец сообразив, я долго думал, по одному броску решать или по трем. По одному – решительнее, по трем – надежнее. Так и не договорившись сам с собой, я сделал первый бросок – орел. *Yes!* Но тут, сказав себе, что честность важнее, я продолжил серию, и выпало две решки. *Fuck!* Я сделал серию из десяти и получил ничью. Пять на пять.

Тогда я лег на кровать и стал внимательно рассматривать потолок.

Мне казалось, что если я смогу переключить мысли с одиночества и Маши на монастырь, то докажу себе, что я настоящий мужчина. А не сопливый подкаблучник. Вместо этого я неожиданно подумал, что скоро наступит конец света. Ядерная катастрофа. Или климатическая. Или обе одновременно. Должен же как-то парадокс Шкловского сработать!

Для проверки своего состояния я решил выяснить, смогу ли полностью воспроизвести парадокс Шкловского, тот самый парадокс, который объясняет, почему мы (судя по всему) – единственные разумные существа во Вселенной. У меня получилось примерно так:

1. Мы живем во Вселенной, которую образуют миллиарды миллиардов галактик, в каждой из галактик миллиарды миллиардов звезд и еще больше планет.

2. Тем не менее никаких следов внеземного разума мы пока не открыли несмотря на то, что активно ищем его уже больше чем полвека и наши радиотелескопы принимают сигналы буквально из других концов Вселенной. Нас самих, например, обнаружить было проще простого еще с первой трети XX века по радиосигналам, которые генерируются в несметном количестве.

3. Следовательно, цивилизация, дойдя до определенной степени развития, приблизительно одновременно с возможностью активного поиска в космосе других цивилизаций открывает еще и радиоактивность, после чего строит ядерное и термоядерное оружие и вскоре после этого самоуничтожается. В крайнем случае консервируется и перестает технологически развиваться настолько, чтобы быть заметной с других звездных систем, то есть полностью прекращает пользоваться радио, телевидением и вайфай-связью.

Парадокс я воспроизвел, но в процессе пришел к выводу, что рассматривать конец света как естественный выход из ситуации с Машей как-то малодушно. И контрпродуктивно.

Я вернулся к теме монастыря и подумал, что было бы неплохо, если бы в процессе медитации на потолке гостиницы выступил какой-нибудь иероглиф, указывающий, что мне надо спрашивать у Окама. Чему учиться, о чем договариваться, и вообще. Уж если провидение (Бог, Высшая сила, *fatum*, что там еще бывает) гонит меня в монастырь с такой силой, что я по дороге теряю немногих близких людей, то пусть провидение объяснит, зачем оно все это устраивает. Рассуждая про себя, что даже если иероглиф и проступит, я все равно его не пойму, потому что японского не знаю, а фотографировать иероглифы провидения у людей не получается, я незаметно заснул.

Путь к дзену

На следующее утро в саппоровском филиале монастырской конторы я объяснял двум монахам, одетым в такие же джинсы и свитер, как и я, что мне непременно нужно повидать Окама.

Монахи некоторое время переговаривались между собой высокими крикливыми голосами, посматривая на меня с какой-то подозрительной веселостью. Я же был мрачен, как туча над Фудзиямой.

Наконец, отвеселившись на мой счет, служители культа спросили, знаю ли я, куда ехать, и понимаю ли, что шансов на аудиенцию у меня не до фига.

На шансы мне было плевать, но дорога меня, конечно, интересовала. Ехать надо было в Хороканай (шесть часов на автобусе от Саппоро). Затем идти около тридцати километров пешком. Я присвистнул.

Монахи опять весело зашебетали, после чего, видя серьезность моих намерений, продиктовали мне маршрут, в котором сменяющиеся стороны света чередовались с рекой Слеза, Истекающая из Глаза Дракона и двуглавой горой Два Каменных Воина в Боевой Позии. Между головами этих воинов и находилось Гнездо Дикой Утки – искомый монастырь Окама.

На гугл-картах ни одного из этих названий не нашлось, как, впрочем, и самого монастыря.

Я получил в дорогу несколько советов.

Во-первых, обзавестись нормальной обувью.

Во-вторых, не брать с собой ничего лишнего и тяжелого, потому что дорога в значительной части горная. Телефон там работать не будет, если он не спутниковый, а скачивать офлайновую карту бесполезно, на ней этих троп нет и в помине (это я уже проверил).

В-третьих, взять еду и спички на случай, если я собьюсь с верной тропинки и мне придется ночевать в горах.

Когда я спросил, нельзя ли арендовать вертолет, служители посмотрели на меня с легким недоумением и ответили, что им это неизвестно и мне следовало бы справиться об этом в аэропорту. С другой стороны, и они в этом твердо убеждены, еще ни один вертолет не садился в Гнезде Дикой Утки, и они не уверены, что Окам возьмется учить человека, добравшегося до них таким образом. Я отменил вопрос, объяснив, что спросил просто так из интереса, а денег на вертолет у меня, конечно, нет.

Они еще раз подчеркнули свою неуверенность в том, что Окам возьмется меня учить, но обещали, что ночлег и еда в монастыре меня ждут в любом случае.

Я спросил, есть ли в монастыре телефон. Телефона не было. Связь осуществлялась через паломников вроде меня. Если я не передумал и все-таки собираюсь к Окаму, то они передадут со мной несколько писем.

Я не передумал. Я взял письма и отправился в центральный торговый центр за покупками. Ботинки, рюкзак, фонарик, нож и прочие милые туристические аксессуары. Все как в ранней молодости. Только без байдарок и гитар.

К вечеру без всяких приключений я добрался на автобусе до Хороканая и остановился в единственной в городе маленькой двухэтажной гостинице. По-английски здесь не говорили вообще, но я уже научился объясняться жестами. Я попросил лысого хозяина с большими грустными глазами разбудить меня в шесть утра. Для этого я прибегнул к бумаге, ручке и тыканью пальцем в часы.

А наутро я уже бодро вышагивал навстречу дзенским мудростям и черт знает чему, за что поплатился Машей, надеясь добраться до Гнезда засветло.

Десять часов ходьбы, два привала, десяток захватывающих видов – и Гнездо засветилось в лучах заходящего солнца. Издалека оно напоминало скорее небольшую усадьбу, чем монастырь. Двухэтажный

деревянный дом с двускатной крышей, закругленной снизу, обнесенный высоким деревянным частоколом.

Расстояниям в горах верить нельзя. Я был убежден, что уже через полчаса буду ужинать монастырским рисом со специями, но не тут-то было. На конец дороги у меня ушло еще часа два.

Однако фонарик освещал тропинку, и мое добродушное настроение (чего только не лечит горный воздух?) крепло: я проникался осознанием собственной стойкости и предусмотрительности.

Ворота. Рюкзак с плеч. Легкий стук в ворота. Робкий стук утомившегося путника. Никакой реакции. Я постучал еще. Теперь это был медленный, уверенный в себе стук того, кто знает, куда и зачем пришел. Тишина. Я постучал сильнее. Теперь это был требовательный стук путника, нуждающегося в укрытии.

Вода в реке

Через какое-то время с той стороны что-то спросили по-японски. Я ответил по-английски, что мне нужен Окам.

– Я принес ему письма, – зачем-то добавил я.

Ворота раскрылись. Передо мной стоял человек комплекции борца сумо. Одет он был в длинную кожаную куртку.

– Выключи свой ебанный фонарь, – сказал сумоист на вполне понятном английском вместо «здравствуйте».

Фонарь действительно бил ему в лицо. Лицо было не то опухшее, не то заплывшее жиром. Волосы заплетены сзади в толстую косичку. Я выключил фонарь и даже положил его на землю на всякий случай.

– Кто ты?

– Я Иосиф. Из России. Пришел учиться у Окама. Можно войти?

Он очень подозрительно посмотрел на меня, взял письма из моих рук, вернул мне рекламный буклетик монастырской конторы, как-то влезший между конвертами, и сказал:

– Нет. Ты уже все знаешь. Тебе нечему учиться!

Эта фраза настолько противоречила всему, что я слышал и знал про многолетнее обучение, что я растерялся.

– А ты Окам, да?

– Да. И если ты знаешь, что я – Окам, тебе тем более нечему учиться. Люди, которые знают, кто я, – просветленные. Уходи!

И он засмеялся. Я слышал, что в дзенской практике распространена некоторая грубость и парадоксальность выводов. Но идти обратно или ночевать под монастырским забором не хотелось.

– Это великолепно, – сказал я. – Тогда я сам буду тебя учить. Но не раньше, чем ты вступишь меня, накормишь и дашь переночевать.

– Чему ты сможешь меня научить?

Он не двигался с места, стоя в воротах, как огромная глыба.

– Тому, чего ты еще не знаешь.

– А чего я еще не знаю?

– Вот этого.

– Какого этого?

– Ты же сам только что спросил меня, чего я еще не знаю. Вот этому я и буду тебя учить. Но завтра. А пока вступи меня и дай поесть.

Я никогда не интересовался дзенем. После разговоров с Антоном на эту тему и прочтения нескольких книг мне представлялось, что дзен – это смесь анекдотов среднего качества и парадоксальных высказываний, каким-то образом замешанная на духе боевых искусств. Единственный парадокс, который мне хоть как-то пришелся по душе, было размышление над вопросом, как звучит хлопок одной ладони. Остальные дзенские парадоксы выглядели, с моей точки зрения, очевидно банальными, или же их предполагаемая мудрость была искусственно раздута. И сейчас мне показалось, что я своей неуступчивостью и блестящим силлогизмом сразил эту тушу наповал.

Но не тут-то было.

– Уходи! Если ты еще раз стукнешь в ворота, я тебя ударю.

После чего он невозмутимо стал закрывать ворота. Я оторопел.

– Постой! – крикнул я. – А как же гостеприимство? Я хочу есть! И пить!

– *Fuck off*, – прозвучал вполне конкретный, хотя и не самый гостеприимный ответ. – Вода – в реке.

– В какой, бля, реке? – спросил я по-русски закрывающиеся ворота и сел в изнеможении на рюкзак. Но промахнулся и оказался в пыли. Какое-то время мне казалось, что подниматься из нее совершенно необязательно. Я лежал прямо на пыльной дороге, и мне хотелось плакать от обиды.

Носитель тайных знаний оказался редкой сукой. Просто сукой. Подонком.

Конец тридцать шестой главы

Глава тридцать седьмая

Пространство, звезды и певец

Я какое-то время полежал в пыли и скоро понял, что замерзаю. Тогда я попробовал рассуждать. Подонок Окам или просто сумасшедший – в принципе неважно. Носители тайных знаний могут себе позволить неадекватное поведение. И что теперь? Жаловаться в монастырский совет?!

Можно было продолжить стучать в ворота или лезть через забор. Но знакомство Окама с боевыми искусствами и его мрачная решимость заставляли подозревать, что это неверный путь.

Идти обратно было невозможно. Я потерял Машу и прошел путь, по которому должен был пройти Химик, совсем не для того, чтобы быть так бездарно посланным.

«Ну конечно! – сказал я себе. – Это же испытание! Окам просто хочет убедиться, что к нему пришел не случайный человек. Что ж, имеет право. Конечно, я ему это докажу!»

Я встал, отряхнулся от пыли, оттащил рюкзак в сторону от дороги на чистую траву, вытащил спальный мешок и допил остатки воды. Ночь под открытым небом. Я посмотрел на звезды. Нашел Кассиопею, Ориона, Близнецов. В районе Близнецов горела яркая незнакомая звезда. «Планета», – подумал я с удовлетворением. Интересно какая. Не Меркурий и не Венера, потому что Солнце давно село. Не Марс, потому что совсем не красная. Значит, Юпитер или Сатурн. Кто именно, даже я, относительно подкованный, сказать не могу. А любой образованный древний египтянин ответил бы на этот вопрос с легу.

Я стал раздумывать, почему древние народы, что греки, что египтяне, что халдеи, так увлекались астрономией, и решил, что от скуки. Взгляд не на чем остановить, задуматься не о чем. Каждый день одно и то же. Монотонные дневные дела, однообразные развлечения. Повторяющиеся изо дня в день разговоры. Легенды, пересказываемые вечерами, – и те одинаковые из года в год, из поколения в поколение. И вид из окна сегодня такой же, как сто лет назад: бедно и грязно.

А тут наступает ночь, ты поднимаешь голову, и дух захватывает. Красиво, чисто, ярко. Каждый день картина чуть-чуть меняется, но ты чувствуешь, что это неслучайно, что в этом есть некая скрытая гармония. И начинаешь ее постигать. А потом выясняется, что эта гармония помогает рассчитывать календарь, что ее можно применить с пользой и для сельского хозяйства, и для праздников. Да и вообще, отсчет времени – великое дело для простых смертных людей, а без помощи ночного неба его вести невозможно. Что там написал Мандельштам про моего предка и тезку?

Под звездным небом бедуины,

Закрыв глаза и на коне,

Слагают вольные былины

О смутно пережитом дне.

Немного нужно для наитий:

Кто потерял в песке колчан,

Кто выменял коня – событий

Рассеивается туман.

И, если подлинно поется

И полной грудью, наконец,

Все исчезает – остается

Пространство, звезды и певец!

Я попытался абстрагироваться от небесного волшебства, закрыл глаза и стал вспоминать, какие звезды в параллельном мире. Получалось, что их там вроде бы вообще нет. Открыл глаза и снова посмотрел на небо. На всякий случай, чтобы не зачароваться картиной ночного неба, я повернулся на бок. «Завтра, – подумал я, – если Окам меня не пустит, надо будет построить шалаш. А то от этих звезд и вправду с ума можно сойти». И немедленно уснул.

Под лежащий камень вода не течет

Я проснулся оттого, что очень замерз. Полежал немного в спальнике, упершись взглядом в соседнюю сосну и размышляя о том, что и когда я буду есть. В поисках ответа на этот вопрос я вылез из спальника и осмотрелся. Сказать, что вокруг было красиво, было бы враньем. Вокруг было божественно. Темно-зеленые горы. Серые ключья тумана. И небо. Неопишваемое.

Я спустился к ручью, чтобы умыться и еще раз оглядеть эту красоту умытыми глазами. Вода была ледяная. Я кое-как почистил зубы и даже облился этой водой в надежде, что вышибу клин клином.

Вернувшись к своим шмоткам, я позавтракал остатками еды. Ворота монастыря были наглухо закрыты. Из-за стен не доносилось ни звука.

Я подумал, что если останусь здесь надолго, то без еды какое-то время продержусь. Воды хватает. Но нужен огонь. Через полчаса с помощью почти игрушечного топорика я создал необходимый запас дров, развел костер и окончательно согрелся.

Я начал входить во вкус робинзонады и решил сделать себе шалаш. Срубив несколько жердей, я составил их в конус и накрыл этот конус лапником в несколько слоев. Потом я нарубил еще лапника и устроил себе в шалаше вполне пригодный для сна пол.

Я сел у огня и задумался. Как все-таки в этих условиях, далеко не экстремальных, можно добыть еду? Сделать деревянный гарпун и попытаться наловить рыбы? Но в этом ручье рыбы явно нет. А река километрах в двадцати. Может, сделать лук и стрелы и пойти настрелять уток? А из чего я сделаю тетиву?

Нет, лук – слишком высокая технология для меня. Но лук не нужен. Можно сделать пращу и пытаться сбивать уток камнями. Я огляделся. Уток вроде не было. Как и других птиц. Имена обманчивы. Или сезон не наступил.

Может, пойти собрать грибов? Или ягод? Или каких-нибудь съедобных корней? Нет. Во-первых, хрен чего найдешь. Во-вторых, если и найдешь, то отравишься. Лучше не шутить. Недаром первым шагом цивилизованного человека была культивация домашних растений. Но на культивацию времени не было.

Ладно. Под лежащий камень вода не течет. Надо прогуляться. Может, гнездо какое найдется. А яичница на камнях – это ведь соблазнительно, а? Может, дикие пчелы? Или все-таки грибы? Лягушки, в конце концов? И чем я не француз? Есть-то хочется. Хотя, конечно, монахи – вегетарианцы. И лягушачьи трупы вокруг моего шалаша не помогут мне найти взаимопонимание с аборигенами.

Солнце начало клониться к одной из сопок. Я решил прогуляться вокруг монастыря. Обойти его не получилось. Южная часть стены заканчивалась отвесной скалой. Я вернулся, внимательно оглядываясь по сторонам с целью найти что-нибудь съедобное и чувствуя, как вместо того, чтобы достичь высот просветления, становлюсь варваром. Так и до людоедства недалеко. Не было ничего съедобного. Ни диких бобов, ни диких пчел, ни диких уток. Сосредоточенно размышляя о превратностях судьбы и небиблейской значимости пищи, я вернулся к шалашу.

Мы с ними еще поговорим

Там меня ждал приятный сюрприз: у почти погасшего костра стояла довольно большая миска с рисом и бобами.

«Отлично», – сказал я, немедленно соорудил из веток палочки для еды и опустошил миску. Потом, чтобы понравиться служителям культа, спустился к ручью и вымыл ее.

«А раз они не хотят, чтобы я умер с голоду, значит, мы еще с ними поговорим!» – этот жизнерадостный тезис появился у меня после того, как огонь в костре разгорелся.

Я смотрел на пламя и думал. Я думал о том, почему Кем-Атеф и его последователи так и не смогли захватить и подчинить себе Дальний Восток. И пытался представить, что именно Химик рассчитывал услышать от Окама про хатов, чтобы избежать смерти или чтобы победить в схватке с ними. Никаких мыслей в голову не приходило, кроме появившегося вчера вопроса о звездах в параллельном мире. Не может же их не быть? Так ничего и не решив, я сходил к ручью умыться и пошел в шалаш спать.

Свободные мысли

Пятнадцать дней. Я это точно знал, потому что уже со второго дня делал зарубки. Как Робинзон. В отличие от древних народов, я не знал астрономию настолько хорошо, чтобы отсчитывать дни по движению планет. И каждый день со мной происходило одно и то же. С очень небольшими нюансами. Я научился стирать вещи в ледяной воде ручья. И даже заставил себя каждый день в этой ледяной воде ополаскиваться. Вместо туалетной бумаги я использовал листья. Нашел какие-то ягоды, похожие на голубику, – они оказались съедобными. Наверно, они должны были спасти меня от авитаминоза.

Я вдруг понял, что впервые обрел настоящую свободу. В свободное время я мог делать абсолютно что хотел. Никаких обязательств, звонков, сообщений и писем, требующих ответа. Поэтому я предавался самым разнообразным размышлениям. В частности, мне пришло в голову, что из моей идеи о самонастраиваемых книгах может получиться неплохой стартап.

В самом деле – интерактивность существует в нашей цивилизации уже три десятка лет. А интерактивные книги так толком и не появились. И ясно почему. Потому что до сих пор интерактивной считалась книга, где читатель сам выбирает, как будут развиваться события, а писатель заботливо предлагает несколько сценариев. А это – полная фигня сразу по нескольким причинам.

Во-первых, если даже бифуркация сюжета, где читатель делает свой выбор, происходит хотя бы в виде вариантов А и Б пять раз на книгу, то писателю надо написать два в пятой степени вариантов развития сюжета. То есть тридцать два. Если траекторий будет три: А, Б и В, то писателю придется написать три в пятой степени, то есть двести сорок три варианта. Это смешно и нереально. Писатель попытается эти сюжеты схлопнуть и свести максимум к трем-четырем. А это будет жульничество, которое быстро почувствуют и читатели, и критики.

Во-вторых, для таких приколов уже давно существуют аркадные игры, и литературе там особенно делать нечего.

В-третьих, и это самое главное, – читателю не хочется делать выбор, читая книгу. Он и так постоянно делает выбор по тому или иному поводу – и на работе, и дома. А читая книгу, он хочет узнать историю. Одну историю. Настоящую. Истинную, если не в фактологическом, то в литературном смысле слова. А то, что писатель требует от него

выбора, хотя должен делать этот выбор сам, профанирует эту самую главную цель читателя – знакомство с историей.

Мой вариант интерактива, основанный на совершенно естественном процессе – пролистывании скучных для читателя кусков, будь то фикшн или нон-фикшн, – сулил, как мне казалось, большой потенциал.

Понятно, что эти настройки были применимы в основном к электронным и аудиокнигам, но что с того? Их число быстро растет. Как именно – то есть на основании чего – настраивать книгу, мне было совершенно понятно: через короткое анкетирование читателя или просто через его профиль с предпочтениями. Да мало ли вариантов настройки?

Версия «Войны и мира» для мальчиков (много войны), версия для девочек (мало войны, много любви и романтики). Квентин Тарантино предлагает свою авторскую версию «Войны и мира» Льва Толстого. Во всех версиях князь Болконский, конечно же, получит ранение на Аустерлице и увидит синее небо.

Но в версии для мальчиков это будет в подробном описании боя (первая колонна марширует, вторая колонна марширует), а в версии девочек – с гораздо меньшими подробностями боя, крови, растерзанных внутренностей. А сюжет книги во всех вариантах останется неизменным.

Я подумал, что внедрение самонастройки с удалением длинных и скучных кусков, которые сегодня приходится пролистывать, позволит резко увеличить читаемость книг. Издателям идея должна понравиться. Особенно клево это штука будет работать для нон-фикшн.

Авторы, особенно трепетные и амбициозные, конечно, не будут в восторге. Но и их можно убедить, что аудитория их книг заметно вырастет. Не каждый сегодня способен прочесть «Щегла» Донны Тарт. В самонастраиваемом варианте число этих людей существенно увеличится.

А как быть с консервативными читателями? Ну, для них, разумеется, должна остаться опция читать текст целиком, без всякой самонастройки.

Засада на кормильца

Мысли о будущем стартапе в окружении волшебных гор заметно скрашивали мое уединение. Тем не менее я начал скучать по людям.

Сначала я начал скучать по живым людям, по Маше в первую очередь. Я волновался, что обидел ее беременную, и никак не мог разобраться, простит она меня или нет. Характер у Маши был твердый, если не сказать упрямый; у нее был ряд незыблемых принципов. Могла и не простить. А как тогда мне жить? А что ребенок? От этих мыслей я впадал в отчаяние.

Потом я стал скучать по Моте и Антону. Но с ними все было проще. Я верил в Антона и в то, что у нас получится вырвать Мотю из лап российской психиатрии.

Неожиданно я вспомнил, что оказался здесь благодаря Химику, и понял, что единственный человек, по которому я скучаю по-настоящему, – это Химик. Мне все время слышался голос Химика. Я разговаривал с ним обо всем на свете. Я отлично знал, что и как он ответит на любую мою фразу. Я помнил каждый интонационный оттенок его голоса. Все его любимые короткие фразы. Обычно мы говорили о пустяках. Иногда о книгах, сериалах и музыке. А один раз я попытался говорить с ним о хатах. Но от этого разговора умный и добрый Химик как-то смутился и растерялся. Не смог даже отшутиться. «Как ты умер? – спросил я его в конце этого. – Неужели к тебе в постель пустили эту двухголовую змею и она тебя укусила?» – «Да хрен его знает, – ответил он. – Я сам офигел».

От этого разговора мне стало плохо. Мне захотелось поговорить с каким-нибудь живым человеком.

Тем более что я так и не смог сказать двух слов даже монаху, который приносил мне пищу. Это был не мощный Окам. Это был худой, тонкий, трепетный мальчик, вероятно послушник. Он одевался в длинный коричневый халат с капюшоном, а на ногах у него были соломенные ботинки, напоминавшие лапти.

Пока я был у шалаша, он не появлялся. Стоило мне отойти хотя бы на пятнадцать минут, так чтобы из монастыря меня было не видно, – и по возвращении я обнаруживал деревянную миску с рисом, бобами и тофу, заправленными какими-то специями. Никакого мяса, разумеется.

На шестнадцатый день я устроил своему кормильцу засаду прямо у шалаша. Я сделал вид, что ушел на очередную прогулку, а сам незаметно вернулся – так чтобы меня не было видно из-за стен – и залег в соседние кусты.

Я лежал в кустах и ждал примерно четверть часа. Затем открылись ворота, и из них вышел послушник. Когда он приблизился, я решил, что пора идти в атаку.

– Привет, – сказал я ему, как ни в чем не бывало вылезая из кустов. – Привет! Мне нужна твоя помощь!

Для убедительности я помахал рукой. Монах посмотрел на меня, улыбнулся, сказал что-то по-японски, поставил миску и собрался уходить.

– Стой! – воскликнул я. – Мне нужен Окам. Понимаешь? Окам! Аригато! Конничи-ва! Скажи Окаму, что он мне очень нужен! Хорошо?

Монах покачал головой, сказал что-то успокаивающее и пошел обратно.

«Ах ты черт упрямый! – осквернил я упоминанием дьявола святое место. – Да как же мне до тебя достучаться? Письмо, что ли, тебе написать?»

Инструмент победы

Я вспомнил про англоязычную брошюрку об Окаме, выданную мне в Саппоро. Она валялась у меня в рюкзаке, я прочел ее еще в первые дни. Там не было ничего особенного.

Единственная достойная мысль из нее звучала так: «Следует рассматривать личность противника не только как мишень, но и как инструмент победы».

Я пытался сконцентрироваться на ней и понять, что она означает и что из нее следует. Получалось, что надо не противопоставлять силе противника собственную силу, но пользоваться им и его силой, обращая ее против него самого. Это соответствовало принципам борьбы дзюдо: когда тянут – толкай, когда толкают – тяни.

Мне всегда казалось, что абстрактные советы подобного рода типа «используйте противника как инструмент победы» напоминают совет совы, порекомендовавшей мышам превратиться в ежиков, объяснив, что она отвечает в лесу только за стратегию. Я совершенно не был

уверен, что такой совет стоил расставания с Машей и может помочь в борьбе с тайными обществами. Мне позарез был нужен Окам, а не дурацкая брошюрка.

Я решил попытаться проверить этот совет прямо сейчас: Окам уже стал моим явным противником, но я не представлял, как его использовать в качестве инструмента победы. Однако брошюрку точно можно было использовать как бумагу. Ручки у меня с собой не было, но я изготовил из сажи подобие чернил и написал острой палочкой на пустом месте: I NEED TO TALK, после чего положил бумагу в миску, которую монах должен был унести в обмен на новую миску с бобами и рисом.

Монах так и сделал. Весь вечер я провел в ожидании ответа.

Мне казалось, что он обязательно последует. Не завтра, так послезавтра. На худой конец – через неделю. Не зимовать же мне в шалаше?

На следующий день, уже подходя к шалашу, я знал, что ответ пришел. В миске лежала моя же брошюрка. Я набросился на нее, как коршун на дикую утку.

Прямо под моей надписью, которую я с таким каллиграфическим трудом вывел сажей, было написано обычной шариковой ручкой: NO NEED. Но самое страшное был не письменный отказ, а то, что миска, обычно наполненная рисом, была пуста.

У меня в голове возникло два варианта действий. Первый: пойти настрелять из рогатки лягушек, наесться и уйти. Добраться до цивилизации и связаться с Антоном.

Второй вариант: встать и уйти голодным.

Первый вариант был круче. Но есть лягушек я не хотел. Просто не хотел, и все. Обстановка не располагала, да и настроение было не лягушачье. И не охотничье.

Поэтому я сказал в сторону монастыря сухое «аригато», наспех побросал вещи в рюкзак и пошел прочь. Я еще надеялся, что меня догонят и предложат вернуться.

Но в погоню за мной никто не бросился. Хотя через час ходьбы я на этот случай сделал получасовой привал. Тут мне стало обидно. Мне стало горько. С дзенским монастырем получилось нехорошо. Тело изнутри подтачивала какая-то экзистенциальная пустота. Ну и есть, конечно, хотелось. Я поднялся на ноги и поплелся дальше.

Поздним вечером, почти ночью, я добрался до дороги, и какая-то попутка подвезла меня до гостиницы в Хороканае. Лысый хозяин не задал мне ни одного вопроса, но заботливо принес в номер роллы и чай. На следующее утро я взвалил на себя рюкзак и пошел пешком на центральную автобусную станцию. Автобус в Саппоро отходил через десять минут.

Я посмотрел на пик, за которым было Гнездо Дикой Утки. Оно было в сером тумане. Я покачал головой и нырнул в автобус.

В Саппоро, завалившись в ту самую гостиницу, где меня так и не соблазнила девушка с драконом, я набрал номер Антона.

Без Маши, но с музыкой

– Полный облом. Настоящий. Каких не бывает.

– Ты можешь четко передать, что тебе написал Окам?

– Четче не бывает. На мое *I need to talk* он ответил: *No need*.

– А что он тебе сказал при первой встрече?

– Первой и, между прочим, единственной. Сказал: *Fuck off. You know everything*.

– Н-да... – сказал Антон голосом опытного патологоанатома. – Не так плохо. Не так плохо.

Я сдержался. Мрачно напомнил анекдот, где профессор утром во время обхода спрашивает дежурного врача: «А что, больной перед смертью потел?» – «Потел, профессор». – «Хорошо, очень хорошо». Вежливо выслушал предложение Антона встретиться в Вероне. Записал телефон турфирмы, которая уже завтра обещала поставить шенгенскую визу в мой липовый паспорт. И даже не послал Антона, когда он сказал, что за несколько свободных дней, которые у меня образуются, мне было бы неплохо перевести тот латинский текст, который нам переслали из Ватикана. Потому что у него (Антон) буквально вчера дошли до этого текста руки и он (Антон) с удивлением увидел там наше любимое число, правда в сокращенной форме – 2224612. Без 15. (Я тут же вспомнил, что копты тоже про 15 ничего сказать не могли.)

Так что не мог бы я (известный латинист) приехать в Верону за несколько дней до Антона и перевести этот текст? Он, слава богу, уже конвертирован из рукописи в текстовый файл, так что могу переводить готовыми кусками с помощью гугл-переводчика и онлайн-словарей.

– А зачем тебе нужен я, если есть гугл-переводчик?

– С латыни он переводит ужасно. У него толковой базы нет. И потом, в латыни же падежи везде и у глаголов личные окончания. Если просто загнать текст, получается бред какой-то.

Я мог. Я уже мог все. Я коротко пообещал Антону связаться с ним, когда доберусь до Вероны. Если доберусь.

– В какой форме тебе нужен перевод?

– Хм. Текст длинный. Много букв. Так что давай тезисы. Конспект. Да плевать, на самом деле. Хоть пьесу из него сделай. Хоть поэму. Главное, понять, что там говорится про число и про хатов.

– Хорошо. Я сделаю тебе новеллу. Готическую.

– Ты не обиделся?

– За что? За то, что от меня ушла Маша и что меня послал Окам? Если бы я и обиделся, то на себя. Но на себя я давно привык не обижаться. Зачем выяснять отношения с близким человеком, особенно когда это грозит сильным скандалом?

Чтоб хоть как-то утешиться, я скачал на телефон сразу двадцать альбомов самой разной музыки – от джаза до фолка. Через рок и все его производные. Буду медитировать в самолетах.

Жизнь продолжалась. Без Маши, но с музыкой.

The most medieval hotel in this fucking town

Два авиарейса (Саппоро – Токио и Токио – Милан) и поезд Милан – Верона не оставили по себе никакой памяти. Несмотря на то, что я в дороге был пьян до полного остекленения, я не потерял ни паспорт, ни деньги, ни билеты. Вот что значит привычка. А я думал, горный воздух поможет мне бросить пить. Из-за неожиданного алкогольного отравления я не заказал себе отель, но решил, что в туристической Вероне проблем с этим быть не должно.

Перемещаясь по Вероне на такси в тяжелом похмельном полусне, я неожиданно открыл глаза и тут же наткнулся на ночной бар с названием «Непорочная Джульетта». Я подумал, что надо бы запомнить название, и снова заснул.

– Это самая средневековая гостиница, сэр, – разбудил меня таксист. – Вам помочь с вещами?

– Что? – прохрипел я, пытаюсь разомкнуть слипающиеся глаза.

– Вы сказали отвезти вас в самую средневековую гостиницу *in this fucking town*, сэр. Я так и сделал.

– А, – сказал я, понемногу приходя в себя, – это же Верона! Спасибо. Ужас. Круто. Да. У вас же тут Катулл родился. И Кьево играет. Как там дела у Кьево?

Голос у меня был не очень.

– Вчера мы выиграли у Лацио, сэр. Два – ноль. Вы любите *calcio*^[36]?

– Еще как. Катулла и Серию А.

– *Welcome to Verona, sir*. Не забудьте свой рюкзак!

Конец тридцать седьмой главы

Главы тридцать восьмая – сороковая

Предложение из двухсот слов

На следующее утро я взял ноутбук и отправился в ближайшее кафе разбираться со средневековым текстом. Сначала я попробовал прогнать его через гугл-переводчик и ужаснулся: искусственный интеллект тупил до невыносимости. Тогда я выбрал толковый онлайн-латинско-английский словарь и справочник по латинской грамматике. Без справочника с моим уровнем латыни переводить было невозможно. Только у глагола шесть времен, умноженных на два залога, умноженных на три наклонения, умноженных на три лица, умноженных на два числа, умноженных на пять спряжений, давали тысячу восемьдесят форм, и это не считая неправильных глаголов, действительных и страдательных причастий, герундия, герундива, супина 1, супина 2 и еще семи падежей в двух числах и трех родах у прилагательных и существительных. Научившись пользоваться справочником, я взялся за дело. Первое предложение мне захотелось перевести точным литературным переводом.

Я, Авва Марий, настоятель монастыря Св. Бенедикта, пишу эти записки не для удовлетворения тщеславного желания бессмертия, даруемого заветной лирой, в безумной надежде на которое творили великие авторы древности, не понимая, что нельзя достичь истинного бессмертия иначе как в воскресении из мертвых, кое будет ниспослано нам через глубокую истинную веру в Господа нашего Иисуса Христа и через соблюдение всех заповедей его, но и не из греховной гордыни соперничества с великим Тацитом и иными древними творцами, собранием манускриптов которых гордится наш монастырь, по праву считаясь первым в Империи, пишу я свои скорбные записки, ибо не пристало нам соперничать с язычниками – да и как победить мертвых? – но пишу затем, что надеюсь облегчить душевный гнет, терзающий меня за поущение злу, излитому на меня сатаной, облегчение же этого гнета я рассчитываю найти в грядущих читателях, каковые, вернувшись к моим запискам в

более благоприятное время, смогут продолжить искоренение варварской прельщающей лженауки, называемой также хатским учением, ибо я провел расследование, а Бог наказал виновных, но корень дьявольской рассады остался не выкорчеван, и потому молю Бога нашего Всемогущего и Милосердного о том, чтобы он дал мне еще время для завершения сего труда, ибо недуги моего тела, которому исполнится скоро уже семьдесят пять лет, вызванные усталостью от ратных трудов молодости и духовных свершений зрелости, заставляют меня торопиться, дабы передать сие великое неоконченное дело в молодые и сильные руки.

Я посмотрел на мои вполне молодые и сильные руки и перечитал первое предложение Аввы Мария. Посчитал в нем слова. Их оказалось двести с лишним. Нет, ну это нормально – так писать? Двести слов на предложение? С Тацитом он не хочет соперничать? У Тацита таких длинных предложений не бывает. Даже у Толстого, по-моему, предложений в двести слов длиной нет.

Ни Тацита, ни даже Августина из спокойного и мудрого (что выяснилось в процессе перевода) бенедиктинского монаха не вышло. И это нормально. Тациты рождаются редко. Разве может нормальный человек заставить себя сесть и писать? Не ходить на тусовки, забить на работу, отказаться от всех развлечений – и писать? Сидеть в четырех стенах и долбить пальцами по клавишам? Нет, конечно. Даже если у него таланта на четыре «Букера», он этот талант зароеет в землю. И правильно сделает. Потому что денег он этим талантом не заработает, а литературная слава нормальному человеку не нужна. Писать могут только одержимые. Их от этого вставляет. А где вставленность, там обычно и зависание. А где зависание – там вязкая тоска. Хотя, конечно, бывают исключения. Из них и составляется антология мировой литературы.

Новелла, нет, мистерия, нет, новелла

Мне всегда казалось, что литература – это такой боулинг, в котором главная задача писателя – сбивать кегли с помощью текста. То есть текст – шар, но кеглей не десять. Их число стремится к бесконечности, подразумевающей бессмертие и бесконечность человеческих душ. Чем больше кеглей грохнется и чем больше они грохнут соседних душ – тем лучше. Главное – бросать шары. И надеяться. И стараться бросать точнее. Потому что души готовы падать. Главное для них – ощутить удар шара. А сила не имеет значения. Тем более что слабые души будут падать не от шара, а от соседней кегли. А совсем слабые души вообще упадут не от удара, а от одного его звука. Но цель писателя – не страйк. Потому что души – не кегли. Цель писателя – чтобы души поднимались после удара. Поднимались обновленные. С памятью о прошедшем ударе. С его опытом. И чтоб они больше так легко не падали.

В любом случае текст был длинный, а дословный перевод показался мне неуместным. Я решил излагать только факты, а сложные метафорические фигуры, которыми Авва нашпиговал свой текст, жестко сокращать.

Первые две фразы у меня получились отличными: «Шел декабрь 1242 года. Молодая Европа бурлила».

Я порадовался динамике и экспрессии, но быстро понял, что на самом деле хорошо писать ни разу не просто. Несколько фраз типа «Европу еще трясла угасающая крестоносная лихорадка» или «Менее тридцати лет назад прошел безумный Крестовый поход детей» были вычеркнуты как антихудожественные. После этого я еще полчаса раздумывал над следующей фразой, пока не понял, что с наездами на литераторов пора завязывать. Надо просто писать как бог на душу положит.

Я решил пробежаться по латинскому тексту и сделать что-то типа расширенного конспекта, убрав невыносимые длинноты и добавив для убедительности диалоги. Простые живые диалоги. Я уверен, что средневековые люди, как бы изощренно они ни старались писать, говорили так же просто и ясно, как мы.

Через час работы я понял, что у меня и вправду получается мистерия. Такая средневековая готическая мистерия. С явным детективным элементом и с некоторым количеством цитат из передовых, то есть модных на то время, средневековых философов.

Тогда я вывел капслоком: ГОТИЧЕСКАЯ МИСТЕРИЯ. Потом стер и написал: ГОТИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА. Потом написал: В ЧЕТЫРЕХ СЦЕНАХ. Почему в четырех? На секунду испугался: а вдруг получится не в четырех? Но тут же сказал себе: «Сделаю так, что будет в четырех. Автор я или кто?»

Понял, что зависаю, заказал двойной эспрессо и перешел к действующим лицам.

Действующие лица

АВВА МАРИЙ, 55 лет, настоятель монастыря. Англичанин, двоюродный племянник Ричарда Львиное Сердце. Участник Четвертого крестового похода, пять лет назад принял постриг и поселился в Италии. Высокий, немного сутулый.

ГРАЦИО и ПЛЕНО, служки без возраста. Одеты черт знает во что. Говорят черт знает как. Выглядят и того хуже.

ДОМИНИК ТЕКУМ, 44 года. Гордость монастыря. Викарий. Доктор философии. Вроде бы хороший человек, но мертвый. Всю пьесу он – труп без головы.

БЕНЕДИКТ ТУИНСКИЙ, 60 лет. Библиотекарь монастыря. Седые длинные усы. Бывший оруженосец Аввы во всех его войнах, в том числе в Четвертом крестовом походе.

ФОМА ТЕНЕБРИС, 45 лет. Ризничий. Постаревший церковный карьерист. Маленький, лысоватый, ленивый, благодушный, со связями в Риме.

МУЛИЕР, 23 года. Послушник. Крещеный мавр из Толедо. Пламенный, худой, кудрявый. Плохо говорит по-латыни (еще хуже по-итальянски). И вообще обычно не говорит, а гортанно гавкает.

БЕНЕДИКТУС ФРУКТУС, 39 лет. Келарь и ботаник родом из Южной Германии. Огромный, рыжий, неуклюжий. Постаревший тусовщик из золотой молодежи. Все время поджимает губы и качает головой.

ВЕНТРИС ТУУС, 21 год. Пономарь. Родился под Ригой. Незаконный сын гроссмейстера Тевтонского ордена и прибалтийской крестьянки. Водянистые глаза, узкие губы. Длинные засаленные волосы. Кожа в угрях.

ИЕШУА БЕН ЙОСЕФ, 30 с небольшим лет. Еврей. Короткая борода, длинные волосы. Отвечает на вопросы вопросами. Картавит. Грустит.

МОЛОДОЙ ПОСЛУШНИК, 17 лет. Тонкий, трепетный. Называет себя Алинардом из Готаферры.

1242 год. Зима. Монастырь Св. Бенедикта. Альпы, 120 миль к северо-западу от Милана.

Сцена первая. Преступление

Спальня Аввы Мария. Тройной стук в дверь. Не дождавшись ответа, в спальню вбегают Грацио и Плено. Полог кровати отодвигается. Авва Марий садится, зажигает свечу и смотрит на вбежавших.

Авва Марий. Какого черта в три часа ночи? *(Пауза. Переводит взгляд с одного на другого.)* Если я опустился до сквернословия понапрасну, я вам не завидую!

Грацио и Плено *(хором наперебой).* Это мы, отче! Мы это. Блаженные, то есть клоуны, то есть трахнутые на всю голову, как ты изволил в свое время...

Авва Марий. Я уже давно знаю, кто вы. Что случилось?

Грацио и Плено *(еще сильнее перебивая друг друга).* Доминик – всё. Доминик Текум. Нет его больше. И головы нет. Пропала голова! Отрезали голову умнейшему из умнейших. А ведь он ею с самим Франциском Ассизским диспутировал. И как удачно! Почти доказал,

что нестяжательство само по себе может порождать грех гордыни, так что сам Франциск Ассиз...

Авва Марий (*раздраженно перебивает их*). Не надо хора! Не надо теологии. Мы не в церкви. И не на диспуте. Нестяжательство может порождать грех гордыни. Но не должно. У Доминика с головой лучше, чем у вас, в любом случае. В чем дело?

Грацио и Плено (*наперебой, но уже по очереди*). У него с головой хуже, чем у нас, монсеньор. У него ее теперь нет.

Авва Марий (*встревоженно*). Говорите внятно, клоуны. Хватит паясничать!

Грацио и Плено. Мы проснулись от страшного грохота. Прямо над нами. Поднялись. Дверь в его келью открыта, а в келье на полу... Это, ну вот... тело Доминика без головы. Мы его сначала не узнали, а потом посмотрели – он. Огромный такой. Сильный. Но мертвый.

Авва Марий (*мрачней с каждой секундой*). Вы трезвые?

Грацио и Плено. В такое-то время? Трезвые, монсеньор.

Авва Марий. Доминик мертв? (*Поднимается с постели, на нем длинная ночная рубаха.*) Где он? В северном корпусе?!

Грацио и Плено. Да-да. В северном корпусе.

Авва накидывает плащ прямо на ночную рубаху, засовывает ноги в мягкие овечьи сапожки, и все трое идут в северный корпус. Сначала вокруг только ночь, силуэты гор и лунный свет. Но в десятке шагов от корпуса Авва останавливается и начинает внимательно глядеть себе под ноги. Служки, естественно, встают и впериваются в ту же точку.

Авва Марий (*обращаясь к Грацио*). Беги за Бенедиктом Туинским. И попроси его взять два факела и большой холщовый мешок.

Грацио. Слушаю, монсеньор!

Грацио убегает.

Авва Марий (*внимательно глядя под ноги, проходит несколько метров*). Эти следы ваши? Деревянные башмаки, должно быть, Грацио?

Плено. Так точно, монсеньор.

Авва Марий. А обмотанные тряпками сапоги – твои? Ну-ка, наступи тут!

Плено (*нервно отводит руками длинные волосы назад и аккуратно наступает на снег*). Мои, монсеньор. Вы все видите, монсеньор.

Авва Марий. Понятно. Других следов нет. А что у тебя голос дрожит?

Плено. Я умираю от страха. Там труп, монсеньор! Без головы.

Появляются Бенедикт с факелами и мешком через руку и Грацио.

Авва Марий. Бенедикт! Эти двое говорят, что Доминику отрезали голову. Если это правда, то убийца остался в корпусе. Из него никто, кроме них, не выходил (*показывает на снег*). План пока такой. Выгоняем всех спящих святых уродов из северного корпуса на улицу. Проводим обыск в кельях. Дальше – по ситуации.

Бенедикт Туинский (*обращается к Грацио и Плено*). Вам стоять тут и молчать. Понятно?

Грацио и Плено. Понятно, монсеньоры. Мы очень понятливые.

Авва и Бенедикт быстро проходятся по кельям, бьют в двери ногой и кричат: «Все на улицу, быстро! Вон, и без разговоров!»

Заходят в келью Мулиера и выгоняют его, не понимающего полатыни, пинками. Заспанный народ кутается в плащи и выползает на

улицу.

Бенедикт Туинский. Идите в трапезную, братья. Все в трапезную! Убирайтесь к такой-то матери отсюда!

Народ рассасывается. Авва и Бенедикт начинают обыск.

Авва Марий. Начнем с Доминика.

Авва и Бенедикт заходят в его келью. Келья освещается факелами. В ней узкая кровать, столик для переписывания книг и табуретка. Рядом с дверью на гвозде висит огромный плащ с капюшоном. На задней стене – камин. Посреди кельи на полу лежит тело без головы.

Авва Марий. Господи, помилуй! Давай поднимем тело. Положим на постель.

Тело без головы поднимают и перекладывают. Авва осматривает тело, Бенедикт – келью.

Авва Марий. Бенедикт, крови нет. Если верить Галену, это означает, что голову отрезали уже у мертвого Доминика.

Бенедикт Туинский. Да. Или слили кровь в какой-то сосуд. Что маловероятно, так как ни капли ее не пролилось. Послушай, Авва! Я не могу найти голову. В этой келье ее нет.

Авва Марий. В каминной трубе смотрел?

Бенедикт Туинский. Труба в этой келье забита еще игуменом Иннокентием.

Авва Марий. Точно. Я и забыл. Он считал, что горный климат должен смирать плоть. Особенно зимой. И оставил по одному камину на этаже. Для самых достойных.

Бенедикт Туинский (*с обычным сарказмом*). Для блатных. И звучит разумно: дрова экономятся, плоть смиряется.

Авва Марий (*поджимает губы в ответ на последние слова Бенедикта, качает головой*). Голову отрезали большим ножом. Или мечом. Но ее не рубили. На шее два странных следа. Как будто от укуса змеи. Это странно. Я читал у Авиценны, что змея два раза подряд укусить не может. Ей нужны сутки, чтобы накопить яд. Значит, смерть наступила от укуса двух змей? Но как они ухитрились укусить его одновременно почти в одно и то же место на шее?

Бенедикт Туинский. Почему одновременно?

Авва Марий. Потому что укус змеи в шею – это не укус комара. От него просыпаешься. И не даешь второй змее укусить тебя в то же место.

Бенедикт Туинский (*листая манускрипт*). В змеях я плохо разбираюсь. Авва, посмотри на рукопись, которую он затирал, чтобы туда «Христианскую топографию» Козьмы Индикоплова вписать. Ты это любишь.

Авва Марий (*подходя к нему со своим факелом*). Конфискованный модный рыцарский роман?

Бенедикт Туинский. Нет. Стихи. Из нашего собрания. Катулл вроде бы. Но матерный.

Авва Марий. Катулл. Подержи второй факел. (*Читает.*)

pedicabo ego vos et irrumabo

Aureli pathice et cinaede Furi

qui me ex versiculis meis putastis

quod sunt molliculi, parum pudicum

nam castum esse decet pium poetam

ipsum, versiculos nihil necesse est^[37].

Грустно. Вот стирает Доминик великого поэта, хоть и язычника. И записывает «Топографию» этого грека, который доказывает всем, что Земля плоская, а точнее, имеет форму Ковчега Завета. И ведь этот грек – он же не ученый. Он купец и путешественник. Он ни Птолемея не читал, ни расчетов Эратосфена о диаметре земной сферы не знает. А популярней их в тысячу раз. Только мы издаем пятую копию Индикоплова.

Бенедикт Туинский (*мрачно*). Какая ему разница, какой формы Земля? Он же про единорогов пишет. Про вепреслонов. Про водных коней. Про бонаконов. Про ноздророгов. У него bestiарий будь здоров какой. И якобы он сам это все видел. Все читают. Ахают, охают.

Авва Марий (*осуждающе*). Зачем ради его вепреслонов нашего Катулла стирать? Он же уникальный. Его рукописей, боюсь, уже ни в одном монастыре не осталось. Я ведь покупаю им новый пергамент – сколько попросят. А они все трут и трут. Определенно, палимпсесты следует запретить. Варвары!

Бенедикт Туинский (*осматривает содержимое кельи*). Варвары и жлобы. А еще гордятся своей библиотекой. Корпус для нее отгрохали размером с Колизей. Восьмиугольный. В нем сам черт ногу сломит.

Авва Марий. Ты что-нибудь интересное нашел?

Бенедикт Туинский. Масляная лампадка, гусиные перья, две чернильницы – с красными и черными чернилами. Коробка с песком, пемза для затирки, пластинка для проведения линий, маленький перочинный нож. Голову таким не отрежешь. Да и следов крови на нем нет.

Авва Марий. Что в плаще? Есть в нем карманы?

Бенедикт Туинский. Есть один карман. Несколько хлебных корок, старые четки, какая-то тряпка, пергамент. Кажется, это план нашего монастыря. Ну да. Вот библиотека. Вот собор. Вот твои покои. Вот огород. Вот рядом с ним этот северный корпус. Не понимаю, зачем Доминику этот план? Сам он его рисовал, что ли?

Авва Марий. Клади план и книги в мешок. Пошли в келью Тенебриса.

Бенедикт Туинский. Подозреваешь жирного ленивца? У него с Домиником на прошлой неделе была жесткая разборка. Они заперлись в одной из комнат библиотеки. Я услышал крики, подошел, попытался открыть дверь, но они ее забаррикадировали столом. Но от меня баррикадой не закроешься.

Авва Марий *(не проявляя большого интереса)*. И что? Делили чечевичную похлебку?

Бенедикт Туинский. Сказали, что у них богословский спор о первородстве. Извинились оба.

Авва Марий. Я пока никого не подозреваю. Проверить надо всех. Убийца – один из жильцов.

Авва и Бенедикт переходят в соседнюю келью.

Бенедикт Туинский *(тщательно проверив камеру, качает головой)*. У Тенебриса ничего. Вообще ничего. Мышиное дерьмо, сломанная табуретка, несколько зерен проса. Но дерьма-то сколько! Минутку. Как-то здесь подозрительно тепло. Фома топил камин. Каминны запрещено топить!

Авва Марий. У Фомы слабое здоровье.

Бенедикт Туинский. Ладно. С Фомой еще поговорим. Пойдем пока к нашему арабу. Кстати, ты думаешь, он и правда просветленный?

Авва Марий. В сопроводительном письме про него говорится так: когда на него снизошло просветление, он сказал: «Подлинная свобода есть свобода от мира, от себя и от Бога». Если даже он врет и никакого

просветления у него не было, то не забывай: у нас каждый крещеный мусульманин на счету. Хотя испанские братья ему не доверяют.

Бенедикт Туинский. Они же не могут толком с ним объясниться. Вот и не верят. Латынь он еще в полной мере не выучил. Может, они и эту фразу про свободу неправильно поняли. *(Залезает под тюфяк постели Мулиера и вынимает толстую рукопись.)* Смотри, Авва, какая книга у Мулиера нашлась! Арабская каллиграфия.

Авва Марий *(оживляется)*. Что за книга?

Бенедикт Туинский *(листает том in quarto)*. Коран? Не знаю. По-арабски после нашего похода знаю только несколько слов. И все неприличные. А читать, извини, не умею. Но если он хранит ее под тюфяком, значит, что-то нехорошее в ней есть.

Авва Марий. Ладно. Попробуем разобраться. Бери книгу с собой. Второй этаж закончен. Пошли к нашим клоунам.

Авва и Бенедикт спускаются на этаж ниже и заходят в келью служек. Авва прислушивается. Отчетливый скрип половицы. Он наступает еще. Скрип повторяется. Бенедикт наклоняется и руками отрывает доску.

Авва Марий. Что ты там пол разламываешь?

Бенедикт Туинский. Тайник! Авва! У этих проходимцев под полом целый клад. Это наша пропавшая утварь. Монастырская! Паникадило. Три золотых оклада. Серебряные кубки, раз-два-три-четыре-пять. Бахрома. Крестов одних сколько! А вот твой перстень. Подарок императора. Помнишь, ты его хватился в прошлом году. И вот еще перстни!!!

Авва Марий *(надевает перстень на руку)*. Что там они мне сегодня втирали? «Нестяжательство может породить гордыню!» Ты ведь, расследуя эти пропажи, грешил на крестьян?

Бенедикт Туинский. Грешил. Их по три сотни набивается на великие праздники. За всеми не уследишь! И люди они простые, бедные.

Авва Марий. Зря грешил.

Бенедикт Туинский. Авва! Все мы грешим зря. Но клоуны-то наши, а? У папы крысятят! У папы!

Авва Марий (*резко переводит разговор*). Влезет все похищенное в мешок?

Бенедикт Туинский. Влезет. Я два взял. Как чувствовал.

Авва и Бенедикт распахивают возвращенное добро по мешкам.

Бенедикт Туинский. Пора к огороднику?

Авва Марий. Пора.

Бенедикт Туинский. Я тебе рассказывал про мой последний разговор с Фруктусом? У него тут в заморозки очередное лимонное дерево засохло. Я иду мимо. Он ругается, злой как собака. Я ему говорю: «Хватит деревья выращивать! Иди лучше книги переписывать!» А он мне: «Я готов хоть дерьмо выращивать. Но ложную мудрость плодить не хочу». А еще из приличной семьи. Голубая кровь до седьмого колена. Его родословная к первым лангобардским баронам восходит.

Авва Марий. Все циники – из приличных семей. Диоген. Постаревшая золотая молодежь. Зато не лает, не живет в бочке и хорошо готовит.

Бенедикт Туинский. Говорит, что он лучший шеф-повар монастыря за триста лет.

Авва Марий. Нескромно. И проверить сложно.

Беседуя, они заходят в келью Фруктуса и начинают ее осматривать.

Бенедикт Туинский (*присвистывает*). Смотри, Авва! Нож. Хороший кованый нож. И на нем следы крови. Кажется, свежие.

Авва Марий (*очень мрачно*). Где он лежал?

Бенедикт Туинский. Между столом и стеной. Зажат в щели. Как будто бы спрятан в спешке.

Авва Марий (*совсем мрачно*). Плохо дело. Да, кровь свежая. Ищи голову.

Бенедикт Туинский (*ищет; после некоторой паузы*). Головы нет. Эх, надо было обыскивать их всех перед выходом. Думаю, она уже валяется где-нибудь в ущелье. Под монастырским плащом можно полтела пронести, не то что голову.

Авва Марий. Неужели Фруктус? Не могу поверить. Философы-мизантропы не убивают. Они бы и рады, но им мешают презрение и лень. (*Глубоко вздыхает.*) Ладно, давай заканчивать с обыском. Осмотрим келью Вентриса – она одна осталась.

Авва и Бенедикт переходят в последнюю келью – Вентриса Тууса.

Авва Марий. Он недавно у нас. Я его плохо знаю. Ты говорил, что он туп и ленив?

Бенедикт Туинский. Это мне сначала показалось. Нет, выблядок гроссмейстерский не так уж прост.

Авва Марий. При чем здесь «выблядок»?

Бенедикт Туинский. Откуда законные дети у гроссмейстера Тевтонского ордена? У них три обета: бедность, послушание, безбрачие. А сами – жадные отороженные кобели.

Авва Марий. Не переноси на сына проблемы отца. Да и кто из нас без греха – пусть первый бросит камень. В чем его хитрость?

Бенедикт Туинский. Камень не камень, а вот когда греки нас с тобой под Константинополем забросали горящими горшками, то тевтонцев-то во главе с его папашей как ветром сдуло. Хитрость его в том, что он внимательно на всех смотрит, как будто чего-то хочет. И молчит.

Авва Марий (*фыркает*). Ну, знаешь! У нас все хотят и все молчат. Осмотри келью, а я разберу бумаги на столе. Тут их многовато для пономаря.

Бенедикт придирчиво осматривает келью. Авва берет со стола Вентриса Тууса бумагу и разворачивает ее.

Авва Марий. Интересно. Донос по всей форме. На десяти листах. И донос почти законченный. Хоть сегодня отсылай. А не отослан он потому, что Вентрис решил его скопировать. Вот, собственно, второй экземпляр. Он еще не дописан.

Бенедикт Туинский. Донос? Кому? Папаше-гроссмейстеру? А на кого?

Авва Марий. Нет, не папаше. В Рим. А на кого? Да кажется, на всех нас. Послушай, это про покойного Доминика: «...по абсолютно достоверной информации, располагаемой мной, отец Доминик неоднократно состоял в кровосмесительной связи с собственной сестрой...»

Бенедикт Туинский. Что за бред?

Авва Марий. Тут много букв. Прочтем попозже. Бенедикт, что творится в нашем монастыре? У викария отрезают голову, и эта голова исчезает. В комнате Фруктуса, человека, которого я готов подозревать в самую последнюю очередь, мы находим нож со следами крови. У араба хранится запрещенная, судя по всему, литература. У служек обнаруживается украденное церковное имущество. У пономаря лежит донос на всех с обвинениями черт знает в чем. А у нас на следующей неделе кардинальская инспекция.

Бенедикт Туинский. Знаю. Сколько у нас есть времени? До конца недели?

Авва Марий. Нет у нас времени. Сейчас в монастыре около тридцати паломников, которые с ужасом обсуждают монаха без головы. Допустим, сегодня мы их не выпустим. Сошлемся на снегопад и лавины. Но до заката мы обязаны найти убийцу.

Бенедикт Туинский (*задумчиво крутит ус*). Получается, что убить Доминика мог каждый. Служки – потому что Доминик догадался об их проделках. Тенебрис – из-за ссоры. И не факт, что богословской. Араб мог убить из-за книги или если Доминик узнал про него что-то такое, за что он заслуживает костра. Фруктусу убивать вроде бы незачем, но нож в крови нашелся именно у него.

Сцена вторая. Допрос

Покои настоятеля. Авва в полном облачении сидит на кресле, больше напоминающем трон. В руке у него посох. Бенедикт стоит.

Авва Марий. Как учит Абеляр, начнем с простого. Сложное нам еще успеет надоест. Впусти воришек!

Бенедикт Туинский (*подходит к двери*). Грацио и Плено!

Входят Грацио и Плено.

Бенедикт Туинский. На колени, подонки!

Грацио и Плено переглядываются и медленно опускаются на колени.

Бенедикт Туинский. Покайтесь, грешники, ибо приблизилось царствие небесное. (*Пауза.*) По крайней мере, лично для вас.

Грацио и Плено удивленно смотрят друг на друга. Затем Грацио поднимает голову.

Грацио. Мы не убивали Доминика, отче, если ты это имеешь в виду!

Авва Марий. Не найдется ли иной тайный грех у вас?

Грацио. Тайный грех? Не понимаем.

Авва Марий. А что вы хранили в тайнике под полом?

Плено (*сохраняя полное спокойствие*). Отче! Под полом мы ничего не храним.

Грацио. Ни под полом, ни под потолком!

Авва Марий (*вынимает из мешка найденные церковные ценности и раскладывает их на столе, наблюдая за реакцией подозреваемых; реакции нет*). Что это?

Плено (*разводит руками*). Не знаем.

Грацио. Первый раз видим.

Авва Марий (*почти простодушно*). И это не ваше?

Плено (*уверенно*). Нет, конечно.

Грацио. Откуда у нас такое?

Плено. Это скорее ваше.

Авва Марий (*удивляется такой наглости*). Это мое? Это имущество церкви! Укравшие его не только воры, но и святотатцы! Вам не виселица грозит, а костер!

Плено (*возмущенно*). Да за что нам костер?

Бенедикт Туинский (*неожиданно вмешивается*). Из вашей комнаты хорошо слышно, что происходит в комнате Доминика?

Плено. Отлично, отец Бенедикт! Даже когда отец Доминик шевелится в постели. То есть шевелился. Каждое движение, каждый вздох, каждое слово! Мы ведь и подняли тревогу, когда его убили.

Бенедикт Туинский. Ну вот и разгадка. Раз вы слышали Доминика, значит, и Доминик слышал вас. На свою беду. Он услышал, как вы перебирали краденое имущество, обсуждали будущие кражи, и поэтому вы убили его. Все ясно, кроме одного: зачем вы, варвары, отрезали ему голову?

Грацио (*твердо и спокойно*). Мы не варвары. Мы не убийцы.

Плено. И не головорезы. Мы не режем головы.

Бенедикт Туинский (*окончательно теряя терпение*). Пытать, Авва. Только пытать.

Авва Марий (*задумчиво*). Подожди, Бенедикт! Помнишь, как ты пытался разговаривать в Акко сирийского пленника, царство ему небесное? Хотя какое царство небесное для мусульманина. Но тем не менее. Давай выслушаем остальных. Отведи этих вниз в подвал, запри и возвращайся.

Бенедикт уходит, уводя с собой служек. Авва продолжает рассуждать вслух.

Авва Марий. Очень странно. Еще сегодня утром они выглядели как конченные трусы. И вот – они уже спокойные, уверенные в себе люди. Невероятное превращение.

*Прохаживается по комнате.
Возвращается Бенедикт.*

Авва Марий. Бенедикт, ты можешь рассказать мне, как ведут себя простые люди в минуту опасности? Например, когда на их толпу в тысячу человек движется строй хотя бы двадцати рыцарей?

Бенедикт Туинский. Толпа рассыпается к чертовой матери. Все удирают. Уносят ноги. Могут затоптать друг друга.

Авва Марий. А если дворянин просто повышает голос на такого человека?

Бенедикт Туинский. Он съеживается в комок. Запуганно смотрит исподлобья. Почему ты спрашиваешь, Авва?

Авва Марий. Пытаюсь объяснить себе перемену в поведении этих людей. Мы поймали их с поличным. Им грозит смертная казнь. А они держатся как принцы.

Бенедикт Туинский. А что ты удивляешься? Великодушие у одних людей в минуты опасности исчезает, а у других появляется. И невозможно предсказать, с кем это случится. Помнишь, сколько неприметных увальней в нашем походе становились в бою героями? А сколько героев-пижонов ударялись в панику при первых звуках боя? У меня одно время жил на воспитании парень. Фома. Сын Ландовульфа из Аквины. Он, почти ребенок, мне сказал: «Встал на путь подвига – влезь под кожу и собери себя!» Честно говоря, мне эти ребята неожиданно понравились. Жаль их.

Авва Марий (*задумчиво*). Возможно, ты и прав. Иногда люди сами не представляют, на что они способны в минуты опасности. Я читал недавно работу одного молодого францисканца, он сейчас в Париже. Пишет о переходе из мира рабства в мир свободы. Предлагает делать это через созерцание. Якобы у человека есть три ока: телесное, интеллектуальное и созерцательное. Вот, развивая этот третий глаз, он предлагает постепенно достичь полной свободы, то есть единения с Высшим Божеством. А эти ребята, значит, и так свободны. Без третьего глаза.

Бенедикт Туинский. Свободны, раз делают что хотят. Как зовут францисканца?

Авва Марий. Иоанн Фиденца. Он называет себя Бонавентурой. Займемся Тенебрисом?

Бенедикт Туинский. Он за дверью. (*Кричит в сторону.*) Тенебрис, заходи!

Входит Тенебрис. Оглядывается. Ищет, куда бы сесть, не находит. Пожимает плечами и остается стоять, заложив руки за спину.

Авва Марий. Фома, где ты был под утро?

Фома Тенебрис. В своей келье. Как всегда, монсеньор.

Авва Марий. Крепко спал?

Фома Тенебрис. Я всегда сплю крепко, монсеньор. Люди с чистой совестью, знаете, спят...

Авва Марий (*перебивает его*). Знаю, знаю. У меня полжизни бессонница. Какие у тебя были отношения с покойным?

Фома Тенебрис. У меня с покойным – хорошие, монсеньор. А вот у него со мной – не очень. Каждому человеку даны функции согласно промыслу Божьему. Доминик считал, что я со своими не справляюсь, и оттого недооценивал меня.

Авва Марий. Расскажи мне, о чем вы спорили с ним в библиотеке.

Фома Тенебрис (*с некоторой опаской поглядывая на Бенедикта*). О предназначении человека и божественном предопределении. Доминик ссылался на Блаженного Августина, а я предлагал ему рассмотреть гораздо более современные концепции. Фому Аквинского, например. Доминик настаивал на том, что Бог не вмешивается в дела мира, поскольку не может нарушать им же созданные законы. Например, изменить порядок движения планет. Я задал ему простой вопрос: может ли Всемогущий Бог изменить прошлое? Он, разумеется, отрицал это. Тогда мне пришлось обвинить его в недооценке Божественной Сути.

Бенедикт Туинский. Вы чуть не подрались!

Фома Тенебрис (*пожимает плечами*). Иногда истина стоит хорошей драки. Но мы не собирались драться.

Авва Марий (*обращается к Фоме самым заурядным голосом*). Скажи мне, ты бы хотел стать викарием монастыря? Вместо Доминика?

Фома Тенебрис. Никогда не думал об этом.

Авва Марий. Неужели желание занять чье-то место – достаточная причина для убийства?

Фома Тенебрис (*совершенно спокойно*). Разумеется, недостаточная. Так ведь я и не убивал Доминика.

Бенедикт Туинский. А какие у тебя могли быть другие причины убить его?

Фома Тенебрис (*морщась от дешевого наезда*). У меня нет и не было никаких причин убивать Доминика.

Авва Марий. Кого же ты подозреваешь сам?

Фома Тенебрис. Не знаю. Честно говоря, никого. Разве что Мулиера.

Бенедикт Туинский. Почему Мулиера?

Фома Тенебрис. Бывший еретик, в монастыре недавно, личность подозрительная.

Авва Марий. Понятно, Фома. Иди и позови Мулиера.

Тенебрис уходит.

Бенедикт Туинский. Фома не туповат. Он прикидывается.

Авва Марий. Конечно, прикидывается. Чтобы его не опасались.

Входит Мулиер.

Авва Марий. Знаешь ли ты, что случилось?

Мулиер. Слышал. Не понимал. Не знаю. Плохо?

Авва Марий (*достает арабский манускрипт*). Что это за книга?

Мулиер (*заметно волнуясь*). Книга. Ибнрушд. Ибнрушд.

Авва Марий. Это Коран?

Мулиер. Не Коран! Это Ибнрушд. Ибн Рушд.

Бенедикт Туинский. Мулиер, это ты убил Доминика? Из-за книги?

Мулиер в страшном волнении. Размахивает руками. Вертится вокруг своей оси, как волчок.

Мулиер. Я – не плохо. Я хорошо. Я не понимаю.

Авва Марий. Ты не понимаешь. Я тоже не понимаю. Иди, Мулиер.

Мулиер уходит.

Авва Марий. Странное волнение. Нам надо узнать, что это за книга. Но отправлять ее в Милан, ждать, пока там сделают заключение? На это уйдет не меньше недели.

Бенедикт Туинский. Нет ничего проще. Мы всем узнаем сегодня.

Авва Марий. Как?

Бенедикт Туинский. Надо послать кого-нибудь в Аосту за нашим евреем. За Иешуа Бен Йосефом. Он знает арабский и все нам объяснит.

Авва Марий. Хорошая идея. Отправь за ним этого молодого послушника с грустными глазами. Из Готаферры.

Бенедикт Туинский. Я отправлю Алинарда за Иешуа. И позову Фруктуса.

Бенедикт уходит.

Авва Марий (*разговаривает сам с собой*). Запутанное дело. Дьявольски запутанное. И все-таки я надеюсь, что это не Фруктус. Хотя нож в крови – весомая улика. И единственная.

Входит Бенедиктус Фруктус.

Авва Марий. Здравствуй, Фруктус!

Бенедиктус Фруктус. Здравствуй, Авва!

Авва Марий. Печальные у нас тут дела. Слышал?

Бенедиктус Фруктус. Растения сами хотят, чтобы их съели. Это их основное предназначение в жизни. В отличие от животных.

Авва Марий. К чему ты это?

Бенедиктус Фруктус. Адам и Ева были вегетарианцы. Но мир с тех пор испортился. Доминик не был растением. А его все равно съели.

Авва Марий. Кто его убил и зачем?

Бенедиктус Фруктус. Один из нас шестерых. Не самый добрый, я думаю.

Авва Марий. Зачем он отрезал ему голову?

Бенедиктус Фруктус. Вероятно, он еще и не самый чувствительный из нас.

Авва Марий. Фруктус, хватит дурачиться. Это твой нож?

Бенедиктус Фруктус (*удивленно*). Мой.

Авва Марий. На нем следы крови.

Бенедиктус Фруктус. Это гранат. Я чистил и ел гранат вчера вечером. Сам вырастил, сам съел. Обожаю гранаты.

Возвращается Бенедикт Туинский.

Авва Марий. Но почему нож находился между столом и окном?

Бенедиктус Фруктус. Откуда я знаю? Завалился в щель.

Авва Марий. Фруктус! В твоей келье мы находим подозрительный нож! Как ты докажешь, что это сок граната, а не кровь?

Бенедиктус Фруктус. Я всегда говорил, что писать и читать книги вредно. От этого портятся мозги. И становятся невкусными. Мне недавно один монах так прямо и сказал: «Росцелин прав. Бог – не более чем имя». Номиналист несчастный. Я, может, тоже не в восторге от универсалий, но отрицать очевидное?! Знаете, кстати, как недавно высказался Алан Лилльский о церковных авторитетах? Он заявил: «У авторитета – нос из воска. Куда хочешь, туда его и поворачивай».

Какой скандал! Вы что, забыли про презумпцию невиновности? Докажите сначала, что на ноже кровь!

Авва Марий. Фруктус! Поклянись, что ты не убивал Доминика!

Бенедиктус Фруктус. Господь наш запрещает клятвы. Я даю честное слово, что я не убивал его. Слово дворянина. Ладно, бывшего дворянина.

Авва Марий. И не отрезал ему голову?

Бенедиктус Фруктус. И не отрезал ему голову. Я просто ел гранат.

Авва Марий. Иди, Фруктус. Я очень хочу верить тебе. Но у меня не очень это получается.

Бенедиктус Фруктус. Ансельм Кентерберийский говорит: «Верю, чтоб понимать». Пьер Абеляр говорит: «Понимаю, чтоб верить». Ты, Авва, зачем мне хочешь верить?

Авва Марий. Я хочу узнать истину.

Бенедиктус Фруктус. Твой земляк, Бэкон из Оксфорда, говорит, что человек всегда будет стремиться к абсолютной истине, но находить лишь ту ее часть, которую Бог сочтет возможным открыть людям.

Авва Марий. Мне пока не нужна абсолютная истина. Я всего лишь хочу узнать, кто и зачем убил Доминика. Если ты не можешь мне в этом помочь, то уходи. У меня еще много дел.

Фруктус качает головой и уходит.

Авва Марий (*обращаясь к Бенедикту Туинскому вполголоса*). Давай, прежде чем говорить с Вентрисом, прочитаем его переписку с Ватиканом.

Бенедикт кивает. Авва разворачивает донос Вентриса и начинает задумчиво читать его вслух. Бенедикт внимательно слушает.

Авва Марий. «Монсенюру кардиналу Святой Истинной Римской Католической Апостольской церкви, Председателю Священной Конгрегации и прочее...» *(В сторону.)* По всем правилам. Ладно, где тут места поинтереснее? Вот они... «Спешу кратко, согласно воле Его Высокопреосвященства, описать еретиков и иных преступников, проживающих в стенах нашей богооставленной обители. Доминик Текум, викарий. Ересиарх. Занимает высокий пост в тайном обществе под названием „Братство хатов“. Состоит или состоял в кровосмесительной связи с собственной сестрой. Пользуется особым благорасположением настоятеля монастыря Аввы Мария и его бывшего оруженосца, а ныне библиотекаря монастыря Бенедикта Туинского. Пытается узнать тайну некоей древней шкатулки, которая якобы способна изменять прошлое».

...Стой! А нам Фома сказал, что Доминик отрицал божественную возможность изменения прошлого.

Бенедикт Туинский. Хороший они выбрали предмет для спора. Ну, если какая-то шкатулка может это сделать, то Бог и подавно.

Авва Марий. Ладно, пойдем дальше. «Фома Тенебрис, ризничий. Пренебрегает обрядами и таинствами Святой Церкви. Карьерист. Метит на место Доминика. В разговорах несколько раз настаивал на том, что материальный мир по своей природе есть зло, продукт злого духа, а поскольку человеческое тело является его составной частью, то, следовательно, и оно по своему происхождению есть зло и достойно презрения.

Мулиер, послушник. Арабский соглядатай, не стесняется открыто исповедовать ислам. Читает книги еретического содержания древних и современных авторов на арабском, греческом и древнееврейском языках, по преступному недосмотру настоятеля хранящиеся в библиотеке монастыря в открытом доступе. Собирает сведения о монастырских укреплениях. Грацио и Плено, служки. Воры и расхитители церковного имущества. Украденное имущество хранят в своей келье под полом. Неоднократно в тайных разговорах между собой рассуждали о равенстве всех людей перед Богом. Бенедиктус Фруктус, келарь. Богохульник. Циник с аристократическими замашками. Утверждает, что ненавидит опасную книжную мудрость,

но поразительным образом оказывается в курсе всех современных воззрений, в том числе и еретических. Ленив. Склонен к чревоугодию и разврату». Так, здесь еще про остальных. Да и про нас с тобой, разумеется.

Бенедикт Туинский. А что про нас?

Авва Марий. Да ничего особенного. Что в этом монастыре, который из-за нас перестал быть монастырем, а сделался лупанарием, мы с тобой – главные пособники дьявола и несем полную ответственность за преступления, совершающиеся под его кровом.

Бенедикт Туинский. Странно. Откуда же он узнал про клоунов?

Авва Марий. А про это... как его... братство хатов?

Бенедикт Туинский (*осторожно*). Авва, пожалуйста, доверь мне разговор с Вентрисом. Я понимаю, что ты мне никак не можешь простить того сирийца. Но в этот раз я с ним просто поговорю. Без рук.

Авва Марий (*недоверчиво*). Просто поговоришь?

Бенедикт Туинский. Просто. Но жестко.

Авва Марий (*настойчиво*). Без рукоприкладства.

Бенедикт Туинский. Конечно. Он мне и так все расскажет.

Авва Марий (*после короткого раздумья*). Я согласен. Зови!

Бенедикт Туинский (*рывает*). Вентрис! Вентрис, мать твою, выблядок гроссмейстерский! Где тебя, сукиного сына, черти носят?!

Входит Вентрис.

Бенедикт Туинский (*с ходу, не задумываясь*). Ну что, попался, гаденыш прыщавый?

Вентрис Туус (*в недоумении и раздражении обращается к Авве*). Почему наш библиотекарь смеет говорить со мной безобразным тоном?

Авва Марий поджимает губы и почти демонстративно отворачивается, как будто не расслышал вопроса. Бенедикт подходит к Вентрису вплотную.

Бенедикт Туинский. На колени, убийца! Выкладывай все, если хочешь умереть с покаянием и без мук!

Вентрис Туус. По какому праву?!

Бенедикт Туинский (*поднимая руку, кричит изо всех сил*). На колени!!!

Вентрис, бросив взгляд на отвернувшегося Авву, опускается на колени.

Бенедикт Туинский (*торжественно*). Именем господа нашего Иисуса Христа обвиняю тебя в убийстве отца Доминика и последующем преступном расчленении его тела на части!

Вентрис Туус. Неправда! Я не убивал отца Доминика.

Бенедикт Туинский. Он оставил записку, в которой сказал, что ты собираешься его убить. Грацио и Плено слышали твои шаги за несколько минут до убийства. Поэтому вопросов у нас два: зачем ты, исчадие ада, отрезал Доминику голову и где она сейчас находится. Если ты вздумаешь упорствовать, смерть твоя будет мучительна и длинна, но еще дольше продлятся бесконечные адские муки. Если признаешься – умрешь без мук. Выбирай!

Вентрис Туус (*переводит в ужасе взгляд с Бенедикта на Авву*). Это какая-то ошибка. Я никого не убивал. Давайте проведем следствие по всей форме.

Бенедикт Туинский. Не надейся на своего папашу. И тем более на его высокопреосвященство. Они далеко. А воздаяние близко.

Вентрис Туус (*в отчаянии*). Да зачем мне было убивать отца Доминика?

Бенедикт Туинский (*меняет тон с давящего на рассудительный*).
Этого мы не знаем. И не узнаем, если ты не расскажешь нам об этом.

Вентрис Туус. Я не убивал!

Бенедикт Туинский. Может быть, ты, узнав, что Доминик является членом человеконенавистнической секты, отчаялся ждать помощи от церкви и решил прибегнуть к самосуду?

Вентрис Туус. Какой самосуд? Тем более Доминик же раскаялся. (*Спохватывается.*) Вы нашли мое письмо кардиналу?

Бенедикт Туинский молча разводит руками.

Вентрис Туус (*некоторое время молчит, осознавая, что произошло; затем не то вздыхает, не то всхлипывает*). Я... я виноват. Но не в убийстве! Я допустил ошибку, обвинив лично вас в попустительстве грехам и преступлениям, совершаемым в монастыре. Но я никого не убивал. О том, что Грацио и Плено воруют церковную утварь, а иногда и съестные припасы, мне рассказал один из монастырских крестьян. Дело в том, что в голодные годы они раздают украденное из монастыря по соседним деревням. Обо всем остальном вы могли бы узнать и сами.

Авва Марий. Сами? Откуда нам было знать, что Доминик служит тайной секте?

Вентрис Туус. Однажды он, отлучась по нужде, оставил в библиотеке палимпсест, на который он переписывал «О граде Божьем». Я подошел, чтобы посмотреть, какие именно старые тексты он затирает. Я знаю ваше нежелание уничтожать тексты даже самых ярых язычников. Перелистав книгу, я понял, что он сделал в ней тайник. Он спрятал в переплете несколько листов. Там были какие-то странные слова, цифры, заклинания и его собственные рассуждения. Явное колдовство. Мне показалось, что он бьется над разгадкой какой-то тайны. В рассуждениях он упоминал и о том, что он должен был сожительствовать с собственной сестрой.

Авва Марий. Где книга с тайными листами? На месте в библиотеке?

Вентрис Туус. Должна быть на месте. Там же, где весь Августин. Переплет мышинового цвета. Серый.

Авва Марий. Я своей властью заявляю, что ты продолжаешь находиться под подозрением в убийстве отца Доминика. Бенедикт, принеси книгу. Всем скажи, чтобы вернулись к своим ежедневным обязанностям. Проследи, как выполняются распоряжения о похоронах Доминика. А я пока почитаю его записи.

Сцена третья. Новые обстоятельства

Занавес закрыт. Перед занавесом Авва с рукописью Доминика. Появляется Бенедикт Туинский.

Бенедикт Туинский (*кивком показывает на рукопись*). Ты уже три часа эту книгу читаешь? Что-нибудь интересное?

Авва Марий. Тайная секта в нашем монастыре. Ведут свое происхождение из Древнего Египта. Называют себя хатами.

Бенедикт Туинский. Хм. Развелось еретиков. Во что верят-то?

Авва Марий. В иной мир. Место, куда мы попадаем после смерти. В тайные знания. В число 2224612.

Бенедикт Туинский. А как же ад, чистилище, рай?

Авва Марий. Не верят.

Бенедикт Туинский. Язычники?

Авва Марий. Скорее атеисты. Но склонны к мистике. Считают себя избранным народом.

Бенедикт Туинский. А при чем тут число?

Авва Марий. Это число представляет для них некую ценность, причем ценность тайную. Доминик хотел разобраться в его природе. Это и не число толком, набор вертикальных палочек с рисунком пирамиды на конце. После двенадцати палочек идет значок пирамиды. Числом его записывают для краткости 2224612, а потом идет буква Р. Вместо значка пирамиды.

Бенедикт Туинский. А зачем ему рассказывать людям про число? Он же хат?

Авва Марий. Раскаялся. Он получил два года назад вторую степень посвящения. В церемонию входит дикий обряд *Cultus Terrae*^[38]. Надо закопать человека живым в землю. Перед этим жертве еще и рот развязывают. Представь себе: земля колеблется над еще живым человеком и стонет. Доминик писал, что тот двенадцатилетний белобрысый деревенский мальчик ему снится до сих пор.

Бенедикт Туинский. Ладно. Значит, его убили за то, что он раскаялся и хотел перейти на сторону простых людей.

Авва Марий. Да.

Бенедикт Туинский. Хотел, так что ж сразу не перешел?

Авва Марий. Надеялся разгадать тайну числа. Чтоб заслужить прощение. Он считал, что раз секрет числа – самый важный и охраняемый из хатских секретов, значит, именно его разгадка должна уничтожить секту. Ну и эта шкатулка. Шкатулка последнего приюта. Он считал, что она умеет изменять прошлое.

Бенедикт Туинский. Не разгадал он эти тайны?

Авва Марий. Нет.

Бенедикт Туинский. Ну и черт с этим числом. Нам важнее разгадать, кто из этой секты завелся у нас в монастыре. А головы они зачем режут?

Авва Марий. Когда хаты убивают отступника, они отрезают ему голову, коптят ее, высушивают и таким образом обезвреживают душу покойного.

Бенедикт Туинский (*задумчиво*). Коптят. Ты сказал «коптят».

Авва Марий. Я сказал «коптят».

Бенедикт Туинский (*неуверенно*). Может, проверить нашу коптильню? Хотя вряд ли убийца бы осмелился. Она же открытая.

Авва Марий (*уверенно*). Дымоходы. Надо проверять дымоходы! В том числе в том северном корпусе. Но и в других местах, разумеется.

Сцена четвертая. Ответы на вопросы

Покои Аввы Мария. На креслах с высокими спинками сидят Авва, Бенедикт и Иешуа, спокойный еврей чуть старше тридцати с

длинными волосами и короткой бородкой. В руках у него книга, отобранная у Мулиера.

Авва Марий. Так вот, многоуважаемый Иешуа. Мы искренне надеемся, что все услышанное тобой не выйдет за пределы монастыря. Расскажи теперь ты нам, мог ли Мулиер убить Доминика из-за этой книги.

Иешуа собирается говорить, но его прерывает молодой послушник, врывающийся в покои настоятеля без спроса и стука.

Молодой послушник. Голова, отче! Голова Доминика нашлась!

Авва Марий (*встает на ноги, остальные поднимаются вслед за ним из соображений этикета*). В северном корпусе? В какой келье?

Молодой послушник. Нет, отче! Не в корпусе! Не в корпусе! На кухне! В кухонном дымоходе!

Авва Марий (*падает обратно на стул почти в отчаянии*). На кухне. На кухне. Фруктус! Все-таки это Фруктус.

Бенедикт выходит решительным шагом. Послушник стоит с головой в руках, не зная, что с ней делать. Авва обращается изменившимся голосом к Иешуа.

Авва Марий. Прошу простить меня за беспокойство, Иешуа. Но кажется, твоя дорога от Аосты была напрасной.

Замолкает, потому что в покои входит Бенедикт Туинский, ведя перед собой Фруктуса. Авва моментально забывает про Иешуа и указывает рукой на отрезанную голову.

Авва Марий. Фруктус! Она была в кухонном дымоходе. Фруктус!

Фруктус (*очень задумчиво*). На кухню может зайти кто угодно. Кухня даже на ночь не закрывается.

Бенедикт Туинский (*осторожно берет голову из рук послушника и внимательно ее рассматривает*). Строго говоря, Авва, это не голова. Это скорее ее чучело. Кожа, снятая с головы и засыпанная песком. Подвешенная коптиться. С зашитыми глазами и ртом.

Авва Марий. Зачем, Фруктус, зачем тебе эти секты? Зачем тебе этот избраннический бред? Ты же нормальный человек, Фруктус. Ты же ни во что толком не веришь.

Фруктус. Значит, судьба моя такая, Авва! В которую я, кстати, тоже не верю. Я не убивал Доминика. Не отрезал ему голову. И не вешал ее коптиться. Но я понимаю, что подтвердить мои слова никто не сможет. Поэтому скажите мне, какие я должен дать показания, чтобы прекратить это все. Какая там секта? Сатанисты? Манихеи? Я все подтверждаю. Только объясните, что именно. И убейте меня сейчас. Без мук и позора. Бенедикт, ты же можешь убить меня?

Авва Марий. Легкую смерть, Фруктус, тоже надо заслужить. Сначала расскажи про свою секту. Хаты, или как там вас?

Фруктус. Неужели в ваших глазах я не заслужил легкой смерти? Мне нечего сказать вам. Про хатов я ничего не знаю. Но живым на растерзание вы меня не получите! Адские муки лучше земных!

Фруктус бросается к столу и хватает собственный нож. Бенедикт Туинский вертит голову Доминика, не зная, что с ней делать, кладет ее на стол, но уже поздно. Фруктус, держа нож обеими руками, заносит его над своим животом. Иешуа быстро поднимается со

стула.

Иешуа. Стой, Фруктус. Стой. Обожди. Во-первых, скорее всего, адские муки хуже земных. Во-вторых, я знаю, кто убийца.

Фруктус застывает с ножом в руках. Авва и Бенедикт тоже замирают.

Иешуа (*обращаясь к Авве*). И это не Фруктус. Что вы, конечно, это никакой не Фруктус.

Авва Марий. Ты знаешь, кто убийца? Но откуда?

Иешуа. Данных, которые вы мне предоставили, более чем достаточно.

Бенедикт Туинский. Мулиер?

Иешуа. Нет! Опять нет. Бедный араб, тянущийся к знаниям. Отнюдь, кстати, не запрещенным вашей церковью. За латинский перевод книги, которая сейчас лежит перед тобой на столе, в Парижском университете можно выручить неплохие деньги. Это Ибн Рушд. По-латыни Аверроес. Новинка в теологии и философии. Он утверждает, что все, кроме Бога, материально, но не все материальное телесно. Понимаете? Существует бестелесная материя. Она, строго говоря, и не материя, потому что ее нельзя осязать. Это, возможно, целые миры. Иные миры, неосязаемые, но существующие.

Бенедикт Туинский. Так значит, это Грацио и Плено.

Иешуа. Нет, уважаемый Бенедикт! Разве люди, раздающие церковное добро бедным, способны на убийство даже с целью сокрытия своего преступления? Помните, что ваши христианские философы пишут о природе зла: зло не существует само по себе, как добро, а представляет собой обычное небытие, ущербность добра. Но если эти люди, восстанавливающие справедливость мира, добры, разве они могут стать источником зла, пусть и невольным?

Авва Марий. Вентрис? Говори же, Иешуа!

Иешуа. Да. Вентрис мог убить. Ему недостает любви. Настоящей любви. Той, без которой ни познание, ни жизнь невозможны. Вы помните, что Бернар Клервосский писал о любви? «Одному Господу и честь, и слава, но ни та ни другая не будет угодна Господу, не приправленная медом любви. Любовь не ищет вне себя самой свою причину, ее польза в самом ее проявлении. Я люблю потому, что я люблю. Я люблю для того, чтобы любить». Отличные слова. Я даже перевел их на иврит. Для наших философов. Вентрис мог убить, но он слишком труслив для убийства.

Бенедикт Туинский. Но остается только Фома Тенебрис. А зачем ему убивать? Занять место Доминика? Но он слаб и глуп.

Иешуа. Вы неправы трижды. Во-первых, когда думаете, что Фома слаб, во-вторых, когда думаете, что он глуп, а в-третьих, когда думаете найти убийцу, рассуждая над *cui prodest*, вместо того чтобы думать над *quo modo*. То есть в вашем случае надо исходить не из устаревшего «кому выгодно», а из современного «каким образом».

Авва Марий. Что ты имеешь в виду?

Иешуа. Вы нашли украденные сокровища у Грацио и Плено. Нож со следами крови у Фруктуса, арабскую книгу у Мулиера и донос на всех у Вентриса. А что вы нашли у Фомы Тенебриса?

Бенедикт Туинский. Да ничего. Мышиное дерьмо!

Иешуа. Вот именно! Мышиное дерьмо! Вам этого мало?

Бенедикт Туинский. Боюсь, что мало.

Иешуа. А дерьма было много?

Бенедикт Туинский. Много. Весь пол усыпан.

Иешуа. Дерьмо у нас – главная улика. Фома – убийца.

Авва Марий (*немного усталым голосом*). Объяснишь?

Иешуа. Доминика убил укус змеи?

Авва Марий. Скорее всего, да.

Иешуа. Змей надо кормить?

Авва Марий. Да.

Иешуа. Например, мышами?

Авва Марий. Да.

Иешуа. А мышей надо кормить?

Авва Марий. Да.

Иешуа. Например, просом?

Авва Марий. Да.

Иешуа. А еще и змеям, и мышам нужно тепло. У кого нашелся работающий камин, просо и мышинное дерьмо?

Бенедикт Туинский. У Фомы Тенебриса.

Иешуа. А зачем тогда вы меня спрашиваете, кто убийца, если вы оба это и сами прекрасно знаете?

Бенедикт Туинский. Но.

Иешуа. Нет никаких «но». Человек, убивший отца Доминика и отрезавший затем ему голову, должен жить на том же этаже, что и Доминик. Ведь служки немедленно поднялись на второй этаж, услышав шум падающего тела. Если бы он жил на первом, они бы столкнулись лбами. Но если вы еще сомневаетесь, то почему бы вам не заглянуть еще раз в келью Фомы, не найти у него эту двухголовую змею и не убить ее, наконец?

Бенедикт Туинский. Почему двухголовую?! Может быть, там две змеи?

Иешуа. А вы можете представить себе, чтобы две змеи, даже впущенные в комнату одновременно, укусили человека в одно и то же место?

Бенедикт Туинский. Но все-таки зачем ему было убивать Доминика?

Иешуа. Вероятно, чтобы покарать отступника.

Авва и Бенедикт переглядываются.

Авва Марий. Прости, Фруктус!

Бенедикт Туинский. Прости, Фруктус. Пошли с нами! Нет-нет. Нож бери с собой.

Иешуа. И если вы хотите идти сражаться со змеями, то возьмите еще и палку. А я пойду. А то мне не добраться до Аосты засветло.

Авва Марий. Ты не хочешь участвовать в допросе Тенебриса?

Иешуа. Я не люблю действий. Тем более жестоких. Я люблю творение. Созидание.

Авва Марий (*удивленно*). Разве созидание – не действие?

Иешуа. Когда Бог создавал небо, землю и всякую тварь, он никак не действовал. Ему не с чем было действовать, и в нем не было действия.

Авва Марий. Подожди. Ты даже не хочешь увидеть подтверждения своих размышлений?

Иешуа. Боюсь, что я смогу увидеть подтверждение моих размышлений с дороги. Попросите, чтобы мне открыли ворота.

Уже в дверях Иешуа останавливается.

Иешуа. Как зовут того молодого послушника, что проводил меня к тебе сегодня?

Авва Марий. Алинард. Из Готаферры. Толковый мальчик.

Иешуа. Да. Умный, способный и честный. Он проживет много лет. Очень много. К сожалению, его главное желание в жизни не исполнится. А концу жизни он станет совершенно одинок. Безнадёжно одинок. Желаю вам всем удачи! Прощайте!

Бенедикт Туинский. Одинок? Откуда ты знаешь?

Иешуа. Откуда я знаю? Да у него это на лице написано.

Авва Марий. Но это надо уметь читать.

Иешуа. Это правда. Надо уметь читать.

Конец истории

Конец истории был прост и краток. Иешуа действительно увидел ее развязку и подтверждение своим словам, если вовремя обернулся. А я почему-то уверен, что он обернулся. И увидел, как Фома Тенебрис, пока Авва и Бенедикт увлеченно охотились на вырвавшуюся из своего логова двухголовую змею, уловил момент, выбежал из кельи, добежал до колокольни, поднялся на нее и бросился вниз. Очевидно, столкнуться с пытками инквизиции и последующим костром ему не хотелось.

Авва и Бенедикт, поломав голову над текстом Доминика, решили, что в цифрах закодированы слова коптского алфавита. Они попытались обратиться к коптам и несколько раз писали им, но не получили ответа. Они думали, что письма не доходят (работа межконтинентальной почты с распадом Римской империи испортилась), но я уже знал, копты не захотели отвечать. Тогда Авва счел за лучшее отправить отчет об этой истории в Ватикан и на том закрыть тему. Отчет заканчивался так:

Свобода воли Бога подчиняет себе Божественный разум, и Бог творит мир не в соответствии с неким исходным каноническим разумом, а в акте абсолютно свободного волеизъявления, так что текущая действительность мира – лишь одна реализовавшаяся из многочисленных возможностей Божественного творения, и наш мир – не более чем игра случая в проявлениях Божественной воли. Бог пожертвовал своим Сыном, чтобы спасти нас. Я был готов пожертвовать собой, чтобы спасти Сына, но моя жертва не была принята. На все воля Божья.

Очевидно, он имел в виду опасность для христианства, которую несли хаты. За почти восемьсот лет, прошедших со времен Аввы Марии, палимпсест с первым свидетельством о хатах исчез. Но доклад Аввы Марии в Ватикан сохранился, и ватиканская секретная полиция про него не забыла. Интересно. Значит, секретные службы занимаются делом хатов уже довольно долго.

Я поставил точку, просмотрел мельком, что получилось. Получилась не то чтобы настоящая готическая мистерия: не хватало типовых персонажей и канонического сюжета – рождественского или пасхального. Но и не то чтобы новелла, несмотря на единство места и действия, – уж слишком был силен компонент классического закрытого детектива. Шесть подозреваемых, и кто-то из них убийца.

Но если это детектив, то при чем здесь Катулл, да еще и матерный? Я махнул рукой на жанр, назвал его для себя *fusion* и подумал, что теперь, кажется, знаю, кто следил за мной в северном православном монастыре. Если, конечно, ризничий – любимая хатская должность в монастырях.

До приезда Антона оставалось не меньше двух часов, а я уже очень проголодался. Поэтому я не спеша вышел из кафе и отправился в приглянувшийся мне еще вчера ресторанчик, где обещали пасту с трюфелями. По дороге, на темной узкой средневековой улице, я увидел то, от чего абсолютно офигел.

Прямо навстречу мне шел хат.

Конец тридцать восьмой, тридцать девятой и сороковой глав

Глава сорок первая

Архиепископ – наш человек в Ватикане

«Начинается, – подумал я. – Доигрался. Паранойя». Но на всякий случай посмотрел на человека, показавшегося мне хатом, повнимательней. Человек быстро прошел мимо. Серый, непривлекательный. Невыразительный. Скучный. В не по-итальянски неприметном костюме. Но я точно знал, что он хат. Так же как, встретив на улице эскимоса, я бы знал, что он эскимос. А не индус и не скандинав. И как мы это объясним? Неожиданно открывшимся третьим глазом, о котором писал Бонавентура? Еще варианты? Паранойя, возникшая после всех историй, включая уход Маши и облом в монастыре? Хм.

Чтобы разобраться, где проблема, во мне или в нем, я развернулся и пошел за ним. Есть мне совершенно расхотелось. Я шел за хатом и раздумывал: откуда я знаю, что он хат? Нет, ну вот откуда?

«Оттуда, – ответил мне внутренний голос. – Оттуда!» Я опасался, что хат откроет дверь какой-нибудь конторы и исчезнет, но мне повезло. Он свернул в кафе. Я принял самый туристический вид, какой смог, и, озираясь по сторонам, вошел в то же кафе. Хат уже сидел за столиком, развернув *Corriere della Sera*. Я устоялся на грифельную доску, на которой мелом были выведены названия примерно двадцати пяти сортов кофе, и, растерявшись, заказал двойной эспрессо. И сел за соседний столик. В голову ничего не лезло, кроме того, что в трех метрах от меня сидит настоящий итальянский хат. «Да не хат он никакой», – сказал я себе из последних сил. И сам себе не поверил. Но тут меня осенило. Я спросил у официанта ручку, написал на салфетке «222461215», подошел к хату, прокашлялся, произнес: *Excuse me, sir* – и показал ему число.

Хат взял салфетку. Посмотрел на нее. Потом на меня. Потом опять на нее. Потом взглядом предложил сесть за его столик. На вопрос, который он мне задал, ответа у меня не было. А вопрос был самый естественный из всех возможных:

– Что вам угодно?

Я замолчал и сделал вид, что пытаюсь его как следует рассмотреть. Мне показалось, что минутная пауза в таком разговоре будет вполне уместна. Поскольку ничего интересного на лице у него не было, я лихорадочно пытался придумать, что же мне от него надо. Денег попросить? Сказать, что меня только что ограбили? Да на фиг мне нужны его деньги. Своих хватает. Тогда зачем я к нему подошел? Наверняка передать новое секретное задание. Хорошо. А что бы такое ему поручить?

– Я из Москвы. У меня есть специальное задание.

– И вы обращаетесь с ним ко мне?

«А вдруг он не хат?» – промелькнула у меня мысль.

– Дело в том, что в рамках моего задания мне показали фотографии самых выдающихся членов веронской общины Братства хатов. Вы, разумеется, один из них. Мне предложили действовать по собственному усмотрению, а я выбрал вас.

Вот тут он удивился по полной, и я понял, что в кои-то веки попал в десятку с первого выстрела. На его вытянувшемся лице попеременно, с частотой в несколько секунд, вспыхивали то подавленное бешенство, то удовлетворенное тщеславие. От серости хата не осталось и следа. Он выглядел как человек, которому сказали, что, с одной стороны, ему изменила жена, а с другой – что она сделала это с великим футболистом.

– Разве в Вероне есть другие члены Братства?!

– Я уже сказал вам больше, чем мог.

– Что я должен делать?

Мысль о других членах Братства никак его не отпускала.

– Сами-то вы что думаете?

Я вспомнил анекдот: почтальон приходит в дом с посылкой, ему открывает дверь десятилетний мальчик со стаканом виски в руке и сигарой в зубах. Почтальон широко раскрывает глаза: «Родители дома?» Мальчик смотрит на него несколько секунд молча, а потом спокойно произносит: «Сам-то как думаешь?» Но мой хат ничего интересного не думал.

– Я бы не хотел больше делать ничего противозаконного. За мной и так следит полиция. После той истории с муниципалитетом.

– Именно проблемы, связанные с этой историей, я и приехал разруливать, – очень значительно сказал я, довольный, что наконец-то

появилась зацепка. Теперь нужно замкнуть его на какую-то другую итальянскую зацепку. Не успел в моей голове появиться запрос на итальянскую связь, как в ней немедленно появился и ответ: «Ватикан». «Отлично, – подумал я. – Кажется, сейчас в знак благодарности за готическую новеллу я передам вашему преосвященству ответный подарок».

– Вы должны связаться с архиепископом Креспо. Это шеф тайной полиции Ватикана. Расскажите ему все дело в подробностях.

При слове «архиепископ» хат вздрогнул. Кажется, церковная иерархия католической церкви для него имела значение.

– Архиепископ – наш человек в Ватикане?

– Именно.

На сером лице хата появилось некое подобие восхищения. Не то крутизной Братства, к которому он принадлежал, не то собственной крутизой – ведь ему предлагалось вступить в прямые переговоры с церковным иерархом.

– Как я должен связаться с ним? По какому каналу?

– По рабочему. Возьмите телефон на сайте.

– По рабочему? Это не опасно?

– Не будьте ребенком. Вы хотите, чтобы я обеспечил вам выделенный секретный канал связи? Ради вашего дела, которое не стоит выеденного яйца?

– Я не знаю, – растерялся он.

– Позвоните ему. Вам ответит секретарь из его приемной. Скажите, что у вас есть информация от русского друга.

– Это пароль?

– Нет. Пароль состоит из двух слов: «Авва Марий». Запомнили?

– Запомнил. Отзыв не нужен?

– Ненужен. Вы же знаете, кому звоните. А потом встретьтесь с его преосвященством в Риме. Вот и все. Он решит вашу проблему. Есть еще ко мне вопросы?

– Я могу сообщить об этом своему куратору?

Я чуть не поперхнулся: похоже, я заигрался в разведчиков. Какие idiotские непредвиденные обстоятельства могут привести к полному провалу! Но настроение у меня было решительное. Проваливаться не хотелось.

– А ваш куратор помог вам с муниципалитетом?

– Пока нет.

– Разумеется. Он и не поможет. Поэтому я здесь. Нет, ничего куратору сообщать вы не будете, – решительно сказал я. И добавил, немного понизив тон: – Он у нас под подозрением. Поезжайте к Креспо. Он все решит. Еще вопросы?

– Вроде бы все ясно, – довольно растерянно сказал хат.

– Отлично. Тогда я пошел. Заплатите за мой кофе, если не затруднит. Всего хорошего.

– А вы уверены?

– Да, я уверен. Удачи!

Я подумал, что блестящим завершающим аккордом разговора была бы фраза вроде: «Всего хорошего, синьор Траппатони!» – но поскольку я понятия не имел, как зовут этого хата, то я просто кивнул, поднялся и вышел не оглядываясь. И без финального аккорда получилось неплохо. Паранойи у меня не было. Наоборот. Появился некий дар.

Подозрительные телепузики

«Интересно, – думал я, бредя в отель, – а я теперь вообще всех хатов вижу насквозь или только самых явных? Так я скоро научусь чувствовать и понимать женщин, как в известном анекдоте про тосканские фрески^[39]».

В номере я включил телевизор. По Рай Уно шли какие-то новости. Репортаж из итальянского парламента. Я всмотрелся в экран и вздрогнул. На трибуне стоял настоящий хат и что-то говорил. Почти кричал. Слова источали кипучую энергию, но что-то серое проступало сквозь нее. Я переключил канал на детский. На экране надувались и перекатывались телепузики. Чем-то они показались мне подозрительными, хотя ничего явного я не ощутил. Я опять переключил канал. По «Евроспорту» шел волейбол.

Все было о'кей. Я снова вернулся на Рай Уно. Этот итальянский политик, которого я видел первый раз в жизни, определенно был хатом.

Я выключил телевизор. Сердце билось как сумасшедшее. Я пощупал пульс. Каждый пятый удар сердце пропускало. Экстрасистолия. Плевать. Я решил спуститься вниз и встретить Антона в лобби.

Избыток чувств при недостатке мозгов

Я немного опоздал. Антон уже заселялся. Он заполнял гостиничную форму и меня заметил не сразу. Чувства так переполнили меня, что я быстро, относительно незаметно подошел к нему и приветственно ударил сзади по плечу. Кажется, я не рассчитал удар – Антон выронил ручку и упал на гостиничную конторку. Он уцепился руками за стоящую на ней бронзовую лампу и, не удержавшись на ногах, вместе с ней грохнулся на мраморный пол отеля. Лампа вдребезги разбилась, нас обступили люди.

– Сорри, – очень растерянно сказал я.

– Это вместо «здрасьте»? – поинтересовался он, глядя на меня снизу вверх.

– Черт, прости. – И я протянул ему руку.

Антон оперся на нее и начал медленно подниматься, чтобы не порезаться об осколки.

– Извини, – еще раз сказал я. – Избыток чувств.

– Понимаю, – пробурчал он, отряхиваясь. – Избыток чувств при недостатке мозгов – это то, что тебе очень мешает всю жизнь.

– Я прошу простить меня, но эта лампа стоит пятьсот евро, – подал голос отельный распорядитель.

– Не проблема, запишите на мой номер, – расслабленно сказал я.

– Интересно, что при таком недостатке мозгов у тебя еще есть деньги, – заметил Антон.

– Это хатские деньги. Я вывез из Москвы все, что заработал на ФФ.

– Ладно, сейчас сядем где-нибудь – все расскажешь. Или, – неожиданно сказал он, – пошли в какой-нибудь кабак и там выпьем как следует?

– Что-то я давно не пил. Хорошая идея. Есть тоже хочется.

– Там и поедим.

В энотеке, которая нашлась прямо за углом, я подробно рассказал Антону, как провел все это время. Про тюрьму, про посвящение в хаты, про ссылку, про русский монастырь, про героическое похищение Маши у Германа с перестрелкой, про историю с Вороном, про ссору с Машей, про японский монастырь; коротко пересказал содержание готической новеллы и поделился открывшимся у меня прямо сегодня даром распознавания хатов. Последнее особенно заинтересовало Антона.

– Расскажи, как ты это чувствуешь?

– Я не знаю. Просто чувствую. Я пока не до конца разобрался. Но сейчас мне кажется, что я чувствую не только людей. Хатской может оказаться картина. Или дизайн. Или запах. Или событие. Или кинофильм. Или бизнес. Или дрожание воздуха. Это такое свойство – я не знаю, как его назвать. «Хатство»? Оно разлито в мире, и его в нем довольно много. По ощущениям, оно серого цвета. Но это такой метафизический серый цвет. Пиджак у итальянского политика, например, был синим. Как-то так. Неуловимо. Непонятно. Неформализуемо. Это появилось недавно, но уже стало частью меня.

– Парапсихология? – скептически заметил Антон, очень не любивший паранауки.

– Я не думаю, что здесь замешана парапсихология и вообще мистика. Просто мое подсознание отмечает какие-то тонкие детали, которые не фиксируются сознанием. Кстати, ты тоже можешь это почувствовать. Может, не так тонко, но можешь. От этих людей веет каким-то холодом. Мраком. Серостью. Они какие-то неприятные. Как будто злые. Некрасивые. Я думаю, что, если тебе показывать фотографии и говорить: хат – не хат – хат – не хат – не хат – не хат – хат, ты бы тоже скоро научился. Это не третий глаз. Не шестое чувство. Просто более тонкое восприятие действительности. Как Кассандра предвидела события?

Антон помолчал, возвращаясь к своему привычному скептицизму:

– Просто была умным человеком.

Я вспомнил, что он в свое время объяснял мне, кого следует считать умным человеком. Умный человек, с точки зрения Антона, – это не тот, кто говорит умные вещи. И тем более не тот, кто совершает умные поступки. Умный человек – это тот, кто знает, как будут развиваться события.

– Ну вот, считай, что я поумнел.

– К черту. Все к черту! Сегодня нам нужен загул. Хочу оторваться по полной!

Я вздохнул и решил, что не буду возражать. Оторваться так оторваться.

Конец сорок первой главы

Глава сорок вторая

I'll Meet You at Midnight

Я думал, что мы с Антоном просто пойдем в бар и выпьем там от души. Но все оказалось не так просто. Через сорок минут и два двойных виски я смотрел на девушку, сидящую рядом, и не узнавал себя.

Она была француженкой. У нее было узкое тонкое лицо и черные волосы до плеч – тоже тонкие. Про фигуру я ничего решить не мог – мешал длинный серый балахон. Ее звали Луиз-Мари – прямо из бессмертной песни *Smokie «I'll Meet You at Midnight»*. Рядом сидела вторая девушка, тоже француженка, судя по акценту. Они обе весело переговаривались с Антоном.

Мы были в «Непорочной Джульетте» – самом веселом месте Вероны. На крошечной сцене группа, состоявшая из басиста, ударника, гитариста и клавишника, с глубоким чувством пела рок-хиты семидесятых.

Я, узнав песню по проигрышу, сквозь шум прокричал Луизе-Марии, что сейчас будет песня про нее и что она не достанется некоему Жан-Клоду.

– Что за песня?

– *I'll Meet You at Midnight*.

– Но тебя же не Жан-Клод зовут?

– Нет, меня зовут Иосиф!

– Это очень хорошо!

I'll meet you at midnight,

Under the moonlight,

I'll meet you at midnight...

But, Jean-Claude, Louise-Marie

Will never be...

Мне нравилось так сидеть, слушать голос с характерной хрипотцой, как у Криса Нормана, пропитываться гитарными заплатами и переходами и любоваться Луизой-Марией. Мне думалось примерно так: «Ну какие, к черту, хаты?! Вот сидим мы с Антоном в самой середине Европы. Отличный бар. Очень шумно. Очень тесно. Очень весело. Классные девчонки. И жизнь прекрасна. И она ведь все еще продолжается, несмотря ни на что! Продолжается! И нет никакого одиночества. Людей-то сколько вокруг! А концессия „Одиночество-12“ подождет. И зло мира подождет! До послезавтра».

Девчонки влезли танцевать на барную стойку. Луиза-Мария в своем монашеском балахоне смотрелась на ней особенно круто. Я, не считая себя специалистом ни в танцах, ни в эквилибристике, решил остаться за столиком. Антон повелительно поднял руку, как офицер, увлекающий роту личным примером, и пошел в атаку. То есть полез на барную стойку, совершенно забыв про возраст, интеллект и кармические долги. Последний раз я видел Антона танцующим, кажется, в школе.

– Какие планы? – прокричал я ему по-русски.

– Планы отдыхают! – заорал мне в ответ Антон.

– Понятно! А что девчонки?

– Зовем с собой!

– А выпить у нас в номерах есть?

– Есть мини-бар. Работает рум-сервис.

– Мне кажется, – сказал я голосом Аль Пачино, – это то самое предложение, от которого они не смогут отказаться.

Никто и не отказался.

Пока девочки выставляли на стол содержимое мини-бара, а Антон возился с ноутбуком, я смотрел из окна нашего номера на подсвеченный кафедральный собор сквозь стакан с виски. «Черт, а мы ведь действительно в Вероне!» – подумал я.

– Хорошо, что мы вместе, – сказал мне Антон. – Осточертело одиночество.

– Я где-то читал, что лучшее средство от одиночества – дети. Сейчас уже пьяный, не могу вспомнить где. Антон, а почему у вас с Диной нет детей?

– Дети не рождаются просто так, – пробурчал Антон и замолчал.

Мы не первый раз говорили об этом. «Почему у вас с Диной нет детей?» – спросил как-то я. И тогда тоже не получил буквально никакого ответа. Даже взглядом. Мой вопрос был проигнорирован, как будто его и не было. Я почувствовал себя страшно неудобно и больше с вопросами не лез. И в этот раз мне опять показалось, что я сказал что-то не то.

Дальнейшее я помню урывками. Красно-синие кадры оперы «Ромео и Джульетта» на *YouTube*, ария *Vous êtes à Vérone*. Последняя бутылочка виски, влитая в себя взмахом руки. Исчезновение Антона и Натали. Подвернувшаяся под тело кровать. Заботливые руки Луизы-Марии, укутывающие меня одеялом. Луиза-Мария была мечтой, так и не доставшейся Жан-Клоду. Пусть не всей моей жизни, но все-таки... А хорошо это – спать с мечтой?

Мир несовершенен. Я пропадаю вместе с миром

На следующее утро выяснилось – хорошо. Такой сумасшедшей ночи у меня давно не было. За завтраком я узнал, что Антон – настоящий джентльмен, а я – грязная свинья.

– Ты предлагал им раздеться и станцевать стриптиз прямо на столе. Под «Ромео и Джульетту».

– Боже. Какой позор! А они что?

– Смеялись. Ты говорил, чтоб они танцевали прямо над ноутбуком, потому что тогда будет замечательная подсветка. Красно-синяя.

– Мне стыдно за себя.

– Ты предлагал заняться групповым сексом и утверждал, что только в групповом сексе проявляется истинная природа человека. Жадный ли он? Отзывчивый ли?

– Не такая плохая мысль.

– Потом в тебе что-то щелкнуло, и ты объявил, что женщины лучше нас.

– Так они и вправду лучше. Красивей, например.

– Красивей. Но ночью ты объяснял это по-другому.

– Как именно?

– Утверждал, что они выносливей.

– Девочки не обиделись?

– Ни капельки. Пришли в восторг. Луиза-Мария пыталась тебя приласкать и успокоить, но ты не давался.

– Что-то такое я припоминаю. Кажется, я настаивал на том, что Хатшепсут была хорошей.

– Ты бесчинствовал. Орал патриотические песни. И зачем-то орал их в окно. На весь спящий город.

– Ну вот. А некоторые обвиняют меня в недостатке патриотизма. А чем у тебя все кончилось?

– Мир несовершенен. Я пропадаю вместе с миром, – сокрушенно сказал Антон. – Француженки были чертовски хороши. Скажи лучше, почему имя Луиза-Мария вызывает у меня стойкую ассоциацию с Наполеоном?

– Потому что вторую жену Наполеона звали Мария-Луиза. Кстати, сам он хатом не был. Это точно.

– Откуда ты знаешь?

– Во-первых, я научился определять хатов по биополям. Во-вторых, он хотел создать империю, в которой никогда не будет войн. По образу и подобию Римской. Прототип Евросоюза с Францией во главе. Во-третьих, он допустил стратегическую ошибку, которую никогда бы не допустил, если бы находился под контролем хатов.

Ошибка Наполеона

– Биополей не существует. А что за ошибка Наполеона? Война с Россией? – спросил Антон.

– Да. Но не само решение начать войну, а как он ее решил вести. Я не понимаю Наполеона.

– В каком смысле?

– Зачем он пошел на Москву?

– На Москву? А куда ему было ходить?

– Столицей России тогда, как ты понимаешь, был Петербург. Там был царь. Там был двор. Там были все министерства. Там были Сенат и Синод. От Вильнюса, который Наполеон захватил в первую неделю похода, Петербург ближе. И дорога лежит через цивилизованные балтийские страны, где все коммуникации гораздо легче сохранять и использовать. А Наполеон пошел через глухие леса и деревни с враждебным населением. Это притом, что он хорошо знал опыт Карла XII и обещал не повторять его ошибок. Но самое главное, что Москва – второй город империи. А Петербург – столица. Захватив ее, Наполеон не просто унизил бы Александра. В таком раскладе он отбирал у России Польшу, Прибалтику и Финляндию, отбрасывая Россию к допетровским временам. И Александр был готов подписать любой мир, только бы этого избежать. Логично?

– И почему он пошел на Москву?

– Так вот я не знаю. Историки – странные люди. Никто не интересуется, почему же гениальный император допустил такую грубую, детскую стратегическую ошибку.

Антон пожал плечами. Отвечать за решения Наполеона ему не хотелось.

– Хорошо, – сказал я бодро. – Какие у нас планы?

– Прогуляться по городу. Я порадую тебя хорошими новостями. Я, кстати, утром прочел твой средневековый текст. Обсудим и его.

Через пять минут мы были уже в ресторане, до которого я так и не добрался вчера (плющ, крепостная стена, река, лебеди). По дороге я указал Антону улицу, на которой встретил хата. В этот раз нам никто не встретился, хотя я поймал себя на том, что всматриваюсь в лица прохожих значительно внимательней, чем раньше. Я сел за столик, Антон начал изучать меню стоя. Я не выдержал.

– Антон, – сказал я, – а что у нас, кстати, за хорошие новости?

– Мне только что подтвердили план по освобождению Моти.

– Это отлично, – обрадовался я, решив пока не интересоваться, кто именно подтверждает такие планы Антону. – А про Машу случайно нет новостей?

– Маша нашлась.

Хорошо, что я сидел на прочном чугунном тяжелом литом стуле с виньетки. Иначе бы я с него упал.

– А какого черта ты молчал?

Конец сорок второй главы

Глава сорок третья

Свинцовые руки и ноги

– Повтори, – попросил я, глядя на Антона снизу вверх.

– Маша нашлась.

– Давно?

– Ну, около месяца, – уклончиво сказал Антон, продолжая стоять.

– А почему ты не сказал мне об этом раньше?

Я начал угрожающе подниматься.

– Пока ты был в своем монастыре, с тобой не было связи. Потом я не хотел говорить об этом по телефону. А вчера мы были невменяемые.

– Ладно. – Хотя я был совершенно не согласен с Антоном. – Где она?

– В Израиле.

– Как она туда попала?

– Когда ты позвонил и сказал, что она исчезла, я задействовал соответствующих людей. Не успела в сети продажи авиабилетов появиться ее новая фамилия, как к ней подошли сотрудники безопасности аэропорта и связали ее со мной по телефону. Я убедил ее, что Израиль безопасней Москвы. Встретил в аэропорту. Она была страшно напугана. Отказывалась обсуждать ваши дела даже со мной. Я поселил ее у друзей в кибуце. Ей надо было отойти от кошмара, который с вами происходил.

– Ты был в Израиле?

– Я много где был.

Со всех точек зрения, включая обеспечение необходимой конфиденциальности, поведение Антона квалифицировалось мной как стопроцентное блядство, о чем я заявил со свойственной мне прямоотой, сев обратно на чугунный стул.

– Все-таки ты, Иосиф, ненормальный. Сначала посылаешь на хер девушку. Потом друга. Хорошо, что я не беременный. И спокойный, хоть и с похмелья.

– Но все же. Ты мог мне это сказать?

– Кроме того, есть еще одна проблема.

– Я хочу поговорить с Машей.

– В этом-то и проблема. Она не хочет с тобой разговаривать.

– Что?

– Что слышал. Я провел с ней два часа, убеждая ее, что ты не так уж плох. И не очень-то виноват. И готов извиниться. Точнее, готов извиниться пятнадцать раз подряд.

– И?

– Она настроена довольно решительно. Не хочет говорить с тобой.

– Но она беременна от меня.

– Возможно, это одна из причин. Гормональная перестройка. И черт знает что с головой.

– А что она говорит?

– В двух словах?

– Сначала в двух.

– Что она не хочет с тобой общаться. Ни по телефону, ни по имейлу.

– Я тем более хочу с ней поговорить.

– Бесполезно.

– А что она скажет?

– Скорее всего, просто повесит трубку. Попросит больше не звонить ей.

Я почувствовал, как мои руки и ноги наливаются свинцом. То есть становятся какими-то очень тяжелыми. Для того чтобы протянуть руку за чашкой кофе, приходится делать заметное физическое усилие. Такое бывает после того, как в спортзале дашь на какую-то группу мышц экстремальную нагрузку. Но я все-таки дотянулся до кофе и отхлебнул. Кофе показался невыносимо горьким.

– А что ты предлагаешь?

Антон по моему голосу наконец сообразил, что надо проявить ко мне некоторое участие, и вздохнул.

– Ситуация тяжелая. Думаю, подождать. И в любом случае объясняться лично, а не по телефону.

– Я уже давно жду.

– Давай сперва освободим Мотю. А потом попробуем помирить тебя с Машей. Я готов лететь с тобой и быть посредником в переговорах.

– А шанс есть?

Антон неопределенно покачал головой. Из этого жеста следовало, что шансы всегда есть, но в этом случае показан осторожный

пессимистичный подход.

– Когда ты последний раз говорил с ней обо мне?

– Вчера перед вылетом к тебе я отправил ей сообщение. Спросил, что тебе передать.

– И?

– Она ответила: «Ничего». Я написал, что ты, вероятно, захочешь с ней связаться. Она попросила вас не связываться. Я сказал, что ты, вероятно, в скором времени окажешься в Израиле и тут уже я не смогу тебя удержать от встречи с ней.

– А она?

– Прислала смайлик.

– Это можно трактовать как умеренно позитивный ответ?

Антон беспомощно развел руками. Я молча встал из-за столика и пошел прогуляться на своих свинцовых ногах, чтобы привести мысли в порядок. С момента нашего расставания прошло чуть больше месяца. Если Маша за это время не успокоилась и не пришла в себя, значит, все действительно плохо. Но сдаваться я не собирался. И выработал за трехминутную прогулку план из двух пунктов. Пункт первый: придумать некий убедительный короткий текст и отправить его Маше через Антона, раз она не хочет получать сообщения от меня. Пусть даже не отвечает на него. Но пусть знает. Пункт второй: сразу после освобождения Моти лететь к Маше и вымалывать прощение. Составив план, я заметил, как мне стало легче даже физически. Свинцовая тяжесть в руках и ногах заметно уменьшилась, и я довольно бодрым шагом вернулся за столик к Антону.

Специально обученные люди

Я решил не говорить с ним больше о Маше. Не маленький, сам разберусь.

– Как мы освобождаем Мотю?

– Завтра утром. Мы летим в Москву из Милана сегодня ночным рейсом.

– А как мы его освобождаем?

– В аэропорту нас встретят люди, у которых готов план освобождения.

– Что за люди?

– Специально обученные люди. Увидишь. Не беспокойся, все под контролем. Расскажи лучше, что ты думаешь нового про хатские ребусы.

Химик и число

– Судя по всему, Химика, как и Доминика, убили хаты за ренегатство. Так что причину смерти Химика мы раскрыли.

– Согласен.

– Посвящение во вторую степень включает в себя ритуал закапывания ребенка живым в землю. Так называемый Культ Земли. Что не каждому по силам. Это означает, что хаты третьей степени посвящения, которых, кстати, большинство, – это еще не настоящие злодеи. Не исчадия зла. Это просто люди. Как Химик. Или как Доминик. Или тот итальянец, которого я встретил. Они вступили в Братство ради тайных знаний. Или ради власти. На худой конец, из-за денег. Или просто так, по приколу. А вот вторая степень означает серьезные намерения у человека.

– Ты хочешь сказать, что Химик убивал ребенка?

– Надеюсь, что нет. Меня же посвятили без этого. Хотя меня брали в хаты по какой-то упрощенной схеме. Честно говоря, думать об этом не хочу.

– Ну ладно. – Антону тоже не хотелось думать о Химике как о хате. Пусть и раскаявшемся. – Судя по новелле, у тебя должны были появиться новые мысли про число.

– Смысл числа непонятен по-прежнему. Зато важность его теперь не вызывает сомнений. Кем-Атеф запретил его исследовать. Доминик пытался найти его смысл, надеялся заслужить себе прощение, но обломался. В древней интерпретации оно выглядело по-другому: 2-2-2-4-6-12. Число 15 появилось как замена латинской *P*, в свою очередь поставленной вместо значка правильной пирамиды. В исторических документах Германа сохранилось написание как с 15 на конце, так и без.

– Или время, или расстояние, – своим обычным умным тоном, не допускающим сомнения, сказал Антон. – На худой конец – зашифрованное слово.

Еще месяц назад я, подчинившись его авторитету, принялся бы размышлять в этом направлении. А теперь я совершенно спокойно объяснил, почему число не может означать ни расстояние, ни время, ни слово на одном из древних языков. Расстояние – непонятно откуда считать и в каких единицах. С временем та же проблема. А если бы это было слово на каком-нибудь языке вроде коптского или древнеегипетского, то в Ватикане его бы давно расшифровали.

– А что оно тогда означает? – спросил Антон.

– Некоторое универсальное понятие. Довольно простое и конкретное.

– Может, в нем заложено настоящее имя Бога? И при его произнесении мир переворачивается?

– Тогда ватиканские инквизиторы и израильские каббалисты давно бы разобрались и перевернули бы мир сами.

– Ключевое здесь, конечно, число 12, особенно если 15 стоит вместо буквы *P*, то есть твоей пирамиды, – продолжал рассуждать Антон.

– Ты просто поддаешься магии чисел – как игрок в рулетку, – не согласился я. – Все цифры в этом числе одинаково важные.

– Знаешь, кстати, почему двенадцатеричная система пользовалась таким спросом в древнем мире, что слово «дюжина» почти во всех индоевропейских языках звучит примерно одинаково, а месяцев, часов в дне и ночи, колен Израилевых, апостолов, знаков зодиака и не знаю кого еще у нас строго по двенадцать? Словом, божественное число со всех сторон. Взять хоть нашу концессию «О-12».

– Почему? – Мне показалось, что пора Антону показать себя, как всегда, умным и подтянутым.

– Потому что 12 делится на 2, 3, 4 и 6. Поэтому дроби для последующих действий с ними гораздо более удобны, если их записывать через 12. Две двенадцатых плюс три двенадцатых равно пяти двенадцатым. И это мы сложили одну шестую с одной четвертью. И ты все-таки уверен, что это число очень важно для хатов?

– Если бы число было незначимым, Кем-Атеф не стал бы так старательно прятать концы в воду. Я убежден, что в числе скрыта очень важная, возможно, смертельно важная тайна хатов. Что-то типа противоядия. Оружия против них. Авва Марий из моей новеллы со мной полностью согласен.

– Тогда ключом к оружию против них должно быть что-то абстрактное. Любовь. Дружба. Вера.

– Или, наоборот, что-то конкретное. Пулемет. Штык. Граната.

Я понял, что пока ни до чего умного мы не додумаемся, и решил сменить тему на не менее интересную.

– Скажи, Антоша! Вот мы освобождаем Мотю. А что потом?

– Потом отвозим тебя в Израиль мирить с Машей, где мы все вместе залегаем на дно до решения главных вопросов.

Я посмотрел на голубое небо и белые облака. Простит меня Маша или нет, я не знаю, но план действий у нас есть, и это хорошо. И особенно мне нравится в нем выражение «все вместе». И тут Антон неожиданно проявил некоторую настороженность:

– Иосиф! О наших планах не знает никто. Даже Дина. Она думает, что я до сих пор в Штатах.

– Это прогресс! Ты начал обманывать жену?! Поздравляю.

– В ее собственных интересах.

– Разумеется. А в чьих еще интересах обманывают жен? Я не собираюсь рассказывать о наших планах Дине. Ты это хотел от меня услышать?

– Да.

– Послушай, а почему ты назначил свидание в Вероне, а не в Иерусалиме?

– Все спецслужбы одинаковы. Излишне любопытны. Хотел обойтись без жучков, запрятанных в столиках, и лазерных микрофонов, наведенных на оконные стекла.

Я огляделся. Наш столик стоял на открытом воздухе. Со стороны реки беззаботно цвели ромашки. Микрофоны нам вроде бы не грозили.

Профессиональный подход

Антон попросил счет.

– Ладно. Пошли в гостиницу, – решительно сказал он.

– Город посмотреть не хочешь? Арена-ди-Верона – римский амфитеатр не хуже Колизея, акустика сумасшедшая, здесь часто идут суперконцерты. В кафедральном соборе – Тицианово «Вознесение Мадонны». Средневековая крепость – копия Московского Кремля, точнее, наоборот, Кремль – ее копия. Правда, увеличенная. Аристотель Фиораванти сначала потренировался на Вероне, а потом уже поехал в Москву. Есть еще много забавных мест. Домик Джульетты с одноименным балконом, например.

– Зачем мне домик Джульетты, если мы нашли ее кабак?

– Там стоит ее темная бронзовая статуя с блестящими сиськами. Их все трут на счастье, считается, что помогает в любви. Недавно протерли насквозь, и Джульетту отвезли на ремонт. Вся подворотня расписана сверху донизу всеми видами красок и баллончиков, а от японских туристов глаза слезятся. Хотя мне они теперь как родные. Аригато!

Но Антона обуяла жажда деятельности.

– Только быстро. Нам нужно перевести все наши знания и умозаключения в цифровой формат. Точнее даже не наши, а твои. Свои я еще в Израиле забил. Заодно посмотришь их.

– Куда мы денем этот файл?

– Отдадим специалистам.

– Не люблю я спецслужбы. Почему ты выбрал израильтян?

– Во-первых, я их не выбирал. Они выбрали меня. А во-вторых, хаты с евреями что-то не поделили.

– Да. Я про это читал в германовской бумажке. Надоела пурга про избранные народы. Ты, надеюсь, в это не веришь?

– Я не верю. Хаты верят. Все, я расплатился. Пойдем.

В номере Антон открыл ноутбук.

Самое спокойное десятилетие

– Интересно тебе, как специалисту по древней и средневековой истории хатов, посмотреть, что они сделали в двадцатом веке?

– Войны?

– В том числе. Назови какое-нибудь из десятилетий XX века. Лучше самое спокойное. С точки зрения военных конфликтов, восстаний и прочих поводов для уничтожения человека человеком. Просто в качестве примера.

– Я думаю, шестидесятые... Хотя нет, там был Вьетнам. Пятидесятые? Тоже нет – Корея и много революций. Мне кажется, двадцатые. Первая мировая кончилась. От нее все устали. К новой готовиться еще не начали. Да, я думаю, что самыми спокойными в XX веке были именно двадцатые годы.

– Двадцатые, говоришь?

Антон открыл *Excel* и немного поводит пальцем по тачпаду.

– Смотри! Вот список мероприятий, спонсированных хатами в двадцатые годы XX века. И это было действительно самое спокойное десятилетие. Не вчитывайся в список! Он на десять страниц. Просто посмотри.

Я взял ноутбук и увидел длинную таблицу. В нагромождении событий в разных частях света, на первый взгляд хаотичном, взгляд выхватывал знакомые.

Гражданская война в России. Антиамериканское восстание на Гаити. Тешинский конфликт между Чехословакией и Польшей. Англо-ирландская война. Греко-турецкая война. Антифранцузские восстания в Сирии и Ливане. Вторая армяно-азербайджанская война. Военный переворот в Мексике. Советско-польская война. Антианглийское восстание в Ираке. Монгольская революция. Кронштадтское восстание. Военный переворот Реза-хана в Персии. Рурский конфликт и оккупация Рура. Антибританское восстание в Египте. Восстание в Иракском Курдистане. Фашистский «поход на Рим». Восстание пуштунов в Вазиристане. Борьба с басмачами в Средней Азии. Разгром белого отряда генерала Пепеляева в Якутии. Интервенция Италии на Корфу. Военный переворот Primo де Ривера в Испании. «Пивной путч» в Германии. Антисоветские восстания в Амурской области, Красноярском крае, Бурятии и Забайкалье, в

Грузии, Чечне и Казахстане. Тунгусское восстание в Якутии. Военный переворот в Чили. Революция и гражданская война в Китае. Военный переворот маршала Пилсудского в Польше. Гражданская война в Никарагуа и интервенция США. Восстание «кристерос» в Мексике. Англо-советский кризис. Гражданская война в Афганистане. Конфликт на КВЖД между СССР и Китаем. Антибританское восстание в Палестине.

Я просмотрел таблицу и удивился. Такое количество войн, развязанных хатами за десять лет, не вполне укладывалось в мое представление об их образе действий.

– Странно. Я думал, что войны устраивают люди. А хаты их подталкивают.

– Думаю, хатам младших степеней посвящения не ставится лобовая задача развязать войну любой ценой с максимальными жертвами с обеих сторон. Им говорят, какого политика и как поддержать. А этот политик и сам может оказаться хатом. А это значит, что принципов у него еще меньше, чем у обычного политика, не хата. Хотя, казалось бы, меньше некуда.

– Антон, я как раз хотел тебя спросить, а существуют ли в принципе порядочные политики?

– Ты хочешь спросить, существуют ли политики, которые являются еще и порядочными людьми?

– Ага.

– Очень редко. Чтоб стать политиком, надо пройти строгий отрицательный отбор на порядочность. К черту политику, давай возьмемся за работу!

Мы также рекомендуем

В связи с усиленной угрозой атаки хатов в настоящее время в России мы рекомендуем срочно провести специальные мероприятия по поиску и идентификации главаря хатской общины в Москве по имени Джессер Джессеру (Святейший из Святых). В случае декапитации секты ее деятельность будет приостановлена на значительное время. Мы также рекомендуем продолжить поиски значения числа 2-2-2-4-6-12-P (также известного как 222461215), в том числе с

помощью применения компьютеров высокой производительности и специальных дешифрующих подразделений различных спецслужб, так как в данном числе закодировано нечто, угрожающее самому существованию секты.

Свежая закладка

Так заканчивался подготовленный нами с Антоном документ. Я вычитывал текст и правил орфографические ошибки, когда Антон со словами «Минутку, у меня тут возникла одна идея» полез в сумку. Из сумки появился какой-то странный электронный прибор, приветливо замигавший зеленым диодом. Антон стал обходить стены, проводя по ним приборчиком.

– Что это, Антоша? Миноискатель? Детектор хатов?

– Почти. Багоуловитель.

– Ищет жучки? Думаешь, нас прослушивают?

Не успел я договорить, как прибор замигал красным. Моментально помрачневший Антон осторожно снял картину с видом веронского кремля со стены и долго всматривался в тыльную часть багета.

– Свежая закладка, – сказал он нехорошим голосом. – От дня до двух недель. Чтоб сказать точнее, нужен эксперт.

Голубое небо затянулось грозowymi тучами. Ромашки спрятались.

– Попробуй определить своим шестым чувством, хатский это жучок или просто гостиничный.

Он с омерзением отодрал от картины и отдал мне маленькую белую коробочку размером с толстую монетку. Я взял ее в руки. Почему Антон не проверил наш номер раньше? Хотя что бы это изменило...

– Подожди. Верни на секунду.

Я вернул. Антон ножом выковырял оттуда крошечную батарейку и снова передал коробочку мне. Я повертел ее в руках, но так и не смог сконцентрироваться. Да и что я мог определить? Неужели хаты настолько сильны? Неужели они правда везде – в каждом городе, в каждом номере гостиницы, в каждом вооруженном конфликте, в каждом телевизоре, в жизни каждого человека?

– Так что?

– Не знаю, Антоша! Ей-богу, не знаю.

– Ладно. Двум смертям не бывать. А одной, как известно, не миновать. Полетели в Москву. Если не долетим – значит, не судьба.

– Значит, не судьба, – как эхо, отозвался я.

– А тебе эти французские девочки хатов не напомнили?

– Девочки? Луиза-Мария? Я не знаю...

– Странно. Они ведь сами напросились к нам в гости. Неужели и они?

– Я не знаю, Антон. Я ничего не знаю.

Конец сорок третьей главы

Глава сорок четвертая

Gyongyhaju Lany

В самолете все было стремно и странно. Англичанин бы сказал – *weird*. Ночные рейсы всегда немножко сумасшедшие.

Пассажиры вроде были не хаты, но и на нормальных людей не походили: индеец, завернутый в пончо, опустил свое огромное сомbrero даже не на глаза, а чуть ли не на усы. Что он делал в Италии и зачем ему Москва? Небольшая группа католических монахинь – все в черном, с черными деревянными четками в руках – не то спали, не то молились. Что им, бедным, делать в православной Москве, я тоже не въехал. Скорее всего, они летели дальше. В какую-нибудь Индию. Толстая рыжая женщина с грудью невероятного размера, в кожаных сапогах сильно выше колен и в рыжих колготках уставилась в какую-то книгу, но явно забывала перелистывать страницы.

Справа от меня спал Антон, сохраняя мужественное выражение лица древнего римлянина после смерти.

Слева сидел молодой человек весьма необычной наружности: большие влажные глаза, черные длинные усы, черные же длинные вьющиеся волосы. На его узкие плечи было накинуто что-то напоминающее гусарскую венгерку. Когда стюардесса принесла еду, он снял наушники, и из них раздался непонятный рок: вроде бы хорошо знакомый *White Dove* – один из хитов «Скорпионс» (*white dove, fly with the wind, take our hope under your wings etc.*). Но это были не «Скорпионс». Поломав голову, я не выдержал и спросил гусара:

– Простите, а что это за песня?

– *Gyongyhaju Lany*.

– Очень интересно. – Я ни хрена не понял. – А кто поет?

– «Омега».

– А «Скорпионс»?

– Украли песню. И изуродовали.

Гусар отвечал коротко, лениво и неохотно. Я понял, что у меня остался последний вопрос.

– А что это за язык?

Гусар посмотрел на меня, как будто я спросил его, откуда он взял деньги на билет до Москвы. Потом покачал головой и процедил медленно и доступно:

– В-е-н-г-е-р-с-к-и-й.

Ближе к Москве гусар обратился ко мне, чтобы узнать, как заполнять миграционную карточку и сколько стоит такси до центра. Я все объяснил. Тут гусар подобрел и рассказал, что песня 1968 года. А суки скорпы взяли и нагло передрали ее. Но «Омега» отстояла свои права и выставила скорпов на приличные бабки.

Я дипломатично заметил, какое это замечательное время было – поздние *sixties*, если рок-н-рольная волна докатилась даже до красной Венгрии. От этого гусар совсем растрогался и записал мне название альбома: *Tizezer Lepes*. Совсем непонятный язык.

Igen, jött egy gyöngyhajú lány

Álmodtam, vagy igaz talán

Igy lett a föld, az ég

Zöld meg kék, mint rég^[40]

Агент спецслужбы

Тут выяснилось, что Антон вовсе и не спит.

– В аэропорту нас встретит человек, который отвечает за освобождение Моти.

Я попытался взбодриться и представил себе маленькую чашку дымящегося кофе.

– Знаешь, я сейчас плохо соображаю. Ты говорил про специально обученных людей.

– Это девушка. Твоя, кстати, знакомая. Ты даже пытался ухаживать за ней.

Я немного взбодрился без всякого кофе.

– А кто?

– Увидишь. Осталось меньше часа. Это будет для тебя приятный сюрприз.

Самолет приближался к земле и вибрировал, как стиральная машина перед оргазмом. Раньше меня бы страшно напугала такая тряска, а теперь мне это было совершенно по барабану. Мы сели как ни в чем не бывало.

Перед самой границей я вспомнил про хатов, про свой фальшивый паспорт и забеспокоился, однако сонные пограничницы в Шереметьево-2 мрачно и лениво его проштамповали.

В таможенной зоне на меня вяло зевнула овчарка. Мы прошли через расступающуюся цепь темно-коричневых таксистов и вышли на улицу. Пять утра. Серый рассвет. Трудно придумать время хуже. Для чего бы то ни было.

Зона парковок быстро кончилась, и мы ступили на порог *Park Inn* – серо-зеркального параллелепипеда. Нас встретили каменные лица сотрудников.

Мы прошли через холл в ресторан. В самом дальнем углу спиной к нам действительно сидела девушка с русой косой. И правда, эту косу я определенно где-то видел. Девушка обернулась, и я ахнул. Медсестра Аня. Агент израильской спецслужбы. Мы подошли к Ане. Длинный бежевый свитер. Черные джинсы. А где же ямочки на щеках, которые чуть не свели меня с ума в Израиле? Нет ямочек. Взгляд – усталый, как будто она три дня и три ночи провела над штабными картами.

Ты перебил меня в первый и последний раз

Мое «здравствуй, дорогая» осталось вызывающе безответным. Антон сказал: «Привет», в ответ на что мы услышали:

– У нас мало времени. Вы не будете задавать лишних вопросов. Вы будете строжайшим образом подчиняться моим инструкциям. Пока понятно? Наш план состоит из двух...

– Аня, а может, сядем за столик и закажем кофе? И за кофе выслушаем твой план. Мы все-таки с ночного рейса.

Аня не сказала в ответ ни слова. Даже не пожала плечами. Молча села за столик. Я заказал три эспрессо.

– Я надеюсь, Иосиф, что ты перебил меня в первый и последний раз. Наш план состоит из двух частей. Часть первая – мы освобождаем Матвея. Часть вторая – мы вывозим вас троих в Израиль.

– Но...

– Нет никаких «но». Или вы соглашаетесь с этим, или мы расстаемся прямо сейчас.

Антон как-то очень сурово молчал. Я решил, что, если и скажу что-то вразрез с его стратегией, он меня поправит.

– Мы соглашаемся, но хотим объяснений. Зачем нас вывозить?

– Чтобы перестать тратить наши силы на вашу безопасность. У нас сейчас тяжелое время. Попробуйте поверить мне: нам сейчас не до вас.

В это верилось легко. Я кивнул головой в знак того, что удовлетворен объяснением.

– Как вы узнали о моем приезде в Тель-Авив? Тогда, три месяца назад?

– Как только в прессе и в интернете начали появляться три слова и число, мы немедленно вышли на *PR Technologies*.

– И вы помогли мне спастись из Владивостока, попасть в Японию, а потом найти Машу?

– Именно. Приятно иметь дело с догадливыми людьми. Я повторяю свой вопрос: вы согласны с планом?

– Так мы уже согласились.

– Я хочу услышать Антона.

Пятисекундная пауза. Я понял, что Антон не согласен и сейчас все начнет срываться. Но Антон неожиданно согласился. Просто молча

кивнул головой. Мне это все равно не понравилось. Что-то он затаил. Но предвкушение запланированных боевых действий отвлекло меня.

Операция началась

– Хорошо. Приступаем к первой части плана. Мы разработали два сценария. Благоприятный сценарий. Вчера вечером в отделение больницы, где содержится Матвей, поступила письменная директива с требованием передать в распоряжение судебно-психиатрической лаборатории ФСБ одного из пациентов. Но не Матвея. Пока все ясно?

– Ясно.

– В бригаду перевозчиков вхожу я – медсестра и вы – санитары. Соответствующие машина, костюмы и грим готовы. По прибытии в отделение, где нас ждут, мы предъявляем документы не на указанного пациента, а на Матвея. У персонала нет аргументов спорить с нами. Предупредить наших противников они тоже не успеют. Мы сажаем Матвея в машину и уезжаем. Возвращаемся в отель и улетаем в Стамбул ночным рейсом. Из Стамбула утром вылетаем в Тель-Авив.

Вот тебе и боевые действия. С другой стороны, зачем нам нужны дерзкие ночные похищения пациента через окно или налет на больницу с захватом заложников и перестрелками? Риск провала такой операции в жизни значительно выше, чем в боевике.

Антон наконец решил присоединиться к планированию, о котором он так мечтал.

– Раз есть благоприятный сценарий, значит, есть и неблагоприятный?

– Есть. Он вступит в силу в случае некорректного развития сценария. Но в нем вы задействованы не будете.

– А что все-таки будет, если Матвея нам просто не отдадут?

– Я скажу, что нам, по всей видимости, перепутали документы, и мы уедем как ни в чем не бывало.

– Без Матвея?

– Да. Без Матвея.

– Когда операция начинается?

– Она уже началась. Вот ключи от моего номера. Третий этаж. Примите там душ и переоденьтесь. Все вещи в номере, в свертках. Я

поднимусь ровно через двадцать минут, чтобы вас заgrimировать. Машина скорой помощи будет здесь через сорок минут. Время пошло.

Мы переглянулись и отправились в номер.

– Вообще-то со мной в Иерусалиме Аня была другой. Мягче, романтичнее и загадочнее, – пожаловался я Антону.

– Ты бы знал, каких трудов мне стоило убедить ее заниматься Матвеем! Но я сказал, что без этого ни я, ни ты не будем даже начинать разговоров о сотрудничестве.

– Правильно сделал. Со спецслужбами надо пожестче. Что это, кстати, за спецслужба? Моссад?

– «Лишкá». Полное название «Лишкат ха-Кешер».

– Первый раз слышу...

Антон ничего не ответил.

Роль дебила

Через двадцать минут в номер поднялась Аня и заgrimировала нас. Она приклеила мне редкие темные усы, немного напоминавшие кошачьи, которые пришлось бы впору рахитичному шизофренику. Голова Антона украсилась пышным пергидрольным париком, выбивавшимся во все стороны из-под шапочки. Большие дурацкие коричневые пластмассовые очки добавляли отороженности, которой Антону так не хватало в жизни. А вот теперь все стало как надо. По-русски. Жестко и дебилно.

Сама Аня превратилась в потасканную женщину-вамп средних лет. Черные круги под глазами, яркая ядовитая помада и непомерной длины сережки. Шапочку Аня надвинула почти на глаза.

Ровно в шесть тридцать мы вышли из пожарного выхода гостиницы, сели в подъехавшую скорую (мне показалось, что рыжие усы шофера я где-то уже видел) и ровно через два часа, по дороге рассказав Ане о некоторых странностях, замеченных нами в Вероне, с невозмутимыми лицами, в шапочках и халатах входили в приемный покой «Белых Столбов».

Аня предъявила охране какие-то бумажки, и они махнули нам рукой. Мы поднялись на третий этаж и вошли в отделение. У меня заколотилось сердце и засосало под ложечкой.

В отделении Аня со скучающим видом дала медсестре бумаги и неприкрыто зевнула. Толстая пожилая медсестра немедленно зевнула в ответ и заглянула в бумаги. Лицо у нее вытянулось.

– Обалдели вы там в своем ФСБ?! Пациент сбежал позавчера ночью, а вы сегодня хотите его на экспертизу переводить? Мне вообще сказали, что вы за Пронькиным из шестой палаты приедете.

– Как сбежал?

Я не выдержал роли дебила и осторожно взглянул на Аню. Аня не реагировала.

– Говорят, вырезал оба стекла в окне и вылез по простыне. А лучше спросить вчерашнюю смену. Я только сегодня заступила.

Я взял себя в руки и воспроизвел интонацию дебила:

– Ыы... а как это? А забор, ыы?!

Я еще раз бросил взгляд на Аню. Аня не возражала против моих расспросов. Ее безразличный взгляд упирался в стену.

– Разбирайтесь там сами, как он через забор перелез. Ловкий, наверно. Да вчера же ваши люди уже приезжали! Или они из полиции были, что ли? Бардак! Откуда, скажите, в стране будет порядок, если полиция и ФСБ не могут между собой договориться?

– И не поймали его?

– Да у нас разве кого-нибудь поймают, если он не политический?

– Ну, короче, нет пациента? Тогда мы пошли. – Аня взяла инициативу на себя. – Извините нас. Бывает!

– Бывает. В нашей стране чего только не бывает!

Мы молча сели в машину и выехали за территорию больницы.

– Аня, как прокомментируют сложившуюся ситуацию представители спецслужб?

Я был горд за нашего Мотю, который смог освободиться сам, без всякой посторонней помощи. Израильская супервумен выглядела немного растерянной.

– Думаю, он действительно сбежал. Хаты могли бы его перевезти в любое место самым простым способом. Без лишнего шума.

Тут до меня начало доходить самое важное. Если мы срочно не найдем Мотю, то его найдут хаты. Мотя понимает это не хуже нас, поэтому ни к родителям, ни к финдиректрисе, ни в какое другое засвеченное место лезть не станет. Но где в таком случае его искать?

Лучше поздно, чем никогда

Аня в ответ на мой вопрос покачала головой. Но Антон как будто ждал моего вопроса.

– Нам пора проверить нашу секретную почту.

Через минуту мы прочли следующее письмо:

*Живу на чердаке дома № 7 по 4-му Монетчиковскому переулку.
Деньги на исходе. Холодно. Голодно. Вы – козлы.*

Матвей

– Надеюсь, за козла он ответит лично и немедленно, – пробормотал Антон, закрывая почту.

Несколько случайных прохожих, проходивших спустя полчаса по вышеуказанному переулку и повернувших свои головы в нашу сторону, могли наблюдать за любопытной сценой «эвакуация бомжа с чердака двумя санитарями-дебилами под руководством медсестры-вамп».

У Моти отросла рыжая борода, из-за чего смотрелся он немного непривычно. В крошечном пиджаке, откуда по локоть торчали волосатые руки, в больничных тапочках и больничных пижамных штанах Мотя хитро озирался и щурил от света глаза.

У меня отклеился кошачий ус, и я был вынужден поддерживать его рукой. Другой рукой я вел под локоть Матвея. У Антона парик сбился набок, отчего он стал походить на казака-блондина. К нашему дебилизму добавилась гебефрения: мы еле сдерживали улыбки.

Аня шла за нами, делая вид, что она не имеет к нам никакого отношения. Ей бы можно было поверить, когда б на ней не было такого же белого халата.

Алкаш, сидевший на бордюре с бутылкой портвейна у правой ноги, с превосходством посмотрел выцветшими бело-голубыми глазами на Мотю и начал рассуждения на тему, что молодежь совсем жизни не знает, если места себе нормального найти не может.

«Живым не дамся!» – многозначительно крикнул он нам, когда мы влезали в скорую.

И тут я вспомнил, где видел нашего шофера: это был тот самый шофер такси, который подвозил нас с Аней до ее дома в Иерусалиме после случая с «мерседесом».

Кажется, в моей жизни агентов спецслужб было больше, чем я подозревал.

– Лучше поздно, чем никому, как говорят старые девы, – нравоучительно и удовлетворенно объявил Матвей, располагаясь на носилках и косясь на Аню. – С такими друзьями по миру пойдешь. Еще полдня, и на Курском вокзале стало бы одним бомжом больше. Я уже решил насобирать милостыней денег на билет в общем вагоне и отправиться к одной знакомой в Сочи.

Мотя скептически осмотрел себя. Мы в восторге смотрели на Мотю и молчали.

– Пацаны, мне как-то неудобно перед девушкой за костюм. Познакомили бы хоть, раз больше ни на что не способны.

– Это Аня. Она из израильской спецслужбы. Помогала нам тебя найти.

– Аня, вы в спецслужбе медсестрой работаете, да? Пацаны, а вы че, типа, тоже на модную работу устроились? И тачка у вас клевая, кстати. А куда мы, кстати, едем?

– В отель. Переодеться и поесть.

– Неплохо придумано!

– Да вообще жизнь налаживается! Мотя, расскажи лучше, как дошел до жизни такой, что бомжевать пришлось? Пиджак тебе как, не жмет? Надеюсь, ты его не с ребенка снял?

– Не. С таксиста.

– Ну? Ты рассказывай, рассказывай.

– А че рассказывать? Упал-очнулся-гипс. Ань, в отеле договоримся насчет баньки и обеда? Сто грамм тоже не помешают. Отель – это ясно, а потом что?

– Кажется, ночью мы летим в Стамбул.

– Стамбул – это класс! У меня там есть знакомый дилер. А Аня с нами полетит?

Поскольку Аня летела с нами, Мотю Анин план полностью устроил. Я, поверив наконец, что уже завтра днем увижу Машу, почувствовал, как из спины быстро и уверенно растут крылья. Антон никак не отреагировал на слова Ани, из чего мне стало ясно, что он с планом не

согласен в самой категоричной форме, но почему-то не хочет говорить это вслух.

– Пойдите, – сказал вдруг Матвей (мне показалось, что он тоже заметил молчаливый протест Антона). – Так я не понял: мы воюем или прячемся?

– Похоже, что прячемся, Мотя, – сочувственно сказал я. – Мы пообещали Ане полное подчинение в обмен на помощь в освобождении тебя. А она хочет, чтобы мы прятались.

– Ну, тогда у нас есть все права извиниться перед Аней. Освободился-то я сам.

Мне очень не понравилась тема ответственности перед Аней, и я решил немедленно прервать ее.

– Расскажи лучше, Мотя, как у тебя это получилось.

– Ха! Получилось. Откуда рассказывать?

– Рассказывай сначала.

Эквилибристика

– А вот начало я помню плохо. Меня месяц или около того пичкали какой-то дрянью через капельницу. Так что мне ни вставать, ни думать не хотелось. В голове было какое-то марево. Кто-то со мной о чем-то говорил... Хотя я тогда все больше спал. Потом капельницу сняли. Перевели на колеса.

– Но ты их, конечно, не жрал?

– Только пару дней. Потом стало легче, и я начал соображать, что к чему. Зажимал колеса за верхней губой (под языком они проверяли), делал вид, что глотаю, а потом в туалете выплевывал. Тут ко мне начал приходить твой кореш. Низкий такой. Ушастый. Неулыбчивый. С монотонным голосом и залысынами.

– ФФ?

– Он самый. Федор Федорович. Которого я в Риме на хер послал. Но он не обиделся. Рассказал, что ты от них сбежал, но что они тебя найдут. Обещал, что тебе ничего не будет. Что тебя простят. Просто ты им нужен по какому-то важному делу. И несколько раз по-хорошему спрашивал, не хочу ли я им, а заодно и тебе, помочь.

– А ты его опять, как в Риме? – поинтересовался я.

– Нет. Я ему так культурно говорю – «не могу». А как бы я мог? Откуда я знал, где ты?

– Ценю твою несообразительность, – сказал Антон.

– Ну а как же... Но он тоже так вежливо говорил, что они вынуждены меня тут держать, пока тебя не отловят. Вроде как я у них заложник. Но обращались они со мной отлично. Книги, DVD, телевизор, прогулки (правда, в сопровождении двух жлобов), спортзал, передачи от родителей.

– Как они, кстати?

– В порядке. До сих пор думают, что я в блатной клинике от белой горячки лечусь, а курс лечения такой, что встречи с близкими крайне нежелательны, чтобы опять на старое не потянуло.

– Гуманно.

– Очень. Твои хаты вообще нормальные ребята. Жаль, что враги. Так вот, лежу я, значит, жду, что вы меня вытащите. Вас, козлов, как второго пришествия Христа, нет и нет. Естественно, начинаю скучать. Думаю, пора сваливать самостоятельно. Но тут две проблемы. Первая так себе: ФФ сказал, что за попытку побега мне будет устроен фармакологический ад. Который хуже настоящего. А вот вторая – посерьезней: видеокамера в палате, небьющиеся окна, двор двадцать четыре часа патрулируется, и забор пятиметровый с колючей проволокой. И денег у меня – ни копейки. Предки мне как-то пытались сто баксов в передачу засунуть – вышел скандал. ФФ пригрозил за вторую попытку весь кайф отменить и сделать из одиночной палаты одиночную камеру. Без сортира.

– Так тебя круто в оборот взяли. Кнутом и пряником. Как же ты все-таки сбежал?

– Оля помогла.

– Финдиректриса? У вас наладились отношения? Поздравляю!

– Не в этом смысле. Она мне прислала диск с боевиком. И ручку. Чтоб я, мол, мемуары писал. Тетрадь кожаную, красивую тоже, кстати, прислала. Но ее хаты три дня мусолили, искали в ней тайные записи.

– Ручку-то шариковую? – спросил Антон.

– Перьевую. Не в этом дело. На диске перед фильмом идут рекламные ролики. Штук пять.

– Ну естественно.

– А один из роликов был как раз про мою ручку. Из него следовало, что перо у ручки золотое, а кончик колпачка – алмазный. Видно, хаты рекламу просматривали невнимательно. Или не сообразили. Я потерял кончик – он был чем-то черным замазан, – и точно: алмаз. Потом перо попробовал на ощупь. Мать твою... Да оно не золотое никакое, а стальное. Или титановое.

– Оружие, значит.

– Вот именно. Ну а дальше было дело техники. Я вам всегда говорил: ребята, спортом надо заниматься.

– Подожди со спортом. А видеокамера? А небьющиеся окна? А охрана? А забор? А проволока?

– Сделал из одеял и книг куклу да сполз под кровать. Подождал час. Пока лежал там, свил две веревки из простыней. Никакой реакции. Вылез осторожно. Вырезал алмазом одно стекло. Затем другое. И спустился по веревке.

– Круто! А патруль во дворе?

– Так его за сто метров видно. Фонари же горят. Дождался, пока они повернутся спиной, – и в кусты.

– Ни хрена... А забор?

– А вот опять ручка помогла. Я подпрыгнул и воткнул ее в забор. Он же мягкий. Бетонный. Потом подтянулся на ней и ухитрился встать на ручку ногой.

– Эквилибристика!

– А то! Дальше закинул веревку с камушком на конце. Зацепил ее за проволоку. И по ней уже добрался до верха забора.

– Офигеть... Ручку не забыл?

– Не... Вытащил, конечно. Ну и все. Спустился по той же веревке, ободрался только очень об кусты, – и огородами к дороге.

– В пижаме?

– А в чем? Ловлю тачку. Останавливается мужик. Спрашивает: «Ты ваще кто такой?» Я ему: «Мужик, личная драма. У меня любовница – жена мента, прикинь! Она думает, что он в командировке в Туле, а он тут как тут – в дверь... Она мне: беги, потому как он тебя прямо сейчас убьет и ему за это ничего не будет. Ну, я с третьего этажа – в кусты. Ничего. Ободрался вот только...»

– Поверил таксист?

– Еще как. Впечатлился. Говорит: «Да, такие дела... На твоём месте мог бы быть каждый».

– А денег он с тебя взял?

– Нет. Потому что у меня их, как я уже говорил, не было. Я думаю: куда ехать? К предкам – нельзя. К Ольге – тоже. Говорю таксисту: довези до центра Москвы, дай денег, еды, одежды и возьми взамен замечательную ручку.

– Добрый ты, Мотя. Мог бы его и на хер послать.

– Мог. Но, во-первых, он мне доброе дело сделал, а во-вторых, он бы шум поднял. А зачем мне шум плюс испорченная карма?

– Ишь как заговорил. У Антона научился? Ладно. И что таксист?

– Купил мне молока, хлеба. Дал старый пиджак, в котором он под машину залезает, и триста рублей.

– А дальше?

– Дальше? Сначала я присмотрел себе чердак поуютней. Выбирал, между прочим. Чтоб улица просматривалась. Когда выбрал, отправил с его телефона вам письмо. Вот и все. Но вы молодцы, что почту читаете. Я боялся, что раз вы вместе, а я без связи, то вы ее вообще читать не будете.

– Мы и не читали, пока за тобой не приехали.

Я посмотрел в окно. Наша скорая остановилась перед служебным входом в отель. К Ане вернулся ее командирский голос:

– Сейчас без пяти двенадцать. Можете отдохнуть, поесть и сходить в сауну. Счет запишите на номер. Самолет в час тридцать ночи. Встречаемся в лобби в шестнадцать ноль-ноль. Мне надо с вами поговорить. Особенно о том, что происходило в Вероне. Вопросы?

– Сейчас мы, Аня, все обсудим. А потом у нас могут появиться вопросы, – спокойно и грустно сказал Антон.

Конец сорок четвертой главы

Глава сорок пятая

Других нас не будет

Сауна в подвальных помещениях *Park Inn*. Ледяной бассейн. Устрицы, креветки, осьминоги, красная икра, белое вино. Мы сидим, завернутые в огромные простыни по римскому образцу. Римская империя времени упадка. Вместо бронзовой застежки – узел. Вместо кожаных сандалий – тряпичные тапочки. Мы уже не римляне. Портим язык. Отказываемся от обычаев. И, как варвары, больше всего хотим быть похожими на уходящих, поэтому подражаем, подражаем, подражаем. А в это время уже настоящие варвары селятся по империи. Они говорят на своих языках и тщательно соблюдают свои обычаи. Пока для их поселения требуется разрешение властей, но оно все чаще становится пустой формальностью и скоро совсем исчезнет. А мы... Тьфу, черт! Но какая, к черту, разница, кто мы, если это мы? Какие есть. Других нас – не будет.

– Ну хорошо, – добродушно заявил Мотя, когда ему надоело слушать про антоновские изыскания и мои приключения. – Я все понял. Концессия «О-12» восстановлена. Мы круты, как сваренные яйца динозавра. А что дальше?

– Аня вот предлагает скрыться на время.

– Это ясно. Но я никак не врублюсь, чего конкретно хаты хотят от нас?

– Ясно как божий день, – довольно безразлично сказал Антон, – что Аня и хаты хотят одного и того же. Только с разным знаком.

– Чего же?

Я потянулся за тарелкой с креветками.

– Не чего. А кого.

Моя рука зависла в воздухе.

– Неужели меня?

– Тебя, Иосиф. Тебя.

Антон был тверд. Даже непреклонен. Во взгляде Матвея появилось любопытство. Мне уже пришла пора что-то сказать.

– Хм! То есть м-м-м. То есть кхм-кхм. Даже если в тактическом плане ты, Антон, и прав. Допустим. По каким-то странным причинам дело уперлось в меня. Но давайте посмотрим шире. Стратегически. Если мы сведем два известных нам факта, то получим очень интересный результат.

– Своди, – кивнул Матвей.

– Хатам не хватает энергии в их параллельном мире – это факт. Который, собственно, открыл Антон. Войн мало. Одними землетрясениями и цунами параллельный мир не накормишь – маловато энергии ка. Это первый факт.

– Антон, ты согласен?

– Да. К моему глубокому прискорбию.

– А второй факт – еще проще. Хаты через меня, то есть я думаю, что не только через меня, но в том числе и через меня, несколько месяцев назад начали активный набор кадров. Что получается на выходе?

– Что хаты готовятся к большой атаке?

– Да, Матвей. Думаю, да.

– А почему они решили атаковать из России?

– А откуда еще? Из Габона? Из Никарагуа? Запад более защищен и менее коррумпирован. Дальний Восток вообще хатам не отдался. А в России, между прочим, ядерное оружие. Которого хватит, чтоб истребить население Земли раз двадцать пять. Или сто двадцать пять. Смотря как использовать.

– Н-да. Весело. А почему мы еще живы, если они такие страшные?

– Этого я не знаю. – Я развел руками. – Может, у Антона есть какие-то мысли на этот счет?

Антон нахмурился:

– У хатов – такой же бардак, как и везде. Большая бюрократическая организация. С кучей проблем. Мисменеджмент. Лень. Корпоративная бездарность. К тому же я не уверен, что наш вопрос для них вообще приоритетен. Тем более если они замышляют что-то крутое.

Взбесившийся телевизор

Чтобы привести мысли в порядок, я пошел окунуться в бассейн с ледяной водой. Когда я вернулся, Матвей с Антоном сидели перед телевизором и переключали каналы.

- Хатов ищите? Меня бы позвали.
- А что их искать? Вон они, в каждом кадре.
- Я не понял, Мотя.
- Смотри!

И я стал смотреть. В ток-шоу по НТВ какой-то штатский с выправкой генерала сообщал, что он только что вернулся из Дейр-эль-Бахри и что лучше места для отдыха не найти. Расписывал подробности. Я вгляделся в этого человека. Да. Он был наверняка хат. Я переключился на СТС. Там шел сериал. От сериала веяло недобрым, но в чем дело, с первой минуты было неясно.

- А в сериале-то что?
- Что? А ты знаешь, как он называется?
- Да откуда? Я их не смотрю. Это же какая-то хрень для домохозяек...
- Эта хрень называется «Одиночество для одиноких».
- Хм...

Я взял пульт и переключился на детский канал, после чего сразу же вызвал командную строку меню. Выяснилось, что нам показывают мультик «Одиссей у нимфы Калипсо». Обдолбанный Одиссей седьмой год сидел на морском берегу и тосковал по жене и детям. Калипсо суежилась вокруг со своими предложениями бессмертия и вечной молодости.

Кого-то она мне напоминала из моих близких, даже очень близких знакомых.

- Бля... Что происходит с нашим телевидением?

Я переключился на Первый канал, но тут в дверь постучали, и мы все вздрогнули. Через пару секунд без всякого приглашения с нашей стороны дверь открылась. Матвей потянулся за бутылкой. Я один раз видел, как он делал из бутылки розочку. Крайне неприятное и тревожное зрелище. Но, слава богу, к нам вошел банщик. Мы уставились на него.

- Я хотел только спросить, вы так и будете в одиночестве отдыхать? «В одиночестве»? Мы молча уставились друг на друга. Банщик постоял немного и, не дождавись ответа, скрылся.
- Интересный способ он нашел спросить, не хотим ли мы снять блядей, – наконец сказал Антон.
- Офигеть, пацаны. Офигеть.

У Моти расширились глаза. Не то от злости, не то от удивления. Антон потянулся к телефону и неожиданно замер с телефоном в руке.

– Что еще, Антоша?

Антон в изумлении качал головой.

– У меня около сотни неотвеченных звонков.

– Сотни? За эти два часа? А кто звонил?

– Не понимаю. Какие-то люди, все они с именами... Но их никогда не было в моей адресной книжке! Никогда. Они не просто мне позвонили – они ухитрились внести свои имена и телефоны в мою адресную книжку! И этих новых имен, боже мой, столько!

– Русские имена?

– Разные.

– Эсэмэсок нет?

– Эсэмэсок нет.

– Главное, не перезванивай. А то запеленгуешься.

Услышав мой вполне резонный совет, Мотя резко поднялся:

– По-моему, пацаны, пора сваливать.

– Ребята! Смотрите!

По Первому каналу уже несколько минут шел рекламный блок, и тут рекламу чипсов сменил очень странный ролик: выточенное из темного камня лицо женщины анфас с закрытыми глазами на еще более темном коричневом каменном фоне. Музыка, сопровождавшая ролик, не то что завораживала, а просто сводила с ума. Справа и слева от женщины было написано по два слова. Точнее, три слова и число. Калипсол был написан так: КА****ОЛ. Все остальные слова – как обычно. ДЕЙР-ЭЛЬ-БАХРИ, ОДИНОЧЕСТВО и, разумеется, 222461215. Голова не двигалась. Слова не двигались. Вообще ничего не происходило. Только играла сумасшедшая музыка. С завываниями, перезвонами, плачем и черт знает каким ритмом. После обычной рекламы этот ролик выглядел как послание пришельцев.

Мы уставились в телевизор, как зомби. Я рефлексивно, по старой привычке, прикидывал хронометраж ролика. Двадцать секунд. Нет изменений. Сорок секунд. Все то же самое. Голова, три слова и число. Но где-то на пятидесятой секунде голова медленно открыла каменные глаза. Открыла – и через несколько секунд закрыла.

Лучше бы она этого не делала. Лучше бы картинка висела как заставка. Глаза были настоящие. И глаза были страшные. На темно-

коричневом лице постепенно раскрывались абсолютно белые склеры, зеленая радужка и черные зрачки. Мне, например, стало конкретно плохо. Ролик, в котором двигались только глаза, длился невообразимо долго: не менее трех минут. Мотя схватил бутылку, стоявшую на столе, и метнул ее в телевизор.

«Не попадет с такого расстояния», – почему-то подумал я и был прав: бутылка попала в стену и разбилась. Совершенно озверевший Мотя направился к телевизору, но Антон взял у меня пульт и просто переключил программу. Мотя остановился и оглядел сауну совершенно диким взглядом.

На шум пришел банщик и мрачно уставился на осколки от бутылки.
– Пошли, – сказал Антон. – Аня ждет.

Даже мне станет страшно

Мы сидели в том же ресторане, что и утром. Антон протянул Ане свой телефон.

– Аня, это что?

– Я знаю, – очень хмуро ответила Аня. – Мне уже сообщили. Это такой вирус.

Телефон мне казался ерундой по сравнению с телевизором.

– А по ящику что? Ты знаешь, что там идет?

– Знаю. Они готовятся к атаке.

– Готовятся? Да они атакуют. Ты знаешь, что после такой рекламы будет с людьми с неустойчивой психикой?

– Иосиф! Поверь мне! Они пока не атакуют. Когда они начнут атаковать, даже мне станет страшно.

С выходом на белый свет и появлением Ани мы почувствовали себя лучше. Уверенней. Вокруг нас кипела взлетно-посадочная жизнь аэропорта. Мы ждали посадки в ВИП-зале и тихо общались, посматривая на других пассажиров.

– Аня, а зачем вы помогаете нам? Чего хотите?

– Вам каким-то образом удалось несколько раз переиграть хатов. При нормальном развитии событий вы все уже несколько месяцев назад должны были бы стать покойниками. А вы еще живы. Иосифа во время посвящения в Братство зомбировали с применением самых передовых методик. А ему это как с гуся вода. Матвея тоже допрашивали первоклассные специалисты. И опять – ничего. Все это нам абсолютно непонятно. Возможно, вы, сами того не зная, открыли способ побеждать хатов. По крайней мере, наше начальство сочло вас достойным самого пристального внимания и наблюдения. И помощи, разумеется. Что вы думаете, мы всем подряд помогаем получить фальшивые документы?

– Аня, а правда, что хаты попытаются в ближайшее время захватить власть? – спросил я. – Скажи хотя бы то, что можно сказать.

И Аня начала говорить, медленно и осторожно подбирая слова.

– Хаты, благодаря некоторым недалеким политикам (только не требуйте от меня имен), получили доступ к средствам связи. К самым секретным средствам связи. И это очень опасно. Они стали гораздо

сильнее, чем раньше. Больше, извините, я ничего сказать вам не могу. Давайте сменим тему.

Я понял, что она действительно больше ничего не скажет. Ладно, черт с ним. Средства связи – это все-таки не средства ядерной бомбардировки. Значит, все не так плохо.

– Надолго ли нам придется уехать?

– На несколько месяцев. За это время, думаю, мы сможем решить вашу проблему.

– Как, интересно?

– Люди из Братства, которым поручено заниматься лично вами, будут нейтрализованы.

– Убиты?

– Нейтрализованы. Выведены из игры.

Аня сказала это, немного поморщившись, как мама, которой пришлось объяснить любопытному ребенку, что перед тем, как съесть гамбургер, надо убить корову.

Интересно. Вроде бы люди из спецслужб сделаны из той же плоти и крови, что и мы. Только вот к причинению смерти другим людям относятся слишком спокойно. Как мясники. А что мясники – не люди? Я откинулся на спинку кресла.

– Ну что, ребята, полетели?

Это так просто получилось у Ани, так легко, как будто мы летели на средиземноморский курорт. Хотя, собственно, именно туда мы и летели. Море, солнце, сосны.

Понт шумит за черной изгородью пиний.

Чье-то судно с ветром борется у мыса.

На рассохшейся скамейке Старший Плиний.

Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

Мне было интересно сравнить северное японское небо с южным. Если Маша простит меня, я буду рассказывать ей про звезды, про черные дыры, про темную материю и темную энергию – все, что рассказывал мне Антон и всякие научные сайты. Ей будет интересно слушать про звезды, тем более что мы с ней вместе никогда на небо не смотрели. Поэтому следующие слова Антона прозвучали как матерная ругань в церкви.

– Аня, к сожалению, я лететь не смогу.

Немая сцена. Три пары глаз смотрят на Антона. Антон молчит.

Конец сорок пятой главы

Глава сорок шестая

Любовь с интересом

Матвей возмущается, я хлопаю глазами и ничего не понимаю. Аня расстроена, но не удивлена. Похоже, что вот она-то как раз в курсе того, что происходит.

А происходит вот что: Антон не хочет оставлять Дину в Москве. Аргументы, что раз хаты не тронули ее до сих пор, значит, не тронут и дальше, его не убеждают. Он вернулся в Россию. Он снова в игре. И теперь отвечает за жизнь Дины. Впрочем, Антон не понимает, в чем проблема. Он предлагает нам с Мотей лететь по расписанию. А сам присоединится к нашей дружной компании вместе с Диной через пару дней.

Я ни хрена не понимаю. В конце концов, в Москве остаются его родители. Не говоря уже про мать Дины, которая по совместительству является и моей матерью. Не говоря про родителей Матвея. И что теперь? Устраивать семейную эмиграцию в рекордно сжатые сроки? Я не против, но почему было не договориться об этом заранее?

– Почему ты не предупредил нас?

– Вы бы не согласились лететь без меня.

– Нет, ну нормально? – Я начал возмущаться.

– А мы и теперь не согласимся. – Матвей посмотрел на Антона особенным светлым взглядом. Я попытался как-то исправить ситуацию:

– Ты обещал попробовать помирить меня с Машей.

– Я надеюсь, что если примирение произойдет вообще, то случится на пару дней позже. Извини.

Это было жестко, и я замолк. Но Аня не сдавалась.

– Антон, делать Дине совершенно неожиданное предложение и опасно, и глупо. Представь, что она начнет с кем-то советоваться! Притом что хаты мониторят все ее коммуникации.

– Аня! Я же сказал, что этот вопрос улажу сам. Вывози ребят.

Аня бессильно развела руками. А Мотя сделал программное заявление:

– Ну, ребята, допустим, без тебя не поедут. Раз уж у тебя такая любовь с интересом.

В словах Матвея звучала и досада на Антона, и гордость за него.

– Друзья, как ты знаешь, познаются в неверном деле, Антон. Дело твое – неверное. Ты не прав. Мы остаемся. Аня, ты сможешь как-то это разрулить?

Один изъян в плане

Аня вытащила из чехла на поясе телефон. Довольно странный и большой. Причем предназначение нескольких кнопок было мне совершенно непонятно. Она набрала номер и, поговорив немного на иврите, очень озабоченно изложила новый план. Вылет переносится на поздний вечер. За это время успеют подготовить документы и на Дину.

Дина около девяти пойдет на улицу гулять с собакой. Выйдя из подъезда, она увидит на земле звонящий сотовый телефон с незасвеченной симкой. На дисплее определится, что звонит Антон, и Дина, естественно, возьмет трубку.

У Антона будет две-три минуты, чтобы убедить ее лететь с нами. Она должна будет вернуться, собраться за полчаса и прямо с собакой пойти в ближайший супермаркет, откуда мы через служебный выход вывезем их в аэропорт. Если Антон не сможет ее убедить (а я лично был почти уверен, что не сможет), он должен взять с нее слово молчать об этом разговоре.

Не рассказывать никому на свете – ни родителям, ни подругам. Потому что от этого зависит жизнь и безопасность всех этих людей. Собака полетит с нами. (Я вспомнил их ньюфаундленда и поежился.)

Антон полностью согласился с планом. Я увидел в нем лишь один изъян: Дина никогда на такую авантюру не пойдет. Я хорошо знал свою сестру. В ее жизни событий, не запланированных как минимум за месяц, не происходило. Но Антон был готов лететь без Дины, если она откажется.

«Неужели эта одиссея так никогда и не кончится? – думал я. – Обидно прямо из бизнес-зала Шереметьева вместо полета к теплу возвращаться в холод и новые опасности».

Но понимая, что нытьем делу не поможешь, я решил переключиться на что-то более позитивное.

– Аня, а что за телефон такой?

– Это наша армейская разработка. Но если тебе надо позвонить, ты звони по нему, как по обычному. Лишних кнопок лучше не нажимай.

Аня протянула мне телефон, и я стал осторожно его рассматривать.

– Да мне особо некому звонить. Мама знает, что я в бегах, ее лучше не расстраивать тем, что я в двух шагах, а увидеть меня нельзя. Кое-

кто со мной говорить вообще не хочет. Расскажи лучше, какие у него функции.

– Он может подключаться к чужим телефонным разговорам (к обычным, к сотовым и к спутниковым), ну и само собой, записывать их. Может работать без сети в любой местности через спутник. В нем есть видеокамера с функцией ночной съемки в инфракрасных лучах и термальная камера, сам он является прибором ночного видения. Есть газоанализатор и лазерный дальномер. Он автоматически распознает любые взрыватели с часовым механизмом. И умеет стрелять.

– Ни фигя себе! Вот прямо умеет стрелять? А если я случайно застрелюсь?

– Не волнуйся, он на предохранителе.

– А откуда он стреляет? – изумился я, пытаюсь найти в нем хоть одну дырку.

Антон посмотрел на меня утешающим взглядом. Он, похоже, был знаком с этой игрушкой.

– Он стреляет из того места, про которое ты думаешь, что оно антенна.

– Да, – кивнула Аня, – ствол и антенна объединены.

– Батарейку он небось жрет как бешеный?

– Не то слово, – усмехнулась она, – у меня четыре сменных с собой.

Это было первое подобие улыбки на ее лице после нашей встречи в Москве.

Грузовик с надписью «Хлеб»

Рыжий шофер сменил скорую помощь на «газель» с надписью «Хлеб», сидеть в кузове которой было значительно менее приятно. Не успели мы проехать и пару километров, как еще до въезда в Москву я через маленькое окошко заметил рекламный щит, на котором крупными темно-желтыми буквами на темно-коричневом фоне было написано: «Дейр-эль-Бахри», «Ка*****ол», «Одиночество» и стоял телефон «+7(495)2224612, доб. 15».

– Везде, – сказал я. – Везде.

– Да, – отозвалась Аня. – Сегодня с трех часов. И по радио, и в интернете. И судя по нашей информации, завтра будет во всех ведущих газетах.

– Аня, народ ведь рехнется на это все смотреть!

– Потребуется несколько дней, чтобы это прекратить. С русскими спецслужбами очень трудно договариваться, если нет политического решения. Трудно и, главное, долго.

– А политического решения нет?

– Нет. Пока нет.

Аня покачала головой. Я тяжело вздохнул. Моте не понравились наши депрессивные вздохи.

– Что означает это гребаное число? Я, пока валялся в психушке, пропустил все самое интересное.

Я вздохнул:

– С числом у нас нет понимания. Антон считает, что в нем заложен какой-то метафизический смысл, чуть ли не мистический, а я считаю, что смысл числа совершенно реальный и конкретный. Это некая угроза для хатов.

– Мне нравится это число.

Мотя сидел с важным невозмутимым видом и смотрел на Аню.

– Чем нравится, Мотя?

– Тем, что оно – структурное. И красивое.

– Мотя, да ты эстет!

– Разумеется. А ты не знал, что ли?

– Нет, – честно сказал я.

– А еще я крутой и неуязвимый.

– Задолбал, Мотя! Сглазишь ведь.

Нефига так на меня смотреть

Через два часа мы сидели в «газели» у служебного входа в супермаркет в двух минутах ходьбы от дома Антона. Час назад Антон позвонил Дине, и она согласилась. Но потребовала час на сборы вместо получаса. Расспрашивать его, как у него вышло ее уговорить, ни Мотя, ни я не рискнули. Согласилась Дина, и слава богу.

Хотя я немного удивился. Дина, строго говоря, редко соглашалась на что бы то ни было. Почти на любое предложение – от невинного до стремного – Дина отвечала немотивированным отказом уверенного в себе мизантропа. «Яркая, умная, злая», – сказал однажды о Дине Матвей. И никто не возразил. Ни я, ни Антон. Мотя, разумеется, имел

все формальные права назвать Дину злой. Но я в глубине души все-таки считал ее доброй. Просто обстоятельства сложились так, что показывать свою доброту ей было неудобно. Страшно.

Стыдно. Не знаю что. А может, у меня по отношению к ней развился стокгольмский синдром – в детстве Дина не давала мне спуска.

Один раз я получил от нее по голове за взгляд. Не за какой-то особенный, а за обычный недерзкий взгляд. Было это так: мы сидели каждый в своем углу обеденного стола. Я решал домашнее задание по математике. Дина думала о чем-то и казалась свободной. Она секла математику на уровне, как мне казалось, моего учителя. Поэтому я просто спросил у нее, как решить какую-то дурацкую задачку по геометрии, которую я ненавидел. Дина отмахнулась и сказала взрослым голосом: «Решай сам, а то никогда не научишься». Я засопел и посмотрел на нее. Она поймала мой взгляд, слезла со стула и пошла ко мне. Я был уверен, что разжалобил ее и она идет, чтобы мне помочь, поэтому протянул ей тетрадку с заданием. Она же, не взглянув на тетрадку и глядя мне прямо в глаза, отвесила с размаха пощечину, да так, что я чуть не свалился со стула.

– За что? – чуть не заплакал я от боли, обиды и невозможности закрыться руками – они были заняты тетрадкой.

– Нефига так на меня смотреть, – сурово ответила мне Дина.

– Как «так»? – уже рыдая, спросил я.

– Жалобно, – ответила она.

Она вообще не любила, когда на нее смотрели. Однажды, спустя годы после того, как она довольно резко отозвалась о каком-то вполне достойном сентиментальном фильме – по-моему, это была «Голубая бездна» Люка Бессона, – я не выдержал:

– Дина, я знаю тебя столько лет, сколько живу. Но я не вижу, не знаю и не могу понять, что у тебя в душе!

– Нечего смотреть в мою душу, – по-обычному зло и вместе с тем неуверенно ответила она.

– Боишься, что я увижу там что-то страшное? – невинно поинтересовался я.

– Да. И не хочу тебя пугать раньше времени.

У нас проблемы?

Рядом с нами разгружали молоко и памперсы две таких же, как наша, «газели». На молочной «газели» было написано «Молоко». На памперсной не было написано ничего. Все немного нервничали, и я решил отвлечься разговором:

– Аня, а почему бы хатам, если они такие всемогущие, не устроить какой-нибудь мировой кризис? Например, ядерную катастрофу. Или отравить всех жителей Москвы каким-нибудь токсином через водопроводную воду. Или еще что-нибудь придумать.

– Современный мир довольно устойчив. Не так просто осуществить масштабный теракт с большим количеством жертв. Спроси у исламистов, если мне не веришь. Требуется много ресурсов. Но это с одной стороны. А с другой, по нашим данным, хаты сменили тактику. Они отказались от стратегии мелких катастроф. При этом они уделяют самое пристальное внимание России. Но глобальные злодеяния – не такая простая задача, как я уже говорила. Ядерные боеприпасы в России охраняются достаточно надежно. Президент. Чемоданчик. И многое другое. В конце концов, и я здесь не просто так сижу.

– Я пошел, – неожиданно сказал Антон. – Пора!

Он пытался сдерживаться, но я понимал, каково ему сейчас.

– Антон! Мы договорились, что ты не вылезешь из машины, пока Дина не войдет в магазин. А сигнала пока нет. Дина еще не вышла из дома.

– Может, она не хочет ехать с собакой? И ищет, куда бы ее пристроить?

– Типун тебе на язык, Матвей. Ну что ты, правда!

Матвей устыдился и решил защитить Дину.

– Она должна была выйти десять минут назад и не выйдет раньше чем через двадцать. Мне можно верить. Я знаю женщин.

– Это сексизм. Женщина женщине рознь, – не согласился я. – Дина последний раз опаздывала во время собственного появления на свет. И то, по рассказам родителей, всего на полчаса.

Тут зазвонил Анин мобильник. Аня ответила на иврите. Я вопросительно посмотрел на Антона. Он прислушался и совсем помрачнел.

- Подозрительная машина у входа в супермаркет, – перевел он.
 - У нас проблемы? – деловито поинтересовался Матвей.
 - Сейчас она договорит, и пойдем, – сказал я.
- Аня дала отбой телефону.
- Все идет по плану. Просто подозрительная машина.
 - Где?
 - Прямо сзади нас. Черный гелендваген.
 - Он заблокировал выезд?
 - Нет. Пока все о'кей.

Они еще за мою больницу не расплатились

И тут у Ани снова зазвонил телефон. Она опять заговорила на иврите. В этот раз разговор длился дольше. А секунд через тридцать ее разговора Антон вскочил и попытался вырваться из машины. Аня одернула его со всей силы и заорала: «Шеф!^[41]» «При чем тут шеф?» – подумал я.

Аня стремительно наклонилась к шоферу и что-то быстро ему сказала. Шофер врубил по полной, так что «газель» взревела, развернулась почти на месте и ее на полном ходу вынесло со двора. Мы все, включая Аню, попадали со своих скамеек. Я рефлексивно подтянулся к заднему окошку и увидел, что за нами рванул черный гелендваген. Не успел я подумать, что это значит, как гелендваген подскочил метра на два, и, освещенный яркой огненной вспышкой снизу, перевернулся на бок, и сделал несколько поворотов вокруг своей оси.

«Ни фига себе у нас „газель“. А Джеймс Бонд на какой-то фигне ездит», – почему-то пришло мне в голову. Через секунду я решил, что наша «газель» ни при чем, а в гелендваген стреляли из гранатомета те же люди, которые предупредили нас о подозрительной машине. Аня скомандовала: «Всем лечь и не подниматься!» Мы понеслись по городу. Я обратился к Антону, голова которого упиралась мне в живот:

- Что там?
- Дину похитили!
- Кто?
- Что «кто»?!
- Как?

– Запихнули в машину прямо у подъезда.

– А собака?

– Что «собака»?!!

– Кошмар!

Несколько минут мы тряслись молча.

– Они еще поплатятся, – вдруг каким-то очень низким голосом сказал Мотя. – Они еще за мою больницу не расплатились!

– Я прошу всех молчать! – Голос у Ани был ледяной.

И зачем-то мне в голову влезла песня, да и не песня даже, а кусок музыкального проекта на стихи Генделева, валяющийся без дела где-то на ютубе.

Вот мы и дотанцевались

доктор Лето

доктор Лето

в польку-бабочку с музычкой инвалидной полковой

как нелепо как нелепо

так нелепо

как еврей на Первой мировой

Трясло на полу жутко. Я задумался. Конечно, и у спецслужб бывают проколы. Но, скорее всего, виновата сама Дина. Она не послушала Антона и позвонила кому-нибудь со своего мобильного или с домашнего телефона. Бедный Антон...

И, кажется, зря он обвинял хатов в бардаке.

Действуют они быстро и безупречно. Хотя – что значит безупречно? Мы же смогли от них уйти. Кажется. И я поднялся на локтях, чтобы посмотреть, куда мы едем. Мы свернули с трассы, и вокруг нас были какие-то склады и гаражи. Через минуту «газель» остановилась. Аня села на свое место и полезла в сумку.

– Иосиф – на выход. Вот адрес. Вот новая симка. Вот номера Антона и Матвея. И мой. Это карта местности. Тебе нужно по ней добраться до дачи. Ты садишься прямо здесь в электричку на платформе Москва-Сортировочная. Дальше все прочтешь. Телефонами пользоваться только в самых исключительных случаях и не больше чем по одной минуте. Ни на какие номера, кроме ваших, не звонить. Много не говорить. Ключевые слова в разговорах не использовать – все разговоры слушает робот. Деньги есть на всякий случай?

– Денег полно. Тысяч десять долларов.

– О'кей. Без инструкций ничего не делать. Вообще ничего. Вопросы есть?

– А ребята?

– Каждый будет жить на своем месте.

– А что с Диной?

– Мы будем разбираться. Поторопись, если у тебя нет вопросов.

– Пока, ребята, – растерянно сказал я. – Будьте здоровы. Созвонимся.

– Будь здоров, – отозвались Мотя с Антоном.

Я подумал, что иногда обычное прощание восстанавливает утраченный за долгое время использования смысл.

Почти стемнело. Я вылез из «газели», увидел платформу, серевшую между гаражами и заборами. Оглянулся на отъезжающую «газель», подумал, что оглядываться не стоит, и уныло побрел на платформу. Дождь продолжал моросить.

Я попытался представить себе, где сейчас Дина.

В голове у меня продолжало звучать:

Доктор Лето

сердце это или это канонада

это наших глаз секрет или уже горчичный газ

георгинов августейших посылаю

с клумбы ада

с нарочным

от имени всех нас

Конец сорок шестой главы

Глава сорок седьмая

Наивные шестидесятые

Дождь так и не прекратился. Я третий день жил на даче каких-то милых людей, интеллигентов шестидесятых – семидесятых годов. Наверно, их наследники разъехались кто куда, а дачу, на которой проводили детство, сдали в аренду, чтобы двумя сотнями долларов в месяц – а больше этот фанерный домик не стоил – поддерживать свой скромный бюджет.

О судьбе Дины не было известно ничего. Аня улетела в Израиль – как она объяснила, для уточнения деталей операции. Мы, следуя ее инструкциям, переговаривались между собой изредка. Сказать нам друг другу было нечего. Антон стал каким-то мягким и задумчивым. Матвей злобно отшучивался.

Меня одолевала депрессия. Я позавтракал бутербродами с сыром и медом. Потом прошелся по даче. Залез в огромный неуклюжий книжный шкаф, лишенный стекол.

Взял несколько книг. Жюль-Верн «Из пушки на Луну». Дюма «Три мушкетера». Марк Твен «Том Сойер». Поставил обратно. Подумал, что любая дача с ее книгами и абажурами – это музей нашей прошлой жизни. Вытащил переплетенную подшивку журнала «Огонек» за 1961 год. Нашел апрельские номера. Посмотрел в голубые чистые глаза Юрия Гагарина. Узнал, что в 1971 году мы высадимся на Марсе и Юпитере, а к 1981 году первая советская межгалактическая экспедиция покинет пределы Солнечной системы. Что люди будут жить до двухсот лет. Наивные все-таки были люди в шестидесятые. Верили в прогресс, в науку. Да во что они только не верили!

Как наступало Средневековье?

Вот оно – поступательное движение прогресса. Оно, если еще не остановилось, то уже явно замедлилось. Так ведь не ровен час, и Средние века наступят. Один раз это уже случилось.

А значит, может случиться и во второй. Меня всегда волновал вопрос: как наступали Средние века? Как становились непроезжими дороги, ветшали здания, пересыхали фонтаны, забывались рукописи, зарастал травой Колизей, так что на нем в V веке уже паслись козы? И связано ли это с появлением христианства – религией рабов и обездоленных?

Христианство, победив в масштабе империи, запретило давать деньги в рост. Этому ранние христиане научились у евреев. Но то, что было честным и неплохим принципом для маленьких сплоченных сообществ (мы тоже одалживаем друг другу деньги беспроцентно), обернулось сильнейшим экономическим кризисом, когда стало законом для огромной страны. Запрет на кредиты разрушил и торговлю, и промышленность.

Налоговые поступления иссякли. Ручейки языческого и еврейского ростовщичества не спасали, да и общая идеология общества того времени тоже была крайне антибуржуазна. Воинственно антибуржуазна. Образцами для подражания стали не полководцы, а отшельники. Налоги перестали платиться, армия рассыпалась, и цивилизация кончилась. Кстати, первые банки появились там же, где и первое Возрождение, – в Италии.

Благодарный взгляд васильковых глаз

Я вернул «Огонек» на место и затопил маленькую железную печку. Потрогал фарфоровые статуэтки на буфете. Прошелся по даче и взял старую лыжную палку. Потыкал ею в пол. Потом вернул ее к лыжам. Поежился. Классическую русскую дачу окружает поле зыбкости, нестабильности и непрочности. Чего-то временного и неуверенного в собственном долге существования. Кажется, что если повернешься как-нибудь не так, слишком резко, или неаккуратно что-то заденешь, то все окружающее развалится и исчезнет.

Я пошел на кухню, граничащую с верандой, и взял ручную кофемолку. Долго крутил ручку и намолотил себе кофе. Мне всегда казалось, что кофе, смолотый и сваренный без применения электричества, вкусней. Сварил кофе. Выпил кофе. Еще походил по дому. Снял со стены старую рассохшуюся гитару, явно пережившую тут не одну зиму.

Попытался сыграть вступление к *Stair way to Heaven*. Получилось неплохо. Старая гитара, на удивление, строила, и во мне что-то начало поправляться. Какая-то пружина щелкнула, выбилась, а десяти нот оказалось достаточно, чтобы поставить ее на место.

The time is out of joint:

O cursed spite,

That ever I was born to set it right!

Nay, come, let's go together, —

как прочел я вчера в найденном двуязычном параллельном издании «Гамлета» для советских студентов, изучающих английский язык и литературу.

Неожиданно на меня нахлынули дачные романтические воспоминания. Лето. Мне тринадцать. У меня каникулы. Я свободен, и я схожу с ума от настоящего детского счастья первого свидания. Какая великая вещь – предвкушаемое счастье. И трижды великая – сбывающееся предвкушение. Запахи леса. Птицы орут черт знает что. Замирающее дыхание: «А пошли в шалаш?» – «Ну, пошли». – «А можно я посмотрю на твою руку?» – «Смотри, если ты так хочешь».

Ее голос тебя завораживает. Тебе кажется, что каждая линия ее запястья – верх совершенства, которым тебе можно и нужно овладеть. Но как? Может, предложить ей поцеловаться? Страшно. А тебя все переполняет, и ты не понимаешь, куда все это тонкое и сильное деть. Сердце бьется, рвется и едва не выплескивается. И ты провожаешь ее до ее дачи, прощаешься до завтра, со значением пожимаешь руку и по дороге домой начинаешь мечтать. Мечтаешь чуть не до слез. Нарезаешь круги вокруг собственной дачи, пока окончательно не стемнеет и бабушка не начнет волноваться. Мечтаешь о чем-то

невозможном и прекрасном: о том, как ты спасешь ее, и о благодарном взгляде ее васильковых глаз.

Тот, который не разбивается

Я вздохнул и снова полез в книжный шкаф. На этот раз в самом низу я нашел несколько пачек журнала «Природа» шестидесятых – семидесятых годов.

Пачки были перевязаны бумажной коричневой бечевкой – той самой, которой перевязывались пакеты белья из прачечной времен моего детства.

На обложке верхнего журнала была фотография какого-то крупного алмаза. Я развязал пачку. Алмазы были темой номера. Я развернул «Природу», потрогал Звездочку. С тех пор как мы с Машей отстояли ее от приморских бандитов, я носил ее в кожаном чехольчике на шее. Как ладанку. Чехол был Машиным последним подарком.

Слово «алмаз» в переводе с санскрита означает «тот, который не разбивается». Это заблуждение сохранилось и в Средние века. Так, в 1476 году во время войны бургундского герцога Карла Смелого с французским королем Людовиком XI швейцарские наемники, сражавшиеся на стороне короля, ворвались во время одной из битв в палатку Карла Смелого. Увидев там множество бриллиантов, они решили проверить их подлинность ударами молота. Видя, что бриллианты превращаются в порошок, швейцарцы решили, что камни фальшивые. И потеряли целое состояние. На самом деле твердость – это устойчивость к постоянно возрастающему давлению, а не к удару.

Алмаз – самое твердое на земле вещество. Даже вооруженные сверхсовременными технологиями ученые до сих пор не смогли создать вещество тверже алмаза.

Статья сообщала, что на алмазы с давних пор человечество смотрит как на чудодейственные камни. Считается, что человек, носящий алмазы, не знает болезней желудка, на него не действует яд, он сохраняет память и веселое расположение духа до глубокой старости, пользуется царской милостью. Многие до сих пор верят, что алмаз исцеляет все недуги – надо только выпить воду, в которой он находился некоторое время.

Но меня особенно позабавило, что эти драгоценные камни, из-за которых уже пролилось столько крови и бог знает сколько еще прольется, являются всего-навсего разновидностью углерода – одного из самых распространенных веществ во Вселенной и, кстати, основы жизни на Земле.

Углерод со своими четырьмя свободными валентностями входит в состав абсолютно всех органических веществ, являясь в самом полном смысле слова системообразующим элементом жизни. Жизнь без углерода невозможна.

Я прочел статью. Все-таки бриллиант – это не шутка. Я в лице Звездочки обладал явной и признанной ценностью. Я приободрился и позвонил Антону, решив на этой волне подбодрить и его.

Я немедленно начал беспокоиться

– Ну что?

Вместо того чтобы услышать «все нормально» или, на худой конец, «ничего нового», я услышал:

– Да всё.

– Что «всё»? – встревожился я.

Пауза секунды на три.

– Всё нормально. Не беспокойся.

Я немедленно начал беспокоиться.

– Ты что-то задумал?

– Да. Нет. Неважно. Знаешь, после пяти мой телефон будет выключен. Вы с Мотей не волнуйтесь. Всё в порядке.

Голос у Антона был светлый и грустный. Наверно, таким голосом самоубийцы прощаются с близкими людьми, которым они, конечно, не могут ничего сказать о своих планах. Стало очевидно, что на любовые вопросы Антон отвечать не будет. Я сосредоточился и стал спрашивать аккуратно, рассчитывая на усыпление бдительности и неожиданную атаку с фланга.

Согласен ли он с планом Ани? – Согласен, но толку от него не будет. Мы очень недооценили хатов. – А почему бы нам не запустить наш веронский файл в широкую прессу? Это может спутать хатам все карты. – Не надо ничего никуда запускать! (На этом месте интонации Антона сменились с благостных на тревожные – о файле он явно уже думал и принял свое решение.)

Кажется, все очень плохо. Что бы еще спросить?

– Слушай, пора заканчивать, – оборвал мои мысли Антон. – Аня просила нас не разговаривать подолгу.

– Да ладно тебе.

– Иосиф! Все будет хорошо. Take care!

Дело за ерундой

И он отключился. У меня засосало под ложечкой. Я немедленно набрал Матвея.

– С Антоном что-то происходит. Или у него крыша поехала, или он задумал какую-то штуку. Это как-то связано с файлом про хатов и начнется до пяти вечера. Голос у него обреченный.

Матвей замолчал. Я совсем перепугался.

– Эй, ау, ты тут?

– Я-то тут, – задумчиво отозвался Матвей. – А Антон, значит, уже почти там.

– Что это значит?

– Значит, что он решил пойти к хатам в гости. Молодец!

– Матвей! Что ты говоришь? Как в гости? Зачем? Куда? Когда? Мы получили четкие инструкции – сидеть и ждать возвращения Ани. Мы полетим в Израиль. Меня там Маша ждет. То есть не ждет, но это неважно.

– Твоя Аня проваливает все операции. Одну за другой. Начиная с моего освобождения.

– А что ты предлагаешь?

– Пойти с Антоном.

– Ты тоже рехнулся? Это безумие! Куда пойти?!

– Ну, выяснить место, где хаты назначают свидания, – проще простого. Достаточно позвонить им по телефону. Указанному в рекламе. Я, честно говоря, и сам об этом подумывал. Ты, как специалист по числу, этот телефон должен помнить наизусть.

– Я его, конечно, помню. Но что мы им скажем? Что будем делать?

– Для начала перехватим Антона у входа и выясним, что он задумал.

– Мотя, послушай! Антон сошел с ума. Он считает, что хаты захватили Дину из-за него. Мы должны его остановить.

– Ты, Иосиф, вспомни себя. Когда ты бежал из монастыря на военном самолете, ты был лучше? Если бы тебя тогда кто-нибудь попытался остановить на пути к Маше, ты бы его разорвал в клочья.

– То есть ты одобряешь действия Антона?

– Еще как. И присоединяюсь к нему.

– Не сравнивай эту историю с монастырской. Тогда я просто шел на риск. А Антон сейчас идет на смерть. Причем на дурацкую смерть.

– Правильно. Он же самурай. Не боится смерти. Я пойду с ним.

Я вспомнил, как читал где-то, что когда японский император Хирохито уже после атомных бомбардировок американцами и разгрома Квантунской армии русскими в августе сорок пятого объявил

о капитуляции и призвал всех строить мирную Японию, укреплять благородство духа и напряженно работать, то в японской армии началось черт знает что.

Военный министр Анами совершил сэппуку собственной саблей сразу после того, как ему сообщили о готовящемся рескрипте императора. За ним последовали несколько фельдмаршалов, два командующих фронтами, бывший премьер-министр Тодзио и огромное число высших и средних офицеров. Адмирал Угаки, руководивший летчиками-камикадзе, приказал подготовить самолет для своей последней атаки и найти одного добровольца-штурмана. Когда он вышел на летное поле, то увидел одиннадцать самолетов, все из числа исправных, рядом с которыми стояли их экипажи – двадцать два летчика, и все хотели только одного – последнего полета.

Когда русские летчики в 1945 году захватили аэропорт в том самом Мукдене, сражение под которым в 1905 году было так бездарно проиграно их отцами и дедами, четыре японских истребителя, возвращаясь с задания, увидели на аэродроме самолеты противника. Они, не совершая второго захода, круто спикировали и дружно врезались в землю.

Еще один японский адмирал Ониси в своей предсмертной записке написал: «Смертью я хочу искупить свою часть неудачи в достижении нашей победы. Я извиняюсь перед душами погибших пилотов и их семьями. С рвением и духом камикадзе бейтесь за благополучие Японии и за мир во всем мире».

Мир во всем мире. Вот и пойми этих самураев.

Матвей продолжал:

– Я верю в Антона. У него наверняка есть план. Нам просто надо ему помочь.

На секунду я онемел. Лезть в пекло без шансов на успех? Используя вместо оружия в лучшем случае шантаж с ощутимым привкусом блефа? Я вообще не очень-то верю, что с помощью шантажа можно запугать этих монстров.

– Так что, я звоню хатам? Если ты не хочешь, можешь не ходить. Будешь прикрывать нас отсюда. Держать связь с Аней.

Меня не так просто растрогать. Но у Моти это получилось. Он не только был готов поступить как герой. Он еще и предлагал мне благородный способ выйти из игры. Прикрывать их! У меня защипало

глаза. Я полез искать бумажный носовой платок. Есть же настоящие люди вокруг нас. Есть!

– Звони хатам, Мотя! Пойдем вместе.

Мотя заметно приободрился, услышав, что я тоже решил идти.

– Мы умные. Мы что-нибудь придумаем. И мы смелые. Когда хаты увидят, что мы с тобой к ним явились по своей воле, они своими хатскими биорецепторами почувствуют нашу силу. Одно дело – Антон, у которого жена в заложницах. А другое дело – мы с тобой. Которые пошли на это только из сознания собственного преимущества.

– Да, Мотя! Психологическая победа уже за нами. Дело за ерундой.

– Вот-вот. Вспомни, что говорила Аня. Когда мы сидели в *Park Inn*.

– Что она говорила?

– Что мы все уже давно должны были бы стать покойниками. Что, возможно, мы, сами того не зная, открыли способ побеждать хатов. И поэтому эта их спецслужба нам так помогает. Так вот, по-моему, она имела в виду прежде всего тебя. Попробуй нащупать у хатов слабое место. Ты оттрахал их уже несколько раз! Вспомни как! За счет чего?

– Сумасшедший дом! Хорошо! Я попробую.

– В общем, я звоню этим ребятам?

– Звони! Но я повторяю, это безумие.

– Безумные ситуации требуют безумных решений. Но мы прорвемся. Давай номер.

– (495) 222-46-12, добавочный 15.

Я раздумывал над тем, как легко убедить людей пойти на почти верную смерть совершенно добровольно. Лихость и чувство локтя – и вот уже взвод кричит «ура!» и идет в атаку на пулеметные гнезда противника.

Меня тревожило только одно: если все кончится плохо, неужели ни Маша, ни мама так ничего и не узнают?! Впрочем, рассудил я, раз параллельный мир существует, то, во-первых, я найду способ связаться с ними и оттуда. Было бы желание. А во-вторых – во-вторых, я предупрежу Аню. Я пошел в сени и умылся холодной водой. Все начинало вставать на свои места. Уже давно наступила пора навестить моих братьев. Мотя прав: бог не выдаст – свинья не съест.

Конец сорок седьмой главы

Глава сорок восьмая

Больное воображение

Через полчаса Матвей перезвонил.

– До твоих хатов не так просто дозвониться. Занято все время.

– Естественно. Реклама-то работает.

– Но я упертый чувак. Дозвонился и все устроил. Знаешь сталинскую высотку на Красных Воротах? Садово-Спасская, 21.

– Разумеется.

– С гербом СССР. Стоит прямо на Садовом кольце.

– Знаю, знаю.

– Вот там нас ждут. На первом этаже, в правом крыле. В пять часов. Там, наверно, и есть вход в их метро. Ну то есть в их подземный город.

– Скорее всего, – согласился я. – Но есть проблема: мы не знаем точно, когда у Антона там свидание. И не является ли оно вообще плодом нашего больного воображения.

– Не является. Я говорил с Антоном.

– Он подтвердил?

– Он попытался что-то мне втереть, но я послал его и повесил трубку. Мне ехать ближе вас всех. Я выезжаю сейчас и отлавливаю там Антона, а потом держу его, чего бы это ни стоило. Но к половине пятого жду тебя на троллейбусной остановке прямо напротив главного входа.

– До встречи!

Я посмотрел на прошлогоднее расписание электричек, приколотое кнопкой к оконной раме, и понадеялся, что Министерство путей сообщения – структура консервативная и менять просто так ничего не будет. У меня было около часа свободного времени.

Я пересчитал свои деньги: рубли, доллары и евро. Вышло около десяти тысяч долларов. Я подумал и взял все, закрыл входную дверь на ржавый висячий замок и пошел на станцию. Электричка пришла точно по прошлогоднему расписанию, так что через час сорок я уже был на Белорусском вокзале и сел в такси.

По радио играла какая-то отвратительная русская попса. Я попросил таксиста заткнуть ее. Таксист сменил волну, и я совершенно офигел, услышав:

There's a lady who's sure

All that glitters is gold

And she's buying a stairway to heaven.

When she gets there she knows

If the stores are all closed

With a word she can get what she came for.

Вот ведь мистика. Вот ведь совпадение. Нет. Это не случайно. *All that glitters is gold*. Минуточку. Так даже по-русски говорят: не все то золото, что блестит. Хм. А ведь алмазы тоже блестят. И еще как. Алмазы. Бриллианты. А не моя ли Звездочка спасла меня, когда я в первый раз навещал хатов и находился под их психофармакологической обработкой? А не она ли была со мной и во время перестрелки, и во время всех последующих приключений? А Мотя вылез, кстати, с помощью алмазного колпачка на ручке. Я потрогал на груди Звездочку.

Интересно. Люди всех цивилизаций считают алмаз талисманом. Противоядием. А может, это неспроста?

Будучи скептиком, я считал, что талисманы работают, только когда владелец талисмана сам верит в его сверхъестественные свойства. Но мой скептицизм не отменяет понимания, что, возможно, есть законы, еще не открытые. И силы, действие которых еще не подтверждено, а только подозревается. Так почему бы мне, раз у меня есть Звездочка,

не купить прямо сейчас, по дороге, пару алмазов для Антона с Мотей? Вдруг помогут? А даже если и нет – уверенности в любом случае добавят.

Во мне стремительно росла убежденность, что именно так и следует поступить. Не понимаю, откуда она взялась. Но ведь что-то алмазное было и в готической новелле. И в истории про Хатшепсут. Хм. Когда моя уверенность стала бить через край, я попросил шофера высадить меня у ЦУМа и объяснил, где меня ждать.

Нужны мужские перстни с бриллиантами

If the stores are all closed. Но магазины, слава богу, были не закрыты.

Я вошел в ювелирную секцию ЦУМа таким быстрым уверенным шагом, что бритоголовый охранник инстинктивно положил руку на кобуру. Я сбавил темп и произнес голосом, каким интересуются, есть ли в магазине картошка:

– Нужны мужские перстни с бриллиантами. Пара штук. Есть?

Продавщица с лицом чернобурой лисицы ответила мне абсолютно в тон, чуть не передразнивая меня:

– Нет мужских перстней с алмазами!

– А что есть с алмазами?

– Есть женские кольца с бриллиантами.

– Не то.

– Есть кулоны. Но они тоже женские.

– Плевать, давайте женские. Только чтоб камень был покрупнее.

Кулон – это даже лучше.

Она тревожно на меня посмотрела. Охранник придвинулся и стал прямо сзади меня. Я оглянулся.

Руку с кобуры он уже не снимал. В бутике повисло молчание. Я почувствовал, что время стало дороже денег. И тратить его на объяснение с придурками жаль.

– Где обмен валюты?

– За углом направо.

Через пять минут я снова стоял перед витриной. Справа от меня лежала очень толстая пачка рублей.

– Кулоны с бриллиантами, – сказал я. – Я беру два. На всякий случай.

– Что?!

– К сожалению, времени объясняться у меня нет. Считайте деньги. И если можно, поскорее.

– Подождите, – жалобно сказала продавщица, когда процедура проверки и пересчета денег была закончена. – Давайте я их вам упакую в подарочные коробочки.

– Не надо коробочек! – сказал я с самым невозмутимым видом и положил в карман оба кулона, как сдачу от покупки билета в кино.

– Нет, ну как? А квитанции? Сертификаты?

– Оставьте себе! Или нет. Может быть, я найду за ними позже.

– Может быть?

– Может быть. Или найду, или не найду.

Я вернулся в такси. На экипировку бриллиантами у меня ушло около десяти минут и примерно столько же тысяч долларов. Штука в минуту. Хороший результат. Набрал Аню. Включился ее автоответчик.

Я объяснил автоответчику, что мы планируем делать, где нас искать в случае чего, и извинился за то, что происходит. Мне, честно, было очень неудобно. Попросил передать Маше, что я ее люблю.

Что ты хочешь, чтобы мы с ними делали?

Я опоздал и вылез из такси у троллейбусной остановки на Красных Воротах без пяти минут пять. Матвей стоял рядом с Антоном. От Матвея веяло расслабленностью и уверенностью. От Антона – сосредоточенностью.

– Готовы к бою?

– Это вместо «здрасьте»? Ну, допустим, готовы. И что? – Мотя скептически посмотрел на меня. Судя по всему, он считал, что у меня недостаточно полномочий проверять его готовность к бою.

– Тогда я раздаю вам патроны.

Я вытащил из кармана кулоны и протянул их Антону и Матвею. Антон принялся рассматривать свой кулон. Мотя взял свой двумя пальцами и, вытянув руку, держал его на некотором расстоянии.

– Ты ограбил ювелирный магазин? И эти кулоны, кстати, женские. За кого ты нас принимаешь?

– Насколько я понимаю, – сказал Антон, – Иосиф потратил на это все свои деньги. Уверен, у него были причины покупать такие дорогие сувениры.

– Что ты хочешь, чтобы мы с ними делали? – спросил Мотя и покачал на ладони оба кулона, словно пытаюсь оценить их вес.

– Оторвали цепочки и засунули себе в рот.

– В рот?

– В рот!

– Ты ничего не перепутал?

– Так их в случае чего не найдут при обыске.

Мне, кстати, тоже надо не забыть засунуть в рот Звездочку, подумал я. Делать это при друзьях я почему-то постеснялся.

– Начни с себя, – подозрительно сказал Матвей.

– О'кей, – вздохнул я, снял кожаный мешочек, вынул из него Звездочку и засунул ее в рот.

– Говорить не мешает? – поинтересовался Мотя.

– Нет, быстро привыкаешь.

– Дорогие амулеты?

– Очень дорогие. На последние деньги купил.

Мотя с Антоном переглянулись, вздохнули и стали обрывать цепочки.

Мы их трахнем

Мы поднялись по парадной лестнице и вошли в здание. Высоченные потолки. Колонны. Бронза. Мрамор. Сталинский ампир. Охранники оценили нас взглядом, но ничего не спросили.

– Господа! А не пора ли нам составить план? – по-прежнему беззаботно произнес Матвей, озираясь на плохо освещенные капители колонн. – Если мы опоздаем к хатам на десять минут, они от этого нас меньше любить не будут.

– План? – задумчиво переспросил Антон. – У меня уже нет плана. Хотя еще недавно, до вашего появления, был.

– Поделишься старьем?

Антон посмотрел вверх, я проследил за его взглядом. Громадная бронзовая люстра на высоте пятнадцати метров впечатляла, но никаких признаков плана Антона ни на люстре, ни на мраморных сводах я не увидел.

– План был такой. У меня с собой флешка. На флешке – файл. В файле все, что мы знаем про хатов. Мои исследования. Результаты, добытые Иосифом. Наши выводы. Копия этого файла лежит в некотором онлайн-почтовом ящике. И будет разослана через некоторое время по пятидесяти редакциям газет и телеканалов, а также во все основные спецслужбы России, США, Великобритании и Израиля.

– Какие условия неразглашения?

– Гуманные и разумные. Взять в заложники меня и выпустить Дину. В конце концов, зачем хатам Дина? – развел руками Антон.

– Отличные условия. Мы вписываемся в этот план. Только они должны выпустить всех. Вместе с Диной. – И Мотя показал кулак в неопределенном направлении.

– Вы в него не вписываетесь. – Антон раздраженно отрезал воздух рукой. – Потому что выпустить всех, тем более Иосифа, хаты не согласятся. И я еще раз предлагаю вам, как уже предлагал Матвею, выйти из этой игры, пока не поздно.

– Не занудствуй. Поздно. Нас там уже ждут.

– Не поздно. Выйти на улицу для перекура, вскочить в троллейбус, исчезнуть в метро, выкинуть засвеченные симки, вот и все.

– Мы остаемся. И мы их трахнем.

Мотя потер руки в предвкушении хорошей драки. Но меня в плане Антона кое-что не устраивало.

– Ребята, одно уточнение. Запомните! На флешке записано не все. Самое главное и секретное Антон на нее не записал, чтобы хаты невысокой степени посвящения, которые первыми прочтут этот файл, ничего лишнего не узнали. Это вот «Самое Главное Для Хатов» ты, Антон, готов рассказать только устно, только Джессер Джессеру и при личной встрече.

– А что это – «Самое Главное»?

– Пока не знаю. – Я заразился беззаботностью Моти и даже сладко потянулся, разминая мышцы. – Но пока хаты соберутся организовать эту личную встречу, пройдет много времени. Или осел умрет. Или падишах. Или мы что-нибудь придумаем. В конце концов, есть Аня. Она будет в курсе, где мы, как только прослушает автоответчик.

В это время к нам подошел охранник и спросил, что мы тут делаем. Мы и правда выделялись из толпы посетителей. Они приходили и уходили, а мы стояли у колонны и о чем-то трепались уже минут пятнадцать.

– Нам туда. – Матвей твердо показал рукой на правую часть холла. – Мы пришли чуть раньше и сейчас ждем назначенного времени.

Охранник покачал головой и отвалил.

Разговор о тайнах мироздания

Мы направились к правой части холла. Там нас встретил еще один охранник. В другой униформе. Он вопросительно посмотрел на нас.

– Передайте, что Иосиф Мезенин и двое его друзей хотели бы поговорить с Джессер Джессеру о тайнах мироздания.

– С кем? О чем?!

– Вы передайте, там поймут.

Охранник пожал плечами и сказал в рацию примерно следующее: «Иосиф Мезенин плюс два к какому-то Джессеру». На том конце раздалось шипение. «Понял, сейчас разберемся!» Матвей присел на стилобат ближайшей колонны. Антон молча смотрел куда-то вперед и

вверх. Мне показалось, что он молится. Через минуту рация зашипела опять, и оттуда раздалось: «Пропусти».

Охранник кивнул и указал нам головой на дальний конец коридора. Мы прошли, оглядываясь. Ничего интересного. Помпезные бронзовые люстры, поменьше, чем в холле, но в том же стиле. Черные высокие двери. В конце коридора нас снова встретил охранник, нажал на кнопку, проследил, чтобы мы вошли в кабину лифта, и затем, нажав еще одну кнопку, вышел. Мы поехали вниз одни.

Где-то через минуту лифт остановился. Я приготовился выходить, но двери не открывались.

– Вам не кажется, что пахнет газом? – спросил Матвей каким-то изменившимся голосом.

«Это наших глаз секрет или уже горчичный газ?» – успел вспомнить я Генделева – и провалился.

Конец сорок восьмой главы

Глава сорок девятая

Изменить цвет вечности

Сначала мне показалось, что наступила вечность. Потом я понял, что для вечности все какое-то слишком коричневое. Я решил, что, когда стану богом, обязательно перекрашу вечность в черный цвет.

I look inside myself

And see my heart is black

I see my red door

And I want it painted black

Потом я подумал, что думаю. А раз думаю – значит, живу. Привет Декарту. Значит, еще не вечность. Да и кто же запустит в моей голове *Rolling Stones*, если уже все кончилось?

Ну что ж. Кажется, я знаю, где я. И раз я опять попал в параллельный мир, надо бы выяснить что-нибудь новое и важное. Интересно, а как это тут делается?

Делалось это так. Для того чтобы с кем-то поговорить, нужно было вызвать в сознании образ этого человека. Хотя «вызвать» – громко сказано. Все это происходило совершенно неуловимо. Легкие подрагивания ресниц. Движения глаз. Еле заметный кивок головы. Я немедленно попытался связаться с Химиком и беззвучно воззвал к нему. Он появился почти моментально.

– Привет! – сказал Химик. – Как ты?

Он звучал немного отрешенно. Однако мое появление его явно обрадовало.

- Пока нормально. А ты?
- Ну так. Не очень.
- Как тут вообще? Плохо?
- Плохо.
- Всем?
- Мне – особенно.
- Тебя мучают?

Пауза. Химик явно не хотел говорить на эту тему.

- Они внушают мне, что я – один. Вообще. Во всей Вселенной.
- И с Лилей ты не видишься?
- Нет.

Химик отвечал медленно, задумываясь над каждым ответом.

- А как же тебе разрешили поговорить со мной?

Снова пауза.

- Сам удивляюсь.
- Послушай... – Мне даже в трипе было неудобно об этом спрашивать. – А когда тебя посвящали... ты убивал ребенка?
- Символически. Этот обряд давно заменен. Сейчас закапывают куклу. Пластмассовую. Специально изготовленную. Все равно ужасно.
- Почему ты изменил им?

Опять пауза.

- Мне показалось, путь хатов – неверный путь.
- Потому что они воплощают зло?
- Так можно сказать, но это неточно. Просто у них – неверный путь.
- Что ты хотел от Окама?
- Совета, что делать со шкатулкой. Знаешь, очень трудно изменить хатам, если ты уже хат.

Силуэт Химики как бы болтался в воздухе, не находя себе покоя.

- Вообще изменять нелегко. А что шкатулка? Эта та, которую Хапусенеб изготовил?

Химик говорил не совсем понятно, но какую ясность мы можем требовать от снов и трипов?

- Шкатулка последнего приюта. Я имею в виду посвященных. Они все про нее знают. Она несколько лет назад переехала в Россию. Мне было трудно бросить хатов, потому что я уже знал, что другой мир существует. У меня был настоящий смысл жизни в этом мире. А видишь, как мне теперь? – И он неуверенно улыбнулся – так, чуть

виновато, должно быть, улыбаются люди после ампутации ноги, когда их первый раз навещают родственники.

– Вот теперь начинаю понимать. Ты – герой, Химик. Правда герой. Без пафоса. Ты бросил свою компанию, когда она оказалась плохой.

– Ну, вас-то я не бросил.

– А мы – хорошие. Чем мы можем тебе помочь? Мы сделаем все, что сможем.

– Найдите мою голову и похороните рядом с телом.

– А где она?

– Я не знаю. Где-то у них. У вас скоро появится возможность узнать где. Прости, мне надо уходить.

– Стой, еще секунду. Я запутался. Как устроен параллельный мир с точки зрения Евклидовой геометрии? У него есть реальные трехмерные координаты? Есть дверь в него из нашего обычного мира?

– Вряд ли.

– Но тем не менее он расположен недалеко от Земли?

– Не пытайся воображать. Это невозможно себе представить. Это другое измерение.

– Но этот мир реален?

– Реален, потому что его можно описать с помощью математического аппарата, реален, потому что проявления его можно встретить повсеместно, но представить себе это в голове – невозможно. Как у вас с Машей?

– Что значит «как у нас с Машей»?

– Вы взаимодействуете друг с другом на разных уровнях, в том числе и на тех, о которых не подозреваете.

– Не понимаю. Маша меня послала. И больше со мной не общается.

– Вас объединяет нечто большее, чем вы сами думаете.

– Ребенок?

– Да. Но это не просто ребенок.

– Не понимаю.

– Плохо. Это надо понять. Прости, мне уже совсем пора. Я больше не могу.

– Понимаю. Держись! Мы поможем, если сможем.

Я влюблялся в своих врагов

Химик исчез. Я подумал о Наполеоне. Появился Наполеон. Без всяких сюртуков и треуголок. Больше всего он походил на маленького медного Будду. Вообще место, куда я попал, своими медными проблесками, каким-то свечным мерцанием, а также разными степенями божественности и нечеловечности обитателей походило на череду переходящих друг в друга буддистских храмов.

– Зачем вы пошли на Москву?

Я обращался к нему на «вы», но это было необязательно, потому что речь как таковая не звучала. Да и французского я не знал. Мы обменивались мысленными импульсами, которые я отлично понимал, а конвертировал их во фразы лишь для того, чтобы запомнить.

– Идти на Петербург было неинтересно.

– Неинтересно?

– Скучно. Конечно, я бы разбил Александра Павловича, отнял бы Прибалтику с Польшей и заключил новый мир. Ну и что? Где поэзия? Мне нужна была Индия. А затем Китай. Я должен был стать Александром Македонским. Петербург – один из европейских городов. Я брал их десятками. Мне надоело. Азия – что-то совсем другое. Великое. Я это понял еще в Египте. А Москва – начало Азии. Ее форпост. И лучший опорный центр для последующего движения на восток.

Я не знал, о чем еще спросить у Наполеона. Но церемониал, который я хорошо чувствовал, требовал продолжить беседу.

– Воевать – легко?

– Легко? Воевать? Война – это переходы (шестнадцать часов на марше без отдыха), грязь (опять конь поскользнулся и вывихнул ногу), жизнь в палатках (насморк – всегда), снабжение (интенданты – воры! ненавижу!), еще переходы (*boots boots boots boots movin' up'n down again*), усталость («Солдаты и лошади истощены, ваше величество!»), разорванные коммуникации (пять дней нет почты из Парижа), болезни (чумные бараки переполнены), жара (а не раздеться!), еще переходы (куда, куда мы все идем?!), оставшие обозы (расстрелять дезертиров!), нехватка боеприпасов (кто их считал?), бардак (где корпус Нея?! почему Жером отстал?), холод (бр-р...), запах немых тел (двенадцатый день без горячей воды и чистой одежды). И иногда сражения. Редко. Каждое сражение – это счастье. Чистое счастье.

– Вы ненавидели своих врагов?

– Я в них влюблялся. Полюбив, я овладевал их образом мыслей. Ведь гораздо проще понять то, что любишь. А потом я их побеждал, потому что гораздо проще победить то, что понимаешь.

– А что нужно делать, чтобы победить?

– Подключиться к победе. Включить себя в нее. Пропитаться ее запахом. Растворить себя в ней до того, как она настанет. Но не дай бог ее вообразить.

– Вообразить?

– Да. Вообразить, представлять, предвкушать. Не дай бог. Нельзя.

На самом интересном месте Наполеон исчез. Он объяснялся куда яснее Химики, и я подумал, что такие люди, как Наполеон, сохраняют способность ясно изъясняться даже после смерти.

Мне показалось, что уже пора выбираться из параллельного мира. Но не тут-то было.

– Как ты там, сынок?

– Папа?

Я даже в трипе обомлел. Ничего не знаю про эдипов комплекс. Наверно, он не у всех. После смерти отец много раз снился мне. Он так легко и ласково гладил меня по голове, что я, просыпаясь, презирал Фрейда. Вот и сейчас мне показалось, что он провел рукой по моей голове. Сзади. Еле заметное прикосновение. Мой большой и очень добрый отец. Мудрый и грустный.

– Мы гордимся тобой. Ты не представляешь себе, какая судьба тебе выпала. Думай о числе. Думай о Шкатулке последнего приюта. Все связано между собой.

– Что? Папа, я не понял! Какая судьба? Опять шкатулка? Я про нее ничего не знаю. О числе? Понятно, о числе. Но что же вы все исчезаете?!

Что мы будем чувствовать, когда начнем воскресать?

Вы исчезаете, а я – что? Воскресаю? Я подумал самым краешком мозга, что воскресение из мертвых будет чем-то напоминать вот это мое пробуждение.

Постепенное обретение нового сознания. Постепенное обретение нового тела. А правда, что мы будем чувствовать, когда начнем воскресать? И начнем ли вообще? Фома Аквинский писал, что воскреснет лишь то, что необходимо для действенности естества. Что это значит? Что у нас будут не все органы, а только необходимые?! Так ведь это – кому что необходимо... Если Фома прав, то такие монстры могут получиться, что Босх в гробу перевернется. И, кстати, откажется воскресать. Хотя вряд ли его спросят.

«Чаю воскресения из мертвых и жизни будущего века...» Судя по тому, что происходит со мной, воскресение – это не только результат, но и процесс. Постепенное обретение самого себя в новой реальности.

Бесплотность параллельного мира исчезала. Вместо нее приходило ощущение собственного тела. И это тело лежало на чем-то очень жестком и холодном.

Пошевелив языком, я убедился, что Звездочка со мной. Я открыл глаза. Меня окружала полная темнота, и на мгновение я даже испугался – не ослеплен ли я. Но затем взял себя в руки и успокоился.

Я решил полежать еще немного, чтобы полностью прийти в себя. Выяснил, работает ли память. Вспомнил, как меня зовут, девичью фамилию моей матери и какой у меня основной имейл. Потом я проверил, работают ли руки и ноги. Они отзывались на команды. Затем ощупал себя. Я был одет в какую-то фигню. Не то греческий хитон, не то арабская галабия, но с рукавами и капюшоном. Лежал я на каменной, хорошо отполированной лавке. В полной тишине. В полной, невероятной, совершенно загробной тишине.

Решив, что пора подниматься, я свесил ноги, но до пола не достал. А если подо мной метров пять воздуха? А если пятьдесят?

Я начал аккуратно сползать на животе с постамента и наконец коснулся пола. Я осторожно пошел в сторону, выставив руки перед собой, и довольно быстро наткнулся на стену. Я двинулся вдоль стены, придерживаясь за нее, и вскоре нащупал нишу. Пошарив в нише,

обнаружил коробок спичек. Я очень обрадовался этому вполне материальному предмету, прищурился и чиркнул спичкой.

В нише, освещенной светом спички, я заметил масляный светильник – огромный медный ковш, наполненный водой. Я зажег светильник, бросил спичку, которая чуть не обожгла мне пальцы, и понюхал воду.

Вроде вода как вода.

Я прошелся со светильником вдоль стены и убедился в том, что замурован в каменном склепе размерами три на три метра. Посреди склепа стоял высокий каменный стол, больше всего напоминавший прожекторский, на котором, собственно, я и вернулся в наш мир.

Так вот, значит, как хаты хоронят своих героев. А что? Очень стильная гробница. Египетский минимализм. Еще бы немного узоров на стенах! Мои братья решили сделать вид, что я заживо замурован. И воды оставили. Чтобы я умирал помедленнее. Ну-ну. Знаю я хатские приколы! Тем не менее в ограниченном пространстве у меня немедленно появились первые признаки клаустрофобии, поэтому до панической атаки я решил дело не доводить, а действовать прямо сейчас, пока я более-менее в форме.

Братья и сестры

Я решил, что даже орать не буду, а, наоборот, попытаюсь говорить четко и внятно, чтоб все всё поняли.

– Братья и сестры! – (Я вспомнил первое и последнее обращение Сталина к народу без «товарищей» в июле сорок первого.) – Ваша судьба – в ваших руках. И мозгах. Вы прочли файл *khats.docx*! Вы понимаете, что, если наши условия не будут выполнены, этот файл станет достоянием самой широкой общественности. Файл будет отправлен по всем основным редакциям мировых СМИ автоматически. И знайте, братья и сестры, что Самая Великая Тайна, таящая смертельную угрозу Братству, не вошла в файл. Мы не хотели оскорбить вас, братьев низшей степени посвящения, лишним знанием и приговорить таким образом к ранней смерти в обоих мирах с предшествующей деменцией. Короче, самого интересного в тексте нет. Но зато оно есть в нашем прощальном пресс-релизе.

Я сделал значительную паузу, но стены уверенно молчали. Тогда я пожал плечами и продолжил:

– Для того чтобы спасти Братство, вам необходимо выполнить два условия. Условия простые. Понятные. Легко выполнимые: свобода для всех нас, включая Дину, и прямые переговоры с Джессер Джессеру. Дорогие братья и сестры! Не делайте глупостей! Не тяните время! Время идет!

Я сделал еще одну паузу и каким-то совершенно искренним тоном добавил:

– Причем я сам не представляю, с какой скоростью.

Конец сорок девятой главы

Глава пятидесятая

Не хочу простужаться

Я некоторое время раздумывал над собственной речью. Кажется, для экспромта получилось неплохо. Не успел я залезть обратно на постамент и устроиться поудобнее, как одна из стен отъехала в сторону. На пороге стоял ФФ, одетый в такой же светлый длинный хитон, что и я. Только без капюшона. Его серые глаза в полутьме как-то странно фосфоресцировали.

– Брат Иосиф! Следуйте за мной.

– Босиком? Принесите сначала обувь! У вас каменные полы. Не хочу простужаться.

– Если вы откажетесь идти, брат Иосиф, мы доставим вас силой.

Голос у него был бесцветный, как всегда, но в глазах светилась напыщенная значительность.

– Брат Федор! Я, пожалуй, добавлю к двум условиям третье. Я потребую примерно наказать вас за оскорбление чувств верующих. Это ведь тяжкое преступление у нас в Братстве – непочтительное обращение с посвященным в первую степень.

– Кто посвятил вас в первую степень? Я вас посвятил лишь во вторую.

– Я сам себя посвятил. Как это будет на средневековой латыни? Вероятно, аутоинициация.

ФФ презрительно фыркнул.

– Знаете, почему у Шагала часы с крыльями? Потому что время – летит! Мне об этом рассказала в юности одна совершенно волшебная девушка. Поторопитесь, если вас не затруднит. Речь идет о судьбоносных решениях.

Теперь ФФ фыркнул недоверчиво, после чего исчез. И начался отсчет времени, которое я не мог измерить. Время вообще ведет себя как хочет. Например, когда ты носишься по городу,рываешься на части, стараясь все успеть, время расширяется или сжимается? Тебе кажется, что прошел уже целый год такой жизни или всего несколько дней? А если ты вырвался на уикенд в какую-то новую страну и

носишься там как угорелый по правильным местам, то к концу второго дня совершенно невозможно вообразить, что всего сорок восемь часов назад ты был дома и собирал чемодан.

ФФ вернулся. Бросил мне кожаные сандалии. И я отправился вслед за ним по темным, узким, низким шахтерским коридорам.

Довольно долго мы шли молча. Гулкие звуки наших шагов и дыхания отражались коротким эхом от стен. Вдруг сверху я услышал знакомый с детства тихий далекий стук проезжающего поезда. Ту-тук, ту-тук. Ту-тук, ту-тук. Московское метро. Высоко над нами. Родное. Абсолютно родное и загадочное. Царство подземного волшебства. Дворцы света, соединенные тоннелями темноты. С кремлевскими легендами, секретными станциями и безвестными перегонами.

Наконец ФФ сделал шаг в сторону и молча кивнул. Мы стояли перед самой обычной железной дверью, каких видели по пути не один десяток. ФФ поднял руку, приложил палец к ничем не примечательному участку бетонной стены, и дверь открылась. Я переступил через порог – и ахнул. Я оказался в самой верхней части освещенного факелами амфитеатра. Факелов было не меньше двух сотен. Они были вставлены в бронзовые жирандоли, которыми были буквально усыпаны стены.

Внутри ниспадающего полукруга скамеек громоздилось что-то среднее между алтарем и университетской кафедрой.

В передних рядах сидели Антон с Матвеем, одетые, как и я, в местную безумную одежду. Они оглянулись на звук. Я помахал рукой и пошел к ним, поеживаясь от мрачной торжественности обстановки.

– Ну как вы?

Мотя покачал головой. Ни следа торжественности на его лице я не заметил.

– Чакры смялись. Но вроде уже оттопыриваются.

Я вздохнул с облегчением. Матвей в порядке. Хитон ему даже к лицу.

– Гоблин ты все-таки, Мотя.

– Гоблин. А скажи, Иосиф, красиво тут у них. Иллюминация. Эх, кофейку бы сейчас.

– Эспрессо или по-восточному?

– По-восточному, ясное дело!

– Сейчас попробуем.

Я поднялся, расправил плечи и произнес сильным грудным голосом:
– Братья! Не откажите в любезности. Три чашечки кофе, пожалуйста! По-восточному.

– Думаешь, товарищу майору твоя шутка понравится?

Антон звучал злее, чем обычно, и тоже был в полном порядке.

Сзади нас открылась дверь, через которую я вошел. На пороге стоял ФФ. Без кофе, к сожалению.

– Сейчас вы будете говорить с Джессер Джессеру. Отвечая на вопрос, надо вставать и кланяться. Самим задавать вопросы запрещено. От ваших ответов зависит ваша судьба в параллельном мире.

– Как – в параллельном? А на счастливую старость в этой жизни нам, значит, рассчитывать не приходится? Брат Федор, вы не много на себя берете?

ФФ ничего не ответил и исчез. Мне не понравилась такая быстрая реакция хатов. Как они смогли практически моментально сориентроваться? Почему Джессер Джессеру с такой готовностью пошел на переговоры? Однако на Матвея слова ФФ произвели самое положительное впечатление.

– Было бы неплохо, – мечтательно произнес он, – чтобы Джессер Джессеру оказался молодой красивой девушкой. Я бы ее очаровал. А Иосиф бы мне помог.

– В такой одежде ты мало кого можешь очаровать, – меланхолично заметил Антон.

– А чем тебе не нравится наша одежда? Классный хипстерский прикид. Такое очень длинное худи.

– Мне капюшоны не нравятся. Мне кажется, что они здесь специально для того, чтобы в решающий момент их надели нам на голову.

– Сейчас мы все устроим.

От предвкушения драки Мотя прямо светился.

– Если тебе не нравятся капюшоны – пожалуйста. Наша фирма уже десятки лет избавляет людей от надоевших им капюшонов.

С этими словами Матвей начал с треском отдирать наши капюшоны от хитонов и быстро справился со всеми тремя. Но мы не успели понять, до какой степени наш наряд стал позитивнее, потому что

включился динамик и женский голос, немного усталый, предложил нам встать и поклониться.

– Матвей, – удивился я, – а ты ведь как в воду смотрел. Хаты – не сексисты. Джессер Джессеру – женщина! Вставать-то будем?

Мы с Матвеем поднялись. Матвей даже поклонился в сторону кафедры. Антон сидел не шевелясь.

– Я жду.

Я как раз раздумывал о том, почему этот голос кажется мне таким знакомым, как вдруг Матвей произнес насмешливо и зло:

– Дорогая! А что это ты там за стенкой спряталась? Выходи, поговорим. Здесь все свои.

Все свои

Антон посмотрел на Мотю так, как простые волшебники смотрели на шипящего, говорящего по-змеиному Гарри Поттера. Я стал вспоминать, когда еще Антон так смотрел на Мотю, но тут открылась дверь перед кафедрой, и я вздрогнул.

Белые мурашки пробежали у меня сверху вниз – от затылка по позвоночнику.

На кафедру поднималась Дина. Она была одета как обычно: в синие джинсы и черный свитер. Только на шее у нее висела тяжелая золотая цепь с большим овальным медальоном.

– Так это все-таки ты, – просто и сухо сказал Антон.

У меня появилось ощущение, что Антон все знал об этом мире прямо с самого момента своего рождения. С колыбели. И поэтому удивляться у него не получается. Та часть мозга, которая отвечает за удивление, у него просто исчезла – от длительного неиспользования. Но зато у Моти глаза опасно расширились. Он удивился. Он удивился не то слово как. Однако тяжелый опыт разборок с ментами и бандитами научил его никогда не показывать своего удивления перед врагами. Поэтому он просто яростно откинулся на спинку лавки и скрестил руки, причем скрестил их с такой силой, что пальцы захрустели.

– Дорогая! Нам, кажется, повезло с главным врагом? Мы хорошо знакомы, не придется долго объясняться. Но все-таки я немного расстроен. Как плохо о людях ни думай, а удивляться все равно приходится.

– Вам повезло. Никто не причинит вам боль. Вы просто еще раз уснете. Иосифа, если он поведет себя разумно, это не касается.

Я сказал: «Ни фиги себе» – и запел *Bang Bang*. Учитывая, что с нами разговаривал Джессер Джессеру, мое поведение, скорее всего, показалось окружающим неадекватным.

I was five and he was six

We rode on horses made of sticks

He wore black and I wore white

He would always win the fight

Bang bang,

He shot me down

Bang bang,

I hit the ground

Bang bang,

That awful sound

Bang bang,

My baby shot me down.

Мир окончательно и бесповоротно сошел с ума. Жена Антона и моя родная сестра сообщили нам, что убьет нас не больно.

Конец пятидесятой главы

Глава пятьдесят первая

Пришла зима на оба наши дома

В ранней молодости во мне постоянно пульсировала какая-то избыточная ясность восприятия, часто раздражавшая друзей и родных. Мне всегда все было понятно. Или хорошо и понятно, или плохо, но все равно понятно. Поэтому я действовал по стандартам, указанным в песнях. Если я любил – то любил. Если лечил – то лечил. Если я не знал, люблю я или нет, – я уходил. Выражения типа «не все так однозначно, как тебе кажется» мною не воспринимались. Я был уверен, что люди придумали неоднозначность от неуверенности в собственном интеллекте. Или от неуверенности вообще.

Жизнь казалась настоящей. Отношения – ясными и чистыми. Однажды зимней ночью мы, веселые, не очень трезвые (нельзя же, правда, быть одновременно веселым, трезвым и умным!), возвращались из дальней московской промзоны с одного из первых концертов «АукцЫона» в каком-то полуподпольном клубе.

Мы пытались поймать такси или попутку, но редкие машины не обращали на нас никакого внимания. Тогда Матвей встал на руки, покачался на них немного, ловя равновесие, а потом осторожно пошел на руках по занесенной снегом улице, голосуя проезжающим машинам ногами.

Мы восхитились, но именно в тот момент, когда я закричал во все легкие: *Mens sana in corpore sano!* и эхо латинского крика отразилось от унылых заводских заборов, Мотя вдруг взял и грохнулся со всей силы, поскользнувшись на обледеневшем канализационном люке.

Мы ахнули. Я побежал к Моте, предчувствуя перелом позвоночника. Заставил его лежать шевелить руками и ногами. Мотя послушно пошевелил всем, чем мог, а потом послал меня к черту. Все в испуге столпились вокруг Моти, который отряхивался и матерился, а одна длинноногая красавица стала зализывать Моте ссадину на запястье. В конце концов мы все-таки поймали такси, забрались в него вшестером, пообещав двойную цену, и поехали к нам с Диной домой (родители были на даче). Мы пили, веселились и наперебой заставляли друг

друга слушать свою любимую музыку. В разгаре ночного веселья даже родная сестра Дина показалась мне не такой уж и отморозенной.

Мы вышли с ней на морозный балкон покурить. Я накинул на Динины плечи свой свитер и с изумлением узнал, что моя физико-математическая родственница пишет стихи.

Пришла зима на оба наши дома.

У вас Китай. Буддийская истома,

Зеленый чай с Великих Желтых рек.

А в призрачной прозрачности сосуда —

Цветущий лотос. Благодушный Будда.

Жемчужные возможности судьбы.

Я удивился. О буддизме тогда никто из нас толком и не думал. Зеленый чай был экзотикой. И что вдруг Дине вздумалось писать про него стихи? Потом мы долго пили. Не чай. Дина тоже сидела с нами, чуть не плакала и говорила, как она на самом деле любит меня. Я растрогался.

А сейчас? Что у нас – гражданская война? Как мы с родной сестрой умудрились оказаться не просто по разные стороны баррикад, а в разных воюющих друг с другом вселенных?

– Дина! Дина!! Ты сошла с ума!!! Что же ты, дурочка, сделала?

– Понимаешь, Иосиф, – мне почудилось, что у Дины в глазах были слезы, как в тот зимний вечер, – я это сделала давно.

– Так передумай! Еще не поздно!

– День уже прожит. *Sorry*.

– *S'ton!* Ну не враги же мы, Дина, в самом деле! Ау!

Дина покачала головой.

– Я вам враг, а вы мне – нет. Вы ничего не понимаете. Совсем ничего. И это нормально. Вы умные, но вам не повезло. Вы – обречены. Послезавтра в России меняется власть. Мы окончательно забираем ее себе.

– Ну, сменить власть – это по сути неплохая идея, – оживился Мотя. – Давно пора. Давай попробуем договориться, – деловито сказал Мотя. – Всегда же можно договориться?

– С Диной договориться, может, и можно. А с Джессер Джессеру договориться нельзя.

Дина произнесла эту фразу абсолютно без пафоса, совершенно спокойным, даже немного грустным голосом. Я тут же подумал, что и до всякого Джессер Джессеру с Диной было невозможно договориться. Почти невозможно.

– А как ты сделала такую блестящую карьеру? – решил я сменить тему и заодно немного задобрить ее.

– Мне дали попробовать калипсол твои же, Мотя, друзья-полубандиты, давным-давно. Я научилась взаимодействовать с параллельным миром. Познакомилась с членами Братства сначала через трипы. Потом – лично. Начала учиться. Была хорошей ученицей, – сказала она опять безо всякого хвастовства. – Много чего узнала. Древнеегипетский выучила.

Дина усмехнулась, словно сама не могла поверить, что простая московская девочка стала Джессер Джессеру.

– Ты всегда была хорошей ученицей, – похвалил ее Матвей, – но учили тебя не очень хорошие ребята, и учили плохому. Хотя, – Мотя махнул рукой, – стать самым главным везде трудно: хоть в банде, хоть в стране. А хорошему вообще нигде не учат.

Дискуссия об относительности добра и зла

Дина еле заметно поморщилась:

– Вы, кажется, не совсем поняли. Дискуссии о добре и зле я вести не буду. Что хорошо для волчат в берлоге, плохо для зайчихи с ее зайчатами. Надеюсь, все взрослые люди это понимают.

– Ладно, Дина, – оборвал ее Мотя. – «Я самый добрый человек на Земле. Если родится кто-то добрее меня, я убью его к чертовой матери и опять стану самым добрым,» – вспомнил он. – Скажи лучше, зачем ты пыталась нас убить?

– Я пока не пыталась. Когда попытаюсь – у меня все получится, – ответила Дина.

– А «мерседес», который чуть не переехал меня в Иерусалиме? – поинтересовался я.

– Тебя надо было чуть-чуть напугать. А то ты начал болтать много лишнего.

– Хм. Не успел я заскочить на три минуты домой за деньгами, как меня чуть не расстреляли четверо ваших уродов!

– Это была группа быстрого реагирования, вызванная Германом. Я вмешалась немного позже и отменила операцию. Поэтому ты и доехал до аэродрома. И улетел оттуда со своей шпионкой.

Я не удивился. Дина никогда не скрывала, что не любит Машу.

– А Химик? А Лиля?

– Лиля покончила с собой. А Химик... – Дина чуть выпрямилась. – Решение по нему принимала Чрезвычайная коллегия. Потом передала дело в Ликвидационную коллегия.

– Ах, у нас Ликвидационная коллегия виновата, – протянул Матвей.

– Ликвидационная коллегия принимает решение на основании докладов других коллегий, прежде всего чрезвычайной.

– Ты что, вмешаться не могла? – почти заорал я.

– С какой стати? Химик собирался предать организацию, когда узнал, что ее возглавляю я. Раскрыть все наши секреты. Причем он даже не стал говорить со мной. Хотя мог бы. А потом... Что значит «убили»? Ты же знаешь, что смерти нет.

Мотя на глазах становился мрачнее тучи. Антон сидел со скучающим видом, словно разговор шел о проблемах, к нему не

имеющих никакого отношения.

– А зачем вы отрезали Химику голову? Откуда у хатов взялись эти ритуалы? Убийство змеями, высушенные головы?

– Это как раз не ритуалы. – Дина объясняла просто и доходчиво, словно обрадовавшись, что наезд на нее прекратился. – Это способы защиты. Мы их узнали от Кем-Атефа. Во время погружения в параллельный мир он встретил вождя шуаров. Между нами начались постоянные контакты. Они рассказали нам, что если врага убить двухголовой змеей, то покойный в параллельном мире теряет всю свою энергию как и неспособен на месть. А мы научили их мумифицировать головы. Сейчас мы используем более совершенные методы, разумеется.

– А где голова Химики? – вдруг спросил я.

– В спецхране.

– Он просил ее похоронить.

– Хорошо. Если мы договоримся обо всем остальном.

– Спасибо. А то мне стало казаться, что у хатов нет совести.

– Иосиф! Мы – древнее братство. Мы – тайная власть. У нас нет совести.

Она вернулась на кафедру, надела гарнитуру, нажав несколько кнопок, и что-то произнесла.

Пока она отходила к кафедре, Антон объяснил:

– Совести у хатов, конечно, нет. После длительного приема калипсола, как у любых наркоманов и тяжелых алкоголиков, наступает уплощение эмоций. Поэтому исчезают и эмпатия, и интуитивное понимание. Ну и любая невычислительная активность мозга. Интеллект наркомана становится похожим на искусственный интеллект. Все расчеты производятся хорошо и быстро, но понимание заметно ухудшается.

– То-то все религии так воюют с наркотиками.

– Конечно, – улыбнулась вернувшаяся Дина, и нам всем сразу стало легче. – Зачем им конкурентное альтернативное сознание?

– А что хаты не поделили с христианами?

– У нас были проблемы в связи с появлением и распространением христианства. Так называемый назорейский кризис. Но мы смогли преодолеть его.

– Поставили под свой контроль церковь?

– Нет. Раскололи. Если какой-то из осколков начинал набирать силу – раскалывали дальше.

– А евреев расколоть не получилось? Потребовался Холокост? – уточнил я.

– Послушай, брат! Мне кажется, у тебя какие-то извращенные представления о нас. Мы не любим излишнее насилие. По возможности избегаем. Мы не садисты.

– Хватит гнать, Дина, – не выдержал Мотя. – Ваша цель – страдания людей на Земле. Кровь, слезы и смерть.

– А кто сказал, что нам это нравится? Ты когда-нибудь был на бойне? Не был? А стейки ешь? Кожаные сумки и ботинки носишь?

Тут уже не выдержал я.

– Кожаные сумки иногда делаются из человеческой кожи. Так все-таки Холокост вы устроили?

– Мы. Но не мы одни.

Труба в параллельный мир

Конечно, не вы одни. Я представил себе немецкого инженера. На нем криво сидят круглые железные очки и топорщится мышьяная форма, недавно сменившая джемпер. Он стоит у кульмана и чертит. В конторе, которая несколько месяцев назад была детской библиотекой, холодно. Он то и дело подходит к печке-буржуйке, где тлеют четыре тома Шекспира на польском, и греет пальцы. На ватмане появляются первые контуры здания. Вход. Раздевалка. Сколько нужно вешалок? А в зимнее время? Он звонит и спрашивает. Что, вообще не нужны? Вещи будут бросать на пол? Хорошо. Так. В камеру должно помещаться по сто двадцать человек. Значит, камер нужно две. И еще печь. Объем печи, в которую поместится двести сорок тел, равен. Так. Размер одного тела, скажем, 90-60-90. Плюс зазоры для кислорода. Он берет арифмометр. Потом снова чертит.

Вдруг ему приходят в голову сразу две рационализаторские идеи. Он опять звонит начальству. Отклонены обе. Убивать и сжигать одним и тем же газом – неразумно. Надо испытывать боевые отравляющие вещества. Сразу сжигать без предварительного отравления – технологически сложно. Кроме того, в этом случае драгоценные камни сгорят, а золотые коронки трудно будет найти в пепле.

Ну, отклонили так отклонили. Инженер встает, потягивается, подходит к титану, наливает себе кипятку и смотрит на соседей. Сосед слева вычерчивает печь. Сосед справа занят логистикой, рассчитывает пропускную способность железнодорожных путей и крематория. Сосед сзади, экономист, начал работать над сметой второго корпуса. Инженер бросает ложку цикория в кипяток и добавляет щепотку сахарина. Сахарин моментально вспыхивает и исчезает в темно-бурой жидкости. Здесь, в Освенциме, все в порядке. Все идет своим чередом. Вот бы и на фронте все шло как здесь. Инженер возвращается к кульману. И начинает чертить крышу. Оборачивается к соседу слева: все-таки две трубы или одна?

Планы на уикенд

На мысли, связывает ли дым из трубы Освенцима наш мир с параллельным самым прямым образом, я вернулся к разговору с Диной. Оказывается, Антон уже обсуждал с ней ближайшие планы хатов.

– Ядерный катаклизм на планете?

– Да.

– Масштабный?

Было такое впечатление, что Антон интересуется неожиданной возможностью купить квартиру с большой скидкой.

– Аналитики до сих пор считают. Думаю, за тысячу мегатонн в общей сложности.

– Вы начинаете, Америка отвечает?

– Именно.

– А потом вступает «Периметр»^[42].

– Да. *Dead Hand*. Это автоматическая система.

– Кто останется?

– Кто-то в Африке. Кто-то на островах. Кто-то перенесет удар под землей.

– А что Австралия, Южная Америка?

– Трех тысяч боеголовок хватит на всех. Солнце будет скрыто пылью. Реки, моря и океаны замерзнут, исчезнут еда, вода, электричество.

Спокойный деловой разговор. Однако.

Я представил себе, как начинается ядерная война. Никакой предварительной подготовки. Никаких слухов. Война должна обрушиться совершенно внезапно. Как гром среди ясного неба. В прямом смысле. Обалдевшие дикторы телевидения и радио что-то лопочут, сами не понимая, что им сейчас делать. Времени у дикторов мало. До настоящего бомбоубежища им не добраться. Те, кто их услышал и поверил им, бегут к метро.

Успевают добежать только жители соседних домов. Все странно одеты. Смесь домашнего и уличного. Кто в тапочках, кто с зонтиком. Большинство маленьких детей не одеты, а завернуты в одеяла и пледы. Возникает давка. Люди озираются. В общем, никто ничего не

понимает. Кто-то все равно не верит. Кто-то так и знал, что этим все кончится. Люди пытаются звонить, но мобильные телефоны не соединяют. Толпа у входа в метро напоминает мычащее стадо коров. Особенного ужаса нет. Есть печальная растерянность. Все поглядывают на небо. Ждут вспышки.

– Хорошие у вас планы на уикенд, – сказал Мотя несколько задумчивым голосом. – Позитивные. А с нами что?

Официальное заявление

Дина нахмурилась. Стало ясно, что мы переходим к самой главной и неприятной части разговора. Дина встала, прошла и снова села. Мы молча смотрели на нее.

– Я бы хотела поговорить с Иосифом тет-а-тет. Если вы не возражаете.

– Что ты? – Матвей плохо изобразил удивление и хорошо – сарказм. – Как мы можем противиться желаниям самого Джессер Джессеру?

– Я возражаю, – довольно твердо ответил я. – У меня нет секретов от моих друзей.

Дина глубоко вздохнула и еще раз прошла, разминая себе виски. Меня охватила какая-то внутренняя дрожь. Она шла от спинного мозга и доходила до кончиков пальцев рук и ног. Высокочастотная дрожь. Как при лихорадке, когда озноб сменяется жаром. Я попытался понять, точно ли эта дрожь – внутренняя, и посмотрел на руки – вроде бы они не тряслись.

– Хорошо, – сказала Дина, обращаясь исключительно ко мне. – Если ты хочешь обсуждать это публично, то мне, в общем-то, все равно. Я хочу, чтобы ты стал моим мужем. Я хочу детей. Я хочу детей от тебя.

Небеса не разверзлись, и гром не грянул. А может, и разверзлись. Но из нашего подземелья этого не было видно.

Наступила тишина. Я аккуратно сглотнул невесть откуда взявшийся комок в горле и бросил осторожный взгляд на Антона. Антон спокойно смотрел на Дину и ждал, что она скажет дальше. Матвей уставился на Дину, открыв рот.

– Что за бред? – кое-как получилось произнести у меня совершенно скомканным голосом. – Ты – моя сестра и жена Антона.

– Мы не живем вместе, – довольно холодно заметил Антон.

Мотя, не закрывая рта, перевел взгляд с Дины на Антона, а потом его рот осторожно, как бы сам собой, закрылся.

– И давно у вас так? – В глазах Моти читалась высшая степень изумления.

– Довольно давно, – очень спокойно ответил Антон и снова замолчал.

Дина обвела нас всех глазами и после паузы продолжила:

– Матвей и Антон безболезненно перейдут в параллельный мир, и я лично гарантирую им достаточное количество энергии, хоть они и не хаты. Ты станешь моим мужем. Приобретешь мой титул. Через три дня мы будем управлять Россией. Через две недели – тем, что останется от всего мира.

– Да мы тебя, суку, и из параллельного мира достанем. Вот буквально из-под земли.

– Матвей!

Антон одернул Мотю довольно резко. Мотя обломался, сел и схватился за голову. Дина, не посмотрев в его сторону, хотела продолжить, но Антон не дал ей сказать ни слова:

– Вам правда лучше поговорить тет-а-тет.

– Отпустила бы ты нас, Дина? – чуть ли не жалобно сказал Мотя, оторвав руки от головы и пристально вглядываясь в Дину.

«Что-то слишком быстро Мотя перешел от угроз к просьбам», – подумал я.

– Матвей! – одернул его Антон, на этот раз еще строже.

Дина, не взглянув на нас, поднималась в дальний конец амфитеатра.

Мне очень захотелось еще хоть раз в жизни посмотреть матч «Ювентус» – «Милан». Или сходить с Машей в какой-нибудь экзотический ресторан. Якутской кухни. Или эфиопской. Я как сомнамбула встал и пошел в сторону Дины. Каждая ступенька давалась мне с трудом. Ноги опять сделались свинцовыми, как в Вероне, когда я узнал, что Маша отказывается общаться со мной.

Дойдя до Дины, я оглянулся. Фигуры Антона и Моти в факельном свете казались издали такими маленькими. Я почувствовал нестерпимую жалость к ним обоим. Надо было что-то делать. Но делать было нечего.

Конец пятьдесят первой главы

Глава пятьдесят вторая

Опасная приятная дрожь

Я сел рядом с Диной на скамейку прямо за двумя факелами.

– Что за херня, Дина?

Дина не ответила, кажется, пожала плечами.

– И давно это с тобой?

Даже не глядя на нее, я мог быть уверен, что она опять пожала плечами. Руки она держала на коленях, как примерная ученица, которой выговаривает директор школы. Я положил свою руку на ее руку. Рука у нее была ледяная. Тогда я решил, что холод – это спасение и можно попробовать перевести разговор в абсурдную плоскость.

– Дина, но ведь брак обычно означает общую постель?

– Общую, – решительно сказала она, глядя куда-то перед собой.

– Дина, я не понимаю!

Она молча кивнула. Мне показалось, что в ее глазах появились слезы.

– Господи, но я же не в твоем вкусе! Ты презираешь лузеров!

Она покачала головой и еле заметно улыбнулась:

– У тебя еще есть шансы.

– А Антон?

Она наконец повернула голову ко мне.

– Он же вам все сообщил. Это правда. Мы не живем вместе. Давно.

– Но он нам ничего не рассказывал.

Дина снова пожала плечами. Ну да, к ней на эту тему претензий быть не могло.

И холод куда-то исчез из ее руки. Я тут же вспомнил, как Дина пришла ко мне в тюрьму. Эта неожиданная юбка, тонкие колготки. Железная кровать, на которой мы сидим, в точности как сейчас; капля воды на ее коленке, которую я стираю. А потом стук вертухая в камеру и двадцать секунд, которые он нам дал, чтобы привести себя в порядок. И прощальный поцелуй. Что-то во мне перевернулось. Я еще раз посмотрел на Дину. И вдруг заметил, как с каждым вздохом поднимается ее грудь. Меня охватывало какое-то наваждение. Я что,

хотел Дину как женщину? По моему телу от шеи до живота пробежала опасная, но очень приятная дрожь. И тут на меня свалилось воспоминание номер два.

В детстве мы с двумя друзьями на даче решили подсмотреть, как Дина и две ее подруги моются в русской бане. Сцена потрясла нас до глубины души. Полутемный сруб. Пар. Запотевшие маленькие окна. Белые груди, засасывающие взгляд. Нежные, подрагивающие. И темные вишневые соски. Вот она повернулась спиной. Подошла совсем близко к нашему окну, так что пришлось прятаться. Она меня не заметила? Вот плеснула водой на камни. Черт, облако пара. Я ничего не вижу. Что это? Кто-то идет сюда? Надо бежать! Секунду! Только бы пар рассосался! Пар не рассосался, друзья утянули меня, а второго случая увидеть Дину голой у меня не было. Да и первый мое сознание постаралось запрятать поглубже. Стоп. Я вдруг вспомнил, что на следующий день Дина подарила мне розу. Просто розу, сорванную в цветнике. А почему? Это был первый и последний раз, когда женщина дарила мне цветы.

Ты дарила мне розы,
Розы пахли полынью,
Знала все мои песни,
Шевелила губами.
Исчезала мгновенно,
Не сидела в засаде...

А может... Может, я не напрасно всю жизнь собачился с Диной? Может, я просто старался ее не замечать? Да. Родная сестра. Вот ведь

Фрейд. Но. В конце концов, чем я хуже фараонов?

Я думал одно, чувствовал другое, хотел сказать третье, и ничего из этого у меня не получалось. Губы были в каком-то столбняке и отказывались повиноваться. Почему-то вспомнил: «Вы думаете, любовь – беседовать через столик?» Я снова попытался отвлечься от главного.

А какой, интересно, у нас может быть дом? Квартира в городе? Определенно нет. Дом? Наверху горы? Но фараоны жили во дворцах.

– А кто еще, кроме фараонов, женился на сестрах? – спросил я, не зная, что сказать.

– Дети Адама и Евы. Дети Ноя. Клеопатра вышла за Птолемея. Осирис женился на Исиде. У инков были такие браки, у персов. Да и во всей Европе династические браки были по сути близкородственными. Тебе сделали генетический анализ. У тебя правильные гены. Все хорошо.

– У меня гены Хатшепсут?

– Достаточная их часть. Как и у меня.

– Вы нашли мумию и секвенировали ее геном? – ахнул я.

– Какой ты догадливый! Ты точно мне подходишь. И, к моему огромному сожалению, только ты.

– Только я?

– Мы получили доступ к нескольким миллионам геномов живущих людей. Практически ко всем секвенированным на сегодняшний день. У тебя идеальный мэтчинг. Что неудивительно. Ты же мой брат.

– Так я нужен тебе как генетический материал? Как донор спермы?

Дина фыркнула.

– А ты бы хотел чувств?

– Ты очень романтична.

– Я зла, потому что ты глуп. И прикидываешься еще более глупым.

– А ты, Дина, олдскульна. Все твои династические идеи – это конец девятнадцатого века, начало двадцатого. Социал-дарвинизм, евгеника, улучшение человеческой породы. И еще это немножко расизм.

– С чего это ты стал политкорректным? Да, я хочу основать с тобой новый народ. Как Авраам и Сарра.

– Ну все. От секвенирования к Библии. Какие у нас стремительные переходы. Я офигеваю.

Дина покачала головой и ничего не ответила.

Я понял, что нужен ей по-настоящему. Авраам, кстати, тоже женился на единокровной сестре. А еще он, опасаясь фараона, несколько раз выдавал Сарру за свою сестру. Называл ее сестрой.

Назвать ее сестрой

Я отвернулся от Дины и увидел караван из четырех верблюдов. Он идет где-то, где сейчас проходит трасса Эйлат – Иерусалим, километрах в двадцати от Мертвого моря. Синее небо, одно маленькое белое облачко. Красно-желтая пустыня. Скалы. Между ними дорога. На первом верблюде едет Авраам. У него смуглое лицо в глубоких морщинах. Изрядно поседевшая борода. Но семьдесят пять лет ему не дашь, как ни старайся. Максимум – пятьдесят. К седлу приторочено длинное копье с темным наконечником. На поясе – короткий меч. Его можно назвать длинным ножом. За ним на втором верблюде едет Сарра. Лица не видно, оно закрыто накидкой от пыли.

На третьего верблюда навьючены выцветший льняной шатер, весь перештопанный, но еще очень крепкий, один центральный длинный шест и четыре коротких боковых – из окаменевшего дуба, огромный потемневший медный котел размером с верблюжий горб, внутри него звякают котлы поменьше. К упряжи привязаны несколько старых ковров и тюк с запасной шерстяной одеждой.

На четвертом верблюде – небольшой мешок с бронзовой и деревянной посудой, каменные ступка и мешалка из недавно кончившегося каменного века, светильники и прочая кухонная утварь, а также два бурдюка: один, огромный, с водой, другой, поменьше, с вином. За бурдюками свисают два холщовых мешка с пшеницей и один кожаный с вяленным мясом. Благовония, приправы, трава для заварки и прочие мелочи хранятся в ларце из слоновой кости, который запрятан под остальными мешками.

За верблюдами покорно бредут двенадцать овец и две лохматые собаки. То и дело одна из овец начинает тревожно блеять. Караван движется в Египет. Авраам спасается от голода, поразившего землю, которую Господь обещал отдать ему и его потомству. Авраам уходит из этой земли.

Авраам думает, что когда-нибудь все это имущество, включая несколько золотых и медных украшений, которые сейчас на Сарре, – целое состояние по меркам пустыни – отойдут его наследнику. Но когда появится наследник? Авраам даже не подозревает, что ждать придется еще двадцать пять лет, но точно знает: главная его задача –

дожить до того времени, когда сын сможет владеть всем его имуществом, которое Авраам надеется приумножить, научить его хорошо разбираться в овцах, баранах и ослах, потому что это будет его хлеб насущный, в звездах, чтобы отыскивать путь в пустыне от колодца до колодца, в населяющих пустыню и окружающих ее семьях и народах, чтобы избегать опасности и правильно торговать, в хитросплетениях родственных связей Авраама, чтобы хранить историю рода.

И, разумеется, Авраам должен будет научить наследника, как обращаться с Богом. Он научит его, как и где ставить жертвенники. О чем следует просить Господа, а о чем – не стоит. Потом наследник должен будет научить этому своего наследника. И так постепенно начнется чужая жизнь. Жизнь потомков. Она будет несладкой. Жизнь вообще не мед. И не молоко. У Авраама она, что ли, лучше?

Авраам думает о последнем разговоре с Богом, в котором Бог велел ему уходить из Харрана. «И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословление, и благословятся от тебя все племена земные». Он не то чтобы колеблется, нет. Он выполняет все распоряжения Бога медленно и спокойно. Но он чувствует, что этот разговор был не последним. Что Бог еще будет говорить с ним, будет говорить неоднократно – и это большая честь, но и большая ответственность. Авраам не помнит, чтобы Господь говорил напрямую с кем-то из его знакомых. Да и вообще хоть с кем-то, память о ком дошла до него.

Подумав о Боге, Авраам начинает думать о Сарре. Слишком она красива. А вдруг какой-нибудь знатный египтянин влюбится в нее, а Авраама захочет убить? Не назвать ли ее сестрой? Так будет гораздо спокойнее. Назвать ее сестрой. Назвать ее сестрой.

Вперед и вверх

– Ты понимаешь, что нам предстоит? Такого брака на Земле не было со времен Хатшепсут, – очень ясно произнесла Дина.

Я молчал. Крошечные Антон и Мотя внизу казались совсем беспомощными.

– Иосиф, пойми, я предлагаю тебе вечность!

Мне показалось, что в глазах у Дины опять стоят слезы. Я попробовал в них заглянуть, но Дина отвела взгляд, подняла голову и начала говорить, глядя куда-то вперед и вверх:

– У нас будет невиданная власть и неземное счастье. После нас наши дети будут править этим миром. А мы будем наслаждаться друг другом в параллельном мире, принадлежащем нам обоим. Только нам двоим.

– Но я видел твой параллельный мир. Это такой темный рай для меланхоликов. Да, это вечная жизнь, но это вечная скука.

– Все равно нам придется туда попасть. Даже хаты смертны. А для оставшихся жителей Земли мы станем Авраамом и Саррой нового времени.

– Авраам и Сарра основали два великих народа. Ты хочешь основать династию, управляющую мутантами? Сколько людей останется в живых после глобальной ядерной войны?

Дина убрала свою руку из-под моей.

– Мне кажется, в твоей нынешней ситуации скромный выбор основателя династии остается лучшим и единственным.

– А друзья? У меня есть друзья, Дина. И... (Тут я запнулся.)

– «И Маша», ты хотел сказать, – помогла мне Дина. Ее голос стал чуть выше и суше. Я не видел ее глаз, она по-прежнему смотрела в сторону, но слезы в них точно высохли. – Как я могла забыть?!

Я немного поморщился. Дина заметила это и взвилась.

– Ты что, до сих пор сохнешь по этой суке? Извини, ничего личного.

– Не надо о Маше. Маша не сука.

Мне очень не хотелось впутывать Машу. Но не тут-то было. Дина вспыхнула, как настоящая влюбленная женщина.

Несука

– Эта несука сначала втянула тебя в свои разборки с мужем, выманив из монастыря, где ты был в полной безопасности. Затем эта несука украла у нас секретный документ. И передала его любовнику, который думал, что борется с нами. А потом, когда в Токио запахло жареным, эта несука сбежала от тебя. Трусливо. Насколько я понимаю, забыв предупредить тебя о побеге.

Я отметил где-то в уголке сознания, что Дина неплохо осведомлена о моих передвижениях. Но побег Маши интересовал меня гораздо больше.

– Это чушь! Какое жареное? Она не сбежала, а ушла. Мы поссорились с ней. Точнее, она со мной.

– Она так обставила свой побег? Что ж, это в ее стиле. Творческая девушка. Ты по-прежнему ее защищаешь? А зря. Ладно бы ее побег от тебя в Токио был первым и последним предательством! Она тебя предавала все это время, причем делала это с удовольствием.

– Дина! – Я попытался ее остановить, но это было уже невозможно.

– С удовольствием, которое она маскировала под сострадание. Да она предала бы тебя еще не раз, если б я не вмешалась.

Дина умела ударить по больному месту. Но я уже научился терпеть боль.

– Она не предавала меня. Я тебе повторяю, мы поссорились. И я был тогда неправ.

– Это я тебе повторяю. Мы спугнули твою несукку, и она сбежала.

Я вдруг сообразил, что чуть-чуть не рассказал Дине о беременности Маши, и решил прикусить язык. Какой смысл спорить с Диной о моральных качествах ее соперницы?

– Вы ее спугнули? Как вы нас нашли? И где?

– Герман выследил ее в Японии. По ее же собственной дурости. Через фейсбук. Она завела новый аккаунт от нового имени и подписалась там на те же сообщества и тех же друзей, что и в старом. И этот ревнивый психопат полетел туда, в Токио. Не предупредив нас вначале.

– Они встречались? Маша встречалась с Германом в Японии?

Я спросил это как можно более спокойным тоном, хотя теперь я почувствовал ревнивым психопатом себя. Меня чуть не заколотила мелкая дрожь.

– Нет. Этот идиот прислал ей письмо с угрозами. Бумажное, в конверте. Она испугалась и дала деру. Если бы мой муж – бывший – не помог ей скрыться, эта несука уже давно получила бы по заслугам.

Я отметил, что Дина ни разу не назвала ни Антона, ни Машу по имени, и подумал, что это плохой прогностический признак.

– Что было написано в письме?

– Глупости. Что-то типа «Если ты читаешь это письмо, тебе конец. И ты это заслужила. Герман». Или как он там подписывается.

Дина фыркнула. Она явно не одобряла этот поступок.

– Маша скрылась, и вы продолжили слезку за мной?

– Нет. Несука, – при упоминании Маши у Дины возникал какой-то металлический оттенок в голосе, из-за чего у меня возникал в ответ металлический привкус во рту, – отвлекла на себя слишком много внимания, поэтому на какое-то время ты исчез из нашего поля зрения. Но мы не особенно беспокоились. Я решила, что очередное монастырское одиночество пойдет тебе на пользу. Мы были уверены, что рано или поздно ты объявишься. Достаточно было следить за моим мужем. Понравилась ему, кстати, наша девушка в Вероне? Не знаешь?

– Нет. Я не поинтересовался. Уточни у него сама, ладно?

– А тебе твоя?

– Все было о'кей, спасибо большое! Ты не ревнуешь?

– К проституткам? Еще не хватало.

У меня кружилась голова. Привычный мир заметно исказился, как будто я смотрел на его отражение в кривом зеркале комнаты смеха. Но это было совсем не смешно. Особенно я сам с непропорционально огромной головой и уменьшенными в пять раз руками. Очень хотелось привести сознание в порядок.

– Дай мне одну минуту собраться с мыслями, – попросил я Дину.

– Ради бога, – благодушно согласилась она. – Тем более если ты ими обзавелся.

Я отошел от Дины на пару метров, сел на скамейку и закрыл лицо руками.

Маша предала меня. Как минимум, она скрыла от меня, что на нее вышли хаты. И не просто хаты, а ее муж. Это факт. Учитывая, в какой

опасности мы с ней находились, на то должны были быть очень веские причины. И если я их не найду, придется признать факт предательства. В одном Дина права несомненно: именно Маша вытащила меня из русского северного монастыря, после чего вновь закрутилось это кровавое колесо. Как будто мало было Химика и Лили.

Реконструкция

Я решил восстановить нашу последнюю встречу с Машей по порядку. Реконструировать.

1. Я вошел в отель и увидел, как она скомкала и выбросила письмо из конверта, сказав, что это реклама. Конверт, я это хорошо помнил, был без марок и наклеек. И ни разу не походил на рекламный. Значит, Герман уже был в Токио, где-то неподалеку.

2. Когда мы пошли поговорить про планы в бар на крышу, она все время заглядывала в фейсбук и мрачнела с каждой секундой. Вероятно, Маша вычисляла, как именно она засветилась.

3. Маша сказала, что, добившись ее, я потерял к ней интерес, потом рассказала о беременности, а после вспышки ревности просто встала и ушла. «Подпиши счет» была ее последняя фраза.

Хорошо. Реконструкция полная. Но почему все-таки она не рассказала мне ничего про письмо? Мы были вместе в бегах. И прятаться от опасностей нам следовало вместе.

Допустим, она решила сбежать от меня к Герману. Допустим. (Я с ужасом поежился.) Это я расценил бы не как рядовое предательство, а как страшную измену. Но если бы Маша вернулась к Герману, то Дина рассказала бы мне об этом с удовольствием прямо сейчас. К тому же Машу спасал Антон, а не Герман. Тогда почему же она сбежала?! Взглянул на Дину и поймал встречный взгляд. Посмотрел вниз, на Антона, который что-то объяснял Матвею. И представил наш несовершенный, но родной мир, который сжался в ожидании хатского

удара. И в центре этого мира увидел Машу. Тоже сжавшуюся перед неизбежным ударом занесенной руки. И вот тут я все понял.

Это все неважно

Это неважно, почему она ушла от меня в Токио. Просто неважно, и все. Ушла, потому что считала нужным уйти. Какая разница? Дина продолжает охотиться на Машу. Маша в опасности. Поэтому Машу нужно сначала спасти. А потом уже разбираться в мотивах ее поступков. Для чего Бог придумал любовь? Для сложных разборок, что ли? Ну нет же! Я отнял руки от лица. Вокруг меня был тот же мрачный хатский амфитеатр с факелами.

И я почувствовал, что Маша тоже смотрит на меня, смотрит и волнуется. В ее глазах читалось, что она примет любое мое решение. В том числе самое жесткое. Лишь бы я остался жив. Это и есть настоящая любовь – искусство принимать сложные решения человека, которого ты любишь. Встречается редко.

И еще я вдруг осознал одну простую штуку: я сейчас выбрал себе не женщину. Я выбрал себе себя. Антон пошел на смертельный риск из-за Дины. Мотя пошел на смертельный риск за Антоном. А я что, возьму и предам моих друзей? Обменяю их на какую-то странную власть и тоскливое бессмертие? Даже Химик, не самый крутой человек в нашей тусовке, смог отказаться от подобного предложения. Неужели я не смогу?

Я почувствовал, как с меня разом, в одну секунду, сошли три пота холодных и три горячих. Страх перед самым сложным выбором в моей жизни исчез. Я сделал глубокий вдох – и понял, что выздоровел. И страшно разозлился.

Но с Диной все равно надо было договариваться.

– Ну как, – вдруг почти приветливо спросила меня Дина, – собрался с мыслями?

– Почти, – попытался улыбнуться я в ответ. – Что ты еще знаешь о Маше? – добавил я как можно более безразличным тоном.

– Все, что нужно для приведения приговора в исполнение. Ее адрес, то есть номер коттеджа в кибуце Яд Мордехай, типичный распорядок дня. А что еще мне нужно знать?

Я похолодел. Маша приговорена. И Дина не блефует. Даже я не знал не то что номер дома, но и что это за кибуц. Антон не говорил, а я не

спрашивал. Что за исчадие ада моя родная сестра! О чем с ней можно договориться? И что мне теперь делать?

Конец пятьдесят второй главы

Глава пятьдесят третья

Экстремальный переговорщик

Я где-то читал, что в каждом отряде полицейского спецназа есть специальная профессия: экстремальный переговорщик. Это человек, который умеет говорить с террористами, психопатами или просто с отчаявшимися людьми, которые захватили заложников.

Работа непростая. Экстремальному переговорщику нужно притвориться кем-то, кому киднеппер будет доверять: журналистом (если преступник хочет публичности), или психологом, или еще кем-нибудь, хоть политиком – но главное, не ментом. И он должен говорить, все время говорить, искать общие ценности, давать почувствовать человеческое тепло, настраиваться на их волну. Ни в коем случае не спорить по пустякам, а торговаться, уговаривать, соглашаться. Хочешь вертолет – поищем вертолет. Хочешь водки – водки. Хочешь денег – денег. Нельзя обещать только новых заложников или оружие. А так – все что угодно. Все время поддерживать разговор. Потому что, пока длится разговор, оружие молчит. Лишь бы заложники остались живы. Лишь бы не проводить боевую операцию. Она начнется только в том случае, если переговорщик признает свое полное бессилие и риск для жизни заложников станет невыносимым. Но в нашем случае на боевую операцию не было никаких шансов. Мы могли только разговаривать.

Я вдохнул и выдохнул несколько раз, набираясь сил и энергии. Нужно было продолжать разговор. Как ни в чем не бывало, легко и непринужденно.

– А за что ты приговорила Машу? За меня?

– При чем тут ты и я? Нет, извини. Я уже сказала: ничего личного. Она осуждена за шпионаж, и не мной, а чрезвычайной коллегией. Она украдала секретные файлы у мужа и передала их любовнику. У чрезвычайки не было сомнений, и она передала дело в ликвидационную коллегия.

– Другое дело – ее любовник?

– О да. Чрезвычайная коллегия не смеет даже открыть его файл в базе данных. Он может делать что хочет. Проводить месяц в ожидании аудиенции простого монаха. Заниматься средневековой литературой. Трахать французских проституток, отправленных за ним следить. Писать душераздирающие аналитические письма в редакции газет. Объявлять себя хатом первой степени посвящения. А ей, дурочке, ничего этого делать было нельзя.

– Двойные стандарты. Понимаю.

Дина поджала губы. Я понимал только одно: надо срочно спасти Машу. Но для этого надо было быстро и качественно разобраться в ситуации, а не ссориться с Диной.

– А с чем связаны эти мои привилегии?

– А я разве не сказала? Тебе присвоен особый статус, как ты, вероятно, уже раз двадцать успел заметить.

– В связи с твоими планами на меня?

Дина жестко усмехнулась. Кажется, такая формулировка ей не понравилась.

– В связи с моими планами по реорганизации Братства. Не всем у нас эти планы по душе, кстати.

– Кто бы сомневался, – сказал я. – А что ты хочешь реорганизовать?

– Распустить одни коллегии. Учредить другие. Изменить всю нашу бюрократию.

– Авторитарными решениями? – искренне удивился я.

– Прежде всего профессиональными. И авторитарными. А что делать? Бюрократию можно победить только сильной личной властью.

– Которую ты предполагаешь разделить со мной?

– Ты очень догадлив.

– И ты решила, что отличный момент навести порядок в Братстве – это как раз конец света в результате ядерной войны.

– Bravo! Но не надо пафоса. Я же объясняла Антону: кто-то выживет. В Америке есть целое сообщество выживальщиков.

– Я искренне рад за них. Но меня больше интересуют простые люди. У которых нет денег на выживание. Или нет желания жить в таком мире.

Дина скрестила руки. Ей показалось, что эту тему мы уже обсудили.

Как управлять Вселенной, не привлекая внимание санитаров

– Дина, скажи мне честно! Если я тебе скажу, что я не хочу управлять этой Вселенной, ты сможешь это понять?

– Не смогу.

Она сказала это уже другим голосом, глухо и жестко, и внимательно посмотрела на меня – так, что я был вынужден отвести взгляд. И тут я понял, что экстремальный переговорщик из меня не вышел. И пока я все окончательно не испортил, надо идти к ребятам. И попробовать что-то придумать вместе.

– В любом случае, – добавила Дина, – у тебя нет выбора.

– У меня есть выбор, – сказал я твердо и для уверенности поднялся на ноги. – Я готов помогать тебе. Но при условии, что мы останемся в живых, а цивилизация сохранится.

– Ты сошел с ума! – Дина тоже вскочила со скамьи. – Ты ставишь мне условия? Мне? Зная, что я скоро буду управлять миром, ты обещаешь меня поддержать и учишь жизни? А ты понимаешь, что если ты будешь упорствовать, то даже я буду бессильна тебе помочь?

– Так значит, это у тебя, у главной управляющей миром, нет выбора, а не у меня.

Есть знания, которые лучше оставлять при себе. Я, не договорив, кожей ощутил, что эта фраза может оказаться самой страшной ошибкой в моей жизни.

Динины глаза расширились, почернели и стали наполняться гневом.

– Пойдем, Дина, к ребятам. Попробуем разрулить ситуацию, – сказал я и, подавая пример, шагнул вниз. Спиной я чувствовал, что Дина – очень медленно – спускается за мной.

Никак

«Ну как?» – взглядом спросили меня ребята.

– Никак, – покачал головой я.

Дина вернулась к нам подтянутой, собранной и злой. Так хорошо мне знакомой. Она прошла мимо, не посмотрев в нашу сторону, встала за кафедру и начала набирать что-то на невидимой для нас клавиатуре.

– Дина, – подал голос я. – Ну плиз. Давай договариваться.

– Кто вы такие, чтобы я с вами договаривалась? – спросила она, продолжая стучать по клавишам. – Ваш файл – пустышка, мы его изучили. То, что в нем написано, известно любой секретной службе. Можете рассылать куда хотите.

– Мы не сами рассылаем его. Он заряжен на автоматическую рассылку. То, что вы придумали, – аморально, – продолжал я. – Какая война с безоружными? Вы – военные преступники.

– Извини, – резко сказала Дина. – Нам нужна победа – любой ценой. – Она поочередно рассматривала нас, словно выясняя, кто первым собирается на нее броситься.

– Мы сделаем все, чтобы тебе помешать, – заметил Антон, примерно так, как я бы сказал: «Слушай, это платье, честно говоря, тебе не очень».

– Детский сад кончился, Антон, – ответила она. – Нам уже никто не помешает.

– А что скажет мама? – не удержался я.

– Почему я должна ставить интересы матери выше интересов Братства?

И в самом деле, почему, если эмоции у хатов уплощаются? Ее черные глаза почернели окончательно.

– Все, вынуждена с вами попрощаться, – отрезала Дина.

И вот тут я завелся.

– Что ты, Дина! Какое прощаться? Все только начинается!

– Что? – Она еле заметно подняла брови.

Круто и до конца

Во мне снова включился экстремальный переговорщик.

– Воля твоя. Но в такой опасности, как сегодня, Братство хатов не находилось последние три с половиной тысячи лет.

– Конкретней. – Дине было даже лень поморщиться.

– Сестричка, я не боюсь смерти. Тем более что ее нет. Я боюсь только одного. Ошибки в твоих расчетах.

– Какой?

– Не успеешь ты отправить нас в параллельный мир, как достоянием узкой, но высокопрофессиональной группы сотрудников спецслужб

станет ваш Великий Секрет. Главная слабость Братства, подарок от Хатшепсут благодарному человечеству. Открытие Кем-Атефа, которое он затем сам закрыл. Этот секрет уничтожит вас в два счета. Мы нарочно не включили его в файл, чтобы он не попал в руки членам Братства низших степеней. Собственно, разговор с топ-менеджментом Братства об этом секрете и был целью нашего визита. Извини, что отвлеклись на выяснение личных отношений.

Дина зло посмотрела на меня, надела наушник и начала с кем-то тихо разговаривать.

– Есть идеи? – дружелюбно спросил Антон.

– Никаких, – так же дружелюбно ответил я.

– Вот и отлично, – сказал Матвей. – Это я люблю. Круто. И до конца.

Дина договорила, сняла наушник, медленно спустилась с кафедры и подошла к нам. Руки за спиной. Взгляд сверху вниз. Как у учительницы.

– Так что это за Великий Секрет?

– Присели бы вы, Дина Яковлевна.

– У вас осталось тридцать секунд на ответ.

– Да ладно на понт нас брать. Мы, дорогая, через такое прошли – и до сих пор живы! – сказал Матвей.

– Только потому, что я не давала приказа о вашем уничтожении – пока.

Я почувствовал, что начинаю входить во вкус беседы с Диной. Что-то на эту тему мне рассказывал Наполеон. Ты должен полюбить противника. Полюбив, овладеть его образом мыслей. Ведь гораздо легче понять то, что любишь. А победить – то, что понимаешь. А что мне говорил Химик? Число? А, ну да, число! Отличная идея!

– Дина, а ты никогда не задумывалась, что Кем-Атеф расшифровал число 2224612?

– Ты плохо прочитал украденные тобой документы. Во-первых, не 2224612, а 222461215. Во-вторых, Кем-Атеф его не открыл, а объявил святым.

– Нет, Дина! Нет! – Вот она, брешь в ее броне! – Число звучит «2-2-2-4-6-12». И кстати, написано оно было засечками. Под ними была нарисована пирамида, что объясняет число 15 – номер буквы P в латинском алфавите. Кем-Атеф раскрыл этот секрет и закрыл обратно,

потому что это число несет смертельную угрозу Братству. Хаты тупо поклоняются числу, не понимая, что оно значит.

– И что? – Дина сжала медальон на груди, так что у нее побелели пальцы.

– Мы его разгадали, Дина. Рецепт уничтожения хатов содержится в подготовленной нами почтовой рассылке.

Вы узнали, как расшифровывается число

Вот это был блеф! Лучшие покерные салоны Лас-Вегаса и чемпионаты «Покер Старз» гордились бы им.

– Вы узнали, как расшифровывается число?

Дина вдруг сделалась дьявольски серьезна. В голосе ее была слышна угроза. Вот уж действительно: от любви до ненависти – один шаг. Мои шансы на выгодный брак, похоже, растаяли без следа. Если Бог хотел нас спасти, то сейчас для этого наступало самое время.

– Иосиф!

Голос Антона вывел меня из оцепенения.

– Да?

– Ты помнишь, как пришел в дзенский монастырь? И то, что сказал тебе Окам?

– Конечно – что я все знаю.

– Так и есть. Ты знаешь все, что тебе нужно.

– Да.

Я начал размышлять о Хатшепсут. О том, что она на самом деле была хорошей. Она вручила миру тайну спасения от собственных чокнутых на всю голову последователей. Мысли неслись в голове с потрясающей скоростью, гораздо быстрее, чем речь. Жаль, что Хатшепсут умерла. А ведь она умерла незадолго до появления этого чертова Братства. Я это хорошо помню из таблицы Германа, 1445 год до нашей эры. И это же подтверждается радиоуглеродным исследованием мумии. Соотношением изотопа углерода ^{14}C к ^{12}C . Стоп. Стоп. ^{14}C . А нормальный углерод – это ^{12}C .

А 12 – это последняя часть числа. А перед этим стоит 6. Что-то знакомое... Половинка от 12. Протоны? Нейтроны? И то и другое вместе? Но 4 – это валентность углерода. Электроны на внешней оболочке. Это я знаю точно. А первые цифры – тоже что-то электронное. Уровни? Подуровни? Неважно. Зашифрован углерод. И пирамида на конце.

Но углерод с пирамидой... Все! Я все понял. Пирамида в числе – это не пирамида Хеопса. Это рисунок кристаллической решетки алмаза. Вот что хотела передать нам Хатшепсут. Алмаз – это секретное оружие!

– Иосиф, ты что, заснул? Что за бесцеремонность! Я в третий раз спрашиваю тебя, что ты знаешь о числе?

Я встал, как на семинаре, и проговорил тихим, ясным голосом:

– Дина! Цифры 2-2-2-4-6-12 с латинским *P* на конце – электронная формула алмаза. Алмаз – главная угроза Братству в этом мире и защита тех, кто с вашим Братством воюет.

После чего, как ученик, легко и непринужденно сдавший тяжелейший экзамен, я сел на место и как ни в чем не бывало спросил Антона:

– Уточнишь?

Антон с неизменившимся выражением лица сделал несколько движений пальцем в воздухе, после чего, не глядя на Дину, профессорским голосом объяснил:

– 2-2-2-4-6-12 – это действительно электронная формула углерода. Два электрона на первой *S*-орбитали, два – на второй *S*-орбитали, два электрона – начало заполнения следующей *P*-орбитали. Углерод – четвертый элемент по счету во втором ряду периодической таблицы. Шесть означает число протонов, то есть его заряд, двенадцать – шесть протонов плюс шесть нейтронов – атомный вес. Пирамида, как мы все уже догадались, – кристаллическая решетка алмаза. Без нее углерод будет обычным графитом. Проще и красивее электронную формулу углерода не записать.

Дина все это время стояла не двигаясь. Она сложила руки, как для молитвы, и смотрела в сторону. Я не сомневался в правоте Антона. Он всегда был отличником. Да и Дина в своем физтехе изучала таблицу Менделеева.

Теперь было понятно, что алмаз работает сам по себе. Но как?

– Антон, – мне было ясно, что нужно продолжать говорить, чтобы отвлечь Дину и не допустить скоропалительных решений с ее стороны, – а как алмаз может работать?

Антон в задумчивости потер правой рукой подбородок. Судя по всему, это не помогло, тогда он потер подбородок левой рукой и прокашлялся.

– Прошу заметить, что это число, как справедливо заметил Мотя, не просто красиво. Оно указывает на углерод – элемент, лежащий в основе жизни. Видишь ли, современная наука пока открыла далеко не все уникальные свойства углерода. С фуллеренами мы только начали

работать. И плацдарм для наступления у фундаментальных наук здесь еще есть. Может быть, в области изучения свойств углерода под влиянием гравитационных волн, приходящих из тех самых высших скрытых измерений, с которыми имеет дело теория струн.

Ваши условия?

– Кто-нибудь, кроме вас, знает о расшифровке? – спокойно спросила Дина, когда Антон закончил свою лекцию.

– Пока нет, – ответил повеселевший Мотя. – Но часы тикают.

– Когда стартует рассылка?

– Дина! На войне как на войне. Этого мы тебе не скажем. – Мотя взял переговоры с Диной на себя, и это было правильно. Я чувствовал себя истощенным. Как чувствовал себя Антон, я боялся даже подумать, хотя держался он отлично. Осознание нашей невероятной победы быстро сменялось усталостью.

– Кто из вас расшифровал число?

Антон и Мотя немедленно указали на меня. Я удостоился оценивающего взгляда Дины и чуть-чуть поклонился, словно принимая невысказанные поздравления.

– Ваши условия?

– Длительное перемирие. Отмена Армагеддона. Свобода для всех нас, – пожал плечами Антон.

– Пусть меня выкинут из полицейских баз, – добавил я, сообразив, что мне скоро лететь мириться с Машей.

– Само собой, – спохватился Мотя. – Да и денег я бы у вас попросил. У вас же, небось, до фига денег? Ярда три баксов потянете? Моральная компенсация. По ярду на каждого.

И Мотя, как бы извиняясь за неизбежную меркантильность, развел руками.

Дина резко развернулась и пошла к кафедре.

– Ты куда?

– Я не принимаю такие решения самостоятельно.

Она опять склонилась над кафедрой, надела гарнитуру и начала что-то тихо говорить.

– Ну вот, – проворчал Мотя, – а еще Джессер Джессеру. – Он расправил плечи. – Пацаны, сдастся мне, что мы их сделали? Поехали

на Ямайку в «Гедонизм-2»? Отдохнем как люди. Снимем стресс местными методами! Как думаете, быстро они соберут три ярда? Не до фи́га я с них заломил? И как их получать? Кэшем – это грузовик. А банки такой перевод просто не примут. Может, акциями взять?

Матвей, конечно, был совсем в другом месте, когда Наполеон учил меня не предвкушать победу. Никогда не предвкушать победу. Но мог бы и сам сообразить. Я захотел сказать: «Мотя, ты идиот и сейчас всех нас сглазишь», – но подрывать боевой дух Моти не стал.

Антон совершенно не разделял его радость. Глаза его сузились; сжав губы, он внимательно следил за выражением лица Дины, которая возвращалась к нам.

– Вы очень талантливые. С алмазом вы меня удивили, – каким-то задумчивым голосом объявила Дина, исподлобья взглянув на меня. – Вообще я не хотела этого всего. Но ты, – вдруг она посмотрела на меня почти что с ненавистью, – ты не оставил мне выбора.

– Что она задумала? – Матвей озадаченно обратился к Антону как к эксперту по Дине.

– Что-нибудь ужасное, – медленно и тихо сказал Антон.

Конец пятьдесят третьей главы

Глава пятьдесят четвертая

Идет пехота

Дина смотрела на Антона спокойным, понимающим, очень профессиональным взглядом, как, вероятно, мясник на бойне смотрит на визжащую свинью.

– Учитель приказал всем радоваться, потому что страшные события еще не наступили, – задумчиво сказал Антон, глядя на Дину.

– Что это, Антон? – не понял я.

– Старинная еврейская мудрость.

Я взглянул на Антона. На мгновение мне показалось, что над его головой появился нимб. Но присмотревшись, я понял, что это был просто один из факелов. Я не мог оторвать глаз от Антона с нимбом, когда вдруг раздался негромкий звук распахнувшихся двойных дверей в левом секторе амфитеатра. Через секунду распахнулись двери в правом.

Из дверей поползли две цепочки бритоголовых людей в одинаковых темно-серых нарамниках с кожаными поясами. Из нарамников торчали голые руки. В правой руке каждый держал дубинку наподобие полицейской, но с наконечником в форме двухголовой змеи. Это были те самые пехотинцы-ахавты, которых я видел на станции хатского метро, когда меня посвящали в Братство. Во главе одной из цепочек шел урей – офицер, отличавшийся от рядовых ахавтов позолоченным поясом и легкой белой накидкой с красной окантовкой.

Сердце мое замерло. В каждой цепочке хатской пехоты было по двенадцать человек, не считая урея. Один за другим, совершенно молча, почти беззвучно они спускались из верхних рядов амфитеатра к нам.

Резкий звук вывел меня из оцепенения. Это открылась третья дверь, располагавшаяся прямо за кафедрой: оттуда в свое время вышла Дина, а теперь – ФФ, облаченный в длинную черную мантию наподобие судейской.

Две цепочки бритоголовых ахавтов по команде ФФ, отданной одним взмахом руки, встали между нами и кафедрой, причем четные бойцы

повернулись к нам спиной, а нечетные лицом. Теперь вцепиться в горло ФФ стало совершенно невозможно.

– А не до фига ли их? – в некоторой растерянности сказал Матвей. – Ладно, прорвемся!

– Ровно ту же фразу ты сказал много лет назад в Крыму, – меланхолично заметил Антон.

– И мы прорвались, – нравоучительно ответил Матвей.

Он переводил взгляд с правой цепочки хатов на левую, как будто перед ним поставили четыре стакана водки и предложили их немедленно выпить.

При этом мое сознание в защитной попытке не поддаться охватывающему ужасу отметило, что мы попали на спектакль с унылыми декорациями и безобразным художником по костюмам. Оборванные балахоны без капюшонов, египетские наряды ахавтов, мантия. Только Дина в джинсах и черном свитере была одета по-человечески, хотя огромный медальон на толстой золотой цепи выглядел угрожающе.

Из-за вас приходится торопиться

Во рту у меня пересохло так, что стало больно глотать.

– Это все к чему? – спросил я, пытаюсь кое-как контролировать свой высушенный голос.

– Ваша сообразительность не оставила нам ни времени, ни выбора, – сказала Дина. – Особенно если окажется, что искусственные алмазы обладают сходными свойствами. Так что спасибо за предупреждение!

Я потрогал языком Звездочку, про которую уже успел позабыть.

– Мы начинаем операцию прямо сейчас, – продолжила она и обернулась к ФФ. – Все готово?

– Сигнал подан две минуты назад, – подтвердил ФФ своим бесцветным голосом. – Спецканалы связи отключены. Крысы уже собираются в соседнюю нору. Скоро мы начнем оттуда прямую трансляцию. У нас там три камеры, еще шесть на высотках. И по всем крупным городам.

– Какие еще крысы? – не понял я.

– Высшее руководство страны собирается в подземный бункер, построенный на случай ядерной войны, – перевел сообразительный Антон. – Мероприятие будет транслироваться с большого количества камер, в плане прямое включение из бункера.

– А, я понял. Вы создали компьютерную имитацию атаки? Российское руководство считает, что Америка наносит упреждающий ядерный удар и теперь Россия обязана нанести удар возмездия? При этом перерубили все каналы связи, чтобы американцы не могли ничего ни сказать, ни объяснить? Связи с Белым домом у русских теперь нет, – догадался я. – А наблюдать за ударами будете отсюда?

– Даже жалко расставаться с такими умными людьми, – заметила Дина, обращаясь к ФФ, впрочем, сарказма в ее голосе было процентов восемьдесят, а сожаления – не более двадцати.

– Мы не просто перерубили каналы связи, – объяснила она нам. – Мы создали эффект того, что эти каналы работают. Крысам кажется, что американцы не отвечают умышленно. Это и есть наш план.

– И Китай не выживет? – уточнил Антон.

– Сколько боеголовок выделено на Китай? – обратилась Дина к ФФ.

– Около ста, – коротко, чопорно и надменно ответил ФФ.

– Сто мегатонных боеголовок только на Китай. Каждая обеспечит полное уничтожение всех объектов в радиусе пятнадцати километров. А потом везде наступит долгая ядерная зима. Не беспокойтесь.

Мы переглянулись. Кажется, до нас начала доходить фундаментальность происходящего сейчас на планете.

«Черт, неужели у меня не получится поучаствовать в создании самонастраиваемых книг будущего? – совершенно неожиданно пришло мне в голову. – А как же мой стартап?»

Жирандоль

– У вас факел погас, – сказал Мотя невозмутимым голосом, воспроизводя интонацию, с которой Никулин сообщал Папанову в «Бриллиантовой руке», что у него ус отклеился, и указал на задымивший и погасший факел. Поскольку склонность к порядку у хатов была поистине маниакальная, замечание Моти было принято к сведению и ФФ наклоном головы отправил крайнего в группе пехотинца к факелу. Тот взбежал вверх, вытащил жирандоль с

факелом из гнезда, открыл ящичек под факельной нишей и начал заливать в факел горючее.

Пока ахавт возился с факелом, ФФ снова отдал жестами какую-то команду, и четверо бритоголовых схватили Мотю и Антона.

– Что, Дина, даже посмотреть на ядерную войну нам не дашь? Такое зрелище бывает раз в жизни. Куда ты торопишься? – Мотя был в своем репертуаре.

– Увести, – сказала Дина после секундной паузы, махнув рукой. – Этих в ликвидационную палату, этого (она показала на меня) в камеру длительного выдерживания.

– Что еще за выдерживание? – взбесился я. – Давай уж и меня ликвидировать тогда.

– И вколите ему дозу побольше, чтоб не дергался, – сказала Дина, поморщившись.

ФФ исполнительно кивнул. Я вдруг отчетливо понял, что сейчас будет со мной. И что со мной будет потом.

Аргументы кончились

Вся вечность промелькнула передо мной за полсекунды. Как бы ни хотелось мне избежать камеры длительного выдерживания, было совершенно очевидно: наши аргументы кончились.

В это время ФФ, наклонившись к уху Дины, что-то прошептал. Она подняла руку, и офицер крикнул конвою, уводящему Мотю и Антона, односложное «стой». Группа остановилась.

– Одно кино я вам все-таки покажу, пока вы еще тут, – сказала Дина. – Просто чтобы не оставлять какой-то недосказанности между нами, – обратилась она к Моте и Антону. – Все-таки мы не чужие люди. – Дина обернулась ко мне. – А тебе это кино привидится в ближайшем трипе. И пойдет на пользу.

Теперь ФФ делал что-то с клавиатурой на пульте кафедры. Через пару секунд оказалось, что пространство над кафедрой состоит из огромных плазменных панелей, засветившихся черно-синим светом. На некоторых появился знак *NO SIGNAL*, их ФФ быстро отключил, а на одной – изображение.

Синее небо. Желтая земля. Кладбище. Кажется, военное. Перспектива сводит ряд почти одинаковых могильных камней в бесконечность. Справа стоит взвод солдат с М-16 в руках. Слева – открытая могила. В центре экрана на лафете лежит тело в саване.

– Вы понимаете, кого хоронят? – очень строгим голосом учителя спросил ФФ.

Я понял, что хоронят Аню, но не проронил ни слова. Как и ребята. Мотя даже бровью не повел. Он смотрел только на Дину, очень внимательно, как мент, попавший в лапы бандитам, смотрит на главаря.

– Офицер спецслужб, погибший при исполнении, – сообщил ФФ. – Но это еще не все. Сейчас я покажу вам центральную фигуру следующих похорон.

Я вздрогнул в страшном предчувствии.

Включился второй экран. Из небольшой группы штатских и военных камера выхватила Машу.

– Прощайтесь со своей шпионкой, брат Иосиф, – объявил он своим мерзким голосом. – Не стоило ей похищать секретные

документы у своего мужа ради любовника.

Я не стал смотреть в лицо Маше, не стал разглядывать ее вьющиеся на ветру волосы. Прощаться тоже не стал.

Я хочу, чтобы все остались живы, Дина!

Меня как будто взрывной волной вынесло из первого ряда и за мгновение донесло до самого верха, до жирандолей с факелами. Я выдернул одну из них из стены. У жирандоли оказался вполне острый конец. Достаточно острый.

– Дина! – заорал я. – Я сейчас убью себя, слышишь? Скажи, чтобы они встали.

Все это происходило буквально в доли секунды. Два пехотинца бросились за мной.

Я нацелил острие себе в грудь, крепко схватив ствол обеими руками. Мне достаточно было просто отпустить руки: жирандоль упиралась мне в самое сердце, кожей я отлично чувствовал ее острие. Кажется, так покончил с собой Саул. Дина поняла, что я в секунде от смерти, и тут же закричала: «Всем стоять!» Пехотинцы замерли, разом кивнув головой и задрав плечи.

– Я хочу, чтоб все остались живы, Дина! – продолжал орать я. – Слышишь?! Я хочу, чтобы мы все остались живы! Отмени смерть Маши! Это блядство – так сводить счета с соперницами!

Все замерли. В огромном амфитеатре наступила полная тишина. Я сменил крик на более спокойный, но довольно грозный тон.

– Если кто-то приблизится ко мне, я отпущу руки!

Это относилось и к ребятам – на тот случай, если они вдруг бросятся меня спасать. Я обвел глазами пространство, чтобы убедиться, что все меня услышали.

– Его смерть не входит в ее планы, – тихо сказал Антон Моте на ухо. Из-за гнетущей тишины эту фразу услышали все.

ФФ раздраженно поджал губы. Пехотинцы не шевелились и, как настоящие солдаты, ждали дальнейших приказов. Дина заговорила – необычно медленно, выбирая каждое слово:

– Я не свожу счета с соперницей. Ее приговорила коллегия. В рамках наших принципов. Но.

Тут Дина сделала паузу. Мне очень понравилось ее «но». Ко мне окончательно вернулось сознание. Я понял, что меня, да и всех нас, может спасти только полная готовность к смерти.

– Но я не давала приказ о приведении приговора в исполнение.

– Так отмени чужой приказ, – попросил я на выдохе. Мои руки вспотели, держаться за скользкую жирандоль становилось все сложнее, и Дина тоже это понимала. Она повернулась к ФФ.

– Брат Федор, вы начали операцию по ликвидации, не просто не получив моего письменного распоряжения, но даже не проинформировав. Немедленно остановите ее!

Мотя присвистнул. Антон не проронил ни слова. Мои руки обессилели, удерживая весь вес моего тела. Я выдохнул. Это была победа! Дина все-таки оказалась человеком. Ну хатом, да. Но все-таки человеком. Мне показалось, что можно выпрямиться. Но оттолкнуться от проскальзывающей жирандоли уже не было сил. Тогда я отвел жирандоль в сторону, осторожно опустил на колени, а потом уже встал – на всякий случай не выпуская из рук жирандоль.

Мотя одобряюще кивнул мне и развел руками:

– Что у вас тут за самоуправство, в самом деле?

И тут ФФ заговорил своим обычным серым менторским голосом.

– У меня есть письменное распоряжение коллегии. Джессер Джессеру совершенно не обязан быть в курсе всех ликвидационных процессов. Я действовал по закону и по традициям. Для казни шпионки совершенно не нужен ваш приказ. Достаточно моего собственного.

– Вы отмените ваш приказ прямо сейчас. Вы прекрасно знаете, что я лично контролирую эту операцию, – вспыхнула Дина. – Я приказываю вам ее остановить.

– Я действую в рамках закона и традиций, – повторил ФФ, не пошевелившись.

Мне показалось, что Дина не верит своим ушам.

– Автомобиль взорвется через несколько минут, – торжественно, чуть дребезжащим голосом продекламировал ФФ, то ли гордясь своей работой, то ли радуясь тому, что он ставит начальство на место.

Дина очень недовольно посмотрела на него, взяла гарнитуру и спросила коротко:

– Кто сейчас отвечает за Израиль? Брат Александр? Соедините меня с ним.

Она ждала секунд тридцать, и все это время она очень строго смотрела на ФФ и ни разу не взглянула в мою сторону. Наконец там ответили.

– Приостановите операцию по ликвидации. Какая готовность?! Четыре с половиной минуты?! А вы сами где? В Тель-Авиве?

Она сняла гарнитуру и посмотрела на меня.

– Ты видишь, я сделала что смогла.

Конец пятьдесят четвертой главы

Глава пятьдесят пятая

Способность радикально изменить прошлое

Две волшебные стихии – вдохновение и концентрация – овладели мною. Мне казалось, что я могу подняться в воздух одной силой мысли, выиграть в шахматы у двадцати гроссмейстеров в сеансе одновременной игры, открыть Теорию Всего или, на худой конец, радикально изменить прошлое. Я испытывал не просто вдохновение, а конструктивное вдохновение, созидательное.

Поэтому я, не задумываясь, твердо сказал Дине:

– У нас есть целых четыре минуты. Соедини меня с Машей по телефону, вы наверняка его знаете.

Дина неопределенно хмыкнула и надела гарнитуру.

– Брат Александр! У вас есть телефонный номер объекта?

Я посмотрел на экран. Люди с крупного плана исчезли. Остались только коричневые камни на желтой земле и синее небо. На первом экране, где транслировался общий план, я увидел, что группа отошла от могилы и направилась к красному микроавтобусу.

Дина обратилась ко мне, не снимая гарнитуры:

– Долго искать. Не успеем.

Я как будто ждал этого ответа.

– Ничего страшного. Антон, у тебя есть израильский телефон Маши?

– Разумеется. В *iCloud*, – сказал Антон.

– Дина, дай Антону доступ в интернет.

– Осталось три минуты, – сказала Дина и кивком головы позвала Антона на кафедру. Антон вбежал на кафедру и через десять секунд уже был в своем облаке.

– Номер есть!

– Диктуй мне! – сказала Дина. Они стояли рядом, плечом к плечу, я их видел такими сто раз. Как будто бы все было как всегда.

Антон продиктовал номер, и Дина набрала его в своей системе.

– Кто будет с ней разговаривать?

– Я, – сказал я твердо.

Самый важный разговор в жизни

Антон добежал до меня за несколько секунд, одним ухом слушая наушник.

– Всё, пошли гудки, – обрадовался он.

– Хорошо. Иди к Моте. Я хочу говорить один.

Я поднялся по ступенькам повыше.

– Я слушаю, – сказал мне далекий самый близкий голос на Земле.

– Привет, это я! Бегите от автобуса. Срочно. Он заминирован. У вас есть чуть больше минуты.

Пауза.

– Маша, плиз, беги сама и скажи всем, чтобы бежали от автобуса! Потом объясню.

– Это правда ты? Где ты?

– Я в отличном месте. А ты рядом с красным микроавтобусом «мерседес виана» на военном кладбище. Ты одета в темную кофту и длинную юбку. Теперь ты мне веришь? Бегите! Позже договорим!

Маша все поняла. Я услышал что-то вроде *Bomb in the minibus, get away everybody, please someone tell the driver, run, run* – и взглянул на экран.

Люди разбегались от автобуса в разные стороны и исчезали из кадра. Маша тоже бежала, я чувствовал ее дыхание в наушниках. Потом дыхание прервал взрыв.

Автобус в совершенно голливудской манере подлетел на метр и превратился в огромный огненный сгусток, из которого в разные стороны разлетелись бесформенные куски.

– Ты жива? – спросил я.

– Я жива, – немного заторможенно сказала Маша. – А ты как?

– Я решаю проблемы, – бодро ответил я. – В процессе.

– Серьезные проблемы?

– Как всегда у нас в последнее время, – сказал я и покосился на жирандоль. – У меня есть к тебе один вопрос. Почему ты сбежала от меня в Токио? Ты же не обиделась?

– Ну, я, может, и обиделась немного, но сбежала я, конечно, не от этого.

– А от чего?

– Это долгий разговор.

– Что там долгого? Тебя выследил Герман. Он тебе угрожал в письме, про которое ты сказала, что оно рекламное. Я все знаю.

– Да, он меня выследил. Из-за моего дурацкого фальшивого аккаунта в фейсбуке. Но про тебя Герман ничего не знал. Он везде писал «ты». «Если ты читаешь это письмо, то тебе конец». «Ты поплатишься». Я испугалась. Я подумала, что если мы останемся вместе или даже вместе сбежим, то тебя тоже убьют. И я решила сбежать одна. Ну, чтобы они продолжали следить только за мной. Тем более что ты собрался в монастырь. Ты бы ни за что не согласился, чтобы мы разделились. Поэтому пришлось разыграть ссору. Прости.

– А беременность... тоже выдумала? Чтобы оправдать свою истерику и побег?

– Не выдумала...

– О господи. И как она?

– Все в порядке. Ты вовремя позвонил.

Я почувствовал, что у меня на глаза наворачиваются слезы.

– Я поняла, что должна тебя спасти. И ушла. Потом, к счастью, меня нашел Антон и вытащил в Израиль.

– А почему ты сказала ему, что не будешь со мной говорить по телефону?

– Не хотела по телефону про все это. Про Германа, про письма. Антон сказал, что вы на днях спасете Мотю и тут же прилетите сюда.

Похоже, что мы тут все по кругу друг друга спасаем. Я посмотрел вниз и понял, что мне пора закругляться.

– Ладно, поговорим еще, бог даст. Главное, что я тебя люблю.

– Я тебя тоже. Будь осторожен. Береги себя.

Я еще раз покосился на жирандоль.

– Я буду. Все, мне пора.

– Целую!

– И я!

Прямая трансляция

Мне очень захотелось сказать Дине спасибо. На меня нахлынула какая-то невообразимая благодарность к ней, видимо, уже явный признак стокгольмского синдрома. Я решил пока остаться наверху со

своей жирандолью – тут я чувствовал себя в относительной безопасности.

– Спасибо, Дина! – сказал я почти нежно.

ФФ посмотрел на меня с нескрываемой ненавистью.

Он стоял за пультом и уверенно нажимал на кнопки управления трансляциями: израильские картинки уже исчезли. На первом экране появилась Москва. Камера была установлена где-то наверху главного здания МГУ: внизу чернела излуцина Москвы-реки, дальше шли Лужники, Новодевичий, за ним, вдалеке, Кремль.

Лучший вид на этот город, вспомнил я. При определенных обстоятельствах, разумеется.

На втором экране крупным планом министр обороны крутил диск старомодного телефона цвета слоновой кости.

Третий экран показывал общий план той же комнаты, где разбирался с телефоном министр обороны. Судя по отсутствию окон, это был подземный бункер с огромным столом для заседаний, и он постепенно заполнялся людьми, большинство из которых я не раз видел в политических теленовостях. Главные места за столом – очевидно, для президента и премьер-министра – пустовали. Немного вразвалку вошел министр иностранных дел. Не глядя ни на кого, он сел справа от председательского кресла и уставился на свои наручные часы.

На четвертом экране шли новости Первого канала, где показывали обычную пургу.

Я еще раз взглянул на трансляцию из бункера. Министр обороны по-прежнему держал у уха телефонную трубку и безнадежно крутил диск.

– Когда начнут вводить коды? – спокойным деловым голосом спросила Дина у ФФ. Тот пожал плечами.

– Коды должен вводить президент.

– А где он? – строго спросила Дина.

ФФ опять пожал плечами.

– Опаздывает.

– У них нет шансов выйти на альтернативные каналы связи?

– Никаких. Перекрыто все. В крайнем случае мы сами запустим «Периметр». У нас все готово. Но пока, – он очень неприязненно посмотрел на Мотю с Антоном, – пока там все не началось, мы должны завершить процедуру с отступниками и шпионами. Я

согласился с отменой ликвидации Ципоревой только исходя из соображений, что жизнь ей продлевается на полчаса-час, не больше.

У меня внутри все куда-то ухнуло. Как же я мог забыть о грозящей катастрофе? Почему я не предупредил Машу, что ей нужно искать укрытие с продуктами и водой? Вот идиот! С другой стороны, Маша ничего искать не будет. Где его искать? И что потом?

От этих мыслей меня отвлек разгорающийся скандал.

Скандал в штабе

Ссора в штабе, управляющем концом света, дает свету некоторые шансы на выживание. Начало, которое я услышал краем уха, было вполне рабочим. Дина была возмущена.

– Что значит «вы согласились с отменой ликвидации Ципоревой»? Мне не требуется ваше согласие. Выбирайте выражения, брат Федор.

Я был с Диной полностью согласен. Что за наглость? ФФ наклонился к ней и начал ей что-то очень тихо выговаривать.

– Я услышала вашу точку зрения, брат Федор, – сказала Дина ровным голосом вслух, не поддержав его шепот. – Вы были заблаговременно осведомлены о моих планах, и я не собираюсь их менять.

И тут совершенно неожиданно ФФ закричал. Почти завизжал. Он кричал, привлекая внимание. Криком, требующим восстановить попорченную справедливость. На курсе психиатрии нас учили, как отличить относительно безопасный, пусть и сильный, истерический припадок от других припадков, прежде всего эпилептических, гораздо более опасных. Так вот, у ФФ крик был определенно истерический. Рассчитанный на публику. Он кричал, что он категорически против того, чтобы непосвященные, то есть Антон и Мотя, остались в живых.

– А еще я хочу знать, сколько еще этот изменник, которого я по вашему приказу посвятил во вторую степень, будет нас использовать?!

Дина даже не успела ответить. Внимание на себя переключил урей, командир бритоголовых. Он коротко бросил: «Пришел!» – и указал жезлом на третий экран. В бункер быстрыми, нервными шагами вошли президент Путин с премьер-министром и заняли свои места во главе стола. Президент начал что-то говорить собравшимся, а премьер-министр уселся поудобнее, задрал голову и занялся изучением потолка.

Министр иностранных дел оторвался наконец от часов, а министр обороны в сердцах бросил трубку телефона. Все, кроме премьер-министра, внимательно вслушивались в речь Путина. Речь длилась не больше минуты, после чего Путин поставил на стол небольшой чемодан, открыл его, взял у министра обороны конверт, вынул из него лист с кодами и передал его министру обороны. Тот начал диктовать

коды, а Путин – довольно нервно набирать код прямо внутри чемоданчика.

Я не мог отвести взгляд от этой сцены. Дина строго спросила ФФ:

– А у нас есть камеры в Нью-Йорке? Так включите хоть одну!

– Рокфеллер-центр? – спросил ФФ голосом официанта, которому окончательно надоел клиент.

– Давайте, – согласилась Дина, игнорируя его тон.

Включился очередной экран, уже пятый. На нем появилась хорошо знакомая картина Нью-Йорка: много разных небоскребов, Эмпайр-стейт-билдинг и Гудзон. Мой любимый Крайслер-билдинг в кадр не попал. А рядом, на первом экране, продолжала жить спокойной жизнью Москва. По метромосту прошел поезд. По Третьему кольцу ползла пробка.

– Им всем конец! – торжественным низким голосом произнес ФФ. – Я сделал это!

– Включите все камеры, – приказала Дина ФФ, словно не услышав этой фразы.

Над факелами постепенно загорались новые и новые панели. На боковом экране появились часы с цифрами 00:00:00, на остальных включались трансляции веб-камер из разных городов мира.

Веб-камеры были расположены на самых высоких зданиях в каждом городе. Где-то был день, где-то ночь. Какие-то городские силуэты я безошибочно узнавал. Какие-то видел первый раз. Варшава: *Panorama Sky Bar*, отель *Marriott*. Париж: Эйфелева башня. Лондон: чертово колесо *London Eye*. Берлин: *Panorama Punkt*, башня *Kollhoff*. Тель-Авив: Азриэли. Венеция: кампания Сан-Джорджио Маджоре. Мы увидели открыточный вид на воду, на Сан-Марко и на Дворец дождей.

– Неужели вы собираетесь и Венецию бомбить? – воскликнул я в изумлении от готовящегося варварства. – Там же почти нет жителей!

Мне, естественно, никто не ответил.

– Филадельфия, ресторан P2L, Лос-Анджелес, Сан-Хосе... – азартно перечислял ФФ.

– Хватит, – не выдержала Дина. – Дальше везде ночь.

В Сиднее, Куала-Лумпуре, Шанхае, Пекине и Гонконге уже действительно была глубокая ночь. Я посмотрел на таймер. Теперь на нем горело 00:04:00.

– Опять четыре минуты? – не поверил я своим глазам.

– Таймер включится автоматически? – уточнила Дина у ФФ.

– Автоматически после введения кодов! – злобно возвестил ФФ. – Он подключен к сети РВСН. Через четыре минуты после включения таймера взлетит первая ракета.

– А где Белый дом? Он у нас есть? – спросила Дина.

– У нас есть Белый дом, – торжественно подтвердил ФФ, – но там пока ничего не происходит. Американцы еще не в курсе.

Он включил трансляцию из Белого дома. Камера была расположена где-то под потолком, судя по бликам света в кадре, прямо в люстре холла. Там и правда ничего не происходило. Несколько человек спокойно прошли через кадр.

Снова загорелся экран с Путиным. Дина молчала, и я вдруг подумал, что хотя бы один шанс из ста у нас есть. Дина тянет время.

– Дина, послушай меня, – сказал я. – Не так важно, в каком мире мы живем. Важно с кем. Кто нас окружает. Мы – нормальные. Разные. Милые, злые, глупые, обидчивые, великодушные, заносчивые, романтичные, умные, циничные. Когда как. Но мы – нормальные, понимаешь? Мы – соль земли. Уничтожив соль – ты останешься с бездушными циничными ублюдками. К тому же туповатыми. Сначала тебе с ними станет скучно, а потом, глядишь, и страшно. Переходи на нашу сторону, пока не поздно. И в том мире, и в этом с нами веселее. Энергия – по фигу. Деньги – по фигу. Главное – своя тусовка. Ваше Братство сегодня – это классика силы зла. Но Хатшепсут не этого хотела, создавая Братство. Давай вернемся к истокам. А вместе мы сможем изменить мир. И тот, и этот. И это будет прекрасный мир.

Я запнулся, понимая, что перебираю. Но мне помог Мотя.

– По крайней мере, этот мир будет лучше, чем сейчас.

Путин продолжал вводить коды, сбивался, начинал сначала.

Министр обороны снова крутил диск телефона, пока президент считывал коды с листа сам.

«Может, они тоже тянут время? Пытаются связаться с американцами?» – пришло мне в голову. Дина молча переводила взгляд с меня на Мотю, словно ждала продолжения. Но у меня кончились аргументы, и я оглянулся на Антона, призывая его на помощь.

– Менять мир, – сказал Антон, – значительно интересней, чем его уничтожать. Хотя, конечно, сложнее. Но ты, кажется, не боишься сложностей.

Революция и контрреволюция

Не успела Дина открыть рот, чтобы ответить нам, как в процесс переговоров неожиданно вмешался ФФ.

– Урей Владимир! – обратился он к одному из командиров пехоты громко, чтобы его услышали и все ахавты. – Урей Владимир, как вы видите, нынешний Джессер Джессеру может отменить главную операцию в истории Братства. Она собирается оставить в живых трех преступников, угрожающих самому существованию Братства; до этого она на ваших глазах отменила казнь шпионки. Напоминаю вам, что вы подчиняетесь лично мне. Во имя спасения Братства я приказываю вам арестовать Джессер Джессеру. Немедленно!

Урей Владимир, тот самый, с позолоченным поясом, оказавшийся рядом с Диной, среагировал мгновенно – вероятно, такой сценарий был согласован с ним.

Он подскочил к Дине сзади и перехватил ей горло своим жезлом. Дина захрипела, безуспешно пытаясь вырваться.

ФФ взбежал на кафедру и прочел короткую обвинительную речь:

– Джессер Джессеру, избранию которого я несколько лет назад противился, влюбилась в этого ренегата и предателя веры. – Он презрительно показал пальцем на меня. – Она заставила меня посвятить его во вторую степень, а затем принудила поручить ему одну из важнейших частей нашей операции. Когда этот изменник почти сразу после посвящения предал нас, Джессер Джессеру начала покрывать его и продолжает делать это до сей минуты. В сложившихся чрезвычайных условиях я обвиняю нынешнего Джессер Джессеру в предательстве, низлагаю его всем авторитетом нашего Братства и приговариваю к немедленной смерти. Задушите ее.

Дина начала хрипеть сильнее. Я замер в оцепенении, не веря глазам и ушам. И тут ко мне зигзагообразными прыжками, как кенгуру, понесся Мотя.

– Бросай мне железяку! – крикнул он.

Я бросил ему жирандоль, которую он легко поймал на лету и сразу же, не дав бритоголовым и рта открыть, со всей силы метнул в ФФ. Я не знаю, тренировался ли Мотя когда-то метать копье, но у него все вышло удачно. Жирандоль с силой воткнулась точно в грудь ФФ и

пробила ее насквозь. ФФ схватился за нее руками, сделал несколько шагов назад, шумно грохнулся на бок, открыл рот и захрипел. Из его груди струей полилась кровь. Из рта почти сразу тоже потек ручеек крови, который, становясь все шире и быстрее, на полу соединился со струей крови из груди. ФФ закрыл рот, закрыл глаза, затем дернулся несколько раз, как стрекоза на булавке, и затих.

– Эй, отпусти босса! – строго скомандовал Матвей урею Владимиру.

Затем он двумя руками не без усилия вытащил жирандоль из тела ФФ и, угрожающе сжимая ее, сделал шаг к урею.

– Отпускай, ты что, не понял? Бунт подавлен. Она тут главная!

Урей Владимир, который уже слегка ослабил хватку, кивнул и отпустил Дину совсем. Дина выскользнула и, покачиваясь и держась одной рукой за горло, пошла к кафедре.

Мотя, быстро переложив жирандоль в левую руку, подошел к урею Владимиру, спросил: «Как дела?» – и тут же, сразу, ударил его тупым концом жирандоли в челюсть. Урей грохнулся на пол в нокауте.

И тут Антон вскрикнул, необычно резко:

– Ребята, экран!

Я понял все еще раньше, чем нашел глазами картинку из Кремля. Президент наконец ввел коды. Секундомер, выставленный на втором экране, начал отсчет: 00:03:59.

– Дина! Это надо остановить, – завопил я, охваченный ужасом, и рванул вниз, к кафедре. Ахавты, стоящие полукругом, покорно посторонились.

– Поздно, – сказала Дина. – Слишком поздно. Этот секундомер не сможет остановить никто.

Конец пятьдесят пятой главы

Глава пятьдесят шестая

Начало конца

Я посмотрел на экран, где показывали Первый канал. Лицо диктора было перекошено гримасой. Его партнер, симпатичная блондинка, широко открыла рот, очевидно завизжав, схватилась за голову и, неуклюже расставляя ноги на шпильках, выбежала из кадра.

Экран с трансляцией из Белого дома оживился, и я перевел взгляд на него. Там вспыхнула страшная суматоха. Люди как будто взбесились и стали носиться в разные стороны. Недалеко от камеры застыл Трамп, вздымая руки к небу. Но простоял он не более пары секунд. Двое подбежавших охранников потащили его куда-то, вероятно в убежище. Белый дом пустел на глазах.

Первый экран показывал парящие над Москвой розовые предзакатные облака на фоне голубого неба и те же пробки на Третьем кольце. Сейчас они уже казались не унылыми, а, наоборот, родными и милыми. Я подумал, что готов многое отдать за возможность еще разок постоять в московской пробке. На соседнем экране над Нью-Йорком моросил утренний дождик, а машины стояли примерно в таких же заторах.

– У нас осталось три минуты сорок секунд, – очень спокойно сказал Антон. – Хорошо бы что-то придумать.

Мотя поднял голову на экран с часами.

– Это отсчитываются последние минуты человечества? – с некоторым недоумением отметил он. – А мы тут укрылись в его последнем приюте и ничего не можем сделать? стыдно, блядь!

– Что ты сказал? – не поверил я своим ушам. – Повтори еще раз!

Кажется, я сказал это таким голосом, что Мотя испугался.

– А что я сказал? – начал оправдываться Мотя. – Я сказал: «стыдно, блядь».

– Ты сказал не «стыдно»! Ты сказал «последний приют»!

– Ну и чего! Чего ты орешь как резаный?

– Дина, где шкатулка? Шкатулка последнего приюта? Где она?

– Не кричи мне в ухо, – прошипела Дина. – Шкатулка здесь. А что проку?

– Что за шкатулка, из-за которой вы тут ссоритесь за три минуты до конца света? – поинтересовался Мотя.

– Тащи ее сюда, срочно! – скомандовал я Дине, как будто она всю жизнь была у меня на побегушках. И коротко пояснил для Моти: – Египетский артефакт. Еще со времен Хатшепсут.

– Вот! – обрадовался Мотя. – У тебя такие магические девайсы припрятаны, а ты молчишь.

– Пожалуйста. – Дина отвернулась, нажала какую-то скрытую кнопку, и задняя панель отъехала, открыв сейфовую нишу. Дина взялась двумя руками за шкатулку, веса в которой, судя по всему, было предостаточно, и с заметным стуком водрузила ее на столик кафедры.

Верхняя часть этой модели саркофага размером с запеленутого младенца была выполнена в форме барельефа Хатшепсут. Пустые глазницы царицы смотрели вверх. На лбу были вычерчены тонкие морщины.

– По ней можно связаться с Путиным? – У Моти загорелись глаза.

– Нет. Это не средство связи.

– О черт, а на хрен она тогда нужна?

Ему никто не ответил. Я бросил взгляд на экран с правительственным бункером. Треть собравшихся во главе с президентом уткнулась в свои «брегеты» и «вашерон-константины». Треть молилась в разных позах. Остальные разбежались по углам, а один министр залез под стол. Все они время от времени поглядывали на трансляцию Первого канала, хотя камера показывала только опустевшую студию.

– Все, кончилась пропаганда, – как-то недобро заметил Мотя.

– Три минуты, – просто сказал Антон.

– На хрена нам этот детский гробик? – поинтересовался Мотя.

Он определенно не верил в Шкатулку последнего приюта и разочарованно отошел в сторону. Таймер показывал 00:02:33.

– Как она открывается? – спросил Антон, с трудом поворачивая шкатулку к себе то одной, то другой стороной.

– Никак, – ответила Дина. – Она цельная. Мы ее просвечивали на рентгене и даже делали КТ. Внутри нет полости.

– Тогда зачем вы назвали ее шкатулкой?

- Древняя традиция. Мы их чтим.
- А документация к ней есть? – буднично спросил Антон, как если бы жена попросила его помочь освоить навороченный кухонный комбайн.
- Есть один папирус, но в нем сплошные аллегории. Все туманно.
- Давай папирус!

Папирус

Дина залезла в ту же сейфовую нишу, где хранилась шкатулка, и вытащила маленький прозрачный бокс музейного типа с вмонтированными гигрометром и термометром. Мотя вернулся к нам, и мы втроем склонились над боксом. На дне был аккуратно разложен папирус, действительно очень старый и ветхий.

– Да это же иероглифы, – воскликнул Мотя.

– Дина читает по-древнеегипетски, – напомнил я.

Дина приподняла шкатулку обеими руками и, чуть прищурившись, начала читать нараспев:

Ичи педжес шепсес, иу та меру уэрет. Мекет-ек пу пех-уи.

– Дина, осталась минута с небольшим! – крикнул я. – Время идет, переводы уже.

Дина недовольно посмотрела на меня, но послушалась. Она произносила текст так же нараспев, но уже с меньшим количеством просодии:

Возьми Шкатулку, если Земля оказалась в страшном бедствии. Она твое последнее прибежище. Возьми скорее, пока беда не заполонила Землю, ибо Шкатулка не всесильна.

– Сейчас самое время, – авторитетно сказал Мотя.

– Возьми ее в руки и заставь ее работать. Тогда весь мир замрет, а Шкатулка исправит его. Она сделает Урр-Уаб и исчезнет. Вернуть исправленное будет невозможно. Урр-Уаб (*wrr wab*) означает что-то типа Великого Очищения. Или что-то по-доб...

Тут в помещении раздался пронзительный сигнал таймера. Такое телефонное «биип», но запущенное через усилитель.

– Пиздец. Ракеты полетели, – сказал Мотя. – Теперь неважно, что значит Урр-Уаб.

Мы все посмотрели на таймер. Шесть нулей. Я представил себе взлеты ракет. Как взлетает ракета с земли – ясно. Как из-под земли, то есть из шахты, – тоже ясно, хотя не очень. Как ракета взлетает из подводной лодки, я себе до конца представить не мог. Наверное, лодка должна всплыть?

– Мы не успели, – мрачно констатировал Антон.

– У нас не было шансов, – попытался утешить его Мотя.

– Ни фига подобного! Смотрите! – И я показал на таймер.

Никаких шести нулей не было: таймер переключился и показывал 00:14:57.

– Это приблизительное расчетное время до прилета первой ракеты, – ровным голосом пояснила Дина.

– Уфф... У нас еще уйма времени, – бодрился Мотя. – А твоя шкатулка может остановить ракеты?

– Да, – поддержал Антон вопрос. – Остановить или деактивировать боеголовки? Или направить ракеты в океан? Или и то, и другое, и третье?

– Все возможно, – сказала Дина. – Но я сто раз говорила: как работает Шкатулка и Урр-Уаб, мы не знаем. Мы не знаем даже, как включить ее.

Уймы времени у нас, конечно, не было. Таймер как будто тикал у меня в висках.

– Давайте не отвлекаться, – попросил я. – Мы остановились на Урр-Уабе. Большой чистке.

– Великом Очищении, – поправила меня Дина.

– В документе, который прислали нам инквизиторы, говорилось, что Шкатулка якобы может изменить прошлое, – вспомнил я. – Но это, конечно, в рамках средневековых легенд.

– Все равно читай дальше, – попросил Антон.

Вокруг нее засияет область изменяющегося цвета, и в этой области сохранится время, а вдали от нее время застынет. Не покидай сияние. Сознание твое исказится, но это не навсегда. Не дай

видениям увлечь себя. Позволь сну овладеть тобой. Когда ты восстанешь ото сна, мир будет исправлен и время возвратится.

– Ты считаешь, что это аллегория? – поинтересовался Антон у Дины.

– Конечно.

– А мне кажется, – задумчиво сказал Антон, – что это очень конкретная инструкция. На первый взгляд в тексте папируса нет ничего лишнего. Он очень напоминает руководство. Пусть и неполное.

Устный комментарий

– К папирусу есть устный комментарий, – сказала Дина. – Но он не особенно помогает.

– Говори, – взмолился я. – Должен помочь – у нас нет выбора.

– В мире существовал еще один аналог Шкатулки последнего приюта, – вздохнула Дина. – Ковчег Завета. Но он, как известно, бесследно пропал во время захвата Иерусалима вавилонянами. Бецалель сделал его, зная, как устроена шкатулка. Ковчег также умел останавливать время. И когда Ковчег действовал, то у людей вокруг него тоже появлялись какие-то проблемы с сознанием: видения, галлюцинации. А в папирусе сказано: «Не дай видениям увлечь себя».

– Слушай, – Мотя проявил обычный скепсис, – но это же легенды из серии, что Моисей был египетским магом.

– Вот Моисей и научил Бецалеля, как изготовить Ковчег. Возможно, и Аарон, брат Моисея, первый первосвященник, в этом тоже поучаствовал.

Мотя покачал головой.

– Дина, ну прекрати! Ты правда в это веришь?

– Я верю, что это предание передается в Братстве из поколения в поколение. А правдиво оно или нет – я не знаю. Предание говорит, что у Ковчега было больше функций, чем у шкатулки, Библия подтверждает это. Но главное, что мы знаем: Ковчег не исчезал после однократного использования, он был в ходу сотни лет. Что логично: ведь он и сделан на триста лет позже.

– Конечно, – фыркнул Мотя, – одно дело – избранный народ, а другое – хаты, непонятно откуда взявшиеся.

Иероглиф xni

Я понимал, что даже злиться на Мотины шутки не было времени.

– Дина, как там было? «Весь мир замрет»?

– Да, это иероглиф *xni*. Значит «остановиться, замереть, сойти с пути».

– Но эта шкатулка не просто останавливает время. Она еще что-то изменяет, – уточнил Антон, – верно?

– Верно. Пока шкатулка работает, в мире происходит некая коррекция. Исправление. Что-то перещелкивается. Вступают в силу какие-то тонкие настройки. К сожалению, это все, что мы знаем.

Я оживился. Изменение настроек было мне хорошо знакомо.

– Об этом говорилось в готической новелле. Как в компьютерной игре, которую ты ставишь на паузу и меняешь в ней какие-то параметры, а потом заново ее запускаешь? В игре на паузе время так же останавливается.

– Примерно так. Хороший аналог, – одобрила Дина.

– Какой механизм? – спросил Антон голосом заинтересованного ученого. – Ведь человек, который ставит игру на паузу, сам находится вне игры. И у него время идет.

Мотя перестал шутить и озабоченно смотрел на таймер, как игрок проигрывающей команды смотрит на табло за пару минут до конца игры.

Дина на секунду задумалась.

– Антон прав. Для того чтобы поставить компьютерную игру на паузу, надо находиться вне игры. Чтобы остановить время, надо быть вне этого времени. Значит, здесь участвуют дополнительные измерения. А раз они, эти измерения, взаимодействуют между собой, следовательно, механизм может быть только один...

– Гравитационный, – закончил Антон предложение за Дину. – Но какую гравитацию может создать эта шкатулка? С ее массой?

– Это вопрос, – сказала Дина. – Именно это мне и непонятно.

– Мне понятно, – сказал я, хотя в физике я разбирался не больше, чем древнеегипетском языке, – гравитация создается в другом месте. Ну, в другом измерении, соответственно. А сюда транспортируется результат. То есть в нашу Вселенную передается продукт, который гравитация создает где-то там, вовне.

– В одном из комментариев в Талмуде, – задумчиво сказала Дина, – сказано: «Место Ковчега не имеет измерений». Иными словами, Ковчег не занимал физического места в святая святых.

Похоже, Иосиф опять прав. Сюда передается не сама гравитация, а ее продукт.

– Вы не слишком увлеклись теорией? – почти жалобно спросил Мотя. – Осталось семь минут.

Но Дина и Антон, не обращая внимания на его слова, посмотрели на меня с интересом, что было бы очень лестно, если бы не...

Конец пятьдесят шестой главы

Глава пятьдесят седьмая

Отступница

Боковым зрением я увидел, как урей Владимир, который незаметно очнулся от нокаута и стоял в стороне, рядом с ахавтами, вдруг огромными прыжками гориллы подскочил к Дине. «Сзади!» – на полсекунды позже, чем нужно, истошно крикнул Мотя, в то время как урей со всей силы нанес Дине удар в затылок своим жезлом-дубиной, тяжело выдохнув: «Умри, отступница!»

Дина охнула и стала опускаться на колени. Антон рванулся к ней и оказался ближе всех к урею. Тот крикнул ахавтам: «Ко мне!» – и занес жезл над Антоном.

Мотя бросился к Антону наперевес с жирандолью, которую не выпускал из рук все это время, и урей Владимир был вынужден переключиться на Мотю. Лишь на секунду урей обернулся посмотреть, далеко ли подмога, и напрасно.

Мотя великолепным древнегреческим движением вонзил ему жирандоль в шею наискосок, пробив ее насквозь, и тут же выдернул оружие, встав с ним на изготовку, как со штыковой винтовкой. Я мельком посмотрел на падающего урея, из горла которого в две стороны хлестала кровь, и перевел взгляд на Дину.

Она кренилась набок, теряя сознание. Антон наклонился и подхватил ее. Я понял, что против двенадцати ублюдков мы с одной жирандолью на троих не справимся. Но что-то делать было надо.

– Стойте! – заорал я ахавтам. – У меня вторая степень посвящения! Есть у кого степень выше моей? Или хотя бы такая же? Остановитесь! – И я повелительно поднял руку.

Пехотинцы остановились как вкопанные и посмотрели друг на друга. Хатов со второй степенью посвящения среди них, разумеется, не было.

– Вы помните, что говорил брат Федор? У меня вторая степень посвящения в Братство. Два-два-два-четыре-шесть-двенадцать-пятнадцать, – произнес я в качестве пароля.

Сгенерированный интуитивно пароль подействовал. Ахавты оказались на удивление дисциплинированными и понятливыми. Они еще раз переглянулись, как бы подтверждая друг другу, что да, покойный брат Федор указывал на мою посвященность. Трудно было забыть, как ФФ орал благим матом про мою степень. А других начальников у них в живых не осталось.

– Но он назвал тебя ренегатом, – наконец сказал один хат небольшого роста, тощий, с огромными ушами, торчащими из бритой головы в разные стороны.

– Он ошибся. И это ему дорого стоило. Однако он не говорил, что меня лишили второй степени!

– Не говорил, – подтвердил ушастый.

– Значит, пока я здесь главный. Так. – У меня прорезался хороший офицерский голос. – Слушай мою команду! Ты и ты! – Я ткнул пальцем. – Подойдите и помогите им, – я указал на Мотю и Антона, – положить сестру Дину на стол. Остальным вернуться на свои позиции и охранять нас. Исполняйте!

Двое машинально кивнули, по-хатски приподняв плечи, и бросились помогать, а остальные развернулись и потопали обратно, вверх.

Матвей с Антоном и два хата осторожно подняли Дину и понесли к огромному длинному столу возле кафедры. Я подошел смотреть на рану.

– Ее нельзя класть на спину, – сказал я. – Разбит затылок. Кладите на бок. Положите что-нибудь под голову.

– Что положить? – спросил ушастый. – У нас в дежурной части подушка есть.

– Пока положите ее руку, – сказал я, ужасаясь тому, что видел.

Затылок у Дины был пробит, причем пробит глубоко и широко, рана была не меньше пяти-шести сантиметров в диаметре. Из зияющего отверстия довольно обильно вытекала темная венозная кровь. Где-то в глубине раны темнели кожа и волосы.

– Ничего не вижу, – вдруг сказала Дина. – Ничего не вижу. Была вспышка, а теперь ничего не вижу. Ноги холодеют и руки. Что случилось? Мне очень холодно. Я умираю?

Я обошел Дину и встал так, чтобы она меня видела.

– Ты не умрешь, – сказал я, вероятно, не самым уверенным голосом, взяв ее за руку и ища пульс.

Под головой Дины быстро растекалась лужа черной крови. Дина грустно улыбнулась.

– Я не умру, потому что смерти нет. Все можно исправить. Попробуйте включить шкатулку. Мне холодно.

И она устало закрыла глаза.

– Она не дышит, – сказал Антон.

– Пульса нет, – сказал я.

– О господи, – сказал Мотя и опустил руки.

До конца

Я попытался сосредоточиться, но меня отвлек ушастый хат.

– Что нам делать? – спросил он.

– Идите к своим, – просто сказал я. – Ступайте все вместе в дежурку. Вы нам пока не нужны.

Хат поклонился стандартным хатским кивком, и они с напарником ушли. Я взглянул на таймер: опять четыре минуты. Я вздохнул и обратился к Антону:

– Как ты думаешь, если мы запустим этот Урр-Уаб, он сможет отменить смерть Дины?

– Хм, – убитым голосом сказал Антон, – я не знаю. Это какие-то игры с мультивселенной. Вселенная, которая появится после остановки, может оказаться немного другой. Или слегка сдвинутой во времени. Я правда не знаю! Сейчас главное – активировать шкатулку. Я не могу сказать, спасем ли мы мир. Но по крайней мере исполним последнюю волю Дины.

– Но как она в принципе может включаться? Сознанием?

– Мне кажется, это чересчур, – произнес с сомнением Антон. – Сознание очень привязано к языку. На месте Хапусенеба я бы так делать не стал. Я бы разработал надежное механическое включение.

– Хорошо. Согласен. Тогда, может, ее активирует какой-то ключ – который можно вставить? – предположил я. – И этот же ключ защищает шкатулку от непосвященных?

– Куда тут что вставлять? – спросил печально Мотя. – У нас две с небольшим минуты. Надо бы ускориться.

– Ну вот, например, у Хатшепсут пустые глазницы. Других подходящих мест я не вижу.

– Сейчас, сейчас, – как будто про себя, скороговоркой пробормотал Антон. – Так, если эта штука работает, то через дополнительные измерения. А из чего она изготовлена? Из дерева? Ей же делали спектральный анализ?

– Даже если и делали, – хмыкнул Мотя. – У кого ты хочешь узнать его результаты?

Он покосился на тело Дины. Она как будто дремала на боку, закрыв глаза, согнув ноги и положив руку под голову. Только рука лежала в луже крови. Мы промолчали.

– Что за странная штука жизнь? – продолжил Мотя. – Человек полчаса назад собирался захватить мир, а сейчас лежит мертвый с пробитой головой на собственном рабочем столе. Жалко Дину.

Антон не обратил никакого внимания на слова Моти.

– Я знаю Дину, – продолжал рассуждать он вслух. – Шкатулке наверняка делали радиоизотопный анализ, как минимум для определения ее возраста.

– Стойте, – сказал я, – стойте! Изотопы! ^{14}C . Ну-ка, ну-ка... Да! Да! – закричал я во весь голос и тут же осекся, ощутив, как кощунственно это звучит в окружении трех трупов. – Я все понял!

Я склонился над шкатулкой, сам не веря своим глазам.

– Что ты понял? – Мое возбуждение передалось Моте и Антону. – У нас минута!

– Смотрите: на лбу у нее, как морщины, – тоненькие зарубки. Ими указано наше число – 2224612, видите? И пирамидка между бровями. Шкатулка активируется алмазом! Вот она, великая тайна, для чего была нужна. Кем-Атеф – последний, кто знал про нее. Это привет всем нам от Хатшепсут: непостижимое число! Вперед! Быстрее! Сорок секунд!

Мы втроем склонились над шкатулкой.

– А куда их засовывать, твои алмазы? У чертовой фараонши нет дырок, – почти прокричал Мотя.

Я еще раз быстро осмотрел шкатулку.

– Глазницы у нее – пустые. Надо класть алмазы в ямки глазниц.

– Тридцать секунд, – ответил зло Мотя, посмотрев на экран. – Засовывай их куда хочешь. – И он выплюнул свой кулон.

– Круто, что у нас до фига алмазов, – спокойно заметил я. – Надеюсь, – я строго посмотрел на Антона, – ты свой не съел? У меня,

правда, еще есть один в запасе. Но он большой и может не влезть. Десять секунд!

Антон оторопело посмотрел на меня, выплюнул бриллиант, быстро протер полый хитона и отдал мне.

– Четыре секунды! – решительно сказал Мотя.

Уверенным движением шахматиста, ставящего победный мат, я по очереди вставил наши камни в глазницы Хатшепсут. И не успел второй бриллиант коснуться стенки глазницы, как началось чудо. Бриллианты озарились теплым светом, как будто в них зажглись светодиоды.

– Ура, – почти спокойно сказал Антон. – Успели!

– Оно работает! – в изумлении ахнул Мотя. – Оно светится!

– Не оно, а она, – твердо заметил я. – Шкатулка женского рода.

Урр-Уаб

Шкатулка Последнего Приюта озарилась волнами неземного света. Волны переливались разными оттенками: розовыми, голубыми, изумрудными и сотнями других, названий которых нет ни в одном языке.

Волны света исходили из шкатулки и, проносясь вальсирующими импульсами, освещали все вокруг. Быстрые и сильные, они мгновенно залили окружающие стены.

Взглянув на экраны, я увидел, что цветные волны уже докатились до тех мест, откуда велись трансляции. В русском правительственном бункере они бушевали по стенам и людям, чиновники испуганно озирались, некоторые махали руками. При этом движения людей с каждым мгновением становились все медленнее и медленнее, пока не замерли окончательно.

«Спящие красавцы», – подумал я, посмотрев на жирного министра, застывшего в момент зевания.

На другом экране московское Третье кольцо стояло в мертвой пробке, которую нельзя было замедлить еще больше. Не двигались и облака. Зато по ним переливалась грандиозная радуга.

То же происходило и с Нью-Йорком и всеми остальными городами мира – по ним катились волны великолепного света. Стены опустевшего Белого дома переливались всеми мыслимыми и немыслимыми цветами спектра. Все вокруг быстро растворялось и становилось прозрачным. Свет метался по нам, по стенам, по всему на свете, и я заметил, что и ребята, и я – все мы покрываемся этими розово-голубо-бирюзово-изумрудными волнами.

– Какой красивый конец света нам предлагают! – не выдержал Мотя.

– Это не конец света. Это его спасение, – отозвался Антон. – Урр-Уаб.

И вдруг произнес:

– Я бы все отдал, чтобы Дина вернулась.

Мы вздрогнули, но Антон тут же сменил голос на обычный.

– Обратите внимание, они все замерли, а мы нет. Шкатулка исчезла. Все как и было предсказано в папирусе.

И не успел Антон произнести эти слова, как я почувствовал себя необычно. Не то чтобы плохо. Но странно. Все приобрело какой-то зыбкий и неустойчивый характер – стены, пол и амфитеатр начали как будто шевелиться. У меня пропала координация движений и изменился вкус слюны: во рту стало слаще.

Мне все это не нравилось, а Моте – наоборот.

– Типа ЛСД, но круче. И колбасит сильнее. И голова кружится.

– Тебя, Мотя, не пронять, – сказал Антон. – Голова действительно кружится. И все кружится. И цвета немного кислотные. Хотя красивые до безобразия. Мне не по себе, если честно.

– Я пока держусь, – сказал Мотя. – Но я согласен: пробирает не по-детски.

Свет заполнял все на свете, и снаружи нас, и изнутри. И в этом свете где-то далеко я увидел Машу. Мне показалось, что она улыбается и машет мне рукой.

– Где ты, Маша? – закричал я. – Я сейчас к тебе приду. Где ты, я не понимаю?!

– Подожди, – подошел ко мне Антон. – Не кричи! Ты шатаешься. Помнишь, что сказано в папирусе? Не надо поддаваться видениям.

– А что делать? – растерянно спросил я. – Она машет мне рукой. Я хочу идти к ней.

– Нам не стоит ходить. Лучше лечь и поспать. Когда проснемся, уже все кончится. И мы вернемся в исправленный мир.

Я поднялся на две ступеньки амфитеатра и лег. И тут же почувствовал, что я проваливаюсь, исчезаю, но не в темноту, как проваливаешься, когда засыпаешь. Я погружался в свет неземной красоты и силы.

– Тебе легче? – наклонился надо мной Мотя.

– Кажется, да, – обрадовался я знакомому голосу. – А ты что?

– Я – норм. Но плющит немного. Надо тоже полежать.

– Ну так ложись. Чего ходить? У меня вообще все кругом идет от этого цвета и света.

– Не волнуйся. Проснешься, и все уже будет в порядке, – сказал Мотя почти нежно.

– Это как в детстве. Когда мама говорит: проснешься, и все пройдет.

– Это как в детстве.

**Конец пятьдесят седьмой главы и романа
«Одиночество-12»**

18+

Арсен Ревазов

ОДИНОЧЕСТВО-12

КНИГА I БРАТСТВО

КНИГА II БРИЛЛИАНТ

CoRpus

“Одиночество-12”, безусловно,
следует считать колоссальным успехом.

ГАЛИНА ЮЗЕФОВИЧ

Примечания

1

Это благословение (англ.).

[Вернуться](#)

2

Иван-дурак заблудился в лесу, наступила ночь. Он находит избушку на курьих ножках. Там Баба-яга говорит: «Попался ты, добрый молодец! Или спишь со мной, или с моей дочерью». Иван думает: «Ну, бабка страшна, но ведь ей же много не надо. Трахну, да и все. А молодая истерзает до полусмерти». «Давай, – говорит, – бабка, сплю с тобой!» Утром просыпается после ночных кошмаров – смотрит, Василиса Прекрасная идет по двору, подходит к нему и говорит: «Я – Василиса Прекрасная, дочь Бабы-яги, а ты кто?» – «А я – МУДАК!»

[Вернуться](#)

3

По деревне шел Иван.

Был мороз трескучий.

У Ивана хуй стоял.

Так, на всякий случай.

[Вернуться](#)

4

Народ собрали в клубе на колхозное собрание, но оно не начинается, потому что нет председателя. Нет двадцать минут, тридцать, сорок... Народ начинает гудеть. На сорок пятой минуте в клуб резко входит председатель, поднимается на сцену и снимает с головы шапку, сминает ее в руке и бросает об пол: «Ну все, бя, одной проблемой меньше!» Ему из зала: «Что, Петрович, корма завезли?» Он (чуть помедлив): «Не... Хуй стоять перестал».

[Вернуться](#)

5

Жили-были кошечка с собачкой. Жили они душа в душу. Был у них садик-огородик, огурчики-помидорчики, а вот детей у них не было. Тогда они пошли к ветеринару. Ветеринар их смотрел-смотрел, а потом говорит: «Слушайте, чего вы мне голову морочите?! У вас же не может быть детей!» – «Почему?» – «Потому что вы обе – девочки!»

[Вернуться](#)

6

Проиграешь.

[Вернуться](#)

7

Без жульничества.

[Вернуться](#)

8

Принес денег со свидания незаметно от вертухаев.

[Вернуться](#)

9

Поиграй.

[Вернуться](#)

10

Игра в карты, в процессе которой разыгрывается жизнь другого человека. Проигравший должен его убить.

[Вернуться](#)

11

Мужик в тюрьме видит, что крыса стащила кусок хлеба, бросает в нее сапог и убивает. Ему говорят: «Ты убил товарища. Или ищи отмазку, или опетушим». Он думает, думает, думает... Потом говорит: «А че ей, в падлу было с нами похавать?»

[Вернуться](#)

12

Человек, хорошо знающий воровские законы и обычаи.

[Вернуться](#)

13

Умышленный проигрыш в карты с целью разжигания азарта у жертвы.

[Вернуться](#)

14

Алмаз, бриллиант.

[Вернуться](#)

15

Сел играть.

[Вернуться](#)

16

Дал себя уговорить.

[Вернуться](#)

17

Как будешь расплачиваться.

[Вернуться](#)

18

Игра на исполнение желания. В тюрьме обычно означает игру на жизнь или на изнасилование.

[Вернуться](#)

19

Отыгаться.

[Вернуться](#)

20

Фальшивые деньги.

[Вернуться](#)

21

Требовать у ментов перевода в другую камеру.

[Вернуться](#)

22

Заключенный, который выполняет вынесенный сходяком смертный приговор в отношении другого заключенного. Нередко торпеда посылается с этой миссией из одного лагеря в другой.

[Вернуться](#)

23

Командир эскадрильи.

[Вернуться](#)

24

Заместитель по технической части.

[Вернуться](#)

25

Скрываешься от ментов.

[Вернуться](#)

26

Из тюрьмы.

[Вернуться](#)

27

Документы.
[Вернуться](#)

28

Фальшивый паспорт подойдет?
[Вернуться](#)

29

Ты не наглей. Отвези меня на квартиру. Не на улице же мне ночевать.

[Вернуться](#)

30

Грязный, неопрятный человек.
[Вернуться](#)

31

За такие ошибки можно подвергнуться серьезному унижению. Закрой рот, пока тебе не разбили голову.

[Вернуться](#)

32

Не запугиваю.
[Вернуться](#)

33

Педофил.
[Вернуться](#)

34

Не договорились.
[Вернуться](#)

35

Мне неохота обыскивать твой труп весь в крови, пачкать руки.
[Вернуться](#)

36

Футбол (*итал.*).
[Вернуться](#)

37

Я вас выебу в рот и отхуючу,

Пидор Фурий и хуесос Аврелий.

Вы, козлы, за стихи мои посмели

Обвинить меня в том, что я развратен.

Чистым, сволочи, надо быть поэту... (*лат.*)

[Вернуться](#)

38

Обряд земли (*лат.*).

[Вернуться](#)

39

Пациент. Здравствуйте, доктор. У меня проблемы.

Доктор (*пишет что-то в истории болезни*). Присаживайтесь, голубчик. Рассказывайте.

Пациент. У меня погасший взгляд и дергается плечо.

Доктор (*продолжая писать*). Валерьянка и две таблетки пофигина на ночь – и как рукой, как рукой.

Пациент. Ночами мне снится, что я строю подземные пирамиды в Тоскане. Меня страшно беспокоит сохранность фресок и поведение связующего раствора в контакте с грунтовыми водами.

Доктор (*поднимает глаза*). Что вы говорите! А чем армируете фундамент? Очень рекомендую скрученные по четыре каленые прутья, веками, знаете ли, проверенная технология.

Пациент. Доктор, что-то идет не так. На определителе телефоны людей, которые мне не звонили, все слова на вывесках и афишах, за которые цепляется взгляд, – однокоренные. Мой хомяк четвертый день не разговаривает со мной. Он сидит неподвижно в углу клетки и смотрит на меня взглядом Балрога, целящегося в Гэндальфа кончиком бича.

Доктор. Какой, однако, начитанный зверек! Вы не пробовали давать ему русскую классику?

Пациент. И еще. Доктор, мне кажется, что я чувствую и понимаю женщин.

Доктор (*роняя очки на стол, вполголоса*). Оп-п-паньки.

[Вернуться](#)

40

Да, пришла девушка с жемчужными волосами.

Приснилось это мне, а может, и правда.

Так стали земля и небо

Зелеными, голубыми, как встарь (*венг.*).

[Вернуться](#)

41

Сядь (*ивр.*).

[Вернуться](#)

42

Система «Периметр» реагирует на разрыв специальной правительственной связи.

[Вернуться](#)